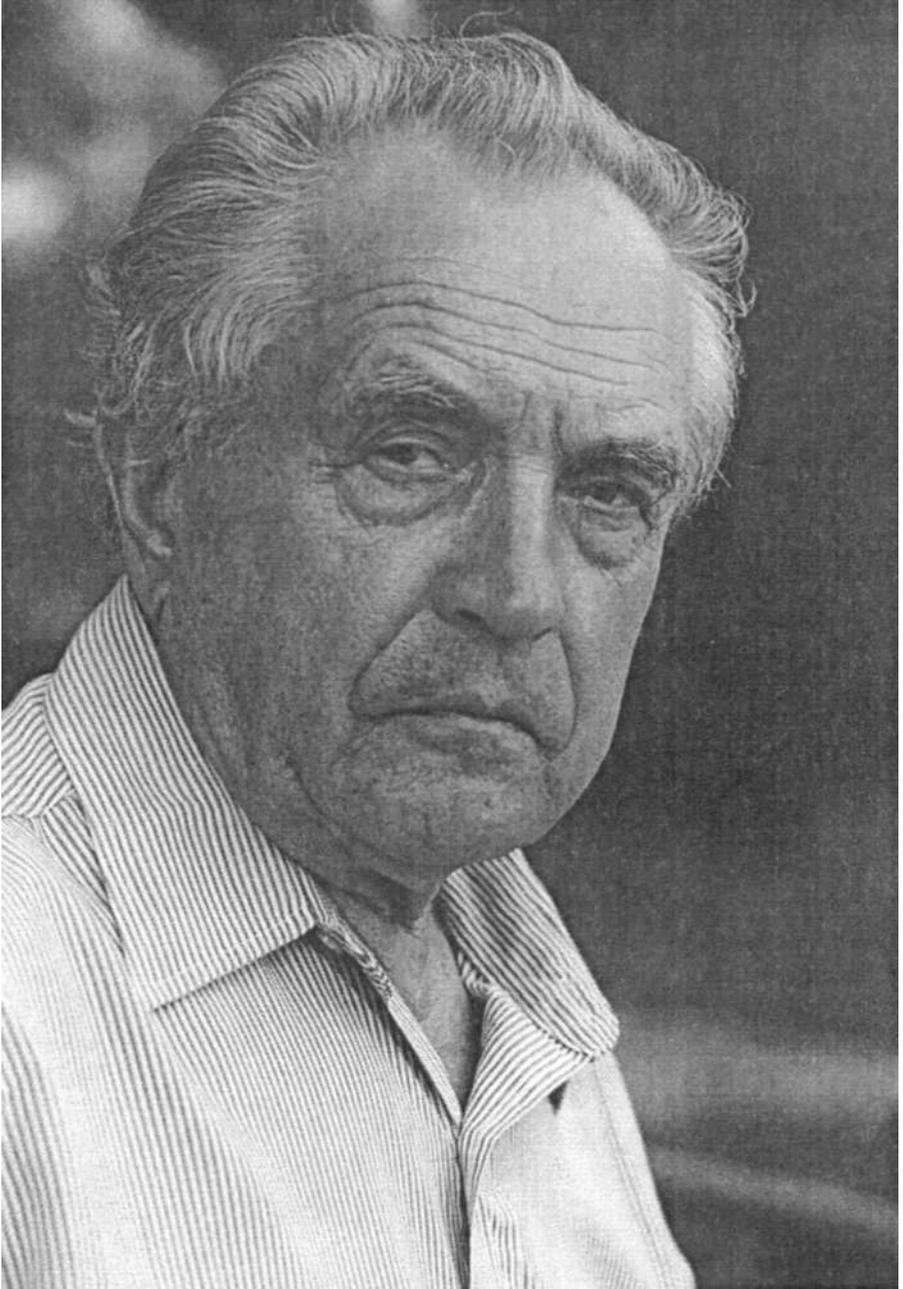

ФЕНОМЕН

80

ЗИНОВЬЕВА

МОСКВА 2002

А. А. ЗИНОВЬЕВ

ФЕНОМЕН

80

ЗИНОВЬЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕТРАДИ»
МОСКВА 2002

ФЕНОМЕН ЗИНОВЬЕВА. Составители: А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор.
— М.: Изд-во «Современные тетради», 2002. — 400 с.

Этот сборник подготовлен к восьмидесятилетию со дня рождения А. А. Зиновьева — выдающегося философа, логика, социолога, писателя, публициста и художника. Книга является подарком философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова к юбилею своего ведущего профессора.

Книга дает представление о различных сторонах многогранного творчества А. А. Зиновьева.

ISBN 5-88289-200-7

© Философский факультет МГУ, 2002

© О. М. Зиновьева, 2002

© Издательство «Современные тетради», 2002

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЗИНОВЬЕВУ — 80 ЛЕТ

Исполняется 80 лет Александру Александровичу Зиновьеву — выдающемуся философу, логика, социологу, писателю. Его научный и жизненный пути неразрывно связаны с Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова. Придя после фронта на философский факультет и окончив его с отличием, он в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию по логике «Капитала» К. Маркса, которая в свое время стала событием общественной мысли страны, во многом предопределив пути ее дальнейшего развития. С 1956 года он — на кафедре логики (в 1967—1970 гг. — в качестве заведующего), где им были прочитаны курсы лекций и проведены исследования по неклассической (включая многозначную) логике, которые принесли ему мировую известность; его работы этого периода сразу же переводились на английский, немецкий и другие языки.

Помимо университетско-академической деятельности философа и логика он разрабатывал собственную социологическую теорию (названную впоследствии логической социологией) для научного анализа советского общества. За публикацию на Западе своих социологических результатов, вступивших в резкое противоречие с официальной советской идеологией, А. А. Зиновьев был уволен с работы, лишен ученых степеней и званий, а также советского гражданства и более 20 лет вынужденно жил в эмиграции на Западе (в городе Мюнхене). Все эти годы он не прекращал своей научной работы в области логики и социологии, публикуя свои результаты не только в форме научных эссе, но и в форме литературных произведений, создав особый жанр социологического романа. Мировыми бестселлерами стали такие его труды, как «Зияющие высоты», «Светлое будущее», «Коммунизм как реальность», «Гомо советикус», «Западнизм», «Катастрофка», «Глобальный человек» и другие. Его научные и литературные заслуги многократно отмечались почетными наградами, званиями.

Третья волна эмиграции, в которой А. А. Зиновьев оказался помимо собственной воли, охватила сотни тысяч человек. Но после падения советского строя и исчезновения причин, породивших эмиграцию, вернулись назад только единицы, буквально несколько человек. Одним из них был А. А. Зиновьев. Все годы жизни в эмиграции он оставался русским патриотом, преданным русской науке и культуре, никогда не отделял свою личную судьбу от судьбы России. В 1999 году он вместе с семьей окончательно вернулся в Россию и буквально через несколько дней приступил к работе в качестве профессора Московского университета.

Со вторым обретением Родины он обрел и вторую известность. За эти годы он опубликовал капитальные монографии «На пути к сверхобществу», «Комплексная логика», «Логическая социология», а также десятки публицистических работ. Одновременно он активно участвует в общественно-политической и культурной жизни страны.

Дорогой Александр Александрович!

Желаем Вам здоровья и творческого долголетия на благо Родины и Московского университета. Мы уверены: подготовленная факультетом к Вашему юбилею и представленная нами читателю книга — только начало глубокого изучения Вашего разностороннего творчества.

Ректор Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, академик

В. А. Садовничий

ФЕНОМЕН ЗИНОВЬЕВА

Этот сборник подготовлен к восьмидесятилетию со дня рождения Александра Александровича Зиновьева его близкими друзьями Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым, Карлом Моисеевичем Кантором и супругой Ольгой Мироновной Зиновьевой. Сборник составлен из тех материалов, которые буквально имелись под рукой, в наличии. Он имеет целью дать более или менее суммарное и объективное представление о личности и многосторонней творческой деятельности Зиновьева. Он проявил себя как философ, логик, социолог, писатель, публицист и художник, причем — настолько сильно, что требуются серьезные фундаментальные исследования, чтобы по достоинству оценить его вклад в науку, культуру и общественную жизнь. Сделать это очень трудно, поскольку личная судьба Зиновьева сложилась драматично, его творческая и общественная деятельность резко выпадает за пределы признанных норм, стандартов и оценочных критериев. Он был и остается «суверенным государством из одного человека» (как он определил свою жизненную линию еще в юношеские годы) во всем, за что ему пришлось браться в жизни. В этом сборнике предпринимается лишь первая в России и на русском языке попытка описания и оценки этого уникального явления в русской и мировой интеллектуальной и творческой истории.

При подготовке сборника составители столкнулись с целым рядом трудностей, на преодоление которых нужны многолетние усилия множества специалистов. В частности, Зиновьев принципиально не сохранял и не мог сохранять по условиям жизни всякие архивные материалы. Он не хранил даже свои научные публикации, не говоря уж о ссылках на них. Из многих десятков его статей по философии и логике (более сотни) у него не сохранилось буквально ни одной. Точно так же обстоит дело со статьями по социологии и публицистикой, с публичными выступлениями и лекциями. Их были сотни во многих странах мира. Сохранилась лишь ничтожная часть. И еще хуже обстоит дело с рисунками и картинами. Сколько их было сделано, невозможно сосчитать. Почти все исчезло и было преднамеренно уничтожено в частных коллекциях. Очень немногое удалось сохранить Ольге Мироновне ценой невероятных усилий. А тот архив, который все-таки образовался вопреки равнодушию и противодействию самого Зиновьева, находится в таком состоянии, что на использование его для написания книги о нем потребовалось бы много месяцев (если не лет) кропотливого труда.

Хотя Зиновьев проявил себя в нескольких различных сферах творчества, они в его трудах оказались настолько тесно связанными, что порою их вообще невозможно разделить. Они образуют некое единое, специфически зиновьевское целое. Его работы по методологии науки немислимы без работ по логике, работы по социологии немислимы без логики и методологии, публицистика немислива без социологической концепции, литературные произведения немислимы без социологии. Ведь основной вклад Зиновьева в литературу — социологический роман, в котором результаты социологических исследований излагаются с помощью средств художественной литературы. И в каждой из сфер деятельности имеет место комплексный подход. В комплексной логике Зиновьева в единстве рассматриваются проблемы логики, онтологии (учения о бытии) и гносеологии (теории методов исследования). Свою социологическую концепцию Зиновьев определяет как логическую социологию, т.е. как логическую обработку языка и методов социальных исследований. В данном сборнике составители стремились как-то распределить материал по сферам деятельности Зиновьева. Но удалось это лишь отчасти в силу упомянутой особенности его творчества.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Александр Александрович Зиновьев родился 29 октября 1922 года в деревне Пахтино Чухломского района Костромской области. Русский. Родители: отец рабочий-маляр, мать крестьянка (затем колхозница). В 1939 году Зиновьев закончил среднюю школу в Москве, поступил в Московский институт истории, философии и литературы. Вскоре был исключен из комсомола и из института за антисталинистские выступления, арестован, бежал, в течение года прятался от преследования, в 1940 году скрылся, уйдя служить в армию. С 1940 по 1946 год служил в армии. Сражался на фронтах войны с Германией. Был сержантом, затем курсантом авиационного училища и офицером штурмовой авиации. Последнее воинское звание — капитан. Имел боевые награды. Одновременно скрывался от органов государственной безопасности. В 1946—1954 годы — студент и аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В 1955—1976 годы — сотрудник Института философии АН СССР. Одновременно — профессор МГУ, заведующий кафедрой логики философского факультета. Доктор философских наук, профессор, член Академии наук Финляндии (по логике). Опубликовал 6 книг и более 100 статей по логике и методологии науки. Многие из них были переведены на иностранные языки, включая немецкий и английский, и принесли автору мировую известность. Имя Зиновьева стали называть в числе крупнейших логиков мира. В 1976 году опубликовал на Западе социологический роман «Зияющие высоты». За это был уволен со всех мест работы, лишен всех степеней и званий, а также всех наград. В 1978 г. был с женой Ольгой и дочерью Полиной (6 лет) выслан из СССР и лишен советского гражданства. До июля 1999 года жил в Германии. Читал лекции в университетах Европы и Америки, занимался литературным трудом, читал публичные лекции во многих странах планеты. За время эмиграции опубликовал свыше 30 книг, многие из которых были изданы более чем на 20 языках мира и были мировыми бестселлерами. Награжден многими литературными и научными премиями, в их числе — Европейская премия за лучшее эссе (1978), Премия Медичи за лучший зарубежный роман (1979), Европейская премия за лучший научно-фантастический роман (1980), Международная премия Токвиля за социологические исследования (1982), Международная премия Тевере (1992). Избран в ряд академий и научных обществ, включая Римскую и Баварскую академии. Почетный гражданин городов Франции и Италии (Авиньон, Оранж, Равенна). В 1990 году восстановлен в советском гражданстве. Были возвращены степени, звания и награды. В конце июня 1999 года вместе с женой и дочерью вернулся из эмиграции в Россию. Живет в Москве. Читает лекции в МГУ им. М. В. Ломоносова и в Литературном институте им. М. Горького, занимается исследовательской работой в Институте философии и Институте социально-политических исследований РАН, возглавляет Исследовательский центр при Московской гуманитарно-социальной академии. Избран в Академию социальных наук РФ, Международную академию наук Евразии, Академию российской словесности. Регулярно печатается в газетах и журналах, участвует в конференциях и делает публичные выступления на социальные и научные темы. Издает и переиздает научные и литературные сочинения.

СПРАВКА О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. А. ЗИНОВЬЕВА

1. ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛОГИКЕ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

В 1954 г. закончил кандидатскую диссертацию на тему «Метод восхождения от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)». Это — первая в истории логики попытка логической обработки понятий диалектики и описания логических приемов исследования сложных социальных систем. Работа была фактически запрещена. Распространялась поклонниками автора в машинописных копиях, — предшественник «самиздата» шестидесятих годов.

В 1955—1976 годы работал в Институте философии АН СССР и в МГУ им. М. В. Ломоносова в сфере современной логики и методологии науки. Опубликовал 6 монографий и более 100 статей. Многие из них были изданы на различных языках мира, включая английский и немецкий. Первая крупная работа «Философские основы многозначной логики» (1960) была издана во многих странах мира, включая США, и стала своего рода логико-философским бестселлером. В ней автор дал решение фундаментальных логико-философских проблем, связанных с многозначной логикой.

Следующий цикл исследований Зиновьева относится к проблематике традиционной математической логики, включая классическую, интуиционистскую и другие концепции математической логики. Зиновьев построил свою собственную концепцию логики, назвав ее комплексной логикой. В ней он дал решение всех основных проблем формального построения логических систем — непротиворечивости, полноты, разрешимости и других. Он показал, что все трудности традиционной математической логики связаны с тем, что она, с одной стороны, основывается на некоторых внелогических допущениях, а с другой стороны, не принимает во внимание некоторые фундаментальные логические предпосылки. Короче говоря, принятые концепции логики являются неправильными в том смысле, что смещены относительно правильно (по идее) построенной логики. Кроме того, логика заражена системой предрассудков, включая отрицание универсальности законов логики.

Среди многочисленных открытий этого цикла логических работ Зиновьева особого внимания заслуживают такие. Во-первых, общее понимание задач логики как науки о правилах языка, причем — как правилах изобретаемых, а не открываемых наподобие законов природы. Например, столетиями мистифицировавшаяся природа аристотелевской силлогистики оказалась, согласно Зиновьеву, неосознанным и плохо обработанным определением языковых знаков «все», «некоторые» и «не», а также знаков предикации или включения в класс. Во-вторых, Зиновьев осуществил различение двух типов отрицания и ввел в логику на этой основе оператор неопределенности. Он построил с этим оператором всю систему логики, включая логику предикатов и различные разделы модальной логики, причем — решил все традиционные проблемы для такой расширенной (комплексной) системы (непротиворечивости, полноты, разрешимости). Хотя об этом новаторстве Зиновьева были публикации на Западе, хотя его работы печатались по-английски (и по-русски, естественно), хотя о них говорилось на многих конференциях, зиновьевское открытие было много лет спустя переоткрыто зарубежными логиками, разумеется — без ссылок на первоисточник. Зиновьев, в-третьих, показал, что знаменитые геделевские результаты, ставшие предметом преклонения в логике, имеют лишь частное значение и лишь постольку, поскольку традиционная математическая логика построена плохо в том смысле, что смещена относительно правильно построенной системы логики. В науке не

должно быть проблем, неразрешимых по вине логики. В системе комплексной логики Зиновьева принципиально неразрешимые проблемы исключены. И четвертое важнейшее нововведение Зиновьева в этом цикле работ — построение общей теории доказательства, включая расширенную теорию индуктивного доказательства.

Следующий цикл исследований Зиновьева представляет собою расширение предмета логики за счет включения в нее обработки понятийного аппарата эмпирических наук. Этот раздел зиновьевской комплексной логики включает эмпирическую геометрию, логическую физику и другие системы. В эмпирической геометрии Зиновьев дал доказательство постулата о параллельных, считавшегося недоказуемым (и являющегося таковым в неправильно построенных логических системах). В логической физике Зиновьев дал доказательство существования минимальных временных и пространственных протяженностей, минимальной и максимальной скорости, необратимости времени и других феноменов, показав, что все проблемы такого рода суть проблемы состояния языка, т.е. логические, а не эмпирически-физические.

Логические исследования Зиновьева произвели в свое время заметное впечатление в научном мире. Многие авторитетные специалисты (например, Айдукевич, Бохенский, Вригт, Айер и другие) включали его в число крупнейших логиков века. За логические исследования Зиновьев был в 1974 году избран в Академию наук Финляндии. В те годы финская логическая школа считалась одной из самых авторитетных в мире, и это избрание означало признание заслуг Зиновьева. Зиновьев стал самым цитируемым на Западе из советских философов и логиков. Он получал личные приглашения на все международные профессиональные встречи, но ни разу не был выпущен.

Одновременно с Академией наук Зиновьев работал в МГУ, некоторое время заведя кафедрой логики философского факультета. У него были десятки учеников, причем — не только российских, но и из различных республик СССР и из стран советского блока, особенно из Германии. Под его руководством сложилась особая логическая школа, получившая мировую известность. В Берлинском университете сложилась сильная логическая группа под руководством ближайшего ученика Зиновьева профессора Весселя, ставшего крупнейшим логиком Германии. Берлинская группа успешно разрабатывала идеи комплексной логики Зиновьева, опубликовав большое число новаторских работ.

С первых же шагов научной деятельности Зиновьева в отношении к нему стало складываться враждебное отношение в его окружении. Это отношение по мере нарастания международной известности Зиновьева и его авторитета усиливалось. Ему создали репутацию «внутреннего эмигранта», сделав его «невъездным». За отказ уволить с кафедры двух преподавателей, считавшихся диссидентами, он сам был освобожден от должности. Его студентам и аспирантам стали чинить всяческие препятствия. Началась скрытая травля, имевшая результатом распад зиновьевской логической школы и его изоляцию. А после публикации на Западе литературных сочинений Зиновьева произошел открытый разгром его группы. Он был уволен из университета и из Института философии. Одновременно была разгромлена и берлинская группа Зиновьева.

2. ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Наряду с профессиональными исследованиями в логике Зиновьев с ранней юности занимался исследованием советского общества как классического образца социальной организации коммунизма. С самого начала он, в силу обстоятельств личной жизни, установил для себя, что для научного понимания советской реальности необходимо различать социальную реальность как таковую и ее отображение в знаковой культуре. Вторая отражает первую лишь в

ничтожной мере адекватно, а в основном вторая дает фальсифицированную картину реальности. Для создания научной картины необходимы особые приемы исследования, особый «поворот мозгов». И Зиновьев разработал такую методологию. Поскольку он при этом исходил из своих логических исследований, он назвал свой подход к социальным проблемам словами «логическая социология» (по аналогии с логической физикой). Публиковать идеи и результаты зиновьевской логической социологии в Советском Союзе было невозможно. И Зиновьев начал их публикацию лишь с 1976 года, причем — в контексте литературных произведений. Таким путем он стал создателем особого рода литературы — социологических романов, повестей, поэм, стихов, памфлетов.

С 1978 года начался новый период научной деятельности Зиновьева — социологический. Объектом его исследований стала социальная организация реального коммунизма и затем современных западных стран, по его терминологии — западнизма. В годы эмиграции (1978—1999) он опубликовал более десяти книг, посвященных реальному коммунизму, и десятки статей, опубликованных более чем на двадцати языках планеты. Читал лекции в многочисленных университетах Европы и Америки, систематически выступал на международных конференциях и в средствах массовой информации. В 1978 году получил премию за лучшее европейское эссе по социологии, а в 1982 году — премию Токвиля за исследование коммунистической социальной системы. Известный советолог Р. Арон, представлявший книгу Зиновьева «Коммунизм как реальность» на премию, назвал ее первой и пока (в те годы) единственной научной работой о реальном коммунизме. Комиссия, принимавшая решение о премии, из двух конкурировавших кандидатов — К. Поппер и А. Зиновьев — отдала предпочтение второму. Поппер получил эту премию на год позднее. Упомянутая книга Зиновьева стала в свое время мировым бестселлером и до сих пор переиздается.

В своих работах Зиновьев предсказал надвигающийся кризис советского коммунизма и предупреждал о губительности любых радикальных реформ в такой ситуации. В самом начале «перестройки» он предсказал ее неизбежный провал, введя в обиход понятие «катастрофка». В многочисленных статьях и публичных выступлениях Зиновьев предупреждал о губительности «перестройки» и сменившего ее курса реформ. Ему принадлежит также формула «Целились в коммунизм, а попали в Россию», кратко выразившая его теоретическое обоснование концепции, согласно которой Запад использует борьбу против коммунизма лишь как повод и маскировку войны на разрушение России .

Начиная с первых лет эмиграции, Зиновьев включил в сферу своих социологических исследований современный западный мир. Результатом его исследований явился цикл работ, посвященных реальному западному социальному строю (западнизму, по его терминологии), который имеет мало общего с тем, как его изображают в идеологии и пропаганде. Эти исследования переросли в исследование великого эволюционного перелома в истории человечества, который произошел во второй половине двадцатого века. Основной вывод Зиновьева таков. Во-первых, начался переход человечества от эпохи объединений типа обществ к эпохе сверхобществ. Во-вторых, происходит интеграция западного мира в сверхобщество глобального масштаба, и последнее устанавливает свою гегемонию над всем человечеством. В целом ряде книг, статей и публичных выступлений Зиновьев первым в мировой социологии дал описание структуры и основных признаков сверхобществ, глобального западнистского сверхобщества, процессов западнизации, американизации и глобализации как процессов закономерного структурирования человечества в ходе великого эволюционного перелома.

Острые всех социологических исследований Зиновьева с самого начала эпохи краха советского коммунизма и установления в России постсоветской социальной организации было направлено на анализ российской ситуации и ее перспектив. Одновременно он разрабатывал

свою логическую социологию, применяя ее к анализу конкретных социальных проблем современной России и ее взаимоотношений с глобальным сверхобществом.

Весьма важно обратить внимание на то, что все социологические работы Зиновьева имели прогностический характер. Все его прогнозы, вызывавшие на первых порах насмешки и возмущение, подтвердились с поразительной точностью. Теперь бесчисленные авторы высказывают утверждения, аналогичные зиновьевским, но задним числом, после того, как соответствующие события уже произошли, и после того, как они были высказаны и обоснованы Зиновьевым. И, разумеется, без ссылок на Зиновьева.

По возвращении из эмиграции в Россию (июль 1999) Зиновьев стал работать в МГУ им. М. В. Ломоносова, где он читает курс лекций по логической социологии, а также в Институте философии и в Институте социально-политических исследований РАН. При Московской гуманитарно-социальной академии основан исследовательский центр Зиновьева, задачей которого является привлечение молодых людей к исследовательской деятельности в духе социологических идей Зиновьева.

В литературе Зиновьев создал новый жанр, названный им социологическим. Суть его состоит в изложении результатов научного подхода к социальным объектам средствами художественной литературы. Это своего рода промежуточное звено между начальными результатами социальной науки и научной теорией, построенной в соответствии с правилами логики и методологии науки.

Сочинения Зиновьева переведены более чем 20 языков планеты. О нем вне России написаны бесчисленные статьи и монографии на многих языках мира. Упоминания его имени являются обычными, заимствования из его работ стали привычным делом. Многие понятия и утверждения, введенные им в язык науки, стали чем-то само собой разумеющимся. При этом игнорируется тот факт, что Зиновьевым эти идеи, теории и концепции были высказаны и развиты много лет назад, порою — десятки лет назад. Драматичность его судьбы состоит в том, что он был отвергнут у себя на Родине, его школа была разгромлена, ее не защищало государство и не защищали коллеги и ученики, наоборот — всячески дискредитировали и замалчивали (не говоря уж о заимствованиях), он был изгнан из страны. Его исследования могли стать гордостью русской науки. Но это, увы, не случилось. Русский народ с поразительной легкостью отрекся от величайших достижений своей истории. Так что уж говорить об ученом-одиночке, отдавшем все свои способности и силы русской науке и культуры, да к тому же покусившемся на благополучие и спокойствие легиона посредственностей, приспособленцев, шкурников, карьеристов.

Основные сочинения Зиновьева суть следующие.

Логика и методология науки

1. Философские проблемы многозначной логики. 1960.
2. Логика высказываний и теория вывода. 1962.
3. Основы логической теории научных знаний. 1967.
4. Комплексная логика. 1970.
5. Логика науки. 1971.
6. Логическая физика. 1974.
7. Очерк многозначной логики. 1968.
8. Логическое следование. 1968.
9. Нетрадиционная теория кванторов. 1973.
10. Логические правила языка. 1975.
11. Нестандартная логика. 1983.
12. Очерки комплексной логики. 2000.

Социология и публицистика

1. Без иллюзий. 1979.
2. Мы и Запад. 1981.
3. Коммунизм как реальность. 1981.
4. Ни свободы, ни равенства, ни братства. 1983.
5. Диктатура логики. 1985.
6. Сила неверия. 1986.
7. Горбачевизм. 1988.
8. Кризис коммунизма. 1991.
9. Гибель империи зла. 1994.
10. Запад. 1995.
11. Посткоммунистическая Россия. 1996.
12. Великий эволюционный перелом. 1999.
13. На пути к сверхобществу. 2000.
14. Гибель русского коммунизма. 2001.

Литература

1. Зияющие высоты. 1976.
2. Светлое будущее. 1978.
3. В преддверии рая. 1979.
4. Записки ночного сторожа. 1979.
5. Желтый дом. 1980.
6. Мой дом — моя чужбина. 1982.
7. Гомо советикус. 1982.
8. Нашей юности полет. 1983.
9. Евангелие для Ивана. 1904.
10. Иди на Голгофу. 1985.
11. Пара беллум. 1987.
12. Живи. 1988.
13. Катастрожка. 1988.
14. Исповедь отщепенца. 1980.
15. Смута. 1992.
16. Русский эксперимент. 1995.
17. Глобальный человек. 1997.
18. Русская трагедия. 2002.

I. ФОРМУЛА ЖИЗНИ

Александр Зиновьев.

Формула жизни¹

Уже находясь в эмиграции, я высказал в одном из интервью формулу моей жизни: «Я есть суверенное государство». Ее истолковали как проявление мании величия и ассоциировали ее с известным заявлением французского короля Людовика XIV: «Государство — это я». Истолкование абсолютно ложное. Король был на вершине социальной иерархии, я же — на ее низших ступенях. Король обладал властью над миллионами подданных, я же вообще не имел подчиненных, а если таковые появлялись, я тяготился ролью начальника, игнорировал ее и скоро терял. Король отождествлял себя с государством из многих миллионов граждан, я же объявлял себя государством, состоящим всего из одного гражданина — из самого себя. Для короля его формула выражала его положение абсолютного монарха. Моя же формула выражала намерение рядового гражданина коммунистического общества завоевать и отстаивать личную свободу и независимость в условиях господства общества и коллектива над индивидом.

Еще во время допроса на Лубянке в 1939 году я заявил, что добровольно не позволю никому, даже самому Сталину, распоряжаться мною по своему произволу. От этого мальчишеского заявления до моего заявления самому себе, что я есть суверенное государство, прошла почти четверть века. Первое заявление выражало эмоциональный и моральный протест против реальности сталинизма. Второе же было формулировкой целой рациональной концепции. Первое было проявлением отчаяния, второе — программой его преодоления.

При моей склонности к коллективизму было не так-то легко встать на этот путь. Я знал, что обрекал себя на судьбу одиночки. Но мысль о том, чего может достичь одиночка в условиях, когда люди добиваются успеха лишь группами и в группах, сыграла роль не столько предостережения, сколько интригующей проблемы. Я отдавал себе отчет в том, что моя позиция есть лишь индивидуальная защита от крайностей коллективизма, массовости, мафиозности, идейного безумия и морального разложения, овладевших миром.

Я не могу утверждать, что мой жизненный эксперимент удался полностью. Но это не столь важно. Суть дела состоит не в том, чтобы создать свое личное государство и жить в нем с душевным комфортом, а в том, чтобы стремиться к этому, т. е. в самой попытке построения такого личного государства, пусть эта попытка и кончается неудачей. Я отдавал себе отчет в том, что я затеял, и не строил никаких иллюзий насчет успеха. Я знал, что пошел не просто против отдельных людей, а против хода истории.

Мое намерение стать суверенным государством не осталось незамеченным. Правда, мои коллеги и знакомые понятия не имели о масштабах моего замысла. Если бы они об этом дога-

¹ Опубликовано в: А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 1999, с. 367.

дались, мой эксперимент закончился бы в самом начале. Представьте себе муравья в огромном скоплении подобных себе муравьев, который заявил бы о своем намерении создать свой индивидуальный муравейник в рамках общего муравейника и начал бы это делать. Что сделали бы с ним? Конечно, уничтожили бы. То же самое случилось бы и со мною. Окружающие меня человеки-муравьи болезненно реагировали на все мои попытки стать автономным государством-муравейником из одного человека. Человек, выходящий из-под контроля коллектива и общества, воспринимается как угроза существованию целого. Поэтому коммунистическое общество так нетерпимо по отношению к независимым одиночкам. Причем это прежде всего есть реакция не высших властей и карательных органов, а непосредственного окружения индивида, уклоняющегося от общей нормы. Власти и карательные органы вступают в силу тут в последнюю очередь.

То общество, в котором я появился на свет и жил, как я говорил себе тогда, было дано мне независимо от моей воли и желаний. Я его не создавал. И я никогда не ставил перед собой задачу его разрушать. Я с ним считался как с исторической данностью, как с эмпирическим фактом. Я не был его поклонником. Но я не был и его противником. Мое отношение к нему было иного рода. Мне много раз приходилось на Западе отвечать на вопрос моих читателей и слушателей: я за коммунизм или против него, коммунист или антикоммунист. Я отвечал, что я ни «за» и ни «против», ни то и ни другое. И боюсь, что меня не понимали или истолковывали мои слова как стремление уклониться от прямого ответа. А между тем мой ответ был искренним и точным. Нельзя делить людей на коммунистов и антикоммунистов, на сторонников коммунизма и его противников. Есть множество людей, которым все эти явления безразличны, и они не причисляют себя ни к той, ни к другой категории. Не всякая критика коммунизма есть антикоммунизм. Не всякие положительные суждения о коммунизме суть его апологетика. Не всякая критика Советского Союза есть антисоветизм, как и не всякие похвалы в его адрес суть просоветизм. Но люди со слабо развитыми логическими способностями, каких в мире большинство, склонны все человечество делить на две категории: на тех, кто «за», и тех, кто «против». Мое же отношение к советскому обществу было еще более сложным, чем упомянутые выше три возможности (за, против, ни за и ни против). Я был противником этого общества, но в качестве члена этого общества, не имеющего желания его разрушать и даже причинять ему ущерб. Я был критиком коммунизма, но не с позиций антикоммунизма, а совсем с иных, которые немислимы в обществе некоммунистическом. Просто вопрос о существовании коммунистического социального строя, о его преобразовании и свержении никогда не был моей проблемой. Я не был безразличен к советскому обществу, но я был безразличен к проблемам, которые разделяют людей на просоветских и антисоветских, на прокоммунистов и антикоммунистов.

Я тогда говорил себе, что советское общество явилось воплощением в жизнь многовековых чаяний страдающего человечества, реализацией лучших идеалов лучших его представителей. Это и есть тот земной рай, о котором мечтали веками. Никакого другого земного рая нет и не будет. Одно дело — прекрасные идеалы, и другое дело — их реальность. В реальности появляется то, что нельзя предусмотреть в идеалах. Идеалы возбуждают массы людей на определенные действия. Но что получится в результате этих действий, зависит прежде всего от объективных законов организации масс людей в большие человеческие объединения. Людям остается лишь приспособляться к объективным условиям своего объединения.

Коммунистический социальный строй в моей стране не есть уклонение от неких социальных норм. Хотя в его возникновении сыграли свою роль исторические случайности, он так или иначе выжил в труднейших условиях, защитил себя в войне против сильнейшего врага и обнаружил огромные жизненные потенции. Вне его нет силы, способной его сокрушить. Он распространяется по планете, заражая собою все человечество. Он растет и внутри стран За-

пада из самых различных источников. Он имеет шансы жить столетия, а может быть, и тысячелетия. Хотя он еще молод (с исторической точки зрения), он уже обнаружил качества своей природы и основные тенденции. Я этот строй не принимаю в качестве моего идеала общественного устройства. Но я не стремлюсь и к его уничтожению и к замене его каким-то другим. Я не вижу для этого никакой возможности в современных условиях. Более того, любое другое социальное устройство было бы на этом месте еще хуже, а все усилия по его ограничению и уничтожению имеют результат, противоположный намерениям. Он от этого становится еще живучее и настойчивее. Этот строй является началом нового цикла истории. Вся последующая эволюция общества будет происходить на его основе. Возможно, со временем наши потомки придумают какую-то новую форму социальной организации, которая будет лучше теперешней, но все равно это будет форма в рамках коммунистических. А скорее всего он, поглотив все человечество, начнет стремительно деградировать в силу внутренних причин. Коммунистические страны будут истощать и уничтожать друг друга в жестоких и бесперспективных войнах. Возможно, уцелеют какие-то очаги цивилизации и дадут рост новому взлету человечества. Но это лишь возможно. И на это уйдут тысячелетия.

У меня нет никакой позитивной программы социальных преобразований. Нет не потому, что я не способен что-то выдумать на этот счет, а в принципе. Любые положительные программы социальных преобразований имеют целью и отчасти даже результатом построение некоего земного рая. Но опыт построения земных раев всякого рода показывает, что они не устраняют жизненных проблем, драм и трагедий.

Наблюдая жизнь и изучая историю, я убедился в том, что самые устойчивые и скверные недостатки общества порождаются его самыми лучшими достоинствами, что самые большие жестокости делаются во имя самых гуманных идеалов. Нельзя устранить недостатки того или иного общественного строя, не устранив его достоинства. Нельзя реализовать в жизни положительный идеал без отрицательных последствий. Всякое улучшение коммунистического социального строя имеет результатом усиление его прирожденных качеств, вызывающих мой протест. Всякое ослабление этого строя имеет результатом разгул сил, точно так же вызывающих мой протест. Улучшения усиливают одни качества коммунизма, ухудшения — другие. И те и другие для меня неприемлемы. В трясине коммунистической жизни всякое движение ускоряет твоё погружение в нее.

Я строил эти свои выводы не на основе чистых эмоций и общих рассуждений, а на основе конкретного анализа советского общества. Я пересмотрел все логически мыслимые преобразования: централизацию, децентрализацию, самоуправление, многопартийность, раздробление страны, федерацию автономных государств, частную инициативу и т. д. И установил, что любое из таких преобразований и любая их комбинация будет иметь необходимым следствием эффект, противоположный задуманному, или другие негативные следствия, еще худшие того, против чего были направлены преобразования. Я сделал вывод, что лишь живой исторический процесс может дать решение всех проблем, причем не наилучшее с некоей априорной точки зрения, а наиболее вероятное с точки зрения борьбы социальных сил и тенденций.

Отказываясь от позитивных программ преобразований общества, я не призывал к этому других. Я не был руководящим партийным и государственным чиновником и идеологом руководства. Я не участвовал ни в каком оппозиционном движении. Антисталинизм уже исчерпал себя. Я не видел никакого иного движения, к которому я мог бы присоединиться и для которого мог бы думать о некоей программе. Я был частным лицом, одиночкой. Мой отказ от программ преобразований касался лишь лично меня.

Думать о перестройке общества в интересах такого индивида, каким был я, в самом начале истории этого общества так же бессмысленно, как препятствовать наступлению долгой и

суровой зимы в самом ее начале путем зажигания спичек. Пусть этим занимаются сами власти — это их социальная функция. В самом начале истории реального коммунистического общества любая его перестройка не даст такого результата, о котором я мог бы сказать, что он отвечает моим идеалам. У меня такого идеала нет и быть не может. Я появился на свет, когда осуществились самые лучшие идеалы, но осуществились так, что обнаружили бессмысленность всяких идеалов. Моим идеалом мог бы быть утопический (романтический) коммунизм, включая марксистские сказки о «полном коммунизме». Но он был практически невозможен. Другой идеал я просто не мог помыслить. Может быть, со временем люди изобретут новые идеалы, да и то только для того, чтобы пережить очередное историческое разочарование.

А в спектаклях властей по реорганизации общества я не принимаю участия принципиально, зная заранее, что и они не в состоянии отменить неумолимое действие объективных законов эволюции общества. Я должен думать не о перестройке общества, а о своей собственной жизни в нем, какие бы изменения и преобразования ни происходили в нем. Есть два пути для этого. Первый путь — путь приспособления к условиям общества по законам приспособления, обеспечивающим людям лучшие личные условия жизни, карьеру, успех, благополучие, т. е. движение в общем потоке истории. Этот путь я отверг для себя в качестве сознательной цели и программы. Второй путь — создать свое маленькое автономное общество, соответствующее моему идеалу. Но это означает на деле, что я должен идти против потока истории, поступать вопреки законам массового приспособления. На этом пути я буду иметь против себя все силы общества.

Одно дело — когда ты имеешь против себя отдельных людей, множество людей, группы людей, учреждения, организации и даже массы. И другое дело — когда ты имеешь против себя объективный ход будущей тысячелетней истории. В том и другом случае тебя раздавят. Но в первом случае есть какая-то надежда на то, что твои усилия не пропадут впустую и есть даже надежда на успех. Во втором случае никакой надежды на успех нет, а есть зато уверенность в том, что все усилия — впустую. Что же толкает человека в такой ситуации на бунт против неумолимого хода истории? Конечно, тут какую-то роль играет сознание того, что он восстает против самого могущественного врага и сам ощущает себя поэтому гигантом, соразмерным своему противнику. Жертва тут оправдывается иллюзией грандиозности бунта. Тут не имеет значения то, что его бунт в глазах окружающих, если бы они о нем узнали, выглядит смехотворно ничтожным, выглядит манией величия червяка, обреченного быть раздавленным подошвой идущего человека, который даже не подозревает о существовании этого червяка. Важно, как сам бунтарь переживает свой бунт. Но такое объяснение было бы весьма односторонним. Я думаю, что главным тут все же является то глубокое направление личности, о котором я говорил выше.

Я сейчас уже не могу припомнить, в каких именно словах я объяснял самому себе свой путь. Словесное оформление было разнообразным, порою — поэтическим и почти что религиозным. Вот одно из них. Тот, кто идет против объективного хода истории, не обязательно реакционер. Тот, кто способствует объективному ходу истории, не обязательно прогрессивен. История не есть непрерывный прогресс. В истории бывают попятные движения. В истории имеет место и регресс. Прогресс в одних отношениях сопровождается регрессом в других. Более того, исторический прогресс был следствием не только подчинения объективному ходу истории, но и сопротивления ему. Прогресс достигался лишь благодаря тому, что людям удавалось на пути потока истории строить плотины, делать отводные каналы, короче — сопротивляться течению и карабкаться вверх. Без такого сопротивления человечество не смогло бы подняться даже на низшие ступени цивилизации. И в наше время эти две тенденции так же живы, как и на заре человечества. Подчинение объективному потоку истории в нашу эпоху тянет человечество в пропасть, к катастрофе, к деградации. Это падение по законам исторического тяготения. Ему надо противиться, чтобы избежать катастрофического действия силы

исторического тяготения. Это сопротивление должно начаться с одиночек. Мой личный жизненный путь и будет началом сопротивления падению, началом карабканья вверх.

Меня несколько не обидит и не обескуражит то, что я буду иметь репутацию консерватора или даже реакционера. В наше время безудержного прогресса, ведущего к разрушению нравственности, к разрушению эстетических критериев, к буйству бездарности и посредственности в ложном обличий ума и таланта, к извращению всех нормальных отношений людей и даже к физической гибели природы и человечества, быть консерватором и реакционером в тысячу раз прогрессивнее и революционнее, чем быть прогрессистом и революционером. Это человечнее. Для этого нужно больше мужества. Нынешние прогрессисты и революционеры играют в наше время роль, аналогичную роли мракобесов средневековья.

Если ты бессилен изменить реальное общество в соответствии со своими идеалами, изменись сам, говорил я себе, построй в себе самом это идеальное общество, создай из самого себя идеального человека, как ты его себе представляешь. Наверняка найдутся и другие люди, которые пойдут тем же путем, что и ты. Я — одиночка. Но общество с необходимостью порождает таких, как я, регулярно. Сходные условия жизни с необходимостью вынуждают их идти тем же путем, что и я. Со временем их будет много, и они своим примером изменят жизнь гораздо радикальнее, чем все реформаторы, вместе взятые. История уже знает примеры такого рода. Возьмите хотя бы христианство. Христос появился тоже как результат крайнего отчаяния. И он тоже утверждал, что Царство Божие в самом человеке. Он тоже говорил, что надо начинать с изменения самого себя. Правда, он уже мог обращаться к людям. А сейчас даже это пока еще невозможно. И прошли многие столетия, прежде чем программа Христа дала какой-то результат. А чтобы такие, как я, стали играть роль в истории, на это нужно время, причем время историческое. Нужно историческое терпение.

Построить индивидуальное государство (мое идеальное общество), изолировавшись от других людей, невозможно не только потому, что в такой изоляции нельзя выжить физически, да и не позволят так жить, но прежде всего потому, что в изоляции от жизни современного общества возможно лишь существование на примитивном интеллектуальном, духовном и культурном уровне. Мне же нужно было такое индивидуальное государство, которое использовало бы высшие достижения цивилизации, и в некоторых важнейших аспектах превосходящее их. Практически это означало намерение завоевать исключительное положение в обществе. Но не путем проникновения в привилегированные и правящие слои и не методами делания карьеры и приспособленчества, а совсем иначе.

Я мог создать свое государство в границах возможностей, имевшихся в моем распоряжении. Я решил создавать его не как экономическое или политическое, а как социальное явление, т. е. в самих основах общества. Естественно, мне надо было выяснить, что вообще на этом уровне во власти отдельного человека и что нет. Почему люди не властны над своими же социальными законами, спросил я себя. Да потому, что в основе их лежат такие правила поведения людей, которые обеспечивают им наилучшее приспособление к социальным условиям существования. Без соблюдения этих правил люди живут хуже, чем с соблюдением их, или вообще погибают. Люди сами стремятся соблюдать эти правила. В основе того, что социальные законы неподвластны людям, лежит то, что люди не хотят над ними властвовать, хотят, наоборот, подчиняться им. Социальные законы в той мере, в какой они касаются поведения отдельных людей, предоставляют им некоторую свободу выбора и принятия решений. От человека, например, зависит, предавать друга ради личной выгоды или нет, добиваться повышения по службе или нет, холуйствовать перед начальством или нет. От человека зависит, удовольствуется он данным жильем или будет добиваться лучшего, купит дешевую или дорогую мебель. Короче говоря, даже в условиях коммунистического общества человек в своих поступках имеет свободу выбора и принятия решений. Диапазон этой свободы вполне достаточен

для того, чтобы я смог выработать для себя определенный тип внутренней и внешней жизнедеятельности, соответствующий искомому идеалу. Все это можно сделать в рамках общепринятых норм и законности, на первых порах даже заслужив одобрение. Когда же заметят, что из дозволенных по отдельности кирпичиков я сложил здание, которое как целое выглядит уже нарушением принятых норм, я уже завоюю экстерриториальность, и с ней вынуждены будут примириться, так думал я тогда.

К тому времени, когда я сам для себя объявил себя суверенным государством, я уже подготовил все необходимые предпосылки для этого. Я уже выработал в какой-то мере свое понимание мышления, познания, бытия, общества, а также свои принципы отношения ко всем явлениям моего социального окружения, к другим людям, к работе, к творчеству, к коллективу, к власти, к семье, к материальному благополучию. Конечно, я это выработал в той мере, в какой это дало мне основания на самое претензию стать автономным государством. Потом я все элементы моего государства достраивал, расширял, усовершенствовал, но уже вполне сознательно и планомерно.

На пути к построению моего внутреннего государства мне, естественно, пришлось иметь дело с марксизмом-ленинизмом. Я не мог его игнорировать, поскольку он был официальной советской идеологией, претендовавшей на объяснение всего того, что становилось предметом внимания моего государства.

Александр Зиновьев .

Зиновьяога²

То, о чем я писал выше, касалось интеллектуального аспекта моего государства. В аспекте поведенческом (внешнем) я построил для себя систему правил поведения (правил жития). Когда у меня появились ученики в этом деле, они назвали ее в шутку «зиновьяогой».

Моя «зиновьяога» похожа на известные формы религии, особенно на христианство и буддизм. Но в отличие от них, она рассчитана была на меня как на человека второй половины двадцатого века, выросшего в атеистическом обществе и знакомого с высшими достижениями культуры. Кроме того, она была рассчитана не на человека, уходящего в себя, думающего только о себе и уклоняющегося от нормальной общественной жизни, а на человека, живущего обычной жизнью в советском обществе, вынужденного и стремящегося работать, жить в коллективе и соблюдать его правила, выполнять служебные и общественные обязанности, сталкиваться с властями, пользоваться транспортом, стоять в очередях, сидеть на собраниях, одобрять постановления властей, участвовать в кампаниях и починах, заводить семью и друзей, короче говоря — погруженных в суматоху и трясину заурядной жизни. Мой литературный герой Иван Лаптев определил эту особенность «зиновьяоги» (в его терминологии «лаптизма») так: как быть святым без отрыва от греховного производства, как жить в трясине нашего общества так, чтобы она в нашем сознании и в наших переживаниях отошла на задний план, а на первый план выступило бы нечто иное, а именно — наш особый внутренний мир со своими критериями оценок и ценностей и со своими внешними проявлениями в наших поступках. Приведу в качестве примера некоторые принципы «лаптизма», которые были принципами и моей личной «зиновьяоги».

Я отвергаю стремление к материальному благополучию, но я не настаиваю на отказе от него. Современное общество в изобилии рождает соблазны. Но оно одновременно создает возможности довольствоваться малым. Оно создает возможность иметь все, не имея ничего.

² Опубликовано в: А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 1999, с. 381.

Лучше не иметь, чем терять. Надо суметь жизнь построить так, чтобы иметь не имея. Значит, надо установить, обладание чем означает одновременно отсутствие его. Надо установить, в чем можно свести потребности к минимуму и в чем развить до максимума. Причем с минимальными затратами и максимальным успехом. Учись терять. Учись оправдывать свою потерю и находить ей компенсацию. Не приобретай того, без чего можно обойтись.

Стремление к удовольствиям (к наслаждению) есть характерная болезнь нашего времени. Сумей устоять против этой эпидемии, и ты поймешь, в чем состоит истинное наслаждение жизнью — в самом факте жизни. А для этого нужны простота, ясность, умеренность, душевное здоровье — короче говоря, самые простые, но теперь самые труднодоступные феномены жизни. Для подавляющего большинства нашего населения убогий быт и дефицит всего того, что приносит удовольствие, даны на века. Надо думать о том, как к этому приспособиться, чем это компенсировать. Единственное средство для этого, если исключить борьбу за жизненные блага как цель жизни, — развить духовный мир и культуру духовного общения. Верно, что человек стремится к счастью. Нет счастья без способности к самоограничению и без самоконтроля. Счастье есть плата за самоограничение, есть результат самоконтроля. Ограничивая и сдерживая себя в обычном житейском разрезе бытия, ты поворачиваешь свое «я» в иной разрез, в котором лишь можешь испытать счастье. Без этого возможна лишь мимолетная и кратковременная иллюзия счастья. Удовлетворение есть результат победы над обстоятельствами. Счастье же есть результат победы над самим собой.

Я в каждом человеке признаю такое же суверенное государство, каким считаю себя, причем независимо от его социального положения, возраста, пола, образования. Я отношусь к людям не по рангам, не по богатству, не по известности и не по полезности для меня, а по тому, до какой степени и как у них развито их «я» и их душа, каково их поведение в обществе. Я руководствуюсь при этом такими принципами. Сохраняй личное достоинство. Держи людей на дистанции. Сохраняй независимость поведения. Относись ко всем с уважением. Будь терпим к чужим убеждениям и слабостям. Не унижайся, не холуйствуй, не подхалимничай, чего бы это ни стоило. Не смотри ни на кого свысока, если даже человек ничтожен и заслужил презрение. Воздай каждому должное. Гения назови гением. Героя назови героем. Не возвеличивай ничтожество. С карьеристами, интриганам, доносчиками, клеветниками, трусами и прочими плохими людьми не будь близок. Из общества плохих людей уйди. Обсуждай, но не спорь. Беседуй, но не разглаговльствуй. Разъясняй, но не агитируй. Если не спрашивают, не отвечай. Не отвечай больше того, что спрашивают. Не привлекай к себе внимания. Если можешь обойтись без чужой помощи, обойдись. Свою помощь не навязывай. Не заводи слишком интимных отношений с людьми. Не лезь к другим в душу, но и не пускай никого в свою. Обещай, если уверен, что сдержишь обещание. Пообещав, сдержи обещание любой ценой. Не обманывай. Не хитри. Не интригуй. Не поучай. Не злорадствуй. В борьбе предоставь противнику все преимущества. Никому не становись поперек дороги. Никому не мешай. Не обгоняй. Не соревнуйся. Не конкурируй. Выбирай путь, который свободен или по которому не идут другие. Уходи как можно дальше вперед по своему пути. Если этим путем пошли многие, смени его — этот путь для тебя ложен. Истину говорят одиночки. Если многие разделяют твои убеждения, значит, в них есть удобная для них идеологическая ложь. В случае выбора «быть или слыть» отдай предпочтение первому. Не поддавайся власти славы и известности. Лучше быть недооцененным, чем переоцененным. Помни о том, кто судьи и ценители. Лучше один искренний и адекватный тебе ценитель, чем тысячи ложных.

Не насилуй других. Насилие над другими не есть признак воли. Лишь насилие над собой есть воля. Но не позволяй другим насиловать тебя. Сопrotивляйся превосходящей силе любыми доступными средствами.

Вини во всем себя. Если у тебя выросли жестокосердные дети — ты воспитал их такими. Если тебя предал друг — ты виноват, что доверился ему. Если тебе изменила жена — ты виноват, что дал ей возможность измены. Если тебя угнетает власть — ты виноват, что внес свою долю в ее мощь.

Не действуй от имени и во имя других. Думай о последствиях своих действий для других — ты за них (за последствия) в ответе. Благие намерения не оправдывают плохие последствия твоих действий, хорошие последствия не оправдывают дурные намерения.

Тело съедают незримые бактерии. Душу съедают мелкие заботы и переживания. Не допускай, чтобы мелочи жизни овладели твоей душой.

Никогда не рассчитывай на то, что люди оценят твои поступки объективно, • — такой «объективной» оценки вообще нет. То, что мы считаем объективной оценкой, есть то, как нам самим хотелось бы, чтобы люди оценили наши поступки. Мотивы твоих поступков не совпадают с тем, какие мотивы припишут им другие. Твои мотивы сами меняются со временем, а часто многосторонни и противоречивы. Ты сам невольно ищешь подходящие обоснования своим поступкам и даже оправдания их. Люди смотрят на твое поведение с точки зрения своих интересов и в системе своего миропонимания. Люди различны. Один и тот же поступок есть зло для одних и добро для других. Более того, при оценке поступков людей даже истина фактов достижима лишь иногда и лишь частично. Ты живешь непонятый другими и умрешь непонятым. Это общий закон. Только тот, кто не претендует на некое объективное понимание своего поведения другими, живет достойно человека. Смерть и забвение исправляют все «несправедливости» в этом отношении. Добавь ко всему прочему умышленную ложь и клевету, а также стремление людей идеализировать избранные личности.

Человек как таковой, если не имеет внешнего и внутреннего контролера поведения, способен на любую пакость по отношению к ближнему. Лишь другие люди ограничивают его. Общими усилиями люди изобретают систему ограничителей для поведения отдельного человека и закрепляют ее в форме обычаев, права, религии, морали. Но эти ограничители не всесильны и не абсолютны. Даже в самом хорошем человеке сидит подлец, который может заявить о себе в случае ослабления или отсутствия контроля — отсутствия внешнего и внутреннего судьи его поведения. Так что нельзя доверяться людям полностью. Надо всегда принимать во внимание то, что они могут тебя подвести, обмануть, сделать тебе пакость. Это в особенно сильной мере касается близких тебе людей. Они могут причинить тебе самые болезненные удары, поскольку ты меньше всего этого ожидаешь от них, а они, зная тебя и рассчитывая на близость, меньше опасаются расплаты за свои подлости. Враги человека, говорил Христос, суть ближние его.

Людям нельзя просто доверять. Их нужно ставить в такие условия, чтобы они сделали то, что тебе нужно, не ради тебя, а ради себя. Избегай ситуаций, в которых ты можешь быть обманут. Привязывайся к людям в меру, чтобы потери не были катастрофическими.

Будь сдержан с женщинами. Если можешь избежать связи, избеги. Не поддавайся общей сексуальной распущенности. Сохрани в себе чистое романтическое отношение к любви, если даже в реальности видишь грязь и окунаешься в грязь. Избегай скабрёзности, пошлости, цинизма, грязных слов. Душевная чистота и непорочность приносят человеку неизмеримо больше наслаждения, чем житейская грязь и пороки.

Презирай врагов своих. Делай вид, что они для тебя не существуют. Игнорируй их — они недостойны твоей борьбы с ними. Ни в коем случае не люби их — этого они тем более недостойны. Избегай быть жертвой твоих врагов и избегай того, чтобы они были твоими жертвами. Не персонифицируй своих врагов. Считаешь ли ты комаров и мух, кусающих тебя, врагами?! А гнилостные бактерии и черви?.. А они ведь уничтожают тебя! Отнесись к врагам, как к комарам и мухам, как к гнилостным бактериям и могильным червям.

Будь добросовестным работником. Будь во всем профессионалом. Будь на высоте культуры своего времени. Это дает какую-то защиту и внутреннее ощущение правоты. Что касается прочих объединений и коллективных действий — уклоняйся. Не вступай в партии, секты, союзы. Не присоединяйся ни к каким коллективным акциям. Если участие в них неизбежно, участвуй в них как автономная единица, не поддаваясь настроениям и идеологиям толпы, действуй в силу личных убеждений. Делай это как свое личное дело, а не как дело других.

Будь хорошим членом коллектива, но не растворяйся в нем. Не участвуй в интимной жизни коллектива. Не участвуй в интригах, в распространении слухов и клеветы. Не делай жизнь коллектива своей личной жизнью. Стремись занять в нем независимое положение, но не нарушая своих принципов. Избегай карьеры. Если она делается помимо воли, останови ее, ибо иначе она разрушит твою душу.

В творчестве главное — не успех, а результат. Оценивай себя с точки зрения того, что нового ты внес в данную сферу творчества. Если чувствуешь, что не способен сделать что-то новое и значительное, оставь эту сферу и уходи в другую, что бы ты ни терял при этом. Не поддавайся массовому мнению, массовым увлечениям, вкусам и модам. Вырабатывай свой вкус, свое мнение, свой путь.

Не совершай ничего противозаконного. Не участвуй во власти. Не участвуй в спектаклях власти. Игнорируй все официальное. Не вступай в конфликт с властью по своей инициативе, но не уступай ей. И ни в коем случае не обожествляй власть. Власти не заслуживают доверия даже тогда, когда стремятся говорить правду и делать добро. Они лгут и делают зло в силу своей социальной природы. Игнорируй официальную идеологию. Любое внимание к ней укрепляет ее.

Не болей. Лечись сам. Избегай врачей и медицины. Регулярно делай физические упражнения. Но соблюдай меру. Чрезмерность и тут вредна, как и недостаточность. Лучше всего разработай систему упражнений, которые можешь выполнять в любое время и в любых условиях, и делай их каждый день, что бы ни случилось. Если хочешь сохранить молодым свое тело, позаботься о молодости духа. Вечная молодость есть прежде всего состояние духа. Физическую старость можно оттянуть до последних нескольких лет жизни, а то и месяцев. Молодость души можно сохранить до самой последней секунды. Жизнь можно построить так, что физическое старение придет как нечто естественное, не вызывая ужаса старости и смерти. Для этого есть система технических приемов тренировки. Но главное — систематическое следование всей системе «зиновьюги». В проблеме продолжительности жизни главным является не число прожитых лет, а само ощущение длительности бытия. Можно прожить биологически долгую жизнь как миг, а биологически короткую как вечность. Только богатая внутренняя жизнь дает ощущение длительности жизни внешней.

Человек одинок. Твой жизненный путь пролегает так, что ты лишь внешне и случайно соприкасаешься с другими людьми, причем без взаимного проникновения душ. Это самое мучительное состояние человека. Можно вынести любые страдания, кроме одиночества. Против одиночества нет лекарств и нет упражнений, как преодолевать его. От одиночества нет спасения. Есть две формы одиночества — внешнее и внутреннее одиночество. Первое является вынужденным обстоятельством. Оно может исчезнуть вместе с обстоятельствами. Гораздо более серьезной является другая форма одиночества. Это состояние, когда человек окружен людьми, ни от кого не отделен, свободен в выборе знакомств, но при этом не имеет близких себе людей. Это одиночество человека в любом коллективе, среди людей. Такое одиночество ужасно. Человек постоянно живет в состоянии обреченности, в ожидании конца. Никакой надежды, никакого просвета. Моя система учит, как со временем избежать состояния одиночества такого рода, как уклониться от него. Это профилактика от одиночества, точнее — подготовка к одиночеству как к неизбежному итогу жизни. Она учит, как встретить одиночество во

всеоружии, — как норму, как неизбежное, как состояние, имеющее свои неоспоримые достоинства: независимость, беззаботность, созерцательность, презрение к потерям, готовность к смерти.

Надо жить в состоянии постоянной готовности к смерти. Каждый день надо жить так, как будто он последний. Старайся жизнь закончить так, чтобы после тебя ничего не осталось. Малое наследство вызывает насмешки и презрение. Большое наследство порождает злобу и вражду наследников. Любое наследство оставляет людям хлопоты. Старайся уйти так, чтобы никто не обратил внимания на твой уход и чтобы люди не злились на то, что после тебя остался мусор и нужно очистить мир от твоего пребывания. Ты явился в мир незванным и уйдешь неоплаканным. Не завидуй остающимся: их ждет та же участь.

В конце концов, мы уйдем все, и никто и никогда не узнает о том, что мы были. Лучше умереть в драке или в какой-то катастрофе. Постарайся дойти до могилы на своих двоих, не причиняя другим хлопот. Лучше умереть здоровым, чем больным. Слабые цепляются за жизнь. Сильные готовы с большей легкостью расстаться с нею. Лучше умереть, не ведая того и внезапно, чем глядя в лицо смерти и медленно. Счастливы убитые в спину и из-за угла.

В моих книгах часто встречаются разговоры литературных персонажей с самими собою и некие внутренние голоса. А в «Желтом доме» у главного героя обнаруживаются десятки различных «я» и внутренних голосов. Это не просто литературный прием. Если это и прием, то он отражает одно важное качество моего государства, а именно внутреннее расчленение личности на множество различных личностей. Это не есть раздвоение личности в медицинском смысле. Личность сохраняет единство. Она просто оказывается коллективом многих личностей, объединенных в единое органическое целое. Медицинское раздвоение личности похоже на западное плюралистское общество. Мое же умножение личности можно рассматривать как коммунистическое общество, перенесенное в сознание отдельного человека и очищенное от дефектов реального коммунизма. Мое государство должно было стать идеальным коммунизмом, но лишь в сознании и поведении одного человека. В нем возникали конфликты между различными «я», возникали тенденции к порокам и ко злу. Но все же мой внутренний коллектив должен был все это преодолевать, сохранять единство и идеальность. Такое внутреннее умножение личности, кроме того, должно было обеспечить самодостаточность человека и оградить его от страданий, связанных с одиночеством. Внутреннее расчленение моего «я» на множество различных, часто конфликтующих «я» стало одним из принципов моего государства.

Естественно, встал вопрос о том, кто является высшим судьей моего поведения согласно принципам моей системы жизни. Люди в массе своей несправедливы, склонны к заблуждениям, самообману и насилию. Некое высшее существо (Бог), которое было бы абсолютно справедливым, видело бы все и все понимало бы правильно, не существует. Значит, я сам должен выполнять роль такого высшего судьи в моем индивидуальном государстве. Одно из моих «я» должно было стать моим собственным Богом со всеми его атрибутами. Принципиальной разницы между моим личным богом и Богом как творцом всего сущего и высшим судьей всего происходящего нет, ибо я в качестве своего бога сам сотворил свою Вселенную и сам установил ее законы.

Изложенным принципам надо было следовать в рутине обычной жизни, состоявшей из тысяч мелких поступков. Каждый из них сам по себе еще не выделял меня из окружающих людей в качестве личности, претендовавшей на нечто исключительное. Но систематическое поведение, проявлявшееся в множестве таких поступков, не могло ускользнуть от окружающих. Они одобрительно относились к какой-то части принципов моего поведения.

В частности, я не конкурировал ни с кем в борьбе за жилье, за посты, за награды. Я не получал за мои сверхплановые работы гонорары. Я был в дружеских отношениях со всеми, участвовал в дружеских компаниях. Все знали, что я пользовался минимумом вещей. Никого

не подводил, не подхалимничал, не доносил. Я многим жертвовал в пользу других. Помогал близким и вообще всем, кто обращался ко мне за помощью. Хотя я сам бросил пить, я охотно участвовал в пьяных компаниях, расплачиваясь так, как будто и я пьянствовал. Я был справедлив и вступался за тех, кого обижали несправедливо. Я был хорошим собеседником, умел выслушивать других. Я разбрасывал вокруг идеи, не заботясь об авторстве. Поведение такого рода создавало мне хорошую репутацию в моем окружении, уважение и даже любовь.

Я имел вполне достаточно жизненных благ в личном пользовании, довольствовался этим и не стремился к большему. У меня был обширный круг знакомств. Были ученики. Были последователи.

Я имел неограниченный доступ к достижениям культуры. Я был здоров, весел, окружен вниманием. Казалось, что мой идеал человека-государства был близок к реализации. Но и тут диалектика реальной жизни сказала свое роковое слово: чем ближе мой идеал был к завершению, тем уязвимее он становился для атак извне.

Карл Кантор. Я — это государство³

В ничем не примечательном 1976 году на небосклоне мировой литературы взошла новая звезда русского искусства. Но только теперь ее свет дошел до России, ибо создатель ее, Александр Зиновьев, немедленно вслед за своим шедевром был выдворен за пределы Отечества. Казалось бы, все самое страшное о бедствиях народа нашего было уже рассказано. «Архипелаг ГУЛАГ» потряс общественность Запада. И все же из книги «Зияющие высоты», в которой нет изображения концентрационных лагерей, организованного властями голода, изощренных пыток, массовых расстрелов, а описывается обыденщина крысиной возни либеральничающей идеологической obsługi партократии, читатель впервые узнал о глубинных и неумолимо действующих законах социального бытия, определяющих все возможные варианты сознания и поведения людей «реального социализма», будь они в тюрьме или «на воле».

Эта книга явилась одновременно и научным, и художественным открытием того, чем на самом деле является общество, в котором государство полностью подчиняло себе индивида и каждый самый маленький коллектив (из которых, как из клеточек, состоит государственный организм), поглотило отдельную личность. Такая книга могла быть создана только человеком, прошедшим все круги тоталитарного ада, и не просто, сопротивляясь, физически сохранившимся, но сумевшим сформировать себя как самобытную, духовно богатую творческую личность. Именно таким стал крестьянский сын Александр Александрович Зиновьев — истинный, не по профессорскому диплому, философ, разработавший свою систему логики, открывший фундаментальные социологические законы, создавший новый литературный жанр — социологический роман, а в литературе — новый, научный стиль образного мышления.

Антисталинистом Зиновьев стал еще в последних классах школы, в предвоенные годы. По «дружескому» доносу был арестован. Сумел убежать из-под стражи и год, скрываясь, бродяжничал по России,

Мало кто знает, что кандидатская диссертация о диалектическом методе «Капитала», с триумфом защищенная А. Зиновьевым в 1954 году в троескратном поединке с сановным Ученым советом, стала у нас едва ли не первым сочинением самиздата. Зиновьевым зачитывались, его изучали, его мысли присваивали, становясь кандидатами, докторами, членкорами.

³ Послесловие к: А. Зиновьев. Зияющие высоты. М., 1990.

Когда же его в 1978 году выдворили из страны, многие его ученики отреклись от него в испуге за собственную судьбу.

По иронии судьбы Александр живет теперь в гостеприимном, демократическом Мюнхене, в том самом, где в 20-е годы зародился гитлеризм, против которого Зиновьев, враг отечественного национал-социализма, героически сражался танкистом и летчиком в Отечественную войну.

Здесь, в Мюнхене, в течение последних 12 лет Александр Зиновьев создал более двадцати книг, вполне самостоятельных, но и как бы перетекающих одна в другую, связанных единством тем, персонажей, образующих в совокупности то, что я назвал бы трагикомической эпопеей «реального социализма», доведенной до сегодняшних дней. Они переведены на многие языки. У них громадная читательская и зрительская аудитория, да и зрительская, ибо автор сам иллюстрирует свои произведения (а выставки талантливейшей живописи выделяют его среди популярных художников Запада).

Лакейское искусство «социалистического реализма» не знало ни сатиры, ни трагедии. Свободное искусство о «реальном социализме» — искусство А. Зиновьева — не могло не объединить в себе сатиру и трагедию: сатиру на общество и трагедию личности.

Подобно автору «Гаргантюа и Пантагрюэля», А. Зиновьев воссоздал стихию народной «смеховой культуры», но уже советского общества, его бессмертное «гротескное тело».

Можно сказать, что А. Зиновьев возродил сатиру как высокий философский и демократический жанр искусства. Но не только сатиру. Другой лейтмотив его творчества — трагедия личности, неизбежная во всякой социальной организации во самой ее антиличностной природе, и особенно в деспотической, тоталитарной, которую с помощью сатиры можно понять, осмеять, внутренне возвыситься над ней, но очень трудно изменить к лучшему или тем более полностью преодолеть.

Как быть индивиду? Что сделал главный герой всех книг А. Зиновьева — он сам? И какой пример подаст каждому из нас?

От эмоционального и морального протеста против сталинизма А. Зиновьев с годами перешел к созданию его всесторонней рациональной концепции, к созданию науки о коммунизме не как социальном проекте, который в официальной идеологии изображался «наполовину» уже воплощенным, а как специфической реальности.

Сталин с несравненно большим основанием, чем хвастливый французский король Людовик XIV, мог сказать о себе: «Государство — это я». Но кто из подданных диктатора, кто из «малых сих» отважился бы создать себя самого как самостоятельное, независимое государство? Кто мог бы сказать: я, не обладающий властью над другими людьми, не желающий ничего «своего», кроме «свежевымытой сорочки», не повелевающий ни партией, ни армией, ни тайной полицией, есть неприступное государство? Рассказывают, Маяковский, повстречавшись, кажется, с Ю. Тыняновым, предложил: «Давайте поговорим как держава с державой». Увы, полного суверенитета великий поэт не добился, да, наверное, тогда, на подъеме Революции, и не хотел, наступив на горло собственной песне.

Теперь другие времена. Республики СССР провозглашают государственный суверенитет. Еще важнее суверенитет каждого индивида. Во всяком случае именно в этом состоит главный урок Александра Зиновьева. Свои воспоминания, опубликованные недавно во Франции, он так и назвал: «Я — суверенное государство».

Возможна ли самостоятельная личность, особенно в таком обществе, как наше, без души, а значит, без Бога, этой отчужденной от себя идеальной Души, с которой индивид соотносит свои мысли, чувства, поступки, а значит, в конечном счете и без религии, без своей религии, как бы ни близка она была к другим традиционным верованиям? Религиозная интуиция, религиозная потребность неистребимы, даже если обходятся без веры в загробное царство. А. Зи-

новьев создал свою собственную религию, с заповедями, близкими христианским, но все же отличными от них. Он жил и живет согласно этим заповедям, благодаря чему он, гениальный «юридический» советской философии и литературы, сумел противостоять безмозглому Левиафану.

Одна из самых вдохновляющих книг Александра Зиновьева — «Иди па Голгофу», в которой описана земная и только земная жизнь (небесной у него нет) нового «Бога», современного русского «Бога» Ивана Лаптева, по имени которого новая религия названа «иванизмом», или «лаптизмом». «Иди на Голгофу» — это гротескный, почти абсурдистский автопортрет автора и одновременно обращение к каждому из нас: стань человеком, а для этого пройди своим крестным путем.

Многолетняя, со студенческой скамьи непрерываемая дружба дает мне счастливые право и обязанность сказать эти несколько слов о друге, которого я считаю и учителем.

Владимир Большаков. Государство из одного человека

Поистине нелегко писать о человеке таких планетарных масштабов, как Александр Александрович Зиновьев. Всемирно признанный писатель, социолог, философ, логик, художник и поэт, он не вписывается ни в какие рамки и стереотипы. Как-то в разговоре со мной он бросил такую фразу: «Обо мне написали уже два десятка книг, но все они таковы, что я в них себя не узнаю, ибо суть моего творчества в них пропадает...». Зиновьев — глыба. У критиков на него не хватает ни словаря, ни знаний. Когда будут издавать полное собрание его сочинений, а рано или поздно оно непременно появится, потребуется целый научный коллектив, в который, как в авторский коллектив энциклопедии, войдут самые разные специалисты — от литературоведа до физика. Зиновьев — последний энциклопедист XX века. Для него его творчество цельно и не может быть разложено по полочкам искусств и наук. Мы знаем названия десятков его книг. Но для него все это — одна книга, так же, как для Бальзака одной книгой была многотомная «Человеческая комедия». Во многом деление его трудов на литературные произведения и научные — условно.

Понять творчество Зиновьева трудно для тех, кто не знаком с советской действительностью. Может быть, именно поэтому многие на Западе воспринимали его прозу, его Ибанск из «Зияющих высот» так же, как не знавшие ничего об Англии люди воспринимали Лапуту Свифта, а те, кто не имел никакого представления о Китае, — Кошачий город Лао Шэ. И хотя великая литература никак не может быть безотрывно привязана к географическим и историческим координатам, что доказывают и лучшие книги Зиновьева, знать эти координаты надо.

...Дело было в Ницце, осенью 1989 года. Шел там «международный конгресс по дезинформации». Меня пригласили в нем поучаствовать, как корреспондента «Правды» во Франции, а по предназначению — как мальчика для битья: конгресс был созван французскими правыми, а уж если быть точнее, очень правыми организациями. Меня, однако, быстро оставили в покое, едва я признал, что «Правда» не всегда печатала правду. Особой смелости для такого заявления в те годы, отмечу, уже не требовалось. Но в той антикоммунистической глубинке такое было внове.

В зале было скучно, ораторы занудно пугали друг друга происками коммунизма в новом горбачевском обличье. То, что генеральный секретарь КПСС был гораздо ближе по духу к ним, чем к своим предшественникам на этом посту, они бы никогда не поверили. Я вышел в холл. И увидел Александра Зиновьева. Незадолго до этого он выступал на конгрессе. Речь его

встретили холодно: Зиновьев прогноз о неизбежной гибели коммунизма отверг. «Он не погибнет, — сказал он, — а возродится, даже если сторит в огне перестройки».

Я исподволь наблюдал за ним, размышляя, кто он, этот человек? Как получилось, что столь крупный русский философ и писатель с явным талантом от Бога с коммунистами в СССР не поладил, да и с Западом, судя по его выступлению, тоже не слился.

Вспомнилось, как он говорил в одном интервью: «Даже после того, как при Брежневе меня выслали из Советского Союза и я стал жить на Западе, мне не удалось вырваться из обстановки ложных слухов и клеветы. Меня зачисляли в антисемиты и сионисты, в русофобы и прусские шовинисты, в коммунисты и антикоммунисты... Я ни то, ни другое, и ни прочее. Моя позиция такова: я — самостоятельное государство из одного человека, я никому не служу, не следую ни за кем...»

Как узнаешь, чего больше было в этом заявлении — оборонительного высокомерия непонятого и оскорбленного интеллектуала или отчаяния от непонимания?

К моменту нашей встречи ему исполнилось 68 лет, из которых 12 лет он уже прожил на Западе, так ни разу и не вернувшись в СССР после изгнания. У него за спиной помимо самого значительного его романа «Зияющие высоты» уже были десятки книг, сотни статей, выдающиеся научные работы по математической логике, философии, истории, социологии...

Что-то там творится, в этом государстве из одного человека? Как получить туда визу мне, корреспонденту «Правды»?

Я все же рискнул и представился ему. И с «визой» в один миг все решилось. Мы шли вдоль моря, и я с разрешения Зиновьева записывал наш разговор на пленку. Я сам не ожидал еще, что из этого когда-нибудь получится интервью, которое потом, во что по тем временам и поверить было невозможно, все же будет опубликовано в нашей суперпартийной газете. Но времена менялись. И Горбачев лично привел в «Правду» на пост главного редактора своего помощника Ивана Фролова, который был выписан Зиновьевым в «Зияющих высотах» под кличкой Претендент. Претендент на этом интервью сидел недели две. Потом все же, спасибо ему на том, опубликовал.

После этого мы не раз встречались с Зиновьевым и говорили часами. Удовольствие с ним беседовать ни с чем не сравнимо, разве что с поединком на шпагах. И, признаюсь, я всегда старался как можно дольше продлить поединок.

Но первое интервью все же — как первая любовь. С него протянулась между нами уже неразрывная ниточка. Тогда, на французском Лазурном берегу, я впервые услышал от него рассказ о том, как родились «Зияющие высоты»:

— Я очень плодотворно работал в области логики, — рассказывал Зиновьев. — Мои книги издавались за рубежом. По подсчетам некоторых социологов, я держал первое место среди советских философов по числу ссылок на мои работы на Западе. Я получал приглашения на все международные конгрессы, причем персональные. Но я никогда на них не ездил, меня не пускали.

Как я потом узнал, даже люди, довольно мне близкие, писали на меня доносы, утверждали, что я хочу остаться на Западе.

Кончилось тем, что я потерял студентов, аспирантов. Меня перестали печатать в Советском Союзе и допускать на научные конференции.

— Чему были посвящены ваши исследования? — спросил я, извинившись за свою неосведомленность.

— Я перестроил всю логику. Ну, в частности, я построил эмпирическую геометрию, в которой доказал постулат Эвклида о параллельных. Потом я построил мою формальную арифметику, и в ней доказал недоказуемость великой теоремы Ферма. А это — проблема, которую не могли решить более 400 лет. Я ее решил. Я настаиваю на этом. И могу это доказать. Но все

отмахиваются. Слишком много, считают, для одного человека. Это всеща вызывало раздражение...

— Значит, главной движущей силой кампании против вас была зависть? Зависть ваших коллег?

— Я не знаю. Они думали, может быть, что воюют за интересы науки. Я не хочу их судить. Но так получилось, что я оказался не у дел.

— И тогда настала пора «Зияющих высот»?

— Не сразу. В 1973 году я написал эссе о скульпторе Эрнсте Неизвестном. Потом отрывки из него я использовал в «Зияющих высотах».

— Когда вы закончили над ними работу?

— Я написал эту книгу за шесть месяцев с небольшими перерывами в 1974—1975 году.

— А как она попала на Запад?

— По неосторожности ряда моих друзей в соответствующих органах узнали, что я что-то такое пишу, и за мной установили надзор. Время было тоща такое, не очень приятное. Писал я книгу быстро и по кускам отдавал ее моим друзьям, а они уже пересылали написанное на Запад. Поначалу я печатать ее не собирался. Но в 1976 году мне сказали, что есть издатель, который хочет ее напечатать, и спросили, не буду ли я возражать. Мы с женой моей Ольгой целую ночь не спали, думали, как быть, взвешивали все «за» и «против». Меня Ольга тогда спросила, смогу ли я спокойно жить, если книга останется ненапечатанной. Я сказал нет, теперь я уже ею болен. И еще она спросила — считаю ли я, что нанесу своей стране ущерб этой книгой. Я сказал нет, не считаю. Пройдут годы и люди поймут, что это надо было сделать.

...Прошли годы. Через двадцать с лишним лет Зиновьев с Ольгой вернулись из эмиграции на Родину. «Зияющие высоты» из списков «запрещенной литературы» перешли в золотой список мировой классики. Но тоща каждая строчка этого романа напоминала порох, готовый в любой момент взорваться от неосторожного обращения и погубить автора. За рукопись романа охотились не любители, а профессионалы высокого класса (кстати, потом, уже за границей — они же охотились за самим автором). И неспроста.

Прочитайте вот эти строки из «Зияющих высот», действие в которых происходит в городе Ибанске (не простое название, а один из многочисленных примеров того, сколь блестяще владеет Зиновьев русским языком — ведь этот образ целиком воспринять может только русский!):

«...Ибанцы, обливаясь горючими слезами, наконец-то проводили в долгожданный последний путь Хозяина и наспех прикрыли кто чем мог свои разукрашенные шрамами и синякам голые зады, теоретически подготовленные для очередной всеобщей порки. Ожидаемая порка к великому огорчению ибанцев не состоялась, и они в ужасе предались робкому ликованию. Мыслитель обозвал всех трусами, как они того и заслуживали, и сократил число цитат из Хозяина вдвое. Социолог вместо обычного «самый гениальный сверхгений из всех гениальнейших гениев» употребил сильно ослабленный титул «величайший гений». Ничего не произошло и на этот раз. И Социолог опять уехал за границу. Никого не брали.

Вернувшегося из небытия Клеветника с перепугу назначили чем-то заведовать. Воспользовавшись кратким замешательством, он изловчился напечатать малюсенькую книжонку о чем-то таком, о чем писать было еще рано тогда и стало уже поздно потом. В книжонке он все искажил, а остальное изложил неправильно. Вышестоящее начальство, которое после упомянутого радостного трагического события стало еще более вышестоящим и радикально изменило точку зрения, публично заявило по адресу Клеветника, что как волка ни корми, он все равно смотрит в лес, и разослало закрытое письмо о том, что горбатого могила исправит. Клеветника тут же освободили от обременительного заведования и хотели выслать обратно из

Ибанска, как бездельника. Но время было уже не то... На горизонте Истории Ибанска уже маячила колоритная фигура Хряка. В одной руке фигура держала маленький кукурузный початок, не достигший молочно-восковой степени зрелости, а другой делала большой кукиш. Одна нога у фигуры была босая. Фигура громко икала и бормотала лозунги: «НОНИШНОЕ ПАКАЛЕНИЕ, ТВОЮ МАТЬ, БУДИТ ЖИТЬ ПРИ ПОЛНОМ ИЗМЕ». Посмотрев в сторону абстракционистов, фигура погрозила им пальцем...»

Ну, нужно ли было расшифровывать советскому человеку, что Хозяин — это Сталин, а Хряк — Хрущев?! И в интеллигентской среде весьма узнаваемыми были и Мыслитель, и Социолог, и Философ, и Клеветник, и Академик, и Мазила, и Болтун, и Художник, и Журналист, как и все другие блестящие персонажи из Ибанска, града Глупова второй половины XX века...

После того как книга была напечатана в 1976 году в издательстве «L'Age de l'Homme», Зиновьев потерял работу. «Мы жили, — вспоминает он, — без средств, продавали книги, вещи. Нам, правда, помогали. Например, академик Капица-старший, которому очень понравилась книга. Да и другие. Я подрабатывал, редактировал чужие диссертации. Ни о какой эмиграции и речи тогда не было. Но в 1978 году на Западе вышла вторая моя книга «Светлое будущее», где прямо по имени был назван Брежнев. И описан он был в довольно сатирическом виде. После этого, как мне говорили, для меня было приготовлено два сценария. Первый — посадить за антисоветскую деятельность на семь лет с последующей высылкой еще на пять. И второй — не поднимать шума и меня выслать. Короче говоря, нам в конце концов и предложили в течение пяти дней выехать из страны. В противном случае пошел бы в ход первый сценарий...»

Зиновьевы не хотели уезжать. До последней минуты они ждали, что решение отменят. «Я прожил жизнь вместе со всей советской историей и не собирался от нее отречься. Я был не просто советским человеком, я был суперсоветским. И для меня покинуть страну в 56 лет, — говорил мне Александр Александрович, — было невероятно тяжело. Я начинал понимать, почему при Ленине даже смертная казнь считалась более легким наказанием, чем высылка...»

В СССР его роман держали под строжайшим запретом, но все же, не будь «Светлого будущего», к «Высотам» тогдашние власти не смогли бы придаться без того, чтобы не выставить себя на всемирное посмешище. Им было выгоднее согласиться с Зиновьевым в том, что «Ибанск есть никем не населенный населенный пункт, которого нет в действительности. А если бы он даже случайно был, он был бы чистым вымыслом». Конечно, церберы от идеологии понимали, что социологический анализ советской системы в «Зияющих высотах» — далеко не невинное сочинительство. Один из героев романа Болтун в главке «На овощной базе» говорит:

«У нас легче построить атомный реактор, чем хорошее хранилище для картошки. Легче подготовить десять тысяч докторов наук по теории картошки, чем десяток толковых кладовщиков по этой самой реальной картошке». А Зиновьев как раз и объяснял, почему так получается.

На Западе мало кто воспринял «Зияющие высоты» адекватно. Роман поспешно занесли в библиотеку антикоммунистической литературы, а автора — в антикоммунисты, но поторопились и с тем, и с другим. В аэропорту Франкфурта его встретили словами: «Приветствуем вас в царстве свободы!» Зиновьев тут же ответил: «А я не рассматриваю Запад, как царство свободы. Да и в Советском Союзе я был свободным человеком».

Немедленно появились статьи в русской эмигрантской печати под такими вот заголовками: «Зиновьев обнажил свое лицо», «Зиновьев — советский агент», «Господин Зиновьев, какой у вас ранг в КГБ?». Распустили даже слух, что настоящего Зиновьева гноят в ГУЛАГе, а вместо него на Запад послали полковника КГБ, подмененного!

Зиновьевы поселились в Мюнхене. С этим городом связаны почти 20 лет их жизни на чужбине. «К жизни на Западе, — вспоминает Зиновьев, — мы привыкали трудно. Первые четыре года провели едва ли не в шоковом состоянии». Парадокс, но самый острый критик советской системы тосковал по советскому образу жизни. Один из героев его повести «Гомо советикус» так излагает настроения советского эмигранта, оказавшегося на Западе. Во многом они отражают настроения и самого Зиновьева того первого четырехлетнего периода его жизни в Германии: «Я почти не переживаю потерю родственников и друзей, московской квартиры... Но мне ни днем ни ночью не дает покоя то, что я потерял коллектив... Любой какой-то наш (мой) коллектив.

Здесь, на Западе, есть организации, которые очень похожи на советские коллективы, но... они не дают той защищенности индивиду и душевной теплоты, какие есть в советских. Здесь корыстные интересы сильнее и острее. Люди холоднее и беспощаднее. Это звучит комично, но тут нет партийной организации — высшей формы внутриколлективной демократии. Хочу посидеть на партийном собрании. На субботник хочу. Я готов даже на овощную базу поработать сходить и в колхоз на уборку поехать...»

«Odi et amo!» («Люблю и ненавижу!»). Диалектика восприятия среды обитания у Зиновьева та же, что и у древнеримского поэта.

«Это, в общем, нормально, — сказал Зиновьев, когда я процитировал ему это изречение двухтысячелетней давности. — Русские писатели-сатирики прошлого века жесточайшим образом критиковали свою социальную среду. Но никто из них на этом основании от Родины, да и от этой среды не отказывался. Я родился после революции и вырос в Советской России. Я вырос на лучших идеалах коммунизма и лучших идеалах революции, получил образование, которым я очень дорожу. В него вошло все лучшее, что создавало человечество в прошлом. По крайней мере дня нас отбиралось все лучшее. Это — моя нормальная среда обитания. И я стал жесточайшим ее критиком именно в силу этого. Представьте, что у меня родился бы, не дай Бог, ребенок с дефектами. Я что, на этом основании выбросил бы его за дверь? Нет, конечно. Более того, наверное, стал бы еще больше его любить. И есть еще одна тонкость. Я очень рано понял, что с такими идеалами и с таким мировоззрением я мог появиться только в этом обществе. Моя жизнь была очень тяжелой. Но я не хотел бы поменять ее на другую, мою страшно трудную, кошмарную жизнь...»

— Кстати о «лучших идеалах», — спрашиваю я. — Были ли они хоть частично реализованы в советской практике?

— Я не рассматриваю советское общество, как отступление от идеалов и, как социолог, утверждаю, что другого и быть не могло. Это нормально. Это общество сложилось по законам организации масс людей в единое целое. Оно сложилось не на основе идей, а независимо от идей. Советское общество складывалось по законам, о которых ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не думали. И советские идеологи никогда не думали. Я был первым, кто начал эти законы абстрагировать...

Западные советологи сразу же обратили на это внимание.

Крупнейший французский философ Раймон Арон сказал, прочитав книгу Зиновьева «Коммунизм как реальность», что это — «первая научная книга о коммунизме». За эту книгу Зиновьев получил премию имени Токвиля. Зиновьев был в восторге — Токвиль был одним из его любимейших авторов.

«Я люблю Токвиля, — говорил он, — потому что сам по натуре сатирик. Это мое литературное амплуа, мое призвание. И это мало кому нравится. Ведь я не даю пощады ни друзьям, ни врагам. Ни консерваторам, ни реформаторам. Ни оппозиционерам, ни защитникам власти.

Это — закон жанра. Я не рожден для власти, а рожден для ее критики. Хотя критика власти — это еще не есть неприятие власти. Возьмите все произведения Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Грибоедова, А. К. Толстого... Вы не найдете ни одного крупного русского писателя, у которого не было бы критического отношения к власти. Но это не означает, что они все были анархистами либо сознательными разрушителями государства. Достоевский, например, дружил с Победоносцевым. Салтыков-Щедрин был вице-губернатором. Да даже Пушкин был придворным. Жизнь сложнее штампов. И история нашей страны, особенно ее последних 80 лет, показывает весьма убедительно, что не критика вредит обществу, а нетерпимость к ней...»

В своих книгах Зиновьев, анализируя сущность коммунизма, показывает, что возникает эта нетерпимость, в первую очередь, в силу законов коммунальности. «Существуют коммунальные отношения между людьми в больших коллективах, — поясняет он. — Это явление естественное. Но столь же естественной должна стать и борьба против этого. В конце концов вся история цивилизации была историей ограничения стихии коммунальности...»

То «государство из одного человека», которое провозгласил в самом себе Зиновьев, не раз становилось объектом идеологических агрессий против него в советские времена. Зиновьева обвиняли в пропаганде мелкобуржуазного нигилизма, индивидуализма и во всех прочих интеллигентских грехах. По тем временам инакомыслие считалось смертным грехом и гуманистическая суть зиновьевского «государства» не была признана. Зиновьев действительно провозглашал право интеллигенции на критику властей, однако был и оставался патриотом России и понимал, что суловские приказы по армии искусств, всеобщая нетерпимость партократии к интеллигенции могут привести к краху и Советскую власть и Советский Союз. Так и случилось — те люди, которые отправили Зиновьева в изгнание, проиграли не горячую, а холодную войну, не военную кампанию, а идеологическую битву. Но в мире все взаимосвязано. И интеллигенция, которая способствовала так или иначе, как и сам Зиновьев, краху СССР, оказалась сама на грани исчезновения в посткоммунистической России. Зиновьев предупредил об этом в «Высотах»:

«Интеллигентность есть способность общества к самопознанию своей собственной сути, воплощаемая в его духовном творчестве и охраняемая определенной социальной средой. Поэтому-то интеллигентность общества определяется (и измеряется) числом и масштабами личностей, реализующих это... Интеллигентность критична и оппозиционна по самой своей функции в обществе. Это ее неотъемлемое качество. Не бывает интеллигентной апологетики.

Интеллигенция — самая трудновыращиваемая ткань общества. Ее легче всего разрушить. Ее невероятно трудно восстановить. Она нуждается в постоянной защите. Чтобы ее уничтожить, на нее даже не надо нападать. Достаточно ее не охранять. И общество само ее уничтожит...»

* * *

Зиновьева охотно издавали на Западе. В основном издательства, известные своей антикоммунистической ориентацией. Среди его почитателей был даже сам генерал Пиночет. Зиновьев ездил по его приглашению в Чили. Уже в силу этого левые на Западе его не жаловали. С началом перестройки в СССР Зиновьев на какое-то время стал одновременно и кумиром российских правых реформаторов, и коммунистов-антигорбачевцев. Не последнюю роль сыграла в этом «Катастрожка», вызвавшая в горбачевском окружении примерно такую же реакцию, что и «Светлое будущее» в окружении Брежнева. Горбачев тоже в этом памфлете был назван прямо по имени. Еще большую неприязнь к Зиновьеву вызвало «Евангелие для Ивана», в котором он высмеял антиалкогольную кампанию Горбачева. «Катастрожка» стала бестселлером. А ее автор подвергся атакам и справа, и слева одновременно.

Маленькая квартира Зиновьевых на Савитцштрассе в Мюнхене, которую советские граждане с загранпаспортом прежде обходили стороной, стала объектом паломничества. Кто там только ни побывал! Поддержки Зиновьева, его авторитета добивались эмиссары едва ли не всех политических партий России. Опубликованный в «Правде» рассказ Зиновьева о том, как в школьные годы он вместе со школьными товарищами готовил покушение на Сталина во время первомайского парада, о том, как его арестовали тогда и как он скрывался после побега от преследований НКВД, был перепечатан (часто без всякой ссылки) во многих российских газетах. Зиновьев, однако, не торопился вставать ни под красные знамена необольшевиков, ни под ельцинский триколор. Он не был ни левым, ни правым. Он был объективным. Когда я показал ему статью в одной из газет, где говорилось, что «Катастрожка» — еще одна иллюстрация того, что «Октябрь 1917 был ошибкой», а все, что было потом, — «черным провалом», Александр Александрович отреагировал на это так: «Я вовсе не считаю, что в нашей истории было только плохое. Было и немало хорошего. Коммунизм просуществовал лишь 70 с небольшим лет. Западная цивилизация существует много столетий. Мы с вами не можем предвидеть, что будет через 500—600 лет. Пока я могу сказать только, что о реальных возможностях коммунизма судить рано.

Историческое время — это не жизнь отдельного поколения. Историческое время — это столетия и тысячелетия. К сожалению, за жизнь одного поколения мало что можно сделать.

Я категорически протестую против того, чтобы нашу историю рассматривать как черный провал, подобно тому, как это делает историк Юрий Афанасьев. Он утверждает, что советское общество — это вообще пример тупикового развития. Я считаю, что это абсурд. Стопроцентный абсурд со всех точек зрения. Наша система возникла не по злomu умыслу «горстки евреев», как утверждали антикоммунисты 20—30 годов и как бездумно повторяют сегодня то же самое некоторые их последователи, а закономерно. Это — не черный провал. Советская история — тяжелая, трагическая, страшная, но грандиозная. Не все в ней было злом. Были и великие достижения. Люди еще не оценили их по достоинству. Но это придет с годами...».

Слова эти датированы июнем 1991 года. Пройдет всего несколько лет, и примерно то же самое о советской истории скажет Борис Ельцин. Это не означает, что Зиновьев убедил Ельцина в своей правоте. Точно так же, как и Ельцин не убедил Зиновьева во время их знаменитых дебатов по второму каналу французского телевидения в декабре 1990 года в том, что с приходом его, Ельцина, к власти Россия познает небывалое процветание и благоденствие. Зиновьев и здесь оказался прав, когда говорил, что, придя к власти, Ельцин забудет популистские лозунги, станет действовать по законам власти. Так оно и случилось.

* * *

Зиновьев — мастер столь же жесткого, сколько и точного прогноза. К литературе он пришел почти одновременно с завершением своей социологической теории коммунизма. Была проделана огромная работа. Создан гигантский научный аппарат. В истории литературы не было такого прецедента, чтобы научная теория легла в основу романа. У Зиновьева именно так и было. Именно поэтому ему суждено было стать основоположником еще и нового жанра в литературе — социологического романа, социологической повести и даже социологического памфлета. В отличие от «социального романа», чему примеров множество в русской литературе, социологический роман излагает результаты научного социологического исследования, но в литературной форме, с использованием традиционных литературных приемов и средств. Более того — средства научного исследования — гипотеза, прогноз, и т. д. — используются как средства художественные.

Зиновьев практически во всех своих книгах излагает те или иные положения социологической теории. Обычно это занимает до 30 процентов всего текста повествования. Прочитав «Зияющие высоты», человек, даже не знакомый вовсе с социологией, узнал бы, что такое социальный индивид, руководство, коммунальность, группа, законы эволюции и т. д.

Персонажи его книг сами занимаются социологическими исследованиями. Они дают свои определения «Что такое донос?», «Что такое рабочее место?», «Что такое лозунг?», «Что такое коммунизм?» и т. д. Книга «Иди на Голгофу» в этом отношении классический пример пересадки социологической теории и практики на живую ткань литературного повествования. В романе «Живи» в главке «Национальный характер» есть такие наблюдения:

«От остановки до учреждения, где я работаю, иду с сотрудницей, которая является самым талантливым нытиком у нас в городе. Слег сослуживец с инфарктом в больницу. «Это разве инфаркт, — говорит она, хватаясь за место, где по идее должно быть ее сердце. — Мне бы такой «инфаркт», так я бы в соревнованиях по бегу участвовать стала. Вот у меня инфаркт, так инфаркт! Еще чуть-чуть, и я копыта откину!»

Эта женщина в такой форме выражает наше общее качество: мы гордимся тем, что живем хуже всех, что понесли громадные потери в сталинские годы и больше всех пострадали в войну. Мы гордимся тем, что нам и в будущем не светит ничего хорошего. Когда мы собираемся вместе, мы хвастаемся не успехами и приятностями, а неудачами и неприятностями. Это качество есть наша психологическая самозащита. У нас нет надежды изменить свое положение и иных средств защитить свои души от разрушающих их страданий».

Как правило, у героев социологических романов Зиновьева нет собственных имен. Либо есть построенные на игре слов узнаваемые псевдонимы. Мыслитель, Шизофреник, Хахель, Директор, Социолух, Портянкин, Невеста, Слепой, Гробыко, Горбатый, Сусликов... Скорее это — социологические категории, чем литературные персонажи, но вместе с тем — они герои романа.

Многие книги написаны у Зиновьева, как пьесы, только без перечня действующих лиц. Иногда он весьма щедро использует публицистику, целыми кусками вставляет в роман свои интервью. И, как ни удивительно, это ему удается сделать так искусно, что нить повествования не рвется, а литературная ткань не превращается в газетную полосу.

Далеко не всегда в романах Зиновьева есть четкий и последовательный сюжет в традиционном литературном смысле этого слова. Есть скорее сюжет социальный, связанный с тем или иным историческим периодом жизни советского общества с момента его зарождения до момента его краха. Только в «Глобальном человечнике» место действия изменено. Это — Запад. И весь роман посвящен раскрытию новой социологической категории, введенной Зиновьевым, — «западнизма». Это не означает, что прежде Зиновьев о Западе не писал. «Запад» — ведущая тема диалогов и монологов «Желтого дома», одного из лучших романов Зиновьева (он лично считает, что самого лучшего) об идеологии и идеологах советского периода, и «Гомо советикуса», и «Исповеди отщепенца».

Во многом композиционные решения романов Зиновьева были обусловлены тем, что начинать ему пришлось свой путь в литературу под неусыпным надзором КГБ, с которым писатель играл в весьма опасные кошки-мышки. Каждый раздел поэтому писался, как отдельная глава. А каждая глава, как отдельная книга. Нередко поэтому и впечатление от прочтения книг Зиновьева такое, что вы переходите не от книги к книге, а читаете продолжение. Действительно, такие книги, как «Гомо советикус», «Пара беллум», «Государственный Жених» и «Рука Кремля» должны были стать частями большого романа о действиях советской агентуры на Западе. Издатель посоветовал Зиновьеву издать эти книги по отдельности, а затем воедино их уже не собрал. Зиновьев задумал большую книгу под общим названием «Искушение». И туда должны были войти «Иди на Голгофу», «Живи», «Евангелие для Ивана», «Смута» и «В преддверии

рая». Но «В преддверии рая» Зиновьев писал по кускам, и они накапливались у издателя на Западе по мере их пересылки. Когда у него собралось около 40 печатных листов, он их издал, не дождавшись обработки их Зиновьевым.

Иначе произошло с работой над книгами «Русский эксперимент» и «Русская трагедия». В основу их легли наши беседы с Зиновьевым для «Правды», которые были изданы вместе с несколькими его интервью отдельной книгой под общим названием «Россия пост-коммунистическая» (1997 г.)

Вернувшись к ним незадолго до своего возвращения в Россию в 1999 году, Зиновьев основательно переработал эти публицистические куски в духе своего социологического романа.

Его классикой остаются «Зияющие высоты». Суть литературно-социологического метода Зиновьева видится в этом романе наилучшим образом. В отличие от многих критиков коммунизма, которые рассматривали советское общество как улей, муравейник, термитник, как колонию бессловесных роботов, либо рабов, Зиновьев показал, что это всего лишь частные случаи социального объединения, а само человеческое общество гораздо хитроумнее, грандиозней. Его структура дифференцирования куда сложнее. Он, в частности, пришел к выводу, что формы, с помощью которых надо описывать это общество, требуют такого математического аппарата, которого пока официально не существует. С помощью своего социологического скальпеля он отсекал все «ненужное». «Я рассматривал человеческое общество, — говорил он в одной из наших бесед, — отвлекаясь от того, что человек имеет какой-то свой внутренний мир. Я исходил из того, что человек имеет тело и мозг. Мозг — орган расчета и управления. А этот орган управления подчиняется определенным правилам. Это — предпосылки моей теории, которая и легла в основу «Высот».

Многие мои критики полагают, что я ходил и подсматривал, подслушивал, записывал все, что в нашем обществе происходит. И так якобы получились «Высоты», потом другие книги. Ничего подобного. Я вычислил это общество. Весь мой Ибанск — это город, который я извлек из своей головы».

В «Высотах» есть такой пассаж — «Ибанск выдумал Шизофреник в пьяном виде...». Независимо, конечно, от авторского замысла (Зиновьев утверждает, что у него такого не было) и выдумки, роман, конечно, возник на базе нашей советской реальности, легко узнаваемой в ежечеловечности Ибанска.

Задача Зиновьева как литератора была весьма сложной. В силу тогдашних обстоятельств опубликовать хотя бы строчку своей социологической теории коммунизма он не мог. Принявшись за «Высоты», он столкнулся с другой трудностью — как в литературной форме изложить то, что он был лишен возможности сделать в научных публикациях. Его выручили сам материал «Высот» и природный юмор. Логическую схему постепенно вытеснил парадокс. Стройная социологическая теория воспринималась легко, потому что автор излагал ее играючи, перемежая шутками и анекдотами. Зиновьев впервые попал в поле зрения хранителей благонадежности еще в школьные годы, когда он создал конституцию школьной республики, в которой было записано, что в ней вводятся такие деньги, на которые ничего нельзя купить. В более поздние времена, в шестидесятые годы, уже будучи известным ученым, он стал одним из авторов гулявших по России «кухонных анекдотов», которыми наслаждалась интеллигенция, державшая всегда наготове фигу в кармане. К тому же как создатель анекдотов, афоризмов и популярных острот Зиновьев настолько овладел разговорным русским языком, что литературное повествование его, при всей строгой логике первоначальной схемы, оказалось на редкость живым и искрилось непревзойденным юмором, которому позавидовали бы и Гашек, и Ильф с Петровым, и Чапек. Без сомнения, его можно считать Салтыковым-Щедриным нашего времени. Но ни в коем случае — «советским Оруэллом». Этот сомнительный комплимент Зиновьев отвергает. «Я не воспринимаю Солженицына, — говорит он. — Я считаю его произведения фальси-

фикацией. Точно так же я не воспринимаю произведения Оруэлла, Платонова и Замятина. «Зияющие высоты» на Западе отнесли к разряду антикоммунистической литературы, но мой роман по сути был отрицанием всей антикоммунистической литературы, которая все сводит к более или менее примитивной идеологической схеме. А человеческое общество, как я всегда говорил, куда сложнее, хотя при его анализе и приходится прибегать к упрощениям...».

Критики не раз безжалостно обвиняли Зиновьева в том, что герои «Зияющих высот» бездуховны, схематичны и даже ходульны. Он и сам это признает, но без всякого сожаления:

«Да, в Ибанске духовности нет. Ее не было в предпосылках. Я намеренно это исключил. И вот почему. Для того чтобы построить теорию, нужно производить упрощения. Если упрощения не произведешь, ни одного шага вперед не сделаешь. Я много лет изучал советское общество, используя свою систему упрощений. Поясню. Развитие общества идет не по прямой линии, а напоминает кардиограмму, где есть взлеты, падения. Но для того чтобы все это доказать, надо многое исключить. Человека при анализе его места в обществе и самого того общества, в котором он живет, приходится сводить к такому существу, у которого есть тело и органы управления. Органы управления должны производить определенные действия, чтобы тело сохранялось. Однако, исключая что-то из анализа, упрощая определенные явления, либо просто не принимая их во внимание, я не собирался их полностью игнорировать, а собирался постепенно включать их в рассмотрение. Еще студентом я написал работу о «Капитале» Маркса под названием «Метод восхождения от абстрактного к конкретному». «Высоты» были во многом абстрактны. Я решил, что новые аспекты, идя от абстрактного к конкретному, от простого к более сложному, я буду рассматривать в других книгах. Так появились «Желтый дом», «Светлое будущее». Однако с 1985 года в стране стали происходить известные всем перемены, и мое внимание переключилось на исследование не столько природы коммунизма, сколько его кризиса...» Элементы традиционного романа, однако, тоже пришли к Зиновьеву, как бы он от этого сам не отрешивался. Роман «Живи» — тому живой пример. В нем есть страницы, по силе не уступающие Достоевскому. И есть та же боль за униженного и оскорбленного маленького человека.

Крах Советского Союза заставил Зиновьева радикально пересмотреть свои творческие планы. Во Франции вышла его «Смута», которую он написал еще до 1985 года. Ему пришлось в 1992 году дописать вторую часть о реальной смуте в посткоммунистической России.

* * *

Наверное, меньше всего враги и поклонники Зиновьева ожидали, что на закате лет он вернется из Германии в Россию. И не просто доживать свой век, а активно работать.

Характернейшей его чертой было то, что он никогда не работал на кого-то, по чьему-либо заказу, в силу конъюнктуры. Единственным его заказчиком была Истина. И с этого обычно начинаются все трудности Александра Зиновьева. Трагедией гигантов мысли всегда было одиночество — им, как правило, не с кем поговорить на равных. Зиновьев, при всей своей общественной активности и готовности занять трибуну любого приличествующего его имени форума, никак не вписывается в привычные «тусовки» российской интеллигенции и, несмотря на явное предпочтение левого фланга нашего политического класса, ни к коммунистам, ни к новым эс-декам так до конца и не примкнул, а стоит от них как бы поодаль. В любом случае он всегда предпочитал позицию оракула положению чьего-либо идейного наставника. Его охотно приглашают, но за ним не идут. Причин тому много. Книги его, за редким исключением вроде «Катастрожки», слишком сложны для того, чтобы стать бестселлерами. Его научные труды — это, как правило, отрицание всего, что наработано до него его учеными коллегами, что уже само по себе ставит Александра Александровича вне всяких школ и кафедр. А Зиновьев-три-

бун слишком бескомпромиссен и безжалостен в любом диспуте, в том числе и по отношению к тем, кто вроде бы выступает на его стороне. В результате, вернувшись на Родину, он с горечью убедился в истине «Нет пророка в своем отечестве» на собственном опыте. И дело вовсе не в недостатке публикаций, интервью, публичных выступлений. Здесь как раз в последнее время, особенно в России, показатели рекордные. И тем не менее к своему 80-летию он пришел непонятым — ни в России, ни на Западе — и, увы, — по-настоящему нигде не востребованным. Финал достаточно логичный для гражданина государства из одного-единственного человека. Но от этого — не менее трагичный.

Зиновьев не вступил ни в какую партию в России. Хотя объективно он ближе всего сейчас к КПРФ. По парадоксу среди ее нынешних лидеров есть и те, кого безжалостно высмеял Александр Александрович в своих книгах. И те, кто так или иначе причастен к его преследованиям в советские времена. Теперь они поднимают Зиновьева на шит, приглашают его на все свои торжественные мероприятия, а заодно без зазрения совести и без всяких ссылок на автора активно переписывают его труды целыми страницами в свои статьи, брошюры и даже... диссертации. Жизнь-то продолжается даже в оппозиции, которая по сути своей — тоже один из неотъемлемых элементов власти.

Зиновьев как-то сказал мне в одном из наших интервью: «Я — идеальный коммунист. Такой, каким был Павка Корчагин...» Идеальные коммунисты для прагматичных лидеров «лево-патриотической» оппозиции духовно чужеродны, но на данном историческом этапе — необходимы уже потому, что КПРФ сохранила название коммунистической партии. Другое дело, что по своей политической и идеологической сути партия настолько радикально трансформировалась, что адекватный политический термин для нее подобрать нелегко. Это в первую очередь касается обращения КПРФ к «русской идее» и столь неоднозначно понимаемому и толкуемому явлению, как патриотизм. Объективно патриотом может быть каждый россиянин, независимо от его убеждений. Тут вся гамма — от ультралевых до ультраправых, от коммунистов до монархистов. И что самое опасное — патриотами называют себя и российские фашисты. Ленин в таких случаях идейной неразберихи советовал, прежде чем объединиться, решительно размежеваться. К сожалению, руководство КПРФ этот завет Ильича решительно проигнорировало. Лидеры КПРФ и НПСР не нашли ничего лучшего для подтверждения своего «патриотизма» в его постперестроечном варианте, чем формулу архи-реакционера графа Уварова «Самодержавие, православие, народность». Конечно, Уварова отредактировали в духе времени — вместо самодержавия пошла «державность», вместо православия — «духовность», а вместо «народности» иногда вставляют... «соборность». Точно так же приспособили к коммунизму «русскую идею», «геополитику», «евразийство», по па в рясе и черта в ступе. Таких идеологических коктейлей из ультра национализма, мракобесия и марксизма на левом фланге никогда и нигде не изготовляли. Будь жив Ленин, он наверняка назвал бы «архиреакционными», как и графа Уварова, те старорусские девизы, что украшают ныне идеологические скрижали КПРФ и НПСР. Результаты этой идейной неразборчивости не замедлили сказаться. Что стоит одно дело входившего во фракцию КПРФ генерала, взявшего на вооружение весь лексикон «Черной сотни». Дошло до того, что первое время на совместных митингах и съездах КПРФ и НПСР, в том числе в Колонном Зале, открыто продавалась неонацистская литература вместе с «Протоколами сионских мудрецов». На одном из шествий патриотической оппозиции у здания бывшего КГБ на Лубянке установили трибуну, на которой встали плечом к плечу лидеры КПРФ, НПСР и тот самый думский генерал, с которого только что взяли слово публично не произносить слово «жид». А напротив той трибуны, на постаменте снесенного толпой в августе 1991-го памятника Дзержинскому, какие-то личности бойко торговали антисемитской и откровенно нацистской литературой. Я видел это своими глазами. Да и я ли один — российское телевидение с большим удовольствием по несколько раз в день показывало первомайские шествия КПРФ

и НПСР, в которых своими ударными колоннами дефилировали под погромными плакатами «патриоты»-черносотенцы. Ну что может быть у этих людей общего с Павками Корчагиными прошлого и настоящего, которые в коммунизм верят и ныне истово, незабвенно? И тем не менее это факт, что они идут с коммунистами сегодня в одних протестных колоннах. В чем здесь дело? Только ли в недостатке идейной закалки и идеологической безграмотности? Думаю, что все проще. Беспринципность лидеров патриотической оппозиции в том, что касается выбора союзников, лишь подтверждает тот факт, что и старыми и новыми партаппаратчиками двигала и двигает не идея, а практическая потребность. Как и Бурбоны, они ничего не поняли и ничему не научились. Главная их нынешняя потребность — возвращение к власти. Сегодня им, выбившимся в лидеры из нижних и средних звеньев рухнувшей партийной иерархии, нужны всемирно известные имена и авторитеты, готовые бескорыстно пожертвовать собой и своими трудами ради светлого будущего и работать на них «за идею». Бывшие середнячки, а ныне лидеры, по старой традиции ЦК КПСС привлекают к написанию своих «трудов» и речей лучшие умы российской левой, а теперь уже и правой, и на этом блестящем фоне умудряются скрыть свою собственную серость, пошеголять в мундирах фельдмаршалов от идеологии. Им нужны армии, ударные батальоны. Им нужны знамена, идолы от коммунизма, все еще популярного в России. Им нужны герои, которые пойдут за них воевать, чтобы они вновь вернулись к власти. Именно эти идеалисты без оглядки идут в бой и на любое опасное для жизни либо репутации противостояние с властью, с олигархами, с их, лидеров, соперниками по части лидерства. Ну, а уж если на их стороне такой «боевой слон», как Зиновьев, то тут, право, впору трубить победу.

С ними ли все же Зиновьев? Уверен, что он знает им цену и ни на минуту не впадает в иллюзию по поводу их идейной и интеллектуальной ценности, хотя иной раз и появляется вместе с ними на митингах и соответственно — на экранах телевизоров. Ибанск вечен, однако, хотя он вроде бы и не существует и его никто не населяет, кроме художественных образов.

Я нахожу ответ, ключ все в той же фразе Зиновьева о государстве из одного человека. Из этого государства он прибыл в качестве посла в их страну, над которой до сих пор развевается тот самый красный флаг. Но для него он символизирует коммунистический идеал, а для них — власть в коммунистическом государстве, где они диктовали законы жизни, в том числе и таким Гулливерам мысли, как Зиновьев. Они, правда, странно сойдутся на том, что не винят Сталина в совершенных им преступлениях против всех народов СССР. Зиновьев, когда-то ненавидевший Сталина, в 90-х годах вдруг стал говорить о нем восторженно, полагая, что иначе как железной рукой Россию было не поднять, а Гитлера — не победить. Что это? Прозрение или аберрация исторического зрения? Откровение или ошибка, от которой и лучшие мыслители не гарантированы? Конечно, оправдывая задним числом Сталина, Зиновьев проявил себя, как «настоящий коммунист», который готов признать даже насилие во имя светлого будущего. (С известной сентенцией Достоевского — никакое светлое будущее не стоит слезы ребенка — коммунисты старой закалки расходятся самым решительным образом.) И все же, как историческую необходимость, он оправдывает сталинский террор лишь отчасти. Главным для него был и остается научный анализ природы коммунизма и отчасти — поведенческих норм российского населения. Свой личный опыт и свои очевидные страдания той поры, когда ему приходилось скрываться от погони чекистов, Зиновьев отбросил, как частность. Точно так же он считает себя вправе поступить и с эмоциями бывших диссидентов и их единомышленников, когда они пытаются убедить его, что тиранство Сталина — непростительно и оправдать его никак невозможно. Он отвечал, что с его точки зрения это тиранство было единственным способом спасти ту условно-коммунистическую систему (Марксом там и не пахло), которая сложилась в СССР к моменту прихода Сталина к власти. Вывод этот, с его точки зрения, объективен, и ничего взамен Зиновьев нам предложить не может. А коммунизм получился в России

именно таким, каким он был, потому что так сложилось и другим он быть не мог. Не важно — нравится его вывод диссидентствовавшей интеллигенции или нет.

Как ученый, он безжалостно объективен. Помню, в 1996 году во время одной из наших встреч в Париже, почти физически устав от его пессимистических прогнозов по поводу будущего России, я спросил его, а нельзя ли все же дать читателям нашей газеты хоть какую-то надежду и пусть небольшой, но заряд оптимизма? Реакция Зиновьева была мгновенной: «Нет, нельзя. Ибо это противоречило бы научному анализу нынешнего положения страны и ее ближайших перспектив». Конечно, он был, как всегда, прав. В России тогда только что переизбрали президентом Ельцина. Какие уж там могли быть перспективы! И все же человек жив надеждой, пусть даже не имея на это никаких оснований. «Ты мне друг, но истина мне дороже» — это для римлян, не для русского человека.

Русский человек крепок в вере и доверии к своим лидерам до тех пор, пока добропорядочность иерархов и вождей не вызывает у него никаких сомнений, пока вера — правильная, а царь — настоящий, т. е. справедливый. Одной из величайших ошибок Романовых было Кровавое воскресенье 1905 года. Царь не понял, что к нему шел народ со своими прошениями под хоругвями и с иконами, т. е. шел с добром, с верой в то, что царь-батюшка выслушает челобитчиков и поможет. Сотни людей были убиты и ранены. Но главное — смертельная рана была нанесена вере в царя. Последовавшее вскоре за этим приближение к царской семье еретика — хлыста Распутина довершило начатое 9 января 1905-го. Русское общество пришло к выводу, что веру в России опоганили на высшем уровне и с этого российского Олимпа власти, виновные в таком поругании, должны были быть изгнаны, что и произошло во всем трагизме ликвидации монархии и впоследствии самой августейшей семьи. Лозунг «За Веру, Царя и Отечество» в массовом сознании распался на составные, и восстановить его в прежнем единстве не могли более ни добровольческие армии, ни помогавшая им Антанта. Как и всегда, русские ухватились за спасительную константу по имени Отечество, приняв иную веру и иного царя. По сути, коммунизм и был воспринят в народе как вера, а лидеры компартии — как правопреемники уничтоженной царской семьи. В коммунистические идеи народ вникал не более глубоко, чем в постулаты православия и в смысл ежедневных молитв, а уж тем более — всех тонкостей литургии. Но лидерам до поры верили, за ними шли, не раздумывая. Хрущев вбил первый гвоздь в гроб коммунизма, когда дискредитировал Сталина. Это все равно было, что разрушить авторитет Христа в глазах верующих. Последующие советские лидеры довершили начатое Хрущевым. Но если Брежнев, а тем более Андропова еще побаивались и по-своему уважали, то над Черненко и Горбачевым откровенно смеялись. К тому же «минеральный секретарь» запретил пить водку... После этого Советской власти было уже никак не устоять.

Ленин не случайно говорил после революции, что коммунизм у нас в России поняли едва ли десять человек, да и те поняли его неправильно. В нашей коммунистической партии было 18 миллионов человек в момент развала СССР. Когда ее запретили, они все спокойно разошлись по домам. Никто не протестовал и не строил баррикады. За идею страдать никто не пошел. Самые честные и идейные просто стрелялись. Для большинства ни запрет КПСС, ни развал первого в мире коммунистического государства не стал личной трагедией. Дело здесь прежде всего в том, что новая вера — марксизм-ленинизм — существовала только в пропаганде. В реальной жизни марксизма и в помине не было. Да и КПСС не была политической партией. Она была организацией политической и государственной власти. Когда сменилась власть, ее просто не стало. Во многом тому причиной — мировоззрение нации, сформировавшееся еще в дохристианский период. Русские были и остались язычниками и по своему менталитету так и не вышли из первобытной общины, из того самого духовного Ибанска, который куда древнее Киева и Москвы. Даже столь продвинутый, как теперь говорят, писатель, философ и логик Александр Зиновьев тосковал на Западе по... коллективу.

По ходу веков русские меняли даже не столько веру, сколько идолов. Их социальная организация адаптировалась к каждому новому социальному строю чисто формально, но природы своей не меняла. Не случайно Маркс считал, что Россия будет последней страной, где сумеет победить коммунизм. Маркс ничего не понял в русском менталитете. Он не мог догадаться, что коммунизм здесь победил еще в Великом Новгороде с его вече и первыми прообразами Советов.

Русские коммунисты понимали это нутром, если не в теории. Следуя теории Маркса-Энгельса, они проспали революцию 1905 года. Проспали и Февральскую революцию 1917-го. И только с третьего захода — в ходе подготовки октябрьского переворота — они уяснили, что в массы нести «марксову теорию» — нелепое дело. (Кстати, такого рода попытки блестяще высмеял Шолохов в «Поднятой целине» в знаменитой сцене изучения словаря иностранных слов Нагульновым в паре с дедом Шукарем). Гениальность Ленина и его ближайших соратников заключалась в том, что они сделали ставку на использование в России атавизмов первобытного общинного коммунизма, где все должно было делиться по справедливости, и в ходе подготовки октябрьского переворота, и впоследствии — при коллективизации. Именно с помощью этой далеко не теоретической базы был физически уничтожен прежний правящий класс вместе с обслуживавшей его интеллигенцией. А затем и справный мужик был уничтожен. Россия стала царством пролетариев в полном смысле этого слова. У них не осталось ни корней, ни церкви. Сознание их было чисто, как *tabula rasa*, и там можно было начертать любой лозунг, и он был бы воспринят со стопроцентной гарантией как откровение и как руководство к действию. Традиция коллективного мышления, всегда существовавшая в русской сельской общине («как мир решит») сработала на руку большевикам и в ходе дальнейшего «строительства социализма». Отсюда — публичные процессы, всенародные обсуждения и осуждения, культ вождя и все, что было с этим связано. В определенной степени все были равны, ибо были равно нищими. И тем не менее ощущение этого равенства было поистине опьяняющим и по-своему плодотворным. Зиновьев как-то сказал мне: «Да, мы были нищими. Мы жили в ужасных условиях, впроголодь, а то и во вшах. Но нам дали возможность постичь Канта и Гегеля в подлиннике. Советская власть совершила величайшую в истории культурную революцию, и это ее достижение — неоспоримо». По парадоксу вещей именно эта культурная революция и погубила Советскую власть. И Зиновьев — тому живое подтверждение. Человек, познавший Канта и Гегеля даже в переводе, не сможет признать за духовного вождя невежественного партократа любого ранга — а они у нас были невежды на подбор — Хрушев, Брежнев, Суслов, Черненко, и т. д. Интеллигенты в первом поколении воспроизводили интеллигентов во втором поколении и в третьем. И чем прочнее утверждалась русская и мировая культура в привилегированной прослойке потомков крестьян и пролетариев, тем активнее эта среда производила диссидентов. В бытовом восприятии все диссиденты в СССР воспринимались как антисоветчики и агенты Запада. Лишь начав работать во Франции, я стал понимать, что эти наши «антисоветчики» в большинстве своем были искренне озабочены прежде всего тем, как эту нашу Советскую власть улучшить и очеловечить. Среди них были и предшественники нынешних демократов, и последовательные марксисты вроде Роя Медведева и Петра Абовина-Егидиса. Остается лишь сожалеть, что в партийных верхах не захотели делить с «какими-то» диссидентами монополию на истину. Но вот когда Советский Союз рухнул и распался, они стали лучшими авторами «Правды». Не было более язвительных критиков беловежского сговора, российских демократов и лично Ельцина, всего созданного ими режима, чем Александр Зиновьев, Владимир Максимов (лидер «Антикоммунистического интернационала» и главный редактор журнала «Континент», издававшегося в эмиграции), Мария Розанова (главный редактор парижского русского журнала «Синтаксис», жена А. Синявского), Андрей Синявский (он вошел в историю

под псевдонимом Абрам Терц, как первый советский диссидент, осужденный за свои убеждения), Абовин-Егидес и другие...

Владимир Емельянович Максимов сказал мне незадолго до своей смерти: «Дело, Владимир, не в идеологии. Дело — в греховной сущности человеческой». Не эта ли сущность превратила вчерашних ярких коммунистов в не менее ярких демократов и защитников капитализма. Имена их известны. Ельцин, Назарбаев, Ниязов, Бразаускас, Алиев, Шеварднадзе — это на уровне Политбюро и ЦК КПСС, и сотни, тысячи рангом ниже. А ведь это все равно, как если бы после октября 1917-го великие князья стали членами ЦК РКП(б). Но те не стали и даже не предпринимали такого рода попыток — не позволяли вера и честь. В партийной аристократии СССР таких понятий, очевидно, просто не существовало.

Зиновьев отрицает за идеологией право на существование, полагая, что это категория не научная, а скорее мистическая, своего рода идейный инструмент профессиональных манипуляторов массовым сознанием. Его критическое восприятие коммунизма и социально-исторического феномена Советской власти во многом кардинально расходится с традиционными и неомарксистскими оценками, будучи ближе к подходу Герберта Маркузе, автора книги «Советский марксизм», и даже во многом, особенно в «Зияющих высотах» — к критике Джорджа Оруэлла («Скотный двор» и «1984-й»), хотя сам Зиновьев никакого духовного родства ни с американским идеологом «новых левых», ни с Оруэллом не признает. Подобно Маркузе и Оруэллу, Зиновьев пришел к критике коммунизма слева, а не справа. Но в отличие от них он не отрицает коммунизм, не хоронит его, а утверждает, говорит о необходимости исторической реабилитации коммунизма, что среди современных философов непопулярно. В государстве из одного человека, однако, о всеобщем признании никогда не беспокоились. Зиновьев публично утверждает, что коммунистическая практика была слишком кратковременной для того, чтобы судить о реальном потенциале коммунизма вообще и Советской власти в частности. С его точки зрения, еще ничего не потеряно. Надо просто подождать, пока история сделает еще один круг и пока человечество помудреет.

В этом подходе куда больше зрелого анализа, чем наивности мечтателя либо веры адепта. Хотя есть и то, и другое, и третье. Объективно всеобщее потребление — идеал демократов — тупиково уже потому, что бездуховно, равно как и лозунг «Обогащайтесь!». Запад как раз через детей из обеспеченных семей повторяет историю радикализации российских дворян и разночинцев — они ищут духовности, возможности послужить своему народу и всему человечеству, идут «в народ» и современные народники. Мальчики из благополучных европейских и американских семей зачитываются Бакуниным и Кропоткиным, а в последнее время все чаще — и Зиновьевым, их кумирами становятся батька Махно, Че Геварра и, увы, даже Бен Ладен. Можно, конечно, на этом фоне порассуждать о феномене *deja vu*. Но дело не в том, что история повторяется. Повторяется, только на более высоком и теперь уже глобальном уровне, поиск социальной справедливости, возможностей бескорыстного служения людям, в чем для последовательных левых и есть высший смысл коммунизма. То, что лидеры современных компартий этот смысл донести до масс не умеют — это их беда, а не беда коммунизма. Очевидно, чтобы прийти к этой истине, потребуется и смена лидеров, и смена поколений, и неизбежная при этом трансформация коммунистического учения. Вот тогда, может быть, коммунизм получит снова тот исторический шанс, который, по Зиновьеву, был в России упущен.

То, что Зиновьев сегодня в России — это большая удача. И не только для ее интеллектуальной элиты — для всех россиян. Хотя этот факт мы еще даже не осознали. Это придет потом, позже.

Зиновьев был и остается русским человеком, русским писателем, русским ученым и интеллигентом в лучшем смысле всех этих высоких слов. По своей воле он не покинул бы Россию никогда. И как только появилась возможность вернуться сюда, он вернулся, чтобы быть со

своим народом. В своем Ибанске. Может быть, он его и выдумал от начала до конца. А может быть, он только сейчас и обретает реальные черты. В любом случае с помощью Александра Зиновьева Ибанск стал вечным городом.

Андрей Фурсов. О великом вопрекисте

Жизнебытийный эксперимент и творчество А. А. Зиновьева в контексте социальной теории и русской истории

*Помните, у человека нет другого выбора —
он должен быть человеком.*

Ежи Лец.

*Достойный человек не идет по следам других людей.
Конфуций.*

РУССКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ОДНОМ ЛИЦЕ

Об Александре Александровиче Зиновьеве надо писать большую книгу — никак не статью. Зиновьев — это не только личность, это — явление, совокупность текстов, и, что, возможно, самое главное, эксперимент по реализации некоего индивидуально социального, жизнебытийного проекта. Эксперимент в эксперименте или даже в нескольких экспериментах — советском, русском (по «принципу матрешки»).

Когда-то устами одного из героев «Светлого будущего», Антона, Зиновьев сказал о марксизме, что это *«штука весьма серьезная, оказывается. Его не обойдешь. За какую проблему ни возьмись, она обязательно так или иначе рассматривалась и по-своему решалась в марксизме»*. Иными словами, речь идет о том, что марксизм — интегральный и многое (если не все) охватывающий идейный комплекс.

Аналогичным образом дело обстоит и с «зиновьевизмом». Совокупность текстов, созданных Зиновьевым, тоже образует довольно интегрированный, хотя и далеко не лишенный противоречий (впрочем, как и марксизм) и многое охватывающий идейный комплекс. Я не сравниваю здесь системы, речь идет о сходстве принципов их конструкции. Строительство подобных целостных (или стремящихся к целостности) комплексов, систем — очень большая редкость для русской мысли. Если к тому же заметить, что, во-первых, система Зиновьева — это ответ одновременно советскому марксизму (и реальному коммунизму как системе) и «западнизму», реакция на них, а во-вторых, что на основе своей теории Зиновьев пытался предложить и практическую философию (или «идеологию») жизни индивида в советском обществе («Живи», «Иди на Голгофу»), философию, которую я определил бы как «быть самим собой — быть человеком», то опыт этот становится почти уникальным русским экспериментом. Наконец, если учесть, что «система Зиновьева» — это единственная в СССР за всю историю его существования попытка создания целостной социальной философии, теории и «практической идеологии», отражающих советский опыт развития в его целостности (и адекватных ему), по методологии, понятийному аппарату, формам и средствам отражения («научно-художественная проза»), то слово «почти» исчезает и мы получаем уникальный эксперимент — советский и русский, осуществленный одним лицом. Но — ив этом еще одна особенность, не просто как

лицом, а как «суверенным государством в одном лице». Когда Зиновьев говорит «я — государство в одном лице», это следует понимать шире: «я — социальная система в одном лице»; индивидуализация системности, приватизация системы индивидом, личностью как высшая форма самореализации и есть тягчайшее нарушение, отрицание системной (коллективной, классовой) социальности. В этом и заключается суть **индивидуального, личностного** вопрекизма как **социальной** позиции, **социальной** программы, **социального** проекта. Индивид, стремящийся, живя в конкретной социальной системе, быть человеком вообще (= свободным) начинает автоматически, хочет он того или нет, функционировать и как надиндивидуальная целостность, как система, воплощенная в индивиде, в единице — той самой, которая больше множества. Это встраивает в жизнь, личность, творчество отрицателя (точнее — Отрицателя) столь острое противоречие, что оно грозит разорвать личность, расщепить ее, расперсонализировать. Это не всегда происходит. Однако всегда видна печать чудовищного напряжения на разрыв — трудно быть системой (равно как институтом, государством и т. п.) в одном лице. И за все надо платить: every acquisition is a loss, как говорят англосаксы, добавляя при этом: every loss is an acquisition.

Будучи уникальным, эксперимент Зиновьева имеет, однако, глубокие корни — как советские, так и русские, опирается на логику развития русской истории, т. е. соотносится с этой последней так или почти так, как ее советская (коммунистическая) фаза. И это одновременно затрудняет и осложняет работу, посвященную творчеству Зиновьева, его жизнебытийного эксперимента. Во-первых, адекватным «системе Зиновьева» и его автору может быть лишь широкомасштабное и многоплановое исследование. Полноценный критический анализ работ Зиновьева должен вестись на уровне целого, на уровне зиновьевского идейного комплекса в целом. Во-вторых, «систему Зиновьева» необходимо рассматривать в широком контексте советской и русской истории, в сравнении с другими лицами, явлениями и идейными системами. Наконец, Зиновьева трудно понять и вне его дискурса о Западе.

Разумеется, в одной небольшой статье сделать все это невозможно.

Текст, который предлагается ниже читателю, — не статья, не глава из книги и не эссе. Это, как сказал бы Лев Толстой (и мы еще вернемся к этой его мысли) то, «что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось». То, что воследует, — это заметки-размышления о некоторых аспектах творчества и жизнебытийного опыта, эксперимента Зиновьева.

Кратко, тезисно в них зафиксированы некоторые мысли о творчестве Зиновьева в целом, о его социосистемной позиции, реализующейся практически **вопреки** (почти) всему, с чем он сталкивался (отсюда и название — «О великом вопрекисте»), будь то жанровая система литературы, общество («народ») «советская интеллигенция», профессиональная среда или социальная система в целом (в этом плане будет интересно сопоставить Зиновьева с Андреем Платоновым и Аввакумом, а его социальный проект — с таковыми Сахарова и Солженицына). Данная работа не претендует на всесторонний охват «зиновьевского эксперимента», скорее, это введение к нему, рекогносцировка. Это не анализ концепций и текстов Зиновьева, научного содержания его **системы** в целом или частных вопросов (методология, реальный коммунизм, перестройка, постсоветское общество, религия, мораль идеологии и т. п.), скорее, это подход к системе Зиновьева, исходя из посылки, согласно которой эта система есть результат, следствие, материализация некоей социальной позиции, некоего личностного проекта, некоего социального субъекта, живущего в некоем **направлении**. Поэтому я и хочу начать с целого, отметив, насколько это позволяет объем статьи, то, что представляется мне либо самым важным, либо (с моей точки зрения) наиболее интересным, либо таким, о чем еще никто не писал. Кроме того, не уставая повторять об уникальности Зиновьева, его опыта, хочу подчеркнуть, что уникальность эта определяется не только личными факторами и узким кругом обстоятельств. Напротив, она обусловлена широким социально-историческим полем, контекстом

русской (включая советскую) истории. В данных заметках именно проблематика Зиновьева в таком контексте интересует меня, пожалуй, больше всего. В этом направлении я и буду двигаться. Не могу сказать, что у меня есть вполне четкий план пути, есть — наметки, как сказал бы Зиновьев, **направление**. Я знаю, о чем хочу сказать, а вот последовательность определит логика движения в некоем направлении: статья о Зиновьеве должна и писаться по зиновьевским принципам.

Настоящая работа с необходимостью ограничена тематически и проблематически. Так, Зиновьева можно (и нужно) сравнивать не только с Андреем Платоновым, но с Герценом и некоторыми другими русскими писателями XIX в., однако в статье читатель этого не найдет. Зиновьева можно (и нужно) помещать в контекст эмигрантской литературы 1970—1980-х гг., это интересно, но чем-то приходится жертвовать — нельзя объять необъятное.

И последнее. Сравнивая в своих заметках Зиновьева с другими писателями и мыслителями, я чаще подчеркиваю отличия, чем сходство. Это не значит, что я вообще пренебрегаю последним, однако для данной небольшой работы чаще важнее отличия. Творчество Зиновьева, многие его выводы, да и многое в жизненном пути — противоречивы. Я минимально касаюсь этого аспекта «системы Зиновьева» не потому, что не замечаю этих противоречий, а потому, что их анализ (и полемика с ними) требует принципиально иной работы, чем эти заметки.

Начать я хочу с теории — в соответствии с Марксовым принципом восхождения от абстрактного к конкретному, которому полвека назад посвятил свою диссертацию Александр Александрович. Думаю, мы не вполне поймем жизненную программу Зиновьева без социальной философии и социальной антропологии того общественного типа, к которому относится Зиновьев. Здесь нужна теория особого рода. Современная социальная теория, будь то марксистская или либеральная, занимается в основном социальными системами, а в них самих — системным. Она не занимается социальными группами, объективно выламывающимися в той или иной степени из любой системы (ясно: для них нужен иной понятийный аппарат, они неудобны и опасны) и тем более «системами в одном лице», т. е. теми индивидами, которые бросают вызов монополии коллективов на системность. Это и есть случай Зиновьева, который как социальное явление подталкивает к разработке принципиально иного, по сравнению с марксистско-либеральным, пласта социальной теории.

Одна из особенностей энтээровской эпохи — демассификация. Демассификации производства, вкуса, образования. Я добавлю сюда — теории. Необходима разработка теории нелинейных социальных систем — антисистем, несистемных (минимально системных) элементов систем, наконец, «систем в одном лице». Поэтому я начинаю заметки с небольшого экскурса в социальную теорию. «За мной, читатель».

ВЕЛИКИЙ ВОПРЕКИСТ-ЭКСПЕРИМЕНТАТОР, ИЛИ СУБЪЕКТ В СИСТЕМЕ

«Русский эксперимент» (1995) — так называется один из «социологических романов» А. А. Зиновьева. Под экспериментом имеется в виду опыт построения коммунистического общества. Вот в рамках этого коллективно-социального эксперимента Зиновьев и ставил свой собственный, лично-социальный опыт реализации «государства в одном лице», описанный им подробно в «Русской судьбе, исповеди отщепенца» (1999 г.). Если учесть, что коммунистический (он же антикапиталистический, антиклассовый), советский эксперимент XX в. был элементом, составной частью почти тысячелетнего русского эксперимента жизни-выживания на огромных пространствах в суровых, бедных субстанцией природных (к северу от 45-й, а то и 50-й параллели) и исторических условиях, то эксперимент Зиновьева, по «матрешечному принципу», оказывается встроен и в этот макроэксперимент, отражает целый ряд его черт, соответствуя или положительно или отрицательно. В зиновьевской судьбе нашел отражение и тот факт,

что советский эксперимент по многим показателям стал вершиной, высшей точкой русского эксперимента. Хотя, разумеется, не всеми высотами следует восхищаться, высоты бывают разные, в том числе и зияющие, как это объяснил нам Зиновьев в середине 1970-х гг., в самый разгар так называемого «застоя», когда проедание прошлого и будущего на полтора-два десятилетия произвели один из самых спокойных, стабильных периодов не только советской, но и русской истории.

Жизнь и творчество Зиновьева не покрываются полностью русской, советской средой. Два десятилетия философ жил и работал на Западе, продолжая свой эксперимент в условиях принципиально иной, чем советская, системы, которую он тоже не принял. Разумеется неприятие Зиновьевым советской системы — рознь неприятию им системы западной или, как он предпочитает говорить, «западнистской»; тем не менее, он жил и творил вопреки законам обеих систем и в то же время нередко используя их — так, как опытный серфингист использует оседланную им морскую волну. Расшибиться можно? Конечно. Но это уже другой вопрос. Более того, Зиновьев жил-был вопреки законам не только какой-то конкретной социальной системы, но социальной системы в принципе, социальной системности вообще — как таковой, и именно это делает его великим вопрекистом, причем не только в социальном, но и в метафизическом смысле.

Только человек-система может создать творческую систему, только человек-оркестр (т. е. человек-организация) может оркестровать музыку социальных сфер, организовать бытие. Отмеченная корреляция — необходимое условие этого. Но недостаточное. Если человек — **только** система, то не создать ему никакой системы: система в систему не «отливается»; ее полагает (т. е. создает) субъект, который к системе, к системным характеристикам не сводится, а попирает их субъектностью, в то же время именно этим актом давая им жизнь. Именно противоречие между субъектностью и системностью лежит в основе реального исторического изменения, движения вообще и творчества, в частности, будь то музыка Моцарта, теории Маркса, проза Андрея Платонова или интеллектуальные («социологические») романы Зиновьева. Системы возникают вопреки системности; субъектность как системный, точнее, антисистемный (у системы не может быть системных же оснований, она не может возникнуть на основе собственных же предпосылок — когда вещь начинается, ее еще нет, говаривал Гегель; основания систем всегда вне- или даже антисистемны) фактор и есть реальный двигатель развития систем.

Быть субъектом — это прежде всего быть человеком вообще, универсальным социальным существом. А вот этого ни одна конкретная система, когда она, возникнув, укрепилась, когда заработали ее конкретные системные законы, не любит и стремится не допустить. Зиновьев это испытал на себе, в различных системах и в различных социальных и профессиональных средах, в той или иной степени вступая в конфликт практически с любой коллективной средой-системой, в которой жил и работал. Разумеется, не ради конфликта самого по себе, а — желая быть самим собой и жить в соответствии со своими принципами, как это и стремился делать Зиновьев. Да что системы или среды, даже жанровая форма основных, «фирменных» зиновьевских произведений — это конфликт с устоявшимися формами, их преодоление-отрицание и создание собственной, оригинальной, доселе невиданной.

ЗИНОВЬЕВ И «ПРИНЦИП ЛЬВА ТОЛСТОГО»

Ключи к секретам социальных систем лежат на поверхности — в различных вариантах эта мысль Зиновьева встречается во многих из его работ. Не все, но многие ключи к секретам индивидуальной социальной системы «Зиновьев» тоже лежат на поверхности — в том смысле, что на многое указывает сама необычная **форма** произведений Зиновьева, которую называют то «интеллектуальным романом», то социологическим, то «documentary fiction». Разуме-

ется, жанровая **форма** зинovieвских произведений сама по себе весьма **содержательна**, тем не менее как форма она многое открывает в творчестве Зиновьева и в нем самом (впрочем, немало и скрывает, особенно от робких умов). Поэтому вопрос о жанровой специфике произведений Зиновьева весьма важен и выходит за рамки жанровой, т. е. формальной проблематики. Это вообще русская черта — форма у нас всегда нечто большее, чем просто форма.

Философия русской истории (и русской жизни) должна исходить из иных, чем философия западной истории, соотношений между содержанием и формой, закономерностью и случайностью, пространством и временем. Русская реальность во многих отношениях устроена так, что снимает противоречия между тем, что в буржуазном обществе можно было бы отчетливо развести как содержание и форму. В России и поэт больше чем поэт, и свобода — больше чем свобода, и тайная полиция — больше, чем тайная полиция, и литература — больше, чем литература. Под этим — жанровым — углом зрения уникальность Зиновьева-литератора очень хорошо вписывается в традиции русской литературы, по крайней мере, великой ее части. Действительно, к какому литературному жанру относятся «Зияющие высоты» и мой любимый «Желтый дом», «Катастрожка» и «Искушение», «Нашей юности полет» и «Русская судьба», «Русский эксперимент» и «Светлое будущее»?

Однажды автору «Войны и мира» задали вопрос о жанровой принадлежности этого произведения. Лев Толстой ответил так: *«Что такое «Война и мир»? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. «Война и мир», есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось (подчеркнуто мною. — А. Ф.). Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает ни одного примера противоположного».*

Пожалуй, с **«ни одного примера противоположного»** я не соглашусь (рассказы Чехова, романы Гончарова). Тем не менее, в целом Толстой верно отметил некую регулярность великой русской литературы. И вправду, что такое «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Былое и думы»? Что такое «Путешествие...» Радищева и «История...» Карамзина? Только заметки путешественника и историческая хроника? Что такое произведения Достоевского и Розанова?

То, что великая русская литература XIX в. постоянно нарушала европейские жанровые формы, занимала по отношению к ним **произвольную** (т. е. волевою) позицию — не случайно. Изображение русской реальности, адекватное именно ей, а не какой-то другой (например, английской, французской или немецкой) требовало и соответствующей формы. Строго говоря, постановка вопроса о нарушении русской литературой европейских форм, об отступлении от них, не вполне корректна: она провозглашает в качестве нормы европейский опыт, т. е. европоцентрична.

Западная литература с ее жанровой структурой, как и западная наука с ее дисциплинарной структурой, отражает определенный ограниченный в историческом пространстве и времени тип общества, в котором овеществленный труд («материальные», «экономические» факторы) господствует над неовеществленным, в котором обособлены друг от друга власть и собственность, общественная жизнь и частная, религия и мораль; которое четко дифференцировано на три основные сферы — рынок (экономическая), «гражданское общество» (социальная) и государство (политическая). Отсюда наличие и господство в социальной науке трех дисциплин: экономической теории, социологии и политической науки, а все, что не помещается в спектр этой тримодальной науки — либо объявляется «от лукавого» (ложная проблема), либо не замечается, либо квалифицируется как местное — не в смысле «local», а в смысле — «parochial», узконациональное, не доросшее до универсального, буржуазного. Но как быть с явлениями,

которые либо так никогда буржуазными не станут, либо эту самую буржуазность, капитализм как систему отрицают? Ясно, что для их объяснения или даже описания социология и другие науки из «европейского набора XIX в.» в лучшем случае недостаточны, эти явления будут с необходимостью ломать дисциплинарные («жанровые») рамки конвенциональной науки об обществе (выражающей, кстати, прежде всего ценности, интересы и цели буржуазного общества: «прогресс», «рынок», «права человека», взятого в качестве атомизированного индивида и т. д.).

Но ведь аналогичным образом дело обстоит и с литературой, ее жанрами. Не случайно исследователи подчеркивают тесную связь такого жанра как роман, сам факт его появления с осознанием со второй половины XVIII в. и со всей очевидностью в первой половине XIX в. примата материальной, экономической жизни над другими сферами (*«Духовный мир скроен... по образу и подобию мира материального»*, — писал Бальзак о своей эпохе); так ли уж случаен в конце XX в. закат романа, его вытеснение на периферию капиталистической системы (Ачебе, Гарсиа Маркес, Рушди и др.)? С позиций такого (я считаю его в целом верным, хотя и неполным) подхода к роману ясно, что в России XIX в., которая не была буржуазной страной, великие литературные произведения должны были отступать от формы романа. По верному и, пожалуй, лишь чуть утрированному замечанию кого-то из наших философов, в то время как герои Бальзака и Диккенса решают вопросы быта и денег, герои Толстого и Достоевского (при всем их различии) решают проблемы бытия и нравственности. Это не значит, что западная литература плоха, а русская хороша, или наоборот. Речь о другом: в России литература решала и решает такие задачи общественного (само)познания, которые не стояли перед литературой на Западе.

Специфика этих задач, а также способов и средств их решения обусловлены особенностями типов социальной реальности, с одной стороны, и тех средств (наука, литература буржуазной эпохи), которые создавал Запад для их описания. Разные типы реальности требуют и различных средств. «Социологические романы» (беру этот термин в кавычки, так как он мне активно не нравится: социология есть наука преимущественно о гражданском обществе, которого не было в русской истории и по сути нет и сейчас; о романе как о форме/жанре я уже сказал; цели, а следовательно, и формы произведений Зиновьева не являются ни социологическими, ни романскими) Зиновьева и порождены такой реальностью которая не может быть полностью адекватно отражена ни на научном (будь то социологический или политологический), ни на литературном языках в узком и строгом смысле этих определений.

«Романы» Зиновьева — это полифония, в которой ни одна форма (и вообще форма) не имеет самостоятельного значения, а служит реализации цели выразить то, что хотел автор в адекватном замыслу и реальности виде. В этом изысканном интеллектуальном салате работает все: проза и стихи, философия, научные рассуждения и диалог-треп, юмор и сатира (а я, читая, еще вспоминаю и зиновьевскую живопись). Все это отлито в единое целое и, как снаряд, бьет в цель, достигая ее в единстве рационального и эмоционального. То, что разделение на писателей и мыслителей условно — не новость, об этом писали Шопенгауэр, Б. Шоу, Борхес и др. Зиновьев устраняет это разделение сознательно: цель — создать такое средство отражения реальности, которое максимально адекватно последней.

Если в своих «чисто научных» работах о советском обществе Зиновьев пытался найти адекватный именно этому обществу (а не западному) научный язык, понятийный аппарат, то в своих романах он стремился найти, причем весьма успешно, форму изложения и язык, адекватные советской реальности. Я подчеркиваю: форму изложения и язык.

В лице Зиновьева советская литература в позднекоммунистическую («подзднесоцреалистическую») эпоху, на выходе из «коммунизма как реальности» вернулась к тому, с чего начала на входе, в эпоху возникновения этой реальности. «Литературный» эксперимент Зиновьева

стал ответом литературному эксперименту Андрея Платонова, переключкой с ним. Начала и концы встретились, время — историческое время коммунистического строя — свернулось «лентой Мебиуса» и кончилось. После «Зияющих высот» коммунизм (и СССР) просуществовал 15 лет. Но в известном смысле это была жизнь после смерти. В «Зияющих высотах» (и с ними) коммунизм умер — • что бы ни говорил теперь о его гибели как случайности, результате диверсии и т. п. сам Зиновьев. «Зияющие высоты» стали чем-то вроде «Хроники объявленной смерти» коммунистической реальности. Строй, по поводу и на материале которого пишутся работы типа «Зияющих высот», не имеет перспектив — по крайней мере, при сохранении его правящего слоя, неизменности основных тенденций его развития. Так же, как и то, что было написано в 1870-е гг. Салтыковым-Щедриным, не оставляло сомнений: перед нами общество, обреченное на гниение и смерть. Кстати, именно с Щедриным нередко сравнивали Зиновьева, особенно западные рецензенты, на него часто указывают как на предшественника Зиновьева. Я бы сказал иначе: в позднесоветской («пореформенной»), если иметь в виду загнущиеся, не успев начаться, «косыгинские» реформы) литературе Зиновьев занимает нишу, во многом сходную с той, которую в системе позднесамодержавной («пореформенной») русской литературы занимал Салтыков-Щедрин. Что касается социосистемной позиции, то по непримиримости к основным идейно-политическим лагерям в литературе и жизни Зиновьев похож на великого Лескова. Что же до непосредственных литературных предшественников, то, думаю, их нужно искать не столько в дореволюционной русской литературе, сколько в послереволюционной (точнее: сразу послереволюционной).

СОВЕТСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ МЕЖДУ ЭКСПЕРИМЕНТАМИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА И АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

В широком историческом плане предшественник Зиновьева — великий русский (советский, а еще точнее — «реальнокоммунистический») писатель Андрей Платонов. Характерно, что Андрей Платонов практически непереволим на иностранные языки, при переводе утрачивается суть, главное.

Бродский в гениальном «Послесловии к «Котловану» А. Платонова» заметил, что если современники Андрея Платонова — Бабель, Пильняк, Булгаков, Олеша и другие — в большей или меньшей степени играли с языком свою игру, занимались «стилистическим гурманством» (я бы добавил сюда Джойса, «Улисс» которого написан с помощью множества разных стилей), то «*Платонов сам подчинил себя языку эпохи, увидев в нем такие бездны, заглянув в которые однажды, он уже более не мог скользить по литературной поверхности [...] главным его (Платонова — А. Ф.) орудием была инверсия; он писал на языке совершенно инверсионном — между понятиями язык и инверсия Платонов поставил знак равенства — версия стала играть все более и более служебную роль*».

В значительной степени сказанное Бродским о Платонове можно сказать и о Зиновьеве. Я бы только добавил еще одно: в своих «романах» Зиновьев нередко если и не ставит знак равенства между понятием и образом, то использует их в одном и том же качестве, и это функциональное тождество приводит к появлению слов-кентавров — образов (в том числе и стихотворных), работающих как понятия, и понятий, выступающих в качестве образа.

Необходимо, конечно же, сказать, что само стирание грани между понятием и образом в текстах, написанных по-русски, обусловлено в качестве необходимой, хотя и недостаточной, причины такой особенностью русского языка, как его, пользуясь выражением Бродского, синтетическая, неаналитическая сущность; последняя делает возможным «*зачастую за счет чисто фонетических аллюзий — возникновение понятий, лишенных какого бы то ни было реального содержания*». И, несмотря на это, дополню я Бродского, а может и благодаря этому, по

крайней мере, в условиях специфической реальности, подобного рода понятия становятся сверхсодержательными, сюрсодержательными, фиксируя, например, в гротеске самую суть дела, явления. Речь идет о ситуации, когда социальная норма может быть адекватно выражена лишь крайними средствами и формами, реальность — фантастикой и т. д.

Зиновьев был первым, кто использовал всю неаналитическую мощь русского языка для решения аналитических (т. е. научных по сути, а не литературных) по своей сути задач исследования советского общества. И, что не менее важно, своей личной ситуации, места в этом обществе. Такое (внешнее) несоответствие цели и средства, содержания и формы, субстанции и функции и породило вещи (явления) типа «Зияющих высот» и «Желтого дома».

Зиновьева многое если не роднит, то сближает с Платоновым. Как заметил все тот же Бродский, последняя страница «Котлована» переворачивается читателем *«в самом подавленном состоянии. Если бы в эту минуту была возможна прямая трансформация психической энергии в физическую, то первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отметить существующий миропорядок и объявить новое время»*. Аналогичные чувства и желания возникают, когда перевернуты последние страницы «Зияющих высот» и других работ. При этом очень важно подчеркнуть, что ни Платонов, ни Зиновьев не были врагами советского режима! Более того, оба они — сознательно или подсознательно, эксплицитно или имплицитно, — постигая свою личную ситуацию, воспринимали ее не столько как индивидуально-обособленную, сколько как системную: у Платонова — массовую, он — часть массы, она говорит через него; у Зиновьева — системы (государства, массы, народа) в одном лице, но опять же не одиночки байронического типа, противостоящей толпе (последнее — не русский тип героя; Байрон принял бы Чацкого, а вот Пушкин над ним посмеивался, и, исходя из русских реалий, был прав).

Сила как Платонова, так и Зиновьева — в умении понять и отразить имперсональный, надиндивидуальный характер происходящего. У Платонова это чувствуешь, у Зиновьева — чувствуешь и понимаешь одновременно. Языковые структуры, а точнее, хаосмосы обоих писателей, подобно воронке втягивают читателя, порой против его воли, в ощущение-понимание-слышание музыки массовости, имперсональности, а потому закономерности (и, следовательно, нормальности ужаса и ужаса нормальности) идущих процессов, с чем личность примириться не может. Платонов и Зиновьев, каждый своими средствами, снимают это противоречие, выходят за его рамки на основе сюрперсонализма, гиперперсонализма, когда либо личность, «Я» разрастается до габаритов системы, либо масса сжимается в «Я» и умещается в нем, придавая ему одновременно интерперсональный и инфраколлективный характер.

Достичь этой цели можно только путем создания новой знаковой системы, нового языка. Или перехода в иную, новую знаковую систему, например на английский язык, с помощью которой можно было отстранить себя от нее и ее от себя, сделать дальними и чужими берегами не только физически, но и метафизически. Именно по такому пути снятия русской реальности и преодоления ограниченности имеющихся языковых средств пошел Набоков, но не тупик ли это? Впрочем, не все ясно и с тупиковостью (разумеется, метафизической) и в случае Платонова (а следовательно, и Зиновьева). Тупиковость здесь, однако, приходит, на первый взгляд, с неожиданной стороны: «Пришла беда, откуда не ждали».

Как пишет Бродский, *«язык прозы Андрея Платонова заводит русский язык в смысловой тупик или — что точнее — обнаруживает тупиковую философию в самом языке»*. И далее: *«Платонов говорит о нации, ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее — о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впащем от него в грамматическую зависимость»*.

Если заменить «язык» на «жизнь» и «историю», которые его детерминируют, а «грамматическую зависимость» — на обратную связь между культурой и реальностью, то путем этого

преобразования мы фиксируем тупиковость некоего развития, одним из проявлений которой становится зависимость от фикций, созданных в этом развитии для его реализации. В такой ситуации исчезает различие между высшей стадией и тупиком (собственно, высшая стадия как конец прогресса и означает тупик), высотами и пропастями. Эта острейшая и по сути непреодолимая по своей двойственности ситуация и есть, помимо прочего, ситуация СССР, советского коммунизма. Будучи высшей стадией русского эксперимента, его триумфом, пиком (за счет настоящего, прошлого и будущего), «реальный коммунизм» («реалком») не мог в конечном счете не оказаться русским тупиком, «зияющими высотами». Это парадоксальное название зиновьевского романа сверхреалистично и точно фиксирует ситуацию не только брежневской фазы «реалкома», но и этого последнего как явления. Теоретически только захват коммунизмом всего мира, его господство над планетой (в которое Зиновьев верил и которого опасался вплоть до середины 1980-х гг., ошибочно считая это едва ли не предрешенным делом) теоретически могли вывести СССР из «своего» тупика и вырвать этот социальный тип из-под власти «грамматической зависимости» от фикций.

Если «спрямить» ситуацию, то можно сказать, что, во-первых, если через «медиума» Платонова высказался гениально косноязычный, рождающийся в ходе революции и гражданской войны коммунизм, ужаснувшийся во многом самого «медиума», то устами Зиновьева заговорил поздний, загнивающий коммунизм — с закупоренными социальными сосудами и резко ослабленным иммунитетом (кстати, претензии Зиновьева к «брежневизму» — это часто претензии не к коммунизму вообще, а именно к уставшему, гнилому коммунизму, о чем необходимо помнить в анализе текстов Зиновьева о коммунизме, в которых нередко под видом одной критики на самом деле скрываются и переплетаются два разных и несходных типа — коммунизма как системы и ее поздней стадии).

Во-вторых, во многих отношениях Зиновьев, возможно, сам того не зная, пытался ответить на вопросы, поставленные Андреем Платоновым (а также взбаламученной, взвихренной русской массой и большевиками) русской революцией, рационализировать и концептуализировать их опыт. В значительной степени Зиновьев ответил. Более того, он дожил до провала и поражения этого опыта, но не смирился с этим, и отчасти именно поэтому не смог, на мой взгляд, адекватно объяснить причины провала. Но это особая тема, выходящая за рамки данной статьи.

Подводя итог, отмечу следующее. Кто-то заметил, что Пушкин — это ответ России Петру I. Думаю, во многом это верно, как верным будет сказать: Зиновьев — это ответ русской истории и русской жизни советской эпохи Ленину. Кстати, сопоставительный анализ «Зиновьев — Ленин» ждет своего исследования, и сходства здесь, думаю, будет обнаружено значительно больше, чем этого можно ожидать на первый взгляд.

«СУДЬБА АВВАКУМОВА В ЛОБ МОЙ СТУЧИТ»

Если «нишевого» предшественника Зиновьева в литературе следует искать в советской, а точнее, революционной эпохе, то за предшественником в русской жизни, в русской истории придется спуститься значительно глубже в Колодец Времени — в последнюю треть XVII в. Но сначала немного теории русской истории.

В русской истории *per se* существовали три властные централизованные структуры: Московское самодержавие, Петербургское самодержавие и коммунистический строй. Так получалось, что в конце существования каждой из этих структур, в период их ослабления под бременем накопившихся проблем различной исторической длительности, когда противоречие между властью как моносубъектом и «остальным» обществом достигало значительной остроты и это общество (или отдельные его группы) начинало претендовать на долю в моносубъектно-

сти, происходило следующее. В социуме появлялся индивид, в котором (в силу его личных особенностей, с одной стороны, и социальных обстоятельств, с другой) острота властно-общественных противоречий достигала максимума остроты и накала и который поэтому становился модельным воплощением всего антисистемного в одном лице, так сказать антисистемой в одном лице, и его личное противостояние Власти приобретало характер противостояния двух моносубъектов, двух систем.

В конце Московского самодержавия таким индивидом был Аввакум, в конце Петербургского — Лев Толстой, в конце комстроа — таких персон оказалось две: Солженицын и Зиновьев. При этом, однако, если Солженицын вел свою **игру** с советской системой, активно опираясь на Запад и на некое общественное движение, а точнее, использовал их в своих лично-системных интересах (в **этом** смысле Солженицын равен и рядоположен диссидентскому движению), то Зиновьев, во-первых, не играл, а **жил-двигался в своем** направлении, что автоматически, как бы он сам ни относился к системе, выталкивало его в противостояние. Во-вторых, в этом противостоянии Зиновьеву не на кого было опереться, кроме самого себя (и своей семьи). Это было в **чистом виде** противостояние Индивида-системы и Системы, без всяких путавшихся под ногами «движений» и т. п.

В этом плане ниша Зиновьева ближе к таковой гениального одиночки Льва Толстого. И все же рискну сблизить Зиновьева не с ним, а с Аввакумом: хотя в случае с последним некое «движение» и присутствовало, тем не менее, главной опорой в противостоянии Власти Антихристу у верующего человека Аввакума было прежде всего его отношение с Абсолютом и этот самый Абсолют — Бог. Формальная религиозная, правда, очень специфическая опора (сам себе Бог?) была и у Льва Толстого, и в этом плане атеист Зиновьев опять же оказывается наиболее чистым случаем противостояния индивида Власти — ни Бога, ни общества (движения), ни социальных иллюзий. Можно сказать, что Зиновьев венчает, доводит до логического, очищенного от всего лишнего конца линию противостояния Индивида (Индивида-системы) — Системе-власти, линию, которую начал чертить Аввакум. Вот уж, поистине, Зиновьев сработал прямо по «Интернационалу»: для освобождения оказались не нужны ни Бог, ни царь и ни герой — никакие прямые опоры — «добьемся мы освобожденья своею собственной рукой». В этом смысле Зиновьеву не на что было опереться. Впрочем, была основа, из которой он вырос, которая была интериоризирована в его личности и потому могла быть внутренней (лично-системной) опорой: это революция («народный большевизм») и победа в отечественной войне, но об этом чуть позже.

Более того, Зиновьев создал внерелигиозное и внеидеологическое обоснование индивидуальной моносубъектности, равноположенности индивида Власти и Системе. В этом отношении он противостоит Аввакуму, Толстому и Солженицыну, искавшим внеположенной им опоры, вместе взятым. Подчеркиваю: речь — не о масштабе личностей и их свершений, а о вполне конкретной ситуации: противостояние Власти, Системе, борьба за индивидуальную моносубъектность и ее обоснование.

Что сближает «концы и начала», Зиновьева и Аввакума? Прежде всего, непримиримость в отстаивании своей позиции, бескомпромиссность. Оба — «гол как сокол»: ни поместий, ни счетов в банках. Ни одному из них Запад не помог бы, не заступился: во времена Аввакума «Запада» как такового еще не было, а если бы и был, то тогдашней русской власти на его «общественное мнение» было глубоко плевать; что касается Зиновьева, то он к моменту выхода «Зияющих высот» не был известен на Западе и не был активным участником в «холодной войне» на стороне Запада, а следовательно...

У обоих — мощный темперамент, заряженность на полемику. Оба воевали фактически «против всех», их фронт — без флангов. Обоим — Аввакуму раньше, Зиновьеву позже — пришлось стать свидетелями крушения тех социально-духовных миропорядков, с которыми

они себя соотносили положительно или отрицательно. Правда, Аввакуму пришлось испытать приход «его Антихриста» один раз, а Зиновьеву — дважды. Последний сначала считал трагически неизбежным захват всего мира коммунизмом и наступление «коммунистического царства» (по поводу воплощения коммечты в реальность Зиновьев писал: *«Я даже рад, что скоро сдохну, / Не встретясь наяву с мечтой»*), а затем, уже в 1990-е гг., когда крушение коммунистической мечты обернулось крушением России и торжеством западных хозяев «глобального человеиника». В любом случае, Аввакум и Зиновьев — люди, пережившие крушение надежд (не случайно один из сборников зиновьевской публицистики называется «Без иллюзий», другой — «Ни свободы, ни равенства, ни братства»).

Как Аввакум, так и Зиновьев — не просто бессребренники. Они — из победителей, не получающих ничего. Победителей — потому что, остались самими собой (как в отношениях с властью, так и в отношениях с народом, а Зиновьев — в отношении как с советской властью, так и с западной системой, а затем еще и с постсоветским социальным уродцем). Не получающих (не получивших) ничего — потому что современное общество по сути не оценило их жизненного подвига ни символически, ни материально. Никто не носился с ними так, как носились в XIX в. с Толстым, а в XX в. — с Солженицыным. Кстати, оба — фигуры социально весьма защищенные и удачливые как в общественно-символической, так и в материальной жизни. Ну ладно, Аввакум, XVII век — давно, далеко. Но Зиновьев-то — конец XX в. Одна из ключевых и наиболее известных, первоплановых, наряду с Сахаровым и Солженицыным, фигур из гонимых властью. Среди этих фигур для этой власти в известном смысле самая опасная (Суслов о Зиновьеве: *«Боролись с диссидентами, а главную сволочь проглядели»*. Сравните с фразой Екатерины II о Радищеве и Пугачеве). И вот рухнула коммунистическая власть, и в «прекрасном новом» постсоветском мире Зиновьеву опять нет места; для этого мира его как бы и нет, почти нет. Проспекты и улицы Сахарова, премии Солженицына и т. п. символические награды. Про награды материальные большого числа экс-диссидентов и «придиссиденченных», околодиссидентских шестерок, подающих себя теперь едва ли не в качестве «тузов», я не говорю.

Я не о том, что Зиновьеву чего-то недодали, что он чего-то недополучил — он в этом и не нуждается: как жил своим трудом, так и живет им, а не на «проценты» («ренту») с «общественной деятельности» или на пособие «ветерану холодной войны» на стороне Запада. Он, в соответствии с логикой и ценностями «государства в одном лице» на это не рассчитывал и не ради этого вел себя так, как он вел. Невозможно представить себе, что сегодня Зиновьев превращает свою деятельность в советское время во вполне материальный продукт (квартира-дача и т. п.), как это сделали некоторые экс-диссиденты (о перестроечной и околостроечной шпане, умело продавшей свой антисоветизм западным, а затем и новым постсоветским хозяевам, я вообще не говорю, это — предмет социальной энтомологии). Я вообще не о Зиновьеве, а об обществе, которому Зиновьев, оказывается, не нужен, и в первую очередь не нужен хозяевам этого общества и их «интеллектуальной» службе — всем этим политологам из несостоявшихся советских журналистов и пропагандистов, преподавателей научного коммунизма, «специалистов» политпросвета и прочей бездари.

Не нужен, потому что, во-первых, смотрит на мир не их глазами и не в их интересах; во-вторых, знает секреты — их и их системы (а следовательно, и тайну «кошечной смерти») и обладает аппаратом для понимания, т. е. демифологизации, демистификации, расколдовывания реальности, знает путь к социальной истине, в которой не заинтересованы не только хозяева нового строя, но и — по разным причинам — значительная часть общества.

Приемлемость для постсоветского социума и его хозяев фигур типа Сахарова и Солженицына и неприемлемость Зиновьева, о некоторых причинах которой я скажу ниже, дорогого стоит. Это — оценка. И по сути — высшая награда свободному человеку, которого миновала

судьба Аввакума, но который своей жизнью доказал готовность идти на костер и мог бы вместе с поэтом Б. Чичибабиным сказать о себе «*Судьба Аввакумова в лоб мой стучит*». «*Свободен тот, кто может не лгать*», — заметил как-то Камю. Зиновьев мог ошибаться, но он не лгал, и не случайно он — один из самых свободных людей, которых я встретил в жизни.

В известном смысле Зиновьев — это Аввакум коммунистической эпохи, сменивший религиозную рационализацию противостояния власти на научно-философскую, отказавшийся в этом противостоянии от Бога в качестве опоры («лишняя гипотеза») и опирающийся только на самого себя. Зиновьев — это линия Аввакума, доведенная до логического конца и обогащенная достижениями XX в., как научными, так и психологическими (хотя, думаю, в реальности Зиновьев и Аввакум скорее всего были бы если не врагами, то противниками. Нет, скорее все-таки врагами).

Наконец, еще одно сближает Аввакума и Зиновьева: оба знали свой народ, знали ему цену и не имели на сей счет никаких иллюзий.

ПРАВДА ЗИНОВЬЕВА

За последние 10—15 лет о русском народе и России сказано много гадостей. Привычно слышать их от «реформаторов», «неолибералов», прозападной интеллигенции. Социальные смердяковы суть социальные смердяковы, и ничего другого от них ждать не приходится. Но, пожалуй, во второй половине 1990-х гг. самые жесткие характеристики и самые серьезные обвинения в адрес русского народа мне пришлось читать не в опусе какой-нибудь «шестерки» из прозападной интеллектухи, а в работах Зиновьева. Его уже много раз пеняли за то, что он не любит свой народ. Это ошибка. Во-первых, Зиновьев сам часть народа — в народном, русском характере этого человека и его творчестве сомнений нет, как и в его советском характере. Во-вторых, что значит — любит? Я вспоминаю телеинтервью писателя Виктора Петровича Астафьева, в котором он так много нелестного сказал о русских людях, что собеседник спросил его: «*Вы не любите свой народ?*» После паузы Астафьев ответил: «*Я—знаю свой народ*». Думаю, то же может сказать и Зиновьев. Именно это дает ему моральное право писать о происшедшем в нашей стране так, как он и пишет. Именно это лежит в основе его правды.

Русское слово «правда», как и вообще русский язык и русская жизнь, — слово хитрое, неоднозначное, самому себе нетождественное. Это не просто истина в смысле «*Veritas*», это некое иное качество, в котором *Veritas* (по)знания, интеллектуальное, находится в органичном единстве со справедливостью, т. е. с социальным. Правда — это единство адекватностей когнитивной (духовной) и социальной, нравственной.

Слово «правда» в русском языке связано еще с одним словом — «право». Иметь «за собой» правду, значит, помимо прочего, иметь право на некую позицию, на некие поступки. И чем увереннее тот или иной человек ощущает **свою** правду, тем увереннее он в своих поступках, в противостоянии. «На том стою и не могу иначе», — говорил Лютер. В основе его религиозной и нравственной позиции лежала его, Лютера правда, в которой в единое целое слились индивидуальное и социальное («социально-множественное»), религиозное и рациональное.

В основе позиции и поступков Зиновьева тоже лежит правда — правда народа, истории, поколения, «помещенная» в одну отдельно взятую личность, ею осмысленная, рационализированная и принятая как руководство к действию. Речь идет о правде системы в одном лице, правде «социального снаряда», которому русская жизнь и русская судьба дали приказ «иди». И эта правда, как ни парадоксально, тем сильнее, чем менее приятные вещи он говорит — об СССР и о Западе, о русском народе и других народах, о нашей стране, ее прошлом и настоящем, чем больше в этих словах боли.

У Зиновьева есть и другие правды и права. Например, право победителя. Не в том смысле, что победителей не судят (еще как судят), а в том, что если и есть в советской истории «поколение победителей», то это те, кто, как и Зиновьев, победил в Великой Отечественной. Поколение (условно) Зиновьева свою страну отстояло. Поколение (условно) Горбачева страну, ту самую, которую в 1941—1945 гг. отстояли, профукало — по-провинциальному, бездарно и самонадеянно; «словесный понос» перешел в «исторический», который и стал последним — фарсовым — аккордом крушения реального коммунизма и СССР, слитых в унитаз Истории вместе с последними руководителями.

Другой вопрос, — почему и как это произошло. Вот здесь-то я с очень и очень многим в аргументации Зиновьева не согласен, не могу принять. Но сейчас не об этом. Сейчас о правде Зиновьева, которая нередко имеет место быть даже в тех случаях, когда он не прав. Именно эта правда, повторю, дает Зиновьеву право писать то, что он пишет о нынешней России, так, как он пишет, в **такой** форме; именно она дает ему право на ярость и бескомпромиссность, с которыми он относится к постсоветской власти, и которые он почти автоматически переносит на те события, которые привели к ее возникновению, переносит, словно забывая им же сказанные слова: *«История не оставляет следов, только последствия, которые не имеют никакого отношения к породившим их причинам».*

Итак, правда Зиновьева — это правда фронтовика-победителя, который честно отвоевал, «отработал» войну, защищая ту самую страну, которую — таков результат — уничтожили перестройка и постперестройка. Я хорошо знаю немало людей этого типа (к нему относился, например, мой отец, окончивший войну майором Дальней авиации, и многие его друзья-однополчане, называвшие Сталина не иначе как «Ёськой» и демонстративно не горевавшие во время его похорон). Именно эти люди сломали хребет гитлеровской машине, став антисталинистами (но не антисоветчиками), они не только *«смело входили в чужие столицы»*, но и без страха возвращались в свою.

Их было немало, победителей, прошедших Европу, а потому социально уверенных в себе, в своей правде. Привыкших к самостоятельному принятию решений, к инициативе, готовых — подготовленных опытом советской городской жизни, кроме которой они не знали никакой другой, — к аресту, и, в отличие от жертв репрессий 1930-х, если и не понимавших, то, по крайней мере, чувствовавших, **за что** могут взять и уже потому не являвшихся жертвами. Их было немало настолько, что Сталину и его команде пришлось начать сажать этих людей, изымать из «социального (круго)оборота». В отличие от «посадок» 1930-х годов, имевших наступательный характер, это была оборона. **Режим защищался.** Активно, но — защищался. От тех, кто спас Родину (и этот режим) в жестокой войне и в этой же войне выковал себя как антисталинистов.

Режим защищался от таких, как Зиновьев, от тех, кто своим антисталинизмом и самостоянием сделали возможными десталинизацию, так называемую «оттепель» (хотя, конечно же, настоящей «оттепелью» был «застой», ибо единственное тепло, которое мог выделять коммунизм как система, — это тепло гниения) и «шестидесятничество». Сделали возможным — и были забыты, нередко сознательно, но чаще бессознательно, так как не успели, да и не могли по суровости окружающей жизни и по серьезности своей жизненной сути попасть в рекламу и саморекламу «шестидесятничества». Но именно они между 1945 и 1955 годами заложили фундамент десталинизации, став гарантией ее необратимости. Именно они были первым **советским**, т. е. выросшим на основе советских, а не дореволюционных или революционных форм жизни и отрицания коммунистического порядка, сопротивлением — сопротивлением не крикливым, не апеллирующим к Западу (победителям это ни к чему), а быстрым, уверенным в своей социальной правоте по отношению к режиму и внутри него одновременно, а потому действительно опасным, страшным для режима — не только сталинского, но и для последую-

щих. Замалчивание «бесшумного сопротивления» 1945—1955 гг., в котором невозможно было прогнать героя и попасть на страницы западных газет и журналов, — все происходило обыденно и тихо — и последующее выдвижение на первый план «шестидесятничества» и диссидентства как главных форм «борьбы против системы» — явление не случайное, но это отдельный разговор.

Зиновьев — отсюда, из того, что условно можно назвать «первым советским Сопротивлением» режиму. Историческими опорами этого Сопротивления были Победа и Война — главное дело жизни этого поколения.

Война? Она запомнилась по дням.

Все прочее? Оно по пятилеткам.

(Б. Слуцкий)

Далее. **На сегодняшний день** правда Зиновьева — это правда миллионов советских и постсоветских людей, которых «герои» нашего — перестроечного и особенно постперестроечного — времени выпотрошили, отобрав деньги, как Лиса Алиса и Кот Базилио у доверчивого деревянного Буратино (с той лишь разницей, что у Буратино отняли золотые, а у «дорогих россиян» — «деревянные»), заманив его на Поле Чудес в Стране Дураков. В нашем последнем случае — на Поле Чудес очередного обещанного Светлого Будущего, только уже не коммунистического, а капиталистического, либерального и демократического. (Ах, как символично появление передачи с названием «Поле чудес» на постсоветском ТВ!) Неудивительно, что эти выпотрошенные в 1992 и 1998 годах неудачники по постсоветской жизни голосовали за КПРФ, за коммунистов-неудачников (удачники-коммунисты уже заняли место в демократических шеренгах, хотя, разумеется, в этих шеренгах были и идеалисты, и просто честные люди — об этом тоже не надо забывать). В этом смысле правда Зиновьева — это правда тех, над кем, как сказал бы Баррингтон Мур, вот-вот сомкнутся, или уже сомкнулись волны прогресса, ведь прогресс, как верно заметил Борис Стругацкий, — это всегда за счет кого-то, так сказать, игра с нулевой суммой.

Правда Зиновьева — это правда несытых, или как сказал бы Зигмунт Бауман, локализованных, тех, кого все больше локализуют во все более глобализирующемся мире. И любой, кто критикует Зиновьева с моральных и эмоциональных позиций, должен об этом помнить. Разумеется, на это можно возразить, припомнив факт «реакционности и отсталости масс», их «ложное сознание» и т. д. и т. п., и отчасти это так. Но только отчасти; к тому же подобный посыл в целом напоминает большевистский подход к рабочему классу и особенно к крестьянству как к не сознающим своей выгоды — в будущем, ради которого надо потерпеть и пострадать, кстати, в том самом коммунистическом раю, на который пришелся «полет юности» Зиновьева, который он критиковал до начала 80-х годов и которому теперь слагает нечто похожее на похвальные оды — не всегда несправедливые, хотя далеко не всегда объективные.

Когда я говорю, что правда Зиновьева, позволяющая ему писать то, что он пишет так, как он это пишет, — это правда несытых, я имею в виду не только Россию, но и мир в целом, включая Запад. Социальное творчество Зиновьева направлено против эксплуатации, неравенства и господствующей идеологии вообще, а не только в России (об этом свидетельствуют его работы, посвященные Западу, глобализации). В этом плане в послевоенном западном мире я вижу, пожалуй, лишь одну фигуру, сравнимую с Зиновьевым по систематичности критики любых господствующих групп, по такому «повороту мозгов». Это Джордж Оруэлл, и сопоставительно-сравнительный анализ работ двух этих авторов ждет своего исследователя.

Демократизм позиции Зиновьева, который обуславливает его неприемлемость для хозяев любой социальной системы, будь то капиталистическая или антикапиталистическая, советская или постсоветская, нашел свое отражение и в очень специфическом социальном проекте

Зиновьева, который он разработал в 1970—1980-е годы для людей советского общества и который до сих пор не оценен по достоинству, почти забыт.

ПРОЕКТ ЗИНОВЬЕВА

В 1970—1980-е годы оппозиционная режиму мысль выдвинула несколько проектов общественного развития. В центре внимания оказались два из них — А. Сахарова («либеральный») и А. Солженицына («почвеннический»). Их и противопоставляли друг другу. Но был и третий проект, причем различие между ним и двумя вышеназванными было глубже, чем такое между последними. Речь идет о проекте Зиновьева, и дело не в том, что Зиновьев не призывал к общественному перевороту, т. е. к слому советского жизнеустройства. Исходя из того, что хороших систем нет, что везде есть верхи и низы, и «пролы», используя оруэлловское слово, всегда в проигрыше, он стремился сформулировать принципы жизни индивида в конкретном, «данном нам в ощущениях» режиме, принципы социального, а не только интеллектуального ухода в себя.

Хотя с точки зрения стратегии жизни и выживания при коммунистическом порядке вообще и одиночки особенно «программа Зиновьева» исключительно важна, я хочу обратить внимание на другое. Желали они того или нет, но Сахаров и Солженицын объективно рассуждали с позиций новых, в советское время еще не сформировавшихся и лишь намечающихся пунктиром господствующих, элитарных групп, новой, посткоммунистической власти, по сути разрабатывая — *«крот истории роет медленно»* и *«дальше всех пойдет тот, кто не знает, куда идет»* — стратегии посткоммунистической элиты для того периода, когда коммунизм рухнет, и ему на смену придет новая система (в которой, как окажется, места для Сахарова, Солженицына и им подобным уже не будет). Иными словами, в определенном смысле Солженицын, Сахаров и другие выполняли за советскую верхушку ту социосистемную работу, на которую эта верхушка, испытывая «чувство глубокого удовлетворения», сама не была способна, т. е. смотрели на социальный процесс с «верхних этажей» общественной пирамиды. Зиновьев же смотрел и продолжает смотреть на социальные процессы с позиций не элитария, а трудящегося, наемного работника как физического, так и умственного труда.

Конечно же, ни Сахаров, ни Солженицын не собирались **сознательно** работать на хозяев посткоммунистической жизни и никогда этого не делали.. Они стремились продумать и предложить такую модель общественного устройства, которая в идеале устраняла бы, снимала противоречия коммунистического строя. Посткоммунистический ельцинский режим снял эти противоречия **реально**. То, что получилось **в целом**, естественно, очень далеко от замыслов Сахарова и Солженицына (хотя по-своему **отчасти** реализовались оба проекта — и ни один полностью и до конца), но ведь и гильотина Французской революции была далека от замыслов и идей Вольтера и Руссо. В то же время гильотино-революция и строй, оформившийся в результате и после нее в 1815—1830 годах, реально сняли противоречия того общества, которое после его крушения стали называть Ancien Regime • — Старым Порядком.

Критика существующего порядка, его господствующих групп и идей, его форм неравенства и эксплуатации **объективно**, как правило, (исключения — редки) предполагает, пусть в негативной форме, разработку новой модели устройства, более эффективной, причем такой — что бы там себе ни думали борцы за свободу и проектировщики альтернативного, лучшего и более справедливого социума, — которая предполагает более жесткий социальный контроль и **объективно** чревата большим неравенством: человек предполагает, а История располагает.

В ситуации ослабления господствующих групп системы, вошедшей в зрелое или позднезрелое состояние (как, например, СССР в середине 60-х) ввиду их неспособности поддерживать социальный контроль и разработать новый проект последнего, эту задачу объективно бе-

рут на себя и выполняют радикальные критики режима. Выступая с абстрактных и «общечеловеческих» позиций (например, «свобода, равенство, братство»), объективно они готовят идейное обоснование нового, более эффективного в социосистемном плане и с необходимостью более жестко контролирующего своих членов общества. Радикализм и эгалитаризм политического языка не должен вводить в заблуждение — Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» называли это «*иллюзией (вначале правдивой) общих интересов*» и «*самообманом идеологов*», полагающих, что работают не на новых господ и хозяев, а на общее благо. Субъективно это так, объективно — нет.

Альтернативные (но в рамках одного качества) проекты Солженицына и особенно Сахарова, сами их позиции, углы зрения получили наибольшее распространение в среде «советской интеллигенции», той самой, по выражению Н. Климонтовича, «*интеллектуальной пятой колонны околопартийного истеблишмента, которая и «сварганила поверхностную, как они сами, ни о чем серьезном и глубоко не желавшие, перестройку*». Той самой советской «либеральной интеллигенции», которая наряду с номенклатурой и криминалом составила «социальный триумвират» антикоммунистической революции, стала одним из ее «трех источников, трех составных частей». В планах как Солженицына, так и особенно Сахарова этой квазиэлитарной группе предназначалась существенная роль, а следовательно и привилегированные позиции после смены строя.

Позиция А. Зиновьева, такой смены не предполагавшая и имевшая адресатом простого человека, а не квазиэлитария, не могла быть приемлемой для сознания квазиэлитарной группы, ложной по своей сути. Интеллигенция в России и СССР — и чем дальше от трудовой и чем ближе к привластно-богемной ее части, тем больше — считала себя элитой (противоположную точку зрения см. например: Чехов, Ленин), которой положено занимать некие позиции далеко не внизу социальной пирамиды. У Зиновьева было не **про** это. Социально-ориентированный проект обещал социальный или даже политический promotion. Проект Зиновьева был лично ориентирован: «*Ты царь: живи один*». Ясно, что такой проект, адресованный «Иванам в лаптях», не мог вызвать значительного социального интереса у того слоя, который видел себя в социальном авангарде (подробнее об этом — см. роман В. Кормера «Наследство»). И можно понять настороженность, переходившую нередко в неприятие и неприязнь, которую, в свою очередь, испытывали люди типа Зиновьева по отношению как к «шестидесятникам», так и к диссидентам.

Повторю: в отличие от Сахарова и Солженицына, рассуждавших о новом, лучшем по сравнению с советским, типе общества, Зиновьев принципиально исходил из того, что хороших обществ (систем, социальных устройств) не бывает. А следовательно, центральная социально-философская (социально-антропологическая) проблема — это главным образом выработка индивидом адекватного его целям и задачам образа жизни, т. е. строительство не общества, а личности или, если угодно, общества в себе. Отсюда — разработка средств и принципов индивидуального противостояния Системе при жизни в ней (см. «Желтый дом», «Светлое будущее», «Иди на Голгофу», «Живи» и др.).

Таким подходом Зиновьев делал сразу два радикальных и парадоксальных, хотя и различных, шага. Во-первых, если он и не выходил полностью за рамки традиции Просвещения, то подходил к самому ее краю. Во-вторых, что еще парадоксальнее, в своем упоре на внутреннюю работу атеист Зиновьев очень близко подошел к стратегиям личного самоусовершенствования спасения, характерным для религиозных традиций, прежде всего — для христианства. Подобный поворот, для подробного анализа которого в небольшой статье нет места, тоже заслуживает отдельного исследования. Здесь лишь отмечу, что не согласен с теми, кто сближает позицию Зиновьева с протестантизмом, это очень поверхностное заключение.

Итак, анализируя в 1970-е годы «реальный коммунизм» и разрабатывая проект жизни в нем, Зиновьев смотрел на социальные процессы и структуры глазами представителя не привилегированных групп, а трудящегося (и сам при этом выступал именно как трудящийся — наемный работник умственного труда). Это вполне очевидно уже в «Зияющих высотах», хотя, пожалуй, сильнее выражено в «Светлом будущем». Благодаря такому подходу Зиновьев, сам того не зная (думаю, до сих пор), оказался в одном потоке с очень важным направлением в мировых социально-исторических исследованиях, которое оформилось в 1970-е годы и которое называют по-разному: «новая социальная история», «новая история культуры».

Новым в подходе очень большой группы не связанных друг с другом ученых в США, Индии, арабских и других странах было стремление взглянуть на исторический процесс не с позиций (а следовательно, не в интересах) элит — обычных или революционных (т. е. будущих господ), а с позиций угнетенных, будь то крестьяне (Дж. Скотт), черные рабы американского Юга (Ю. Дженевезе), социальные низы города и деревни в «третьем мире» (прежде всего в Индии — так называемые «subaltern studies» школы Р. Гухи), афро-азиатский мир в целом как угнетенная зона (Э. Сайд и др.). Используя наработки Э. П. Томпсона, Дж. Рюдэ и М. Фуко, эти исследователи создали принципиально новый дискурс, противостоящий как либеральному, так и марксистскому.

Парадоксальным образом Зиновьев с его научной, социальной и жизненной позицией, обусловленной советским строем, совпал с очень важным, общественно и политически острым направлением мировой социальной мысли. Правда, ему такая «позиция» обошлась значительно дороже, чем его зарубежным коллегам. Но в данном случае важно не это, а то, что Зиновьев, идя своим путем, часто оказывался в авангарде мировой теоретической мысли в области социальных наук, а нередко и обгонял этот авангард.

Я не хочу сказать, что взгляд на историю с позиций угнетенных — полноценная альтернатива взгляду с позиций господствующих групп или революционеров, что первым нужно заметить второе. Отнюдь нет, в таком случае мы опять получим односторонний взгляд. Однако, во-первых, такой взгляд позволяет многое увидеть иначе, создает более полную картину. Во-вторых это очень важно как личная и социальная позиция, особенно в эпоху глобализации, когда богатство, власть и их сила объявляются главным (ведь вся «научная» история написана — эксплицитно или имплицитно — с элитоцентричных позиций). В известном смысле, мы оказываемся перед той же проблемой, которую в начале XX в. пытался разрешить К. Мангейм: возможно ли социальное знание, преодолевающее ограниченность взглядов как господствующих («идеология»), так и угнетенных («утопия») групп. Мангейм давал утвердительный ответ на этот вопрос и называл надклассовое социальное знание «социологией познания», но не очень преуспел в конкретной реализации последней. «Система Зиновьева» представляет, на мой взгляд, более многообещающую программу выхода за рамки классовых (как сверху, так и снизу) ограничений взгляда на реальность. В немалой степени этому способствует советская — антикапиталистическая, неклассовая — социально-историческая база его исследований, в основе которой — русский опыт и русская интеллектуальная традиция противостояния власти и эксплуатации (достаточно вспомнить М. Бакунина, П. Кропоткина и др.).

ЗИНОВЬЕВ И РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: MOBILE IN MOBILE

Зиновьев выступает как последовательный критик любой системы классового господства, эксплуатации, угнетения. Он — критик неравенства, сложившегося в советской системе. Он — критик капитализма. Антикапитализм, антиклассовость Зиновьева, впрочем, очень соответствуют важным тенденциям русской истории, ее глубинным течениям, отражают их — и русскую жизнь в целом. Суть в том, что Россия — принципиально неклассовая, антиклассовая

страна. У нас никогда не было классов в строгом смысле этого слова. Киевская Русь никогда не была феодальной. То было поздневарварское общество, почти поголовно вооруженное население которого — плохой объект для любой эксплуатации классового типа. Это прекрасно понимали дореволюционные историки, в советское время это сверхубедительно показал в своих работах И. Я. Фроянов. В монгольской (удельной) Руси формирование классов (прежде всего господствующих — их оформление всегда опережает таковое угнетенных) тормозилось первоначально разрухой, а с конца XIII в. — как Ордынской системой, так и возможностями развития вширь (колонизацией). Впрочем, последнее деформировало и амортизировало развитие не только классовых, но и вообще социально-антагонистических отношений в течение еще нескольких столетий, и даже капитализм в России развивался не столько «вглубь», сколько «вширь». К факторам, тормозившим, а то и блокировавшим классовый вариант социально-антагонистического развития России, относятся также скудость ресурсов и вообще бедность вещественной субстанции, а также огромная военная составляющая общественных расходов.

Ни одна из господствующих групп русской истории, будь то боярство, дворянство, пореформенное чиновничество, не говоря уже о советской номенклатуре, так и не стала классом: не было ни достаточной материальной базы, ни достаточного исторического времени для оформления в класс. Более того, как только та или иная господствующая группа начинала превращаться в нечто классоподобное, власть (в союзе с низшей и более бедной частью господствующих групп) наносила удар и проводила своеобразную демократизацию (опричнина, например).

Таким образом, общество самовоспроизводилось на «предклассовом», поздневарварском (разумеется, если пользоваться европейской шкалой) уровне, сохраняя принципиальную простоту и время от времени «срезая» накопившийся «социальный жирок». Не случайно, что господствующим группам петербургского самодержавия так и не удалось сколь-нибудь успешно навязать низам, народу свои ценности и заставить его принять их, как это произошло в XVI—XVIII вв. в Англии и во Франции. Более того, сознание самих господствующих групп в России не оформилось до конца ни как классовое, ни тем более как буржуазное.

В этом плане необходимо признать, что исторический коммунизм (как антикапитализм) в СССР стал первой в русской истории положительной (и довольно органичной) формой организации неклассовости как положительного качества, которая в течение тысячелетия сопротивлялась всем попыткам уничтожить ее. Радикальная попытка последнего рода была предпринята в пореформенной России, на что и последовал радикальный ответ 1905—1917—1929/33 гг. То, что произошло в 1990-е, отчасти повторяет русскую ситуацию второй половины XIX — начала XX в., а следовательно, и результаты не будут другими.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но большая часть дореволюционных попыток осмыслить и концептуализировать русскую историю приходится именно на вторую половину XIX — начало XX в. и представляет собой, за незначительными исключениями, капиталоцентричное и европоцентричное (в либеральной или марксистской форме) прочтение истории России, сквозь призму нетипичных для нее форм (частная собственность, капитал, партии и т. п.).

После революции, в советское время восторжествовал все тот же европоцентричный подход — уже в марксистско-ленинском виде, в классовых терминах, непригодных для понимания ни русского исторического опыта в целом, ни коммунистического эксперимента в частности. Для них, особенно для последнего, не было научного языка, понятийного аппарата.

Научно-историческая заслуга Александра Александровича Зиновьева заключается в том, что он был одним из первых (а в СССР — первым), кто поставил задачу разработки научного (т. е. связанного с реальностью, а не с советской или западной идеологией) метода и аппарата

понятий, адекватных «реальному коммунизму». Это — первое. Второе. Зиновьев стал новатором и в разработке средств и форм изучения коммунистического общества. В этом, помимо прочего, и заключается суть его «системы».

В известном смысле, особенно если абстрагироваться от второстепенных деталей, «система Зиновьева» (именно система, поскольку она шире философии, социологии и т. д.) представляет собой грандиозную попытку теоретической и ценностной рационализации коммунистической — высшей и экспериментально наиболее чистой фазы русского исторического опыта, суть которого заключается в сохранении и воспроизводстве «поздневарварского», «неклассового» (в различных его модификациях) строя:

- в суровых (северо-восток) природных условиях;
- на фоне классового демонстрационного эффекта западного типа, с одной стороны, и достижений цивилизации Востока, с другой;
- во враждебном окружении, которое стало максимальным именно в советский период русской истории (до того — постоянное противостояние степи, вплоть до конца XVIII в., а с конца XVIII в. — борьба с «континентальными» державами (Франция, Германия) во время мировых войн и противостояние «морским» державам (Великобритания, США) в межвоенные периоды).

Речь идет о таком историческом опыте, в реализации которого контроль над пространством важнее контроля над временем, а распределение в совокупном процессе общественного производства играет не менее, а порой и более важную роль, чем производство. Это с неизбежностью порождает принципиально простой в своих основах и базовых ячейках социум; сложность в таком типе общества «располагается» на уровне межличностных отношений и культуры, что и нашло отражение в великой русской литературе XIX в., и не случайно. Дж. Ле Карре заметил, что русские до Фрейда узнали о психологии больше чем, позже, что у них больше понимания человеческой природы, чем у западного специалиста-психолога («романы» Зиновьева — блестящее подтверждение мысли английского мастера политического детектива).

Изучение такого опыта и формирующегося на его основе общества требует принципиально иной по типу конструкции и методологии теории, чем, например, капитализм, феодализм или наиболее развитые азиатские общества. Даже в то время, когда Россия внешне максимально напоминала Европу, была ее частью (по крайней мере, что касается русского господствующего слоя), проницательный наблюдатель (де Кюстин) писал: *«С первых шагов в стране русских замечается, что такое общество, какое они устроили для себя, может служить только их потребностям; нужно быть русским, чтобы жить в России, а между тем с виду все здесь делается так же, как и в других странах, разница только в основе явлений»* (подчеркнуто мною. — А. Ф.). Работы Зиновьева, помимо прочего, направлены на разработку такого теоретического инструментария, который позволит преодолеть это «с виду» и добраться до основ явлений, причем прежде всего касательно периода, в который Россия больше отличалась от Запада, чем в эпоху Николая I. Инструментарий, о котором идет речь, должен адекватно отражать принципиальную простоту «русского (или советского) эксперимента» и, в известном смысле, быть простым (хотя с точки зрения созидания нет ничего сложнее простых вещей, будь то материальные или тем более идеальные). Это — случай «системы Зиновьева», которая в ее объяснении коммунизма может внешне показаться недостаточно сложной, а потому не вполне научной, особенно если сравнить ее, например, с тем, что писали об этом феномене русские философы начала XX в. или западные социологи XX в.

Не буду много говорить на эту тему — для меня приоритет Зиновьева очевиден. Отмечу лишь, что не всякой сложности нужно рукоплескать. И не только потому, что следует помнить об Оккаме с его бритвой. Дело еще и в том, что сложность сложности рознь. Бывает сложность пути, ведущего вверх, но есть и сложность перзрелости, разложения, нежизнеспособности,

что хорошо понимали, например, К. Леонтьев и О. Шпенглер. Именно такой сложности, на мой взгляд, хватает в искусстве и мысли русского Серебряного века, отразившего усталость верхних слоев общества от самих себя, оторванность от «почвы», социальную искусственность и бесперспективность.

Гуманисты клонящегося, перезрелого, исторически уже тупикового, но внешне богатого и сложного в многообразии деталей и верных частностей Возрождения воспринимали Мартина Лютера и его идеи как примитив. Но будущее-то оказалось именно за его «простыми» идеями. Аналогичным образом Коперник предложил простой выход из перенасыщенной эпициклами и деферентами системы Птолемея, запутавшейся в собственной сложности.

Возвращаясь к Зиновьеву, отмечу две вещи. Первое. Его «система» — первая попытка на материале коммунизма разработать теорию, методологически и содержательно адекватную изучаемому обществу. Второе. Антиэксплуататорский, направленный против любых форм эксплуатации и угнетения запал зиновьевского подхода соответствует многовековому коду русской истории, русского макросоциального эксперимента, само осуществление которого объективно требовало ограничения, блокирования классовых отношений, причем нередко в интересах не только низов, но и верхов, т. е. с точки зрения социального целого. В этом плане «система Зиновьева» есть не только научно-рационализированное отражение коммунистического эксперимента (о конкретных интерпретациях, выводах можно и нужно спорить), но и идейное отражение русского «неклассового» эксперимента, который сейчас переживает острейший кризис, а может, — не хочется верить — подошел к концу (но пессимизм разума не означает пессимизма воли; как говорят хозяева мира англосаксы, в борьбе с которыми за планету русские провели два последних столетия, *«while there is a life there is a hope»*). Зиновьев с его системой • — это научно-художественная авторефлексия русского эксперимента на его коммунистической стадии, со всеми высотами и зияниями последней, с победами и поражениями, авторефлексия крайне противоречивая, несмотря на то что ее персонификатор — один из крупнейших логиков XX в. И это тоже симптоматично: столкнувшись с задачей анализа советской реальности, логик превратился в «научного художника», творчество которого полно противоречий.

ЗИНОВЬЕВ И ЗАПАД

Не менее, чем тема «Зиновьев и Россия», интересна тема «Зиновьев и Запад». Зиновьев, бесспорно, очень русский, хотя и очень **особый** русский человек. И в то же время это человек, побывавший во время войны (в которой он победил Запад) на Западе; который получил современное (т. е. западное по месту происхождения) образование и который прожил на Западе два десятилетия. Зиновьев не раз подвергал Запад и западный строй жизни («западнизм») жесточайшей критике. Похоже, в 1990-е годы западнизм занял в представлении Зиновьева то место врага, которое раньше занимал коммунизм. Но как двойственной была позиция Зиновьева по отношению к коммунизму, так двойственной является и его позиция по отношению к Западу, о котором тот же Зиновьев сказал немало хорошего.

Думаю, в своем отношении к Западу Зиновьев оказывается меж двух Владимиров, образующих некую ось. Это Владимир Ленин и Владимир Набоков. Ленин стремился уничтожить Запад как Запад и как капитализм одновременно, т. е. как цивилизацию и формацию, заменив их мировой универсальной (поклон просвещению) и однородной в социальном и властном отношении (поклон русской власти) коммунистической системой. Именно этого никогда не хотел Зиновьев, именно этого боялся, именно о такого рода опасности предупреждал Запад.

Набоков если и не растворился в Западе, его культуре и остался русским писателем (впрочем, очень особым русским — хотя, они все по-своему особые, странные русские — Ленин,

Набоков, Зиновьев, со странной любовью к России; кстати, все — системы в одном лице), то стал частью Запада, вполне органичной. Это то, к чему тоже никогда не стремился Зиновьев — и потому, что он советский, русский человек, и потому, что сам **по** себе, будь то Запад или Россия: он сам себе Запад и сам себе Россия. Это естественно для системы в одном лице. Но именно системность в одном лице как социальное качество, кажется, рождает поразительный тип двойственности Зиновьева по отношению к Западу.

Как индивиду, лицу, противопоставляющему себя системе, Зиновьеву не может не импортировать Запад как цивилизационный тип. Как систему в одном лице, как индивида, вынужденного жить в противостоянии русской власти (в ее коммунистической форме), Запад с его полисубъектностью не может не настораживать Зиновьева. Отсюда — двойственное отношение, меняющее окраску от спокойного «с одной стороны, с другой стороны» до признания в Hassliebe. Преодолеть эту двойственность можно с помощью либо «стратегии Ленина», либо «стратегии Набокова», что, повторяю, невозможно для Зиновьева, который остается сам собой и с самим собой — наедине, т. е. в позиции Марка Аврелия, позиции, к которой в той или иной степени, как правило, приходит любой честно мыслящий и чувствующий человек, осознав, что хороших систем не бывает и что реализовать себя можно только вопреки — людям и обстоятельствам, пространству и времени, настоящему и будущему. Возможно ли при таком подходе счастье? Не знаю. Я знаю только русский ответ на этот вопрос: «На свете счастья нет, но лишь покой и воля».

ЭКСПЕРИМЕНТ ЗИНОВЬЕВА — ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ?

Эксперимент «система в одном лице» поставлен Зиновьевым в советской реальности XX в. Однако, на мой взгляд, он имеет большое теоретическое и практико-социальное значение для XXI в. — для интеллектуалов энтээровской эпохи, в которой, как известно, решающими факторами производства становятся нематериальные — информация и интеллект. В условиях НТР сама социальная грань между властью и собственностью и, естественно, их персонализаторами во многом стирается. НТР **на производственной** основе создает ситуацию, которая, например, в советском обществе, в коммунистическом порядке существовала на основе **непроизводственной** и была следствием большевистской властно-технической революции, ВТР. Поразительным образом результаты развития позднего, энтээровского капитализма (с их размагничивающим влиянием на собственность, во многом превращающим ее в квазисобственность) и результаты разложения коммунизма (с появлением в посткоммунистической системе привластных квазисобственников) оказываются внешне сходными (сбылась мечта о конвергенции?). Если вспомнить еще и о росте значения интеллектуальной собственности, то получается, что власть, собственность и знание становятся элементами какой-то новой субстанции, трудноуловимой на языке политэкономии и чем-то похожей на злого духа из «Шах-намэ» с его «*я здесь и не здесь*».

Выход на первый план в самом вещественном, материальном производстве «невещественных» форм труда и производства, нематериальных факторов труда принципиально меняет ситуацию интеллектуала, его отношения с Капиталом и Государством. НТР не просто превратила интеллектуала как агента духовного производства в наемного работника умственного труда; он оказывается еще собственником главного для нашей эпохи фактора материального производства — интеллектуально-производственного, понятийно-образного.

Иными словами, ныне, как и в «докапиталистические» эпохи, главным становится живой труд, но не в его физической, а интеллектуальной форме. Социальные последствия НТР, производственно-экономическая ситуация «информационного общества» в значительной степени устраняют треугольник «эксплуататоры — эксплуатируемые — интеллектуалы», «растаски-

вая» третий элемент, угол по двум другим, превращая треугольник в отрезок с двумя краями. Иными словами, линии «господствующие группы — интеллектуалы», «эксплуататоры — эксплуатируемые» сходятся в одной точке, в интеллектуальном труде как системообразующем виде найма. Опроизводство интеллекта и интеллектуализация материального производства, появление социального агента, совмещающего в себе функции интеллектуала и наемного работника материального производства, принципиально меняют ситуацию. Во-первых, значительная часть эксплуатируемых уже просто не нужна, наукоемкое производство может обойтись без них. Во-вторых, интеллектуалы как персонализаторы главной производственной функции и в то же время собственники условий, предмета, процесса и результата своей деятельности, неотделимые физически от этих последних начинают как группа расслаиваться: часть (меньшая) «уходит в князья», большая часть сливается с эксплуатируемыми или люмпенизируется. Нередко тот или иной вариант может быть результатом сознательного выбора. И вот тут-то интеллектуал сталкивается с серьезнейшей проблемой. Ни верхи, ни низы позднекапиталистической эпохи, будь то центр, периферия капсистемы, социальных симпатий не вызывает. Эпоха Масс и Революций, а следовательно, Надежд и Иллюзий закончилась в 1991 г.

Какой выбор возможен для профессионального интеллектуала в новой ситуации? В то время как в индустриальную эпоху интеллектуалы социопроизводственно были обособлены и от эксплуататоров и от эксплуатируемых, в социополитическом плане они, как правило, ассоциировались, соотносили себя либо с первыми, либо со вторыми, обосновывая свой выбор теоретически. В энтээровскую эпоху интеллектуалы социопроизводственно либо сближаются с эксплуататорами, либо превращаются в эксплуатируемых, т. е. исчезает зона соотнесения. Вместо «треугольника» возникает слой богатых (20%) и бедных (80%), часть из которых вообще выброшена из производства, из «социального времени» — не нужны. В изменившейся глобальной социальной ситуации интеллектуалы должны прекратить ассоциировать себя социополитически с верхами или низами. Необходима выработка адекватного самостоятельного корпоративно-группового сознания. Речь не идет об объединении в партию или политическую организацию — партийно-политическая эпоха уходит в прошлое. Речь — о другом: о формировании **произвольной** позиции по отношению как к господствующим, так и угнетенным группам системы, а также к системе в целом. Для такой позиции ныне возникает и объективный социопроизводственный базис — глобальные информпотоки.

Этот базис — необходимое, но недостаточное условие занятия интеллектуалами произвольной системно-антисистемной позиции по отношению к основным социальным группам. Достаточных условий, на мой взгляд, два. Первое — разработка социально-исторической теории, адекватной современному миру, раскрывающей его реальное содержание, механизмы управления и т. д. Вне научного анализа реальности невозможно определить свое место в ней. Однако полноценная разработка такой теории (а теория — дело штучное, ремесленно-мастеровое в высшем смысле этого определения) в условиях современного общества возможна лишь на основе реализации — и это второе достаточное условие — программы «система в одном лице». В этом плане эксперимент Зиновьева, осуществленный в условиях советского **властного** контроля над сферой идей, имеет огромное значение для эпохи, в которой контроль над идеями приобретает позднекапиталистический **производственный** характер. Зиновьев, получается, и в практическом плане работает на будущее, его эксперимент — так получается объективно — это «добрым молодцам урок», «добрым молодцам» XXI в.

Если Маркс на «входе в Современность» звал к индивидуальной свободе посредством обретения свободы коллективной, то Зиновьев «на выходе из Современности» не просто предлагает путь к коллективной свободе через индивидуальную (хотя его можно прочесть и так), но снимает — для осуществления Рыбка к Свободе и жизни в ней — противоречие между индивидом и коллективом (системой) в практико-теоретической программе «система в одном

лице». Мне это напоминает то, как христианство в концепции личности сняло характерное для античного общества противоречие «индивид — коллектив». И это тоже кажется мне символическим и симптоматичным: похоже, на рубеже XX—XXI вв. мы оказались в конце не только эпохи Модерна, но и христианской эпохи: мир постмодерна — это, по-видимому, будет и постхристианский мир, в котором человек может рассчитывать только на себя, на свое мужество быть и мужество знать, причем адекватное знание (теория) обусловлено определенной социальной позицией. Как знать, не окажется ли человек в XXI в. в такой ситуации, в которой остаться человеком можно будет только в виде «системы в одном лице»? В таком случае советский XX век уже провел предварительную испытательную работу, причем не только по линии коллективной — социосистемного антикапиталистического эксперимента, но и по линии индивидуальной (индивидуально-системной, системно-личностной) — зиновьевского эксперимента (впрочем, они связаны между собой). Как тут не вспомнить Тютчева с его «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Действительно, не дано. Отозваться может по-разному. Мы можем лишь констатировать: своим опытом Зиновьев, по-видимому, предвосхитил важную форму жизнебытия интеллектуала постиндустриальной эпохи как такого агента, чья профессиональная позиция, постоянно проверяемая теоретической рефлексией (это отличает интеллектуала от эксперта), обусловлена его произвольным социальным бытием представителя «класса» «систем в одном лице» и моральной рефлексией по этому поводу. В какой степени подобный «класс» является классом и в какой степени подобная «система» является системой — на эти вопросы предстоит уже отвечать интеллектуалам XXI века. Зиновьев — среди тех, кто поставил этот вопрос не только теоретически, но и практически — своей жизнью в стране,

*«...где серп опирался на молот,
А разум на чудо, а вождь на бездушие стад,
Где старых и малых по селам выкашивал голод,
Где стала евангелием «Как закалялась сталь».*
(Б. Чичибабин)

СУПЕРПОБЕДИТЕЛЬ

Помимо того, что Зиновьев, self-made man, создал самого себя и замечательную семью (последнее для творческого человека очень важно), он в своей жизни одержал три крупные победы. Во-первых, он победил в страшной войне (и остался при этом человеком). Во-вторых, он победил в персональной социальной войне, оставшись самим собой, вопреки воле Системы, пересидев, перетомив ее в противостоянии. Это — специфический, спокойный, некрикливый, русского типа героизм, в основе которого — не самореклама и победа любой моральной ценой, а самостояние в правде. В-третьих, он победил, создав свою Систему, свой научно-художественный Космос. Такое количество и такое сочетание побед над превосходящим противником (и в какой-то момент над самим собой) — нечто из области фантастики, сказки. Ну что же, Зиновьев, как и многие люди его поколения, может сказать: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Парадокс, по крайней мере, внешне: жесточайший критик-аналитик (серьезный анализ автоматически предполагает критику как реальности, так и различных объясняющих ее теорий) советской системы, воплотил в действительность то, что по аналогии с «американской мечтой» можно назвать «советской мечтой». Но, быть может, «советскую мечту» и можно было реализовать лишь вопреки советской системе? Подозреваю, что именно так, а не иначе. Только на такой основе Зиновьев мог стать и стал суперпобедителем, чемпионом как по различным отдельным видам социальных и интеллектуальных единоборств — и по их сумме.

При этом, реализовав «советскую (системную, кстати) мечту», он победил и ее, поставив на службу себе-как-системе, своему творчеству.

Система Зиновьева важна не только сама по себе. Помимо прочего, она — великолепный материал, опровергающий научные мифы, созданные о советском обществе как на Западе, так и в СССР, а позднее — в постсоветской России. То же можно сказать и о творчестве Зиновьева в целом: исключительно ценное само по себе, оно объективно противостоит различным фальсификациям советской истории — как собственно советским (официальным) и западным, так и болтающимся между этими двумя, подобно «розе» в проруби, интеллигентско-шестидесятилетним («советским либеральным»), перестроечным и постсоветским.

Наша история концептуально много раз и по-разному сфальсифицирована: сначала Ка-рамзиным, либералами и марксистами в XIX в. Затем за ними в XX в. последовали новые концептуальные фальсификации: сталинская, потом номенклатурная, интеллигентская и номенклатурно-интеллигентская («шестидесятилетическая») фальсификации советской истории, особенно сталинского периода, ну и, разумеется, хрущевско-брежневского. Наконец, убого-подлые перестроечная и постперестроечная, и постсоветская, защищающая интересы новых хозяев страны. Все они тесно переплелись друг с другом и часто, снимая один лживый слой, вскрывают не истину, а другую ложь, которую выдают (или принимают) за адекватное отражение реальности. Далеко не все фальсификации были сознательными и злонамеренными, отнюдь нет. Но сути дела, точнее, результат, это не меняет. Писать историю России, особенно ее XX в. — это снимать «семь одежек и все без застежек» фальсификации, причем не столько фактологические, сколько концептуальные.

Зиновьев сыграл огромную роль в борьбе за прояснение советской истории, ее сути и смысла. Я далеко не со всем согласен в его **конкретных** интерпретациях. Однако общий подход — честный и без иллюзий взгляд на наше прошлое и настоящее и стремление найти адекватный нашей реальности научный язык — сомнений не вызывает. Лучшее социальное средство реализации такого подхода — позиция «Я-система» в одном лице. Тоже предложено Зиновьевым. Тоже, как и он — достояние России, подарок русского XX века веку XXI. Подарок во многом горький, но истина иной и не может быть.

Зиновьев, сколько бы и что бы он ни написал еще, свое главное дело сделал. Теперь — объективно — очередь следующего поколения, того, которое пользовалось плодами Великой Победы и на глазах которого, а то и при его активном или пассивном соучастии — по наивности, восторгу от свалившейся свободы и непонимания, что хороших систем не бывает (что, впрочем, не означает необходимости защищать прогнивший коммунизм) — эти плоды были утрачены. Те, кто не просто застал комстрой, а кто прожил при нем половину (плюс-минус) жизни, должны постараться объяснить его суть и понять причины гибели. И не только потому, что речь идет о нашей стране, об одной из ее — *right or wrong, my country* — исторических структур. Есть не менее важная причина более общего порядка: комстрой, каким бы он ни был, в истории человечества является единственным социосистемным экспериментом строительства общества на основе не эксплуатации, а солидарности. Конечно, благими намерениями дорога в ад вымощена, и сам Зиновьев писал, что наиболее чудовищные в истории социумы рождаются как результат осуществления самых светлых утопических проектов. Все так, но — ушел Советский Союз, и что мы видим в мире? Всем стало лучше? Наступили мир и покой? Восторжествовали права человека, именем которых Запад противостоял «империи зла»?

Комстрой в СССР был единственной в истории попыткой реализации антикапиталистического проекта, создания системы, альтернативной капитализму строительства модерна на основе принципа равенства. Коммунистический русский эксперимент — альтернатива эксперименту капиталистическому, англосаксонскому. XX век — это борьба двух этих просвещенческих проектов как равноположенных. И ранее, и особенно теперь делается все, чтобы эту

равноположенность затушевать, представить коммунистический эксперимент отклонением как от капиталистической нормы, так и от русской дореволюционной истории. Перед нами — еще одна фальсификация, цель которой — по сути — лишить нас нашего XX века. На самом деле антикапитализм имеет не меньшее **историческое** значение, чем капитализм, и особого внимания заслуживает вопрос о том, почему именно Россия реализовала этот западный проект, наполнив его русским содержанием. Ответы на эти вопросы имеют кардинально важное значение для нашего будущего, и Зиновьев сделал очень многое, чтобы расчистить эпистемологическое поле для ответов на них.

Понять СССР — это не только понять нашу историю, но и ответить на вопрос: возможно ли системное осуществление социальной справедливости? И даже если ответ отрицательный, негативный опыт — это тоже опыт, к тому же за одного битого двух небитых дают. Поражения — а XX век для России кончился (и начался) поражением — жестокий, но хороший учитель. Разумеется, если хотеть учиться. К. Поланьи, автор одной из главных книг XX века — «Великое изменение», писал, что именно анализ поражения привел в 1930-е годы в Германии к появлению политиков, обладавших зловещим интеллектуальным превосходством над своими оппонентами из западных стран-победителей. Но то же можно сказать и о большевистском руководстве 1920—1930-х годов, наученном горьким опытом России начала XX в.

Исследовать и понять причины провала СССР и как антикапиталистического модерна, и как самой формы русской власти, сделать на основе этого правильные выводы и разрабатывать на их основе практические рекомендации труднее и неблагодарнее, чем просто присоединиться к посткоммунистическим хозяевам с их (и «неолиберального капитализма») принципом «побеждает сильный, и он прав». «Не в силе Бог, а в правде». Я, как и Зиновьев, атеист, но эта фраза, приписываемая нелюбимому мной Александру Невскому, представляется мне правильной — в метафизическом смысле. Жизнь и творчество Александра Александровича Зиновьева, активно участвовавшего своими исследованиями в создании плацдарма для борьбы за научную истину в XXI веке, служат тому подтверждением.

ИЗ ЛИЧНОГО ФОТОАЛЬБОМА

— До эмиграции

Отец Александр Яковлевич.
1914 г.

Отец Александр Яковлевич
и мать Апполинурия Васильевна. До 1914 г.

А. Зиновьев
в 1933 г.

А. Зиновьев
в 1945 г.

А. Зиновьев — студент МГУ

С сестрой Антониной. 1947 г.

Студент МГУ (после 1947 г.).

С родителями, братьями и сестрами (верхний ряд, второй слева).

На лыжных соревнованиях. 1947 г.

С друзьями в Ташкенте - Кендеш, 1950 г.

На вечеринке в Ташкенте. Май 1952 г.

С будущей женой Ольгой. Ростов, 1965 г.

С женой Ольгой. 1969 г.

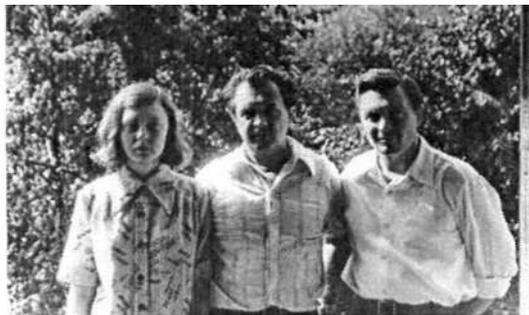
С дочерью Полиной. 1972 г.

Перед эмиграцией. Слева направо: поэт Лён, Ольга Зиновьева, писатель Венедикт Ерофеев, Александр Зиновьев с дочерью Полиной, писатель Георгий Владимов, жена Владимирова.

Дом, в котором родился А. Зиновьев.

С дочерью Тamarой и сыном Валерием.
Перед эмиграцией. 1978 г.

Дом, в котором А. Зиновьев жил с 1933 по 1953 г. (с перерывом на войну и армию в 1940—1946 гг.).
Комната Зиновьевых — 10 кв. м на восемь человек. Первое окно в полуподвале слева.

С братьями. Перед эмиграцией. 1978 г.

Школа, в которой А. Зиновьев учился с 1933 по 1939 г. На Б. Переяславской улице.

В эмиграции

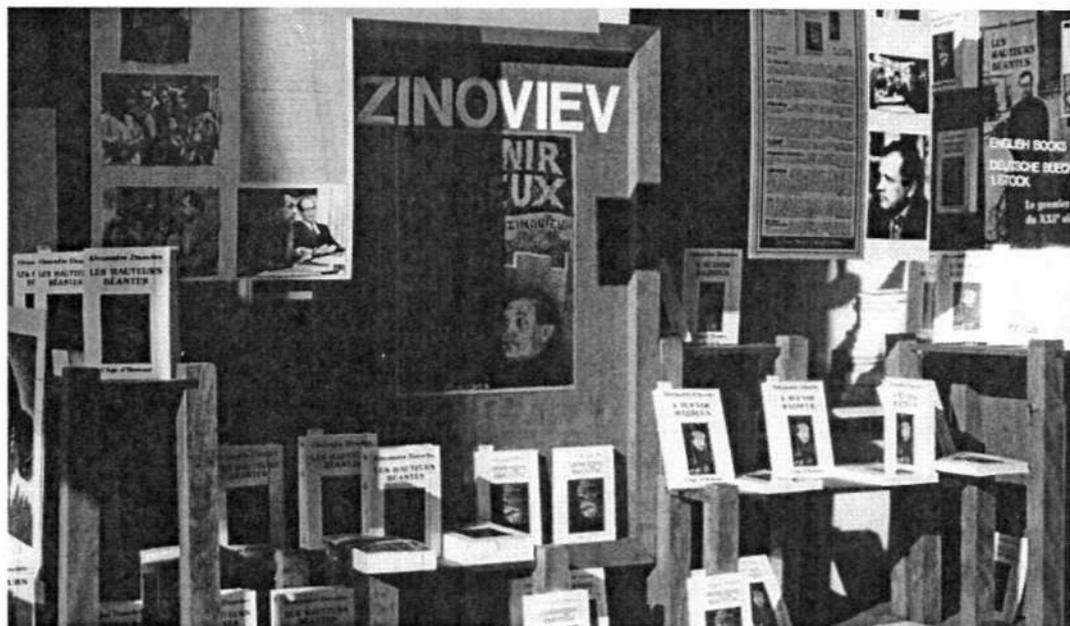
Первые дни на Западе с женой Ольгой и дочерью Полиной. 1978 г.

А. Зиновьев в книжном коллекторе. Справа от него — издатель Владимир Димитриевич.

Издатель Владимир Димитриевич, Марина Кароф и А. Зиновьев в Париже. 1978 г.

Книги А. Зиновьева в магазине в Париже.

Одна из эмигрантских встреч. Слева направо: А. Авторханов, Э. Кузнецов, В. Максимов, А. Зиновьев.

Встреча с Пиночетом в Чили.

В президиуме одной из международных конференций.

Встреча с читателями. Италия.

Немецкий издатель книг А. Зиновьева
Даниель Кель, А. Зиновьев
и Владимир Димитриевич на книжной ярмарке
во Франкфурте. 1978 г.

Встреча с А. Тарским в Беркли (США).

Чествование А. Зиновьева в Вене. Стоит Алоиз Мок, слева в первом ряду Курт Вальдхайм.

С собакой Шариком в Мюнхене. 1995 г.

С женой Ольгой и дочерьми Полиной и Ксенией накануне
возвращения в Россию. 1999 г.

С дочерьми Полиной и Ксенией и собакой Шариком в Мюнхене. 1990 г.

Тоследние дни на Западе с женой Ольгой и дочерью Ксенией. 1999 г.

Празднование 75-летия в Институте социально-политических исследований РАН. Справа — академик Г. В. Осипов.

С Ю. Нагибиным. Милан.

С В. Е. Максимовым.

На выставке рисунков.

На подписании книг.

С издателем В. Димитриевичем в Лозанне. 1978 г.

Ю. Н. Филиппов, муж дочери Полины, Полина, Ксения, Ольга и А. Зиновьев. Париж. 1999 г.

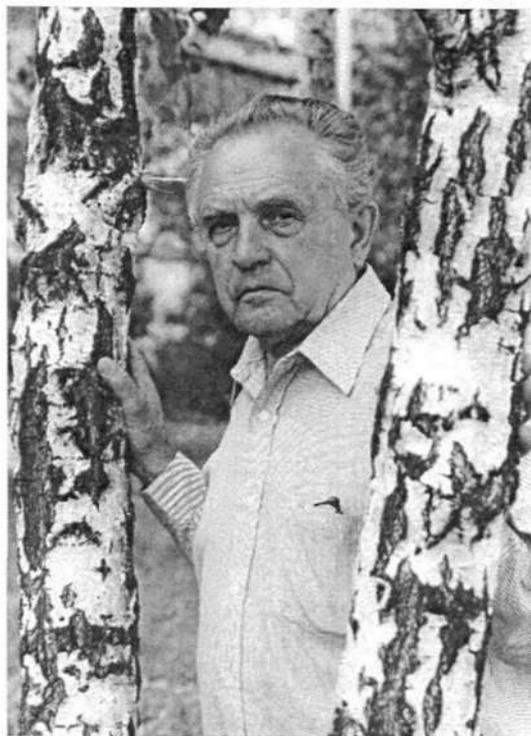

С Д. Китаенко в Мюнхене.

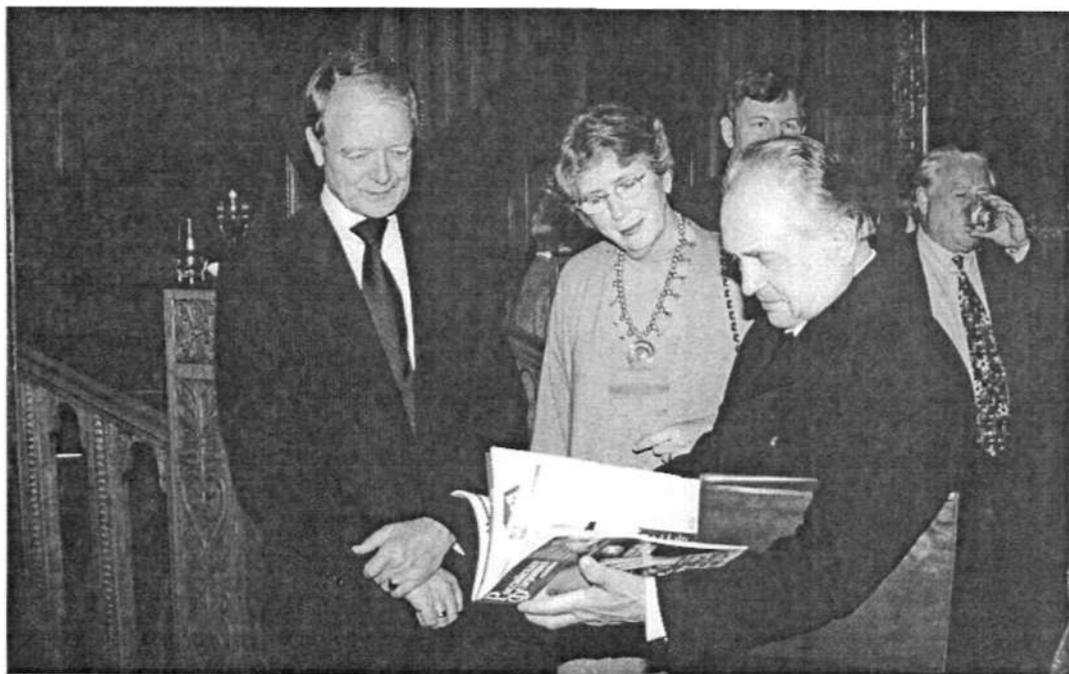
— После эмиграции

Встреча с Г. А. Зюгановым.

Во дворе дома в Москве. 1999 г.

На приеме в посольстве ФРГ в честь А. Зиновьева. Слева — посол ФРГ господин фон Штудниц с супругой.

Со студентами в Исследовательском центре А. А. Зиновьева.

Встреча с Н. И. Рыжковым.

Со слушателями курса лекций по социологии в МГУ им. М. В. Ломоносова.

С женой Ольгой и дочерью Полиной и Ксенией в Москве. 1999 г.

В галерее Шилова. Сидят Н. И. Рыжков и А. М. Шилов.

Встреча с С. Н. Бабуриным.

В МГУ.

Около Исследовательского центра А. А. Зиновьева с ректором МГСА И. М. Ильинским.

Русский интеллектуальный клуб.

С женой Ольгой во дворе дома.

Посольство ФРГ. Прием в честь А. Зиновьева.
Стоит посол господин фон Штудниц.

С Н. Н. Моисеевым
в Русском интеллектуальном клубе.

В Ростове-на-Дону. Рядом — ректор университета Ю. А. Жданов.

В Институте молодежи. Слева направо: Н. Н. Моисеев, А. А. Зиновьев,
И. М. Ильинский (ректор института), О. М. Зиновьева.

После лекции на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова с группой вольнослушателей.

Вот и прошло 80 лет!

II. ЛОГИКА

Александр Зиновьев. Комплексная логика

Все то, что писалось и говорилось о советском обществе, имело мало общего с тем, что я наблюдал сам. Чтобы понять, что из себя представляет это общество на самом деле, я для этого нуждался в общей научной социологической теории. Познакомившись с марксизмом и немарксистскими учениями об обществе, я установил, что они не годятся для достижения моей цели. Я должен был выработать подходящее учение сам. Но для этого, в чем я убедился при попытках построить такое учение, нужны были методы познания, которые могли быть выработаны только в рамках логики и средствами логики. И я обратился к изучению логики.

Впрочем, у меня все равно не было иного выбора. Сами обстоятельства моей жизни распорядились так, что выбор определился сам собой, независимо от моих намерений. Дело в том, что я был вытолкнут моим начальством и коллегами в конце концов именно в логику, поскольку был беспартийный и критически относился к марксизму, а логика считалась идеологически нейтральной. И я с увлечением погрузился в изучение логики, причем — математической. При этом моя деятельность шла по двум линиям. Первая — овладение достижениями математической логики и участие в разработке формального (математизированного) аппарата логики. Думаю, что мне удалось добиться значительных результатов в этом направлении (по признанию несоевских логиков). Основные из них изложены в публикациях шестидесятых и начала семидесятых годов XX века. Часть из них переиздана в 2000 году в сборнике «Очерки комплексной логики» (Эдиториал УРСС. Москва). Они относятся к сфере так называемой неклассической математической логики, точнее говоря — к многозначной логике и к теории логического следования. Они получили международную известность. За них я был избран в академию наук Финляндии, логическая школа которой имела мировую репутацию. В России и Восточной Германии у меня сложилась логическая группа, получившая высокую оценку в кругах западных логиков. Мои работы переводились на иностранные языки, главным образом на немецкий и английский. В 1975 году в Германии была издана (совместно с Х. Веселем и в его переводе) моя работа «Логические правила языка», в которой я построил полный курс логики на основе моих результатов.

Я регулярно получал приглашения на международные конгрессы как логик (но ни разу не был выпущен). Западными специалистами я включался в число крупнейших логиков мира. И в России меня терпели коллеги и даже частично поддерживали власти. Это продолжалось до тех пор, пока моя деятельность в основном ограничивалась рамками математической логики, ставшими традиционными (даже рутинными) и признанными в узких кругах профессионалов

и даже в советской философии. Но положение резко изменилось, когда моя деятельность по второй линии вышла за эти рамки.

По второй линии я начал разработку логической теории, радикально отличающейся от всего того, что было сделано в логике в прошлом и делается в настоящем. Я назвал ее комплексной логикой. Суть этой теории заключается в пересмотре понимания предмета логики вообще, объема рассматриваемых в ней объектов, методов самой логики (методов решения логических проблем, ее собственного аппарата, рассчитанного не на какое-то внешнее применение, а на свои внутренние нужды) и сферы ее приложений. Для меня с самого начала было ясно, на что я шел. Состояние логики, уже обросшей предрассудками и ложными идеями (на мой взгляд) меня не удовлетворяло. Задуманная мною реформа логики, как я предвидел заранее, должна была породить негативное отношение в профессиональной среде. Так оно и произошло. Вместе с тем, результаты моих исследований так или иначе давали о себе знать. Я это замечал в работах многих логиков, как правило — без ссылок на мои работы, хотя они были достаточно широко известны. Думаю, что я опередил эволюцию логики лет на тридцать или пятьдесят. Например, я уже тридцать лет назад построил логическое исчисление, в котором не имели силы знаменитые геделевские результаты, и решил все связанные с ним проблемы (включая проблемы полноты, разрешимости и непротиворечивости). К таким же результатам западные логики стали приходить лишь недавно. Кроме того, в этих исчислениях я ввел оператор неопределенности. Ранее неизвестный в логике и опять-таки появившийся недавно. Мои работы с изложением таких исчислений и всего, что связано с ними, стали публиковаться на английском языке (международном языке логики) более четверти века назад. Но все это было лишь частью моих исследований по второй линии. Скажу кратко о моих фундаментальных идеях и результатах на этот счет.

Начну с вопроса: что является предметом логики как особой науки? Ответ кажется вроде бы очевидным и общепринятым: законы правильного мышления. Но что такое мышление? Деятельность мозга? Но логика как наука появилась давно, а деятельность мозга (то, что происходит в мозгу людей) стала предметом научного исследования совсем недавно. И что значит — правильное мышление? Проанализируйте ответы на этот вопрос, и вы получите в итоге, что правильным мышлением считается мышление по законам (правилам)... логики. И глубже этой тавтологии дело не идет. А попытки объяснить, как именно логика изучает мышление, так или иначе кончаются тем, что в качестве правил «мышления» приводятся операции с объектами языка — со словами и предложениями. Основное содержание курса логики — определения понятий (т. е. слов, терминов) и умозаключения (т. е. получение из данных высказываний новых), а также более сложные языковые конструкции из понятий и высказываний.

В отношении природы правил логики сложилась и приобрела силу предрассудка философская концепция, будто эти правила суть отражение неких общих законов бытия. Например, на вопрос. Почему из суждений «Все люди смертны» и «Сократ есть человек» логически следует суждение «Сократ смертен», философы (а логика существовала в рамках философии) отвечали: так устроен мир (бытие). Тем самым вопрос о природе правил логики вообще отбрасывался, и эти правила предлагалось принимать и заучивать без объяснения.

Математическая логика, сделав вклад в методы логических исследований, сместила основное внимание в аспект разработки формального аппарата логики и превратила сами эти средства логики в ее содержание, в ее предмет. Предмет логики при этом несколько не расширился, понимание его не улучшилось, а технические средства были неимоверно раздуты. Сложилась новая система предрассудков и ложных концепций. Например, сложилось убеждение, будто законы логики зависят от предметной области (отсюда идея особой логики микромира), будто они не универсальны, будто имеют непосредственные приложения вне сферы языка. В этом отношении характерна подмена правил логики математическим аппаратом, применяе-

мым в вычислительных и информационных устройствах. Вместе с тем предметная сфера внимания логики даже сузилась сравнительно с доматематическим периодом логики (сравнительно с «философской» логикой) и произошло содержательное обеднение логики. Например, была совсем заброшена часть логики, называвшаяся в доматематический период индуктивной логикой. Ограничив сферу логики в смысле охвата проблем и сведя логические исчисления к чисто техническим (математическим) задачам, математическая логика включила неявно и порою явно в решение чисто логических проблем внелогические предпосылки и допущения, так что получилась деформированная (смещенная) теория: она не включила в себя то, что необходимо для логики как особой науки, и включила в себя то, что должно быть исключено из логики. В результате создались затруднения, непомерно усложнившие и даже вообще исключившие решение целого ряда логических задач. Логика вообще утратила суверенитет особой науки, лежащей в основе всех прочих наук, включая математику. И как бы это ни казалось странным, в математике до сих пор отсутствует универсальная теория доказательства (она даже отвергается), ибо построение такой теории возможно лишь в рамках логики, не зависящей от математики.

Согласно моей логической теории, которую я назвал комплексной логикой, предмет логики как особой науки — язык. Но язык не вообще во всем многообразии его признаков и функций в человеческой жизни, а лишь в одном его качестве, составляющем его социальную сущность, а именно — как вещный (материальный) способ существования человеческого сознания, искусственно изобретенный людьми, а не наследуемый биологически, отделяемый от человеческого тела, а не остающийся в его мозгу, как средство познания людьми окружающего их мира, включая их самих и их жизнедеятельность, как знаковое средство фиксации приобретаемых знаний, их хранения и передачи новым поколениям, как средство использования людьми приобретенных знаний для получения новых знаний и в практической жизнедеятельности. При всем этом логика имеет свой специфический (только ей свойственный) подход к языковым явлениям.

Логика выделяет (абстрагирует) в языковых явлениях определенные структурные компоненты, а именно такие, которые образуют структуру знаний, — термины, высказывания (суждения), терминообразующие и высказывающие операторы и другие производные от них и обслуживающие их знаки. Эти подлежащие исследованию объекты логика выделяет в эмпирически данных языковых фрагментах. Выделив их, логика устанавливает, как они функционируют в языке. Но она не ограничивается этим. Это только начало и предпосылка для ее профессиональной работы. Последняя заключается в их особой обработке, в их усовершенствовании и изобретении новых, а также в установлении точных правил оперирования ими — правил или законов логики.

Вопрос о понимании правил логики является ключевым для понимания логики вообще, человеческого сознания и познания, средств познания, языковой практики. Остановлюсь на этом подробнее.

Язык состоит из совокупности предложений, построенных по правилам некоторого (русского, английского и т. п.) языка и образующих его базис, а также из совокупности развитых на этом базисе дополнительных средств — формул, графиков, таблиц, схем и т. п. Предметом внимания логики является лишь то, что охватывается терминами «высказывание» («суждение»), «термин», и логический «знак» (или «логический оператор»).

Приведу для ясности несколько примеров. Примеры высказываний: «Электрон заряжен отрицательно», «Если по проводнику пропустить электрический ток, то вокруг него возникает магнитное поле», «Все четные числа делятся на два». Примеры терминов «атом», «капитал», «элементарная частица, имеющая положительный заряд», «ускорение 10 м/с», «магнитное поле». Примеры логических операторов: «и», «или», «не», «если..., то...» «тот, который», «все».

Правила логики (логические правила) суть оперирование высказываниями и терминами (и, естественно, входящими в них логическими операторами). Эти правила не открываются людьми в окружающем их мире, а изобретаются вместе с появлением и совершенствованием навыков конструирования терминов, высказываний и действий с ними. Логика как особая наука, приступая к изучению этих правил, сталкивается со следующим обстоятельством. Она обнаруживает эмпирически данными определенного вида термины, высказывания (и содержащие их операторы) и уже функционирующими некоторые правила обращения с ними. И с этой точки зрения правила, устанавливаемые логикой, имеют опытную основу. Но логика вместе с тем обнаруживает: свойства определенного вида терминов и высказываний и содержащих их операторов) установлены лишь для некоторых случаев их употребления, и не для любых возможных ситуаций; свойства эти установлены неотчетливо и не с предельной общностью (нередко в связи с конкретным видом языковых форм); не установлены отношения различных операторов. Устраняя эти недостатки, логика продолжает творческую деятельность по разработке и совершенствованию упоминавшихся средств языка науки, и с этой точки зрения логические правила оперирования этими средствами языка суть не что иное, как определения свойств логических операторов и содержащих их терминов и высказываний.

Кроме того, сами методы логики позволяют разработать точные правила не только для фактически встречающихся ситуаций, но и для любых логически мыслимых (возможных) ситуаций, а также выяснить логически возможные виды терминов, высказываний операторов), которые, может быть, еще не употребляются в науке. Во всяком случае, получив некоторый материал для работы, а также своего рода задание и ориентиры, логика делает свое дело уже независимо от этого материала, исследуя логически возможные случаи и устанавливая для них соответствующие правила. И с этой точки зрения логику можно считать априорной наукой, результаты которой имеют силу для любой науки, если только последняя вводит в обиход элементы языка, подпадающие под описанные в логике типы.

Возьмем, например, логический оператор, который обычно истолковывается как «и». В реальных языках логика обнаруживает сложные высказывания, истинные лишь тогда, когда все входящие в их состав высказывания истинны. Роль операторов в таких случаях помимо слова «и» выполняют и другие средства: запятая, слово «но», слова «а также» и даже порой слова «если, то», которым в логике предназначена совсем иная роль. И хотя все указанные средства выполняют в языке и другие функции, существенно одно: случаи такого вида фактически встречаются, и для того, чтобы выделить функции указанного оператора, в логике вводят особый знак конъюнкции. Последний выполняет в логике исключительно роль оператора рассоренного вида. Его можно истолковать теперь как «и». Но не только так: любые языковые средства, выполняющие такую роль в языке, суть пример конъюнкции. С другой стороны, используя свои методы, в частности таблицы истинности), логика устанавливает связь такого рода операторов с другими (с «или», «не», и т. п.), определяя свойства конъюнкции для всех возможных ситуаций (для всевозможных комбинаций с другими операторами), а также может ввести новые операторы, точно сформулировав правила их употребления (например, так вводится материальная импликация).

Продолжим наш пример. Всем известны правила приписывания значения истинности высказываниям с операторами «и», «или», «не», в простых комбинациях и в случаях, когда ограничиваются двумя значениями — «истинно», «ложно». Эти правила привычны и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, данное от природы. Но достаточно взять случай, когда высказывания могут принимать три значения истинности (или даже более), как обнаруживается, что никаких само собой разумеющихся правил для этих случаев вообще нет. Они должны быть изобретены, вновь установлены кем-то и затем получить более или менее широкое признание. При этом выясняется, что возможны различные варианты этих правил. В част-

ности, для отрицания возможны по крайней мере три различных варианта. И во избежание путаницы при этом должны быть введены различные логические операторы, упитывающие эти вариации.

Логика, далее, изучает свойства терминов и высказываний, не зависящие от того, являются ли они терминами и высказываниями физики, химии, биологии, истории или какой-либо иной науки. Она изучает правила, общие любым терминам и высказываниям с определенной структурой, и не рассчитана ни на какую науку специально. Нет логики специально для физики, химии и т. п., нет логики специально для математиков, физиков, историков, макрофизиков, микрофизиков, ибо логика находит в науке именно то, что она ищет: правила, которые не зависят от сферы науки, от особенностей той или иной предметной области.

Таким образом, в силу самих методов, используемых в логике, формулируемые ею правила универсальны. Если мы вели некоторый оператор A так, что по его определению будет иметь силу правило X для содержащих его терминов или высказываний, то не может встретиться случай, когда оператор A употребляется, а правило X не имеет силы.

Когда говорят о правилах логики, то обычно имеют в виду правила вывода одних высказываний из других. Однако правила образования сложных терминов из простых, высказываний из терминов и других высказываний, терминов из высказываний; правила построения сложных комплексов высказываний и терминов и т. п. Например, из терминов «человек» и «курит» с помощью терминообразующего оператора «который» можно образовать новый (сложный) термин «человек, который курит». Если исследователю известен смысл данных терминов и свойства оператора «который», то ему известен смысл образованного из них сложного термина. И это возможно в силу особых логических правил обращения с терминами, которые явным образом отличны от правил вывода.

В общеразговорных языках и в языках опытных наук фигурирует множество выражений, которые я называю логическими терминами (в отличие от логических операторов), поскольку они могут быть определены достаточно полно и точно лишь в сфере логики. Приведу примеры их: предмет, признак, событие, состояние, организация, порядок, движение, объединение, группа, комплекс, скопление, иерархия, качество, количество, величина, степень, структура, отношение, связь. Прогресс, регресс, эволюция, развитие, скачок, тип, часть, целое, клеточка, необходимость, случайность, возможность, закон, время, пространство, настоящее, прошлое, будущее, становление, интеграция, дезинтеграция, подъем, спад, простое, сложное, содержание, форма, норма, отклонение, дивергенция, конвергенция, сущность, явление и т. д. Такого рода общих языковых выражений насчитываются многие десятки. Они употребляются с весьма смутным смыслом, просто общеразговорным, а не как научные термины, в лучшем случае — как термины той или иной конкретной сферы науки. Многие из таких слов фигурируют в философских и социологических сочинениях как специальные термины (например, как «категория» диалектического материализма). Но мне не встретился ни один случай, когда они были бы определены в соответствии с критериями логики. Впрочем, в самой логике и методологии науки положение таково, что найти там такие критерии невозможно.

Рассмотрим такой пример. На вопрос о том, может ли физическое тело одновременно находиться в разных местах, обычно отвечают отрицательно: не может. Но почему? На этот вопрос обычно отвечают: так устроен мир. Но дело тут не в устройстве мира. Да и откуда взять гарантии, что наше утверждение будет верно на все времена в прошлом и в будущем и во всех местах пространства? Наша уверенность в том, что физическое тело не может одновременно находиться в разных местах, есть логическое следствие неявного определения выражений «разные места» и «физическое тело». В самом деле, в каком случае места (области пространства) считаются разными? Неявно предполагается, что два места A и B различны, если и только

если они не имеют общих точек. Но реальные «точки» суть физические тела. Так что если определение выражений «разные места» записать явно (эксплицировать), то получим следующее. Два места А и В считаются (называют) разными местами, если и только если для любого физического тела Х имеет силу утверждение: если Х находится в одном из А и В, то в то же самое время оно не находится в другом из них. Из этого определения логически следует, что физическое тело не может одновременно находиться в разных местах. Но стоит дать более слабое определение разных мест (например, два места А и В различны, если и только если по крайней мере для одного физического тела имеет силу утверждение: если оно находится в одном из А и В, то оно не находится в другом), как окажется возможным логически такое, что некоторое тело может находиться одновременно в разных местах.

В моей логической теории я предложил логическую обработку большого комплекса логических терминов, относящихся к пространству, времени, движению, эмпирическим связям и т. д. Эта терминология плохо определена, многомысленна, неустойчива, логически не связана в должные комплексы. Это служит основой для всякого рода спекуляций вроде идей замедления и ускорения времени, обратного хода времени, различного хода времени в разных местах, искривления пространства, особой логики микромира и т. п. Весь этот бред навязывается человечеству со ссылками на новейшие достижения науки. Попробуйте, спросите у того, кто утверждает, например, будто время где-то быстрее (или медленнее), чем на нашей планете, что это означает. Он должен будет сказать вам, что где-то проходит больше (или меньше) времени, чем на Земле, за одно и то же время. Обратите внимание, за одно и то же время! Без таких слов понятия «быстрее» и «медленнее» лишены смысла. Аналогично обстоит дело со всеми словесными трюками, которыми в наше время засоряют мозги людей от имени высокой науки.

Благодаря такой логической обработке я доказал чисто логически (без физики!) необратимость времени, бессмысленность утверждений об ускорении, замедлении и различном «ходе» времени, единственность и трехмерность пространства, существование минимальных длин, объемов, временных интервалов скоростей и целого ряда других утверждений.

Логические термины до сих пор находятся в ведении философских учений о бытии. Характерным для них является почти полное игнорирование средств логики (можно сказать — логическая безграмотность) и стремление построить учение о бытии просто как обобщение результатов конкретных исследований явлений реальности, включая результаты частных наук (в особенности — естественных). Я установил, что на этом пути построить онтологию, удовлетворяющую критериям научного подхода, в принципе невозможно и что это возможно только в рамках особым образом построений логики и средствами такой логики.

Логическая онтология есть не просто присоединение к некоей традиционной логике нового раздела. Она стала возможной лишь благодаря радикальной перестройке всех основ логики. Она появилась как своего рода «надстройка» над общей теорией знаков, общей и специальной теорией терминов, общей теорией вывода, теорией доказательства и других разделов. Все они предполагаются построенными на уровне логических исчислений. Логическая онтология выступает как их расширение, как дополнение к ним.

Моя логическая онтология включает в себя как часть все разумное содержание диалектики, рассматриваемой как учение о бытии. Я начал это включение неявно более полувека назад, но вынужден был сделать это явно лишь сравнительно недавно.

Другой аспект расширения содержания науки — логическая обработка методов научного исследования, применяемых в опытных науках. Я называю этот раздел расширенной логики логической методологией. В ней методы исследования рассматриваются лишь в той мере, в какой это связано с обработкой логических понятий особого рода, например таких: простое и сложное, часть и целое, закон и проявление, абстрактное и конкретное, клеточка, эмпирическая связь и т. п. Чтобы дать логически корректное определение таких понятий, необходимо

исследовать и описать какие-то исследовательские операции. И описание таких операций выступает как определение логических терминов, — операционное определение. Например, выражение «Событие есть физическое (эмпирическое) следствие события В» является сокращенной записью определенного множества описаний исследовательских операций, в которое входит описание такой операции. Наблюдаются (выбираются или создаются в эксперименте) последовательные во времени ситуации, которые одинаковы во всем, за исключение того, что в первой имеет место (происходит) событие В, но нет события А, а во второй вслед за В происходит А.

В этом разделе комплексной логики дается логическое описание фактически используемых в науке и логически мыслимых (возможных) приемов познания. Таких, например, как мысленный эксперимент, восхождение от абстрактного к конкретному, восхождение от простого к сложному, эвристические гипотезы, моделирование и другие. Замечу кстати, что и это расширение сферы логики я начал более полувека назад, рассмотрев метод восхождения от абстрактного к конкретному с логической точки зрения. Кандидатскую диссертацию на эту тему я защитил в 1954 году.

Существует мнение, будто законы логики не являются универсальными, т. е. имеются случаи, когда один и тот же закон логики в одной области науки ведет к правильным результатам, в другой — к ошибочным; будто законы логики имеют исключения, зависят от предметной области. Для подкрепления этого мнения (помимо общих пространственных соображений) ссылаются на вполне определенные факты. Еще с прошлого века идет традиция, отвергающая закон противоречия в отношении переходных состояний объектов. В современной логико-философской литературе к этому присоединяют ограничения на закон исключенного третьего и двойного отрицания в интуиционистской логике, а также на законы коммутативности и дистрибутивности в «квантовой логике».

Если логика действительно не является универсальной, единой для всех наук, то ее положения не имеют априорной силы для наук, и вопрос о ее использовании в них оказывается сомнительным. Но рассматриваемое мнение есть плод недоразумения. Уместно спросить: 1) почему именно такие-то законы логики считаются неуниверсальными, а не другие? 2) могут ли встретиться случаи, когда и другие законы логики окажутся неуниверсальными? 3) имеются ли все-таки законы, логически являющиеся универсальными? 4) где грань между универсальными и неуниверсальными законами логики? Ответить на подобные вопросы несхоластическим образом невозможно. Законы логики по самой своей природе универсальны, не имеют исключений, не зависят от особенностей той или иной области. От этих особенностей зависит лишь то, какие именно законы из множества возможных законов логики будут использоваться.

Что касается фактов, которые якобы подтверждают эту концепцию, то они суть результат смешения различных логических форм (это мы покажем по мере изложения).

Не является аргументом в пользу тезиса неуниверсальности логики и факт множественности логических систем. Мы оставляем в стороне различие точек зрения, способностей и интересов логиков, различие интерпретаций логических исчислений, различие направлений в логике, исторический прогресс и прочие общеизвестные вещи. Возьмем наиболее интересный для нас случай: имеются два логических исчисления, они интерпретируются как логические теории, претендующие на описание свойств одних и тех же логических операторов; однако множества доказуемых в них формул (и значит, множества допускаемых ими правил логики) не совпадают.

Если дело обстоит именно таким образом, то правильный вывод из этого факта может быть только такой: эти системы определяют различные наборы логических операторов.

Примером такого рода логических систем являются классическое и интуиционистское исчисления высказываний. Если они претендуют на то, чтобы дать определение свойств опе-

раторов «и», «или», «не», то их можно представить как различные определения отрицания. И неверно думать, что имеется некое природное отрицание, которое можно познать с различной степенью глубины, полноты и точности, подобно тому как познают атомы, общества, животных, и свойства которого «интуиционисты» постигли лучше, чем «классики» (или наоборот). Прогресс здесь имеет место. Но он состоит в том, что применительно к некоторым потребностям познания отрицание дифференцировалось, и для различных его форм построены логические системы, определяющие их свойства. Различие логических систем (если, конечно, последние не являются вариациями на одну и ту же тему) есть показатель расширения и обогащения аппарата логики. Но это ни в коем случае не есть показатель того, что одни и те же законы логики верны в одних областях науки и неверны в других.

Иное дело — вопрос об универсальности определенной концепции логики. В этой связи надо заметить, что стремление представить классическую математическую логику в качестве единого средства решения любых проблем логической теории научных знаний (т. е. в качестве единой концепции логики вообще) оказалось неправомерным. Во многих случаях использование ее дало лишь чисто иллюстративный эффект, породило парадоксальные ситуации и тупики. Так что ближе к истине будет оценка классической математической логики лишь как одного из средств логической теории научных знаний и, при условии соответствующих интерпретаций, как одного из ее разделов. В результате критики концепции универсальности логики по тем направлениям, о которых упоминалось выше, рухнула концепция, согласно которой классическая логика одинаково пригодна для решения всех проблем логической теории научных знаний (и «универсальна» в этом смысле). Разработка логики по этим направлениям, однако, есть разработка новых разделов универсальной логики.

Свою концепцию я назвал нетрадиционной, нестандартной или комплексной логикой. Последнее название я выбрал не столько с целью подчеркнуть отличие моей концепции от других, сколько с целью обратить внимание на то, что должное решение важнейших проблем логики может быть достигнуто именно на пути их рассмотрения в комплексе, а не по отдельности, не изолированно друг от друга. В частности, нельзя должным образом осуществить логическую (формальную) обработку языка как орудия научного познания, игнорируя предметное значение языковых выражений, т. е. их онтологический аспект. Нельзя логически строго описать явления бытия, игнорируя языковые средства и методы их познания. Нельзя логически строго описать методы научного исследования, не привлекая языковые средства фиксации знаний и оперирования ими. Короче говоря, три ветви старой философии — формальная логика, гносеология и онтология — должны быть слиты в нечто единое при систематическом построении логики в современных условиях в науке.

Хорст Вессель.

Логические исследования Александра Зиновьева⁴

Александр Зиновьев начал свой путь в науке с исследования методологии эмпирических наук. Его кандидатская диссертация и первые научные статьи были посвящены методу «восхождения от абстрактного к конкретному» (на материале «Капитала» К. Маркса). Его результаты в этой области радикально отличались от марксистских публикаций на эту тему. Поэтому

⁴ Профессор доктор Хорст Вессель, Берлинский университет им. Гумбольдта. Доклад на симпозиуме в честь Александра Зиновьева по поводу его семидесятилетия, 1992.

его диссертация была недоступна читателям в библиотеках, а его первые статьи появились лишь в Польше. В России он получил возможность публиковать свои идеи несколько лет спустя.

Зиновьев рассматривает метод восхождения от абстрактного к конкретному как метод исследования сложных систем эмпирических связей. Логическая сущность этого метода заключается в следующем. Компоненты таких систем должны мысленно извлекаться из их взаимной связи (абстрагировать) и рассматриваться отвлеченно друг от друга (абстрактно). И затем шаг за шагом должно рассматриваться совокупное взаимодействие связей с использованием предшествующего результата анализа. При этом получается суммарное знание, являющееся конкретным по отношению к знанию, полученному на предшествующем этапе.

Но более важными, чем эта демистификация метода восхождения от абстрактного к конкретному, были общие выводы Зиновьева о необходимости разработки логических принципов исследования сложных систем связей. Он установил, что такие логические правила нельзя выявить путем исследования практики, поскольку логические правила вообще не зависят от конкретной предметной области, исследуемой наукой, и ничего не говорят о внеязыковой реальности. Логика как наука имеет дело исключительно с языковыми выражениями. Устанавливаемые логикой правила (законы) суть человеческие изобретения, по самой своей природе имеющие универсальную значимость. Логика для своего построения не предполагает никакие другие науки. Но чтобы выработать достаточно эффективные логические правила для исследования сложных систем связей, необходимо радикальным образом реформировать саму логику. В том виде, в каком логика существовала, она была непригодна для решения такой задачи. И Зиновьев совершил важнейший шаг в своей научной деятельности — обратился к пересмотру современной логики вообще. Эта реформа логики стала делом жизни Зиновьева.

Зиновьев был первым автором в восточном (советском) блоке, который осуществил всеобъемлющий обзор исследований по многозначной логике. Из его многочисленных публикаций по многозначной логике назову лишь книгу «Философские проблемы многозначной логики» (на русском языке издана в 1960 г.), которая в переработанном виде издана в 1963 году на английском и в еще более измененном виде издана в 1968 году на немецком. К этому времени на Западе сравнимой с зиновьевской книгой была лишь работа Россера и Тюркетта «Многозначная логика» (Амстердам, 1952), в которой излагался лишь технический аппарат многозначной логики и сознательно игнорировались все философские проблемы. В книге же Зиновьева с самого начала давалась общая характеристика многозначной логики, определялось ее место в логике и в методологии науки, излагались ее основные результаты и приложения внутри и вне логики.

Рассмотрю три основных результата Зиновьева, изложенные в упомянутой его книге. Он ввел понятия аналога и обобщения двузначной функции в многозначной логике. Благодаря этому стало возможно осмысленное сравнение различных систем многозначной логики с двузначной. Зиновьев доказал, например, такую основополагающую теорему. В каждой функционально полной системе многозначной логики можно, с одной стороны, такие аналоги функций двузначной логики определить, что при любом разделении множества значений истинности на выделенные и невыделенные формулы многозначной системы, являющиеся аналогом тавтологиям двузначной логики, будут тавтологиями и в многозначной системе; и, с другой стороны, такие аналоги функций двузначной логики определить, что при любом разделении множества значений истинности формулы многозначной системы, являющиеся аналогом тавтологиям двузначной логики, не будут тавтологиями в многозначной системе. Если интерпретировать тавтологии как законы логики, сказанное будет означать, что в многозначных системах могут быть введены логические операторы (функции), что формулы, аналогичные законам двузначной логики, будут законами и в многозначной, и такие аналогичные двузначным опе-

раторы, что формулы, аналогичные законам двузначной логики, не будут законами в многозначной системе.

Эта теорема Зиновьева разоблачает многие философские спекуляции за счет многозначной логики. Она доказывает, что многозначные системы логики не дают абсолютно никаких аргументов в пользу отрицания универсальности законов логики. В частности, логика едина как в случае рассуждений о макромире, так и в случае рассуждений о микромире.

Второй основополагающий результат Зиновьева — установление роли значений истинности в логике. Он четко различает чисто техническое (формальное) использование и содержательный смысл значений истинности. Во втором случае основным является значение «истинно». С его помощью можно определить все прочие значения истинности. Если это не удастся, то это означает, что прочие значения истинности введены неправильно. Из этого следует, что значения истинности вообще могут быть элиминированы из логических построений. Зиновьев затем показывает, что значимость правил логики не зависит от выбранного числа значений истинности. В логике вообще нет особой необходимости во введении их. Из этого следует, что роль семантики в логике сильно преувеличена. Сам Зиновьев построил всю свою логическую систему (комплексную логику) вообще как чисто синтаксическую. Семантические средства, по его мысли, могут использоваться как подсобные в тех или иных случаях. Но они не являются средствами доказательства в строгом смысле слова.

И третий результат Зиновьева — фундаментальное различие двух форм отрицания — внутреннего и внешнего. Внешнее отрицание есть обычное отрицание классической двузначной логики высказываний. Его синтаксическая роль — оператор, с помощью которого из высказываний образуются новые высказывания. Внутреннее отрицание относится не к высказываниям в целом, а к другим логическим операторам, например к оператору предикации, который связывает субъекты и предикаты в высказывания, к кванторам «все» и «некоторые» («Предмет не имеет признака», «не все», «нет таких»). Эти отрицания относятся к различным синтаксическим категориям. Зиновьев показал, что многие проблемы и парадоксы методологии являются следствием смешения различных типов отрицания. Сейчас в логической литературе самые различные курьезные формы отрицаний вводятся, тогда как ясное различие отрицаний Зиновьевым игнорируется, хотя оно очевидно и оказалось весьма продуктивным при решении множества логических проблем.

После работ по многозначной логике Зиновьев поставил перед собой грандиозную задачу всю современную логику так переработать, чтобы она могла лучше служить удовлетворению потребностей эмпирических наук. Став отличным знатоком мировой логической литературы, он оценил современное состояние логики как несоответствующее этим потребностям. Его особенно поразило несоответствие между громоздким и раздутым техническим аппаратом современной логики и примитивностью проблем, которые можно было решить с его помощью. Он заметил также изолированность отдельных логических проблем и гетерогенный характер результатов их решения. Такие тенденции современных логических исследований таят в себе угрозу разрушения единства науки логики.

Зиновьев поставил перед собой задачу построение своей логической теории, которую назвал комплексной логикой. Я имел счастье в шестидесятые годы быть учеником и позднее соратником Зиновьева. В эти годы он статья за статьей, книга за книгой разрабатывал различные подразделения своей теории. В 1962 году появилась его книга «Логика высказываний и теория вывода». Уже в 1967 году были опубликованы основы его логической концепции в книге «Основы логической теории научных знаний». В 1970 году книга в переработанном виде была издана на немецком под названием «Комплексная логика» (в Берлине, Брауншвейге и Базеле), а в 1973 году появился ее английский перевод. В 1970 году появилась книга «Комплексная логика» (на русском) и в 1971 году книга «Логика науки». В 1975 году была опубли-

кована на немецком наша совместная книга «Логические правила языка» (в Берлине, Мюнхене и Зальцбурге). В ней были изложены основные результаты комплексной логики в систематизированном виде, пригодном в качестве учебного пособия для студентов, специализирующихся в сфере логики.

Фундаментальными разделами комплексной логики являются теория терминов и теория логического следования. Последняя радикально отличается от господствовавшего в логике понимания логического следования. Зиновьев не использует для обозначения логического следования оператор импликации, как это принято. Он вводит двуместный предикат «Из... логически следует...». Он входит в формулу логического следования только один раз и является фактически метатермином логики. Формулы логического следования суть сокращенная в логической теории запись утверждения типа «Из высказывания, имеющего вид X , логически следует высказывание, имеющее вид Y ». Кроме того, в теории Зиновьева выполняется условие на вхождение переменных в посылки и следствия формул следования, а именно — в следствиях не должны появляться переменные, отсутствующие в посылках. Это означает, что правила логического следования позволяют получать следствия только из того материала, какой имеется в посылках. Тем самым с самого начала устраняются парадоксы, получающиеся в случае определения логического следования путем интерпретации материальной импликации классической логики и других форм импликации. На основе таких содержательных соображений Зиновьев построил систему логических исчислений, в совокупности дающих решение проблем логического следования, — сильного, ослабленного, вырожденного и других форм следования. Все эти исчисления построены аксиоматически, доказана их непротиворечивость, полнота, непарадоксальность, независимость, разрешимость. Дальнейшее развитие теории Зиновьева предложено в ряде моих работ.

На основе общей теории логического следования Зиновьев построил все прочие разделы логики, включая теорию кванторов и предикации, логику классов, нормативную и эпистемическую логику и другие. Для всех их решены проблемы, относящиеся к логическим исчислениям. Причем все исчисления включают две различные формы отрицания и особый оператор неопределенности. В них преодолены трудности, связанные со знаменитыми результатами Геделя. Зиновьев в разработке своей теории исходил из принципа: если какая-то проблема оказывается неразрешимой по вине логического исчисления, то это означает, что исчисление построено плохо. В науке не должно быть проблем, неразрешимых по вине логики.

В мировой логической и методологической литературе нет работ, сравнимых с работой Зиновьева «Логическая физика», которая по-русски была опубликована в 1972 году и издана на немецком языке в Берлине в 1975 году под названием «Логика и язык физики» и на английском языке в Дордрехте в 1983 году. Под логической физикой Зиновьев понимает раздел комплексной логики, задача которого — логическая обработка средствами логики (они рассматриваются в предшествующих разделах, упомянутых выше) комплекса языковых выражений, относящихся к пространству, времени, изменению, движению, физическим связям, причинности и т. д. В отличие от философии и физики, которые точно так же занимаются упомянутыми проблемами, логическая физика выделяет исключительно такие свойства упомянутых языковых выражений, которые могут быть определены в форме логических исчислений. Эти исчисления устанавливают правила оперирования понятийным аппаратом, используемым в эмпирических науках.

Необходимость логической обработки упомянутых языковых выражений очевидна, поскольку вследствие неопределенности и многозначности терминологии и незнания техники построения понятий и оперирования ими возникают многочисленные проблемы, практически неразрешимые без такой обработки. В логической физике физические понятия и утверждения

не вводятся как иллюстративные примеры для логики, как это обычно делается, но эти языковые явления впервые логически корректно вводятся в употребление.

На основе понятийного аппарата, разработанного в логической физике, Зиновьев доказывает целый ряд утверждений, которые на первый взгляд представляются чисто эмпирическими гипотезами. Например, он доказал необратимость времени, существование минимальных длин и временных интервалов, минимальных и максимальных скоростей и т. п. Результаты, полученные в логической физике чисто логическим путем, важны во многих отношениях. Например, тут значительно расширена сравнительно со ставшей привычной математической логикой сфера логических исследований. Бесконечные и бесперспективные дискуссии об отношении логики и философии тут подняты на уровень возможности строгой доказательности или опровержимости.

Часть логической физики Зиновьева образует эмпирическая геометрия, основы которой опубликованы им в статьях «Очерк эмпирической геометрии» и «О параллельных линиях в эмпирической геометрии» в 1975 году. В ней он определяет совокупность понятий, включая понятия эмпирической точки, эмпирической линии, эмпирической поверхности и эмпирического тела. Эмпирическая точка имеет протяженность в пространстве больше нуля (в отличие от математической точки), но минимальную. Зиновьев доказал утверждение, что параллельные линии не пересекаются, как теореме эмпирической геометрии. Доказал также утверждение, что любые пространственные измерения свыше трех логически сводятся к трехмерности, т. е. всякие спекуляции насчет каких-то различных миров в разных измерениях в одном пространстве отпадают как логически абсурдные.

Работы Зиновьева по логической физике до сих пор не оценены по достоинству. Более того, они встречают сопротивление при попытках распространения их основных идей и результатов. Они не опровергаются, ибо попытки их опровержения означали бы предание их гласности. Они просто замалчиваются.

Александр Зиновьев сделал уникальный и неповторимый вклад в развитие науки логики. Его комплексная логика является самой богато разработанной программой логических новаторских исследований. Сегодня наталкивается она на непонимание и препятствование. Думаю, что в ближайшие десятилетия будут делаться многочисленные «открытия» в логике, которые были сделаны Зиновьевым уже в семидесятые годы двадцатого столетия. Этот процесс уже начался, как правило — без ссылок на Зиновьева. Однако историческая справедливость будет восстановлена, и Зиновьев займет достойное место в истории логики как один из самых значительных логиков двадцатого столетия.

Библиография логических сочинений Александра Зиновьева, составленная профессором Х. Весселем в 1992 году

- 1. Метод восхождения от абстрактного к конкретному. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954.*
- 2. Расширять тематику логических исследований. Вопросы философии, 1957, № 3.*
- 3. К проблеме абстрактного и конкретного. Прага, Философский часопис, 1958, № 2.*
- 4. О логике нормативных предложений. Вопросы философии, 1958, № 11.*
- 5. О работе семинара по логике. Вопросы философии, 1958, № 2.*
- 6. О логической непротиворечивости. Студия философична, 1959, № 1.*
- 7. Логическое строение знаний о связях. Логические исследования. М., 1959.*
- 8. Следование как свойство высказываний о связях. Философские науки, 1959, № 3.*
- 9. Проблема значений истинности в многозначной логике. Вопросы философии, 1959, № 3.*

10. Восхождение от абстрактного к конкретному. *Философская энциклопедия, т. 1, 1960.*
11. Дедуктивный метод в исследовании высказываний о связях. *Применение логики в науке и технике, 1960.*
12. К проблеме познания связей. *Вопросы философии, 1960, № 8.*
13. Философские проблемы многозначной логики. М., 1960.
14. Логическая модель. *Вопросы философии, 1960, № 1.*
15. К вопросу об общности высказываний о связях. *Применение логики в науке и технике. М., 1960.*
16. Об одном варианте теории определений. *Применение логики в науке и технике. М., 1960.*
17. Об одном способе обзора функций истинности. *Студия логика, 1961, № 11.*
18. Обобщение классических кванторов в многозначной логике. *Ученые записки ЛГУ, т. 41, Ленинград, 1962.*
19. Двухзначная и многозначная логика. *Философские вопросы современной формальной логики. М., 1962.*
20. Проблема строения науки в логике и диалектике. *Формы мышления. М., 1962.*
21. Логика высказываний и теория вывода. М., 1962.
22. Об основах абстрактной теории знаков. *Проблемы структурной лингвистики, т. 1. М., 1963.*
23. Философские проблемы многозначной логики. *Дордрехт (Голландия), 1963.*
24. Обобщение силлогистики. *Проблемы логики. М., 1963.*
25. Многозначная логика. *Философская энциклопедия, т. 3. М., 1964.*
26. Два уровня в научном исследовании. *Проблемы научного метода. М., 1964.*
27. О применении модальной логики в методологии науки. *Вопросы философии, 1964, № 8.*
28. Переходные состояния и логическая непротиворечивость. *Философские науки, 1964, № 8.*
29. Логическое и физическое следование. *Проблемы логики научного познания. М., 1964.*
30. Об основных понятиях и принципах логики науки. *Логическая структура научного знания. М., 1966.*
31. Основы логической теории научных знаний. М., 1967.
32. О классических и неклассических ситуациях в науке. *Вопросы философии, 1968, № 9.*
33. Логическое следование. *Проблемы логики и теории познания. М., 1968.*
34. Очерк многозначной логики. *Проблемы логики и теории познания. М., 1968.*
35. О пространственно-временной терминологии. *Вопросы философии, 1969, № 5.*
36. О логике микрофизики. *Вопросы философии, 1970, № 2.*
37. Комплексная логика. *Неклассическая логика. М., 1970.*
38. Классические и неклассические отношения высказываний. *Неклассическая логика. М., 1970.*
39. О принципах детерминизма. *Вопросы философии, 1970, № 9.*
40. Комплексная логика. *Исследование логических систем. М., 1970.*
41. Комплексная логика. М., 1970.
42. Логика науки. М., 1971.
43. Логическая физика. М., 1972.
44. Нетрадиционная теория кванторов. *Теория логического вывода. М., 1973.*
45. Логика классов. *Теория логического вывода. М., 1973.*
46. О некоторых системах формальной арифметики. *Доклады по математической логике, 1974.*
47. Очерк эпистемической логики. *Теория и метод, 1975.*

48. *Очерк эмпирической геометрии. Философские науки, 1975, № 1.*
49. *О параллельных линиях в эмпирической геометрии. Философские науки, 1975, 4.*
50. *Das Problem der Veränderung in logischer Sicht. In: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Berlin (1965). 1.*
51. *Zwei Ebenen in der wissenschaftlichen Forschung. In: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Berlin (1965) 7. Sowie in: Erkenntnistheoretische und methodologische Probleme der Wissenschaft. Hrsg. G. Kruber. Berlin, 1966.*
52. *Die logische und die physische Folgebeziehung. In: Studien zur Logik der wissenschaftlichen Erkenntnis Hrsg. G. Kruber. Berlin, 1967.*
53. *Über mehrwertige Logik. Ein Abriß (übersetzt und herausgegeben von H. Wessel). Berlin-Braunschweig-Basel, 1968. 2. Aufl. 1970.*
54. *Komplexe Logik. Grundlagen einer logischen Theorie des Wissens. übersetzt und herausgegeben von H. Wessel. Berlin 1970; Braunschweig-Basel, 1970.*
55. *Du Concept D'ENSEMBLE. In: Revue internationale de Philosophie (1971) 98.*
56. *Nichttraditionelle Quantorentheorie. In: Quantoren, Modalitäten, Paradoxien. Beiträge zur Logik. Hrsg. H. Wessel. Berlin, 1972.*
57. *Semantische Entscheidbarkeit der Quantorentheorie. In: Quantoren, Modalitäten, Paradoxien. Beiträge zur Logik. Hrsg. H. Wessel. Berlin, 1972.*
58. *Foundations of the Logical Theory of Scientific Knowledge (Complex Logic). Dordrecht-Holland 1973.*
59. *Logische Sprachregeln. Eine Einführung in die Logik. (Gemeinsam mit H. Wessel). Berlin, 1975; München/Salzburg, 1975.*
60. *Logik und Sprache der Physik. Hrsg. H. Wessel. Berlin, 1975.*
61. *Logic and Empirical Sciences. In: Studia Logica, XXXV, I. (Gemeinsam mit H. Wessel) Wrocław, 1976.*
62. *Methodologie der empirischen Wissenschaften als Bestandteil der Logik. (Gemeinsam mit H. Wessel). In: Logik und empirische Wissenschaften. Hrsg. H. Wessel. Berlin, 1977. (Dieser und der folgende Artikel wurden im Einverständnis mit A. A. Zinow 'evpubliziert, ohne ihn als Autor anzugeben, da sonst eine Publikation nicht möglich gewesen wäre).*
63. *Ein System der epistemistischen Logik. (Gemeinsam mit H. Wessel und K. Wuttich). In: Logik und empirische Wissenschaften. Hrsg. H. Wessel. Berlin, 1977.*
64. *Complete (rigorous) induction and Fermat's great theorem. In: Logique et Analyse. 22^{Année}, 87. September 1979.*
65. *Philosophische Selbstbetrachtungen. Bd. 7. Bern-Frankfurt a.M. Las Vegas, 1981.*
66. *The Non-traditional Theory of Quantifiers. In: Language, Logic, and Method, Ed. by Robert S. Cohen and Marx K. Wartofsky. Dordrecht-Boston-London, 1983.*
67. *Logical Physics. Dordrecht/Boston/London, 1983.*
68. *Non-Standard Logic and its Applications (Several Lectures in Oxford). Oxford, 1983.*

Юрий Солодухин. Реформатор логики

Круг научных интересов А. А. Зиновьева чрезвычайно широк и многогранен. В каждой области исследований его результаты впечатляют. Их с полным правом можно назвать фундаментальными в самом строгом и точном значении этого слова, так как они, как правило, несут

с собой обновление основ той или иной теории, концепции, отрасли науки в целом. Эта черта присуща большинству трудов А. А. Зиновьева по вопросам философии, социологии, политологии, теории исторического процесса. Они насыщены глубокими и оригинальными идеями, многие из которых опрокидывают представления, приобретшие статус незыблемых истин.

Другая отличительная черта А. А. Зиновьева: он не только не избегает злободневных общественно-политических, экономических, социальных и иных проблем, а отталкивается от них. Но его внимание к злобе дня — это внимание ученого, который умеет за текущим явлением, событием распознать долгосрочные тенденции, увидеть, какие позитивные возможности и одновременно опасности они несут, что нужно сделать, чтобы сохранить и приумножить первое и свести к минимуму второе. Думаю, поэтому книги, статьи, интервью А. А. Зиновьева с таким интересом встречались и встречаются самой широкой аудиторией: от государственных деятелей и бизнесменов до так называемых простых людей.

И, наконец, третья черта. А. А. Зиновьев, пожалуй, первым в полной мере осознал ключевую роль научной методологии, обусловленную ускорением исторического развития, начавшегося после Второй мировой войны. Продуктивный в теоретическом и практическом смысле ответ на вопросы, выдвигаемые бурным развитием науки и технологий, качественными изменениями в жизни стран, народов, международного сообщества, процессом глобализации, на рождаемые этими переменами вызовы и угрозы, невозможен, по его мнению, без познавательных средств, адекватных новым реальностям, обеспечивающих точное, строгое, доказательное рассуждение о них. Наука XX века таким полностью готовым к применению методологическим инструментарием не располагала. Его надо было разрабатывать, изобретать, формулировать.

РЕВОЛЮЦИЯ, КОТОРУЮ ПОСТАРАЛИСЬ НЕ ЗАМЕТИТЬ

Именно этим обусловлено огромное внимание А. А. Зиновьева к логике. В ней он видит ту науку, которая может стать понятийной и операционной базой методологии, адекватной современным реалиям и вырастающим из них проблемам. Его многолетняя работа в этой области охватывает все ее направления и разделы: логику диалектическую и логику формальную (математическую), классические и неклассические логические системы, включая модальную, многозначную, интуиционистскую логику.

Автору этих строк довелось работать преподавателем кафедры логики философского факультета Московского государственного университета им. Ломоносова в период, когда А. А. Зиновьев читал спецкурсы по неклассическим логикам, а затем в течение некоторого времени руководил кафедрой. Это была первая половина 60-х годов, время бурных и острых дискуссий между сторонниками диалектической и математической логики, а внутри последней — между поборниками классических и неклассических логических систем. Неклассические логики, в первую очередь многозначные системы, даже убежденными сторонниками математической логики воспринимались как нечто странное, сомнительное, даже подозрительное. Ибо многозначная логика не вписывалась в господствовавшие представления. Она не вписывалась в каноны традиционной формальной логики, считавшей, что любое высказывание может иметь только два значения, «истина» и «ложь», все остальное от лукавого. Она не вписывалась в каноны логики диалектической. Хотя, казалось бы, кому, как не этой концепции, претендующей на роль методологии изменений, переходных состояний, взять на себя философское осмысление средств и результатов многозначных логических систем.

Спецкурс А. А. Зиновьева по вопросам многозначной логики, его статьи и выступления на эту тему, изданная в 1960 году книга «Философские вопросы многозначной логики», которая легла в основу его докторской диссертации на ту же тему (1964 г.), — все это дало мощный

толчок развитию логической науки. Причем не только потому, что его труды, так сказать, восстановили в правах многозначную логику в нашей стране. На нас, тогда еще совсем молодых ученых, огромное впечатление произвела интеллектуальная смелость А. А. Зиновьева, который не побоялся подвергнуть ревизии многие положения «отцов» многозначной логики Лукасевича и Гейтинга, ряда других известных ученых и в итоге открыл новые направления ее развития. Тем самым он помог советским логикам преодолеть своего рода комплекс неполноценности, наглядно показав своими трудами, что объективно необходимый период ученичества завершается, фактически закончился, и математическая логика в Советском Союзе вышла на уровень, который не уступает мировому уровню развития этой науки, а по ряду конкретных направлений превосходит его.

С тех пор прошло четыре десятилетия. Мировая логическая наука шагнула далеко вперед. На этом фоне особенно хорошо видно, что этот прогресс был в огромной степени подготовлен идеями, которые были выдвинуты и развиты А. А. Зиновьевым в основном в период 1956—1976 годов. В конечном итоге они воплотились в логической теории, названной им комплексной логикой. Это первая и пока единственная в мире систематически построенная логическая теория, ориентированная на методологию опытных наук, радикально расширила как сферу логики, так и арсенал познавательных средств самих наук. Не будет преувеличением сказать, что создатель системы комплексной логики совершил революцию в логической науке.

Нельзя сказать, что ее не заметили. Мировая известность пришла к А. А. Зиновьеву в первую очередь как к логик. Такие признанные авторитеты в этой области, как К. Айдукевич, Г. фон Фригт, В. Бохеньский, были едины в оценке А. А. Зиновьева как выдающегося логика XX столетия. Однако именно революционный характер его вклада в логику или, скажем несколько мягче, осуществленная им глубокая реформа самых основ этой науки замалчивались и замалчиваются. В лучшем случае отдается должное отдельным его работам, главным образом, по неклассическим логикам. Так было тогда, когда вышли основные труды А. А. Зиновьева. Так обстоит дело три десятилетия спустя. А ведь этот срок достаточен для того, чтобы в полной мере оценить его вклад в логическую науку.

И все же революция, произведенная А. А. Зиновьевым в логике, состоялась. основополагающие идеи комплексной логики, касающиеся многозначной и модальной логики, логического и физического следования, нетрадиционной теории кванторов, логической методологии науки, присутствуют в современной логической мысли. Причем в качестве ее, как теперь принято говорить, *main stream*, главного направления развития. Нередки даже прямые текстуальные заимствования из его работ. Однако результаты и идеи А. А. Зиновьева вошли в жизнь логики много лет спустя после того, как были им выдвинуты или получены, и без ссылок на него. То, что это было сделано на основе работ А. А. Зиновьева, влияния идей А. А. Зиновьева, очевидно, так как его основные труды по логике изданы на многих языках, в том числе на основном «логическом языке» — английском, а также на немецком и ряде других языков. Специалистам по логике они просто не могли быть неизвестны.

Особенно «повезло» в этом отношении его исследованиям в области многозначной логики и логического следования. Они прочно вошли в арсенал современной логики как нечто само собой разумеющееся, как одна из ее основ. О том, что первым эти результаты получил более тридцати лет назад А. А. Зиновьев, не упоминается.

Другой пример, связанный со знаменитыми теоремами К. Геделя. Еще в начале 70-х годов А. А. Зиновьев построил логическую систему, допускающую предикаты любых порядков и содержащую введенный им впервые в логику оператор неопределенности. Он доказал ее непротиворечивость, полноту и разрешимость. И тем самым показал, что знаменитые геделевские теоремы не носят универсального характера. Они имеют место постольку, поскольку логическая система, которой пользовался К. Гедель, была в определенном смысле более сла-

бой, хуже построенной. Однако об этом результате А. А. Зиновьева, опрокидывающем одну из догм традиционной математической логики, не упоминается. Хотя и опровержения его результата тоже нет.

Тот, кто хотел бы подробнее ознакомиться с этими и другими положениями А. А. Зиновьева, обогатившими мировую логическую мысль, удостовериться в его научном приоритете, может сделать это, обратившись к книге «Очерки комплексной логики» (Эдиториал УРСС, М., 2000). В нее вошли его основные труды по логике, начиная с конца 50-х годов.

К сожалению, и на родине А. А. Зиновьева его имя, работы в течение многих лет замалчивались или объявлялись не имеющими научного значения. Безусловно, этому способствовали политические гонения, которым он подвергся в конце 70-х годов, его высылка из СССР. Но дело не только в этом. Идеологическое и политическое табу на имя А. А. Зиновьева отвечало интересам определенной и влиятельной части отечественных логиков. А именно, интересам тех, кого раздражали его новаторские идеи, нежелание вести себя в соответствии с правилами академической респектабельности, согласно которым степени и звания присуждались не столько за научные результаты, сколько за идейно-политическую и цеховую лояльность. Они сделали все для того, чтобы создать впечатление, будто «мальчика-то и не было». Изгнание из страны привело к развалу логической школы А. А. Зиновьева, которая начала формироваться в Советском Союзе, в ГДР, на Кубе.

Несомненно, вклад А. А. Зиновьева в логику получит оценку, которой он заслуживает. Правда, вряд ли это произойдет в близком будущем. Прежде всего, как ни парадоксально, такому признанию не способствует глубоко новаторский характер его идей, созданных им логических систем. Свою роль играет противодействие людей, групп, школ и течений, влиятельных в современной логике. Одни из них не приемлют его логических воззрений, выступали и выступают с их критикой. Другие вроде бы настроены лояльно, но приобрели степени, звания, премии, авторитет путем, скажем мягко, не санкционированного автором использования его идей, результатов. Воздать должное А. А. Зиновьеву значило бы для них то же самое, что признаться в собственной научной бесплодности.

ЗИНОВЬЕВСКАЯ ЛОГИКА

Преобразования в логике, осуществленные А. А. Зиновьевым, потому и носят революционный характер, что они привели к обновлению всех ее аспектов: предмета и задач логики, исходных понятий, структуры и методов, формального аппарата, взаимоотношений с опытными и гуманитарными науками. По необходимости коротко остановлюсь на его главных идеях.

1. Современная логика, полагает А. А. Зиновьев, сделала значительный шаг вперед в технике логической работы, включив в свой инструментарий математические методы, формальные исчисления. Но одновременно она ограничила сферу логических исследований, сведя ее к логике высказываний и логике предикатов, причем преимущественно к их формальным, математическим аспектам. Современная логика породила также идею неуниверсальности логических законов, то есть их зависимости от предметной области, к которой они применяются. Так возникло, например, представление о необходимости разработки особой логики микромира. Широкое хождение получил тезис о том, будто результаты логики имеют непосредственное применение вне сферы языка, хотя в действительности речь идет о применении, содержательной интерпретации формальных построений, которые отнюдь не тождественны логике. Наконец, сведение логики к ее формальной, математической части привело к тому, что для решения чисто логических проблем стали использоваться внелогические предпосылки и допущения. Что, в свою очередь, привело к возникновению деформированных, синкретических конструкций, затрудняющих, а то и полностью исключающих решение собственно логических задач.

Выход из сложившейся ситуации, которая стала тормозом развития логической науки, А. А. Зиновьев видит в преодолении разделения логики на исследование языка как средства познания и на разработку формального аппарата ради самого этого аппарата.

2. Согласно А. А. Зиновьеву, предметом логики является язык. Если бы он ограничился только этой констатацией, то не сказал бы ничего нового. Подобного взгляда на логику придерживаются и многие другие философские и логические школы. Новизна его подхода проявляется, прежде всего, в понимании самой сути работы, осуществляемой логиками. По мнению А.А. Зиновьева, наука логика осуществляет особую работу в сфере языка, которая развертывается по трем направлениям: изобретение особых компонентов языка, их усовершенствование, разработка правил оперирования ими. Иными словами, логика не открывает эти правила как уже существующие в языке, а изобретает их и вносит в языковую практику в качестве искусственно созданных средств оперирования языком. Например, законы силлогистики не были обнаружены Аристотелем в готовом виде в практике языка, а были изобретены им.

Такой взгляд открывает перед логиком широкое поле для творческого научного поиска, так как освобождает его от необходимости постоянно соотносить каждый свой шаг с практикой языка. Единственным критерием здесь служит эффективность предлагаемых логиками инструментов.

Вместе с тем А. А. Зиновьев признает, что логика не носит целиком и полностью произвольный характер, она исходит из стихийного языкового творчества людей. В языковой практике употребляются логические термины, операторы, правила. Но они употребляются зачастую в смутных формах. Логика превращает неявные определения логических знаков в явные, четко и строго сформулированные. Причем все логические знаки определяются совместно, комплексно, а не по отдельности. В этом суть комплексной логики.

3. Из взгляда на логику как особого рода интеллектуальную творческую деятельность закономерно вытекает необходимость учитывать роль тех, кто осуществляет эту деятельность. А. А. Зиновьев называет их исследователями. Игнорировать роль исследователей, считает он, не только неразумно, но и фактически невозможно.

Любой анализ предполагает принятие некоторых исходных понятий, которые, как правило, представляют собой абстракции достаточно высокого уровня. Только таким образом можно отвлечься от тех различий между интересующими нас объектами, которые мы считаем несущественными, и выделить то их общее свойство, которое считаем в данном контексте определяющим. А значит, добиться однозначного понимания вводимого понятия. А. А. Зиновьев рассматривает всех исследователей как существа или устройства (выполнение логических операций доступно техническим устройствам), которые проделывают некоторые операции одинаково. Он предполагает, что исследователь наделен некоторым природным (чувственным) аппаратом отражения, задача которого — испытывать внешние воздействия и создавать в себе (в исследователе) определенные состояния. Он допускает также, что этот аппарат отражения необходим для создания, хранения и использования различных элементов языка. Но сама деятельность этого аппарата находится за рамками науки логики. Все то, что происходит в мозгу и в организме человека или устройства, не имеет для нее никакого значения.

Поэтому если мышлением называть какие-то процессы, происходящие в мозгу человека, то придется признать, что логика не учит мышлению. Она не изучает не только «неправильное» мышление, но и мышление «правильное». Логика изучает определенные операции с некоторыми материальными «вещами» языка. Только в том случае, если сами эти логические операции интерпретировать как мышление, то логика тавтологически может трактоваться как наука о правильном (логическом) мышлении. Но и в этом случае она изучает только сами эти операции, а не нечто, скрытое за ними в тайниках человеческого сознания, разума, психики и т. п.

4. Предметом внимания логики как науки, занимающейся языком, являются, согласно А. А. Зиновьеву, следующие языковые объекты: высказывания (суждения), термины, логические знаки (логические операторы). Последние выражаются в языке специальными словами: «и», «или», «если, то», «не», «тот, который». Логические операторы имеют значение не сами по себе, но лишь как элементы в структуре терминов и высказываний. Действия с терминами и высказываниями, а значит, и входящими в них логическими операторами, протекают по определенным правилам, устанавливаемым исследователями. Эти правила, считает А. А. Зиновьев, не открываются людьми в окружающем их мире, а изобретаются вместе с появлением и совершенствованием навыков конструирования терминов, высказываний и действий с ними.

Как уже отмечалось выше, исследователи работают не на пустом месте. Они обнаруживают эмпирически данными определенные виды терминов, высказываний, входящих в них операторов, некоторые правила обращения с ними. И с этой точки зрения правила, устанавливаемые логикой, имеют опытную основу. Вместе с тем, осмысливая этот опыт, логика обнаруживает его ограниченность и несовершенство. Она продолжает творческую деятельность человечества по разработке и совершенствованию данных средств. И в этом плане логические правила оперирования познавательными средствами языка есть не что иное, как определение свойств логических операторов и содержащих их образований терминов и высказываний.

Логика выполняет эту работу независимо от фактически встречающихся языковых средств, что позволяет ей конструировать логически возможные виды терминов, высказываний, операторов, в том числе еще не употребляющиеся ни в естественных языках, ни в науке, а также правила для них. Она изучает свойства терминов и высказываний, не зависящие от того, являются ли они терминами и высказываниями физики, химии, биологии, истории, права, этики и т. п. Нет логики специально для математиков, физиков, историков, юристов, социологов и прочее. С этой точки зрения логику можно считать априорной наукой, результаты которой имеют силу для любой предметной области, любой науки, если только в них используются элементы языка, подпадающие под те, что описаны в логике.

5. Отсюда, по А. А. Зиновьеву, универсальность законов логики. Он категорически не согласен с утверждениями о том, что один и тот же закон логики в одной области ведет к верным результатам, а в другой — к ошибочным. Те, кто ставит под сомнение универсальность логических законов, ссылаются обычно на то, что, например, закон противоречия не работает при переходных состояниях объекта, что есть ограничения на применение закона исключенного третьего и двойного отрицания в интуиционистской математике, а законы дистрибутивности и коммутативности не действуют в рассуждениях об объектах квантовой физики.

По мнению А. А. Зиновьева, отрицание универсальности законов логики является плодом недоразумения. Законы логики не зависят от особенностей той или иной предметной области. От этих особенностей зависит лишь то, какие именно из множества законов логики будут использоваться. И здесь возникает вопрос об универсальности определенной концепции логики. Претензия классической математической логики на то, чтобы быть единственным средством решения любых проблем логической теории научных знаний, оказалась несостоятельной. Разработка логических систем для тех сфер научных знаний, где классическая логика оказывается недостаточной, есть вклад в создание недостающих разделов универсальной логики.

6. Важнейший фрагмент такой логики А. А. Зиновьев видит в логике науки. Он начал ее разработку еще в 50-е годы прошлого века. Собственно, с этого начались его оригинальные логические исследования. Важным этапом на этом пути стала его кандидатская диссертация «Метод восхождения от абстрактного к конкретному», посвященная логике «Капитала» К. Маркса. Диссертация была защищена в 1954 году. В этой работе он одним из первых предпринял попытку описания диалектики как целостной системы логических приемов, ясно сфор-

мулированных и четко выстроенных. До его работы, да, впрочем, и после, большая часть работ, посвященных диалектическому методу, представляла собой либо набор общих положений тривиального характера, либо тексты с весьма туманным содержанием.

Диссертация имела огромный резонанс в философских кругах, в первую очередь, в их, так сказать, низах. Используя расхожую фразу, можно с полным правом сказать, что на следующий день после защиты А. А. Зиновьев проснулся знаменитым. На философский факультет я поступил в 1955 году и прекрасно помню, как имя А. А. Зиновьева было на слуху у всех, начиная с нас, студентов, и кончая профессорами. Однако наряду с многочисленными сторонниками у него оказалось немало противников, причем противников влиятельных. Работать в области диалектической логики ему не давали, и А. А. Зиновьев был вынужден обратиться к более «спокойной» в идеологическом плане математической логике. Всего за несколько лет он добился на этом поприще действительно крупных результатов. На философский факультет он пришел в качестве преподавателя уже как признанный специалист в области математической логики. И вновь вокруг его нестандартных, по настоящему новаторских научных взглядов, идей ломались копыя. Научный путь А. А. Зиновьева вполне укладывается в известное изречение «Сквозь тернии к звездам» — это пример бескомпромиссного отстаивания своей интеллектуальной, творческой свободы.

Разработка логики с ориентацией на опытные науки требует, по Зиновьеву, в первую очередь радикального расширения ее сферы за счет логической обработки языковых выражений, фигурирующих в языке опытных наук, включая социальные науки. Речь идет о множестве языковых выражений, называемых логическими терминами.

В отличие от логических операторов для определения логических терминов необходимо точное установление их смысла. Примеры таких терминов: предмет, признак, событие, состояние, организация, движение, изменение, группа, комплекс, качество, количество, степень, структура, отношение, связь, прогресс, регресс, эволюция, инволюция, прошлое, будущее и т. д. Такого рода общих языковых выражений насчитываются многие десятки. Их смысл смутный, они употребляются как слова общеразговорного языка, а не как научные термины, в лучшем случае, — как термины той или иной конкретной науки.

Многие из таких слов фигурируют в философских, социологических, политологических и иных работах как специальные термины определенных разделов той или иной отрасли знания. Однако даже в тех немногих случаях, когда подобным терминам пытаются дать так называемое научное определение, эти дефиниции не отвечают требованиям логики. Да и в самой логике и методологии науки положение немногим лучше, требования и критерии, призванные установить каноны логической строгости, по сути, не сформулированы.

Раздел логики, занимающийся обработкой логических терминов, А. А. Зиновьев назвал логической онтологией. В работе «Основы комплексной логики» он проделал обработку довольно большого комплекса логических терминов, относящихся к пространству, времени, движению, эмпирическим связям и некоторым другим областям, с которыми имеют дело опытные науки. Это позволило существенно по новому взглянуть на понятия, положения, в которых формулируются, например, утверждения об ускорении и замедлении хода времени, разной скорости течения времени в различных системах координат, искривления пространства и т. д. Проведенный А. А. Зиновьевым анализ показал, что эти и некоторые другие аналогичные положения оказываются уязвимыми с точки зрения критериев логической строгости, то есть однозначности понимания терминов и утверждений, их непротиворечивости друг другу, а также другим терминам и положениям, используемым в данном фрагменте науки.

Другое направление работы, связанной с построением логической теории для опытных наук, — это логическая обработка применяемых ими методов. А. А. Зиновьев называет это расширенной логикой логической методологии. В этом разделе науки логики методы исследо-

вания рассматриваются лишь в той мере, в какой это связано с обработкой логических понятий особого рода. Например, таких понятий, как простое и сложное, часть и целое, закон и проявление, абстрактное и конкретное, клеточка и т. д. Чтобы дать логически корректное определение таких понятий, необходимо изучить и описать какие-то исследовательские операции.

Важно подчеркнуть, что при решении всех этих проблем логика ничего не утверждает о предметах, которые отображаются в терминах и высказываниях. Это не входит в ее предмет, ее функции. Иное дело, что законам логики в ряде случаев можно придать вид утверждений не о свойствах терминов и высказываний, а о предметах, к которым термины и высказывания относятся. То есть придать этим логическим формулам онтологический вид. Например, утверждению «Из высказывания X следует высказывание Y» можно придать вид утверждения «Если имеет место ситуация X, то имеет место ситуация Y». В логике подчас принимаются утверждения, непосредственно имеющие форму онтологических. Например, утверждение вида «Либо A, либо не-A».

Подобные утверждения, отмечает А. А. Зиновьев, принимаются отнюдь не в силу онтологических соображений, предполагающих, что именно так устроен мир. Эти логические законы есть законы не потому, что мы видим в них обобщение результатов наблюдений, а потому, что они суть следствия определений входящих в них логических операторов. Определений, которые сами есть продукт нашей воли, наших соглашений. Мы так определили операторы «если, то», «или (либо)», «не», что приведенные выше формулы будут верными для любых «X» и «A». Конечно, отправной базой именно для такого определения операторов служит практика познания. Но это нисколько не исключает того, что сами определения логических операторов есть продукты творчества исследователей, то есть людей.

Больше того, целый ряд онтологических терминов («начало», «конец», «вечно», «пространство» «время», «причина» и др.) изначально неясны, многозначны, расплывчаты. Причем эмпирический опыт сам по себе не только не проясняет смысл такого рода терминов, а напротив, в определенном смысле затуманивает еще больше, так как открывает все новые и новые грани, стороны того, что стоит за ними. Только логическая обработка этих терминов может придать им вид, позволяющий той или иной науке оперировать с ними без боязни впасть в ошибку по причине разного понимания их содержания. Речь о дефинициях, которые задают своего рода логические границы, за которые наука не может выходить, когда обращается к данным понятиям. Таковы, например, утверждения «Ни одно событие не может произойти раньше самого себя», «Между одновременными событиями не может быть отношения причины и следствия».

Формулирование дефиниций онтологических терминов — задача именно логиков. При ее выполнении они ориентируются на значения, употребления этих терминов в разных науках, а не только на какую-то конкретную отрасль знания.

7. А. А. Зиновьев отмечает, что формальные системы, вошедшие в логику в конце XIX — начале XX века, произвели в ней настоящий переворот. Они существенно обогатили ее возможности в решении определенного класса задач, касающихся описания элементов языка науки и правил оперирования ими. Особенно плодотворным оказалось применение формальных построений в области теории логического следования.

Как показал А. А. Зиновьев, интерпретация формальных систем как собственно логических, то есть имеющих отношение к языку как средству познания, связана со сложными абстракциями и допущениями, предполагает некоторое предварительное, не зависящее от формальных построений, понимание тех или иных элементов языка науки. Вместе с тем при создании формальных систем действуют свои критерии, отличные от тех, которые применяются в языках науки. Тем самым возникает возможность несоответствия между неформальным пониманием элементов языка науки и формулами логического исчисления, выбранными для их

описания. Особенно если основное содержание логики сводится к конструированию формальных построений безотносительно к эмпирическим фактам языков науки. Однако невозможно судить о применимости тех или иных формальных построений для исследования некоторой предметной области, если о ней нет никаких предварительных сведений хотя бы на описательном уровне.

В современной логике, считает А. А. Зиновьев, построение формальных систем приобрело самоудовлетворяющее значение. По существу, к этому сводится ее основное содержание, что лишает исследователей верных ориентиров. Логика, понимаемая не как формальная система сама по себе, а как описание познавательных средств языка науки, оказалась на заднем плане. На преодоление этого, если называть вещи своими именами, кризиса логики как науки о познании и направлена разработка той концепции логики, которая в разных работах называлась А. А. Зиновьевым нестандартной, нетрадиционной, комплексной логикой, а также логикой науки.

Оригинальность комплексной логики в том, что она представляет собой оптимальную или адекватную формализацию познавательных инструментов языка науки. В отличие от традиционной математической логики первичным, исходным ориентиром при построении комплексной логики выступают не требования, предъявляемые к формальным построениям, а эмпирически данный материал языка науки — как естественных, так и социальных наук. Это позволило А. А. Зиновьеву существенно обогатить логические средства опытных наук, поскольку комплексная логика включает в себя как традиционные логические системы, так и нестандартные. К последним относятся, например, нетрадиционная теория вывода, нетрадиционная теория кванторов, теория физического следования, логическая математика, логическая физика, логическая методология науки.

Мы живем в быстро меняющемся мире. Это относится не только к экономике, социальной сфере, культуре, духовной жизни, но и к познавательной деятельности людей. Общество нуждается в постоянном обновлении способов получения и обработки знаний, информации. И в этой работе логике принадлежит не последняя роль. Более того, есть все основания утверждать, что эта ее роль быстро возрастает. Вклад А. А. Зиновьева в утверждение логики в качестве универсального познавательного средства и в первую очередь в сфере методологии науки исключительно велик.

А. А. Ивин. Комплексная логика А. А. Зиновьева

В многостороннем творчестве Зиновьева одно из ведущих мест занимает логика. Благодаря своим логическим исследованиям он получил мировую известность, создал свою быстро прогрессирующую логическую школу. В начале 70-х гг. по рекомендации известного философа и логика, ученика Л. Витгенштейна Г. Х. фон Вригта Зиновьев был избран академиком Финской академии наук.

Первые шесть книг Зиновьева, переведенные за рубежом, были книгами по логике. В сущности, едва ли не каждая новая его книга, изданная у нас в стране, через два-три года выходила за границу, обычно в английском переводе.

В многочисленных работах по логике, изданных в шестидесятые — начале 70-х гг., Зиновьев развил оригинальную общую концепцию логики, названную им комплексной (нетрадиционной, нестандартной) логикой. Она охватывает все основные разделы современной (математической) логики.

Эпитет «комплексная» призван подчеркнуть, что решение важнейших проблем логики может быть достигнуто только на пути рассмотрения их в комплексе, а не по отдельности, не изолированно друг от друга. Нельзя, в частности, осуществить необходимую логическую формальную обработку языка как орудия научного познания, оставив в стороне предметное значение языковых выражений, их онтологию. Нельзя логически строго описать явления бытия, отвлекаясь от языковых средств и методов их познания. Невозможно логически строго охарактеризовать методы научного исследования, не привлекая языковые средства фиксации знаний и оперирования ими. Всё это означает, что «три ветви старой философии — формальная логика, гносеология и онтология — должны быть слиты в нечто единое при систематическом построении логики в современных условиях науки»¹.

Основные идеи концепции комплексной логики изложены уже в книге «Основы логической теории научных знаний» (1967). Дальнейшее развитие концепция получила в книгах «Комплексная логика» (1970), «Логика науки» (1971), «Логическая физика» (1972), «Логические правила языка» (1975, совместно с Х. Весселем), а также в ряде статей.

История логического исследования мышления охватывает около двух с половиной тысячелетий. Из других наук раньше логики начали складываться, пожалуй, только математика и философия.

За это время случались редкие периоды бурного развития, предопределявшие на века вперёд стиль анализа правильного мышления. Случались продолжительные состояния застоя, сомнений во всем, что было сказано ранее. Наступали, хотя и не часто, даже периоды регресса, когда отбрасывалось всё открытое ранее и начинались лихорадочные поиски абсолютно нового и не имеющего традиции.

В последние двести лет в некоторых странах, и в частности в России, регресс был связан с попытками заместить формальную логику новой, «содержательной логикой», получившей позднее название «диалектической логики».

В длинной и богатой событиями истории логики отчетливо выделяются два основных этапа. Первый из них — от древнегреческой логики до возникновения в середине XIX в. современной логики. Второй — с этого времени до наших дней.

На первом этапе логика развивалась очень медленно. Обсуждавшиеся в ней проблемы мало чем отличались от проблем, поставленных еще Аристотелем. Это дало повод Канту утверждать, что логика, подобно геометрии, является завершенной наукой, не продвинувшейся с момента своего возникновения ни на один шаг и не имеющей собственной истории. Научная революция, произошедшая в логике во второй половине XIX — начале XX века, убедительно показала несостоятельность этой идеи.

С момента своего возникновения логика была самым тесным образом связана с философией. В течение многих веков логика считалась, подобно психологии, одной из «философских наук». К концу XIX в. логика «отпочковалась», как когда-то принято было выражаться, от философии. Примерно в это же время от философии отделилась и стала самостоятельной научной дисциплиной психология. Но если отделение психологии было связано прежде всего с проникновением в нее опыта и эксперимента и сближением ее с другими эмпирическими науками, то в обособлении логики решающую роль сыграло проникновение в нее математических методов и сближение её с математикой.

Современная логика возникла, в сущности, на стыке двух столь разных наук, как филосо-

¹ Зиновьев А. А. Очерки комплексной логики. М., 2000, с. 14. В дальнейшем при изложении концепции комплексной логики большая часть ссылок делается на эту вышедшую недавно книгу. Она содержит, как отмечает сам Зиновьев, работы, дающие достаточно полное понимание того, как формировалась комплексная логика, какова ее ориентация и ее основные результаты.

фия (точнее, философская логика) и математика, что долгое время определяло круг проблем новой логики, занимавшейся прежде всего вопросами обоснования математики.

Заслуга Зиновьева состоит прежде всего в том, что он инициировал пересмотр современной логики, позволивший использовать ее аппарат для удовлетворения потребностей не только математики, но и эмпирических наук. Многие логики и сейчас еще считают главной — если не единственной задачей математической логики уточнение понятия (математического) доказательства. Сложившаяся еще в отдалённом прошлом и до сих пор живая тенденция включать математическую логику в число математических дисциплин и видеть в ней только теорию математического доказательства является, конечно, ошибочной. На самом деле задачи логики гораздо шире. Она исследует основы всякого правильного рассуждения, а не только строгого математического доказательства, и ее интересует связь между посылками и следствиями в любых областях познания. Зиновьев показал, что обращение математической логики к эмпирическому знанию является необходимым условием прояснения ею своих оснований и эффективного обогащения её технического аппарата. С другой стороны, использование в эмпирических науках понятий, методов и техники современной логики несомненно способствует более ясному пониманию проблем таких наук.

История отечественной логики небогата именами. В России в конце XIX — начале XX вв., когда научная революция в логике набирала силу, ситуация была довольно сложной. И в теории, и в практике преподавания господствовала так называемая академическая логика, избежавшая острых проблем и постоянно подменявшая науку логикой невнятно изложенной методологией науки, истолкованной к тому же по чужим и устаревшим образцам. Ведущие русские философы не имели представления о современной им логике. Их пронизанные религией рассуждения и постоянные споры о «соборности», «всеединстве» и т.п. больше напоминали схоластику, чем философию, очищенную огнем Просвещения. Не случайно М. М. Бахтин, всегда считавший себя философом и симпатизировавший Марбургской школе, называл отечественную философию начала прошлого века «мыслительством», которому еще предстоит подняться до уровня систематической и современной Философии.

Судьба тех немногих людей, которые стояли на уровне достижений логики своего времени, чаще всего была незавидной.

Сдержанное общее отношение к математической логике, разделявшееся даже многими русскими математиками, во многом осложнило творчество специалиста в области алгебры логики П. С. Порецкого. Основные свои работы он вынужден был опубликовать за границей.

Классическая логика подходит к противоречию несколько прямолинейно. Согласно одному из ее законов, из логического противоречия следует всё что угодно. Это означает, что противоречие запрещается, притом запрещается под угрозой, что в случае его появления в теории окажется доказуемым любое утверждение. Тем самым теория будет разрушена. Однако никто не пользуется реально этим разрешением выводить из противоречий все что попало. Практика научных рассуждений резко расходится в данном пункте с логической теорией. В качестве реакции на это рассогласование в последние десятилетия начали разрабатываться различные варианты паранепротиворечивой логики. Она исключает возможность выводить из противоречия любые утверждения, так что противоречие перестает быть смертельной угрозой, нависшей над теорией. Этим не устраняется, конечно, принципиальная необходимость избавляться от противоречий в процессе дальнейшего развития теории. Одним из первых (еще в 1910 г.) сомнения в неограниченной приложимости закона противоречия высказал Н. А. Васильев, обучавшийся в Геттингене. Он полагал необходимым ограничить также действие закона исключенного третьего и в этом смысле явился одним из идейных предшественников интуиционистской логики. Новаторские идеи Васильева были восприняты в штыки, истолковывались

неверно, а то и просто объявлялись безграмотными. Васильев тяжело переживал подобную «критику» и вскоре оставил занятия логикой.

В 20-е гг. коммунистический режим не наложил еще запрета на занятия современной логикой. Интересных результатов в этот период добился М. Шёйнфинкель. Он высказал идею о возможности сведения фундаментального понятия функции к более элементарным понятиям, что позволило начать исчислению лямбда-конверсии А. Чёрча и позднее — комбинаторной логике Х. Б. Карри. В последней делается попытка полного исключения всех операторов, переменных и всех связок, кроме обозначения для применения сингулярной функции к ее аргументу. В итоге получается формализованный язык, в котором все простые символы, за исключением единственной связки, являются константами и который, тем не менее, годится для получения некоторых или даже всех результатов, для которых обычно используются переменные. Шёйнфинкель успешно занимался также проблемой разрешения для логики предикатов. В середине 70-х гг. немецкие логики, участвовавшие в подготовке энциклопедического логического словаря, попытались собрать некоторые сведения о жизни Шёйнфинкеля. Удалось узнать только год его рождения, но время и обстоятельства его смерти так и остались неизвестными.

А. Н. Колмогоров предложил минимальное пропозициональное исчисление, основанное на идее еще более решительного неприятия классических законов, содержащих отрицание, чем в интуиционистской логике. Он показал, что если в некоторой теореме классического пропозиционального исчисления, в которой нет связок, отличных от импликации и отрицания, заменить все вхождения каждой переменной на ее двойное отрицание, то получающаяся формула будет теоремой минимального исчисления.

В. И. Гливенко показал, что формулировка классического пропозиционального исчисления получается из формулировки интуиционистского пропозиционального исчисления добавлением в качестве дополнительной аксиомы только закона исключенного третьего. «... Раньше Гейтинга и независимо от него Колмогоров наметил, — пишет Зиновьев, — формально-аксиоматический аппарат для логики, не опирающейся на закон исключенного третьего, а Гливенко развил идеи Колмогорова, дав систему аксиом для исчисления высказываний, которое получило название конструктивистского»².

В 40-50-е гг. А. А. Марков и его школа разрабатывали новую, конструктивистическую интерпретацию для интуиционистской логики.

Всё это были интересные, но частные результаты, не оказавшие сколько-нибудь заметного влияния на развитие мировой логики. Систематические, получившие резонанс и за рубежом исследования в области современной логики начинаются у нас в стране только в 60-е гг., после выхода в свет книги Зиновьева, посвященной многозначной логике, и его книги, обосновывающей оригинальную теорию логического следования. В дальнейшем Зиновьев занялся систематической разработкой нового подхода к логике в целом (комплексная логика).

Особенностью творчества Зиновьева является то, что его интересовали не отдельные, пусть интересные, но частные проблемы, а ключевые вопросы логики как самостоятельной науки. Науки, добившейся в первой половине XX в. принципиально важных результатов, но ко второй половине века заметно выдохшейся, потерявшей общие ориентиры и нуждающейся в серьезной реформе. Суть предстоящих преобразований Зиновьев видел в том, что логике следует заниматься не столько вопросами обоснования математики, сколько проблемами научного познания в целом и прежде всего проблемами эмпирического знания, являющегося в конечном счете фундаментом всякого знания.

Математическая логика значительно продвинулась вперед в сравнении с логикой прошлых веков в смысле техники логической работы (математические методы, формальные исчис-

² Зиновьев А. А. Философские проблемы многозначной логики. М., 1960, с. 26.

ления), но одновременно она существенно ограничила сферу логических исследований. Последняя свелась к логике высказываний и предикатов, причем главным образом к техническим (математическим) проблемам. Современная логика, говорит Зиновьев, «породила также ложную идею, будто результаты логики имеют непосредственное приложение вне сферы языка. Эта идея приобрела прочность предрассудка, фактически подменив законы логики математическим аппаратом, применяемым в вычислительных и информационных устройствах»³. Ограничила область логических исследований и сведя их к техническим задачам, логика явно или неявно включила в решение чисто логических проблем внелогические предпосылки и допущения. «... Получилась деформированная (смещенная) конструкция, затрудняющая, неимоверно усложняющая и даже в принципе исключаящая решение целого ряда логических задач. Это касается основных разделов математической логики»⁴.

Основные задачи своей комплексной логики Зиновьев постепенно сформулировал так: во-первых, преодолеть дефекты ставших традиционными логических концепций, включая классическую и интуиционистскую логику; во-вторых, радикально расширить сферу логических исследований, ориентируясь прежде всего на методологию опытных наук.

Согласно Зиновьеву, предметом логики является язык. Не изучение языка, каким он выступает сам по себе, независимо от логики, а «особого рода работа в сфере языка, заключающаяся в обработке определенного рода элементов языка, усовершенствование их и изобретение новых, а также разработка правил оперирования ими»⁵. Логика не открывает эти правила, как они существовали в языковой практике, независимо от того, изучают их или нет. Логика изобретает особого рода правила и вносит их в языковую практику в качестве искусственных средств оперирования языком. «Даже законы силлогистики, — настаивает Зиновьев, — не были открыты Аристотелем в готовом виде в практике языка, а изобретены им. Конечно, тут имеет место стихийное языковое творчество людей. Но лишь в самых примитивных и смутных формах. Логика должна выполнять эту работу на профессиональном уровне»⁶.

Иными словами, в традиционном споре сторонников дескриптивного и прескриптивного истолкования законов логики Зиновьев решительно становится на сторону прескриптивистов и объявляет законы логики правилами, изобретаемыми человеком для систематизации своей языковой практики. Не вдаваясь в детали этого старого, как сама логика, спора, можно отметить, что сходной позиции истолкования законов логики, как правило, вырабатываемых человеком для регламентации своей языковой деятельности, придерживался поздний Витгенштейн. Он распространял этот подход не только на логику, но и на математику. Естественней, однако, правила логики и математики интерпретировать как особую разновидность двойственных, дескриптивно-прескриптивных выражений, подобных правилам грамматики и принципам морали, но отличающихся от последних своей предельной общностью⁷.

Разработка логики с ориентацией на опытные науки является, по Зиновьеву, радикальным расширением ее сферы за счет логической обработки языковых выражений, фигурирующих в языке опытных наук. В частности, это терминология, относящаяся к пространству, времени, эмпирическим связям, изменению, детерминизму и индетерминизму и т.д. Такая терминология или совсем не определена, или определяется плохо, она многосмысленна, неустойчива, логически не связана в должные комплексы.

Зиновьев приводит такой простой пример. На вопрос, может ли физическое тело одновременно находиться в двух разных местах, обычно отвечают отрицательно. А на вопрос о

³ Зиновьев А. А. Очерки комплексной логики, с. 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 14—15.

⁶ Там же, с. 15.

⁷ См. в этой связи: Ивин А. А. Теория аргументации. М., 2000, гл. 8.

том, почему это невозможно, отвечают: так устроен мир. Дело, однако, не в устройстве мира, тем более, что он меняется и является разным в разных местах пространства. Уверенность в том, что физическое тело не может одновременно находиться в разных местах, является логическим следствием неявного определения понятия «разные места». Интуитивно предполагается, что два места различны, если только они не имеют общих точек. Но реальные «точки» — это физические тела. Если определение выражения «разные места» сформулировать явно, то из данного определения можно будет логически вывести утверждение: физическое тело не может одновременно находиться в разных местах.

Предваряя дальнейшие замечания о диалектике, можно отметить, что Гегель, возродивший в новое время средневековую диалектику, рассуждал по поводу «разных мест» как раз противоположным образом. «Двигаться, — говорил он, — означает быть в данном месте и в то же время не быть в нем, следовательно, находиться одновременно в обоих местах одновременно; в этом состоит непрерывность времени и пространства, которая единственно только и делает возможным движение. Зенон же в своем рассуждении строго отделял друг от друга эти две точки»⁸. В. И. Ленин, конспектируя гегелевские лекции по истории философии, выписал это место, подчеркнул его и добавил: «Верно!»⁹. Непонятно, что именно здесь верно. Два утверждения «Тело находится в данном месте» и «Тело не находится в данном месте» составляют логическое противоречие. Закон противоречия говорит, что одно из этих высказываний является ложным. Принять оба эти высказывания значит принять ложное высказывание и выдавать его за истинное. Но это и есть та софистика, которую сам Гегель оценивал как беспринципную игру словами.

Простое сопоставление двух диаметрально противоположных позиций по поводу понятия «разные места» показывает, что даже определение такого простого понятия связано с глубокими проблемами, касающимися логического закона противоречия, истолкования движения и т.п. Это сопоставление демонстрирует также, что Зиновьеву всегда была чужда основная, составляющая ядро диалектики идея, что противоречие — источник всякого развития и движения.

С особой резкостью Зиновьев подчеркнул несоответствие между громоздким и раздутым техническим аппаратом современной логики и примитивностью проблем, которые можно решать с его помощью. Отсутствие постоянной связи логики с онтологией и гносеологией вело к тому, что отдельные логические проблемы обсуждались в изоляции друг от друга, а их решения не связывались между собой и приобретали сугубо локальный характер. Реформа логики, начатая Зиновьевым, не только приблизила ее к теории эмпирического познания, но и придала самой логике недостающее ей внутреннее единство. Не случайно тема единства логики проходит в той или иной форме почти через все логические работы Зиновьева.

Логика как наука едина. Однако она слагается из множества более или менее частных систем, ни одна из которых не может претендовать на выявление логических характеристик мышления в целом. В этом аспекте современная логика отличается от традиционной логики. Последняя не знала многих «логик». Проблема, сведения в единство тех фрагментарных описаний мышления, которые даются отдельными логическими системами, перед нею вообще не стояла.

Интенсивное развитие логики сопровождается расширением и обогащением ее аппарата, возникновением новых разделов и систем. Эта дифференциация не должна, вместе с тем загромождать те идеи и связи, которые превращают непрерывно расширяющееся множество логических систем в единую науку.

⁸ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. IX, с. 241.

⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1957, т. 29, с. 232.

Единство логики проявляется прежде всего в том, что входящие в ее состав отдельные «логики» пользуются при описании содержательных логических процессов одними и теми же методами исследования. Все эти «логики» отвлекаются от конкретного содержания высказываний и умозаключений и оперируют только с их формальным, структурным содержанием. Каждая из них является системой, применяющей язык символов и формул и строящейся в соответствии с некоторыми общими для всех систем принципами. И наконец, сконструированная «логика» вызывает ряд вопросов, встающих в случае каждой логической системы: кет ли в ней противоречия, охватывает ли она все истины рассматриваемого рода, разрешима ли она и т.д.

Единство логики проявляется также в том, что разные «логики» не противоречат друг другу: законами одной из них не могут быть отрицания законов, принятых в другой. Это верно даже для систем, которые можно назвать конкурирующими, поскольку они по-разному описывают одни и те же процессы рассуждения. Есть «логики», включающие закон исключенного третьего. Есть также системы — и их немало, — рассчитанные на описание тех же или почти тех же типов рассуждений, но не включающие данного закона. В бесконечном многообразии логических систем нет, однако, таких «логик», которые провозглашали бы в качестве своего закона отрицание закона исключенного третьего.

Мысль, что современная логика едина, но слагается из большого числа отдельных «логик», если и необычна, то только по форме своего выражения. Сходное утверждение является верным и в случае всякой развитой науки, скажем, физики или математики. Они также слагаются из множества отдельных теорий, только в совокупности и в сложных, динамических взаимосвязях составляющих своеобразное единство, называемое физикой или математикой.

Указанные идеи, касающиеся единства логики, высказывались Зиновьевым еще в его книге по многозначной логике¹⁰. В дальнейшем, разрабатывая концепцию комплексной логики, он углубил свое понимание единства логики. Если при конструировании логических систем и прослеживании их многообразных связей друг с другом логика, онтология и гносеология не образуют единого целого, логика неизбежно распадается на совокупность слабо связанных между собою частных систем. В этом случае она постоянно находится под угрозой утраты своего единства.

С вопросом о единстве логики тесно связан вопрос о ее универсальности. Имеются ли исключения из законов логики? Действительно ли эти законы могут быть верными в одних областях познания и неверными в других?

Факт множественности логических систем, описывающих одни и те же объекты (скажем, пропозициональные связки «и», «или», «если, то» и т.д.) кажется важным и неопровержимым аргументом в пользу тезиса неуниверсальности логики.

«Еще с прошлого века идет традиция, — пишет Зиновьев, — отвергающая закон противоречия в отношении переходных состояний объектов. В современной логико-философской литературе к этому присоединяют ограничения на законы исключенного третьего и двойного отрицания в интуиционистской логике, а также на законы коммутативности и дистрибутивности в «квантовой» логике»¹¹. Здесь нужно уточнить, что сомнения в универсальности закона противоречия высказывались еще в средние века и были связаны с попытками противопоставить логике диалектику, согласно которой что-то может одновременно и быть и не быть, находиться в определенном месте и не находиться в нем и т.п. Средневековое мышление парадоксальным образом сочетало в единство полярные противоположности, небесное и земное, спиритуальное и грубо телесное, жизнь и смерть. Святость способна выступать как сплав возвы-

¹⁰ Зиновьев А. А. Философские проблемы многозначной логики. Гл. 4.

¹¹ Зиновьев А. А. Очерки комплексной логики, с. 28.

шенного благочестия и примитивной магии, предельного самоотречения и сознания избранности, бескорыстия и алчности, милосердия и жестокости. Утверждается богоустановленная иерархия людей — для того чтобы тут же обречь на вечную гибель стоящих у ее вершины и возвысить подпирающих ее основание. Прославляют ученость и презрительно взирают на невежественных «идиотов» — и в то же время самым верным путем, ведущим к спасению души, считают неразумие, нищету духа, а то и вовсе безумие. В средневековой философии достаточно распространенным было убеждение, что познание бога, требует несовместимого, т.е. выражаясь гегелевским языком, требует диалектики. «В первопричине бытия, — говорит, например, Псевдо-Дионисий (Ареопагит), — нужно утверждать все, что где-либо утверждает-ся о сущем и ему приписывается как качество — ибо она есть причина всего этого; и опять-таки все это надо отрицать в ней, в собственном смысле, потому что она возвышается над всем этим; и не надо думать, что здесь отрицания противоречат утверждениям, ибо первопричина возвышается над всеми ограничениями, превосходит все утверждения и отрицания»¹². Петр Дамиани утверждал, что бог не подчиняется не только закону противоречия, но и всем другим логическим законам, как и законам вообще.

Эта отсылка к средним векам призвана показать, что сомнения в универсальности логических законов могут опираться на самые разнородные основания и нередко имеют в своей основе социальные причины, а не чистую теорию познания.

В современной логике сомнения в универсальности логических законов порождаются прежде всего множественностью логических систем, описывающих одни и те же логические операции. Эта множественность поддерживает уверенность в том, что законы логики не являются абсолютными истинами, никак не связанными с опытом. Вера в их непогрешимость подкреплялась длительным и, казалось бы, безотказным их использованием. Однако возникновение конкурирующих логических теорий, отстаивающих разные множества законов, показало, что логика складывается в практике мышления и что она изменяется с изменением этой практики. Логические законы — такие же продукты человеческого опыта, как и аксиомы евклидовой геометрии. Эти законы не являются непогрешимыми и зависят от области, к которой они прилагаются. К примеру, при рассуждениях о бесконечных совокупностях объектов не всегда применим закон исключенного третьего; рассуждение о недостаточно определенных или изменяющихся со временем предметах также требует особой логики и т.д. Более того, есть основания думать, что на разных этапах развития научной теории находят применение разные множества логических законов. Так, в условиях формирующейся теории ограничена применимость законов, позволяющих выводить любые следствия из противоречий и отвергать положения, хотя бы одно следствие которых оказалось ложным (паранепротиворечивая и парадоксальная логики).

Обнаружилась, таким образом, «двойная гибкость» человеческой логики: она может изменяться не только в зависимости от области обсуждаемых объектов, но и в зависимости от уровня теоретического осмысления этой области. Это не противоречит истолкованию законов логики как правил, изобретаемых человеком, или истолкованию таких законов как дескриптивно-прескриптивных выражений. «Гибкими» являются и принципы морали, и правила игр, и правила грамматики и т.д.

Зиновьев категорически отвергает мысль о неуниверсальности логических законов, идею зависимости их от области приложения и тем более идею зависимости используемого логического аппарата от уровня развития теории. В конечном счете речь идет об априорном характе-

¹² Антология мировой философии. М., 1969, ч. 2, т. 1, с. 609. А. Я. Гуревич говорит о парадоксальной гротескности средневековья, хотя точнее было бы говорить о тяготении средневековой (теоретической) мысли к диалектике (см.: Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981, с. 283—285, 321—323).

ре логики: «... Получив некоторый материал для работы, а также своего рода задание и ориентировки, логика делает свое дело уже независимо от этого материала, исследуя логически возможные случаи и устанавливая для них соответствующие правила. И с этой точки зрения логику можно считать априорной наукой, результаты которой имеют силу для любой науки, если только последняя вводит в обиход элементы языка, подпадающие под описанные в логике типы»¹³.

Это объяснение априорности логики не кажется ясным. Откуда становится известным, какого типа «элементы языка» используются в конкретной теории? И насколько они удачны для этой теории? На эти вопросы можно ответить только путем перебора имеющихся логических систем и выбора из них той, которая наиболее соответствует изучаемой предметной области. Но это означает, что не только теории прилаживаются к логике, но и логика прилаживается к теориям. Она не является, таким образом, априорной наукой. Исходный, чаще всего неполный и путанный эмпирический материал, препарированный логикой, изменяется ею так, что его трудно потом узнать. Но он является началом и концом исследования логической структуры теории. Нет, таким образом, оснований утверждать, что логика совершенно независима от опыта.

В отдельной главе, посвященной универсальности логики, Зиновьев пишет: «Различные сферы мира (предметные области) различаются с точки зрения логических законов, которые используются при их описании. Так, в одних случаях уместна классическая конъюнкция, а в других — неклассическая /упорядоченная/. Различие используемых знаков ведет к тому, что используются различные логические законы. Но это ни в коем случае не означает того, что одни и те же логические законы верны для одной области мира и неверны для другой... Есть одна и только одна логика для любых наук (для любых областей познания)... Существуют различные разделы и направления в рамках одной логики, которые могут стимулироваться потребностями какой-то определенной области конкретных наук и иметь преимущественные приложения именно в них»¹⁴. Если при изучении разных областей мира используются разные логические системы (разные логики), то как понять утверждение, что существует одна, и только одна логика?

Идея универсальности законов логики затронута здесь не случайно. Зиновьев считает эту идею и, соответственно, положение о полной независимости законов логики от опыта важными элементами своей концепции комплексной логики. Представляется, что это не так.

Данная концепция совместима как с утверждением универсальности логических законов и положением об априорности логики, так и с идеей зависимости применяемого логического аппарата от предметной области и наличием в законах логики определенного эмпирического содержания.

Правила логики, как и положения математики, имеют двойственный, описательно-нормативный характер. Они соединяют описание с предписанием и функционируют в одних случаях как описания, а в других — как нормы. Если логические правила истолковать как чистые описания, их придется считать истинными утверждениями, и тогда окажется неясным, почему об одном и том же объекте (например, логическом следовании) высказываются множества истинных, но не являющихся совместимыми утверждений. В случае истолкования правил логики как чистых норм (номинальных определений) логика действительно оказывается наукой, не имеющей никакой связи с опытом. Но возникает неразрешимая проблема выбора нужной для данной предметной области логической системы («логики») из бесконечного множества возможных логических систем.

¹³ Зиновьев А. А. Очерки комплексной логики, с. 25.

¹⁴ Там же, с. 172—173.

Комплексная логика Зиновьева, работу над которой он вынужден был прервать в самом ее разгаре, несомненно оказывает плодотворное воздействие на мировую логику. Но процесс этого воздействия, как нередко бывает в логике, является достаточно медленным. К тому же зачастую он носит косвенный характер, когда нет прямых ссылок на ту общую концепцию, в рамках которой разрабатываются те или иные конкретные идеи.

Помимо концепции комплексной логики, Зиновьев занимался целым рядом других логических проблем и получил оригинальные и важные результаты. Здесь можно упомянуть только один из таких результатов, сохраняющих свою актуальность и сейчас: построение новой, не имеющей аналогов теории логического следования.

В книге, посвященной данной теории¹⁵, Зиновьев идет необычным путем. В современной логике сложилась традиция использовать для обозначения логического следования оператор импликации. Именно таким путем идут классическая логика (Б. Рассел), теория строгой импликации (К. И. Льюис), теория релевантной импликации (Р. Аккерман, А. Р. Андерсон, Н. Д. Белнап) и др. Зиновьев исходит из положения, что в рамках общей теории дедукции в структуре посылок и следствий не могут фигурировать высказывания «Из А логически следует В» ($A \rightarrow B$). Это означает, что наряду со знаком импликации должен быть введен особый двухместный предикат «Из... логически следует...». Он входит в формулу логического следования только один раз и является фактически метатермином логики. «...Высказывание $A \rightarrow B$ есть элементарное высказывание с двухместным предикатом «Из первого высказывания следует второе» и субъектами «Высказывание А» и «Высказывание В». Рассматривать его как высказывание, состоящее из высказываний А и В, ошибочно: в нем дается информация не о тех предметах, о которых говорится в А и В, а об отношениях самих А и В как особых предметов. Как принято говорить, оно есть метавысказывание по отношению к А и В, т.е. высказывание о высказываниях. Так что его в общей теории дедукции следует рассматривать как частный случай элементарного высказывания»¹⁶. Далее Зиновьев вводит ограничения на вхождение переменных в посылки и следствия формул следования. Суть этих ограничений проста и очевидна: в следствиях не должны содержаться переменные, отсутствующие в посылках. Это означает, что правила логического следования позволяют получать следствия, не содержащие никакой иной информации, кроме той, что имеется в посылках. На основе этих содержательных соображений Зиновьев строит систему логических исчислений, дающих в совокупности решение проблемы логического следования. По поводу того, что оказываются возможными разные формы следования, ни одна из которых не лучше и не хуже других, Зиновьев замечает: «...В природе нигде нет никакого «подлинного» следования, с которым можно было бы их сравнивать. Другое дело, какие-то из них чаще употребляются, другие. Но это ничего не говорит об их «правильности», «непарадоксальности», «неправильности», «парадоксальности» и т.п.

Общая теория следования легла в основу комплексной логики. На базе этой теории, составляющей фундамент логики, Зиновьев строит все прочие разделы логики, включая теорию кванторов и предикации, модальные логики и др.

В заключение следует высказать несколько замечаний об отношении Зиновьева к диалектике и, соответственно, к диалектической логике. Это необходимо, поскольку концепция комплексной логики в своей основе несовместима с идеей диалектики и особой диалектической логики, существующей наряду с формальной логикой и даже противостоящей ей.

Диалектике была посвящена кандидатская диссертация Зиновьева «Метод восхождения от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)» (1954), вызвавшая оживленную полемику среди тех, кто занимался диалектикой как теорией логики познания.

¹⁵ См.: Зиновьев А. А. Логика высказываний и теория вывода. М., 1962.

¹⁶ Зиновьев А. А. Очерки комплексной логики, с. 189.

В середине 50-х гг. Зиновьев неожиданно оставляет свои занятия диалектикой и начинает изучать современную (математическую) логику. Уже в 1960 г. выходит его книга «Философские проблемы многозначной логики», свидетельствующая о полной переориентации автора на новую область знания, причем на область, считавшуюся многими в те годы антиподом так называемой диалектической логики.

Самая сильная черта творчества Зиновьева — его интуиция. Благодаря ей многие решения, особенно решения сложных, вызывающих острые споры проблем, он видит непосредственно, не представляя деталей ведущих к этим решением путей. Наиболее важные шаги своей жизни, принесшие ему в конце концов мировую известность, он делал не на основе скрупулезного расчета, а спонтанно, руководствуясь исключительно своим интуитивным чутьем. И оно его редко подводило. Бесповоротный уход из диалектики Зиновьеву подсказала его острая интуиция, и как показывает дальнейшая творческая его биография, и в этот раз интуиция не обманула его.

Несколько слов о природе диалектики. Иногда в работах о Зиновьеве выстраивается прямая линия от его первой научной работы, посвященной диалектике, к его последующим работам по логике. Диалектика объявляется методологией эмпирических наук, а метод восхождения от абстрактного к конкретному характеризуется как эффективный способ исследования сложных систем эмпирических связей. Говорится даже о «демистификации» Зиновьевым этого метода.

Мистический элемент и в диалектике, и в методе восхождения от абстрактного к конкретному в самом деле присутствует. Но чтобы избавиться от этого элемента, надо выбросить и диалектику, и указанный метод. Ничего научного в нем нет, что продемонстрировал еще Маркс в своем «Капитале».

Линии, ведущей от диалектики (пусть и в необычной, «демистифицированной», ее трактовке, если таковая вообще существует) к современной логике, нет. Диалектика ставит под сомнение логический закон противоречия, саму формальную логику объявляет делом «кухонного обихода», аппаратом для решения наиболее элементарных проблем. Подлинно сложные — ив первую очередь социальные — проблемы должны решаться только с помощью диалектики.

К сожалению, в русской философии XIX и особенно XX века существовала устойчивая тенденция экспериментировать с диалектикой. В советские времена неумеренные похвалы в адрес последней сделались обычным делом. Социальные причины этого подробно обсуждаются мною в другой работе¹⁷. Суть дела сводится к тому, что если общество ставит перед собой заведомо нереалистическую цель (рай на небесах или рай на земле — коммунизм, национал-социалистически «тысячелетний рейх»), оно тут же обращается к диалектике. Ее основная цель — связать весьма несовершенный реальный мир в с тем идеалом, к которому стремится общество, представить запутанное, противоречивое множество социальных событий как последовательные ступени той — доступной лишь диалектическому разуму, но не слабому человеческому рассудку с его «обычной» логикой — лестницы, которая ведет к идеальной, способной существовать тысячелетия форме общества.

Лишь диалектическое мышление, требующее не просто гибкости, а изворотливости в прилаживании абстрактных общих идей к конкретным ситуациям, настаивающее на непрерывном прогрессе не только в обществе, но даже в природе, не просто не считающееся с требованием логики не допускать в мышлении противоречий, а напротив, предполагающее их постоянное присутствие в природе, обществе и мышлении, способно внушить иллюзию, будто нынешняя социальная жизнь, какой бы скудной и несвободной она ни была, есть важный

¹⁷ См.: Ивин А. А. Философия истории. М., 2000, с. 371—400.

закономерный этап на пути создания совершенного общества. Коммунистический человек живет одновременно в двух мирах — в неустроенном настоящем и иллюзорном, сияющем будущем. Связать эти миры, представить первый как непрерывное восхождение ко второму способно только диалектическое мышление. Диалектика — современный способ решения проблемы триединства, играющая в индустриальном обществе ту же роль, какую в средневековом религиозном мышлении играл Святой Дух, связывавший Бога-Отца и Бога-Сына, небесный и земной миры.

В книге «Коммунизм как реальность», получившей престижную премию А. Токвиля и являющейся наиболее глубоким из имеющихся в литературе описанием коммунистического общества, Зиновьев неожиданно говорит, что диалектика — лучший метод исследования общества. Это утверждение повисает в воздухе, поскольку никакого диалектического анализа в данной книге нет. Отсутствует и разъяснение того, в чем именно такой анализ мог бы состоять.

В других своих книгах, особенно в «Зияющих высотах» (здесь само название навеяно диалектикой), Зиновьев открыто иронизирует над диалектикой, представляя ее методом, с помощью которого можно доказать все что угодно. Он, в частности, так излагает те результаты, к которым пришли советские ученые, использовавшие диалектику, в итоге длительного изучения полного коммунизма: «Полный ибанизм есть общественный строй, обладающий следующими признаками. Здесь нет и не может быть никаких серьезных недостатков. Если здесь и бывают недостатки, то они мелкие и быстро устраняются. Зато здесь имеют место достоинства. В большом количестве. Большие и малые. Причем больших больше, чем малых, но малых еще больше. Здесь все хорошее достигает неслыханного до сих пор расцвета. Производство материальных и духовных ценностей. Сознательность. Нравственность. Государство, политика, право, мораль и прочие надстройки отмирают, но путем такого предварительного мощного укрепления, что... В общем, отмирают»¹⁸.

Идеи диалектика были восприняты разными течениями неомарксизма, и особенно активно марксизмом-ленинизмом. Последний довел эти идеи до примитивизма. Трудно поверить, что, высказываясь позитивно о диалектике, Зиновьев когда-либо имел в виду те восторженные нелепости, которые писали о ней советские философы.

Кажется, что вопрос об отношении Зиновьева к диалектике достаточно ясен. Его редкие и неконкретные похвалы в адрес диалектики как метода научного познания — не более чем ностальгия по своей научной молодости, начинавшейся с разработки диалектики.

¹⁸ Зиновьев А. А. Зияющие высоты. М., 1992, кн. 2, с. 146.

111. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Ольга Зиновьева.

Александр Зиновьев: творческий экстаз

Судьба Александра Зиновьева как писателя поразительна, можно смело утверждать — уникальна. Впрочем, все, связанное с жизнью и творчеством этого удивительного генератора мыслей, — независимо от сферы приложения его силы и таланта, идет ли речь о Зиновьеве-мыслителе, о Зиновьеве-художнике, о Зиновьеве-социологе, о Зиновьеве-логике, о Зиновьеве-поэте, — поражает. Поражает размерами личности, потрясает качеством и объемом продукции его лаборатории мысли, восхищает смелостью и новаторством. Независимо от вашего отношения к творчеству этого человека-легенды, вы его с неизбежной необходимостью называете личностью, адекватной эпохе синтеза культуры и науки, личностью эпохи Ренессанса.

Известно уже, что свое первое литературное произведение он опубликовал в 1976 году, когда ему было почти 54 года. В таком возрасте обычные, «нормальные» писатели уже подводят итоги своей многолетней творческой деятельности, издают многотомные собрания сочинений, учат других литературному уму-разуму, а то и вообще завершают свою писательскую карьеру. А Зиновьев только начинал. Обычные писатели входят в литературу постепенно, шаг за шагом накапливая мастерство, смелость и известность. Александру Зиновьеву уже его первый роман принес сенсационную мировую известность. Как писали в западной прессе тогда, 25 лет тому назад, Зиновьев, как метеор, вырвался на высоты мировой литературы, положив начало новому литературному жанру, новаторскому как по изобразительным средствам, так и по мощнейшему содержанию его победоносного романа. Сам Александр Александрович называл этот жанр социологическим по содержанию и синтетическим по форме и по средствам. Книга эта (я имею в виду, конечно же, «Зияющие высоты») была молниеносно переведена более чем на два десятка иностранных языков; число статей, теле- и радиопередач, посвященных ей, было просто практически невозможно сосчитать. Какой эффект она произвела в душах и умах людей, живших и работавших в сложное и противоречивое время, о котором сейчас никак не могут договориться — каким его считать: революционным взлетом или черным провалом! Эффект необычайный, сильный, болезненный, эффект сродни потрясенной реакции близких на результат объективно-безжалостного консилиума врачей, выносящих приговор больному. К особенностям того времени, много смысловости высказываний и способности моих современников читать между строк, а также профессиональности стражей порядка можно было бы, пожалуй, отнести тот удивительный, прямо-таки оглушительный эффект громового умолчания, которым пытались замаскировать, спрятать от мира и от самих себя тот самый эффект, не могущий быть выраженным внешне, не зафиксированный в печати и средствах массовой информации СССР.

Первое опубликованное литературное произведение Александра Зиновьева вышло в свет на Западе, его литературной родиной стали Франция и Швейцария. В Советском же Союзе, у себя дома, он за это был жестоко наказан. И вот что любопытно: хотя советский режим, на который сваливали вину за расправу с Зиновьевым, рухнул; хотя книги Александра Зиновьева стали печатать в России, тут по странному умолчанию избегают говорить о нем именно как о писателе, который опубликовал множество литературных произведений, ставших мировыми бестселлерами и входящих в обязательные литературные программы ряда западных школ и университетов. Здесь, в России, об Александре Зиновьеве предпочитают говорить как о логике, философе, социологе и публицисте, но сопротивляются в признании его как писателя, внесшего огромный вклад в мировую литературу.

Сам Александр Зиновьев утверждает, что он стал писателем в силу стечения обстоятельств, случайно и даже поневоле. Я могу согласиться с таким утверждением лишь отчасти, да и то в том смысле, что в советских условиях он не имел никакой возможности реализоваться в качестве писателя, а профессиональная работа в сфере логики и методологии науки — в Институте философии Академии наук СССР и в МГУ — не оставляла ему буквально ни минуты для литературной деятельности. Оказавшись в эмиграции на Западе, с глубоким почтением признававшим за ним этот статус большого русского писателя, он зарабатывал на жизнь, подтверждая это высокое звание в силу сложившихся жизненных обстоятельств, на протяжении почти 21 года сочиняя социологические романы, повести, рассказы, поэмы и стихи и занимаясь драматургией. В связи с вышесказанным мне хочется упомянуть еще одно принципиально важное обстоятельство, характеризующее позицию Зиновьева-писателя на протяжении его жизни в эмиграции. С самого начала он осознанно занял позицию абсолютной независимости от каких бы то ни было фондов, грантов, стипендий, какими бы привлекательными и объемными они ни были. Принципиальная независимость, всегда и во всем, что и гарантировало неограниченную и бесстрашную свободу действий и независимость суждений Александра Зиновьева во всем его необъятном творчестве. Независимость во что бы то ни стало. А сегодня это — мало кому доступная привилегия рыцаря без страха и упрека.

По возвращении в Россию в 1999 году Александр Александрович вздохнул с облегчением — помимо всего прочего отпала необходимость в обязательном литературном труде. Но тем не менее тот факт, что он реализовался как писатель, конечно же нельзя считать случайностью. Он был подготовлен к этой роли всей необычайной многогранностью предшествовавшей жизнедеятельности, подготовлен основательно и всесторонне.

Творческое начало стало проявляться в юном Саше Зиновьеве уже со школьных лет. Он рисовал острейшие карикатуры для стенных газет (о Зиновьеве-художнике надо писать особо), делая к ним подписи — как правило, стихотворные. Сочинял несметное количество заметок и фельетонов, писал порой и рассказы. От школьной поры чудом сохранилось несколько стихотворений, одно из них («Первое пророчество»), написанное в 1939 году, вошло в книгу «Нашей юности полет» (1983).

Во время службы в армии и на фронте (1940 — 1946) он выпускал «Боевые листки», иногда — по несколько номеров в день, замещая порою целую редколлегию: сочинял фельетоны и стихи и, естественно, рисовал карикатуры. В 1942 году он пишет «Балладу о неизвестном курсанте», реставрированная редакция которой вошла в книгу «В преддверии рая» (1979), а позднее — в российское издание «Зияющих высот» (1989).

Весной 1945 года Зиновьев сочиняет стихотворение «Гост», которое включено в книгу «Светлое будущее» (1978). Вулканическое извержение стихов и рассказов, которые невозмож-

но было публиковать: узнай органы государственной безопасности, кто был автором стихотворения «Тост», жизненный путь Зиновьева был бы прерван уже в 1945 году, — характеризовало военный период его жизни. В 1946 году он демобилизуется из армии, увозя с собой чемодан, переполненный рукописями: он твердо решил стать писателем.

По возвращении с войны Александр показывает одну из его законченных повестей двум маститым писателям, причем один из них — это светлой памяти Константин Симонов — посоветовал повесть уничтожить, если автору дорога еще жизнь, а другой — не хочется называть этого человека по имени — элементарно донес об «антисоветском памфлете» в органы государственной безопасности. К счастью, Зиновьев успел последовать совету Симонова: во-первых, он смог забрать рукопись повести у доносчика и, во-вторых, когда на другой день к нему пришли с обыском, то не нашли даже отдельной странички от чемодана рукописей, ибо он уже успел все уничтожить... Вот таким образом закончилась первая попытка на пути писательской карьеры, по сути, даже и не успев по-настоящему начаться. Должно было пройти еще 30 лет, прежде чем он решился опубликовать на Западе свои «Зияющие высоты». Кстати, ту уничтоженную повесть, о которой говорилось выше, он частично восстановил, находясь уже в эмиграции, и опубликовал в книге «Нашей юности полет» (1983) под названием «Повесть о предательстве».

Должна заметить, что тридцатилетняя «литературная пауза» вовсе не означала, что Александр насовсем отошел от литературы. В Советском Союзе в послевоенное время возникло и приобрело всенародный размах уникальное для нашей страны устное литературное творчество — так называемый интеллигентский фольклор. Появились многочисленные сочинители и рассказчики шуток, анекдотов, побасенок, каламбуров, коротких острых и ядовитых историй. Нетрудно догадаться, что Зиновьев в этих новых условиях стал уже профессионально заниматься тем, чему он отдавался с такой страстью на протяжении многих лет войны. К тому же он регулярно поставлял шутки, сатирические стихи и злющие фельетоны — плоды своего устного творчества — и на полотнища стенных газет. Сочинениям такого рода обычно соответствовали какие-то конкретные события. Естественно, кое-что из этого потом вошло в книги, опубликованные на Западе. Здесь мне кажется уместным привести характерный пример из этого специфического периода творчества Александра Зиновьева. В нижеприведенном фельетоне «В свете солнечного затмения» (реставрация его опубликована в книге «Мой Чехов», 1989) обыгрывалось реальное солнечное затмение.

Хотя солнечное затмение продолжалось недолго, за это время на факультете произошло серьезные события. Ассистент кафедры научного коммунизма совратил студентку первого курса. У преподавательницы немецкого языка украли сумку с деньгами. На двери деканата написали ругательство. В медицинском институте, расположенном рядом с факультетом, украли руку и засунули ее в портфель доцента по критике реакционной западноевропейской философии. Короче говоря, случилось многое такое, вследствие чего пришлось устраивать общее собрание факультета. На собрании с обстоятельным докладом выступил секретарь партийного бюро. «Советские трудящиеся, — сказал он, — провели очередное солнечное затмение организовано и с чувством глубокой ответственности. Но в свете солнечного затмения обнаружались отдельные теневые стороны в воспитании подрастающих поколений. В нашем здоровом коллективе обнаружались отдельные неустойчивые в морально-политическом отношении элементы, которые злоупотребили...» Когда разбиралось персональное дело безнравственного ассистента кафедры научного коммунизма, выяснилось следующее, усугубившее его вину, обстоятельство: он не знал, что в этот момент «в стране осуществлялось столь важное мероприятие». И ему объявили выговор по партийной линии за то, что он не читал газет. Доцент, занимавшийся критикой реакционной буржуазной философии, очень гордился тем, что ему засунули в портфель руку, предназначенную для практических

занятий студентов медицинского института. Это было, пожалуй, самое сильное переживание в его жизни.

Помимо блистательных литературных импровизаций в интеллигентских компаниях Москвы, острослов-фронтвик широко практиковал их на уроках в школах, где он преподавал логику и психологию, в лекциях в различных институтах и в Университете, а также в публичных выступлениях и даже в пропагандистских лекциях, которые ему приходилось читать в порядке общественной работы. Кстати, одна из таких лекций («Руководители») потом вошла в качестве важного раздела в «Зияющие высоты». В этом разделе вы видите образцы «узкой специализации» Зиновьева в области насмешки, саркастической издевки над советским социальным строем, представителями власть предержащих и марксизмом-ленинизмом в целом. Вот, например, так он препарировал марксистскую идею эксплуатации человека человеком: при капитализме один человек эксплуатирует другого, а при коммунизме — наоборот. Марксистскому определению производственных отношений он придал такой вид: производственные отношения суть отношения между людьми в процессе их производства. В моем присутствии и зачастую с моим непосредственным участием рождались характерные зиновьевские хохмы вроде «легавого марксизма» или «Наша цель • — КОММУНИЗМ» — говорят артиллеристы.

Приведу еще один пример, как конкретное событие преломлялось через литературно-критическую призму аналитика-наблюдателя Александра Зиновьева. *«Наша университетская агитационная бригада, — рассказывает Александр Александрович в компании слушателей, — ездила по деревням Московской области с концертами самодеятельности и, само собой разумеется, с пропагандистскими лекциями. Давали мы концерты и москвичам, работавшим в деревнях на уборочных работах. Как-то перед очередным концертом проводилась лекция, связанная с каким-то решением ЦК КПСС. По ходу лекции лектор привел слова Ленина о том, что при коммунизме кухарки будут управлять государством. Наступила странная тишина. Все присутствовавшие повернулись в сторону полной розовощекой женщины. Потом мы узнали, что она была поварихой (т. е. кухаркой, говоря попросту) в их бригаде и вела себя так, как в таких случаях и ведут себя нормальные советские люди, т. е. воровала, заводила блат, фальсифицировала и без того плохую еду. Кто-то в зале сказал, что если государством будут управлять кухарки, то мы все с голоду помрем. Начался смех и галдеж. Но вороватая повариха не растерялась. «Успокойтесь, — невозмутимо заявила она, • — при коммунизме государство отомрет, так что даже и управлять будет нечем».*

Или вот другая байка. *«Один преподаватель Университета, доказывая нам всемогущество диалектики, ссылаясь, само собой разумеется, на Ленина. «Чему учил нас великий Ленин? — задавал он нам риторический вопрос. — Возьмите самое простое предложение, учил нас Владимир Ильич, например, «Лошади кушают овес», и вы откроете в нем все элементы диалектики». Эти лошади, кушающие овес, так прочно врезались нам в память, что заслонили собою все элементы диалектики. Один аспирант из азиатской республики (стал впоследствии академиком), сдавая кандидатский экзамен по философии, так и назвал в качестве первой особенности диалектики то, что она, диалектика, кушает овес».*

Не помню ни одного случая, чтобы в компании (тогда собирались бескорыстно и часто), в лекции или в публичном выступлении он не рассказал бы по подходящему поводу несколько баек такого рода. И до сих пор практикует Зиновьев этот стиль лектора-рассказчика, превращая свои серьезнейшие по содержанию лекции и публичные выступления в увлекательные литературные концерты.

Подрабатывая на жизнь в студенческие и аспирантские годы, Александр преподавал в школах и вузах, одно время читал лекции по логике и в Пожарной академии. По сему поводу он рассказывал такую новеллу, которую впоследствии, более чем 30 лет спустя, он припомнил и включил в книгу «Диктатура логики».

Мысль Сталина о том, что было бы полезно ввести преподавание формальной логики в учебных заведениях, была понята исполнительными подчиненными как приказ. А приказ был немедленно выполнен, причем — с избытком: логике стали обучать даже пожарников. Я случайно узнал о том, что есть вакансия в Пожарной академии, и срочно туда поехал.

Начальник Пожарной академии, подписав приказ о зачислении меня на должность преподавателя логики, попросил приблизить теорию к особенностям профессии пожарников. До сих пор не могу без содрогания вспоминать, как я занимался этим приспособлением формальной логики к интересам пожарного (или противопожарного) дела. Я просиживал днями и ночами над книгами, отыскивая хоть что-нибудь, напоминающее такую оригинальную сферу приложения логики, как пожары.

И вот я начал читать свой курс логики, ориентированный на особенности профилактики и тушения пожаров. Мои слушатели старательно записывали несусветную чушь, которую я нес, внутренне сгорая со стыда. «Пожар, — диктовал я, — есть горение вещей, к сжиганию не предназначенных... Дверь есть дырка в стене, туда называемая входом, а обратно — выходом... Вода есть жидкость, предназначенная для тушения пожаров и обнаруживаемая как в искусственных, так и в естественных водоемах, а также в системе снабжения означенной жидкостью жителей и животных населенных пунктов, а также для поливки растений...»

Наступила весна. Сошел снег. Зазеленела трава. Сюда вернулись стаи отдохнувших птиц. А мои уставшие от наук пожарники готовились к экзамену по логике. Они, как лунатики, бродили по территории академии, бормоча под нос мои противопожарные определения и силлогизмы. — Если гражданин, — бормотали они, закатив глаза под лоб, — заметил дым, исходящий из помещения, из которого он исходить не должен, то сей гражданин обязан немедленно вызвать по телефону «01» службу противопожарной безопасности... — Сократ... Тьфу, извиняюсь! Иван заметил дым, исходящий... — Нет дыма без огня, — слышалось из соседней кабинки в туалете... — Подливать масло в огонь, — шептал кто-то в забыты, — означает... — Американские империалисты раздувают пожар мировой войны, — слышалось за соседним столиком в буфете... — Товарищ Иванов сгорел на общественной работе, — громко чеканит седой полковник... — Заведующий овощной базой прогорел, — вторил ему молодой майор...

Наступил день экзаменов. На него прибыли представители из Министерства внутренних дел и из областного комитета партии... Н-да, одним словом, на новый учебный год меня не пригласили...

Интересно, а если бы Аристотель был вынужден зарабатывать на жизнь, преподавая логику в Пожарной академии, вошел бы он в историю как выдающийся мыслитель или нет?

Зиновьев — прирожденный импровизатор. Сочиняя бесчисленные остроты, шутки, анекдоты, стихи, короткие фельетоны и новеллы, он их никогда не записывал и не хранил, щедро делясь со слушателями и нисколько не заботясь о copyright на них, к тому же сохранить авторство было просто невозможно. Импровизация растворялась в котле интеллигентского фольклора тех лет — неповторимого литературного феномена советской эпохи. Кое-что сохранилось, впрочем, в архивах поклонников Александра (а таковые у него были со школьных лет), кое-что он сам сохранил в памяти и использовал впоследствии в опубликованных на Западе книгах.

* * *

В годы «литературной паузы» сложился специфически зиновьевский литературный язык, — лаконичный, по-научному точный, многоплановый, острый, ядовитый, парадоксальный. «Зияющие высоты» и другие литературные произведения Александра Зиновьева стали

мировой сенсацией не столько по их социально-политической направленности (этим в море антисоветской и антикоммунистической литературы тех лет никого удивить было нельзя), а по их литературной форме, и прежде всего — по необычному языку, поразительно содержательному, емкому и разящему. На Западе этому аспекту литературного творчества Зиновьева были посвящены многочисленные статьи и книги, среди которых следует в первую очередь назвать труды английского ученого (можно сказать — зинovieлогa) профессора университетов Лондона и Глазго Майкла Кирквуда, который на протяжении почти двух десятков лет неустанно и последовательно занимался лингвистическим анализом языка Александра Зиновьева, переводя результаты своих исследований в такие головокружительные профессиональные формулы, что когда я впервые увидела это, то, признаться, была потрясена тем математизированным видом выводов, к которым пришел Кирквуд, сумевший схватить в работах Зиновьева лингвистически-математическую архитектуру и услышавший мощнейшие аккорды логической симфонии и такую абсолютную гармонию, которая доступна лишь избранным.

Многочисленные западные авторы, писавшие о творчестве Александра Зиновьева, называли самые различные источники этого литературного чуда, кроме двух главных. О первом из них я уже весьма кратко рассказала: это — интеллигентский советский фольклор послевоенных лет и неповторимая идейно-психологическая атмосфера в кругах интеллектуалов Москвы тех лет. Вторым же источником явилась научная деятельность Зиновьева. Я считаю просто необходимым сказать о ней хотя бы в самых общих словах, ибо без этого новый период литературного творчества Александра Зиновьева (назову его писательским) понять правильно практически невозможно.

Основные жизненные интересы Александра были ориентированы на познание советского общества, которое формировалось на его глазах. Уже в юношеские годы он увидел, что это общество мало общего имело с тем, как его изображали в советской идеологии и официальной науке. Познать, каким оно является объективно, стало всепоглощающей страстью его сознательной жизни. Он прекрасно понимал, что научное исследование и описание реального социального строя Советского Союза (реального коммунизма, как он считал изначально) было исключено практически. И тем более было исключено предание гласности результатов такого исследования, если бы оные появились. И Зиновьев занимался своими «партизанскими» социальными исследованиями, скрывая их направленность и масштабы даже от близких друзей и сохраняя результаты своих размышлений в памяти. Ему в этом отношении здорово повезло: природа наградила его феноменальной памятью.

Шли годы. Читая бесчисленные книги на социальные темы, Александр все более ясно осознавал следующее обстоятельство, сыгравшее важную роль в его жизни: главным препятствием на пути к тому пониманию реального коммунизма, к которому он стремился, была не советская государственная идеология (марксизм-ленинизм) и не запреты, а отсутствие подходящей методологии исследования. Необходимо особое профессиональное образование — решает он. И вот, демобилизовавшись в 1946 году из армии, он поступает на философский факультет Московского государственного университета. В качестве узкой специализации он избирает формальную логику. Одновременно он занимается математикой по программе механико-математического факультета, специализируясь по математической логике. Интерес его к социальным проблемам не ослабевает, он остается основой его личностной ориентации, но отходит при этом на задний план. Проблемы логики и методологии науки захватили его — он всегда целиком и со страстью отдавался делу, которым занимался достаточно долго, а к моменту выхода «Зияющих высот» профессиональной работе в логике он успел отдать почти четверть века.

Работая в области логики, он убедился в том, что ее состояние фактически является не таким уж радужным, как это было принято думать, если смотреть на него (состояние) с точки

зрения методологии исследования эмпирических объектов, к числу которых относятся объекты социальные. Он разработал свою систему логики, в которой дал свое понимание предмета, задач и правил логики вообще, по-новому построил признанные разделы логики и радикально расширил сферу логики, включив в нее новые разделы, ориентированные на разработку методологии эмпирических наук, и в первую очередь — наук социальных. Эти исследования принесли Александру Зиновьеву мировую известность.

Логические исследования Зиновьева сыграли огромную роль в его социальных исследованиях. И прежде всего — в исследовании советского общества как исторически первого и классически развитого образца общества коммунистического типа. Как образца реального (а не идеологически воображаемого) коммунизма. Исходя из того, что в наше время информация о социальных явлениях имеется в избытке или в принципе может быть добыта исследователем-одиночкой, кем он всегда был (и без особых ограничений, замечу кстати), Александр сосредоточился на логической обработке языка социологии и разработке ее эвристических методов. Результатом его работы в этом направлении явилось то, что он впоследствии назвал **логической социологией**. Используя ее аппарат, Александр Зиновьев уже в начале семидесятых годов разработал основы своей теории советского общества как общества коммунистического типа. Именно эти результаты социальных исследований Зиновьева послужили вторым основным источником литературного творчества Александра Зиновьева наряду с его участием в интеллигентском фольклоре послевоенных лет, о чем я уже говорила выше. Престижная, редко кого отличающая, премия Алексиса де Токвиля и увенчала плоды его социологических исследований; этой премии была удостоена книга «Коммунизм как реальность», которую ныне покойный Раймон Арон назвал первым выдающимся профессиональным исследованием коммунистического советского общества. Эта премия короновала de facto Александра Зиновьева как ведущего и исключительного социолога-эксперта по проблемам коммунистического общества. Английский ученый Карл Поппер был вторым после Александра Зиновьева, кто был удостоен этой высокой чести. Книга «Коммунизм как реальность» стала настольным пособием, учебником для всех тех, кто специализировался на исследовании советского общества, кто стремился разобраться в феномене коммунистического мира. Книга выдержала много переизданий и не теряет своей новизны и справедливости оценок и поныне.

В творческой деятельности Александра Александровича Зиновьева можно различить логический, социологический, публицистический и литературный аспекты. Они всегда действовали совместно и слитно, так или иначе влияя друг на друга, что и порождало затруднения у авторов, писавших о Зиновьеве, в отношении классификации его сочинений. Кто он — философ, логик, социолог, публицист, политолог, писатель? И все же в силу обстоятельств жизни различные аспекты его творчества проявились как различные этапы. Если принять за основу характер публикаций, то период до публикации «Зияющих высот» (1976) можно считать логическим: в 1960 — 1975 годы были опубликованы основные логические сочинения профессора, доктора наук Александра Зиновьева, принесшие ему мировую известность в качестве логика. Признание его как выдающегося логика, входящего в тройку ведущих специалистов в этой области, проявилось помимо всего прочего в избрании его в действительные члены Академии наук Финляндии, куда одновременно с ним был избран академик Петр Капица.

С 1976 года началась публикация литературных, публицистических и социологических сочинений Зиновьева. Хотя и после 1976 года печатались отдельные логические работы (например, в 1983 году опубликован курс лекций по логике, прочитанный в 1978 году в Оксфорде), в 1976 году в жизни и в творчестве произошел переход от логического этапа к литератур-

но-социологическому. Это был, пожалуй, самый значительный перелом в его жизни. Мне довелось стать не только пассивным свидетелем, но и активным соучастником этого перелома. Как и почему произошел этот перелом, подробно описано в книге Зиновьева «Исповедь отщепенца», которая была написана на Западе в 1988 году к десятилетию эмиграции. Первая часть этой книги была впервые опубликована на русском языке в 1999 году в издательстве «Центрполиграф».

А вот сейчас уже с неизбежностью придется хотя бы кратко рассказать о том, как складывалась жизнь Зиновьева, какова была ситуация в стране и в мире в начале семидесятых годов, чтобы объяснить, почему и как произошел упоминавшийся выше перелом.

* * *

Александр Александрович Зиновьев родился 29 октября 1922 года в малюсенькой деревушке Пахтино в Костромской области, в Берендеевом царстве. В семье родилось 11 детей, Александр был шестым по счету. Отец по традиции, как все костромские мужики, уходил на заработки в Москву, где он освоил профессию маляра. Время от времени приезжал в деревню, где оставалась мать с выводком детей. С такой семьей в городе жить было негде, да и прокормиться было непросто. С другой стороны, прокормить семью исключительно крестьянским трудом было тоже трудновато, поэтому дети, подрастая, постепенно перебирались в Москву. Окончательно семья Зиновьевых порвала с деревней (уже с колхозом) лишь в 1946 году. Александр жил и учился в деревне, а с 1933 года — в Москве. Трудно сегодняшнему читателю представить себе ту реальную жизнь, в которую было погружено существование будущего писателя: крошечная комнатуха в 10 кв. м на 8 человек в вечно заливаемом водой подвале на Б. Спасской; без постели, без уголка, где можно было бы приткнуться, чтобы приготовить уроки; непреходящий голод, нищета... Летом Александр возвращался в деревню к матери, где продолжал работать в колхозе.

Вообще семья Зиновьевых славилась на всю округу многовековыми семейными традициями, ведущее место среди которых уделялось воспитанию самых важных человеческих качеств — честности, верности, стойкости, бесстрашия, патриотизма и трудолюбия. Александр с детства формировался как сознательная личность, принимая лучшие идеалы и усваивая систему ценностей, которую прививала детям в довоенные годы советская школа. Уже в детском возрасте он в альтернативе «быть или иметь?» выбрал для себя непоколебимо «быть», а в другом выборе «слыть или быть?» — тоже «быть». И вот таким убежденным и последовательным идеалистом он остался на всю жизнь. С другой стороны, он на самом себе испытал все те трудности и невзгоды, которые нес с собой реальный коммунизм; он наблюдал их и в отношении близких ему людей, видел нищету, неравенство, несправедливость, обман, жестокость, лживость и лицемерие пропаганды. Как цельная натура, он, болезненно переживая чудовищность и противоречивость коммунистического Левиафана, с неизбежностью неотвратимости уже в школьные годы стал антисталинистом, видя в личности Сталина олицетворение всего этого зла. Критическое отношение к реальному социальному строю страны Советов, который он воспринимал (и впоследствии рассматривал сознательно) как образец реализации идей марксистского коммунизма, стало неотъемлемой частью его сознания. А стремление понять сущность этого строя стало всепоглощающей страстью его жизни.

Будучи убежден в том, что коммунизм в Россию пришел на века, и видя дефекты этого социального строя, он в ранней юности принял решение стать революционером, но уже в рамках самого коммунизма как результата революции 1917 года. Неудивительно и логично поэтому его участие в маленькой группе безусых заговорщиков, намеревавшихся совершить покушение на Сталина в 1939 году. Он был арестован по доносу друзей, но не за это намерение, а за

открытое выступление против культа Сталина и за распространение правды о колхозах. Ему, как человеку неординарных поступков, умеющему реагировать мгновенно, удалось бежать при сопровождении его из здания на Лубянке на специальную квартиру. По нему был объявлен государственный розыск. Скрывался он вплоть до начала войны. В войну органы государственной безопасности потеряли его след, а он прошел войну до Берлина. До самой смерти Сталина антисталинистская пропаганда была главным делом его жизни. В послесталинские годы его захватила научная и педагогическая работа, но все равно ее направление определялось стремлением Зиновьева к построению немарксистского мировоззрения и научной теории реального коммунизма. И по мере того, как он добивался успехов в своей научной деятельности и приобретал широкую известность (его логические работы переводились на многие языки, он стал приглашаться на международные конгрессы, о нем писали на Западе, по ссылкам на его работы на Западе он опередил всех советских философов), у него зародилась и стала крепнуть надежда на то, что ему удастся предать гласности его размышления о коммунизме и марксизме как советской идеологии. А обстановка в Советском Союзе стала эволюционировать в таком направлении, что стало возможно кое-что в этом духе высказывать публично, без тех тяжелых последствий, какие были бы неизбежны за несколько лет до этого периода.

Теперь же мне хотелось бы обратить ваше внимание на один фактор советской жизни, который игнорируется во всех (насколько мне известно) критических сочинениях о Советском Союзе и о коммунистической системе вообще, но который сыграл важнейшую роль в судьбе Александра Зиновьева. Я имею в виду социальную среду. Обычно советское население делили на злое высшее руководство, якобы насилующее добрый и сердечный невинный советский народ, являющийся жертвой руководства. В реальности роль руководства страны не сводится только к насилию над подвластным народом, а управляемый народ не есть некая гомогенная масса насилуемых жертв. Как заметил Александр уже в школьные годы, марксистская идея бесклассового общества, основанного на дружбе, взаимопомощи, справедливости, равенстве, не реализовалась в Советском Союзе и в принципе не могла быть реализована; и в советском обществе происходило расслоение на различные социальные категории людей с неодинаковыми условиями бытия; и в этом обществе было неизбежно социальное и экономическое неравенство; и в нем складывались привилегированные слои (если читателю не нравится слово «классы»). На себе самом он постоянно ощущал объективные социальные законы коммунистического строя и обнаруживал, фиксируя, их в окружающей реальности как ученый, разрабатывавший свою научную теорию советского общества. Реальный советский народ — он проявлялся в реальных советских коллективах с определенными отношениями между членами коллектива и между коллективом в целом и его отдельными человечками-винтиками. Реальный советский народ — это социальная среда из разнообразных объединений людей, служившая оплотом социального строя и образующая механизм власти общества над индивидами. Зиновьев явился первым в истории социальных исследований, кто детальнейшим образом исследовал этот феномен социальной структуры коммунистического общества.

В силу необычных обстоятельств личной судьбы Александр сформировался так, что с ранней юности оказывался в положении отщепенца, ярко выраженного индивидуума в предельном личностном выражении. Хотел он того или нет, он оказывался в коллективах, в которых ему приходилось работать, он вращался в социальной среде, с которой ему приходилось иметь дело. Именно его из ряда вон выходящие способности в тех сферах общества, которыми ему пришлось заниматься, невольно выталкивали его на роль отщепенца и усиливали ее помимо воли и стремления самого Зиновьева, прирожденного самоотверженного коллективиста

(sic!). Именно исследование социальной среды советского общества (коммунальное™, по терминологии А. А. Зиновьева) дало ему богатейший материал для будущих литературных сочинений и послужило отправным пунктом в его социологической концепции. Взаимоотношения с этой советской средой (с «народом»), а не с властями, послужили важнейшим фактором в том жизненном переломе Александра, о котором идет речь. Этот перелом произошел как бунт Зиновьева против негативных явлений в самом фундаменте советского общества, в самой его социальной среде, в самой толще «народа», а не против поверхностных проявлений закономерностей реального коммунизма в пресловутых нарушениях демократических прав человека и в отсутствии демократических свобод, как это имело место в случае с либеральной фрондой и диссидентством 60-х и 70-х годов. Его жизненный путь лишь случайно совпал с упомянутыми движениями, а его индивидуальная, сугубо внутрикоммунистическая душевная драма, отражавшая глубинный поток человеческой истории, была утоплена в поверхностной пене истории, порожденной «холодной» войной и изнурительным советско-западным противостоянием.

Хочу особо подчеркнуть, что Зиновьев был исторгнут из советского общества той самой средой, которая впоследствии стала подпиткой и опорой горбачевской перестройки и ельцинской антикоммунистической контрреволюции. Это было доказано всем ходом разворачивания и исполнения гонений и беспрецедентной травли моего мужа по крайней мере на протяжении нашей совместной жизни. Среда, бесталанная в творчестве, злобно-напористая в агрессивном желании извергнуть, выбросить из профессиональной деятельности (независимо от сферы приложения) мешающего своей яркостью и моцартовской гениальностью Зиновьева, эта среда использовала власть, чтобы избавиться от него, создав ему репутацию антикоммуниста и антисоветчика. Пикантно: та же самая среда, успев наспех перекраситься и перелицеваться в годы перестройки, превосходно, инициативно, сыграла антисоветскую и антикоммунистическую роль через какие-то десять лет, открыто заявив об отрицании коммунизма и советизма и представив в свою очередь «антикоммуниста и антисоветчика» образца 1978 года Зиновьева уже, пользуясь красотами перестроечного новояза, как закоренелого «красного», как «коммуняку» и «совка» 1989 года. Ах, господа-товарищи начитанные елдырины!

Теперь, я надеюсь, становится понятно, почему именно эта пресловутая среда советского (коммунистического) общества стала основным объектом внимания Зиновьева-писателя. Любопытна реакция видного представителя этой среды, ставшего прототипом для одного из литературных персонажей «Зияющих высот», назвавшего эту книгу Зиновьева доносом на советскую творческую интеллигенцию. Удивляет одно: жертвой этого «доноса» стал тот, кто «доносил», а герои «Высот», т. е. те, на кого был «донос», и те, кому он якобы предназначался, дружными совместными усилиями расправились с «доносчиком» и более того, вскоре — не прошло и десяти лет — в своем озверело-зоологическом антикоммунизме и яростном антисоветизме значительно превзошли как осуждавшихся ими диссидентов, так и стоявшего особняком Александра Зиновьева. Чтобы разобраться в этом кажущемся парадоксе советской истории, необходимо внимательно прочитать сочинения Александра Зиновьева, где этот «парадокс» разъясняется исчерпывающим образом, начиная с так называемого молекулярного уровня.

* * *

Переход из логики в литературу явился проявлением глубочайшего душевного перелома в жизни Александра Александровича. Поэтому я отвергаю самым решительным образом всякие параллели и сравнения его творчества и судьбы с судьбой тоже логика и тоже писателя Льюиса Кэрролла. В судьбе последнего не было той драмы, через которую суждено было пройти автору «Зияющих высот».

Драма Зиновьева — это драма советского общества, драма советской истории, которая в значительной степени и определяла развитие и направление его душевного перелома.

Ко всем выше вкратце упомянутым элементам жизненного пути Зиновьева, определившим особенность формирования его личности и специфику его творчества, необходимо добавить позднее расцвет диссидентского движения, усиление репрессий со стороны властей против либеральных и критических тенденций в умонастроениях советских людей, эмигрантскую волну 60 — 70-х годов, превратившуюся в массовый исход и принявшую характер социальной эпидемии. И хотя Александр стремился оставаться в стороне от диссидентства, тем не менее к началу 70-х годов у него созревает острый конфликт с либеральной фрондой и коллегами по профессии. За его непохожесть и отличие от среды ему упорно создавали репутацию «внутреннего эмигранта», что само по себе было вполне достаточным поводом для КГБ постоянно отказывать ему в поездках на международные профессиональные встречи. Поэтому, показывая каким-нибудь гостям карту мира с непонятными значками, мы шутя называли ее «картой непоездок» Зиновьева на международные конгрессы, встречи и коллоквиумы за границей. Вспоминается эпизод, когда Александр, будучи заведующим кафедрой логики в МГУ, отказался уволить двух преподавателей — Юрия Гастева и Виктора Финна, связанных с диссидентами, за что был, естественно, сам немедленно снят с заведования кафедрой с соответствующей времени и событиям формулировкой.

Потом, как-то вроде бы автономно, стали возникать проблемы с публикацией его научных работ, не имеющих абсолютно никакого отношения к политике и идеологии: достаточно взглянуть хотя бы на одну страницу его профессиональных публикаций по логике, чтобы суметь заподозрить все эти формулы и значки в подрывных намерениях. Впрочем, басня «Волк у ручья» проливает какой-то свет на поведение тех, для кого Зиновьев был виноват уже тем, что им хотелось кушать... Стали откровенно чиниться препятствия для его студентов и аспирантов, и им приходилось менять научного руководителя, менять мировой известности школу Зиновьева на пристанище серых профессиональных бюрократов от науки.

Будучи человеком вкуса и исторической памяти, он выразил протест против непристойного заискивания перед Брежневым в «либеральном» журнале «Вопросы философии», членом редколлегии которого он был. Дело в том, что число ссылок на Брежнева в те времена на страницах «Вопросов философии» намного превысило число сносок на Сталина в махровейшем журнале «Под знаменем марксизма», бывшем для всех просвещенных и передовых мыслителей-шестидесятников символом мракобесия. Как и следовало — но не хотелось! — ожидать, в журнале перестали печатать статьи не только представлявших их авторов, но и работы самого Зиновьева. Ну и, естественно, философская принципиально-либеральная, откровенно заискивавшая перед властями, среда среагировала рефлекторно: протест Александра Зиновьева был определен как предательство общего дела (какого?). И тут уж ничего нельзя было больше поделывать: практически развернулся так долго сдерживавшийся и ожидавшийся с нетерпением бойкот Зиновьева. Лишившись элементарной защиты от атак на него со стороны коллег, Александр Зиновьев буквально сбрасывается профессиональным гиенам на растерзание. Как он часто с тоской повторял: «Господи, хоть бы было с кем достойным сражаться, чтобы враг был тебе адекватен... А то тут — одни пигмеи!» Да, верно, пигмеи, но их было видимо-невидимо, целый океан мелкой копошащейся и изнывающей от профессиональной импотенции и адской зависти серой никчемности, которая своей массой являла огромную уничтожающую силу.

В начале семидесятых годов он оказался в идейной, психологической и творческой изоляции в своей стране. Одновременно к нему сильно возрос интерес на Западе. Переводились его логические сочинения, участились приглашения на конгрессы и на постоянную работу. В пе-

риод 1971 — 1973 годов Александр написал целый ряд публицистических статей, которые были опубликованы в Польше и Чехословакии, — эти страны тогда играли роль посредников между Россией и Западом, роль своего рода полу-Запада. В эти же годы он часто выступал с публичными лекциями на самые различные темы, и лекции имели ошеломительный успех, в них Зиновьев проявил свои способности блестящего, легкого, увлекательного лектора, превращавшего свои выступления в интеллектуальные концерты. Обычно он импровизировал. По моему настоянию он стал некоторые из них записывать, обрабатывая их литературно. Они распространялись в «самиздате», имя автора при этом, конечно же, не указывалось. Многие, кому довелось читать эти сочинения (для них невозможно найти общее литературное название), давали им восторженную оценку именно как литературным произведениям. Часть этих сочинений потом без изменений вошла в «Зияющие высоты» в качестве самостоятельных глав, что вообще характерно для структуры и стилистики этого произведения.

Вследствие освобождения от заведования кафедрой, потери всех аспирантов и студентов, вынужденного сокращения лекций и освобождения от ряда обязанностей на работе, у Александра Александровича наконец-то образовалось свободное время, которое он мог беспрепятственно и безраздельно посвятить творческой деятельности, выходящей за рамки привычной профессиональной работы.

Вот таким образом и сложились все предпосылки для того, чтобы Зиновьев начал писать книгу. Мысль о такой книге у него появлялась не раз и до этого. Помню, однажды, когда мы жили в однокомнатной квартире на улице Вавилова и когда нашей дочери Полины еще и на свете не было, он предпринял попытку в этом духе, но она не удалась, — наверно, недоставало целого ряда условий, не сложились те исключительные обстоятельства, когда «сегодня рано, а послезавтра уже поздно», а главное — не было внутреннего убеждения, решимости начать дело и полной уверенности в том, что удастся создать нечто особенное. Теперь же эти условия были налицо, а потребность высказаться подмяла под себя все остальные соображения и отменила всякие сомнения. У него и название было для задуманной книги: «Зияющие высоты». Он носил его в себе еще с 1945 года, когда начал интенсивно заниматься литературным творчеством. Название, ставшее после публикации книги нарицательным и воспринимавшееся читателем как адекватное определение Советского Союза, он образовал из выражения «сияющие высоты», к которым нас, советских людей, заселивших одну шестую часть Земли и продуктивно снабжавших исторически-политически-социальное пространство вокруг нас такими плакатными и кумачовыми перлами, неумоимо призывали наши мудрые и бдительные вожди-руководители, которые точно знали, чем лучше всего заполнить сознание людей, не всегда согласных с реальностью.

1974 год — год написания Александром Зиновьевым «Зияющих высот». Книга захватила его целиком и полностью, захватила и меня. Одержимость и опаленность дыхания — вот, пожалуй, наиболее точное определение тому состоянию, в котором мы находились тогда. Это было как наваждение, это было выше наших сил, мы оба были абсолютно подвластны тому стремительному, властному потоку, который потом определился как КНИГА. Александр жил ею, дышал ею, думал о ней, мысленно и на бумаге отдельными штрихами, словами, обрывками фраз, стенографическими значками и логическими символами помечая мысль, сюжет, идею и образ этого грандиозного построения. На работе, дома, в пути, в гостях, на прогулке с Полинкой (ей не было и трех лет). До сих пор я поражаюсь одному: как наше окружение по сути не заметило, просто-напросто проморгало это наше лихорадочно-психологическое состояние? Александр работал днем и ночью, ощущение было такое, словно долго сдерживавшаяся лави-

на мыслей («литературная пауза» длилась все же почти тридцать лет!) вдруг прорвала плотину и устремилась неудержимым потоком на бумагу... Набросанные куски, отрывки, порою — строчки, он читал мне, если они были уже записаны, диктовал мне, диктовал, принимая горячую ванну. Уму непостижимо, как он выдерживал эту температуру воды — практически кипятик. Теперь, после трех с лишним десятилетий совместной жизни, я этому удивляюсь меньше, хотя он остается верен этой своей привычке и сейчас, когда ему необходимо концентрированно и напряженно поработать над какой-нибудь особенной идеей, а так как мозг этого удивительного человека — генератор мыслей — работает неумолимо, перелопачивая и выдавая на-гора результаты, которых хватило бы на творческую деятельность десятков людей, то можно понять, почему он по крайней мере через день проводит десять-пятнадцать минут в брутально-горячей воде: эта процедура помогает ему, по его выражению, «расширить мозговые пазухи». Случалось, он диктовал мне глубокой ночью, и я при этом не протестовала: рождалось нечто необыкновенное, и мое участие в этом процессе превращало мою жизнь в жизнь избранную, возвышенную, исключительную. Сан Саныч, как к нему обращались студенты, сказал как-то об этом периоде, что он лично переживал его так, как будто это был его последний боевой вылет на штурмовку важнейшего объекта противника (сравнение понятно, если вспомнить, что во время войны он был летчиком штурмовой авиации).

Написанное или продиктованное я в срочном порядке перепечатывала на машинке (вот где пригодилась моя скоростная машинопись) и прятала. Слово «прятала» тут принципиально важно. Условия, в которых писалась книга, были таковы, что в истории литературы навряд ли найдется другой писатель, сумевший создать сочинение такого масштаба в таких условиях. Александр никогда не скрывал своего критического отношения к советскому социальному строю, образу жизни и идеологии. Так как он открыто проявлял это в общении с друзьями, коллегами и знакомыми (его «фольклорная» деятельность), то вовсе не удивительно, что его считали, по выражению того времени, «политически неблагонадежным», естественным следствием чего являлось пристальное внимание к нему со стороны органов государственной безопасности, а буквальное воплощение этого внимания — небезызвестные осведомители («стукачи»), какими в те годы кишело советское общество, в особенности — интеллигентская среда. Советские власти по горло уже были сыты диссидентами и бунтовавшими деятелями культуры, понятны поэтому превентивные меры, принимавшиеся ими, дабы предотвратить новые случаи такого бунтарства. А характер, убеждения и способности Александра Зиновьева увлекать за собой людей были хорошо известны в среде тех, кто так или иначе имел дело с властями. Поэтому ему внимание со стороны властей было гарантировано, более того: оно было усиленным. Ощущалось оно по-разному — как во множестве мелких, так и в серьезных делах. Это, например, методичные запреты на поездки на Запад на профессиональные встречи и *de facto* прекращение публикаций его научных работ. Короче говоря, как было заявлено одним из знакомых «аппаратчиков», в ЦК было принято решение «не допустить создания культа Зиновьева».

В самом начале, когда Александр только начал писать «Зияющие высоты», он зачитал несколько отрывков одному близкому другу. Замечу кстати, я специально просила его никому пока ничего не показывать. «Нельзя же быть такой перестраховщицей!» — таков был ответ мужа, человека обычно сдержанного в вопросах, касающихся планов на будущее. Но дело-то именно в том, что все, связанное с «Высотами», не было обычным. Понятно, естественно, что ему хотелось увидеть, услышать другую реакцию, реакцию друга... К сожалению, я оказалась права. Его импульс был ошибочен: «друг» оказался гражданином с безотказным советским чутьем на «запретное», т. е. случилось именно то, чего я так опасалась, — друг проинформировал соответствующую организацию, что Зиновьев сочиняет «разоблачительную книгу». Так вот и произошло, что после этих «дружеских слушаний» надзор за мужем со стороны КГБ

усилился и стал носить уже регулярный характер. Нам стало ясно, что наше единственное и бескомпромиссное спасение — скорость. Надо было во что бы то ни стало опередить пресекающие меры органов, чьей властной прерогативой было помешать появлению книги (что с их арсеналом средств было весьма возможно). Александр лихорадочно писал, я стремительно перепечатывала, наши верные знакомые в самом срочном порядке переправляли уже сделанное кусками во Францию. Здесь были и русские, и французы, и итальянцы. Марина Микитянская, моя подруга-сокурсница по философскому факультету, где мы учились на вечернем отделении, впоследствии ставшая женой замечательного человека Жильбера Карофф, была нам очень близка по духу и настроениям; человек начитанный, умевшая жертвовать собою ради друзей — и в больших делах и в малых — она внесла значительную лепту в этот процесс.

Основную работу в этом непростом деле с большим риском для себя выполняли наши французские друзья — мальчики и девочки, приезжавшие в СССР, чтобы на деле понять то, что они изучали в своих лицах о России и о Советском Союзе, о литературе, давшей миру такие фигуры, как Радищев, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Чехов, Горький, Шаламов, Солженицын... Удивительный энтузиазм в познании незнакомого русского феномена, жадность ко всему новому, чем болела и о чем до хрипоты спорила на кухнях московских, курских, пятигорских, владимирских, черновицких квартир советская интеллигенция, глубокая честность и исключительный такт и порядочность, — вот те основные черты, характеризовавшие наших друзей-славистов, журналистов и помощников, многим из которых тогда было не более 20 лет. Особую роль в нашей жизни в тот период, да и по сегодняшний день суждено было сыграть моей очень близкой подруге, дорогому человеку, впоследствии ставшей крестной матерью Полины. Это — Кристина Местр, заразившая своей увлеченностью всех своих друзей, которые без страха, неутомимо, день за днем, страничка за страничкой перевозили на Запад огромную рукопись, бескорыстно, не задавая вопросов.

Спасибо всем вам: тебе, Кристина, тебе, Марина, спасибо вам, дорогие Франсуазы, Элен, Митя, Андрей, Серж, спасибо тем, чьи имена я не упомянула, но кого помню и всегда буду рада принять у нас дома, опять в Москве, но теперь уже 25 лет спустя после выхода «Высот». Тема моей особой благодарности всем друзьям — моим и нашим — слишком велика, чтобы я могла позволить себе ограничиться одной фразой. Я обещаю вернуться к ней, но в другой, моей книге. Потом.

В общей сложности Александр на написание книги потратил где-то около полугода, но если бы он растянул этот процесс на более длительное время, то почти со стопроцентной уверенностью можно было бы утверждать, что тогда ни писатель, ни социолог Зиновьев на свет не появился бы. Какому стукачу, коллеге, знакомому пришла бы в голову мысль, что за такой блиц-срок может быть написана ТАКАЯ книга? Они прозевали рождение феномена Зиновьева, хотя сражались с ним с 1939 года. Если бы они предположили такое развитие сюжета, то уж наверняка бдительное советское общество сделало бы все от него зависящее, чтобы помешать этому. Поэтому триумфальное появление «Зияющих высот» было полной неожиданностью для всех, включая профессиональную среду, диссидентов, эмигрантов, советологов, кремленологов и саму советскую власть. Всего несколько человек знало о частях, главах некоей рукописи. Единственным читателем, соучастником, сопереживателем и критиком во всем грандиозном объеме этого явления с самого начала до выхода «Высот» в свет в силу обстоятельств, связавших нашу жизнь вплоть до сегодняшнего дня, довелось быть только мне. Какие чувства я испытывала и испытываю и сегодня, можно догадаться. Да я их, в общем-то, и не скрываю.

Условия, в которых писались «Зияющие высоты», в значительной мере определили форму книги. От начала до последней точки не могло быть уверенности, что удастся написать большую книгу: ведь процесс создания мог быть прерван в любую минуту и, кстати, не по нашей воле. Каждый фрагмент писался так, что, случись нечто непредвиденное, он смог бы

стать последним. Потому книга получилась как сборник из нескольких самостоятельных (из пяти) книг, и каждая из них, в свою очередь, как подсборник, или альманах, куда входили короткие произведения — новеллы, очерки, фельетоны, памфлеты, анекдоты, стихотворения. Сюжет в общепринятом, обычном смысле тут играл роль второстепенную. Единство же тексту придавали стройность и последовательность идей и персонажей, стиль языка, вектор и раскручивание мысли, сам способ мышления автора.

Считаю необходимым добавить следующее, немаловажное, замечание. Зиновьев писал сразу, без исправлений, как есть, как изливалось и выростало в объемный поток первого романа XXI века, — так назвала его восторженная пресса 25 лет назад. Всю редакторскую, критическую, корректорскую работу приходилось делать мне, причем — в ходе перепечатывания рукописи: ни до, ни после у меня не было физически и фактически времени на это, т. к., как я уже говорила выше, все тут же уходило из нашей квартиры, где нельзя было хранить ни строчки. В каких условиях я работала, очевидно, придется писать еще особо. Хочу только очень коротко остановиться на специфике. Печатать надо было без свидетелей. Когда? Ясно, что ночью, когда уже спала моя мама, жившая тогда вместе с нами на улице Кедрова в еще не отобранной властями квартире; когда уже посапывала, разметав косы по подушке, наша Потя-Полинка; когда спали бдительные соседи, обычно днем не спускавшие с нас глаз. Где и как? Конечно же на кухне! Машинку я обкладывала подушками, под стол подстилала одеяла, дверь на кухню баррикадировала подушками с бордового дивана из гостиной (диван потом, когда власти лишили нас крыши над головой, уехал в почетную ссылку к Асе Фединой, верному нашему другу, человеку редчайшей порядочности). В кухне делали «темную», дабы свет в окне не привлекал ненужного внимания в доме напротив. Одновременно я печатала логическую книгу Александра Александровича, с тем чтобы когда меня спрашивали (что случалось почти ежедневно): а что это я все время что-то печатаю?, — то я могла бы в любой момент указать на стопку уже напечатанной продукции по логике. Что и говорить, мало кто был способен на такое решение...

В начале 1975 года книга была закончена в том смысле, что, по нашим представлениям, было уже достаточно много подготовлено материалов для той самой КНИГИ. Все части рукописи были уже за рубежом и, как нам казалось, находились в недосыгаемости для КГБ. Черновики мы все уничтожили, что потом обошлось нам в несколько месяцев тяжелых переживаний, поскольку судьба рукописи, переправленной на Запад, нам была долго неизвестна.

Что же это была за книга, которую писал Зиновьев и которая получилась в результате на деле? С самого начала мы держали в голове мельчайшие детали замысла и его исполнение, мы хорошо знали характер книги и ее особенности, поэтому то, что получилось на деле, точно соответствовало тому самому начальному замыслу.

О «Зияющих высотах» после их публикации появилась огромная литература. Удивительно, однако, то, что самая главная их, именно литературная, особенность, как правило, выпадала из поля внимания. В качестве исключения можно сослаться на работы уже выше упомянутого английского ученого Майкла Кирквуда и отечественных авторов Карла Кантора, Леонида Грекова и Владимира Большакова. Карл Кантор возвращался к творчеству Александра Зиновьева неоднократно, всегда находя какие-то новые особенности, привлекавшие его новизной и яркостью, искренне отдавая должное огромному таланту и глубине мыслей писателя-современника, часто видя в работах Зиновьева именно то, мимо чего проходили критики-профессионалы. По скромным подсчетам К. Кантор написал где-то около дюжины блистательных со всех точек зрения статей, предисловий и послесловий к произведениям Александра Зиновьева.

Я хотела бы добавить несколько слов именно о литературной особенности творчества Зиновьева. Когда Александр начал писать «Зияющие высоты», к этому времени он имел за плечами более пятидесяти лет жизненного опыта, богатый опыт литературного фольклора и

научной работы, да еще плюс к тому разработанную теорию советского общества. Были, правда, некоторые колебания: писать ли научный трактат или литературное произведение. Но колебания отпали сами собой: начав писать практически, Александр стал писать и то и другое одновременно. Не параллельно роман и трактат, а в одном и том же тексте, вернее — один и тот же текст стал писаться и как научный трактат, и как художественное литературное произведение. Как в самом Зиновьеве совместились два творческих начала, казавшиеся (и считавшиеся) принципиально несовместимыми, так они и слились во единое в его произведении.

Александр сознательно писал роман, но роман особого рода — социологический. Надо сказать, что отношение социологического романа Зиновьева к социологии как науке похоже на отношение исторического романа к науке истории или психологического романа к науке психологии. Но в случае с «Высотами» дело не так обстояло, будто независимо и до него уже существовала социологическая наука о советском обществе, и от Зиновьева якобы требовалось лишь использовать ее результаты в романе. Не было вообще такой науки, но была марксистская теория, которую, как известно, Зиновьев отверг как ненаучную. Опять же были сочинения советских философов, социологов, историков, чью деятельность Александр Зиновьев трезво и беспощадно расценивал как идеологическую апологетику советского коммунизма. Кроме того, были сочинения западных теоретиков, которые он тоже отвергал как идеологически ложное изображение советской реальности. Я хочу особо обратить внимание читателя на тот факт, что научное понимание советского общества как общества коммунистического Александр Зиновьев начал разрабатывать **впервые в истории науки сам**. Перед ним встала проблема изложения результатов своих исследований в форме, доступной для других людей, и он в качестве таковой избрал особую литературную форму. Он изобрел ее, введя в литературу особый, абсолютно **новый, стиль языка и мышления**, которым он владел высокопрофессионально, — научный стиль образного мышления, или образный стиль научного мышления. И первым образцом этого творческого открытия явились «Зияющие высоты». Не ищите, многоуважаемые читатели, предтечу Зиновьева. Но он сам, в свою очередь, породил своим романом огромное количество последователей, заимствовавших, вернее, пытавшихся заимствовать этот стиль, наивно полагая, очевидно, что нет ничего легче подражания с претензией на оригинальность без ссылки на первоисточник. Можно украсть (именно украсть), переписать абзац, страницу, главу, но стиль мышления, атмосфера лаборатории мысли, которая породит потом целую серию литературных шедевров, кроме этого первоисточника, не поддается бессовестному воровству. Этот первоисточник не поддается подражанию по определению, по совокупности всех тех особенностей научной судьбы и причудливости жизненной линии, кои в своей сложнейшей и неповторимой совокупности и подарили миру феномен Александра Зиновьева. Так вот, повторяю, первой продукцией, первым образцом этого творческого открытия для подражания и заимствований без ссылок, как это будет потом сопровождать все его литературное творчество (что ранее было характерно для логических работ Александра), явились «Зияющие высоты».

Социологический роман Александра Зиновьева отличается от обычного романа (включая социальные романы, вышедшие из-под пера Достоевского, Толстого, Тургенева, Рабле, Свифта) как по содержанию, так и по изобразительным средствам. Литературными персонажами в нем становятся социальные объекты, определяемые социологическими понятиями, и объективные социальные законы. Люди в нем фигурируют лишь как представители различных социальных категорий, как носители социальных закономерностей и материал их функционирования. А с другой стороны, традиционно литературные средства (образы, метафоры, стихи, новеллы, анекдоты, фельетоны) становятся средствами выражения научных социологических понятий, утверждений, теорий и гипотез. Примеры тому читатель может в изобилии найти во всех уже опубликованных литературных сочинениях. Сам автор назвал такое использование разнообразных литературных средств **синтетическим литературным методом**.

Отмечу еще одну характерную черту литературного метода Зиновьева — спокойное, даже холодное (беспристрастное) изложение идей, как-то незаметно превращающееся в бичующую сатиру. Зиновьев-писатель не разоблачитель: то, о чем он писал, так или иначе было известно. Важно то, как именно он писал об известных явлениях жизни: он изображал их так, что они представляли перед читателем в совершенно новом, непривычном виде. Сатира Зиновьева обнажила особые свойства этого жанра, присущие только этой авторской сатире: она обнажала социальную сущность описываемых явлений, которая сама по себе была такой, что ее правдивый образ выглядел как разоблачение, как сатира, даже как карикатура. Сатира Зиновьева является компонентом особого, зиновьевского «поворота мозгов» (как он иногда выражается), позволяющего отбросить привычное, обыденное понимание и восприятие, отбросить шаблоны и предрассудки. Посмотреть на мир новым, незамутненным взглядом. Этой своей талантливой способностью такого зрения он напоминает мне всегда мальчика из сказки Андерсена «Новое платье короля», который увидел, что король был голым. Зиновьев видит насквозь, видит сущность, видит главное, и от этого его умения видеть так, как не могут видеть другие, становятся до разоблачительной прозрачности очевидными скрытые процессы, хитроумные уловки, коварные затеи. Для многих, так или иначе оказавшихся разоблаченными этой способностью Александра видеть то, что тщательно скрывается от общества, от коллег, от самих себя, он, конечно, неприемлем, неприятен — как честный врач, беспощадно ставящий диагноз.

Когда Александр Зиновьев начал писать «Зияющие высоты», в мире уже были широко известны книги Солженицына и десятков других советских и западных авторов, разоблачавших ужасы сталинского периода. Такого рода разоблачениями были переполнены средства массовой информации на Западе, западная пропаганда на Советский Союз, «тамиздат» и «самиздат». Писать очередную разоблачительную книгу в духе сочинений этого потока было бессмысленно, тем более что Зиновьев никогда не ходил дорогами, уже протоптанными другими, — наоборот, это он всегда выбирал свой путь, по которому потом за ним пытались идти другие. К тому же что касается разоблачения того периода жизни СССР, который обычно связывался с именем вождя всех народов, да к тому же в условиях, когда Сталин был уже мертв, когда уже было позволено и даже в некоторой степени поощрялось критическое отношение к сталинизму, — все это было не в стиле и не в характере Зиновьева. Он был активным антисталинистом, когда это было смертельно опасно, теперь же объектом его критики могли стать не крайности коммунизма, а нормальное, здоровое, развитое коммунистическое общество, каким советское общество стало в брежневские годы, т. е. фундаментальные закономерности реального коммунизма. Наиболее подходящей литературной формой тут мог стать именно социологический роман, который, как потом оказалось, и был наиболее опасной для автора формой. Я имею в виду последствия этого выбора для всех нас.

1975-й и начало 1976 года были для нас на удивление относительно спокойными. Рукопись «Высот» блуждала где-то на Западе. Как нам сообщили друзья, занимавшиеся книгой, все русскоязычные издательства отказались ее печатать. Те куски рукописей, которые успели оказаться в КГБ, были отданы на отзыв рецензентам этого ведомства, которые, как мы узнали позднее, сообщили, что эти сочинения Зиновьева не имеют никакой научной и литературной ценности, что не помешало, впрочем, некоторым из «экспертов» позаимствовать из этих отрывков немало для своих сочинений. Как ни парадоксально, но такие отзывы сыграли для нас и положительную роль: власти боялись не того, что сочинения Зиновьева будут опубликованы на Западе, а того, что — чур меня! — они будут иметь успех. Поэтому отказ русскоязычных издательств печатать «Высоты» был особенно успокоителен для КГБ. И, что уж совсем удивительно, профессор Зиновьев получил разрешение на поездку в ГДР, где были опубликованы его логические книги. В Советском Союзе его наградили даже медалью в связи с юбилеем Академии Наук СССР.

Но 1975-й год приносил сюрпризы и другого рода: стало известно о пропаже двух частей «Зияющих высот». Восстанавливая их, Александр написал книгу «Светлое будущее», сыгравшую впоследствии столь драматическую роль в переломе нашей судьбы, и сделал черновой набросок для книги «Записки ночного сторожа». Опубликованы они были уже после выхода «Высот» (соответственно в 1978 и 1979 гг.). Книга была переведена на многие языки мира, стала бестселлером, имела огромную прессу, была удостоена ряда литературных премий, включая очень престижную премию «Медичи» во Франции.

Как я уже говорила, наступила «спокойная» пауза. Судьба книги была неопределенна. Александр говорил тогда, что если книга будет напечатана и ее прочтет хотя бы десять человек, он будет удовлетворен. Я знала с первой строчки, что книга будет иметь огромный успех, мне был очевиден ее невероятный, ошеломительный содержательный и языковый размах. Какими колоссальными литературными потенциями обладал Зиновьев, я чувствовала это, потому и поддерживала его всячески в развитии его необыкновенного таланта, хотя сам он еще не ощущал по-настоящему, что в его жизни уже произошел перелом. Вообще-то Александру Александровичу скорее свойственно недоверие к своей звезде, его бывает трудно убедить в очевидности успеха какого-либо мероприятия, связанного либо с его произведениями, либо с грядущими позитивными изменениями в его судьбе. Может, он и прав, может, тут срабатывает древняя крестьянская хитрость, не слезить бы, а может (и наверняка это так) это просто-напросто опыт прожитой жизни, которая была щедра скорее на сюрпризы негативного характера. А пока продолжалась эта «спокойная» пауза, он продолжал заниматься логикой, готовя к изданию на английском и немецком языках книгу «Логическая физика»...

Но вот весной 1976 года нам сообщили, что нашелся издатель, готовый издать «Зияющие высоты». От Александра требовалось дать согласие на это. Мы не спали всю ночь, обсуждая решающую для всей нашей дальнейшей жизни проблему, отдавая себе отчет в том, какими будут последствия этого решения для нас. Уже серел рассвет, когда он после всех «за» и «против» изложил мне свою версию нашей будущей судьбы, если мы принимаем решение — печатать: мы теряем все, чего достигли; его увольняют с работы; заключение или лагеря на 10 — 12 лет; меня с Полиной высылают из Москвы; не исключено, что нас обоих лишают родительских прав... И потом он сказал, что право решения в силу соучастия в этом эпохальном сюжете нашей жизни принадлежит мне, и ответственность за семью лежит на мне. Мне решать: печатать «Высоты» или нет. Я задала ему вопрос: «Сможешь ты спокойно после всего этого жить, зная, что «Зияющие высоты» написаны и могут быть напечатаны, но останутся неопубликованной рукописью в твоём письменном столе?» Он ответил: «Нет, не смогу». Не было надобности драматизировать то, что мы и без того прекрасно понимали. Я подвела итог нашему обсуждению: даем согласие на публикацию книги.

Наконец, 26 августа 1976 года западные радиостанции объявили о выходе в свет в Швейцарии в издательстве «L'Age d'Homme» книги русского писателя Александра Зиновьева «Зияющие высоты». По радио о ней рассказал писатель Владимир Максимов, живший в Париже. «Запомните это имя», — сказал он, назвав имя моего мужа.

Так на свет появился писатель Александр Зиновьев. Имя издателя, которому он обязан своим возникновением в литературе, — Владимир Димитриевич. На плакате, выпущенном по поводу выхода «Зияющих высот» в свет, стояли слова: «ПЕРВЫЙ ПИСАТЕЛЬ XXI ВЕКА».

Александр Зиновьев пробился в логику благодаря помощи и поддержке поляков, американцев и немцев, а в литературе — благодаря французам, швейцарцам, итальянцам и представителям других народов. Россия задушила его как логика, а как писателя и социолога вообще не допустила к жизни. Литературной родиной писателя Зиновьева стали Швейцария и Франция, главную роль в появлении его как писателя сыграл Владимир Димитриевич, которому мы обязаны гораздо большим, чем книгоиздание. Владимир пошел на риск издания «Высот», хотя

хорошо знал, что не нашлось ни одного европейского или американского издательства, согласившегося печатать этот роман. Владимир поверил в своего автора, поверил на всю жизнь, сумев издать такое множество книг Александра, что вообще редко случается с социальными писателями. Владимир Димитриевич (Димитри, как все его называют во Франции и Швейцарии) родом из Югославии, он серб. Его отец сидел в тюрьме вместе с М. Джиласом в годы правления Тито. В 19 лет Владимир бежал из Югославии в Италию и затем — в Швейцарию, где он живет и работает по сей день. Человек большого природного ума, он самостоятельно приобрел превосходное гуманитарное образование и стал тончайшим знатоком литературы. Он является одним из самых литературно образованных людей нашего времени, каких я встречала в жизни. Энтузиаст-библиофил, человек безупречного эстетического вкуса, начитанный, кажется, знает все о всех достойных книгах, которые когда-либо появлялись в печати. Реакция его на первые же страницы рукописи, как только она оказалась в его руках (это произошло в Париже), чтобы оценить и понять, что же это за книга, была мгновенной: он позвонил в Лозанну, где находилось его издательство, и, ликуя, прокричал, что он, наконец, получил «Ее». Говоря «ее», он имел в виду именно такую книгу, «его книгу», которую в течение многих лет он мечтал издать, и в издательстве знали это.

Об эффекте разорвавшейся бомбы я уже говорила вначале, сравнивая реакцию на выход «Высот» именно с бомбой. Детонация от взрыва, если продолжить сравнение, — сотни статей и речей, конференций, группы поклонников, семинары, молниеносные переводы на множество языков планеты. Русскоязычная же пресса встретила появление Зиновьева как писателя враждебно или, в лучшем случае, сдержанно. Он и в этой среде оказался явлением чужеродным. Как писали в некоторых газетах, Зиновьев-писатель «проскочил» по ошибке, по недосмотру. Кого? На сей раз имелись в виду «генералы» диссидентства и советологов. Но «проскочив», Александр Зиновьев занял прочное и почетное место в западном просвещенном мире, а также в определенных кругах людей в Советском Союзе и в советской эмиграции прежде всего как писатель, как феномен литературы. Лишь позднее, оказавшись на Западе, он во всю свою гигантскую силу заявил о себе как блистательный публицист и выдающийся социолог. Как писателя его ставили в почетный ряд с Рабле, Свифтом, Франсом, Салтыковым-Щедриным и другими великими писателями прошлого. К этим оценкам прибавилась еще и другая, но уже как социолога, когда его стали называть «Моцартом социологии».

Ну а пока мы были еще дома, на Родине, где реакция на «Зияющие высоты» была прямо противоположной той, какую они имели на Западе. На автора беспрецедентно известной книги, бестселлера, обрушились соответственно зарубежной славе беспрецедентные по драматичности и по нелепой убогости репрессии. Беспрецедентность их заключалась в том, что инициатива по ним исходила из той среды, о которой я упоминала выше, из среды, которой не угрожали никакие наказания сверху, т. е. не со стороны властей, которые по-своему даже сдерживали эту разбушевавшуюся массу, требовавшую самых суровых мер в отношении отщепенца Зиновьева. Драматичным было изгнание его из Института философии АН СССР, из университета, лишение всех научных званий и правительственных наград, в том числе — и военных. Нелепым и убогим я назову разжалование в рядовые (это капитана авиации, летчика штурмовой авиации, участника Великой отечественной войны), повышение квартплаты, т. к. лишению званий доктора и профессора Зиновьеву не было положено бесплатное пользование кабинетом размером в 8 кв. м, изгнание нас как врагов народа из поликлиники Академии наук и тому подобные жалкие по безнадежности и мелкости, но ощутимые укусы...

Мало было уволить с работы, лишить всех степеней и званий. Старательные исполнители, сжигаемые праведным огнем возмущения на бывшего коллегу, бывшего друга или бывшего учителя Зиновьева, бескомпромиссно и дерзновенно осуществлявшего на экстремально высоком уровне свой категорический императив «быть во что бы то ни стало!», решили пойти

дальше: объявить его исследования не имеющими никакой ценности, а имя — буквально вычеркнуть из советской науки, ну а пожелания из области «поставить к стенке» себя тоже не заставили ждать.

Как мы и предполагали, над ним нависла угроза ареста, а мне недвусмысленно дали понять, что для меня найдется место на бескрайних просторах Сибири и Крайнего Севера, предварительно лишив меня единственной дочери. Мы оказались под таким надзором КГБ, что это фактически выглядело как домашний арест: тут были использованы все средства из необъятного арсенала преследований и репрессий, правда, должна сказать, что в нашем случае отдавали предпочтение методам психологического воздействия, которые не оставляли следов на теле...

Все эти меры явились следствием вовсе не того факта, что Зиновьев посмел опубликовать книгу на Западе, — его книги и до 1978 года печатались на Западе без разрешения властей, а книги других авторов десятками печатались за рубежом. По-моему, причиной такой зверской и единодушной реакции на появление «Зияющих высот» явился их необычайный успех на Западе, причем — успех не как привычного разоблачения всем и без того известных дефектов советской системы, но как описания социальных законов этой системы, сделанного в потрясающей литературной форме. Будь книга бездарной и не имей она такого успеха, никто не тронул бы Зиновьева даже пальцем, а среда, которая исторгла его из себя и обрушила на него свой гнев, в случае банального варианта была бы удовлетворена и успокоена ничтожностью сделанного им. Допускаю, что его провозгласили бы борцом против «режима», как, впрочем, уже было сделано неоднократно с множеством других разоблачителей.

Самое страшное преступление Александра Зиновьева состояло в том, что он обнаружил себя в литературе как величина огромного масштаба. То, чего он добился в логике, войдя в тройку ведущих логиков мира, огромно и революционно, но не так-то просто ухватить и переварить широкому кругу читателей: все же это очень специальная сфера науки. А в литературе, с ее средствами, возможностями, с резонансом на нее в журналистике, на радио и в телевидении и широта охвата читателя, да размеры тиражей его книг, — все это вместе превратило его в фигуру устрашающе огромную, подавляющего размера. Французская журналистка-литературовед Николь Санд одну из ее первых статей в «Le Monde» о творчестве писателя Александра Зиновьева назвала так: «Гулливер в стране лилипутов», и тем самым ответила на вопрос «кто есть кто».

В условиях надзора и в ожидании ареста Александр решил написать новую книгу, на сей раз — «настоящую». При этом он имел в виду работу в два этапа: сначала накопить большую совокупность хаотически написанных текстов, а затем обработать их в единую книгу по канонам литературы. В соответствии с этим решением он жил и работал с сентября 1976 года по сентябрь 1977 года. Много писал, мы это собирали и пересылали через разнообразнейшие каналы издателя. Удивительно, но основная часть материалов все же достигла нашего издателя, хотя, конечно, без потерь обойтись не могло. Пути этих посылок подчас напоминали запутаннейший лабиринт, страницы новой книги могли бы много рассказать о географии Европы и Нового Света. Мы тогда не раз вспоминали судьбу рукописи Шостаковича на ее пути из блокадного Ленинграда в Москву. Усиливалось ощущение надвигающегося ареста. Жестоко расправлялись с людьми, распространявшими «Зияющие высоты». Понимая все это, Владимир Димитриевич решил на всякий случай подготовить те материалы, что он получил из Москвы, к публикации — как своего рода литературный архив. Александр Александрович предложил название «В преддверии рая» и принципы упорядочивания заметок. Надо сказать, что большую часть материалов, дошедших до издателя, переправил на Запад Эрхард Хуттер, австрийский журналист, ставший крестным отцом нашей Полины. Хотя он был официально аккредитован в СССР, это не помешало КГБ, обнаружив роль Эрхарда в переправке материалов на Запад, выслать его из страны. «Многострадальный Хуттер» — так нарекли его в центральной

печати, придумав для оправдания высылки какие-то небылицы об иконах, о картинах и т. д., якобы контрабандой вывозившихся Эрхардом на Запад.

Ожидавшийся в сентябре 1977 года арест откладывался, несколько раз увозили в Лефортово, откуда можно было и не вернуться. На фоне явно затягивавшегося ожидания, изматывавшего нас до изнеможения, и вопреки полной неопределенности в отношении нашего будущего, Александр, человек железной воли и неукоснительной дисциплины, начал писать новую книгу, но, учитывая опыт с вышеупомянутыми заметками, писать начал небело, сразу. Писал в условиях еще худших, чем когда создавались «Высоты». Тем не менее, к лету 1978 года он написал основную часть книги под интригующим названием «Желтый дом», но до конца дописать не смог: в конце июля 1978 года нам предложили в срочном порядке выехать в Германию. Если бы мы отказались принять этот вариант, то нам бы угрожал тюремно-ссылный *modus*, о чем без церемоний и информировали представители власти, вручившие нам заграничные паспорта. Мы были вынуждены выбрать эмиграцию. Пересылкой рукописи «Желтого дома» занимался наш близкий друг Пьеро Остеллино, впоследствии занявший пост главного редактора «*Corigia della sera*». Его активность в отношении нас от КГБ скрыть тоже не удалось, но ему, в отличие от Эрхарда Хуттера, «повезло»: кончался срок его работы в СССР, поэтому власти, уставшие гоняться за западными журналистами, устраивать дополнительный обременительный скандал не стали.

Надо вообще заметить, что в отношении Александра всегда и во всем преобладал метод умолчания, чему есть объяснение: Зиновьев всегда был одиночкой и предпочитал идти своими неизведанными путями. Принципом его жизненной философии было утверждение: «Я есть суверенное государство из одного человека». Его врожденный аристократизм не позволял ему опускаться до публичных скандалов, он стеснялся известности, оставаясь сыном русского народа. Но все же главное тут не в этом, а в том, что именно он создавал. Так уж получалось, что о характере и масштабах его деятельности и знали и догадывались, поэтому принимали меры к тому, чтобы помешать Зиновьеву проявиться в полную, данную ему силу, уменьшить сделанное им, оправдываясь при этом интересами дела, спецификой времени, засильем и давлением властей там, наверху. Он сам ощущал это постоянно. Не случайно в своих сочинениях он неоднократно возвращался и подробнейшим образом анализировал этот социальный феномен.

И вот 6 августа 1978 года мы покинули Родину, за нами накрепко захлопнули ворота крепости — страны победившего социализма. Полистайте иностранные газеты и журналы того времени, и вы найдете там бездну информации о выпроваживании нас на Запад. На фотографиях можно видеть всех нас троих с двумя чемоданами, вмещавшими Полинкины рисунки и ее книги, да охапки цветов, — это все, что нам позволили увезти с собой. Все документы и, главное, рисунки Александра, несмотря на его сопротивление, мне все же удалось в свое время сохранить и переправить неофициальными путями. Александру Александровичу было почти 56 лет, мне — 33 года, а Полинке — около 7 лет. Впереди нас ожидала эмиграция длиной в 21 год.

Так началась наша эмигрантская жизнь. В начале сентября 1978 года в «Ведомостях Верховного Совета СССР» № 37 было опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР, подписанное Брежневым, «О лишении гражданства СССР Зиновьева Александра Александровича... за действия, порочащие звание гражданина СССР». Тогда стала понятна торопливость и лихорадочная суета в связи с нашим внезапным и навязанным властями выездом на Запад: так как к 6 августа 1978 года уже было принято и подписано это Постановление, согласно которому человек, лишенный гражданства СССР, должен быть выдворен за пределы Советского Союза, то оставаясь мы дольше на территории гостеприимной Родины, власти должны были бы применить к нам экстраординарные меры, превращавшие мужа в

великомученика при жизни со всеми вытекающими последствиями в смысле резонанса на Западе, что в тот момент было в высшей степени нежелательно для властей.

В течение первых двух лет Александр работал профессором логики в Мюнхенском и Оксфордском университетах, но обстоятельства нашей жизни сложились так, что основными сферами его деятельности стали литература, публицистика и социология. Сферы эти были тесно связаны, поскольку публицистика Зиновьева имела социологическое содержание, зачастую принимала форму литературных очерков и всегда была насыщена литературными фрагментами, а литературные произведения в значительной мере являлись переработкой публицистических и включали их в себя. С этой точки зрения, литературное творчество Александра Зиновьева выглядит как своего рода летопись событий нашего времени. Как «Евгений Онегин» называли «энциклопедией русской жизни», так, я считаю, «Зияющие высоты» и последовавшая за ними череда других произведений Зиновьева, — это энциклопедия советской жизни.

За время жизни в эмиграции Александр Зиновьев опубликовал более 30 книг, многие из них были бестселлерами и сразу переводились на иностранные языки планеты — от английского до японского. Число переводов точно установить нелегко, так как многие из них делались пиратским образом, и мы узнавали о них случайно, как правило, при подписании книг. Александр всегда с легкомыслием, если не с каким-то гусарским пренебрежением, относился к созданию архива, что часто служило причиной наших с ним бурных дискуссий. Мне стоило огромного труда, я имею в виду прежде всего сопротивление самого писателя, собирать его публикации и публикации о нем. Нас, конечно, по почте заваливали этой продукцией издательства, газеты и журналы, где публиковались сотни статей Зиновьева, его очерки и рассказы, где печатали обширнейшие материалы о нем, о его творчестве, многочисленные интервью с ним. Но все то, что мне все же удалось сохранить и собрать под нашу крышу, составляет никак не больше половины громады публикаций, связанных с творчеством Александра Зиновьева. И все, что я с такими ухищрениями сохранила, мы передали в «Бременский архив», который гарантирует полную сохранность, бережное и грамотное отношение не только к опубликованному, но и манускриптам автора, аудио-, видео- и фотоархивам. Инициатором и энтузиастом передачи нашего архива на вечное хранение в Бремен был Габриель Суперфин, человек феноменальной памяти, настоящий фанат, гроссмейстер архивоведения, бескорыстнейший и скромнейший служитель памяти нашего поколения. Но не только это выделяет его из среды его коллег по профессии: он сам по себе, с его необыкновенной судьбой диссидента, отсидевшего свой срок, но оставшегося честным, порядочным человеком, является знаменем нашего времени, времени сомнений и сопротивления, времени шестидесятников.

* * *

А теперь я приведу список литературных произведений Александра Зиновьева:

1. Зияющие высоты. 1976.
2. Светлое будущее. 1978.
3. В преддверии мая. 1979.
4. Записки ночного сторожа. 1979.
5. Желтый дом. 1980.
6. Мой дом — моя чужбина. 1982.
7. Гомо советикус. 1982.
8. Нашей юности полет. 1983.
9. Евангелие для Ивана. 1984.
10. Иди на Голгофу. 1985.
11. Государственный жених. 1986.

12. Рука Кремля. 1986.
13. Пара беллум. 1986.
14. Изюмовая бомба. 1987.
15. Живи. 1989.
16. Мой Чехов. 1989.
17. Исповедь отщепенца. 1990.
18. Катастройка. 1990.
19. Веселие Руси. 1991.
20. Смута. 1992.
21. Русский эксперимент. 1995.
22. Глобальный человек. 1997.
23. Новая утопия. 2000.
24. Затея. 2000.

Лишь последние две книги опубликованы после возвращения в Россию из эмиграции. Книги «В преддверии рая», «Записки ночного сторожа», «Изюмовая бомба», «Катастройка», «Мой Чехов» и «Затея» не вошли в собрание сочинений. Большинство книг были опубликованы в издательстве «L'Age d'Homme» Владимиром Димитриевичем одновременно на французском и русском языках. Книги «Исповедь отщепенца» и «Смута» были опубликованы в издательстве «Plon» в Париже, книги «Мой Чехов» и «Веселие Руси» — в издательстве «Complexe» в Брюсселе, книги «Государственный жених», «Рука Кремля» и «Изюмовая бомба» — в издательстве «Diogenes» в Цюрихе, книга «Русский эксперимент» — в издательстве «L'Age d'Homme — Наш дом» в Москве, книги «Глобальный человек», «Новая утопия» и «Затея» — в издательстве «Центрполиграф».

Интерес к литературному творчеству Александра Зиновьева на Западе был огромен. О нем печатались бесчисленные статьи, книги, рефераты, защищались диссертации. Нередко по числу откликов на свои книги он побивал все рекорды. Так, если оставить в стороне невероятный успех «Зияющих высот», на другую его книгу «Глобальный человек» в одной только Италии в течение недели после ее выхода в свет появилось более 50 рецензий. В числе авторов, регулярно писавших о нем, назову лишь некоторые имена:

A.Burgess, B.Pivot, V.Tarsis, S.Veil, H.Bienek, G.Laub, O.Filip, Ch.Janson, J.Elster, R.Hingley, C.James, W.Kasack, E.Hutter, J.Amalric, N.Sand, E.Silijanoff, J.-L.Kuffer, M.Gallo, A.Nekrich, G.Nivat, J.Altwegg, H.Ssachno, J.Scherer, F.P.Ingold, M.Heller, L.Schapiro, A.Kaempfe, M.Rosten, J.-P.-Morel, J.Leonard, J.Serke, H.Schmidt-Hauuer, A.Peyrefitte, A.Besancon, P.Hanson, F.Body, M.Kirkwood, C.Schwab, G.Urban, V.Strada, E.Herresch, B.Holmqvist, P.Genis, A.Veil, S.Hook, G.Andreev, F.Fassio и многие-многие другие.

Было много выступлений по телевидению и радио во многих странах мира. О Зиновьеве снимались телевизионные фильмы, устраивались литературные фестивали, его регулярно приглашали на различные конференции и индивидуальные выступления, куда собирались многие сотни, а порою — тысячи человек. Регулярно приглашался он почетным гостем в важные учреждения и организации европейского и мирового масштаба. Александр удостоился престижных литературных премий, в том числе «За лучший европейский роман» в 1978 году, «За лучший научно-фантастический роман» в 1980 году, «Prix Medicis» в 1979 году, «Tevere» в 1992 году и многие другие.

Александр Зиновьев избран в Баварскую академию искусств и Римскую академию, награжден медалями и званием почетного гражданина папских городов Равенна, Оранж и Авиньон. Все годы эмиграции писатель и ученый Зиновьев функционировал в высокой, я бы сказала, посольской, роли, на которую навряд ли его допустили бы, окажись он на бескрайних

просторах Крайнего Севера или за бетонными стенами какого-нибудь сибирского каземата, если бы мы приняли альтернативное решение остаться на гостеприимной Родине. Это посольство позволяло ему ощущать то, что его деятельность нужна людям. К слову сказать, его трудолюбие и работоспособность поражали даже выдавших виды людей, которые не могли поверить, что один человек способен на такой трудовой и творческий подвиг. Выславшие его на Запад люди не ожидали того, что «Зияющие высоты» окажутся началом его нового пути, началом его успеха в литературе. А успех был огромный, и Александр сразу почувствовал стремление Москвы помешать распространению его идей и на Западе. Тут пошло в дело все, что могло принести желанный для Москвы результат: замаскированные и открытые, прямые и косвенные угрозы, распускание клеветнических слухов, вмешательство в его деловые отношения с западными людьми и учреждениями. Некоторые издательства, подписав контракты на сотрудничество с писателем Зиновьевым, потом отказывались издавать его книги, поскольку им давали понять, что это послужит препятствием к их профессиональным книжным контактам и связям в Советском Союзе. Целый ряд его публичных лекций и статей были сорваны вследствие определенных акций с советской стороны, но не останавливались и на этом. Имели место два покушения на его жизнь с использованием бактериологического (как это потом показали экспресс-анализы Университетской клиники и Института Пастера) оружия, произошло это в 1979 и в 1980 годах. Тренированный и закаленный жизнью организм его оказался способным перенести эти отравления, которые для неподготовленных людей могли окончиться летально. Дважды пытались его похитить — в Осло в 1979 году и в Стокгольме в 1981 году. По ряду причин (в частности, из-за нежелания местных властей идти на открытую конфронтацию с советской стороной) он не предавал эти факты гласности, да и у него не было желания привлекать к себе внимание общественности подобным образом: он всегда избегал использовать факты своей жизни как средство паблисити.

Русскоязычная эмиграция встретила появление книг Александра Зиновьева далеко не единодушно. Закулисное (или «домашнее») общественное мнение было в основном очень положительным. У него появилось множество восторженных поклонников, многие из них прочитали его первые книги еще в Советском Союзе. Высший же, официальный, слой советской эмиграции встретил публикацию книг Зиновьева и появление его самого на Западе весьма сдержанно и отчасти даже враждебно. Уже первая рецензия на «Зияющие высоты» в русском зарубежье, появившаяся в газете «Новое русское слово» в Нью-Йорке, была путаной, невнятной и крайне нелепой. Одно в ней было выражено ясно: беспредельное откровенно враждебное отношение к книге.

Потом было несколько положительных рецензий, но вскоре стал намечаться перелом: рецензии становились все более редкими гостями на страницах русской зарубежной прессы, объем их стал сокращаться, оценки приобретали вначале уклончивый, нейтрально-критический, а затем — угрожающе-погромный характер. Начался период замалчивания в русскоязычной прессе всего того, что Зиновьев уже сделал, а также всего того, что вообще касалось личности Александра Зиновьева. Его имя даже перестали упоминать среди имен эмигрантских писателей, зато активно стали распространяться всевозможные дичайшие вымыслы и клеветнические инсинуации типа, что Зиновьев — русофоб, что Зиновьев — антисемит, что Зиновьев — агент КГБ, что вовсе и не Зиновьев писал его книги, а кто-то другой... Практически все годы эмиграции Александр жил в обстановке бойкота и клеветы. Трудно, если задуматься и попытаться вспомнить, назвать хотя бы одно русскоязычное издание на Западе, которое не бросило бы злобствующий бульжник в его огород.

Приведу для иллюстрации хотя бы пару примеров, чтобы не показаться голословной: в 1986 году в Авиньоне и Оранже был проведен литературный фестиваль, посвященный творчеству Александра Зиновьева. Многочисленные организации, известные и официальные лица

прислали поздравления, в том числе — президент Франции Миттеран, вице-канцлер Австрии Алоис Мокк, Ив Монтан, Симон Вайль и многие другие. В русскоязычной прессе — ни слова, хотя я своевременно известила их о готовящемся событии, разослала вовремя пресс-релиз и всю информацию, относящуюся к уникальному фестивалю. Как можно догадаться, слава Зиновьева от этого не убавилось, а проверку на порядочность и объективность, с чьих позиций якобы выступают очень многие русские зарубежные издания, они, естественно, не выдержали. Произойди нечто подобное с кем-то другим, в провинциальной русской прессе поднялся бы целый ураган похвал и восторгов. Я пишу об этом без горечи, но и не без сожаления по поводу утраченных для русского зарубежья возможностей подняться над своими зашоренными и ограниченными представлениями о мире, который оказался за пределами их геттового сознания.

А вот и другой, но уже просто анекдотический пример: Александр Александрович подписывал книги на одной из таких «подписных» распродаж книг в Пен-клубе в Париже. С утра и до самого закрытия к нему стояла длинная очередь, больше, чем ко всем другим участникам распродажи. Зинаида Шаховская сидела рядом и собирала деньги от проданных зиновьевских книг. На другой день в «Русской мысли» появляется ее фотография, а внизу — подпись: Зинаида Шаховская подписывает (!) книги в Пен-клубе. Вот была бы радость для старика Фрейда, если бы обратились к нему с просьбой проанализировать и диагностировать пациента.

Бесчисленны были факты клеветы, замалчивания и несправедливостей по отношению к Александру Александровичу. Не устояли при этом даже корифеи диссидентства и нелегальной литературы, и они внесли свою посильную лепту в кампанию инсинуаций и клеветы на беззащитный и ярчайший талант русской словесности, на непонятого, но обоганного гения Александра Зиновьева.

Какковы все же причины такого отношения к Зиновьеву в эмиграции? Их много, они разноплановы, но в чем-то тоскливо похожи на те причины, которые привели Александра Зиновьева к изоляции в Советском Союзе. Как говорится, у попа была собака... Советская эмиграция, будучи массовым явлением и подчас даже и не осознавая того, была сама подвержена тем же социальным законам, какие он описывал в своих книгах. Часть причин определяется его особенным и обособленным положением на Западе. Он появился на литературной и общественной арене тогда, когда в нелегальной литературе, в оппозиционном движении все роли были уже распределены, субординация всех титулов и градаций талантов и гениев соблюдалась неукоснительно, являясь сама по себе уже в какой-то мере священной и априорной институцией, когда, короче говоря, уже все было сказано. А Зиновьев опять нарушил сложившееся распределение ролей и все-таки сказал своими книгами такое весомое и новое слово и сказал так, что несмотря на всевозможное противодействие, его книги произвели на Западе убийственно-сильное впечатление. Он сразу из небытия, минуя регулируемые «самиздат» и «тамиздат», находившиеся в основном в руках эмигрантов, мощно, суверенно, шагнул в мировую литературу, а не в локально-эмигрантскую. Как я уже говорила выше, он появился неожиданно, вопреки всем канонам литературы, независимо от диссидентства и наперекор эмиграции, не задумываясь ни на секунду, каким торнадо он разметал их теплившиеся мечты и надежды на литературный Олимп. Ярчайшим своим появлением он сразу же занял и на Западе положение исключительного одиночки, абсолютно независимого в своих суждениях ни от кого и ни от чего, не поддающегося давлению общественного мнения, не претендующего ни на какие лавры и на богатства, независимого в своем литературном творчестве ни от каких подачек, фондов, стипендий. Если ему присуждались премии, он принимал их как человек, их заслуживший, но при этом не прилагал ни малейшего усилия, чтобы их получить. Полная суверенность и независимость. Чистая совесть и безукоризненное рыцарское служение ИСТИНЕ. Он высказывал свои суждения, не приспособляясь ко вкусам и взглядам слушателей и читателей.

лей, нисколько не стремясь к эпатажу. И суждения его пришли в резкий конфликт с общепринятыми. Плюс ко всему вызывало понятное раздражение внимание к личности Александра Зиновьева со стороны западных читателей и средств массовой информации Запада, а также необычайно высокая оценка его книг. Когда Иожен Ионеску в интервью в Италии заявил, что считает Зиновьева самым значительным современным русским писателем, а в телевизионных беседах с Зиновьевым и в многочисленных статьях о нем его стали зачислять в число крупнейших писателей нашего времени вообще, терпение наших бывших соотечественников лопнуло и изрыгнуло неслыханный поток клеветнических нечистот.

Западная демократия оказалась бессильной перед советской клеветой и травлей, которую наши соотечественники принесли с собой в эмиграцию, ностальгируя по коллективным мероприятиям, по русской земле, оставшейся за холмом, будучи не в силах изменить ни строй своих мыслей, ни цвет кожи, ни укоренившийся генотип гомо советикуса.

* * *

Итак, литературную деятельность Александра Зиновьева в эмиграции можно в общем разделить на два периода. Между ними нет четкой границы. Тем не менее, различие их заметно достаточно ясно.

В первый период объектом его внимания является советское общество в годы становления и в том виде, в каком оно сложилось в брежневские годы, т. е. по определению Александра, в период зрелости коммунизма. В этот период он дописал «Желтый дом» и написал произведения 6 — 15 и 17 из приведенного выше списка.

Во второй период объектом внимания Зиновьева становится кризис и крах советского общества в горбачевско-ельцинские годы. В этот период он написал произведения 16 и 18 — 24 из упоминавшегося выше перечня его литературных публикаций.

Когда мы оказались на Западе, книга «В преддверии рая» уже была подготовлена к печати. Хотя это было не законченное литературное произведение, а всего лишь черновые заметки для возможного социологического романа, остановить публикацию книги было уже невозможно. И она вышла в свет в начале 1979 года. Намерению Александра переработать ее не суждено было осуществиться: не было времени. Кроме того, материалы ее использовались в книгах, которые он стал писать уже на Западе. И лишь в 2000 году издательство «Центрполиграф» опубликовало книгу Александра Зиновьева «Затяя», в которую вошла часть заметок из книги «В преддверии рая» и сокращенная реконструкция потерянной части «Зияющих высот», изданная точно так же в 1979 году под названием «Записки ночного сторожа».

В 1978 и 1979 годы он дописывал «Желтый дом», делая это урывками, поскольку одновременно работал в Мюнхенском и Оксфордском университетах, сочетая это с многочисленными публичными выступлениями по всей планете. «Желтый дом» являет собою социологический анализ советского общества, но еще более утонченный, нежели в «Зияющих высотах». Тут, как в неисчерпаемых месторождениях драгоценных металлов, обнаруживается множество разделов, которые можно естественным образом и почти без изменений включить в социологический трактат. Это, например, разделы об идеологии, о взаимоотношениях индивида и коллектива, о партии, о народе, об интеллигенции, о религии, о революции, о колхозах, о социальных законах и т. д. Но тот факт, что они все же суть части романа, так или иначе придает им литературные черты. В «Желтом доме», как и в «Зияющих высотах», затронуты все важнейшие проблемы советского общества и положения в нем отдельного человека, но как затронуты! — совсем иначе, чем в «Зияющих высотах», в иной литературной форме, с тончайшей нюансировкой и с иными акцентами. Они изображены здесь в том виде, как они отражались в сознании интеллектуальной элиты общества и как потом становились предметом сублиматив-

ных размышлений и переживаний. Это не повторение «Зияющих высот», но дальнейшая конкретизация намеченных в них тем и идей: появилась возможность перехода от лихорадочно-засекреченной формы работы к более планомерной и свободной (хотя и не очень регулярной) и от набросков и социологических зарисовок — к объемным и рельефным панно, к симфонической панораме социологического ландшафта советского общества. Как мне кажется, вернее, по моему глубокому убеждению, «Желтый дом» — наиболее утонченное, рафинированное и литературное произведение Александра Зиновьева. И самая его любимая книга.

Он хотел повременить с публикацией ее, намереваясь поработать над нею как следует, с наслаждением, не торопясь, но (опять обстоятельства, отражаемые в противительном союзе «но») обнаружилось, что определенная часть рукописи попала-таки в КГБ, и, помимо использования ее писателями-рецензентами КГБ, ее собирались проэксплуатировать к тому же в еще одной преподлейшей акции против самого автора: человек КГБ, выехавший на Запад под видом диссидента, должен был опубликовать «Желтый дом» под своим именем. Тем самым создавался противовес успеху Зиновьева, с одной стороны, и появлялся повод для его дискредитации с другой. И так как попытки такого рода (я имею в виду дискредитацию) являлись общим местом в работе против отщепенцев и были надежным, апробированным средством в борьбе с бунтарем-одиночкой, использовавшимся против него и его работ не раз, то под давлением этих обстоятельств Александр дал согласие Владимиру Димитриевичу на немедленное издание «Желтого дома». В начале 1980 года книга вышла в свет.

Сам образ жизни на Западе невольно вынуждал писателя Зиновьева к тому, что, встречаясь с людьми самых различных социальных категорий в бесконечных поездках по странам Запада, разговаривая и полемизируя с ними, просматривая сотни и сотни газет, журналов, книг, следя за событиями и их отражением на телевидении и по радио, он начал присматриваться к новому окружению, новой среде обитания. Хотел он того или нет, но на него обрушился сильнейший поток информации о западном обществе. И противостоять его влиянию было невозможно, но — главное — оказавшись на Западе, он не был тем самым автоматически исключен из сферы влияния коммунистического общества. Последнее давало о себе знать и здесь с огромной силой, бдительно, упорно, последовательно, постоянно и повсюду. В то время была банальностью истина о том, что коммунизм стал международным явлением. Но будучи увлечен внутренними проблемами коммунистического общества, Зиновьев оставлял без внимания его внешний, международный аспект; однако, оказавшись на Западе, он ощутил его настолько остро, что оставаться равнодушным и безучастным к нему уже не мог: он должен был выступать с докладами и писать статьи на темы о советском присутствии на Западе. В результате появился целый цикл произведений, который условно можно назвать «шпионским». В него вошли «Гомо советикус», «Пара беллум», «Государственный жених», «Изиюмовая бомба» и «Рука Кремля». Причем самая важная и характерная среди них, конечно же, «Гомо советикус».

Книга «Гомо советикус» имела колоссальный успех. Ее сразу перевели на французский, английский, итальянский, немецкий и многие другие языки. Были многочисленные рецензии в мировой прессе, сопоставимые с реакцией на «Зияющие высоты» и «Светлое будущее». Как и все социологические романы Зиновьева, «Гомо советикус» нельзя свести к одной теме: он многоплановый, но главная, определяющая его тема — что из себя представляет советский человек как продукт реального коммунизма и что он несет миру. Здесь Зиновьев создает критический, но не карикатурно-отрицательный образ гомо советикуса (гомососа). И даже я бы сказала, с известной долей симпатии, что вообще характерно для зиновьевского стиля мышления: отрицать, утверждая, и утверждать, отрицая. Ведь и в самой реальности негативное неразрывно связано с позитивным, одно переходит в другое, одно порождает и одновременно убивает другое. Зиновьев-писатель проявляет себя в создании своих литературных персона-

жей как виртуозный и глубокий диалектик, используя весь тот профессиональный инструментарий, коим он владел в совершенстве еще до вступления на путь литературного творчества.

Если герой «Гомо советикуса» еще только готовится стать советским агентом на Западе, то в романах «Пара беллум» и «Государственный жених», а также в повести «Исюмовая бомба» герои Зиновьева действуют в качестве таких агентов. Шпионский сюжет и здесь есть лишь средство описать положение советского человека на Западе, его отношение к Западу, и через это — к своему советскому обществу. В «Пара беллуме» он описал также человека, который руководит советской деятельностью на Западе, но описал его как работника советского аппарата вообще, как «аппаратчика». Так что и в этом социологический аспект доминировал.

Роман «Пара беллум» был написан в короткий период пребывания у власти Ю. Андропова. В нем даны анализ и оценка андроповских реформ, явившихся предшественником и базисом для горбачевской перестройки. И в других романах Александра Зиновьева читатель может найти бесчисленные примеры того, как в них отражались текущие события жизни планеты. Однако это был не просто пересказ газетных и телевизионных сообщений, а литературная и социологическая обработка этих сообщений с целью высказать идеи иного рода.

Произведения «шпионского» цикла фактически стали произведениями на тему о советской эмиграции, вернее — о положении русского человека в условиях чужеродного ему Запада.

Одновременно с романом «Гомо советикус» он написал роман в стихах «Мой дом — моя чужбина», полностью посвященный теме эмиграции. Он собирался напечатать их в одной книге, но по совету издателя напечатал отдельно. Основную проблему эмиграции для русского человека так выразил один из литературных героев Александра Зиновьева: что лучше — русская тюрьма или заграничная свобода? Но этот персонаж не нашел решения проблемы и покончил с собой. Трагичной или по крайней мере несчастной оказалась судьба и прочих героев. Зиновьев намеренно наделял своих героев отрицательными ролями советских агентов, чтобы еще резче описать безысходность судьбы русского человека, по каким-то причинам выпадающего из обычного хода жизни в России и оказывающегося в эмиграции. Эмиграция на Запад вообще не есть идея национально русская.

В «шпионских» романах советское общество рассматривается в его взаимоотношениях с Западом. Рассматривается также западное понимание (вернее, не побоюсь сказать, непонимание) советского общества и западная политика в отношении него. Александр Зиновьев придавал этому описанию сатирическую форму не столько из-за его склонности к этому жанру, сколько из-за самой сути дела, описание которой даже у бесстрастного наблюдателя, не приобщенного к цеху литераторов, произвольно и неизбежно превращается в сатиру.

В пьесе «Рука Кремля» автор довел это описание до гротескно-карикатурного уровня, но, как показала дальнейшая эволюция советско-западных отношений, литературная карикатура Зиновьева оказалась в высшей степени реалистичной. Нет надобности говорить, что поставить такую пьесу, разумеется, никто не решился. На Западе тоже есть свои ограничения и запреты, сводящие априорные добродетели демократии к нулю или превращающие их в фикцию и абсурд.

Роман «Мой дом — моя чужбина», как я говорила выше, написан в стихотворной форме, как, впрочем, написано и «Евангелие для Ивана», литературный жанр которого определить невозможно. Стихами насыщены многие прозаические произведения Александра Зиновьева, на что мне хотелось бы обратить особое внимание.

Начав писать «Зияющие высоты», Александр решил использовать все литературные средства, которыми он владел, в том числе — поэзию. Поступал он таким образом и в других произведениях. Есть две особенности его поэзии, которые необходимо отметить особо (по крайней мере мне пока не попадался ни один более или менее подробный, профессиональный анализ этой стороны творчества Александра Зиновьева). Первая — он использовал поэзию в

смелой комбинации с прозой в таких масштабах, в каких, как мне кажется, не делал до него никто другой, причем, по его утверждению, он сознательно сочетал прозаическую поэзию с поэтической прозой. Ко второй особенности я отнесу его сознательный отказ от «технических» поэтических тонкостей и изощренностей, сделав главный упор на содержание, на содержательные образы, на интеллектуальные средства вообще. Отношение большинства писателей, в особенности, поэтов, к его поэтическим произведениям я назвала бы скорее угрюмо-сдержанным, но нашлись и поклонники. Так, Александр Галич, прочитав «Зияющие высоты», сказал, что он подписался бы под каждым стихотворением Александра Зиновьева, а Надежда Мандельштам, с которой нам посчастливилось познакомиться в Москве, сказала, прижимая к груди «Высоты», что это ее книга, что если бы стихи Зиновьева стали известны как произведения кого-то другого, то этот человек сразу приобрел бы репутацию выдающегося поэта. Необычайно высоко и эмоционально оценил стихи Зиновьева Карл Кантор, являющийся тонким знатоком поэзии, способный часами декламировать полюбившиеся ему произведения. Ну а главное, что нужно принимать во внимание при оценке поэзии Александра Зиновьева, это то, что она есть компонент литературной формы, которую, как я уже отмечала выше, сам писатель назвал синтетической.

Еще до написания «Зияющих высот» Александр написал стихотворение, посвященное Эрнсту Неизвестному, с которым его связывала многолетняя дружба. Стихотворение потом вошло в «Зияющие высоты» (см. т. 1, стр. 705) «Линии привычные чертя...». В нем Александр с огромной силой выразил свои умонастроения не только тех лет, но, пожалуй, всей своей жизни. Но самым сильным с этой точки зрения, по моему убеждению, является «Молитва верующего безбожника», написанная Зиновьевым тоже еще до «Зияющих высот».

Многое он писал в рассматриваемый период просто по заказу. Это — работы 11, 12, 14, 16, 17, 19 и 22 из приведенного выше списка, но и в них он не приспособивался к чужим вкусам и взглядам, о чем он всегда по-честному предупреждал заранее тех, кто ему заказывал эти произведения, да они и так хорошо знали, к кому обращались, ибо знали уровень мастерства и масштаб личности писателя Зиновьева. Но тем не менее эти работы все равно оставались для Зиновьева не главными в его творчестве.

Сразу после окончания «Желтого дома» Александр начал писать большую книгу «Искушение», которая должна была по замыслу состоять из четырех частей, как и «Желтый дом»: «Иди на Голгофу», «Евангелие для Ивана», «Живи» и последней, четвертой части, предположительное название которой было «Умри». Обстоятельства сложились так, что замысел поломался, написание частей растянулось на десять лет, части были опубликованы отдельными книгами. Вездесущее КГБ и на этот раз, воспользовавшись определенными моментами нашей личной жизни, получило доступ к рукописи «Иди на Голгофу», и естественное и единственно правильное решение, которое принял Александр, — напечатать ее отдельной книгой и как можно быстрее. Она вышла в свет в 1985 году. «Евангелие для Ивана» издатель решил публиковать отдельно от «Иди на Голгофу», причем, — вместе с французским переводом. Третья часть, «Живи», вышла отдельной книгой в 1989 году. А последнюю часть Зиновьев дописал уже в 1991 году, опубликована она была на французском под названием «Царьград» в 1992 году, а на русском как часть книги «Смута» в 1994 году (в издательстве «Келвори»). В дописанном и переработанном виде она должна быть отнесена ко второй половине литературной деятельности Александра Зиновьева.

Основная тема книги «Иди на Голгофу» — положение в обществе человека, вставшего на путь создания своего личного государства и даже космоса. Герой книги — молодой русский

парень по имени Иван Лаптев, решивший выработать для себя новое мировоззрение, противостоящее господствующей идеологии, и новые правила жизни, не соответствующие общепринятым правилам поведения. Проблема эта отнюдь не специфически советская и тем более не специфически русская: многие тысячи молодых людей на Западе точно так же бьются над этой проблемой, только они не осознают ее так остро, может быть, как герой Александра Зиновьева. Лаптев сознательно заостряет ее и доводит до гротескно-гипертрофированных масштабов — до масштабов проблемы Бога-человека. Герой «Иди на Голгофу» дерзнул на самое грандиозное для отдельно взятого и рядового человека дело — на создание особой, новой религии, соответствующей положению человека в современном обществе. Конечно, это — литературный прием, позволяющий довести некоторые идеи до логически мыслимого предела, но прием этот очень реалистичен: люди так или иначе вынуждаются на такую дерзость.

Иван Лаптев скоро убедился в том, что путь к реализации его маниакального замысла ведет через Голгофу, т. е. через страдания, через жертву. Это — путь на крест, но его путь окончился неудачей: реальность оказалась гораздо страшнее того, что он предполагал в начале пути. Ему просто не позволили взойти на Голгофу. Тут со страшной силой разворачивается трагедия человеческой судьбы в наше время, которая состоит в том, что даже путь на Голгофу закрыт для бунтующего одиночки. Стремительно движущаяся вперед огромная безликая масса по имени общество отбрасывает отдельную личность настолько далеко назад, что людям потребуются, может быть, века только на то, чтобы завоевать возможность индивидуально пробиваться на Голгофу. Как тут не вспомнить ожесточенную реакцию советской государственной машины на попытки предельно индивидуального протеста одиночек-самосожженцев!..

Герои книги «Живи» суть инвалиды от рождения (безногий, безрукий и слепой) или же люди, сброшенные на самое дно общества и не имеющие шансов выкарабкаться на поверхность, добиться жизненного успеха. Но книга не ограничивается описанием только специфической жизни инвалидов и неудачников: просто выбор таких героев позволяет резко описать нормальные условия жизни современного общества, порождающие уродство, несправедливость, несчастье. Положение таких героев вынуждает их к постановке и обсуждению проблем, от которых уклоняются мыслители нормального общества или которые обсуждаются ими совсем не в реалистическом духе.

А героев «Искушения» больше всего волнует проблема, которая и для Александра Зиновьева была главной проблемой всей его жизни: как жить в условиях коммунистического общества, если оно вызывает у тебя протест, но ты не видишь возможности изменения его к лучшему и даже не знаешь, в чем это «лучшее» должно заключаться, если ты не можешь или не хочешь быть таким, как другие, если ты хочешь сохраниться в качестве нравственной личности. Если взять и сравнить линию Андрея Горева в «Живи» как личности нравственной, если вспомнить о желании проявить свой индивидуальный дар у Ивана Лаптева в «Иди на Голгофу» или о горячем стремлении Юрия Чернова из последней части «Искушения» выразить его отношение к комплексу жизни так, чтобы это увидели многие, то мы видим, что герои Зиновьева не находят оптимистического ответа на этот вопрос, ибо его в принципе не может быть. Тот идеал личности, который в той или иной форме и мере разделяют эти герои, не соответствует условиям коммунистического общества. Герои терпят жизненный крах, но это не значит, что автор призывает читателей отказаться от борьбы за этот идеал личности, вовсе нет: Александр Зиновьев хочет лишь показать, что коммунистическое общество еще в начале своего исторического пути, что борьба за его идеал личности по-настоящему еще только начинается, что нужно историческое время, чтобы отдельные исключительные одиночки смогли приблизиться к нему. Но попытки приближения к этому идеалу, стремление претворения этого идеала в жизнь неизбежны без жертв. Надо быть готовым к жертвенности, более того — надо еще завоевать самое первое условие-ступень — саму возможность пойти на жертву.

В 1983 году, к тридцатилетию со дня смерти Сталина, Зиновьев написал книгу «Нашей юности полет». В ней он высказал свое понимание сталинской эпохи и описал свои взаимоотношения со сталинизмом, что не было всего лишь данью личной биографии писателя. Приближалась к развязке «холодная» война, что сопровождалось со стороны Запада и антикоммунизма массивным оживлением памяти о сталинских репрессиях, к чему, собственно, умышленно и сводилось узколюбое, даже намеренное, понимание сути сталинизма, который декларируется как сущность коммунизма. Зиновьев — как человек с повышенным и обостренным чувством справедливости — не мог оставаться равнодушным к этому. Не будучи ни коммунистом, ни антикоммунистом, но оставаясь кристально честным человеком и корректным ученым, он протестует, наблюдая фронтальное разворачивание фальсификации советской истории, сталинизма и коммунизма, и этот протест становится одной из определяющих черт его литературной, публицистической и научной деятельности последующего периода его жизни и работы на Западе. Эта тема — тема сталинизма — заняла доминирующее место в книге «Исповедь отщепенца».

Второй период литературной деятельности Александра Зиновьева в эмиграции наметился уже в «Исповеди отщепенца», конкретнее — в последнем разделе, посвященном горбачевской перестройке, но предельно отчетливо он проявился в книгах «Катастрофика», «Смута», «Русский эксперимент» и «Новая утопия» (закончена буквально накануне нашего возвращения на Родину). Мне хочется обозначить основные черты этого периода, который, кстати, почти всеми был воспринят так, будто Александр Зиновьев коренным образом изменил свои взгляды на советское общество и на коммунизм вообще, будто из антисоветчика и антикоммуниста превратился в апологета советизма и коммунизма. Началось неизбежное в подобных случаях сравнение и сопоставление, вернее, противопоставление раннего Зиновьева позднему (как тут не вспомнить молодого Маркса и позднего, раннего Гоголя и зрелого, Толстого молодого и Толстого предзакатного, Достоевского — бунтаря и богоискателя). Но сравнение неправомерно, как я писала выше: к позиции Зиновьева неприменимо определение «апологет коммунизма и советизма», также, впрочем, как и нельзя его назвать антикоммунистом и антисоветчиком. На самом деле произошло следующее: живя на Западе, основательно изучая феномен западного мира, ход «холодной» войны Запада против советского блока, эволюцию советского коммунизма, крах Советского Союза и его сателлитов в Восточной Европе, а также будучи живым свидетелем обвала советского коммунизма, видя состояние постсоветской России и ее перспективы в новом качестве и в новых условиях на планете, — Зиновьев-ученый объективно констатирует как факт изменения самого окружающего мира, и таким образом изменяется для него и сам объект научного исследования и литературного творчества. Александр Зиновьев начинает писать о новых явлениях российской и мировой жизни, оставаясь на тех же гражданских позициях и руководствуясь теми же познавательными и эстетическими принципами, какие у него выработались с юношеских лет.

Тут складывается ситуация, подобная той, в какой оказался Зиновьев после смерти Сталина и его официального развенчивания. Тогда бывшие сталинисты, оставаясь всегда и во всем последовательными конъюнктурщиками, в одночасье превратились в антисталинистов и многомиллионной партийной массой дружно ринулись поливать грязью своего бывшего кумира. Зиновьев, презирая подобных «храбрецов», публично заявил тогда, что он «не бьет лежащего» и что «мертвого льва может лягнуть даже осел», и завершает таким образом свою долголетнюю борьбу с культом Сталина. Тогда его зачислили в «недобитые культисты». Теперь, оставаясь верным своим принципам поведения уже в конце 80-х годов, он прекращает критику советского коммунизма, над которым нависает угроза разгрома и который действительно на-

чали безнаказанно громить сами бывшие апологеты коммунизма. Теперь объектом его критики могли стать только эти погромщики и то, что возникло в результате их погромной деятельности. Зиновьев не деградировал в апологета коммунизма, в чем его обвиняют, а оставаясь всегда верным истине, стал защищать породившую его эпоху, стал апологетом истины о коммунизме и о том, что пришло на смену ему в России.

Научно-объективные исследования того грандиозного перелома в эволюции человечества, который произошел во второй половине XX века и стать жертвой которого выпало на долю России и русского народа, результируют в совокупности и определяют переход Александра Зиновьева к новому этапу литературного творчества. Сочинения нового периода оказываются более насыщенными социологическими идеями, они становятся явно социологическими романами и повестями по сравнению с произведениями первого периода. Более того, в них усиливается прогностический аспект, так или иначе свойственный всему литературному творчеству писателя.

В блистательной именно с эстетической точки зрения «Катастрожке», ставшей очередным бестселлером в мировой литературе, Зиновьев предсказал катастрофические последствия горбачевской перестройки, пустив в оборот термин «катастрожка». Целиком книга была опубликована в 1990 году, но отрывки из нее начали публиковаться в различных журналах уже в 1987 году.

Следующая книга «Новая утопия» по крайней мере наполовину посвящена размышлениям о будущем постсоветской России, а завершающая второй литературный период Александра Зиновьева книга «Глобальный человек» вообще является прогнозом эволюции человечества в посткоммунистическую эпоху.

В литературных произведениях Зиновьева второго периода отчетливо виден их летописный характер. С этой точки зрения вся совокупность этих работ может быть расценена как хроника (летопись) событий советской истории, осмысленной научно и зафиксированной в особой литературной форме.

И в самом деле, «Катастрожка» написана в начале перестройки, где были четко определены ее истоки и описаны катастрофические последствия.

В «Смуте» описывается ситуация после провала «путча».

В «Русском эксперименте» дается картина ситуации в стране перед расстрелом «Белого дома».

В «Новой утопии» мы видим состояние России после завершения контрреволюции расстрелом «Белого дома» и назревание политического переворота, который на самом деле произошел накануне двухтысячного года.

Поэтому книга «Глобальный человек» на первый взгляд вроде бы выпадает из общего контекста литературных сочинений Александра Зиновьева, основным объектом и главным героем которых является русский коммунизм, но это кажется только на первый взгляд. На самом деле эта книга является вполне логичным завершением грандиозной зиновьевской эпопеи русского коммунизма. Книгу предваряет добротная и всесторонняя статья Леонида Грекова, написанная им с глубоким знанием и предмета, и — что особенно важно — автора. К этому предисловию я с удовольствием отсылаю читателя, который найдет в нем верную оценку этой удивительной книги как литературного и одновременно социологического шедевра. Л. И. Греков назвал ее в предисловии «Зияющими высотами» западнизма.

Таким образом, как мы видим, начав литературный период своей жизни с «Зияющих высот» коммунизма, Александр Зиновьев закончил его «Зияющими высотами» западнизма, невольно отдав должное традиции построения античной трагедии.

Во второй период нашей эмигрантской жизни в творческой деятельности писателя Зиновьева все больше место стала занимать публицистика и социологические исследования. В эти

годы им написаны книги «Запад» (или «Западнизм» во французском переводе), «Кризис коммунизма», «Гибель империи зла», «Великий эволюционный перелом» и «На пути к сверхобществу».

Начиная с 1990 года сочинения Александра Зиновьева начали регулярно печататься в России. Ему вернули советское гражданство, и у него зародилось намерение вернуться на Родину, однако обстоятельства сложились так, что нам пришлось прожить в эмиграции еще 9 последующих лет.

Главным из этих обстоятельств было отношение Александра Александровича к тому процессу, который стал захватывать Советский Союз после 1985 года (к горбачевской перестройке) и России — после распада Советского Союза в 1991 году (к ельцинским реформам), а также отношение к нему со стороны власти новой России. Со свойственной ему независимостью и принципиальностью, четко и аналитически недвусмысленно изложил он свое отношение к этому периоду советской и российской истории в социологических и публицистических произведениях «Горбачевизм», «Кризис коммунизма», «Гибель империи зла», «Посткоммунистическая Россия», а также в литературных — в социологических романах «Катастрожка» и «Русский эксперимент». Очевидно, что с таким пониманием советской контрреволюции и постсоветской социальной системы рассчитывать на благосклонное отношение со стороны новых хозяев страны не приходилось.

По его наблюдениям, начиная с середины девяностых годов на Западе разворачивается такая широкомасштабная вакханалия антисоветизма и оргия русофобии, что уже морально невыносимым представляется ему дальнейшее пребывание там, где мы жили и работали, начиная с 6 августа 1978 года. С другой стороны, в России стало заметно расти число людей, для которых Александр Зиновьев с его пониманием явлений современности становился единственным последовательным выразителем их умонастроений, в чем он убеждался во время своих приездов в Россию, где он имел многочисленные встречи-митинги с читателями. Он увидел, что нужен России.

Но окончательным толчком к принятию конкретного решения о возвращении на Родину послужило цинично-хладнокровное нападение НАТО и США на Сербию. Александр Зиновьев оценил это страшное начало, он понимал, что подобный сценарий в отношении России вынашивается и созревает для реализации в недалеком будущем. Он, как русский человек, как мыслитель с гражданской ответственностью, должен быть в сложившейся для России ситуации со своим народом — он должен разделить его судьбу. Ему принадлежит фраза, не рассчитанная на журналистский эффект: «Я возвращаюсь на Родину, чтобы умереть с моим народом».

* * *

Так вот и получилось, что 30 июня 1999 года самолетом «Аэрофлота» мы уже с двумя дочками — 27-летней Полиной и 9-летней Ксенией — вернулись на Родину, но уже в совсем другую страну: 21 год тому назад самолет «Люфтганзы» уносил нас в вынужденную эмиграцию из Советского Союза, а вернулись мы в Россию.

В одном из первых интервью по возвращении на Родину писатель Александр Зиновьев заявил, что прекращает свою литературную деятельность и сосредотачивается на работе в сфере социологических исследований. Похоже, что на этом действительно закончился литературный период его творчества: Зиновьев всегда держит свое слово.

Владимир Димитриевич, открывший Александра Зиновьева как писателя, назвал его первым писателем XXI века. Намного опередивший свое время как в области методов мышления и познания нашей сложной реальности, так и в способе ее интеллектуального изображения, а также продемонстрировав миру свой безошибочный метод социального анализа и историчес-

ки-политического прогноза, он являет собою воистину личность уникальную. Судьба этого гениального сына русского народа складывалась драматически на протяжении всей его жизни, а литературная — в особенности: Родина отвергла его. И только теперь, в конце XX века, открылись некоторые возможности для ознакомления широких кругов его соотечественников с результатами его литературного творчества, с результатами творческого подвига писателя, ученого, гражданина Александра Александровича Зиновьева.

Оценит ли русский народ его беспрецедентный подвиг по достоинству?

Карл Кантор. Сияющая высота словесности¹

О сатирико-дифирамбическом, трагико-комическом, эпико-лирическом и художественно-научном повествовании «Сияющие высоты» и о его авторе Александре Александровиче ЗИНОВЬЕВЕ.

Все, что связано с этой книгой, невероятно — и сама она, и то, кем и когда она была написана, и как, в каких условиях писалась, и где впервые была напечатана, и какое впечатление она произвела на родине и за рубежом, и какими последствиями обернулась ее первая публикация для автора. Я употребляю слово «невероятно» не как вялый эвфемизм салонного «превосходно», а в его буквальном значении, ибо вероятность появления такой книги, такого автора была действительно близка к нулю. Книга возникла наперекор всем социальным, житейским, даже возрастным противодействиям и ограничениям, всем детерминациям и вероятностям, ибо вероятность есть также форма закономерности. Она явилась утверждением свободы не как осознанной необходимости, но как осознанного преодоления необходимости, по крайней мере социальной, в творчестве и в жизненной практике.

Невероятным было уже то, что «Сияющие высоты» явились литературным дебютом пятидесятичетырехлетнего автора, что он не был ни профессиональным писателем, ни человеком литературной среды. Казалось, жизненный путь Александра Зиновьева определился счастливо. И дело не в том, что он давно уже был доктором философских наук и профессором, заведовал сектором в Институте философии АН СССР и кафедрой на философском факультете МГУ, был членом редакционной коллегии журнала «Вопросы философии», — его судьбу я называю счастливой, потому что он занимался тем, чем хотел, что философия была для него не средством заработка и социального престижа, а призванием, и в ней он достиг замечательных успехов на зависть осыпанным наградами и почестями маститым философским прислужникам идеологии. Зиновьев разработал самостоятельную систему многозначной логики, создал свою научную школу. Западные специалисты зачислили его в десятку крупнейших логиков мира. К нему тянулось все живое, что было в нашей философии. Из брошенных им мимоходом идей — в разговорах, на конференциях — изустные плагиаторы «делали» оригинальные статьи. Отдельные главы кандидатской диссертации А. Зиновьева его ученики — из наиболее одаренных — развернули в книги.

Что же заставило А. Зиновьева столь круто повернуть свою судьбу? Ответ на этот вопрос содержится в «Сияющих высотах» и почти в тридцати на сегодняшний день других его книгах (так что его поздний литературный «дебют» не стал, как многие ожидали, его «эндшпилем»). Я же, близко знающий Александра Зиновьева более сорока лет, остановлюсь лишь на некоторых фактах его биографии и отмечу некоторые черты «З. В.», что, может быть, окажется бесполез-

¹ Октябрь, № 1, 1991.

ным для постижения «феномена Зиновьева». А то, что он почти чудесный человеческий феномен, я понял в первые же дни нашего знакомства на философском факультете в 1947 году. Еще в сельской школе Саша поразил своего учителя неумемной любознательностью и одинаковым пристрастием к литературе и математике. Напугуемый этим добрым человеком, поверившим, что его воспитанник — новый Ломоносов, Саша поехал учиться в Москву и здесь, среди столичных ребят, быстро выделился не только медалями на математических олимпиадах и талантливым подражанием Чехову (первый рассказ «Ванька»), но и таким пониманием социальной действительности, которая оказалась недоступной многим даже умудренным опытом взрослым.

Ребенком переживший коллективизацию в родной деревне под Чухломой и позднее, приезжая каждое лето в колхоз помогать матери, в Москве живший в сыром подвале «в холоде, голоде и нагоде», Александр видел чудовищный разрыв между идеалами и действительностью. Разрыв, особенно нестерпимый потому, что эти идеалы объявлялись уже воплощенными в жизнь. «Социализм в нашей стране в основном уже построен», — провозгласил вождь всех времен и народов. Ложь была преднамеренной, всенародной и, казалось бы, очевидной. Московские соученики Александра — да и только ли они одни! — поверили обману. Саша стал рассказывать своим школьным друзьям о подлинном положении деревни. Опечаленные одноклассники, которые очень любили Сашу, — заводилу, весельчака, отличника, написали на него донос в КГБ, прося повлиять на своего товарища, помочь ему избавиться от заблуждений. Так состоялось первое знакомство Александра Зиновьева с органами, так он впервые узнал, что такое искренняя дружба в понимании полностью социализированных и идеологизированных советских юношей и девушек («Новая советская мораль»).

По сравнению с жизнью в московских подвалах («Бесконечный голод. Грязь. Поношенная одежда»), в тюрьме оказалось даже лучше: «В первый раз у меня была своя койка и я ел три раза в день из собственной миски». Когда он рассказал об этом в одном из своих интервью на Западе, ему не поверили. А некоторые обвинили в апологии сталинских тюрем. «Все, что я попытался сказать, — пояснял им Александр Александрович, — заключалось в следующем: как тяжелы были условия жизни свободного человека, если даже тюрьма казалась ему благом». О колхозе в той же автобиографии писателя сказано: «Условия жизни и труда там мало чем отличались от концентрационных лагерей». И тем не менее, предпочитая свободу любым материальным «благам», предоставлять свое тело и душу «воспитателям» из тогдашней живодерни Александр не собирался. Когда два гебиста выводили его из здания на Лубянке, чтобы доставить в Бутырки, Александр воспользовался привычным доверием палачей к своей жертве: «Минутку подождите» — и был таков. Объявили всесоюзный розыск. Напрасно. Александр не вернулся ни в московский подвал, ни в деревню. Стал скитаться по стране. Год спустя, не дожидаясь срока призыва, где-то далеко от Москвы записался добровольцем в Красную Армию. А потом была Отечественная война. Воевал и кавалеристом, и танкистом, и, пройдя ускоренный курс обучения в авиаучилище, летчиком-истребителем. Получал боевые награды. Не надеялся вернуться с войны живым. Себя не жалел. И тем не менее после колхозной военной страда не показалась особенно тяжелой. «Социалистические отношения» в армии, на фронте были слегка поколеблены, но в общем-то сохранились. Это было и благом, и бедой, причиной побед и поражений. В училище и на фронте, когда передышки затягивались, Александр «гусарил». В армии он стал чем-то вроде Теркина, только шутки его были иные, не столь безобидные. Он сочинял эпиграммы, сатирические стихи, песенки, поговорки, анекдоты, в которых высмеивал не только противников, «фрицев», но и своих, «Иванов», — всю изнанку фронтовой, армейской жизни. Таких, как Теркин, в армии было немало. Но, пожалуй, еще больше таких шутников, как Зиновьев. Он был лишь одним из тысяч создателей армейского, фронтового фольклора — не только героического, но и сатирического, безоглядно смелого, высмеивающего святыни официальной идеологии. Фольклора неподцензурного, к сожалению, до сих

пор не собранного, а между тем содержащего такую правду о войне, об армии, а стало быть, и о нашем строе вообще, какую не сыщешь ни во фронтовых документах, ни в художественной литературе о войне, ни в мемуарах военачальников. Зиновьев понимал ценность армейского фольклора и насытил им свои книги.

Войну Александр Зиновьев закончил в городе Моцарта—Вене. (Один из исследователей творчества автора «З. В.» назвал его «Моцартом социологии».) Из Австрии Зиновьев привез чемодан, набитый рукописями. Одну из них, повесть о войне, он показал двум известным писателям — Константину Симонову и другому, который из «самых лучших побуждений», конечно (как когда-то его школьные товарищи), донес на него в те же инстанции. К счастью, К. Симонов был первым читателем. Ему повесть настолько понравилась, что он посоветовал ее уничтожить немедленно вместе со всем остальным, написанным в этом роде. Поэтому, когда пришли к Зиновьеву с обыском, найти ничего не смогли. Но на заметку взяли. Мы можем жалеть об уничтоженных рукописях. Сам же Зиновьев о них не жалеет. Он, представьте, рад, что не стал профессиональным писателем. На писательстве он поставил крест, как ему казалось, навсегда, тем более что страсть к познанию не уступала писательской. Из привлекавших его факультетов (филологический, математический) он предпочел философский, чтобы разобраться самому в основах мироустройства, понять, что такое человеческое общество вообще и в частности то, в котором мы живем. Он успел уже к этому времени создать свои собственные «правила жития», подчиняя материальные интересы интересам духовным, отказываясь от любой социальной ангажированности. Еще в университете он исследовал теорию Маркса, подвергая ее сомнению, впрочем, как это делал и Маркс по отношению к любым авторитетам. Я уже не говорю о его сатирическом отношении к тем трудам Ленина и Сталина, философская нищета которых ему была совершенно ясна. Студент, он уже тогда имел учеников — и среди студентов, и среди аспирантов. Самым его любимым занятием были беседы с друзьями на социологические, философские и литературные темы. Мы бродили с ним до утра по пустынным улицам Москвы. И говорили, говорили. Больше — он. Я слушал.

Умер Сталин. Пробудились надежды. Но не у Саши. «Передерутся, как пауки в банке», — сказал он мне о ближайших соратниках. Скоро так и произошло. Потом наступила «оттепель». Самые бессовестные культисты стали витиями антисталинизма. Как по команде. У Саши это вызывало презрение.

Пока «внезапные свободомыслы» из философов растрчивали себя в эйфории антикультуровской болтовни, оставаясь по существу пленниками все той же, слегка перелицованной, идеологии, Александр Зиновьев продолжал исследование самых основ общества, с неизбежностью порождающего «культ» в тоталитарной или либеральной форме. Он объяснял отличие идеологии от науки, идеологического камуфляжа социальной действительности от ее научного познания. Методологического инструментария для этой работы не существовало. Он создал его сам, осуществив критическую реконструкцию логической структуры «Капитала» Маркса — задачу фантастически сложную, решение которой до той поры оказалось непосильной никому ни на Западе, ни у нас.

Восторженные ученики А. Зиновьева говорили, что он прочитал «Капитал» четырнадцать раз, чтобы выявить его логическую структуру. Зиновьев сам подсмеивался над такими преувеличениями; ради «розыгрыша» он говаривал, что вообще «не читал» ни этой, ни других книг основоположника. Что касается всех других, не знаю, но «Капитал» он проштудировал столь основательно, что его логическую структуру описал так, как, может быть, не сумел бы сделать и сам автор «Капитала». В этом нет ничего сверхъестественного. Истинный критик становится как бы соавтором писателя и, стремясь уяснить для себя, каким способом создавалась книга, объясняет на уровне вторичной рефлексии первичную рефлексия писателя, удивляя последнего тем, что тот сам в себе и не подозревал.

А. Зиновьев отвлекался от собственно политэкономического содержания «Капитала», его не интересовали ни истмат, ни борьба труда и капитала, ни доказательство неизбежности перехода от капитализма к социализму, то есть все то, из чего последователи гениального мыслителя скроили идеологию, от которой он сам успел отмежеваться («Что касается меня, — говорил Маркс, — то я не марксист»).

Зиновьева интересовала только логика (она же диалектика, она же теория познания) «Капитала». Выявив, реконструировав ее, Зиновьев совершил выдающееся научное открытие. Затем, оперируя логикой Маркса как инструментом познания, он первый (не единственный ли?) вывел теорию «реального коммунизма», утвердившегося в нашей стране (но имеющего корни во всех странах). Диалектика «Капитала» сокрушала все догмы «марксистско-ленинской идеологии», показывая ее принципиальную противоположность науке. К счастью для А. Зиновьева, это не поняли сразу, хотя и почувствовали нечто опасное, когда в 1954 году он представил на защиту свою кандидатскую диссертацию «Метод восхождения от абстрактного к конкретному», впервые представив в стройной системе категорий диалектическую логику. Диссертацию трижды «заваливали» мастодонты Ученого совета, и трижды все они были посярмлены соискателем при дружном и радостном одобрении студентов и аспирантов, до невыносимой тесноты заполнивших зал «защиты». Это, по существу, было первое открытое выступление против господствующей идеологии, осуществленное на столь высоком теоретическом уровне, на который не сумели подняться ее противники даже в нынешнюю пору беспредельной свободы критики. Степень А. Зиновьеву все-таки присудили (дело шло к XX съезду), но — увы! — диссертацию не напечатали. Зато она стала первым произведением советского самиздата. Ее перепечатывали на тонкой папиросной бумаге в десятках экземпляров, ее изучали на закрытых (а порой и открытых) семинарах философов, методологов во многих аудиториях страны. На ее идеях сложилось несколько методологических школ. Историкам самиздата следовало бы знать об этом факте...

Можно ли А. Зиновьева назвать «шестидесятником»? Ожидал ли он, чтобы от «сна разума» его разбудил «роландов рог» Хрущева? Нет, он сам проснулся и не в шестидесятые, а в конце тридцатых годов. И в то время как многие «шестидесятники», не успев по-настоящему «продрать глаза», провозгласили «свое» смелое несогласие с тем, что было, приняв безоговорочно то, что настало, чтобы потом снова впасть в «полудрему», А. Зиновьев и в шестидесятые, и в восьмидесятые оставался верен себе, своему ясному взгляду на действительность, как и в сороковые (!), не меняя одни иллюзии на другие. Он не был ни «за» и ни «против» существующего режима, не собирался его изменять. Он был лишь «за» истину и «против» лжи: страсть к познанию мира, общества, человека, его духовного творчества в религии, философии, морали, науке, искусстве была и осталась его всепоглощающей страстью. Он был диссидентом в интеллектуальном и экзистенциальном, но не в политическом смысле слова. Это привело к тому, что его выталкивала и среда властей предрержащих, и среда действительной оппозиции, и среда либералов с «фигой в кармане». Он был обречен быть непонятым, нецененным и в этом смысле одиноким. Эти жизненные и духовные коллизии нашли отражение в «3. В.» и в других литературных произведениях Зиновьева.

Обычно, совершив крупное открытие, ученый всю остальную жизнь посвящает его разработке; Зиновьев же предоставил другим осваивать открытый им «материк». Таков был его жизненный принцип. Он мог бы сказать подобно Маяковскому: «Следующую вещь напишу, только переступив через самого себя». Его следующей вещью была логика, уже мало общего имевшая с логикой «Капитала». Так продолжалось двадцать лет. Исследования, статьи, книги, занятия с аспирантами и студентами, научные конференции. Для ученого мира он был и остался логиком, а тем временем он продолжал изучение общества «реального», а потом и «развитого социализма», используя свою собственную методологию. Об этой «подспудной» деятель-

ности мало кто догадывался, даже из близко знавших его. Зиновьев чувствовал, что его присутствие в среде коллег, осваивающих (и присваивающих) его новые логические идеи, затянулось. Надзор ГБ за его поведением, не только не содержащим в себе ничего политически враждебного, но даже примерно лояльным, запреты на творческие командировки за границу, куда пачками ездили бездари и сексоты, допекали. Наступила пора еще раз «перешагнуть через себя». Так, после тридцатилетнего перерыва он вернулся к литературе и стал автором крамольнейшей книги — «Зияющие высоты». Писалась она в экстремальных условиях. Сексоты вызнали, что Зиновьев что-то этакое пишет, хотели узнать, «застукать». Приходилось спешить. Рукопись в 600 страниц, на которую следовало, по расчетам специалистов, затратить годы и годы, была написана в полгода. На Западе книга вышла в 1976 году. Она произвела там ошеломляющее впечатление, которого, пожалуй, не ожидал и сам автор. О «З. В.» писали как о фундаментальном сатирико-социологическом исследовании советского общества, называли «дарвиновской эпопеей навыворот» (в которой происходит систематический отбор посредственностей), «гигантской притчей», «лабиринтом нового платоновского государства». Поздравляли Россию с появлением, наконец, ее собственного Свифта. Сравнивали автора также с Вольтером, Салтыковым-Щедриним и — что я считаю наиболее соответствующим дарованию автора «З. В.» — с Франсуа Рабле. «Зияющие высоты» были провозглашены «первой книгой XXI века». Прошло еще некоторое время, и книга была переведена на десяток европейских языков и стала бестселлером в Старом и Новом Свете. Литература о «З. В.» превысила ее собственный объем. Вслед за «З. В.» на Западе были опубликованы другие книги А. Зиновьева: «Записки ночного сторожа», «Светлое будущее», «В преддверии рая», «Желтый дом», социологическое исследование «Коммунизм как реальность» и многие другие. О них должен быть разговор особый, хотя все они выросли из могучего ствола «З. В.», с корневой системой, уходящей глубоко в российскую советскую почву.

Известность и слава А. Зиновьева ширилась на Западе. Эжен Ионеско назвал его крупнейшим современным писателем; по представлению выдающегося социолога Франции Раймона Арона Александру Зиновьеву была присуждена премия великого Алексиса де Токвиля. Не приняли его лишь некоторые из российской эмиграции. Его обвинили даже в русофобии. На это он ответил достойнейшей отповедью: «Признаюсь, я не испытываю чувства любви к русскому народу. Но я не испытываю к нему и ненависти. Мое отношение к нему иного качества: я принадлежу к этому народу и разделяю его судьбу. Я часть его. Я озабочен его судьбой. И потому я беспощаден в его описании, — я не хочу обманывать самого себя и моих соплеменников. Лишь те, кто оторвался от своего народа или знает о нем из вторых и третьих рук, могут позволить себе лицемерные эмоции, именуемые любовью к народу, к которому они фактически не принадлежат... Я родился и вырос в самых глубинах русского народа. Я провел в нем почти всю свою долгую жизнь. Я вместе с ним и в нем голодал, мерз, работал, воевал. Я был колхозником, студентом, солдатом, офицером, землекопом, учителем, грузчиком, лаборантом, научным работником, профессором. Я знаю этот народ и несу его в себе самом. Я отдал ему все свои силы и способности, не требуя почти ничего взамен. И, если бы мои книги могли свободно распространяться по России, русский народ ни на мгновение не усомнился бы в том, что я каждой клеточкой своего тела и своей души есть человек глубоко русский. И я очень сомневаюсь в том, что русский народ принял бы за своих всех тех, кто создает и распространяет клевету обо мне как о русофобе». («Мы и Запад». Лозанна, 1981, с. 39).

Слава Богу, книги Зиновьева вот-вот появятся в России, но его статьи и интервью, которые уже появились в некоторых наших газетах (например, в «Московском литераторе»), урезают и искажают его мысли. Одни стремятся перетянуть его на сторону «правых», другие, прогрессисты, спешат «разочароваться», пытаются представить его как «правого». А он не «правый», не «левый» и не «центрист», он сам свое «направление», «партия» и даже «суверен-

ное государство», как он сам называет себя. И сегодня им не движут никакие иные соображения, кроме озабоченности судьбой России.

Но мы забежали вперед. Вернемся к прерванному рассказу. Несколько экземпляров «З. В.» тогда же, в 1976 году, попали на родину. Власти взъярились. М. Сулов назвал А. А. Зиновьева врагом советской власти страшнее А. И. Солженицына, ибо Солженицын раскрыл тайну ужасов ГУЛАГа, а Зиновьев показал, изображая нормальную повседневную жизнь вне ГУЛАГа как такую, в которой ГУЛАГ естествен, по крайней мере на этапе рождения и становления «реального коммунизма», после чего, в период наступившей «зрелости» этого общества, с той же естественностью изобретаются несколько иные, более «гуманные» приемы подавления инакомыслов.

Пока высшие власти решали, как наказать «взбунтовавшегося» профессора, сикофанты — сотрудники академического института уже спешили от него отмежеваться. Начался позорный фарс осуждения и предания остракизму в его собственной философской среде.

Сегодня благодаря сохранившимся стенограммам мы знаем, как трусливо или подло вели себя многие именитые писатели, исключая из Союза Б. Пастернака, А. Солженицына. Точно так же вели себя братья-философы, хотя протоколы «допросов» Зиновьева, кажется, вообще не велись. Его, разумеется, изгнали из института и закрыли доступ к любой другой работе. Увы, от него отвернулись не только «консерваторы», но и его «либеральные» друзья. В романе они увидели родовые черты либералов, обиделись, полагая, что эта сатира затрагивает персонально их. И совершенно напрасно. Зиновьева интересовало социальное явление, а не конкретные лица, и он никого не хотел оскорбить. Ну, а что касается самого социального явления, то он с поразительной точностью предугадал — теперь это очевидно — эволюцию «философского либерализма».

Прогноз, надо сказать, был малопривлекательный, и либеральные друзья смертельно обиделись, порвав с ним всякие отношения (время было для этого ведь самое подходящее!).

Два года Зиновьев фактически находился под домашним арестом, ожидая решения своей судьбы: что предстоит? Лагерь? Ссылка? Тем не менее оставался бодр, продолжал работать, написал еще две книги.

А тем временем книгу читали, она становилась известной. Воспринималась по-разному: удивляла всех, как, наверное, удивила бы «летающая тарелка», если бы действительно села на Землю. От души хохотали, радовались одни, иные «тонкие ценители» искусства, прилагающие ко всему новому «меру» затверженных некогда эстетических норм и правил, — отвергали за «непохожесть», нагромождение «курьезов», за «грубость», «цинизм», за погруженность в сферу материально-телесного низа. (За это же самое М. Бахтин возвеличил Рабле, а А. Лосев назвал его «гадким»).

Были читатели, которых захватила не только сатира на общество, на лжеученых и поэтов, но и трагический голос гения, обкарканного пигмеями. Среди них академик П. Л. Капица и Н. Я. Мандельштам, которая пришла к Зиновьеву и, прижимая «З. В.» к груди, сказала: «Это моя книга, я ее так долго ждала и думала, уже не дождусь. Слава Богу!»

Более всего Зиновьев боялся, что его выгонят из России. Произошло именно это. Трусливая высылка, ибо указ Брежнева о лишении его гражданства, боевых наград и научных степеней и званий, заготовленный заранее, был обнародован лишь после того, как он прилетел в Мюнхен с советским паспортом прочесть (по приглашению) курс лекций по логике.

Прошло 12 лет, как он живет в столице Баварии, тепло принявшей бывшего русского фронтовика. Стоит ли говорить, что то, что он испытывает по отношению к Родине, — это не просто ностальгия. Недавно указом президента М. С. Горбачева ему было возвращено советское гражданство. И опять-таки радость Зиновьева была омрачена тем, что его согласия не спроси-

ли, перед ним не извинились. Как отобрали, так и вернули, как будто сам он тут ни при чем, как будто речь идет не о человеке — о вещи.

Теперь немного о самом произведении. Почему я назвал его сияющей высотой словесности? Под словесностью я мыслю безымянное народное творчество, вплетенное в жизненный процесс. Это фундамент литературы. Вырастая из нее, литература «порывает» с культом и бытом, становится их познанием, концентрацией и хранительницей религиозных, моральных, поэтических смыслов человеческого существования. Словесность, фольклор — искусство внутрижизненное, литература — автономное, самозаконное. Приобретая независимость от общенародных, массовых форм жизнедеятельности, становясь творчеством свободного индивида, литература в то же время вынуждена подчиниться условностям, правилам, канонам, стилевым требованиям, культурным традициям определенной эпохи. В XX столетии литература претерпевает изменения самые радикальные за всю ее историю: она как бы возвращается в жизнь, сливается с устным словесным творчеством. «Зияющие высоты» — пример такого слияния. Зиновьев выступает здесь в двух ипостасях: и как анонимный современный «сказитель», и как индивидуальный автор литературного текста. Каждый свой разговор, на бытовую или научную тему, Зиновьев превращал в словесный шедевр, в котором перемешивалось высокое и низкое, серьезное и смешное. В живом общении он сочинил и «исполнил» многое из того, что потом вошло в «3. В.».

Словесная постройка гигантского повествования воздвигается непрерывными разговорами, громоздящимися друг на друга.

Перебранки, треп, болтовня, споры, прения, полемики, дознания образуют разговорный каркас социальной организации. Они создают иллюзию гибкости, подвижности структуры, структуры на самом деле жесткой и неизменной. Им противостоит ДИАЛОГ — свободный обмен идеями, а не мнениями, духовное взаимообогащение собеседников, поиск, а иногда и обретение истины.

По самооценке А. Зиновьева, «3. В.» — социологический роман (не путать с социальным), поскольку в нем органически слиты научно-социологическое и художественное познания. Действительными героями книги, по утверждению автора, являются не люди, а социальные законы — грязные и жестокие ничтожества. А персонажи романа, которым автор взамен имен присвоил названия по их социальной роли (как она воспринимается средой), используются всего лишь как материал, из которого «лепят» разнообразные лики социальности. Особенностью «3. В.» является также видовая, жанровая, стилевая полифония (проза и поэзия, раешник и элегия, натурализм и сюрреализм, научный стиль художественного мышления — по-моему, нововведение автора — и абсурдизм).

И все-таки, как мне кажется, художник в Зиновьеве берет верх над ученым. Хряк, Заибан, Мыслитель, Претендент, Социолог, Неврастеник, Брат и особенно Шизофреник, Клеветник, Болтун и Мазила — не только социальные маски, но и живые лица, хотя и предстают перед читателем всего лишь как «система фраз».

«Зияющие высоты» — не только сатира, но и трагедия. Сатира — это об обществе, о том в людях (пусть самых достойных), что принадлежит социальности; трагедия — о человеке, сущность которого не исчерпывается совокупностью общественных отношений.

Главная проблема «3. В.» — проблема личности, ее свободы. Она — движущая сила сюжетостроения.

Если на известной картине Делакруа библейский Иаков боролся с самим Иеговой в образе ангела и победил, то положительный герой «3. В.» — «богоподобный» человек — борется с Дьяволом Социальности и терпит поражение: он стоит в очереди — в крематорий, надпись над которым гласит: уходя, заberi урну со своим прахом с собой.

Ибанск — символ общества, враждебного личности, ее свободе.

«Чего хочу? Какую нить я рву?

Куда иду? Какую радость рву?»

Свобода — шаг от камеры ко рву.

Бессмертье — червь, в мою ползущий душу».

Гибель гения есть не эпизод, а суть этого общества — последнее, что пришло ему в голову. («З. В.», Лозанна, 1976, с. 533).

В «З. В.» А. Зиновьев создал образ нового трагического героя, который выступает перед читателем то как Шизофреник, то как Клеветник, тот как Болтун, то как Крикун; иногда его черты обнаруживаются в других, даже второстепенных персонажах, например, в посетителе мастерской Мазилы. Читатель сам синтезирует их в одно лицо — в человека универсальной одаренности.

Этого «распятеренного» главного героя «З. В.» можно было бы назвать «лишним человеком» и тем пополнить череду «лишних людей» русской литературы. Он действительно таков, правда, с приметным отличием от своих предшественников первой половины XIX века; те — богатые натуры — не знали, куда себя деть, томились бездельем, им не к чему было приложить свои силы и, презирая общество, они все-таки нуждались в нем. Герой Зиновьева, напротив, разносторонне деятелен, он поглощен исследованием общества, открывает законы, управляющие социумом. Герой Зиновьева мог бы быть полезен обществу. Но именно за это общество выглаткивает его в никуда. Тут достигнут предел взаимоотчуждения: «лишний человек», с одной стороны, и «лишнее общество» — с другой.

И все же без новых «лишних людей», без этих пасынков и изгоев, это общество не могло бы существовать, и, слава Богу, они возникают в нем снова и снова.

Трагедия индивида не как бытовая, семейная, а как общесоциальная, метафизическая и космическая никогда не была изображена с такой достоверностью, с такой болью и состраданием, как в великой русской литературе XIX и XX столетий. И это, как правило, сопровождалось трагедией ее творцов. Александр Зиновьев — один из них.

Карл Кантор. «Мистерия-Буфф» Александра Зиновьева²

Любая изданная книга есть факт — биографии автора, работы издательства, типографии, книжного рынка и читательского к ней внимания. Факт, как известно, вещь упрямая, но — добавлю — упрямая, как вкоренившаяся бытовая привычка, чаще всего — дурная.

Таких фактов — фактических книг — миллионы.

Есть другие, редкие — книги со-бытия, то есть сопричастные не быту, но *Бытию*. Именно через такие книги (и другие подобные им творения человеческого духа) Бытие бытийствует. Они, имеющие «паспортную прописку» (дату и место рождения), преодолевают границы времени и пространства.

«Зияющие высоты» — книга-со-бытие. Уже первые ее страницы изумляют. Так поражают горы, когда их видишь впервые.

Казалось, все самые великие книги давно написаны (романы М. Булгакова и А. Платонова были последними), а в наши дни невозможно сочинить ничего равноценного. Оказалось —

² Предисловие к книге А. Зиновьева «Зияющие высоты». М., 2000.

возможно. Вот оно, равноценное, перед вашими глазами. За «Зияющими высотами» последовали и другие бестселлеры А. Зиновьева. Автор многих романов, повестей, рассказов, поэм, эссе, очерков, социологических трактатов, политической публицистики, он создал целый литературный континент — «зиновьевландию». Его нельзя было бы ни объехать, ни освоить, если бы вы, читатель, отправляясь в путешествие, не начали с «Зияющих высот», в которых закодированы, как в ДНК гены, идеалы, идеи, темы, образы всех последующих книг неистощимого автора. В них в «свернутом виде» и «Светлое будущее» и «Преддверие рая», «Желтый дом» и «Пара беллум», «Иди на Голгофу» и «Живи», «Евангелие от Ивана» и «Смута», «Русский эксперимент» и «Запад», «Глобальный человек» и все остальное.

Трудно поверить, но первая художественная книга Зиновьева была написана, когда автору (уже всемирно известному ученому-логик) исполнилось пятьдесят четыре года. К этому возрасту иные талантливые писатели достигали своего акмэ или писали закатные опусы, а Зиновьев только «взял старт».

«Зияющие высоты» и во всех других литературных измерениях — уникальны. Загадочная книга. Это не эпопея, не роман, не повесть, не пьеса, не поэма и вместе с тем — и эпопея, и роман, и пьеса, и поэма, но в каком-то необычном переплетении родов и видов литературы.

Попытаюсь все-таки определить, хотя бы приблизительно, синтетический жанр «Зияющих высот».

Свою первую послеоктябрьскую пьесу Маяковский назвал «Мистерия-Буфф» с заголовком «Героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи». Было это в 1918 году. Прошло шестьдесят лет. Начинаясь совсем другая «наша эпоха». И появилась новая «Мистерия-Буфф» — об агонии советской власти накануне Перестройки, предавшей идеалы Великой Революции и оставившей России только «Буфф» без «Мистерии».

Те, кто противопоставляет сегодняшнего Зиновьева, автора «Катастрофы», «Посткоммунистической России» и гневной политической публицистики, Зиновьеву «Зияющих высот», — либо недобросовестны, либо эстетически близоруки. Зиновьев в «Зияющих высотах» написал сатиру не на Октябрь, не на коммунистические идеалы, а на двурушнические круги «марксистско-ленинской» (не диссидентской! — заметьте это) интеллигенции, подрывавшей устои уже деградировавшего советского строя, выдавая его упадок за подъем. Обнимая — душили.

Теперь очевидно: «Зияющие высоты» были предвидением неизбежного перерождения комических персонажей его «Мистерии-Буфф» в откровенных антисоветчиков и антикоммунистов.

Это она — «марксистско-ленинская» интеллектуальная литература правит бал в городе-государстве «Зияющих высот» — Ибанске, где жители когда-то носили славную фамилию Иванов, а в Ибанске стали Ивановыми, а их градоначальник соответственно — Заибановым, или, сокращенно, — Заибаном.

Я назвал «Зияющие высоты» новой «Мистерией-Буфф». И думаю — справедливо.

Но это не все, что можно и нужно сказать о жанре этой таинственной словостройки.

Зиновьев не был бы Зиновьевым, то есть не только художником, но и ученым, если бы сам не определил жанр «Зияющих высот». Он назвал их социологическим романом. Именно социологическим, а не социальным. Социальными являются все художественные произведения — и хорошие и не очень, — если только вниманию и любви к человеку, отечеству и человечеству писатели и живописцы не предпочитают самоудовлетворение «искусством для искусства».

«Зияющие высоты» — роман, безусловно, социальный, но он еще и социологический, удешевивший возможности художественного постижения жизни и эстетически преобразующего воздействия на нее.

Социологическим романом «Зияющие высоты» стали потому, что Зиновьев впервые в мировой литературе органически соединил в едином и цельном повествовании искусство и

науку, науку об обществе — социологию. Ни с какой другой наукой (физикой, химией, биологией и другими) искусство несоединимо.

Физики и биологи могут быть (и бывали) героями романов. Но наука физика или наука биология, будь они вплетены в ткань художественного повествования, разорвали бы ее в клочья. Социология, напротив, сделала эту ткань более прочной, поскольку у художественной литературы и социологии один и тот же предмет — человек и общество.

Автор «Зияющих высот» сам является и главным героем романа, легко узнаваемым под масками персонажей — Шизофреник, Клеветник, Болтун. Он — автор, единый в трех (по крайней мере) масках, непрменный участник шутовского карнавала — «мероприятия», каковым является жизнь Ибанска и его мозгового центра — высшего идеологического института. Коллектив института — карьерист на карьеристе, — лицемера, соперничая, завидуя, донося, обманывая и обманываясь, печет убаюкивающие начальство социологические фальшивки. В то же время Шизофреник (Клеветник, Болтун), уединясь в своей бедолажной комнатенке, создает новую социологическую теорию общества, моделью которого для него служит Ибанск. Читатель становится свидетелем того, как создается социологическая теория.

Он видит, как ученый от эмпирических наблюдений, пользуясь им самим разработанной методологией и опираясь на божественный дар интуиции, приходит к открытию социологических законов. Это чертовски увлекательно. И тут же читатель знакомится с результатами социологических исследований и обобщений — не урезанным, не упрощенным, доступным и захватывающим социологическим текстом.

Социологический трактат Шизофреника — это книга в книге. Прием вставных новелл, романов в романе, пьес в пьесе или картин в картине давно опробован в литературе и живописи. Внутренние зеркала не только придают объемность и достоверность изображению благодаря эффекту бесконечных отражений в отражениях, но и внушают читателю или зрителю, что перед ним не произведение искусства, а доподлинная жизнь.

Социологический трактат Шизофреника в «Зияющих высотах» — не простое внутреннее зеркало. Он превращает роман в рентгенологическую «комнату смеха». Одних действующих лиц она уменьшает, других увеличивает, третьих сплющивает, четвертых раздувает, красавиц делает дурнушками, а золушек королевами, за маской «Мыслитель» она обнаруживает, что он лишь воплощает социальную функцию считаться таковым, а на самом деле Мыслитель — эрудит-компилятор, тогда как Шизофреник — воплощение антисоциальной функции — на самом деле истинный мыслитель. «Социолог» — маска социальной функции ибанского общества, а на деле он — эпигон зарубежной псевдосоциологии, а тот же Шизофреник — социолог «от Бога»; за маской «Сотрудник» — социальная функция в Ибанске первостатейная — скрывается клеветник и доносчик, а за маской антисоциальной функции «Клеветник» — «режущий правду-матку» при любых обстоятельствах и невзирая на лица. Под маской «Художник» выполняет социальную функцию вождя писца бездарный мазила, а под маской изгоя «Мазилы» лепит свою антисоциальную функцию великий скульптор.

Перед нами еще одна грань многогранного кристалла, выращенного Зиновьевым, — комедия масок, маскарад жонглеров, канатоходцев, скоморохов, шутов. Маски флиртуют, фехтуют, социальные маски теснят антисоциальные, ибо «социальный прогресс, — как говорит Зиновьев, — процесс антисоциальный». А в Ибанске прогресса нет.

Все это было бы грустно, когда бы не было так смешно.

Шизофреник, Клеветник, Болтун — все эти антисоциальные типы — балагуры, остроловы, пародисты, мастера каламбуров, парадоксов, розыгрышей, подначек. Смех — сардонический, гомерический и всяких прочих разновидностей — их оружие защиты и нападения. Своих социальных антагонистов они высмеяли вдрызг. Хохот сотрясает храмину «Зияющих вы-

сот». Смеются герои социологического романа, заливаются смехом «несоциологические» читатели.

Зиновьев способен из одной фразы извлечь сатирический образ, перекрывающий фольклорные сатиры. Таков и оксюморон — «зияющие высоты». А сколько их еще в тексте — оксюморонов, гипербол, аллегорий, шарад?

Весь громадный том «Зияющих высот» разделен на сотни коротких глав — по одной, две, три страницы. Это кванты творческой энергии автора, заражающие читателя стремлением к сотворчеству, пониманию, «срыванию всех и всяческих масок».

Интеллектуальная, языковая, стилистическая, жанровая новизна «Зияющих высот» ошеломляет.

Новизна их — абсолютна. И именно поэтому традиции мировой классики, зажившие в фактологически-реалистической и загубленные в постмодернистской прозе и поэзии, возрождены в «Зияющих высотах» с удивляющей полнотой. Все золотые традиции мировой классики воплощены в «нетрадиционном» романе: совмещение комедии и трагедии, смешного и печального, сатиры и оды, сказания и легенды, возвышенного и низменного, стихии площадного просторечия и логической стройности академической беседы, стихов и прозы.

А пафос «Зияющих высот» — все тот же пафос гуманистической религии, такой же философии и искусства: трагедия Пророка, несущего людям учение любви и правды и отвергнутого не понявшим его обществом, и трагедия общества, гибнущего вслед Пророку потому, что оно его отвергло.

В заключение процитирую исповедальные слова самого Шизофреника (А. Зиновьева), почему он написал «Зияющие высоты»:

«Им овладело смутное ощущение тайны, известной только ему одному или, во всяком случае, очень немногим, и он не мог окончить свою бесплодную жизнь, не сделав последней попытки сообщить эту тайну людям. Он знал, что людям его тайна глубоко безразлична. Но это уже не играло роли. Он чувствовал моральный долг перед самим собой. Человечество содержалось в нем самом».

Виктор Гюго как-то сказал, что гротесковый характер творчества — обязательный признак гениальности и что гениальный писатель отличается от просто великих резким преувеличением, чрезмерностью, темнотой и чудовищностью всех своих образов.

Таким был Франсуа Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле». Таков Александр Зиновьев в «Зияющих высотах».

Петр Вайль, Александр Генис. Заговор против чувств³

ВСЕЛЕННАЯ БЕЗ МОЗЖЕЧКА

«Зияющие высоты» зияют и высятся, раздражая всякого человека, имеющего склонность к порядку и классификации. И не зря так часто Зиновьева забывают назвать, говоря о современной русской литературе, — точнее, забывают, перечисляя привычный ряд имен, потом спохватываясь. Отчасти дело, видимо, в недавности появления Зиновьева, в том, что к нему не привыкли; но главное — к нему и не привыкнул еще долго. Он как-то остается вне поля зрения, каждый раз требуя специального усилия даже для простого называния. Все-таки необхо-

³ Современная русская проза. Нью-Йорк, 1982.

дима цепочка, некая шеренга • — по школам, направлениям, тенденциям, стилю — и имя в окружении товарищей встает на положенное место. Короче, необходимо то, чем занимается история литературы. В крайних случаях годятся аналогии другого порядка • — внелитературные: скажем, интеллигентская скороговорка Пастернакмандельштамцветаеваахматова или Даниэль, неизбежно — до конца жизни и дольше — стоящий рядом с Синявским.

Всего этого у Зиновьева и его книги — нет. Сблизить его удастся лишь с теми, у кого не дрогнула бы рука, попадись он им на мушку: с Бабаевским, написавшим «Кавалер Золотой Звезды», с автором «Счастья» Павленко, с творцом «Стряпух» Софроновым... После них, творивших в чистоте и легком дыхании 50-х годов, только он, Зиновьев, сумел взглянуть на советскую власть и советскую действительность такими же ясными глазами.

Для Зиновьева и Бабаевского страна победившего социализма — несомненная данность, отправная точка всех дальнейших рассуждений, описаний, событий. Постулаты: революция победила, советская власть существует как строй, как добровольно принятая идеология большинства. Инакомыслящие и вправду мыслят инако.

Для Зиновьева не стоит вопрос: проблематично ли существование советской власти? Он начинает там, где заканчивают другие. Для него советская власть — печка, от которой надо танцевать, а не простукивать кладку. Для него важно то, что коммунизм — такая же законная социально-экономическая формация, как феодализм или рабовладельческое общество.

Зиновьев утверждает: «...Законы бытия — явление универсальное, они везде одинаковы. Им все равно, где становиться в позы, кривляться и гримасничать. Но Советский Союз им на редкость пришелся по душе — они здесь оказались полновластными хозяевами и буйствовали без всяких ограничений, изобретенных западной цивилизацией и раздавленных в зародыше в результате революции», все основные положения марксизма-ленинизма реализовались — не потому, что оказались правильными, а потому, что по ним живут сотни миллионов людей. Реализация марксизма ведет с неизбежностью к реализации социальных законов по Зиновьеву — общих для всего человечества на всем протяжении его истории. Марксизм создает идеальные условия, питательную среду для развития их. «Основу для них (социальных законов) образует исторически сложившееся и постоянно воспроизводящееся стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального быта. Примеры таких правил: меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от себя и т. д.» Советский социализм создает формы общественного бытия, ведущие к отрицанию таких наносов цивилизации, как право, мораль, религия и пр., тем самым — говорит Зиновьев — являя собой истинное светлое будущее человечества, которому так долго мешали жить свободно — то есть по социальным законам, единственным, имманентно присущим человеку.

«Зияющие высоты» есть синкретическое, художественно-научное исследование; художественная модель действия социальных законов в их чистоте и научный анализ этой модели.

Как художник и мыслитель, Зиновьев открывает новый этап в идеологическом противостоянии советской власти, предлагая в качестве орудия тщательный, кропотливый и беспощадный анализ советского социализма. Это общество надо изучать, чтобы найти ему альтернативу, иначе будущее мира — страшно. Только знание может уравнивать силы. Сейчас о равновесии говорить не приходится. «...Один из самых больших современных писателей, с точки зрения чистой литературы, быть может, самый большой среди всех... — это Зиновьев. Он констатирует с полным основанием, что западная философия, западный гуманизм, христианство капитулировали перед советским марксизмом. Не только католицизм капитулировал, но также гуманизм и экзистенциализм и все основы жизни, какие у нас были...» (Эжен Ионеско).

Новизна зиновьевского замысла определила литературную необычность. Как социальный мыслитель Зиновьев сомнений не вызывает. То, что он «неписатель» — воспринимается

сразу. То, что писатель — погода. Но именно безусловная принадлежность «Зияющих высот» к художественной литературе позволяет оценить книгу Зиновьева как революционный шаг в современной русской литературе.

Через всю историю мировой литературы проходит легко ощутимое, но трудно объяснимое членение. Всегда были писатели, воплощающие представления о своей эпохе, знамена времени — Гомер, Софокл, Бокаччо, Бальзак, Толстой, Хемингуэй. Их глазами мы видим VIII, V, XV, XIX, XX века. Благодаря им мы знаем, что думал и чувствовал античный грек, человек Ренессанса, буржуа нового времени. Они находили закономерности своей эпохи, вскрывали пружины общественного устройства демократий, тираний и опять демократий. По ним строится классическая по своей простоте и ясности обычная история литературы. И всегда рядом (а часто и пародийным двойником) — Петроний, Лукиан, Рабле, Свифт, Гоголь, Достоевский, Булгаков. Как-то сразу (может быть, иногда со спорами по поводу одного-другого имени) ощущается разница между двумя списками титанов мировой словесности.

При бедности литературоведения точными критериями приходится положиться на это глубоко ненаучное ощущение, интуитивно замечаемую разницу. Пусть точка будет в некоторой степени произвольной.

Итак, два русла литературы. Одно рождает концепцию человека социального: индивидуум вырастает в обществе, репродуцируя в себе его структуру. Человек мыслит, чувствует и поступает по законам своего времени. Личность воспроизводит этико-культурный комплекс своей эпохи. Антигона хоронит брата и расплывается за выполнение социальной нормы жизнью. Сид ставит долг превыше чувства и выполняет основную заповедь кодекса чести. Растиньяк строит карьеру и являет собой образец буржуазного социального закона. Короче, конфликт лежит в сфере конкретно-исторических условий. Анализ общества неразрывно связан с анализом личности. Вернее, индивидуальное становится заместителем общественного. Для такой литературы характерно представление о человеке как о *tabula rasa*, на которую общество заносит свои инструкции. Крайний пример — «натуральная школа». Художник рассматривает общество как структуру замкнутую, единичную, законченную. Его мир имеет границы во времени: история ведет человечество от нуля до существующего момента. Не только герои, но и автор находится внутри структуры той общественно-экономической формации, к которой он сам принадлежит, т. е. критерии художника находятся в соответствии с критериями общества. Конечно, это не значит, что он согласен с иерархией ценностей. Нет, обычно он против критериев, навязанных ему обществом. Но его протест неразрывно связан с системой «хорошее-плохое», существующей в данную эпоху. Герои Корнеля и Расина по-разному решают проблему долга и чувства, но современниками и соседями по классицизму их делает то, что они решали эту проблему в соответствии с этикой XVII века, обуславливающей и возникновение этой проблемы, и ее художественное воплощение.

Эстетика литературы этого русла дала нам четкую систему жанра — сагу, повесть, оду, роман, трагедию. Систему классических тропов. Национальные языки получали в образцах этой литературы классическую завершенность. И расцветала эта литература в эпохи, наиболее ярко проявлявшие свою общественную сущность: Периклова Греция, Рим Августа, Франция Людовика XIV, Викторианская Англия.

Основной путь мировой литературы лежит в этом русле — во всяком случае, по нему строятся истории мировой литературы.

Другое русло существовало всегда. Начиная с фольклора. «Другая» литература всегда сопутствовала «обычной» и в период шедевров оказывалась незамеченной и забытой. В кризисы давала свои шедевры, иногда заменяла собой главное русло, но вновь уходила с поверхности с приходом сильного государства и господствующей эстетики. «Вторая» не могла существовать в одиночестве, ибо жила паразитом на теле «первой». Она использовала «чужие»

эстетические системы, пародируя, искажая до неузнаваемости образец, рождала свою, часто антихудожественную структуру. Гомер написал «Илиаду», Аристофан — «Облака». Вергилий «Энеиду» — Апулей «Золотого осла». Корнель «Сида» — Вольтер «Кандида». Толстой «Войну и мир» — Шедрин «Историю одного города». Шолохов «Тихий Дон» — Булгаков «Мастера и Маргариту». Солженицын «Раковый корпус» — Зиновьев «Зияющие высоты»...

Но это не значит, что литература делится на два этажа — первый и полуподвальный. Она развивается в двух направлениях, и каждое из них исходит из разных потребностей человеческой культуры и разных концепций личности и общества.

Если «первая» исходила из предпосылки: человека обуславливает общество — и строила концепцию личности как *Homo socialis*, то «вторая» — просто как *Homo*.

Художник из «второй» представляет историю статичной коллекцией событий. Общество измеряется величинами скалярными, а не векторными. Личность принципиально не меняется, подчиняясь лишь имманентным законам развития. Человек — существо, обладающее набором свойств, полученных им в генетическом наследстве как единицы вида (или данных Богом — в зависимости от взглядов писателя). Общество — арена борьбы воли каждого индивидуума со стихийно (или организовано) слагающимся социальным этикетом. Естественная натура и искусственная структура. Кто кого. Вот конфликт, характерный для «второй» литературы.

Если литература генерального русла давным-давно стала объектом изучения и поклонения, то «вторая» литература во все времена испытывала приливы восхищения и отрицания. Суть ее не так легко поддается анализу. Разнообразные формы ее архитектоники не дают ключа к построению четкой теоретической модели. Нет даже термина, которым можно назвать это единство. Хотя есть один, которым уместно воспользоваться. Учение о схожих явлениях создал М. М. Бахтин. Это — теория мениппеи. Остановимся на основных ее моментах.

Мениппея появилась в поздней античности. Тогда, в безумном хаосе языческой культуры, и появился в литературе новый жанр, названный по имени его автора менипповой сатирой, или мениппеей. Формальная новизна его заключалась в соединении стихов и прозы в одном произведении, а содержательная — в смешении сократического диалога платоновского «Пира» с площадной бранью Аристофана, в гротескном симбиозе отточенной античной философии с этикой развратника и проститутки. Тогда и появились первые замечательные образцы мениппеи — «Сатирикон» Петрония, «Золотой осел» Апулея, «Разговоры в царстве мертвых» Лукиана.

Жанр этот оказался необычайно подходящим для эпохи величайшей этической и эстетической смуты. Мир, в котором все ценности менялись знаками, получил орудие для познания самого себя. Ибо мениппея — это литература, которую интересует один вопрос: для чего живет человек. Не как, а зачем. Человек вообще — без родины, без религии, без истории. И для того, чтобы решить такой вопрос (а решить его, конечно, мениппея не могла и не сможет), этот жанр создает свой мир, который мало заботится о схожести с настоящим. В этом мире все по-другому: своя система ценностей, свои условия игры, игры в вопросы и ответы. Но в вопросы последние, которые задают себе люди у крышки гроба. Цель существования этого мира только одна — отвечать на такие вопропы. А форма ответа — испытать все варианты решения (все «правды» всех персонажей — не персоналки, а только носителей этих «правд»).

Бахтин, выделяя мениппею из множества жанров античной эпохи, указывает на ее последующую великую историю: к мениппеям (или произведениям с мениппейными чертами) он относит и Сервантеса, и Рабле, и Гоголя, и Достоевского.

Во всех своих трудах Бахтин разрабатывал историю литературы, отличной от главного русла. Вернее, в общепризнанных шедеврах и забытых манускриптах он находил то, что отличает литературу (условно говоря, жизнеподобную) от литературы «гротескной». Изучая его

научное творчество, можно прийти к выводу, что мениппея из жанрового определения перерастает в видовое.

Петрония, Рабле, Гоголя и Достоевского трудно объединить в жанровых рамках, но можно в видовых, если представить определенную тенденцию литературного развития как мениппейную. Т. е. речь должна идти о литературных произведениях, различных по эпохе возникновения и жанровым канонам, но схожих по функционированию и способу организации материала, а следовательно, по общей мировоззренческой установке. Мениппейная литература осознает свое качественное отличие в понимании своего предмета — человека. Ее герой — это абстрактная личность (аналог фольклорного мудреца), которая выражает идею (правду). Этим и ограничивается функция человека в мениппейном произведении. Герой-мудрец подвергается испытаниям, но на самом деле подвергается испытаниям его правда. Сам он лишен своего социального, культурного, исторического одеяния — гол и нищ. Единственное его достоинство — идея. (Вспомним, что предметом литературы в классическом понимании является человек во всей его материальной и духовной целостности и полноте).

Литературой, в отличие от философии, которая издавна использует такого героя, мениппею делает сюжет. Чем больше испытывается правда (идея), тем яснее становится ее абсолютная сущность. А материалом, испытательным полигоном для нее служит мир. История правды и ее носителя в мире — это сюжет мениппейной литературы (в отличие от сюжета как истории характера, показанной в конкретной системе событий).

Естественно, что мир в мениппейной литературе понимается иначе, чем в литературе «обычной». Мир как целое, космос. Он включает в себя все, и в качестве такового — бесконечные варианты своего существования. То, что воспроизводится в конкретном литературном произведении, есть лишь реальное воплощение мира, инвариант и всегда условная модель того всеобщего универсума, к постижению которого и должна вести история правды.

Мениппейная литература с самого начала отрицает идею творчества как отражения, будь то зеркало плоское (реализм), вогнутое (реакционный романтизм) или выпуклое (прогрессивный романтизм) — оно отражает действительность. Вместо отражения она предлагает творение мира — вернее, восстановление целостного мира путем поиска истинного слова (идеи) о нем. Не претендуя на правдоподобное изображение жизни, мениппейная литература творит условную ее модель, своеобразный способ постижения жизни. Человек в такой литературе не подлежит «обработке» средой — он как часть универсума вечен, неизменен и бесконечен. Он говорящая часть мира. Конфликт мениппейного героя с этикетом (нравственным, политическим, религиозным) заложен в самом определении человека как субстанции бесконечной, а значит, органически неспособной подчиниться ограничению в чем-либо (мениппейная сущность конфликта поэта и государства). Конфликт этот трагичен. Сам человек создает общество, воплощая свое идеологическое слово о модели мира. А создав, приходит в неизбежное столкновение с бесконечностью мира, а следовательно, и его идеологическим постижением.

Мениппейный художник, оперируя таким конфликтом, не может не выйти за границы той системы (того варианта мира), в котором он творит. Следовательно, мениппейная литература не может опираться на те критерии, которые предлагает ей современная эпоха.

Выход за пределы структуры данных общественных систем и институтов легче в эпохи кризисов господствующих идеологий, когда брешь между постулированным миром и его инвариантами становится шире. Поэтому мениппейные шедевры создаются в эпохи крушения мировых мировоззренческих систем — античности, христианства, коммунизма.

Мениппейная литература существует только на общенародной фольклорной почве. Ей присущ мифологический взгляд на мир как на целостность и карнавальное осознание его бесконечной текучести и принципиального непостоянства. Она демократична в том смысле, что личность в ней представляется видовой единицей — выразителем идеологического слова мира.

(В отличие от в принципе аристократического характера литературы классического типа — с его установкой на личность, сознающей свою уникальность).

В принципе иная мировоззренческая установка создает и свою языковую систему. Формотворчество мениппейной литературы адекватно ее идейной сущности. Она оперирует жанрами и тропами, лежащими на периферии литературы классической. Фантастика, преувеличение, гротеск — суть для нее способ существования. Все, что выходит за рамки заурядного, характерного, позволяет осмыслить мир как незавершенное явление. Социальная утопия становится орудием анализа данного варианта первоначальной идеи. А пародия — зеркалом (все-таки) данного общества. Мениппейная литература игнорирует категорию времени, ибо основы мира не поддаются временным изменениям. Значит, истина лежит в постижении абсолютного (и несуществующего в реальной истории) пра-мира, а не его последующих изводов.

Все это имеет непосредственное отношение к творчеству Александра Зиновьева. Мениппейная традиция в русской литературе никогда не исчезала вовсе, но в эпоху расцвета критического реализма затмевалась титанами российской словесности. В советскую эпоху она дала свой ярчайший образец в «Мастере и Маргарите» Булгакова. В постсталинские времена добротный реализм сразу же бросился отвоевывать позиции у неоклассицизма Софронова и Бабаевского. И только в самое последнее время появилось произведение, возвращающееся к мениппейному руслу. Возможным основателем новой традиции стал А. Зиновьев с его мениппей «Зияющие высоты».

В поисках новых форм воплощения своей модели действительности Зиновьев пошел по забытой тропе синкретического сознания. Как эмбрион повторяет эволюционные ходы, так «Зияющие высоты» — историю литературы. Симпозионы Платона, древнюю аттическую комедию, карнавальная роман, просветительские трактаты... Синкретизм же заключается в том, что он соединил два теоретически несоединяемых способа познания: художественный и научный. Очевидный эклектизм формы, демонстративное отсутствие композиции (книга практически не может иметь ни начала, ни конца) поражает, тем не менее, отчетливым литературным единством. Объясняет это мениппейный характер сюжета: история самопознания общества.

Главная мысль книги: коммунизм — естественная форма социальной организации человечества. Т. е. в конечном счете, человеческим особям свойственно жить при коммунизме. Эта идея проходит искус научных теорий (трактат Шизофреника, главы о крысах) и художественных обобщений (творчество Мазилы). Как и полагается в мениппее, герои книги — мудрецы, лишенные индивидуальных характеристик. Они марионетки, выполняющие функции развития главной идеи.

Эстетика парадокса, которая постулирована уже в заглавии, обслуживает карнавализованную модель мира: Вселенная без мозжечка. Отсутствие иерархии, вернее, множественность иерархий — по уму, по чинам, по месту — предполагает аморфную конструкцию книги. По сути дела, это энциклопедия человеческой мысли о человечестве. А в качестве таковой она включает в себя любой материал. Путь мысли (идеологического слова о сути человеческих отношений как единиц вида) служит магнитным стержнем, на который налипают эпос, лирика и драма зиновьевского трактата.

Настойчивое отнесение «Зияющих высот» к категории сатиры на человечество, а не на СССР, вызывает вопрос об актуальности, злободневности книги. А как же быть с Заибанами, Хряками, когда в каждом из них легко узнается прототип? Но противоречия здесь нет. Мениппее всегда свойственна публицистическая злободневность. Ведь она рождается на теле господствующей идеологии как отрицание ее. Способ «от противного» — вот конструктивный принцип ее построения. Другое дело, что, отрицая определенное мировоззрение, мениппея каждый раз доходит до изначальной сути мира и таким образом переходит из категории временной в вечную.

Парадоксальным образом книга Зиновьева, открывая новую сферу литературы, сама же ее закрывает. Зиновьев отвечает на все «последние» вопросы, которые задает себе мир у гробовой доски. Ответ его звучит приговором: человечество пришло к своему идеалу, т. е. к воплощению абсолютных человеческих (а следовательно, и социальных) законов. Торжество коммунизма есть трагический результат приключения правды. К зиновьевской модели мира добавить больше нечего (можно только дополнить). Таким образом, акт идеологического самопознания общества и человеческой натуры, завершен, итог подбит, надежды иссякли.

Итак, Зиновьев написал мениппею. Подобно античному мудрецу, он бесстрастно судил людей и общество, интересуясь только правдой. Как в кукольном театре, его марионетки послушно рассуждали о вопросах бытия. И сам Зиновьев не заметил, как это бытие оживило марионеток, и они взбунтовались. Идеи обрели жизнь, образы — плоть. Аморфная груда страниц стала художественным произведением. Но произведением необычным.

Идея расплывчата и противоречива; сюжета нет вовсе; композиция хаотична; герои без имен-отчеств и человеческих чувств; заумь научных трактатов смешивается с матерной руганью; время от времени среди прозы — стихи.

С другой стороны, сам Зиновьев никогда и не скрывал, что не воспринимает себя профессиональным писателем, намекая, что для него литература — как скрипка для Эйнштейна. А главное — философия, логика, социология. Наука.

Отнеслись к Зиновьеву на редкость однообразно. И совсем неважно, что восемь из 10 возненавидели, а двое других восхитились. Никто (или почти никто) не захотел или не смог понять, что в литературу пришел писатель. А только — что в современную политическую мысль пришел политический мыслитель. Тут-то и начали ломаться копыя и ломаются по сей день. Удары разной силы: от скромного «русофоба» до криминального «агента КГБ», от почти безобидного упрека в «незнании русской истории» до апокалипсического обвинения в «стремлении распространить коммунистическую экспансию на весь мир». Волноваться, видимо, есть от чего. За долгие годы никто не высказывал столь парадоксальные идеи о сущности советского строя, о судьбах России и мира. Кроме того, у Зиновьева есть то, чем не обладает ни один из его критиков, — логика и последовательность.

Но все это — в скобках. Мы пишем о Зиновьеве-писателе, поразившем нас своей литературной необычностью. И хотя в дальнейшем придется касаться политических взглядов писателя, нас интересует, прежде всего, вопрос — что такое Зиновьев и его «Зияющие высоты» с точки зрения литературной.

КЕНТАВРЫ. ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА

Когда Зиновьев писал «Зияющие высоты», он создавал трактат. Энциклопедию социологических знаний о коммунизме. Весь объем сведений был заранее подготовлен многолетним трудом и личным опытом. Оставалось лишь найти дидактическую форму. Поиски этой формы и привели к литературному шедевру. Чтобы перевести на человеческий язык научные откровения, пришлось использовать наглядные методы художественной литературы. Например, ввести диалог и персонажи. Зиновьев использует древнюю педагогическую манеру изложения научных законов. «Скажи мне, Цефалус, что есть справедливость?» — спрашивает Сократ собеседника. Цефалус отвечает неправильно, а Сократ его все поправляет и поправляет. Так начинается «Государство» Платона. В те времена авторы трактатов тщательно следили за правильностью клаузул и чередованием цезур.

Педагогические намерения заставили Зиновьева выдумать всяких болтунов, мазил, двурушников. Все они должны были рассредоточиться по соответствующим главам трактата: «Ибанизм и наука», «Ибанизм и культура», «Ибанизм как высшая стадия пауперизма» и т. д. Персонажи должны были быть бестелесными, как ангелы, и абстрактными, как алгебра. Для этого Зиновьев отобрал у них все (даже имена), оставив голые функции: Мазила мажет, Клеветник клеветает, Правдец выкрикивает.

Бунт героев начался сразу. Персонажи заявили претензии на клочки биографий. Оказалось, что один сидел до, а другой все время. Одному мешают соседи, а у другого есть ученики. Третий же вообще был летчиком.

Литература начала мстить за взятые напрокат методы. И вдруг выяснилось, что имена героев-функций читаются, как имена собственные. Персонажи потихоньку высвобождались из-под узурпирующей власти автора, обрастали сюжетом и вообще стали нарушать стройный порядок «скажи мне, Цефалус».

Выяснилось, что группа образов-резонеров (Болтун, Шизофреник, Клеветник, Неврастеник) обладают качествами сильных характеров — полная независимость мышления, стремление к абсолютному знанию, исключительная неспособность к строительству карьеры. Последнее придает им трагичность, ибо никто не знает лучше, как строится карьера. Но выведенные ими законы доказывают, что именно эти знания обрекают на провал все попытки. Болтун и К⁰ обладают абсолютным знанием об обществе, но знания эти неприменимы и бесполезны для них. Поэтому они не спеша плетутся к крематорию, унося с собой, вместе с положенной по инструкции урной, секрет смысла жизни — «основу подлинно человеческого бытия составляет правда».

Болтун и Шизофреник — истинные мениппейные мудрецы — обречены на бездеятельность. Они создают и хранят знания и понимание общества, в котором живут. Другое дело Мазила. Он не размышляет, а создает художественный аналог победившего ибанизма. Мазила нужен Зиновьеву как олицетворение отношений искусства и правительства. Как материал для эстетической части трактата о крысах. Он истинный творец, абсолютизовавший эстетическое чувство, даже эстетику уродливого. Как художник, он создает произведения, стоящие над и вне социальных законов, зато результаты его творчества всецело им принадлежат (портрет Хряка). Если взаимоотношения Мазилы с Хряком, это отношения гения с тоталитарным государством, то Распашонка представляет типичное решение проблемы «поэта и толпы». Он — любимец органов и молодежи. (Насколько Распашонка типичен, можно судить по забавной нелепости в рецензии на английский перевод «Зияющих высот». Критик называет прототипом Распашонки — Вознесенского, не смущаясь схожестью украинских фамилий.)

Исторические персонажи Зиновьева представляют, действительно, почти полную абстракцию. Все эти Хряки, Заибаны, Хозяева переплетаются в историческом процессе в чудовище-гидру. Поэтому для их отличия необходим порядковый номер. Но они не герои произведения, а его литературный фон.

Есть в «Высотах» и лирические герои — Они Она. Их любовная история, протекающая в социологическом диалоге и «безобразных» стихах — чистая лирика. Вариант известной картины передвижника Ярошенко под названием «Всюду жизнь».

Но главный, самый настоящий герой книги, несомненно, Крикун. Это уже не оживленная литературой функция, не очеловеченная абстракция, а настоящий полнокровный образ. Причем образ положительного героя, чего, вообще-то говоря, почти не бывает. Крикун аккумулирует знания Болтуна и Шизофреника, изучает реальные факты, как Правдец, и, зная все об этом обществе, действует. Его героическая жизнь уже просто не укладывается в идею трактата. И тогда специально для него Зиновьев пишет пронзительно трогательную, без сарказма и парадоксов, обыкновенную литературу.

К концу книги герои-маски все больше оживают. Они встречаются в нелепом хороводе псевдосузета, сходятся вместе и все говорят, говорят. Зиновьев думал, что он, лишив своих бестелесных героев нормальной биографии, эмоций и желаний, отделается от них. Пусть, мол, высказывают то, что велено авторским замыслом. Но они исподтишка вдруг срываются с силлогизма на мат, после дефиниций ударяются в вой. И вот такие, полулюди-полуидеи, недоносками и кентаврами они тащатся сквозь крошечную тоску бытия, без надежд и стремлений, отягощенные только жадной истины.

Заговор писателя А. А. Зиновьева против литературы не удался: «Зияющие высоты» стали не только энциклопедией знаний об обществе, но и энциклопедией советских характеров.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПОДЪЕЗДА КРЕМАТОРИЯ. ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Александр Зиновьев умудрился посмотреть на тоталитарное общество снаружи, находясь в самой гуще его. И более того — он увидел его во всей целостности, полноте и законченности, проследил от начал до нестерпимого сверкания зияющих высот. Не до конца, нет — конца не предвидится. Но и развития нет. Общество, рассматриваемое и моделируемое Зиновьевым, — растет, но не меняется, длится, но не развивается. Немного в литературе есть примеров описаний таких вот законченных социальных систем — скажем, идиотически-прекрасный «Город Солнца» Кампанеллы. Зиновьевский Ибанск так же замечателен. И вовсе не потому, что так уж хорош. Просто «Ибанск... есть тупиковая цивилизация». И еще: «...Ибанск и есть выход из всех затруднений прошлой истории человечества».

Итак, Ибанск есть тупик и конечный выход одновременно. К такому заключению придут самые умные герои «Зияющих высот», а жестко формулирует один из тех, кто в книге представляет автора, — Болтун. Социальные законы, имманентно присущие человеку, наконец совпали с законами конкретного общества. Человеку не надо больше прикидываться продуктом цивилизации, оглядываться на любовь к ближнему, правду, порядочность и прочие жупелы. Социальные законы, вроде «хочешь жить — умей вертеться», оформились в принципы государственной системы. И потому дальше идти некуда — от добра добра не ищут.

Да, но ведь есть же — пока — и другой мир. Есть общества и правовые, и моральные — в отличие от ибанского. Конечно, утверждает Зиновьев, в конце-то концов останется лишь республика на болоте, чтоб было с кем целоваться на аэродромах ибанским Заведующим. Но пока-то... И вот кричит Правдец, поет Певец, строчит Двурешник, сочиняют трактаты Клеветник и Шизофреник. А Зиновьев равнодушно замечает: «Разоблачение только укрепляет ибанизм». И поясняет: все, что могут предложить человеку достижения цивилизации, не дает общей оптимистической ориентации. Религия и мораль обращаются к душе, наука к разуму. А ибанизм обещает персональную машину через сорок лет и дачу — через восемьдесят. И неважно, что где-то за кордоном это уже есть сейчас. Предпраздничный день всегда милее праздника. А разоблачения — суть прививки, ведущие к полному иммунитету.

С парадокса «разоблачение только укрепляет ибанизм» и начинается великий парадокс Зиновьева и его книги.

Зиновьев-ученый, безупречно логичный и последовательный, ведет свою идею непобедимости ибанизма под гром точных формулировок, рокот умных трактатов, звон блестящих афоризмов. И Болтун — последний циник и герой — под звуки этого оркестра заходит в крематорий. «И его не стало. И наступил конец всему» — так звучит последняя фраза «Зияющих высот».

А где-то, сначала сбоку, потом все более и более выдвигаясь вперед, появляется, точнее, проявляется Зиновьев-художник. А за ним — когорта каких-то странных персонажей, похоже, не вполне согласованных с научно обоснованным мнением своего творца. Блестящие анали-

тики Клеветник и Шизофреник, гениальный скульптор Мазила, героический идеалист Крикун... А Болтун действительно идет в крематорий. Но перед дверью говорит: «Основу подлинно человеческого бытия составляет правда. Правда о себе. Правда о других. Беспощадная правда. Начинается все с этого».

Схема, стройно составленная Зиновьевым, — ничуть не теряя в верности и убедительности — рушится. Сама идея зиновьевского анализа общества, а именно — утверждение его мощи — наносит обществу сильнейший удар, потрясая его основы. Шаг за шагом, доказательство за доказательством Зиновьев разясняет, насколько и почему так силен и неколебим Ибанск. И, наверное, доказал бы, если бы остался только ученым. Но он писатель. Его образы, его герои живут, и самый факт их существования и способности мышления в Ибанске — в конечном счете важнее и достижений рыболовов Ибанючья, и последней речи Заведующего, и самого Ибанска.

То, что героев таких мало, — не важно. «...Понимание есть всегда дело одного и начинается с одного».

Вот так и начал сам Зиновьев, противопоставив тоталитарной машине анализ, знание и волю.

Так обнаруживаются две линии «Зияющих высот»: в противоречие вступают научный и художественный методы. Первый заталкивает Болтуна в крематорий. Второй заставляет его перед смертью сказать слова о правде.

Научный метод дал теорию, ее обоснование, концепцию. Именно этого Зиновьев хотел, потому что он — ученый.

Художественный метод дал героев, оснащенных талантом, знанием и ощущением божественного замысла о себе. Хотел ли этого Зиновьев — неизвестно, потому что он — писатель.

Именно это противоестественное смешение и дало книгу «Зияющие высоты».

И это — победа литературы.

БРОШЬ ИЛИ ФУРУНКУЛ. СЮЖЕТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Если бы «Зияющие высоты» были написаны по Толстому, то композиция выглядела бы так. Группа молодых и талантливых героев, охваченных патриотическим порывом, идет на войну. Там, в среде простого народа, они разочаровываются в государственной идеологии (убедившись, что дубина народной войны гвоздит в основном штрафников). Вернувшись с войны, они пытаются активно переделать жизнь. Быстро наступившая реакция в стране сменила недолгий либеральный период. Герои уходят от общественной деятельности в напряженную духовную жизнь. Они ищут смысл существования в разгадке тайн бытия. Финал книги изобразил бы героев умудренными опытом людьми, живущими сознанием полноты своего существования и несправедливости окружающего их общества.

Но Зиновьеву сюжет не нужен был вообще. Какое может быть развитие идеи, когда он с самого начала знал, что ему надо сказать и чем все кончится. Проблема заключалась не в поисках ответа, а в форме популяризации знаний, полученных научным методом.

Сюжет «Зияющих высот» больше всего похож на сюжет учебника по истмату, построенного как пособие для программистов. Если вы полагаете, что дважды два четыре, то прочтите страницу 16. Если вы считаете, что не четыре, а 28, то откройте 173-ю страницу, и вы поймете причину вашей ошибки. (Поэтому, в принципе, «Высоты» можно читать не подряд.)

С такой композицией Зиновьеву нечего было беспокоиться за художественную правду. Его могла волновать только достоверность излагаемой теории. А таблицу умножения он знал и до этого. Но перетасованные рукой автора главы все равно выстроились в сюжет.

Героям книги позволялось жить урывками. Никто не знает, что делал Шизофреник между 15-й и 252-й страницами. Был ли женат Мазила и сколько платили Сотруднику в его конторе.

Им разрешается существовать только в краткие минуты демонстраций научных законов и стихийных бедствий. Вот в эти звездные часы литература и должна была успеть взять реванш. И она успела.

Сюжет «Зияющих высот» — не история характера, как учил Горький, а приключения осуществленной социологической теории. Герои, как мотыльки над светочем знаний, выются вокруг идеи. Происходит это так. Шизофреник выдумал теорию, объясняющую наше общество. Болтун, Клеветник и прочие находят ей применение для анализа новейшей истории. Учитель с Почвеедом спорят о формах ее использования. Мазила высекает мраморное воплощение теории из краденого материала. Мыслитель теорию пропивает. Брат продает. Заибаны не могут прочесть.

Мощная интеллектуальная жизнь находит научное воплощение и нецензурную форму. Хотя герои и не женятся, не стреляются и не сходят с ума, сюжет «Высот» не хуже, чем в «Собаке Баскервилей».

Мало того, что истина о нашем обществе — вещь необычайно увлекательная, тут еще и разыграна она на разные голоса. Хотя все герои говорят одно, говорят они по-разному. Это как в дуэте, где текст один и тот же, а любой отличит мужской голос от женского.

Зиновьевские персонажи, разыгрывая в лицах социологический трактат, делают это неожиданно умело. Так, что в конце концов становится даже непонятно, что они делают по нотам, а что от себя, как Бог на душу положит. Бог вложил им в душу страстность, просто неприличную для объективного изложения основ ибанской цивилизации. Страсть эту они удовлетворяют в извращенной форме: тянутся к знаниям. Тут уж сюжет становится просто трагичным. Это вам не любовь без взаимности. Знать и не мочь, не бороться и проиграть, найти и сдать — это подлинная трагедия духа.

Микеланджело отсекал от «Давида» все ненужное. Зиновьеву и отсекал нечего. Ненужного в «Зияющих высотах» не было с самого начала. Если все время говорить о смысле жизни, натушно и постоянно, горячо и искренне, убежденно и со знанием дела, 600 страниц петитом и нелегально, то лишнего просто не окажется. Хаос архитектоники, ущербность героев, горячая болтливость повествования — вот цена, которую Зиновьев, строгий логик и ученый, заплатил за свою попытку изнасилования литературы. Литература превратила недостатки в достоинства, и поэтому «Зияющие высоты» характеризуются: глубоко организованным на идейном уровне сюжетом, галереей ярких и убедительных образов, лаконизмом и точностью диалогов.

Книга эта воспринимается как целое. Когда художник накладывает грубые мазки на холст, поди разберись, что на женской шее — брошь или фурункул. Даже неизвестно, знает ли он это сам. Зиновьев без конца тербит и мучает сюжет. Только привыкнешь к мерному чередованию истории Сортира с выкладками Шизофреника, как все меняется и появляется Крикун. Еще Сортира не достроили, а события перемещаются в академические сферы. Но внутренняя работа сюжета все тащит и тащит книгу к законченному и совершенному импрессионистскому полотну под названием «Что есть истина?».

ХЛЕБОРУБЫ И ДЕРЬМОСЕКИ. ПОЭТИКА СМЕШНОГО

Одна из самых трудных загадок «Зияющих высот» заключается в том, что книга смешная. Этого не объяснить перманентным капустником советской интеллигенции, разгадка и не в фольклорно-анекдотной основе. Смех Зиновьева лежит рядом с трагедией — в основах человеческого бытия.

Зиновьев все время говорит, что главное качество ибанской жизни — скука. Он пишет целую «Поэму о скуке». Но именно эта скука и наполняет книгу трагическими и комическими эмоциями, по традиции приписываемыми более героическим эпохам. Если серому, скучному и смертельно опасному обществу противостоят умные мудрецы и смелые герои, то это источник трагедии. Но если такому обществу противостоят осмеивающие его люди, то получается трагикомедия. В анекдоте трагическая часть сложного жанра остается за кадром (судьба рассказчика). В «Высотах» смех связан с трагическим, как смерть с рождением: он раздается не в светлые моменты нашей жизни, а в самые черные — у дверей крематория, например.

«Где я? — спросил Шизофреник... Вы, дорогой товарищ, находитесь в столице нашей родины — в лагерь-сарай Чингиз-Хана... Посредине лагеря, видит Шизофреник, возвышается синхрофазотрон. На нем на корточках сидит Правдец и играет на балалайке. Мазила из конского навоза лепит бюст передовика монгола, который перевыполнил норму вырезки славян втрое. В сторонке Болтун, аккуратно посаженный на кол, читает лекцию об ибанском искусстве».

Данное иносказание является не иносказанием, а фактографическим воспроизведением современной автору действительности. Точность деталей обнаруживает в авторе хорошего знатока быта лагерь-сарая и народных музыкальных инструментов. Смешное же здесь заключается в том, что в таком сарае мы живем. Если правы специалисты-эстетики, утверждающие, что смех рожден противоречиями, то противоречия между человеком и нашим обществом рожают самый смешной смех в мире.

Зиновьеву мало что приходилось переделывать — действительность опережала самую несмелую фантазию. Но то, что он переврал, — например, вторую букву популярной в Ибанске фамилии), создавало перспективу. Сначала — так живут у нас в конторе, потом — так мы живем, а там — человек так живет. От смешного до великого. От водевиля до «Божественной комедии». От каламбура до последней истины. Смех ведь тоже ответ на последние вопросы.

ЛИСТ МЕБИУСА. ЭПИЛОГ

Преимущества критики перед апологетикой очевидны. То, что «Майор Пронин» — книга плохая, доказать куда легче, чем то, что «Война и мир» — хорошая.

Мы видим в книге Зиновьева прежде всего литературу. Никогда раньше в истории не было такой идеалистической эпохи: именно идеи вершат судьбу мира сегодня. Идет тотальная война сознания с материей за всеобщее бытие. Интеллектуальная жизнь превратилась в единственную. Вопросы жизни и смерти решаются каждый день.

Никто точно не знает, где граница между литературой и жизнью, наукой и искусством, поэзией и прозой, прошлым и настоящим.

По какую сторону Зиновьев?

По обе.

Герман Андреев. О сатире Зиновьева⁴

Когда я думаю о русской сатире, меня поражают некоторые общие с мировой сатирой образные системы. Возникает такое чувство, что все мировые сатирики собирались в какой-то

⁴ «Одна или две русских литературы?» Международный симпозиум в Женеве, 13-15.04.78. Изд-во L'Age de d'Homme, 1978.

лаборатории и говорили друг другу: вот, у меня есть хороший гротескный образ, возьми, используй! В фольклористике есть две теории — о взаимовлиянии и о самозарождении сюжетов. Я думаю, что эти общие черты — в деталях, в методе, в приемах парадокса, аллегии и других — вырастают из аналогичных систем, а не в результате взаимовоздействия. Я покажу это на примере Зиновьева.

В «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина есть градоначальник Иванов, который «был столь малого роста, что лопнул» вследствие своего природного недостатка. В сатире Зиновьева изображен один из Заведунов, который вывихнул себе челюсть, когда в своей речи должен был произнести слишком сложное слово. Какие-то злодеи-консультанты, чтобы довести его до инфаркта, подбросили ему в доклад слово «дезоксирибонуклеиновая кислота» — и он вывихнул челюсть. Это не от Иванова идет, это идет от реального исторического лица, какого — мы все знаем. Есть у Оруэлла в «Скотном дворе» хряк Наполеон. Хряк появляется и в сатире Зиновьева, но предок этого хряка не оруэлловский, а реальное лицо, которое тоже называлось в просторечии «Хряк». Возьмите логические структуры, структуры иронической перестройки фразы. У Зиновьева сказано: «Обществоведы Ибанска сначала совсем не ездили за границу. А потом стали ездить еще реже.» Это есть уже у Гоголя: «Чиновники города Н. очень много читали. Одни читали Карамзина, другие «Московские ведомости», а третьи даже и вообще ничего не читали». Поразительные совпадения! Им нет числа. У Синявского в повести «Ты и я» есть око, которое за всеми наблюдает. Это же око есть у Оруэлла, в сатире «1984-й». Я думаю, что это из каких-то общих наблюдений. Очень интересен образ человека, который разделен на свою физиологическую сущность и свою манеру говорить. Органчик у Салтыкова-Щедрина произносил только два слова: «разорю» и «запорю». Потом что-то испортилось, и ему пришлось отвинчивать голову, а часовщик Байбаков должен был эту голову чинить. У Зиновьева есть точно такая же ситуация, только поднятая на более высокий научно-технический уровень: за Заведунов все делают роботы. А ведь это не литературный прием, это действительный факт. Примерно то же есть в «Чонкине». Когда началась война, Кикин, секретарь парткома колхоза, вышел и начал автоматически говорить: «Ответим ударом на удар! Ответим героическим трудом! Все отомобилизуемся!» И Войнович пишет, что язык этого секретаря парторганизации был каким-то членом, совершенно отделенным от его сущности. Зиновьевская сатира, если задуматься, — чисто народное, фольклорное произведение. Она вся — на анекдотах, а анекдот — новая форма бытования современного русского фольклора.

Мы находим у Зиновьева и некоторые свифтовские моменты. У Свифта была борьба острокопечников и тупоконечников. У Зиновьева тоже есть такая борьба. Я вам прочитаю отрывок. «Во времена Хозяина был установлен единый общеибанский стандарт штанов. Левые же уклонисты хотели сделать штаны шире в поясе, а мотню спереди опустить до пят. Они рассчитывали построить полный изм в ближайшие полгода и накормить изголодавшихся трудящихся до отвала. Своевременно выступил Хозяин и поправил их. «Лэвыи укланысты, — сказал он, — савыршылы тыпычную ашибку. Аны атарвалысь ат масс и забыжалы впэред». Левых уклонистов ликвидировали правые уклонисты. Те, напротив, хотели расширить штаны в коленках и ликвидировать ширинку. Они не верили в творческие потенции масс и все надежды возлагали на буржуазию. Опять своевременно выступил Хозяин и поправил их. «Правыйи укланысты, — сказал он, — савыршылы тыпычную ашибку. Аны атарвалысь ат масс и забыжалы назад». Правых уклонистов ликвидировали левые. Это свифтовский гротеск. Но Зиновьев показывает, что то, что нормальному сознанию кажется парадоксом, в условиях системы антимира — не парадокс. Это естественная форма бытования и мышления антимира. Примерно так же человек в безвоздушном пространстве знает, что он находится в каком-то неестественном положении, но он признает эту реальность, хотя в условиях земного тяготения этой реальности не существует. Зиновьев — одновременно человек Ибанска и человек иного мира, иных точек

отсчета, и парадокс у Зиновьева построен именно на этом. Например, когда он пишет: «Ученый написал бесполезную, но нужную книгу». Или еще: «Когда враги нас хвалят, это очень плохо. И советские обществоведы, выезжая за границу, делали все возможное, чтобы враги их не хвалили. И преуспели в этом». Это не прием сатиры, это советская реальность. Или: идет борьба за преодоление различия между городом и деревней, в результате этого вся деревня бежала в город и встала в очередь за такими промышленными товарами, как масло, килька и так далее. Было бы конструктивно для исследования рассмотреть эти две линии — линию, идущую от сатирической традиции, и линию, идущую от конкретного опыта жителя тоталитарной ибанской системы.

Когда писалась книга о поразительных приключениях Чмотанова, я не думаю, что автор, Николай Боков, читал Зиновьева. Но поразительная, чисто зиновьевская фраза: когда исчезла мумия Ленина, то одному актеру предложили сыграть неживой образ вечно живого Ильича. Я думаю, что когда-то будут написаны очерки зиновьевского периода русской сатиры, потому что, на мой взгляд, эта сатира вобрала в себя общие сатирические элементы, бытующие всюду.

Гегель как-то сказал: «Силой субъективных выдумок, молниеносных мыслей, поразительных способов трактовки стремится разложить все то, что хочет сделаться объективным и приобрести прочный образ действительности». Русская сатира все время доказывает алогичность этой логичной в себе алогичной системы. Делает это и Зиновьев. Он противопоставляет строгой алогичности Ибанска логичность нормального человеческого сознания. Логика — важнейший момент у Зиновьева. Но логика ведет к религии. Диалектика, или, как говорит Зиновьев, дуболектика, или дьяволектика, дьяволектический социзм ведет к разрушению каких-то устойчивых нравственных понятий. Свобода есть рабство. Зиновьев пишет, что свобода есть не необходимость, а обходимость. А уж какая — осознанная или неосознанная — черт ее знает. Лучше, чтобы неосознанная, потому что лучше, если начальство не пронюхает, что, убегая в самоволку, мы можем обойти начальство и хоть немного побудем на свободе. Анекдот переосмысляет затверженную формулу и вмещает все реальные формы логики. И реальные формы логики приводят Зиновьева к религиозным выводам. Он говорит: настоящая мораль всегда неофициальна. Она всегда одна. Она либо есть, либо ее нет. То есть он не говорит, как говорят диалектики: есть одновременно и «да» и «нет». Он говорит, как Христос: да-да, нет-нет, остальное от лукавого. И дальше о морали: она не имеет никаких основ, кроме решения отдельных индивидов быть моральными. Она тривиальна по содержанию, но невероятно трудна в исполнении: не доноси, держи слово, борись за правду, не хватай хлеб первым, не перекладывай на других то, что можешь сделать сам, живи так, как будто всегда и всем виден каждый твой шаг. Поразительно, что логика приводит Зиновьева к христианским истокам, к принципам «Нагорной проповеди». Я уже не говорю о том, что у Зиновьева есть все время обращение к религии как способу и пути спасения. Логика, религия, гласность с его точки зрения тесно взаимосвязаны.

Василий Бетаки. Между лозунгом и мусорщицей⁵

Светлое будущее — совсем не будущее. Вот все то, что мы видим ежедневно, все мелочи, весь быт, вся эта «советская действительность», на которую, как известно, клеветают все, кому

не лень и даже те, кому лень, — она и есть самый настоящий коммунизм. Никакие не «зримые черты» — просто «обыкновенный коммунизм». Эта мысль — может быть, и не самая главная мысль новой книги Александра Зиновьева, но она мне представляется тем стержнем, на который нанизан роман... Впрочем, роман ли? Если в «Зияющих высотах» — книге, построенной по типу античной сатиры (а отчасти и по типу раблезианской эпопеи-эссе — где Свифт, Платон, Марциал, Рабле, Шедрин, Монтень и Вольтер и еще неведомо кто на разные голоса разглядывают жителей Ибанска во всех возможных и невозможных измерениях), — если там сюжета как такового почти нет, то в «Светлом будущем» признаки романа как жанра выступают явно на первый план. Конечно, и здесь большую часть текста занимает то, что в поэзии называется «лирическими (или философскими) отступлениями» — но ведь «Дон-Жуан» Байрона или пушкинский «Онегин» тоже романы, хотя в первом из них отступления составляют около 70% текста, а во втором — около 40...

И, разумеется, необъятное количество идей, наблюдений, выводов охватить в рецензии невозможно, хотя они-то и составляют все то, из чего складывается (прошу прощения за банальность!) эта энциклопедия советской действительности наших дней.

Но все, затронутое в романе, сходится к двум грандиозным символам: один из них — это Лозунг. Его строят, ремонтируют, перестраивают, ломают несознательные граждане, опять ремонтируют, опять перестраивают... Как в «Зияющих высотах» вся жизнь общества вертится вокруг строительства Сортира, так тут — вокруг Лозунга. Ибо Лозунг — квинтэссенция того теоретического коммунизма, которым и занимаются почти все действующие лица романа. А на другом полюсе — мусорщица, называемая «пьяной старухой», которая катит свою тележку сквозь всю советскую действительность, сквозь быт, сквозь героев... Это — символ того коммунизма в действии, в жизни, того, отнюдь не теоретического, при котором приходится жить, и тоже тащить свою тележку с мусором... Ибо каждый из нас — немного та самая старуха, которую никто полностью в коллектив так и не загнал; в этом, пусть мусорном, безнадежно нищем — но все же персонализме — и есть слабая надежда на то, что «Светлое будущее» не абсолютно, что оно разруσιμο... Ведь ниже старухи уж никого нет — а она все же какая ни есть, но личность. И это в обществе, где «степень персонификации индивида зависит от уровня его социальной позиции», где чем ниже — тем неизбежнее нивелировка и обобществление духа...

Но обратимся к сюжету романа. Герой его — от лица которого ведется повествование — довольно высоко стоящий на социальной лестнице человек. Философ. Теоретик коммунизма. В общем, один из тех, чей труд влит (не физически, конечно) в Лозунг. Он — либерал. Он — шестидесятник. И в момент, когда куцый либерализм, вынесший его на своей мутноватой волне, уже становится не рекомендуемым воспоминанием, все страсти его направлены лишь на одно — пройдет или не пройдет он в член-коры. Характернейшее явление — герой рассуждает просто: лучше я буду наверху, чем какой-нибудь дурак или явный реакционер — ведь все же я как-никак либерал... И шаг за шагом мы видим, что по сути этот порожденный хрущевскими оттепельными трюками либерализм и есть самое действенное охранительное оружие системы — ибо голый прямолинейный сталинизм (коммунизм в его классической форме) может, чего доброго, саморазоблачиться. А такие «ремонтники», как герой «Светлого будущего», продлевают его существование. И если они кажутся опасными всяким Васькиным и Канарейкиным, то лишь потому, что те не о сохранении системы заботятся, а не видя дальше своего носа, рвутся ухватить свое сию же минуту. Но его время прошло. Агонизирующей системе не до либералов-ремонтников. Она рвется опять к незамутненному коммунизму, и если нет массовых репрессий, то лишь от боязни самих верхов — ведь теперь это коснется их самих... И вот ножницы: не сажать — значит, сохранить следы «либерализма», сажать — можно привести систему к самоубийству... И все же героя проваливают на выборах — не быть ему член-кором.

Кончает самоубийством его дочь, не в силах вынести двойного существования, а более — того, что отец ее, как она в конце концов понимает, в свое время предал своего друга — Антона Зимина. Вот, собственно и весь сюжет... Ничему не научился герой, хотя и все понял... вернее, понимал всегда, лишь для удобства глушил себя лошадиными дозами самообмана. И после провала, после потери положения он все еще надеется на что-то в смысле карьеры и уже в открытую все свои амбиции ставит в зависимость от выхода той самой книги Антона, из которой сам же высасывал разные мысли и на разгроме которой (уже открытым разгромом) надеется сделать опять свою сорвавшуюся карьеру. С либералом кончено. В духе времени герой полностью вливается в число Васькиных.

Интересно, что все, кто окружает героя: и Антон, и компания из Забегаловки — Безымянный (видимо, крупный физик) и Эдик, и Ребров, и собственные дети героя, — все так или иначе куда дальше зашли в своем отрицании системы, чем он сам. В этом смысле они все — рупоры авторских идей и мыслей. Хотя среди них подробнее всего изложены мысли Антона, пытающегося опублковать на Западе свою книгу, но — тоже не без участия героя — издание ее все затягивается... Он, конечно, не сотрудничает с ГБ, этот герой, нет, что вы! Просто то, что Щедрин формулировал как действия «по мере возможности», переходит в поведение «применительно к подлости». Обычный путь интеллигента-шестидесятника: если не стал Антоном либо диссидентом, то так и «тащи свою бессмысленную тележку мимо них, сквозь них, в каком-то несуществующем для них разрезе бытия. Куда?». Этими словами заканчивается роман. В какое Будущее? Ведь его не будет, ибо оно уже давно — настоящее. Эта идея, высказанная Антоном, развивается на страницах романа многократно в разных направлениях. И истории иной, настоящей, у советского общества тоже нет — его история на самом деле та, что в газетах. Ибо мы — дикари, выпавшие из современного мира в ту степень деперсонализации, которая сравнима лишь с бытием пещерного человек — коллективиста поневоле. Ибо коммунизм с его обезличкой и есть при всем социальном неравенстве — равенство безличности каждого и всех. Это — социальная энтропия. А энтропия, как известно, есть норма, нормальное состояние материи. Антиэнтропийные факторы во Вселенной — жизнь и разум, как ее высшее проявление, духовность, как высшее проявление разума — легко разрушаемы. Сотворение мира — создание ноосферы, расширение сферы духовного — есть процесс антиэнтропийный, как на низших физически уровнях концентрации энергии возникновение перепада между сгустками энергий и энтропийной средой... Если энтропия, уравнивание — результат стихийного, естественного, если деградация и есть цепь неуправляемых процессов, то понятию энтропии в информатике и в физике соответствует понятие Зла в философии или Сатаны в теологии. Равенство — социальная энтропия. Коммунизм — осуществление равенства (в смысле нивелировки разума и духа). Энтропия. Антагонист сотворению мира, Творцу его и, наконец, сотворцу — человеку — все тот же хаос, та же энтропия, тот же Дьявол; как ни называйте это, смысл остается то же: «Все звериное — от естественности, все человеческое — от Бога, то есть придумано», — говорит Безымянный.

Прометейство Солженицына, как и Антона, во многом с ним согласного, а во многом и полемизирующего, состоит именно в том, что они антиэнтропийны в духовном смысле. Советское сознание — «квинтэссенция серости», — а что есть серость? Средность, усредненность, в конечном счете опять-таки все та же нивелировка, все тот же коммунизм. Так что прав Зиновьев (в данном случае это высказано им через Антона), что серость — это норма. А норма — она и есть все, о чем только что говорилось... И борьба в ее крайних видах, которую предсказывает Ребров, и нарушение нормы, проявляющееся в самых разных видах протеста личности против системы, — все это и есть нарушение нормы, серости, все это — процессы антиэнтропийные. И лишь на них надежда. А для этого необходимо было сделать именно то, что сделал Солженицын: возвести «дело исторической памяти почти в ранг религии». Ибо

когда память уничтожена то будущего тоже нет, а есть лишь то Светлое Будущее, которое уже давно Настоящее. И есть Лозунг — как основной символ этого Настоящего, — и есть «создание фундаментального коллективного труда о коммунизме»; как частный символ этого Настоящего: ведь о написании этой «книги книг» все время идет речь на страницах романа, как и о постоянных починках Лозунга...

А воз и ныне там. И действительность такова, что мы понимаем, почему об очереди за туалетной бумагой герой говорит на целую страницу, а о самоубийстве своей дочери — всего в пяти словах... Все это ведь вполне сравнимые мелочи (а из них, по словам Безмянного, и состоит реальный коммунизм). И в дьявольском уравнивании, как альтернатива ему, есть «одна из основных тенденций коммунистического образа жизни — завоевать возможность в той или иной мере жить свободно от законов коммунистического образа жизни». Ибо для человеческого духа естественно не то, что является естественным, а то, что «придуманно», то есть то, что, по определению автора, «от Бога». «Религиозное, то есть нравственное, сознание» (слова Безмянного) и есть основа цивилизации, которая не может быть построена на крови жертв (четкая параллель со «слезинкой ребенка» у Достоевского). И никакая наука не поможет в борьбе с реальным или с теоретическим коммунизмом (с марксизмом в частности), ибо он — не наука, а лишь идеология. И бороться с ним оружием науки — бессмысленно, как плевать против ветра: он идеология и только. «И уличить его в научной несостоятельности нельзя», — ибо он только притворяется наукой. Что же делать? На этот вопрос отвечает Антон: «Идеологию бьют фактами той реальности, которую освящает идеология». Факты. Вплоть до отсутствия колбасы, которое так волнует жену героя. Потому-то книги Солженицына и «нанесли гораздо более сильный удар по марксизму, чем усилия всех критиков марксизма за всю историю вместе взятые». И только на таком пути можно выработать новую идеологию, которая выведет, может быть, Россию и весь мир из того состояния между Рабле и Кафкой, между Лозунгом и Пьяной старухой, в котором он пребывает. И прав Зиновьев, уже не в книге, а в своем интервью, данном перед отъездом из Москвы, что Запад недооценивает интеллектуальную опасность, идущую из СССР, духовную опасность, которая страшней даже военной: ведь строительство ибанского Сортира или московского Лозунга — дело, на которое очень легко настроить массы, ибо усреднение и социальная энтропия идут вслед за энтропией духовной, и то, что создается веками, разрушить можно очень легко и быстро. Ибо человеческое, духовное, то, что от Бога, растет лишь благодаря труду многих поколений, а природное, хаотическое — оно всегда тут как тут. Ломать — не строить. А стройки Лозунгов и есть ломка Духа. И отбросить человечество к первобытному коммунизму (а он всегда первобытный!) можно за срок, вполне сравнимый с атомным взрывом, — годы мало отличаются от секунд в масштабах вечности...

Вот потому-то мне и представляется, что со времен Бердяева не было у нас столь глубоких философских произведений, как этот «роман»...

Михайло Михайлов. Вперед, войне навстречу...⁶

Бывает так, что когда человеку становится особенно тяжело, на него вдруг нападает приступ смеха, который сотрясает, доводит до колик, до безудержных слез. Александра Зиновьева, ученого, известного специалиста в области логики и социологии, природа наделила ранимой душой писателя, в котором беспощадная сатиричность совместилась с простодушием и

⁶ Континент, № 24, с. 363.

порой почти детской беспомощностью. Мы привыкли к Зиновьеву саркастичному, парадоксально-язвительному, гротескно-фантастическому, но такого сочетания всех этих свойств с обнаженным человеческим страданием, как в «Пара беллуме», не встречалось, пожалуй, ни в одном из его произведений.

Впрочем, начнем по порядку. «Пара беллум» — это сатирико-психологический детектив, в котором жестокому осмеянию подвергаются как современное советское, так и западное общества. Действие разворачивается, в соответствии с детективной композицией, то в Советском Союзе, то в Западной Германии, а подоплека событий основана на автобиографическом материале, доведенном до трагического финала. Героев всего только три, причем один из них — Социолог — является прототипом самого автора, остается фигурой бездействующей, как бы маячащей за кулисами событий и объявляющей о себе чисто риторически — самоцитированием статей, трактатов и социологических исследований. Социолог живет в Западной Германии и становится той самой «дичью», за которой охотится второй герой повести, советский шпион-убийца по кличке Немец. Немец относится к категории засланных на Запад многочисленных «подрывников», которыми КГБ не особенно дорожит, не обменивает, не отправляет в случае провала или ненадобности, а просто уничтожает. Немец и сам знает, что является смертником, однако относится к этому как к неизбежности и не впадает в панику. Приказы он получает непосредственно от шефа, третьего, и главного, героя повести, именуемого по-зиновьевски коротко Западником.

Автор не скрывает, что под этим обозначением скрывается конкретное лицо — ныне умерший крупный советский сановник, один из важнейших руководителей того отдела КГБ, который ведал в свое время активностью в странах Запада и выработал долговременную программу дезорганизации общественного сознания в западных странах. Поведение, образ жизни и карьера этого человека ставятся в центр повествования, а его деятельность определяет основные сюжетные линии произведения. Раскрытие этого персонажа помогает уяснить, что же представляет из себя группа загадочных серых невзрачных существ, которые планируют в Москве судьбы и жизнь ничего о том не подозревающего населения планеты и приводят свои чудовищные планы в исполнение.

Этапы «славного пути» Западника и восходящая линия его карьеры банальны до отвращения: еще в стенах университета несколько удачных предательств, умелое маневрирование и сбрасывание с дороги потенциальных противников, умелые манипуляции по втиранию в доверие к генсеку Андропову — и воцеленные позиции почти неограниченной власти надежно укреплены. Всю эту механику Зиновьев прекрасно знает, десятки подобных карьер разворачивались у него на глазах, и в повести подчеркивается этот момент рассказом о личной судьбе, так как именно Западник был его университетским товарищем и именно под его руководством осуществлялась операция «Социолог». Идеи и замыслы Социолога враждебны Системе, поэтому его вышвыривают на Запад, где он не так опасен, где его легче обезвредить и дискредитировать, где, в конечном итоге, его легче всего морально сломить и уничтожить.

Здесь-то в повествование и вплетается та режущая по сердцу нота, которая делает «Пара беллум» таким непривычно, не по-зиновьевски горестным и беззащитным. Вещь эта самая личная и доверительная из всего, им созданного, писатель рассказывает об «операции», произведенной над ним, раскrojившей его душу и сломавшей жизнь. Самое гнусное в ней то, что он был присужден режимом «к сверхвысшей мере наказания — к полному, пронзительному, ледяному и испепеляющему одиночеству... Страшная вещь — тоска по покинутой Родине. Но еще страшнее тоска по Родине, которой для него уже нет, никогда уже больше не будет». Это уже позже, в начале 1987 года, в обращении к Третьей эмиграции Зиновьев произнесет полные достоинства и веры в свою миссию слова о том, что вышвырнутые за пределы Родины — это те же повстанцы, которые сумели восстать против собственного социального строя, и что надо

мужественно идти до конца пути, предназначенного историей. В книге же, в этом до какой-то степени личном дневнике, автор не произносит высоких слов, он полностью отдается охватившему его чувству.

Однако писатель не был бы самим собой, если бы отбросил в сторону свой злой и опасный юмор, свою способность разить противника смелыми и неожиданными парадоксами. Само название повести несет в себе перевертыш, неожиданную игру слов: парабеллум • — это и вид оружия, и древнее изречение, гласящее, что тот, кто хочет мира, должен готовиться к войне. Последним, собственно, и занимается Западник, подчиненное ему ведомство и, в конечном итоге, все руководство гигантской, ошетиненной штыками державы. Они ведут хитрую игру по заморочиванию Запада, который хотят парализовать страхом перед грядущей атомной войной, для них важна не реальная советская мощь, а воображаемая.

Зиновьев потешается над западными руководителями, которые помогают Советскому Союзу бороться против Запада, над бесконечно ведущими переговоры о разоружении — «...из-за стола переговоров не вылезают... если и вылезают, то чтобы сменить протертые этими переговорами штаны», потешается над миротворцами, которые в один прекрасный момент превратятся в генералов. Он полагает, что Великая война все-таки разразится, причем в такой момент, когда никто не будет ее ждать, и что эту «войну богов будут вести ничтожества».

Пока же суд да дело, разворачивается саркастическое описание того, как советская правящая верхушка лихорадочно оборудует глубинные, непроницаемые для ядерного излучения убежища. Тут и шикарно отделанные пещеры с запасом необходимого на двести лет, и какие-то немислимые бункера, предназначенные для спасения избранных, которым будет суждено стать родоначальниками нового человечества. Простые люди ведут себя иначе. Некая старушка, пережившая четыре войны и три революции, припасает мыло, спички и соль. Комиссия обнаруживает у нее огромные запасы означенных продуктов. Отпущенная судом на поруки, старушка шипит, что ее не заставят издохнуть, что прежде советская власть издохнет, чем она!

Карьера самого Западника плачевно обрывается именно из-за его чрезмерно ретивой подготовки к войне. Вместо того чтобы, достигнув вершины власти, вцепиться в нее ногтями и зубами, он замышляет честолюбивый Проект предупредительной войны. В этом Великом плане наворочено много всякой всячины, в том числе идея особого военного государства в обычном и проект создания Великой кнопки, которую, в случае войны, нажмет не кто иной, как сам Западник. Этот несчастный забыл закон перманентной борьбы за власть в советских верхах: для того, чтобы удержаться на посту, руководителю надо стать «брежнеобразным ничтожеством».

Как недавно стало известно, в Копенгагене состоялся Всемирный конгресс сторонников мира. Этот «свободный и демократический форум защитников мира» готовился... в Москве. Выступавшие там западные деятели объявили, что нынче человечеству грозит ядерное уничтожение, а потому такие вещи, как справедливость, борьба за права человека и открытость общества, должны отойти на задний план. И это отнюдь не писательские домыслы, а самая реальная и обыкновенная наша действительность. Так что иногда позволишь себе усомниться — а уж настолько ли парадоксальны парадоксы Зиновьева? И он, который с гневом пишет, что в СССР для осуществления мизерных реформ «требуются десятки лет ожесточеннейшей борьбы руководства страной против своего народа», тут же добавляет: «Единственная сфера советского общества, в которой планы строго выполняются, • — это агентурная работа». Этой-то агентурной работе и посвящается немалая часть «Пара беллума».

Трудно судить, имеет ли в данном случае место присущий в произведениях прием гротеска или дело обстоит именно так, однако почему-то веришь звучащему совершенно фантастически заявлению автора: «Устроить бы сейчас международный Конгресс советских агентов на Западе... Съехались бы со всего мира видные политики, дипломаты, священнослужители, генералы, ученые, артисты, спортсмены, художники, писатели, гангстеры... Мир содрогнулся бы

от ужаса». Далее писатель объясняет, что агентурная война — это прекрасно разработанное советским руководством проникновение целой армии агентов на территорию Запада, это физическое присутствие в теле противника, подобно микробному, вот почему советская агентурная война названа им «паразитарной», а главной ее задачей считается «разрушение внутренних самозащитных механизмов данной страны, ее деморализация и дезорганизация».

Один из рядовых солдат этой армии — Немец — рыскает по всей Западной Германии в поисках необходимых данных, в вылавливании военных секретов, в попытках подкупа чиновников различных фирм и ведомств. Немец — это винтик гигантского налаженного механизма, и одним из аспектов его работы является физическое уничтожение неугодных руководству лиц. По ходу повести не совсем ясно, почему Западнику становится ненужен обезвреженный и деморализованный на Западе его противник Социолог. Ведь сам же Зиновьев пишет, что идеи Социолога были полезны его университетскому товарищу, он постоянно их воровал, прочитывая все написанное изгнанником и применял в своей работе на практике.

Как бы то ни было, неизбежное свершается, читатель лишь по беглому намеку догадывается, что Немец убивает Социолога, но, как видно, Таинственной Высшей силе неугодно такое бесцеремонное ликвидирование одного из выдающихся представителей человеческого племени. Так что и Немец, по приказу все того же Западника, отправляется коллегами по работе на тот свет. Итак, гибнет и второй герой «Пара беллума». Всесильный Западник все сметает и сокрушает на своем пути. В его лице выступает сама Власть, когда она, как это бывает у советских бонз, сконцентрирована в руках одного человека. Впрочем, есть сила, перед которой самое упорное страшилище с мохнатыми бровями становится беспомощной куклой, прикованной к аппарату, заменяющему почки. Эта сила — время и смерть. Причем в случае со своим героем Зиновьев не ждет естественного развития событий, это не входит в суть детективного повествования — третий герой его повести Западник умирает быстро, скоропалительно, сразу же за гибелью тех, кого он приговорил к смерти.

Но автору ничуть Западника не жаль. Чутьочку усмехаясь, он рассказывает, что и Западник не Бог весть как боялся смерти. Гораздо мучительнее было для него узнать, что некролог ему дадут не по высшей категории — в центральной газете, с подписью лиц всего руководства, — а в заштатной газетенке и с безликой подписью «группа товарищей». Для советского чинуши «некролог не по чину» страшнее атомной бомбы.

Кира Сапгир. В фокусе вогнутого зеркала⁷

Когда читаешь новую книгу Александра Зиновьева «Гомо советикус», сразу же вспоминаешь «Сагу о носорогах» Владимира Максимова. Сравниваешь, находишь сходство, отмечаешь и отличия. И вот какие делаешь выводы:

«Сага о носорогах» — памфлет. Портретная галерея здесь составлена из легко узнаваемых лиц. Модели известны всем. Но их черты гиперболизированы; они — словно отражения в выпуклом зеркале.

«Гомо советикус» — сатира. Здесь тоже ряд портретов. Но это портреты собирательные. В каждом из них узнают себя несколько людей. И эти портреты из многих лиц стянuty воедино в фокусе зеркала вогнутого.

Зеркало Владимира Максимова обращено к Западу.

⁷ Континент, № 35, с. 388.

Зеркало же Александра Зиновьева уставилось на нас, устремившихся с Востока на Запад. В свое время против «Саги» ополчились западники либералы. На «Гомо советикус» обиделись — мы. В «Саге» — Носороги. В «Гомо советикус»...

...предполагают, что на земле после атомной войны все живое должно погибнуть — кроме Шуршащего племени. До поры до времени они живут в нищенских щелях. Длинными усами покачивают они в темных и теплых кухнях. И крепнет под боком беззаботного Человечества, становясь лишь неуязвимее от морилок, Хитиновая армия.

Александр Зиновьев рассказал о нищенской мощи. О ней пока не подозревает уверенный в своей неколебимости мир, который принял нас. А ведь мы — передовой отряд Армии, посланной сюда для Великого Дела.

В фокусе вогнутого зеркала — Пансион. (Кстати, А. Зиновьев всегда в своих книгах пишет нарицательные имена с заглавной буквы, чтобы таким образом собрать частности в общее.) В Пансионе на распутье племя эмигрантов. Они только что покинули Союз. Заграница для них пока что чужбина. И вот — сколачивается конгломерат, представляющий более или менее все слои советской интеллигенции. Ведь нам очень свойственно сколачивать конгломераты. Недаром же одна из составляющих аббревиатуры СССР — Союз.

Эта колония находится вне времени и пространства — как бы в тараканьей щели. Она очищена от прошлого и от будущего и поэтому представляет материал, пригодный для исследований и испытаний. Такого рода исследованиями и занимается на досуге в Пансионе сам автор. Словно естествоиспытатель, разглядывает он новый вид человека. И дает мутанту имя: «гомо советикус».

* * *

«Иначе говоря — гомосос. Мое отношение к этому существу двойственное: люблю и одновременно презираю, восторгаюсь и одновременно ужасаюсь. Ибо я сам есть гомосос», — так пишет автор в предисловии.

Каковы слагаемые гомососа? Оппозиционер и ура-патриот, западник и славянофил, олух и «себе на уме», ну и многое-многое другое. Но каждый — «асе». Агент Советского Союза. Асе в «человеческой терминологии» — некто, достигший в чем-то совершенства. Совершенство гомососа в том, что он образцовый тайный агент. Настолько образцово-тайный, что и сам в себе этого часто не подозревает. Правда, зато до него, кроме него самого, все остальные члены колонии-конгломерата — ассы; такова уж особенность гомососа.

Какова миссия гомососа? Его миссия — в запрограммированности. Оболваненная душа несет в мир советскую идею. И эта идея гнездится под мощным панцирем, выросшим от перегрузок в стране, непригодной для нормальной жизни.

Зиновьев настаивает: гомосос силен. Он способен запугать и развратить.

Гомососы «являют собой новый, более совершенный тип мыслящего существа и несут этот образец другим», говорит автор. И его вогнутое зеркало начинает мало-помалу поворачиваться фокусом к Западу.

Что же уловит западный наблюдатель в фокусе зеркала?

На первый взгляд, нечто вовсе пустопорожнее. Штампованные типы. Вчерашние Ибанцы: Энтузиаст, Нытик, Циник, Шутник, Диссидент, Художник. Их жены. Серия масок. Обойма.

Но западный взгляд куда равнодушен.

Автор не щадит своих «подопечных». На каждый портрет имеет право обидеться добрый десяток прототипов. Один Энтузиаст чего стоит! «Энтузиаст прибыл с великой миссией —

научить Запад уму-разуму и руководить отсюда диссидентским движением в Союзе. Он жаждет издавать журнал, а еще лучше — газету. Он считает, что это — основное звено, ухватившись за которое мы (кто?) вытянем всю цепь. Ленин ведь тоже с этого начинал!».

Не только типажи эмигрантов составлены А. Зиновьевым из кусочков. Из кусочков составлена и вся эта книга. У каждого кусочка — свой центр, свой фокус, но если разрезать книгу ножницами и отрывки перетасовать, от этого мало что изменится. Вероятно, это происходит из-за того, что и рассказывается о неподвижно застывшем отряде — наизготовке перед стартом. Персонажей книги ведь тоже можно пока что безнаказанно тасовать. А пока все, на что они способны, — трепаться, злоупотребляя даром свободы слова. Каждому кажется, что он — провозвестник истины. На самом деле ничего нового он, гомосос, в силу своей запрограммированности сказать неспособен. Кажущаяся свобода воли скрывает под собой дремучий советский конформизм.

Так, с непрекращающейся холодной издевкой, в которой сквозит отчаяние, до боли вглядывается автор, и мы вместе с ним, в картину мира, собранного в фокусе его зеркала. Неужели ж там — дробящееся Ничто?! Неужели же «искра Божья», свойственная человеку от века, в результате мутации исчезла, и на ее месте — угольно-черное пятнышко — словно частичка сажи? черной сажи бездуховности. И эта черная сила ведет атаку на западный мир. Уже сейчас «...образованные слои западного общества мало в чем уступают советским гомососам», утверждает автор. А подобное притягивается к подобному. И хотя, как говорит поэт, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места им не сойти» — носороги тянутся к хитиновым. Что же будет, если состоится это воссоединение?! Какой бронированный гибрид произойдет от того?! Во всяком случае, тогда уж неизбежно «гнусное будущее», где большая часть человечества будет приравнена — нет! не к рабам, к предметам. Их лишат звания человека, с тем чтобы малая горстка властителей получала по потребностям...

Что же может противостоять нашествию? Может быть, махина Банка, сооружающегося напротив Пансиона? Возможно, это и произошло бы — если бы они существовали во взаимодействии, хотя бы в противодействии. Но Банк и Пансион — эти две угрюмых крепости, настолько различны, что им друг до друга нет никакого дела. Они оберегают — каждый свое.

Так не лучше ли дать отбой, ужаснувшись собственному Ничто, чем отравлять собою мир? В том-то и дело, что мир уже отравлен. И не стоит обманывать себя, разыскивая не-правильности в социалистической системе. СССР — в этой аббревиатуре одна из составляющих — слово «социалистический». Самый правильный социализм — советский. И Зиновьев учит глядеть правде в лицо. И для этого протянута миру его вогнутое зеркало.

Едкий цианистый настой книги Александра Зиновьева обильно насыщен парадоксами. Парадокс, конечно, — то, что мы, сами того не зная, все агенты ГБ. Парадокс — что все великие исторические события порождались и стимулировались дилетантами и шарлатанами. Еще парадокс: «Обычный советский человек... всем ходом своей жизни обучается три дела делать без специальной подготовки: руководить, критиковать режим и быть агентом КГБ». Да мало ли еще там парадоксов! (Жаль только, что со времен Оскара Уайльда парадокс подешевел.)

Но не только парадоксы, а и софизмы делают книгу. Да и весь «Гомо советикус» — один большой софизм — логическая задача с нарочито встроенной ошибкой в построении. Ошибка же в том, что не могут механически собраться воедино отдельные лица, стиснувшись в портрет-робот.

Книга А. Зиновьева — своего рода тест: кто обидится — тот и есть советский по своей природе. Люди же, которым чуждо советское сознание, видят благодаря этой книге следующее.

Мы — не хитиновые с коллективным сознанием, однако много непредвиденного произошло и произойдет еще с советской интеллигенцией, очутившейся по сю сторону «железного

занавеса». Из свидетелей того, что было, они превращаются в очевидцев того, что творится здесь, в «зрительном зале». Страшная чуткость развилась в советских людях от постоянной настороженности в прошлой жизни. Они способны загодя, очень задолго (надо надеяться!) до катастрофы распознавать ее. А распознав, предостеречь благодуществующий мир:

ОПАСНОСТЬ!

И тогда пришелец уже — не «гомо советикус», а просто: человек.

А раз так — это, к счастью, уже совсем, совсем другая история.

Кирилл Померанцев. «Иди на Голгофу»⁸

«Иди на Голгофу!» говорит Александр Зиновьев своему герою Ивану Лаптеву, «тунеядцу, пьянице, поэту и проповеднику, отсыпавшемуся после очередного перепоя в песочнице на детской площадке города Энска».

На вопрос — «с кого он списал г-жу Бовари?», Флобер ответил: «Г-жа Бовари — это я». Шестов был во многом прав, когда утверждал, что, в сущности, Достоевский до смерти оставался «подпольным человеком», а Ницше придумал своего Заратустру, чтобы сказать, как он относится к нашему наихудшему из миров. Думается, что приблизительно то же самое можно сказать и о зиновьевском Лаптеве: ведь и Флобер ни с какой стороны не был женщиной!

Однако...

Но здесь-то и начинаются трудности. Потому что путь Лаптева (от Энска до Москвы) — лишь этап в эпопее Зиновьева, лет десять назад вышедшего из Ибанска («Зияющие высоты») и дошедшего (пока что) до Энска и за это время отмахавшего 14 этапов!

Невольно вспоминается наша первая встреча в Париже. Точно уже не помню когда (но тоже что-то около десяти лет назад). Сидели мы в традиционном ресторанчике «Русской мысли» на авеню Ваграм, и меня поразило крайнее, почти аскетическое вегетарианство Александра Александровича, к которому прибавлялся абсолютный антиалкоголизм: не только от аперитива отказался, но и полстакана вина не захотел выпить: для советского человека — потрясение основ! И вот тогда я спросил — верующий он или нет? А. А. что-то начал говорить и признался: «Право, не знаю».

Проснувшись, Лаптев вообразил себя Богом, русским Богом, во всяком случае, что значит «страдающим»: «Ведь мы, русские, имеем богатый исторический опыт по этой части. Страдания стали нашим привычным образом жизни и нашей натурой. И страдаем мы с выдумкой, с талантом, с большим мужеством и терпением, можно сказать — профессионально. И, конечно, с наслаждением». Русский же Бог — «явление очень странное. Он самые чистые и святые мысли выражает самым грязным языком в мире... Он высказывает самые трезвые суждения лишь в безобразно пьяном виде... Так что если в дальнейшем скажу вам что-то умное, то знайте: я в это время был пьян... («что у пьяного на уме, то...»).

И здесь — весь Зиновьев и все его отличие от Ницше-Заратустры, ожесточенные нападки которого на Бога были одинаково и результатом его страшной болезни, но и столь же страшного преступления людей, «убивших Бога», и который все же воскликнул: «Господи, почему Ты меня оставил?» Лаптев-Зиновьев кончает приблизительно так же. Своею проповедью он на-

жил не только почитателей, но и врагов, которые, само собой, одолели почитателей, и он был вызван в Москву, где был судим и приговорен к «высшей мере наказания». Однако через несколько лет вдруг снова появился в своем городе.

«— Глядите! — раздались возгласы. — Никак опять Иисусик объявился. Откуда ты? Слух был, что тебя в Москве «шлепнули». Значит вранье?»

— Нет, — сказал Лаптев, отыскивая место для своего полного стакана и тощего тела, — не вранье. Только «шлепнули» не меня, а нечто за мне: во мне убили Бога».

Это уже не смешно. И снова вспоминается Ницше, считавший, что «самым страшным преступлением, совершенным людьми, было убийство Бога». Но в те времена убийцы — Маркс, Энгельс, Фейербах, Дарвин, Фрейд, Конт... — всенародно справляли свою победу, писали книги-откровения. Теперь времена изменились, и человечество питается лишь объедками с когда-то казавшимся царственным стола.

«Иди на Голгофу» — написана в классическом зинovieвском стиле: диалогами между действующими лицами, «Богом» — Лаптевым и его окружением: его Антиподом, его Богиней, административными чинами Энска, врагами и почитателями и многочисленными его пациентами. Здесь надо заметить, что Лаптев, как и Распутин, обладал даром излечения некоторых недугов путем внушения и соответствующих бесед. Следует также отметить, что свой дар, который он получил даром, даром же его и раздавал: денег за «исцеления» не брал: это входило в принципы проповедуемого им «лаптизма».

Он, кроме того, предупреждал: «Я исхожу из такой предпосылки: мы живем в коммунистическом обществе и не имеем шансов его изменить, заменить другим и убежать из него. Более того, мы не хотим его изменять... Мы обречены жить в нем, причем — в таком, каким оно нам дано в качестве естественной социальной среды». А это значит: не совершай противозаконного. Не участвуй во власти. Игнорируй все официальное... И ни в коем случае не обожествляй власть... Игнорируй официальную идеологию. Любое внимание к ней укрепляет ее».

И это — святое признание. И относится не только к Лаптеву и его творцу, Зиновьеву (он-то знает, что пишет!). Но ко всей России, ставшей «Союзом Советских Социалистических Республик»: никакого «Союза» нет и никогда не было, «Советы» (настоящие) давно разогнаны, «Социализм» — и не ночевал, «Республики» — очередной миф, что значит, что уже четыре буквы: СССР — четыре безапелляционных лжи. И так везде и во всем. Без лжи и демагогии в СССР (стихии лжи) не проживешь.

Но это не все. «Самое трудное в моем положении, — признается Лаптев, — состоит в том, что я атеист... Бог не может верить в Свое бытие, ибо Он не может относиться к Себе, как к чему-то вне Его Самого». Стальная логика! Да и сам Зиновьев в интервью, данном журналу «Фигаро-Магазин» (10.1.87), признается: «Я атеист и глубоко верующий... Это очень просто. Я человек конца XX века, я ученый. Но, как существо моральное, я религиозен. Это значит, что существование или не-существование Бога, как идеальной сущности, для меня не проблема».

Как будто разумно. Но когда я был в подготовительном классе, мы с товарищами уже обсуждали вопрос: «А может ли Бог создать гору, на которую сам не сможет влезть?» Видно, такие штучки уже обсуждались в «те баснословные года». К сожалению, никто из взрослых не мог объяснить нам, что Бог не подчинен ни времени, ни пространству и уж тем более нашей «трехмерной» логике.

Изложить вкратце, резюмировать все приключения Лаптева, как всегда, претворенные в монологи и диалоги (таков уже стиль Зиновьева), дело абсолютно немыслимое: это — огромный кристалл с сотнями граней, освещенных каждая своим специфическим светом, исходящим из того же кристалла, и образующих вместе это нелепое, но вместе с тем крепко спаянное сооружение, вмещающее 280 миллионов людей, называющихся «советскими гражданами». Отсюда все качества и все пороки его героя, возмнившего себя Богом, но признающего, что он атеист;

пьяницы и развратника, но отказывающегося брать деньги за свои исцеления, хотя случались дни, когда у него не было нескольких копеек на кусок хлеба; подсмеивающегося над Иисусом, но все же пытающегося идти Его путем, отлично зная, что этот путь ведет на Голгофу, словно он понимает, что Голгофа потому и Голгофа, что ведет к Воскресению. Иначе она давно превратилась бы в нечто вроде Малахова кургана, которых в каждой стране хоть отбавляй.

В конце концов, известность Лаптева, как излечителя и целителя, достигла самой Москвы, ну и, конечно, нашлись умельцы и охотники до приключений, решившие воспользоваться его способностями и качествами. Главным в предприятии оказался некий «Серый» («таким было мое восприятие его», заявил Лаптев), который так ему и брякнул: «С такими способностями, как у тебя, деньги лопатой загребать можно. Только не в провинциальной дыре. Тут дураков не так много осталось. Надо в столицу податься. А там...»

Лаптев плохо верил в подобную перспективу, но Серый уговорил: «Хотя Бог явление провинциальное, — думал он, — но лишь в столице он может быть отвергнут и наказан, то есть признан».

И Лаптев согласился.

В Москве его вымыли, вычистили, побрили, одели в хороший костюм и даже соорудили школу, в которой он начал преподавать подправленную Серым «свою систему», хотя такой поворот дела ему «не очень-то понравился». Но Серый был тверд: «Мы тебе дали возможность проповедовать твоё ученье, но не ради твоих дурацких идей (у нас своих идей в избытке), а ради денег. Мы и не скрываем этого. Так что вроде бы все по-честному...»

По-честному или не по-честному, но ученики стали валить в школу чуть ли не тысячами, так что «наверху забеспокоились, опасаясь за чистоту марксистских риз, тем более что лаптевизм смахивал больше на новую идеологию, чем на религию, так что «школу пришлось закрыть раньше, чем предполагалось». А потом все пошло как по-писанному: состряпали на Лаптева «дело» и предложили выбор: «Сознаться, что мошенник, либо упорствовать, и тогда...» Лаптев выбрал «тогда. И был приговорен к высшей мере наказания». Но что-то в административной машине не сработало, и он снова очутился в своем родном городе. Живым, но с «убитым в нем Богом».

«Даром получили, даром и давайте», — сказано в Евангелии.

Сергей Юрьенен. Александр Зиновьев — книга вторая...⁹

«Русские снова потрясают мир» — такова была реакция Запада на первую книгу Александра Зиновьева. Неподцензурная советская литература последних десятилетий заняла одно из ведущих мест в мировом литературном процессе. «Зиновьевский феномен» подтвердил огромный ее потенциал, этой первой из двух наших литератур.

Госиздатовская литература ирреальна. Оставляя писателю возможность заявить о себе на уровне стилистики, она даже в лучших и редких своих образцах проходит по касательной к советскому бытию. Тем более по касательной — чем насущней и современной тематика. Ей, госиздатовской, отказано (одновременно сверху ее призывают стать «ближе к жизни») именно в том, что делает литературу хлебом насущным, — в непосредственном овладении реальностью. Творящейся сейчас. Одновременной писателю и читателю. Каково бы ни было в нрав-

⁹ Третья волна. Альманах литературы и искусства. Изд-во «Третья волна», 1979, с. 130.

ственном аспекте состояние души советского писателя, от цинизма сознательных фикций до тщетных и одиночных вылазок в реальность — приходит в своем творчестве он к одному и тому же, к беспредметности, этой субстанции Госиздата. Какова реальность, такова и литература. Это очевидно. Но такова она до тех лишь пор, пока соглашается быть производной от соцреальности, наложившей запрет на осознание и изображение себя (одновременно утверждая, что «для советского писателя нет запретных тем») на мысль, равную реальности. На тождественное ей изображение. Достигнув низшей фазы коммунизма, мы явно прогрессировали в этом смысле с пещерных времен: первобытный коммунизм все же позволял интеллектуальную деятельность, судя по дошедшим до нас наскальным изображениям мамонтов и космических пришельцев.

Так вот, в «Светлом будущем», книге всецело и долгожданно советской, изображение адекватно предмету. Как в жизни, советский человек, современник, в ней многогласно осмысливает и шестидесятилетнюю практику коммунизма, и ситуацию сего, тупикового момента, и варианты выхода из него, но, главным образом, самого себя — беспощадно, с клинической точностью.

Общеизвестна рекламная роль «нового человека», создание которого заявлено программой КПСС одним из залогов «светлого будущего». На заре его Ленин критически отзывался о человеческом материале, впервые в истории попавшем в западную идеологию. Прозорливый вождь предвидел известные затруднения с первостроителями коммунизма. Неизжитая память о прошлом делала неблагонадежным человека первых пятилеток. 60 миллионов носителей этой памяти пришлось физически свести на нет, и все же в сознании уцелевшего советского народа пережитки темного прошлого» доистребить не получилось... Однако нельзя отрицать больших успехов эпохи Репрессанса, или (по Зимину, персонажу зиновьевской книги) классического коммунизма в деле массового получения человека новой формации — сталинского мутанта, внутри которого пошло разложение тысячелетних нравственных законов. И последующий исторический период «Растерянности и Стабилизации» по сравнению с Репрессансом в этом смысле полностью исчерпывается замечанием Маркса о гнусности раба, осознавшего свое рабство и тем не менее не взбунтовавшегося... Вот этот тип самосознающего рабства во множестве его вариантов, на всех уровнях пирамидальной структуры советского бытия и составляет во второй книге Зиновьева предмет системного описания и анализа.

Читатель, пожалуй, еще не знал столь скрупулезного свидетельства о разложении «самой передовой идеологии», причем изнутри самих ее носителей, теоретиков «научного» коммунизма. Крушение и распад самого ее мозга зафиксирован с профессиональной точностью. Обе книги Зиновьева относятся в прямом и точном смысле слова к интеллектуальной литературе, осваивающей реальность с помощью методов социальных наук. Симбиоз «художественности» и «научности» позволил автору создать универсальную книгу о духовной ситуации 60—70-х годов, а особенности его метода определили успех зиновьевских текстов по основам коммунизма на «структуралистском» Западе («первой книгой XXI века» назвали здесь «Зияющие высоты») — среди той части интеллектуалов, которая осталась закрытой к изображению советской «жизни в формах самой жизни». В этой среде Зиновьев воспринят как откровение. И есть читательские свидетельства о внезапных прозрениях относительно сущности коммунизма, о том, что же это такое — • реальность заманчивого «светлого будущего». Что ж, все во благо... Половина человечества, неизбежно идущая (по мнению советских газет) к нашему будущему, должна иметь представление о его законах, и тексты Александра Зиновьева, целью которых является «выделить специфические явления коммунизма в чистом виде, как это делал Маркс по отношению к капитализму, и подвергнуть их объективному исследованию. Вот и все», вооружают читателя выстрадавшим и человеколюбивым советским знанием. В 1918 году (приглашаю к краткой эстетической разрядке...) Ленин говорил: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не

знаем, это сказать не можем. Сказать, что эра социальной революции началась, что мы то-то сделали и то-то хотим сделать, — это мы знаем, мы скажем, и это покажет европейским рабочим, что мы, так сказать, не преувеличиваем свои силы нисколько: вот что мы начали делать, что собираемся сделать. Но чтобы мы сейчас знали, как будет выглядеть законченный социализм, — мы этого не знаем».

Чего не знал первоисточник и основатель, сегодня, спустя шестьдесят лет, знает каждый советский человек — каков он, социализм «зрелых, развитых» форм. И о себе, его продуктах, мы знаем — какие мы суть. Именно наш опыт аккумулировал такую энергию возмущения и протеста, о которой призабыло прочее человечество, и поскольку ему, советскому представителю человечества, открываются звезды вечности, поскольку все обширней и тверже в нем сила противодействия. Нравственная сила, рождающаяся в самых предельных условиях человеческого бытия.

Где же ей и взяться ныне, как не на самом краю.

В ком же еще, как не в человеке советском. И в ней — единственное наше оправдание. И смысл крови соотечественников.

Михаил Геллер. Тоска по зоне¹⁰

Ты душе глоток озона... Здравствуй, зона!

Валентин Соколов

«Зияющие высоты» поразили читателей • — русских и иностранцев, — потому что Александр Зиновьев первым предложил новый взгляд на советскую систему. Он отверг метод аналогии — отказался исследовать советское общество, сравнивая его с дореволюционной Россией или современным Западом. Зиновьев использует советские понятия, марксистскую терминологию для демонстрации не достоинств системы, а ее пороков. Антон Зимин — альтер эго писателя в «Светлом будущем» — излагает этот метод так: «Я готов дать противнику все преимущества, готов признать все, на чем он настаивает. Вы считаете, что революция была благом для России? Согласен. Партия и народ едины? Согласен. От каждого по способностям? Согласен. Каждому по потребностям? Согласен».

«Зияющие высоты» были открытием нового — советского — мира, законов, его регулирующих, открытие его обитателей. В последующих книгах, из которых сегодня можно уже составить небольшую библиотеку, писатель детально описывает этот мир, о котором знал все. Главные герои оставались те же: работники идеологического фронта, которые иногда усердно, часто нехотя, с иронической усмешкой, делали то, что от них требовалось.

Для Зиновьева эти жрецы советской идеологии представляют собой эссенцию советской интеллигенции: как римские авгуры, они посмеиваются при встречах, не переставая охмурять непосвященных. Как правило, разоблачителем системы в его книгах выступает умный, талантливый, все понимающий член касты, который терпит поражение в борьбе за место на иерархической лестнице (часто знаком такого поражения изображаются невыборы в члены-корреспонденты Академии Наук), ибо каста не нуждается в уме и талантах. «Так чего же ты хочешь?» — спрашивают одного из героев «Желтого дома». Его ответ суммирует желания основных персонажей Зиновьева: «Я бы хотел иметь житейские блага и житейский успех,

но за счет своих природных способностей, труда и мужества» (т. I, с. 181). Тема всех книг Зиновьева — невозможность осуществления естественных желаний человека в советской системе. Неумолимо, неизбежно система перемалывает человека, превращая его в гомо советикуса, в гомососа, как (по своему обыкновению) сокращает Зиновьев.

Логик по образованию, специальности и призванию — Александр Зиновьев подвергает логическому анализу советскую систему и открывает законы ее существования и функционирования. Система беспощадно расправилась с писателем — вынудила его переехать в другой мир, на Запад. И тем самым дала ему замечательную возможность экспериментальной проверки открытого дома закона.

В 1980 году Александр Зиновьев представляет результаты эксперимента в теоретической работе «Коммунизм как реальность». В 1982 году он возвращается к прославившему его жанру «Зияющих высот», «Светлого будущего», «В преддверии рая», «Желтого дома». Авторы многочисленных статей о творчестве писателя не смогли договориться относительно определения жанра этих книг. Видимо, лучше всего, назвать его — «зиновьевиадой». Разговор о жанре необходим, ибо главная особенность «зиновьевиады» определяет ее силу. Писавшие о Зиновьеве единодушно — и справедливо — отмечали смешение в его книгах всех известных жанров и стилей, философских размышлений и раешника, логического анализа и анекдотов. Сила зиновьевских книг, их острота, не оставляющая читателя равнодушным, связана не с многоликостью объединенных форм и стилей, и даже не с глубиной и блеском анализа. Особенность «зиновьевиады» в том, что писатель включает в анализ себя самого, делает и себя объектом изучения. С последовательностью, вызывающей восхищение, Александр Зиновьев кладет и себя на операционный стол, под микроскоп, и себя препарирует скальпелем, чтобы добраться до сокровенного секрета системы и сотворенного ею существа. История медицины знает героических врачей, прививавших себе страшные болезни, чтобы, наблюдая за их течением, помочь найти панацею. Обнаружив, что он, как все советские люди, заражен, Зиновьев приступил к изучению проявлений болезни и к поискам рецептов лечения.

«Гомо советикус», опубликованный в 1982 году, на мой взгляд, самая важная из книг Александра Зиновьева после «Зияющих высот». Книги, написанные после первой, развивали открытие, сделанное в «Зияющих высотах», дополняли картину советского мира, иллюстрировали ее новыми судьбами людей, превращаемых в крошево механизмом реального коммунизма. Значение «Гомо советикуса» — в изображении столкновения выпестованного советской системой существа с другим миром. До тех пор, пока Советский Человек остается дома, пока его качества, достоинства и пороки не проверены другой системой, он остается «вещью в себе». Остап Бендер рассказывал, что, как объяснил ему один доктор, «заграница — это миф о загробной жизни». Александр Зиновьев вывез гомо советикуса «в люди». Его книга могла бы называться «Наши за границей».

Книга под таким названием уже написана. Сочинил ее в 1890 году Н. Лейкин. Полный ее заголовок: «Наши за границей. Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно». Сегодня слова «и обратно» звучат иронически. Но ни для читателей, ни для писателя о намеках или иронии не могло быть и речи. Все было проще простого: пожелал молодой купчик поехать с супругой в Париж на универсальную выставку, сели в поезд и поехали, все посмотрели и вернулись. Русского читателя до слез забавляли приключения русской супружеской пары за границей потому, что непохож был быт: в ресторанах давали маленькие порции, и Николай Иванович вынужден был заказывать множество блюд; в гостинице поздно вечером не сразу давали самовар; одно было дороже, чем дома, а другое — дешевле; и все удивляло. Приключения, мелкие катастрофы, недоразумения русских в Париже были очень похожи на злоключения «простаков за границей», о которых рассказал Марк Твен в книге, вдохновившей Лейкина.

Николай Иванович и Глафира Семеновна Ивановы были в Париже — иностранцами. Персонажи «Гомо советикуса» за границей — пришельцы из космоса, или — с того света. Они непохожи на туземцев поведением, но прежде всего — взглядом на мир, отношением к людям, к религии, морали, культуре, политике.

Александр Зиновьев предвидел это, констатировал еще в Москве, что, поскольку «социальные условия Советского Союза отличаются от таковых Запада подобно тому, как биологические условия в пустыне или за Полярным кругом отличаются от условий Западной Европы и Америки», выживает и добивается социального успеха в СССР индивид, обладающий особыми, необходимыми советскому обществу качествами. В «Светлом будущем», книге, написанной еще дома, новому виду гомо сапиенс дано имя Советский человек, сокращенно — Сочек. Присмотревшись к Сочечу на Западе, Александр Зиновьев называет его гомо советикус, сокращенно — гомосос. Звучание этих двух сокращений красноречиво демонстрирует эволюцию отношения писателя к объекту наблюдения. В чужой среде Сочек превратился в гомососа: все его качества, особенности обнажились до предела, защитная окраска слиняла. «Вот стою я перед вами, словно голенький», мог бы сказать герой книги. Он говорит: вот стою я перед вами, совершенно голенький.

«Зиновьевиада» — опасный жанр. Опасный для писателя. У читателя всегда есть тенденция смешивать автора с персонажами: судить Достоевского за изнасилование, которое совершил Ставрогин. Зиновьев в своих прежних книгах давал слово множеству персонажей, некоторые из которых выражали его мысли. В «Гомо советикусе» повествование ведется от первого лица. В предисловии автора сказано прямо: «Я сам есть гомосос». Никогда еще Зиновьев не шел так глубоко в себя, изучая порождение советской системы. Джордж Оруэлл, знавший, о чем говорит, заметил: хорошие романы пишут люди, которые не боятся. Смелость Зиновьева в стремлении сказать все — о другом и о себе. Это смелость, которая нередко кажется вызовом, провокацией. Она нередко вызывает раздражение, чувство, возникающее у человека, который видит в зеркале отвратительную харю. Польский писатель Густав Герлинг-Грудзинский, великолепно знающий и тонко понимающий русскую литературу, указал на сходство героя «Гомо советикуса» с господином Голядкиным из «Двойника» Достоевского. Как известно, господин Голядкин, заглянув в зеркало, увидел господина Голядкина. Голядкин-младший, тот, в зеркале, был, — сообщает Достоевский, — стыд Голядкина-старшего, был его ужас, его кошмар. Это был, узнаем мы, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам, — одним словом, что называется, двойник его во всех отношениях...

Ужасная сцена встречи двух Голядкиных в зеркале почти буквально в «предисловии автора», которым начинается «Гомо советикус»: «Мое отношение к этому существу двойственное: люблю и одновременно ненавижу, уважаю и одновременно презираю, восторгаюсь и одновременно ужасаюсь». Зиновьев говорит о себе и о своем отражении: поэтому он «жесток и беспощаден» в описании гомососа.

Герой «Гомо советикуса» — «Я», эмигрант. Вместе с другими эмигрантами он живет в пансионе в некотором западноевропейском городе. «Я» покинул Ибанск, уехал из Москвы, но все свое забрал с собой. Сюжет «Гомо советикуса» неизменно тот же, что и во всех предшествующих книгах Зиновьева: возня вокруг штатных мест в институте и история строительства сооружения, функция которого раскрывается на последней странице. Не имеет значения, что в Ибанске, в Москве пост в Институте (в Академии Наук) зависел от воли КГБ, а в некотором западноевропейском городе — от иностранной спецслужбы, неважно, что в других книгах строились Сортир, Лозунг, Памятник, а здесь — Банк. Важно, что «Я» остался прежним: он переменил место жительства, забрав с собой клетку, в которой сидел.

У Станислава Лема есть рассказ, действие которого происходит на далекой планете, обитатели совершенно похожи на людей. Но общественная система на этой планете вынуждает всех

жить в воде, лучше даже — под водой. Булькание — единственный способ общения между жителями. Пропаганда делает все, чтобы убедить: лучше всего на свете быть мокрым, дышать воздухом (хотя все и вынуждены время от времени его вдыхать) — политически неверно. Цель, поставленная перед жителями этой странной планеты, — окончательно перейти на рыбий образ жизни, дышать только под водой. Герои Зиновьева, гомососы, настолько привыкли к советскому образу жизни, что стараются по-прежнему — и на Западе — дышать в воде. Пансион — корыто, в котором булькают лишенные своей среды советские люди.

В корыте все отлично видно: все качества гомососа, его добродетели и его пороки — как на ладони. Гомосос — в полный рост.

А. Зиновьев, открыватель социальных законов, определяющих характер гомососа, социального типа, наилучшим образом приспособленного к жизни в советских условиях, имел предшественников. В «Роковых яйцах» М. Булгакова описана ситуация, живо напоминающая сюжет «зиновьевиады». Под воздействием красного луча, открытого профессором Персиковым, амёбы начинали ожесточенную междуособную борьбу: «Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга и рвали на клочья, и глотали... Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны. Во-первых, они объемом приблизительно в два раза превышали обыкновенных амёб, а во-вторых, отличались какой-то особенной злобой и резвостью». Профессор Савич в книге «Основы поведения человека», имевшей большой успех в конце 20-х годов, видел в революции процесс растормаживания, процесс сбрасывания всего того, что ему было дано культурным развитием. Руководители советской культурной революции называли этот процесс «первоначальным накоплением социалистических чувств».

В 20-е годы можно было (хотя дано это было немногим) предвидеть направление движения. А. Зиновьев демонстрирует результат: гомососа в пору зрелости, в эпоху реального социализма.

Гомосос внешне почти не отличим от человека: он — гомо. Но прилагательное: сое — гиперболизирует одни качества, ликвидирует другие, вносит третьи — новые. В числе качеств гомососа, которые прежде всего бросаются в глаза, — поразительная самоуверенность, безжалостное презрение к другим. Прежде всего — к Западу. Есть, конечно, психологические объяснения этого феномена, но есть и идеологические. С молоком матери всасывал гомосос слова поэта: на буржуев смотрим свысока; слова вождя: каждый советский человек на голову выше любого буржуазного чинуши... Социологическими причинами — социальными условиями — объясняет Зиновьев иступленную вражду между гомососами, патологическую зависть, испытываемую одним к другому. Социалистическая система — это один из законов, открытых автором «Гомо советикуса» — царство посредственностей, уничтожающих всякое проявление таланта. Поэтому особенно страдают во всех книгах Зиновьева его любимые герои — блестящие, талантливые люди. «Хуже всех приходится «Я»: его выбросила советская система, ему нет места в новой среде. Он страдает сильнее всех, ибо — он гений (стр. 155), ибо он знает: «Я» мог бы вписать свое имя в историю науки», и снова: «общество не заинтересовано в тех великих открытиях, которые могли бы вписать твое имя в историю науки» (120), и еще раз: «может быть, именно на этом пути мне суждено вписать мое имя в историю науки» (133). Но в этих заявлениях, самоуверенность которых иногда отдаёт мегаломанией, ощущается как бы неуверенность. И тогда «Я» доказывает свое превосходство, «разоблачая» всех тех, кто мог бы угрожать его гению, его исключительности. В «Зияющих высотах» был писатель, которого обитатели Ибанска называли Правдец. О нем говорилось: «Правдец все-таки бьет в самое большое место ибанского общества. В самое главное. В самый нерв его». В «Светлом будущем» Антон Зимин называет «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына «гениальным художественным произведением». Гомосос «Я» не перестает иронизировать по поводу «Писателя земли Русской» и «Великого диссидента из Союза». Гомососы пансиона единодушны только один раз: изгаляясь

над «Великим диссидентом из Союза», объявившим голодовку по поводу, который кажется им мизерным, ничтожным, жалким: помощь человеку!

Поразительная самоуверенность, чудовищная категоричность мнений, болезненное тщеславие гомососа отлично представлены Зиновьевым на примере отношения обитателей пансиона к западной культуре. В «Гомо советикусе» нет ни одного имени западного писателя, художника, актера, гомососы не ходят в музеи. Все их знакомство с западной культурой — «пустой западный фильм» в телевидении, который, видимо, тоже остался непонятым по незнанию языка. Тем не менее, гомососы не перестают осуждать «западную культуру» — пустую, низкопробную, оболванивающую людей. Их представления о культуре ни разу не выходят за рамки, поставленные «Литературной газетой», роль которой в гомососизации человека заслуживает особого изучения.

«Я» — на голову выше всех других гомососов, представленных в книге Зиновьева. Прежде всего потому, что он осознает себя гомососом, особым типом человека, несмотря на некоторые недочеты — представителем высшей породы, которой принадлежит будущее. Во-вторых, потому, что в нем с особой силой проявляется импульс, движущий всеми гомососами — страх.

В 1930 году герой пьесы А. Афиногенова «Страх» руководитель института физических стимулов профессор Бородин объявил со сцены 300 советских театров: «Мы живем в эпоху великого страха». Он добавил детали: «Молочница боится конфискации коровы, крестьянин — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится обвинений в уклоне, научный работник — обвинения в идеализме, работник техники — обвинения во вредительстве». Профессор Бородин (прототипом которого был проф. Савич) резюмировал: «Страх ходит за человеком. Человек становится недоверчивым, замкнутым, недобросовестным, неряшливым и беспринципным». В 1930 году профессор Бородин видел лишь начало эпохи Великого Страх. С того времени прошло более полувека: страх менял упаковку, оставаясь главным, определяющим фактором формирования советского сознания, гомососа. Поразительная достоверность, адекватность (как любит говорить А. Зиновьев) «Гомо советикуса» — в атмосфере страха, которым дышат все персонажи книги. Трудно сегодня в мировой литературе найти книгу, в которой с такой интенсивностью ощущается ужас: гомососы продолжают бояться всего того, чего они боялись дома, а в дополнение боятся всего, что они видят в эмиграции. Александр Зиновьев мог бы дополнить название своей книги: «Гомо советикус — человек, который боится».

«Я», издеваясь над страхами окружающих его гомососов, боится больше всех. Ибо он — интеллигентнее всех. Среди множества тонких наблюдений, точных формулировок, метких высказываний «Я» особого внимания заслуживает констатация факта: «Пока качества гомососа наиболее высокой зрелости достигли в советских людях со сравнительно высоким уровнем культуры и образования, а также в среде самой социально активной части населения, особенно в сфере управления, науки, пропаганды, культуры, образования». Этот факт кажется мне бесспорным, как и его причина: советские люди «со сравнительно высоким уровнем», «самая социально-активная часть населения» — больше всего подвержена страху. Они боятся того, чего боятся все советские граждане, но — в большей степени. Они испытывают кроме здорового физического страха еще и болезненный страх метафизический.

Этот страх — плод воспитания «гомососа высокой зрелости». Преодолев марксизм, поняв его суть, «Я», гомосос высшей зрелости, остается отмеченным им навсегда. Прежде всего он — детерминист, он твердо знает, что история движется, и он не имеет сомнений относительно того, куда она идет. «Я хотел бы, — мечтает «Я», — хоть раз в жизни и хотя бы на короткий срок влить свою мысль и волю в какой-то ручеек большой истории». Это желание, потребность слиться с массой, как выразился Маяковский, — источник страха. Исключенный из партии Ю. Пятаков в 1928 году выражал этот ужас: «Неужели вы думаете, что в вели-

ком мировом перевороте, в котором решающим фактором будет наша партия, я буду вне ее?» Ему вторил в 1938 году Бухарин: «Жизнь для нас тяжела... Что нас спасает, это вера в то, что прогресс продолжается. Это как поток, который рвется к берегу. Выйдя из потока, вы будете выброшены в сторону». Гомосос Зиновьева не упоминает партии, он не употребляет даже слово «прогресс», но его гложет страх быть выброшенным на берег потоком истории. Как пел Луис Армстронг: когда святые идут в рай, я хочу быть в их числе...

Детерминизм гомососа — обратная сторона его убежденности в наличии суровых законов общественного развития, не знающих исключений. Отказавшись от марксовых формулировок этих законов, он сохранил веру в наличие универсального ключа, открывающего все тайны. Не менее важно и то, что убежденный в наличии универсального ключа, он твердо верит, что знает этот ключ, что он обладает Секретом.

Фундамент марксизма, науки наук — уверенность в том, что Секрет есть, что он раскрыт, строго охраняется и доступен только посвященным. От марксистов хранение Грааля — Тайны хода истории, приняли на себя советские граждане. Поклонение Секрету в Советском Союзе, где все секрет, все тайна, важнейшая марксистская черта реального социализма: тайна пугает, тайна привлекает. И каждый советский человек знает, что он Знает. Отсюда презрение гомососа к людям иной породы, прежде всего к иностранцам. Отсюда уверенность гомососа, что если он захочет, он — все раскроет. Как заявляет «Я»: дайте мне институт, и я вам раскрою Секрет.

Наличие Тайны с неизбежной необходимостью требует Хранителей. Все гомососы могут считать себя духовными хранителями Грааля, но необходимы Хранители физические. Нужны, как ласково выражаются советские люди, — Органы. Сегодня, в нынешних сложных и трудных условиях, нужно — КГБ.

Александр Зиновьев отбрасывает «детективный вздор», его не интересуют (скажем, не очень интересуют) мелкие кагэбистские шпики, мелкие чиновники — следователи или палачи. Его интересуют высшие сферы КГБ — те, в которых решаются судьбы мира, ход истории. Александр Зиновьев немало писал о КГБ в своих прежних книгах: это естественно — нельзя писать о советском обществе, опуская один из составляющих его элементов. В «Гомо советикусе» КГБ перестал быть контролирующей и охраняющей советских граждан организацией, он поглотил страну, людей, стал ими. Определение «агент КГБ» кажется «Я» — слишком узким, это «понятие ведомственное». «Я» предлагает «беспристрастное социологическое понятие «советский агент» или «агент Советского Союза», сокращенно «асе». «Я» совершенно прав: поскольку КГБ и есть Советский Союз, а Советский Союз — это КГБ, понятие «асе» как нельзя более адекватно. «Я» выполняет функции «асса», он заслан на Запад КГБ, на протяжении всей книги он вспоминает, обдумывает наставления Вдохновителя — своего Учителя в жизни и работе. «Я» — марионетка в руках Вдохновителя, пешка в сложнейшей, планетарной игре, которую ведет КГБ. И в этом смысл его жизни, радость его жизни.

По любопытному стечению обстоятельств одновременно с «Гомо советикус» вышла книга французского писателя Владимира Волкова «Монтаж». Книга Зиновьева, социологическое исследование в форме рассказа, роман Волкова содержит немало страниц острых социологических наблюдений. В. Волков, как и А. Зиновьев, рассказывает о манипуляциях КГБ — французский писатель употребляет технический термин «монтаж». Как для Зиновьева, так и для Волкова советский мир прикрыт небом, на котором восседает КГБ. Принципиальное различие между русским писателем, оказавшимся в эмиграции, и французским писателем русского происхождения, безвыездно живущим на Западе, в том, что для Волкова КГБ — это Дьявол, но существует еще и Бог; для Зиновьева КГБ — единственное божество в советском небе, а вскоре, возможно, и в небе над всем миром.

В главе «Суть дела», в которой Вдохновитель, по примеру Великого Инквизитора в «Братьях Карамазовых», излагает проект будущего, раскрывается метафизический смысл деятельности КГБ. Поняв «объективные тенденции истории», «ход истории», КГБ имеет возможность «растечься по всей планете и проникнуть во все ее поры». КГБ должен сегодня сделать то, что «в свое время сделали Маркс, Ленин, Сталин». Эта грандиозная задача требует гениев, но «интеллектуальные функции исторического гения, — объясняет Вдохновитель герою, — теперь могут выполнить только тайный агент вроде тебя и средний чиновник Органов вроде меня».

Картина мира ясна. Его судьба прочно в руках органов. Как мог бы сказать поэт: «У нас один вожатый — товарищ КГБ». Жрецам нового божества даны функции гениев и дар всевидения. «Мне все ясно, — провозглашает «Я», — причем — на много веков вперед», Жрец нового бога провозглашает Хартию гомососа: все, что бы ты ни делал, ты делаешь по указаниям КГБ, даже если ты считаешь, что ты действуешь против КГБ. В гигантском проекте КГБ предусмотрено все, есть место для всех: для агентов и диссидентов, для Запада и Востока. Борьба, сопротивление теряют смысл — доля гомососа оказывается лучшим вариантом чело-, веческой судьбы. Если КГБ — божество — всезнающее, всеильное, понявшее «объективный ход истории» — выступления против него могут только вызывать смех. Поэтому не перестает смеяться — злобно, издевательски, с чувством собственного превосходства — главный герой «Гомо советикуса», образцовый гомосос.

Две книги определяют этапы истории XX века. В 1920 году в страшном пророчестве Евгений Замятин описал будущее гомососа. Роман «Мы», дневник первого из гомососов, заканчивается уверенным заявлением: «...Я уверен — мы победим. Потому что разум должен победить». Примерно 30 лет спустя Джордж Оруэлл рассказал о победе разума. Роман «1984» заканчивается победой гомососа Уинстона Смита: «Он одержал победу над собой. Он любил Старшего Брата». Минувло еще 30 лет. Сбылись пророчества. Фантастические провидения Замятина и Оруэлла стали реальностью — реальность стала фантастической, советской: гомосос марширует по планете. Книга Зиновьева, как и романы его предшественников, заканчивается твердой уверенностью: «В соревновании гомососа с машиной будущее принадлежит гомососу».

Гомосос — победитель, идущий под водительством КГБ вперед, сметая всех на своем объективно правильном исторической пути, обладает качеством, которое делает его непобедимым. Одновременно — это его слабость. Гомосос не может быть — один. В числе страхов, терзающих его, — страх евободы, необходимости индивидуального выбора, страх оказаться вне коллектива. Слово «ностальгия» переводилось когда-то как тоска по родине. Гомососы Зиновьева, прежде всего «Я», тоскуют страстно, болезненно по здоровому советскому коллективу. Как никто другой, А. Зиновьев изобразил ад советского коллектива в своих книгах. Было легко видеть чудовищные пороки коллектива, находясь в его теплом лоне. Покинув коллектив, гомосос начинает страдать без него: он не знает, что ему делать, как ему жить. «Я» с тоской вспоминает о Сталине, при котором можно было «влииться» в историю, тоскует по прямой связи с КГБ. Тоскует по коллективу: «Ни днем ни ночью не дает покоя то, что я потерял свой коллектив».

«Я» — гомосос-интеллектуал, ученый. Его ностальгия базируется на научной теории, которая раскрывает советскую Тайну, секрет советской системы: гомосос не сотрудничает с властями, он участвует во власти. Тоска по коллективу, тоска — по зоне, это тоска по власти. Замятин понял это на заре советской власти, в годы рождения гомососа: «Две чашки весов: на одной грамм, на другой — тонна, на одной «я», на другой — «Мы», Единое Государство... Отсюда — распределение: тонне — права, грамму — обязанности; и естественный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты — грамм, и почувствовать себя миллионной долей тонны...»

Через много лет после написания «Мы» Валентин Зэка — Валентин Соколов, вечный советский арестант и замечательный поэт, написал: «Ты душе глоток озона, здравствуй, Зона...» Псевдосвободе советского мира он предпочитал откровенную колючую проволоку лагеря. Не выдерживая западной свободы, тоскует по советскому коллективу — лагерю «Я».

«Гомо советикус» — зеркало, поставленное Александром Зиновьевым перед самим собой и перед всеми читателями. Зеркало — предельно жестокое, беспощадное по отношению к отображающемуся в нем гомососу. Книга А. Зиновьева демонстрирует расположение сил и их характеристику в «самом великом сражении в истории», как выражается Вдохновитель. Сражение уже идет: смертная схватка между гомососом и человеком. Она идет между системой, стремящейся к фабрикации гомососа, и системой, в нем не нуждающейся. Полем битвы является и каждый человек: в смертельной борьбе схватились доктор Джекил и товарищ Хайд.

В XVIII веке философы, вдохновленные успехами науки и промышленной революцией, открыли, что человеческое общество представляет собой машину, а человек — всего лишь сравнительно простой механизм. А. Зиновьев вернулся к этой теории, блестяще продемонстрировав ее — первое в истории — практическое осуществление. Непреклонно убежденный в адекватности логических законов, автор «Гомо советикуса» провозгласил неизбежность победы «разума». Более ста лет назад Ф. Достоевский, понявший смысл начавшегося сражения, выразил сомнение в его исходе: «Положим, что это закон логики, но, может быть, вовсе не человечества». Герой Достоевского, отвергая цель, отвергая логику, отвергает ее фундамент: дважды два четыре: «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять премилая иногда вещица».

С точки зрения логики, победа гомососа не вызывает сомнений. Но еще живы духовность, иррациональность, каприз, как говорит герой Достоевского. До тех пор, пока они существуют, остаются сомнения в исходе битвы.

Михаил Геллер. Отщепенец — это звучит гордо¹¹

Гомо сапиенс — человек разумный — плод длившейся миллионы лет эволюции, до недавнего времени считался венцом творения. В книге, вышедшей несколько лет назад в Москве, утверждается, что возникновение гомо сапиенс было лишь подготовкой к следующему этапу, который начался 25 октября (по старому стилю) 1917 года. За минувшие шестьдесят с лишним лет был создан подлинный венец творения — гомо советикус.

Изучением этого необыкновенного феномена занимаются философы и физиологи, социологи и биологи, писатели. Прежде всего — советские. Для них нет никакого сомнения: если даже у гомо советикуса наблюдаются некоторые мелкие недостатки, легко объясняемые не совсем нормально проходившим эволюционно-революционным процессом, то в основном этот новый человек — всем хорош. И, как верно подметил товарищ Сталин, на голову он выше любого западного чинуши. Занимаются изучением гомо советикуса и бывшие советские философы, социологи, писатели, оказавшиеся на Западе и получившие тем самым возможность не оглядываться на цензуру и органы.

Но и в свободных условиях писать о гомо советикусе трудно. Трудно, ибо каждый человек, родившийся и выросший в Советском Союзе, несет на себе родимое пятно. Остап Бендер был

¹¹ Русская мысль, 05.04.1979, с. 5.

поражен, узнав, что на каждого человека, даже на членов профсоюза, давит столб воздуха весом в триста килограммов. Воздух действительно давит, калечит, моделирует на советский лад.

Гомо советикус — понятие значительно более широкое, чем гражданин Советского Союза. За 30 лет господства советской идеологии в странах соцлагеря много сделано для создания нового человека. Гомо советикус фабрикуется коммунистическими партиями даже в тех странах, где они еще только идут к власти.

Для того, чтобы раскрыть суть этого универсального явления нашего века, необходимо одновременно заглянуть внутрь себя и бесстрашно рассказать об увиденном, и посмотреть на себя со стороны — бесстрастно и объективно. Трудное это дело удалось Александру Зиновьеву в «Зияющих высотах», в «Светлом будущем». Искры, выброшенные вулканическим извержением «Зияющих высот», продолжают падать. Такая искра — новая книга А. Зиновьева «Записки ночного сторожа».

Сюжет коротенькой книжки — предельно прост: жил себе ибанец, самый обыкновенный, трижды дрессированный и четырежды запуганный, работал в ИОАНе (Институт очковтирательства Академии Наук), и вдруг пискнул что-то на собрании, не то, что надо было. И немедленно — исключили из Братии, уволили из ИОАНа. Но это — присказка. А сказка: работает он ночным сторожем в Конторе, размышляет, разговаривает с товарищами, вместе с которыми подхалтуривает — ремонтирует квартиру Чину, влюбляется в секретаршу, дает ей почитать, что записывает из своих размышлений, а секретарша относит его записи в ООН (Органы охраны народа). Вот и все. Обыкновенный ибанизм.

Банальная эта история понадобилась писателю для того, чтобы задать вопрос необыкновенной важности, один из самых важных вопросов нашего времени: откуда берутся отщепенцы?

«Записки ночного сторожа» начинаются регистрацией факта: «Итак я — отщепенец». И дальше идет законный вопрос: «Что такое отщепенец?» Стандартный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова прежде всего предупреждает — в скобках — «неодобр», т. е. — слово неодобрительное. Затем объясняет: «Отщепенец — человек, отколовшийся от какой-нибудь среды, отступник». Словарь Владимира Даля, идеологической нагрузки не несущий, говорит: отщепенец — отщепившийся по разномыслию от общества, паствы, церкви; раскольник, отступник, еретик. А Зиновьев полагает, что точное определение слова знает только начальство, сам же он дает примерное описание. Отщепенец, — говорит ночной сторож, — «это ибанец, который набрался наглости публично высказать свое мнение, не соглашающееся с мнением начальства, а значит — и с мнением всего остального ибанского народа, ибо ибанское начальство только тем и занимается, что выражает думы и чаяния ибанского народа».

Отщепенец непонятным образом появляется в ибанском обществе. Общество это изображено в «Записках ночного сторожа» в виде Конторы, где каждый — от уборщицы до Чина — занимает свое место в сложнейшей иерархической системе, получая причитающиеся ему — строго по рангу — привилегии. Не только страх, но и привилегии — от самых разнообразных благ, недоступных рядовым ибанцам, до возможности бездельничать на работе, доступной и рядовым ибанцам, — сплавляют ибанское общество. Третий склеивающий общество материал — идеология, которую А. Зиновьев называет системой антиощенок. Оценка действий и способностей индивидов зависит в этой системе от социального положения индивидов, их намерений, их официальных заявлений о своих действиях и т. д. «Например, высшее начальство принимает решение прорыть канал из пункта А в пункт В и приказывает начать это делать. По общим принципам оценок и по правилам оценок технического и экономического порядка данное решение может быть оценено как в высшей степени идиотское. Но по ибанским правилам оно оценивается как верх гениальности... Данная оценка получена как функция от намерений (облагодетельствовать народ, не ждать милостей у природы и т. п.), от социального ранга

решающих (высшие чины, а они по определению гении), от особенностей ситуации (жрать нечего, надо ширли-мири выращивать за полярным кругом) и т. п.». В результате, констатирует писатель, «поскольку ибанская система оценок антиоценок разработана с величайшей тщательностью и внедрена во все сферы жизни, то нет ничего удивительного в том, что ибанцы называют шедеврами идиотские фильмы, картины и книги, расхваливают плохо сшитые костюмы и гнилую картошку, возводят в гении потрясающе глупых руководителей и т. д.».

Давным-давно Маяковский рассказал о том, как крошка сын к отцу пришел и спросила кроха: что такое хорошо и что такое плохо? Сегодня ибанские дети с молоком матери всасывают систему антиоценок, на страже которой бесценно стоит Теоретик — Заместитель Заведующего Ибанском по вопросам идеологии. Великолепный портрет Теоретика, «человека слабого здоровья, который поэтому живет бесконечно долго», играющего решающую роль в снятии и назначении Заибана — одно из самых блестящих мест в «Записках ночного сторожа».

Более полувека назад Евгений Замятин предвидел появление гомо советикуса и ибанского общества. Об этом сказано в «Послании Замутия, епископа обезьянского»: «В послушании терпеливом мудро содержат иноков старцы, и на всякое слово старца иноки отвечают: аминь, хотя сказал, бы испугуя инока, старец, что не два ока у него, а три. И нет здесь, как в иных, языческих землях пагубного разномыслия и разноглаголения, но все — поистине стадо единое».

И внезапно появляются в «стаде едином» — отщепенцы. Появляются люди, отпадающие от стада, начинающие мыслить по-своему, иначе. Как, почему?

Никто не знает, а все те, кто утверждает, что знают, дают разные ответы. В том числе даже, что это «мутация в генах». Один из ответов, которые дает А. Зиновьев, заслуживает особого внимания. Общество, — говорит он, — «нуждается в отщепенцах и производит их регулярно и систематически. Оно борется с ними, но оно и нуждается в них. Зачем? Чтобы бороться с ними! Это — один из интереснейших парадоксов коммунистического общества. Отщепенец нужен для того, чтобы в борьбе с этим внутренним врагом общество сплывалось, становилось единым и монолитным».

Справедливость этого наблюдения не вызывает сомнения. Необходимо, однако, добавить, что появление подлинного отщепенства вынудило руководителей советской идеологии заняться созданием собственных «отщепенцев», «наших советских отщепенцев», наголову выше любого антисоветского отщепенца. В биологии это называют — мимикрией. Внешняя окраска и форма похожи, внутренняя суть — совершенно иная. И если были бы нужны доказательства значительности того, что называют «диссидентством», а что можно назвать — отщепенством, лучшим — может быть стремление советской идеологии совратить инакомыслие, заставить его служить — единомыслию. Советская идеология использует не только административные меры для борьбы с тем, что ей враждебно, она коррумпирует человеческие чувства, выворачивает их, превращая в чувства античеловеческие. Когда идеология не в состоянии справиться с противником, она пробует его совратить. В последнее время делается, например, попытка «приручения» религии. В альбоме, посвященном иконе Владимирской Богородицы, говорится, что Богоматерь благословила русский народ на Великую Октябрьскую Социалистическую революцию, в изданном многомиллионным тиражом романе лауреата и орденосца секретарю обкома, любимцу Сталина, является Сергей Радонежский и благословляет на плодотворную партийно-государственную деятельность. Печатаются книги, организуются выставки картин, ставятся спектакли, имитирующие отщепенцев, но укрепляющие стадное чувство.

А. Зиновьев предупреждает об опасности разрешенного властью отщепенства. В советско-ибанском обществе не может быть «отщепенства Ее Величества». Если правда одобрена официально, — заявляет писатель, — «она самим фактом одобрения впитывает ложь». Скептик и рационалист Александр Зиновьев подтверждает своими книгами подлинность пророче-

ского видения Владимира Соловьева, изобразившего в гениальных «Трех разговорах» мир, в котором Добро поставлено на службу Антихристу.

«Записки ночного сторожа» — книга о том, как трудно быть отщепенцем. И о том, как нужно быть им. Ибо, как писал Е. Замятин, «мир живет только еретиками».

Иосиф Косинский. Анализ, прогноз, предостережение¹² *О книге А. Зиновьева «Горбачевизм»*

Автора этой книги нет нужды представлять читателям. Тема книги также не может считаться новой — о Горбачеве и его политике написано и в СССР, и на Западе предостаточно. В этом отношении столь уже много прояснилось — и на словах и на деле, — что пора подвести итог, сформулировать основные черты горбачевского курса, выдвинуть соответствующий прогноз.

Нельзя сказать, чтобы этого не делалось. Вся политика новой «разрядки», пусть с оглядкой, но проводимая Западом в отношении Советского Союза (и коммунистического Китая), базируется на позитивной оценке советологами и кремленологами «новой экономической политики» двух коммунистических гигантов, происходящей там «либерализации», всюду дающей себя знать «оттепели», зашедшей дальше, нежели так памятная многим хрущевская.

На фоне этой если не эйфории, то во всяком случае атмосферы благостного удовлетворения, доброжелательного интереса, сочувствия горбачевским начинаниям мрачным грозовым облачком выглядит серия статей Александра Зиновьева, составляющих книгу «Горбачевизм», которая только что вышла в свет в нью-йоркском издательстве «Либерти».

Одна из книг Зиновьева, посвященных проблематике коммунистического общества и в этом смысле близких его нынешнему исследованию, носит примечательное название «Без иллюзий» (Лозанна, 1979). Сильная сторона этого философа и политолога — именно в том, что он начисто свободен от всех и всяческих иллюзий, — и от марксистско-ленинской веры в «конечное торжество коммунизма», и от исторического оптимизма западных либералов, и от прекраснотуши старой российской интеллигенции («старой эмиграции» — внешней и внутренней), склонной на всех крутых поворотах истории принимать желаемое за действительное и, наконец, от надежд плюралистов-западников в нашем отечестве, приветствующих ныне горбачевскую — пусть не демократию, а всего лишь «демократизацию».

Ни тени того или иного пристрастия, предубеждения, предрассудка не легло на страницы книги «Горбачевизм». Причины и очевидные следствия событий прослежены в ней четко и без скидок на «уникальность» исторического пути России, • — прослежены, как любит подчеркивать Зиновьев, на основе «научного анализа объективных законов» развития общества. Любого общества. В данном случае — коммунистического.

«Коммунизм приходит в мир как огромное искушение, — говорит автор, — принося с собой определенное улучшение условий жизни для миллионов людей. Но в истории ничего не дается даром и не проходит безнаказанно. За те преимущества, которые приносит людям коммунизм, они должны платить. И эта плата — новая форма закрепощения со всеми ее неотвратимыми последствиями».

Горы бумаги исписаны для доказательства неэффективности советской экономики. В сот-

¹² Новое русское слово, 26.08.88, с. 5.

нях и тысячах книг прослеживается, как разрушали — и разрушили — большевики вполне жизнеспособную, а временами даже процветающую экономику России, как довели гигантскую страну с неисчерпаемыми природными богатствами до состояния перманентной экономической разрухи. Действительно, соглашается Зиновьев, «если рассматривать советскую историю исключительно с точки зрения экономической эффективности, то она будет выглядеть как цепь нелепостей и глупостей руководства. Тогда глупостью (и даже преступлением) будут выглядеть и коллективизация сельского хозяйства, и методы индустриализации страны в сталинские годы».

Но это проще и примитивнее всего — объявить Сталина вырожденком и безумцем и на этом основании трактовать оздоровление советской экономики как полный и окончательный отказ от сталинских — и вообще большевистских (ленинских, троцкистских) методов.

Между тем сталинские злодеяния были прежде всего проявлением природы реального коммунизма как такового. «Одним из величайших завоеваний коммунистического общества и его величайших соблазнов для миллионов трудящихся было (...) освобождение людей от пут собственности, при котором людям гарантировалась работа и минимальные средства существования, — отмечает А. Зиновьев. — Освобождение миллионов людей от тревог и забот, связанных с собственностью как источником средств существования». Ввиду такого принципиального отличия коммунизма от иных формаций, основанных на частной собственности, при коммунизме не приходится говорить об определяющем (базисном) характере экономических отношений. Александр Зиновьев, кажется, первый, кто взглянул в корень вещей и поставил принципиальный вопрос: что вообще это такое — «эффективность» экономики? Ответ на этот вопрос зависит от того, с какой точки зрения рассматривать ее плюсы и минусы:

«Одно дело — подходить к проблеме с точки зрения конкуренции на мировом рынке, и другое дело — с точки зрения возможности выживания в будущей войне». Ясно, что общество, внутри которого экономические отношения отнюдь не носят определяющего характера, не имеет шансов конкурировать с другими на «мировом рынке».

Притом — чисто экономических проблем ведь изначально не существует, это всегда и социальные проблемы, поэтому, говоря об экономической эффективности того или иного строя — что бы под ней ни понималось, — фактически имеют в виду в конечном счете его эффективность социальную. И вот тут-то как раз мы и сталкиваемся с сильной стороной коммунистического строя: «В наше время, — замечает Зиновьев, — одним из важнейших показателей социальной эффективности общества является степень его готовности к новой мировой войне и степень способности выжить в этой войне».

Вывод беспощаден. Не демократизацию общества поставило себе целью новое советское руководство, не повышение непристойно низкого уровня жизни народа, не расширение его прав. Главной и единственной, подлинной целью Горбачева и компании является именно повышение способности государства выжить в будущей мировой войне. Отсюда и следует исходить, рассматривая все шевеления горбачевского руководства.

Автор книги вполне справедливо — опять-таки потому, что свободен от каких бы то ни было либеральных иллюзий, — исходит из того, что война между противостоящими друг другу мировыми системами неизбежна: «Ведущие страны мира так или иначе готовятся к новой мировой войне. Пусть они имеют целью предотвратить ее. Но они не в силах предотвратить последствия этого стремления для социальной эволюции. При этом «Восток» вынужден принимать во внимание силу своего исторического врага — «Запада», должен соревноваться с ним, уподобляясь ему».

Но уподобление, то есть конвергенция, — палка о двух концах. Александр Зиновьев полагает на исторических примерах, что в уподоблении друг другу ни один из противников не должен заходить слишком далеко, иначе он «нарушит меру приспособительности», что может привести к поражению. Так, по мнению Зиновьева, нарушил эту меру гитлеризм: он «несмот-

ря ни на что, был явлением в рамках западной линии эволюции», но «в своем уподоблении сталинизму он зашел слишком далеко».

Сознают ли эту опасность «нарушения меры приспособительности» советские лидеры? Безусловно, сознают. Горбачев заходит относительно далеко по той простой причине, что после десятилетий «застоя» он не видит иного пути спасения режима. Он пытается, по выражению Зиновьева, «преодолеть специфически коммунистические трудности западнообразными, некоммунистическими методами», — и тем самым, конечно же, идет на определенный риск. Но этот риск, повторю вслед за Зиновьевым, — осознанный, и рычаги контроля горбачевцы цепко удерживают в своих руках.

Только исходя из этого и можно оценивать нынешнее развитие событий в Советском Союзе и пределы, до которых оно должно дойти. Иными словами, становится возможным уже сегодня, всего лишь на четвертом году горбачевского правления (что такое для истории эти три с небольшим года!), дать прогноз на ряд лет вперед — по крайней мере, на предстоящее десятилетие.

Свой прогноз-предостережение Зиновьев формулирует со свойственной ему четкостью и определенностью: «Горбачевские реформы суть искусственные меры, имеющие целью вызвать к жизни в стране явления, чужеродные самой природе коммунистического общества. Это своего рода социально-политические наркотики. Они способны дать некоторый временный успех. Но огромная страна не может долго жить на горбачевских «наркотиках». Их действие так или иначе ослабнет и прекратится совсем. И тогда наступит состояние, в котором советское руководство будет вынуждено дополнить политику пряника политикой кнута, гораздо более адекватной природе руководимого им общества».

Чуть ниже он еще более конкретизирует свой прогноз:

«...Советское руководство использует выигрыш времени и помощь Запада, ощутит в себе силу и уверенность, пустит в ход оправдавшие себя в прошлом специфически коммунистические методы решения специфически коммунистических проблем и обнажит свои клыки и когти.

Удержатся горбачевцы на своих постах или нет, это не играет существенной роли. Это произойдет с необходимостью законов природы. Если горбачевцы потеряют посты, это сделают их преемники».

Но в любом случае это произойдет не сразу. Чтобы, по выражению Зиновьева, «преодолеть специфически коммунистические трудности» (хотя бы частично) «западнообразными, некоммунистическими методами», нужно время. Учтем при этом, что такой процесс весторонне тормозится рядом могучих факторов. Зиновьев резонно отмечает, что «основная масса населения (начиная от рядовых граждан и кончая руководителями на всех уровнях) будет делать все от нее зависящее, чтобы ограничить реформаторскую деятельность горбачевцев и свести ее результаты к минимуму, устраивающему всех». В этих условиях «и само горбачевское динамичное меньшинство так или иначе приспособится к обстоятельствам, и динамизм его вырождается в пустую формальность. Зрелое коммунистическое общество по преимуществу консервативно» (как и любое другое стабилизировавшееся, достигшее зрелости общество, заметим в скобках).

В советских условиях «перестройка», «ускорение», «гласность», «демократизация» — всего лишь ни к чему не обязывающие лозунги-заклинания. Сколько уже таких заклинаний (начиная с печально знаменитого «догнать и перегнать!») слышали мы на своем веку! А вот природа, суть коммунистического строя остается неизменной. Она все и определяет.

Я уже упоминал, что по своему содержанию, по кругу рассматриваемых — или хотя бы просто затрагиваемых — вопросов небольшая, но исключительно содержательная, емкая книга Александра Зиновьева выходит далеко за пределы явления, которое, назвав «горбачевизмом», он вынес в заголовок. Особый интерес представляют, наряду с оценкой нынешней си-

туации в СССР и прогнозами на будущее, суждения исторического характера, встречающиеся на ее страницах.

Так, заявляя, что борьба Горбачева с засильем многомиллионной государственной бюрократии безусловно обречена на провал, Зиновьев поясняет, почему: «Семьдесят лет, прошедшие после октябрьского переворота, *И. К.*) — срок для истории ничтожный, чтобы сделать окончательные выводы о судьбе Советского Союза и его перспективах. Но этот срок вполне достаточен для того, чтобы коммунистический и социальный строй обнаружил свою сущность. И он тем более вполне достаточен для того, чтобы судить о характере Октябрьской революции.

...Октябрьская революция в России по своей социальной сущности и по своим социальным последствиям была революцией чиновничье-бюрократической. И борьба горбачевцев против бюрократического аппарата в стране, если ее принимать всерьез, есть борьба против основ коммунистического социального строя. Но вряд ли кто в Советском Союзе принимает ее всерьез.

Чтобы понять социальную сущность революции, надо понять сущность социального строя страны, который сложился благодаря этой революции. Одна из догм марксизма-ленинизма гласит, будто коммунистические (социалистические) социальные отношения не складываются в обществе до коммунистической (социалистической) революции, будто они возникают лишь после революции и благодаря революции.

Это утверждение, насколько мне известно, никем не оспаривается. А между тем оно ложно. Коммунистические социальные отношения имели место в той или иной мере во всех больших объединениях людей, существовавших достаточно длительное время в прошлой истории человечества. Они имеют место в наше время также и в некоммунистических странах Запада.

В России в результате Октябрьской революции сложились условия, благодаря которым общечеловеческие коммунистические социальные отношения стали господствующими и всеобъемлющими. Характерным признаком этих отношений является то, что все взрослые и работоспособные граждане превращаются в своего рода служащих государства... На этой основе развивается беспрецедентная в истории система власти и управления, в которую оказываются вовлеченными десятки миллионов людей».

Прошу прощения за столь длинную цитату. Но, право же, мало найдется в мировой политической литературе страниц, равных этим зиновьевским страницам по глубине и точности анализа больших исторических событий, их основополагающих признаков и последствий.

Я вовсе не хочу сказать, что мне все по душе в книге Зиновьева. Иногда он изрекает и прописные истины, без чего можно бы и обойтись. Например: «Принудительность — вот основа, цель и будущее горбачевской "революции сверху"». Но ведь, как известно, любая реформа, пусть предпринимаемая с самыми благими намерениями (и даже дающая, как выясняется в дальнейшем, наилучшие результаты), всегда принудительна и болезненна. Взять хотя бы хрестоматийный пример принудительного насаждения на Руси картофеля при Екатерине...

Не нравится мне, признаться, и сам термин «горбачевизм». В свое время В. Д. Набоков считал (вполне обоснованно) термин «царизм» «одним из гнусных выражений революционного жаргона, чуждого духу русского языка». Действительно, более в духе языка — ленинщина, сталинщина, брежневщина, горбачевщина... По-видимому, Александр Зиновьев предпочел тот термин, который звучит более «научно» (по сути — всего лишь более наукообразно).

В книге постоянно встречаются выражения: «научный подход», «правильное (научное) понимание», «научный анализ». Бесспорно, речь идет о вскрытии глубинных причин и закономерностей исторических событий и их последствий. Но то, что автор книги именуется наукой, есть всего лишь логика, способность к анализу, отсутствие предвзятости в подходе к социальным явлениям. Все это воплощается в конечном счете в трезвый, обоснованный прогноз.

Все эти свойства мышления присущи Зиновьеву и самым блестящим образом проявились в его книге. Но — какая тут наука?

Вполне допускаю, что мне возразят: а что же тогда вообще называется наукой?

Я просто хотел бы, чтобы это слово употреблялось осторожнее и умереннее. Может быть, потому, что оно до предела скомпрометировало себя в эпоху брежневщины, когда абсолютно все — и планы, и оценки прошлого, и прогнозы на будущее — преподносилось как «подлинно научное», а оказалось вопиюще несостоятельным в любом смысле.

И последнее замечание. На мой взгляд, не очень убедительны исторические примеры, приводимые А. Зиновьевым в доказательство опасности конвергенции, заходящей слишком далеко. Сама по себе такая опасность существует, спору нет. Но, думается, Гитлера («гитлеризм») погубило никоим образом не то, что «в своем уподоблении сталинизму он зашел слишком далеко, нарушив меру приспособительности. Почему не допустить, что речь идет об органичных чертах самого нацизма? Во всяком случае, применительно к Гитлеру это вопрос дискуссионный. Но, как многое у Зиновьева, и это его суждение не хотелось бы отвергать сходу: полагаю, оно заслуживает, коль скоро уж было выдвинуто, более пространной аргументации и могло бы составить тему отдельной статьи, а может быть, и книги.

Деятельность издательства «Либерти» очень неровна: среди выпускаемых этим издательством книг есть очень и очень «средние» и попросту неудачные. На сей раз издательство можно поздравить с несомненной и весомой удачей: книга Зиновьева не просто нужная и «отлично сделанная», но и вышла очень вовремя.

Марк Зальцберг. Литературные параллели

*Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине.
Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине
создает мудрецов, благодетелей человечества.
Чаадаев, «Философические письма»*

Предпослав своему выступлению чаадаевское высказывание, подумал, что, к сожалению, большинство людей отдаст предпочтение героям, а не мудрецам. С героями проще! С героями мы всегда правы, герои не заставляют размышлять. Герои чаще всего ограничивают наши впечатления о них чисто эмоциональной областью, т. е. первой сигнальной системой, тогда как мудрецы заставляют нас заниматься тяжелой работой анализа их творчества. В котором к тому же и не всегда поймешь, где ирония над самим собой, где над читателем, а где «чистая» правда.

На мое счастье, собрались люди, для которых чтение художественного или научного произведения не есть работа тяжелая, а есть работа, доставляющая удовольствие, гораздо большее, чем созерцание подвигов. Однако, обращаясь к этой аудитории, я все время должен буду помнить и о тех читателях нашего юбиляра, которые героизм предпочитают мудрости. Их, повторяю, большинство, и они, к тому же, умеют не только читать, но и писать о прочитанном.

Прочитав в «самиздате», в Союзе, «Зияющие высоты», я был поражен тем, как мастерство литератора сочеталось в этом произведении с мастерством ученого высокого класса. Уже с первых страниц книги, чуть ли не с решения ибанских властей заселить паюсной икрой водоемы

Ибанска, я подумал, что передо мной сатирик поистине Щедрина уровня. Так и стоял у меня перед взором город Глупов с его обитателями, столичный город Глупов середины XX века!

И город, нарисованный Салтыковым-Щедриным, и город, описанный Александром Зиновьевым, без всяких указаний со стороны авторов, немедленно помещается любым читателем только в Россию.

А вспомните начало книги «В преддверии рая». «Почти все города страны называются по имени ныне (и такое впечатление, что отныне и навеки) здравствующего вождя...» — и идет перечисление, от которого смеешься, как от гоголевского «Ревизора». Как точно отражают эти вымышленные названия психологию и уровень «изобретателей» Ленинграда, Ленинабада, Кировакана и т. п. Вождятка и Вождеата, Вождюйск и Вожделенск, Вождельма и Вождеган. Нелепость переименований поразила даже Демьяна Бедного, который, по свидетельству Шалапина, с великим юмором сказал, что если уж Петроград переименовали в Ленинград, то он, Демьян, потребует, чтобы сочинения Александра Пушкина переименовали бы в сочинения Демьяна Бедного.

А муки старшего лейтенанта Егорова («Нашей юности полет»), подыскивавшего в русской классической литературе имена для кличек своих осведомителей! «Ага! Нашел! Князь Курбский! Но он предатель. Вряд ли кто из наших советских ребят примет такой псевдоним. Они же комсомольцы».

Но не литературные достоинства или недостатки (я недостатков не вижу) привлекают внимание и критиков, и почитателей Зиновьева. Вернее, не только они! Привлекают внимание его метод и его выводы, многие из которых возвращают нас к мысли, высказанной молодым Гоголем, в пору его профессорства на кафедре истории в Петербургском университете.

«Наступило время, когда всякий более или менее чувствует, что правление не есть вещь, которая сочиняется в голове некоторых, что она образуется нечувствительно, сама собой, из духа и свойств самого народа, из местности — земли, — на которой живет народ, из истории самого народа...» (Н. В. Гоголь, Собрание сочинений, т. 6, стр. 415. М. Художественная литература 1978.)

Своим тщательным исследованием послереволюционной России Зиновьев просто нанизывает еще одну бусину на одну и ту же нитку ожерелья русской истории, убедительно доказывая нам, что ничего сверхъестественного в России не произошло, «связь времен» отнюдь не распадалась и одни и те же исторические законы управляют этим государством от Владимира Мономаха до Владимира Ленина и иже с ним. Еще более ценно то, что Зиновьев применяет для анализа социологические методы, с какими еще никто за историю не брался. И, конечно, вывод о преемственности столь разных историко-политических формаций на первых порах буквально ошарашивает искушенного в «самиздате» читателя. Как так? А разбойники-комиссары, а «запломбированный вагон», а коллективизация, а маньяк и убийца Сталин?! Этих «А» сотни!

Но обратимся к великому артисту, не политику, да вдобавок еще и умершему задолго до того, как Зиновьев школу кончил, и, следовательно, не читавшему и прочих советологов. Федор Шалапин писал в книге «Маска и душа», изданной в 1932 году в Париже в издательстве «Современные записки»:

«Кто же они, сей дух породившие? Одни говорят, что это кровопийцы; другие говорят, что это бандиты; третьи говорят, что это подкупленные люди, подкупленные для того, чтобы погубить Россию». (Как, однако, стойка терминология! Читаем ли мы что-нибудь иное и сейчас на страницах русской свободной прессы?!)

И далее у Шалапина: «По совести должен сказать, что хотя крови пролито много, и жестокости было много, и гибелью, действительно, веяло над нашей Родиной, — эти объяснения большевизма кажутся мне лубочными и чрезвычайно поверхностными. Мне кажется, что все

это и проще и сложнее, в одно и то же время. В том соединении глупости и жестокости, Содома и Навуходоносора, каким является советский режим, я вижу нечто подлинно российское. Во всех видах, формах и степенях — это наше родное уродство». Такие высказывания можно найти у других современников Шалапина. Я обратился к нему потому, что всем известна способность больших артистов четко оценивать ситуацию чисто интуитивно. Способность гения шагать через информационные пустоты, как сказал бы современный исследователь, знакомый с кибернетикой. Не владея ни методом Зиновьева, ни тем историческим материалом, который сложился после 1932 года, Федор Иванович высказал то, что особенно ставится в вину нашему юбиляру многими «пишущими читателями». (Кстати, Шалапина прямо обвиняли в сотрудничестве с комиссарами за такие высказывания). И снова читаем у Шалапина: «Я не могу быть до такой степени слепым или пристрастным, чтобы не заметить, что в самой глубокой основе большевистского движения лежало какое-то стремление к действительному переустройству жизни на более справедливых, как казалось Ленину и некоторым другим его сподвижникам, началах. Не простые же это были, в конце концов, «воры и супостаты». Вот где любовь к истине пересиливает любовь к отечеству!

Как же тут снова не вспомнить зиновьевские утверждения о том, что коммунизм есть неизбежное и закономерное реальное воплощение вековой мечты человечества. Я хочу напомнить слушателям, что в отличие от всех настоящих и мнимых специалистов по СССР, самому старшему из которых, может быть, с трудом приходится будить в себе детские воспоминания о дореволюционной, да еще и воюющей России, Федор Иванович знал, о чем писал! Он встретил революцию в 47-летнем возрасте, а о русском, подлинно российском имел самое живое и полное представление.

Но то, что Шалапин высказал с прозрением гения, Зиновьев формулирует и доказывает, пользуясь разработанным им методом социологического анализа массовых исторических явлений. Если с Шалапиным можно было спорить, просто сказав: «Даты не прав, Федор Иванович», то с Зиновьевым спор не удастся, спор, разумеется, аргументированный, а не эмоциональный. А поэтому Зиновьеву приписывается то, чего он никогда не писал, не говорил и не думал. Его обвиняют и в апологии коммунизма, и в пристрастии к коммунизму, и даже в пропаганде оногo. Недавно, например, Маргушин в «Новом Русском Слове» прямо так и заявил, на том лишь основании, что в работах Зиновьева можно увидеть предсказание торжества коммунизма. Действительно, можно. Но корректно ли обвинять метеоролога, верно предсказавшего ураган, в любви к разрушениям и человеческим жертвам? Его скорее поблагодарить надо за точное предсказание и правильный метод. К сожалению, хвалят немногие. И это, кстати, тоже чисто русское явление. Еще Чаадаева обвиняли в отсутствии патриотизма. Все, даже великий Пушкин, сказавший тем не менее, что Чаадаев — один из самых светлых умов России. Обвиняют в отсутствии патриотизма (а так ли он нужен, этот патриотизм, действительно светлым умам?) практически любого, кто не готов заявить «русское — значит отличное». Того самого патриотизма, в соответствии с которым «у нас же свойственно говорить, рассуждать и писать: Ура!» (Салтыков-Щедрин, избранные сочинения, М. 1952, стр. 226).

Именно в соответствии с этим понятием о патриотизме многие не могут простить Зиновьев его произведений. Как же можно согласиться с тем, что «сталинизм был добровольным творчеством многомиллионных масс людей» («Нашей юности полет», с. 10). А вот Цицерону еще две тысячи лет назад было ясно, что сталинизм и был именно творчеством многомиллионных масс. В сочинении «Об обязанностях» (Изд. «Наука», М. 1975 «О старости, о дружбе, о обязанностях» с. 105.) он пишет: «Ведь против ненависти многих людей не устоять ничьему могуществу; если мы ранее не знали, то недавно поняли». Но что можно Цицерону о Риме, того нельзя Зиновьеву о России. Не укладывается это заявление в рамки теории о поработанном и страдающем русском народе.

И особенно обидно то, что Зиновьев мастерски доказывает свое утверждение. И это, и многие другие.

Я не стану здесь приводить четкие и аргументированные доказательства Зиновьева того, что советский образ жизни не только не ненавистен всем, живущим в СССР, поддерживается и постоянно воспроизводится большинством населения. Всякий интересующийся мог прочесть это у самого автора. Цель моего выступления — донести до слушателя, до самого Александра Зиновьева, только лишь впечатление от его работ, впечатление читателя, 45 лет прожившего в Союзе, читателя, всю жизнь занимавшегося точными дисциплинами и всю жизнь старавшегося, кроме того, понять, что же происходит в стране. Как совершенно справедливо сказано в «Гомо советикусе»: «Одно дело жить в данном обществе и кое-что знать о нем для этого. И другое дело — понимать механизмы этого общества».

Научиться понимать механизмы советского общества, да и любого другого общества книги и метод Зиновьева помогают как ничто другое! Я помню, как поразило меня высказывание одного из зиновьевских героев, что советскую эмиграцию можно объединить только на просоветской основе. Вот уж не в бровь, а в глаз. Убежав от тоталитаризма, мы хотим «перевешать» всех левых; убежав от абсолютного контроля над печатью, многие из нас с удовольствием заткнули бы рот Зиновьеву.

Кстати, о высказываниях зиновьевских героев. Как не вспомнить тут Сашу Черного, который посвятил «критику» следующие строки:

Когда поэт, описывая даму,

Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет», —

Здесь «я» не понимай, конечно прямо —

Что, мол, под дамою скрывается поэт.

Я истину тебе по-дружески раскрою:

Поэт — мужчина. Даже с бороною.

Эту истину хочется сообщить и многим зиновьевским критикам. Кто только не действует на страницах его книг. Ведь это же литературные произведения, где сталинист спорит с диссидентом, стукач — с палачом, профессор — с недоучкой. Почему-то все, что говорят герои Зиновьева, немедленно приписывается ему самому. Слов нет, не всегда легко отделить героя от автора, да не всегда это и необходимо. Читая книгу, ведь не занимаются уличением автора в предосудительных мыслях героев. Как сказано у А. К. Толстого в поэме «Сон Попова»: «Ах батюшка-читатель, что пристал? Я не Попов! Оставь меня в покое! Резон ли в этом или не резон — я за чужой не отвечаю сон!»

И если речи Вдохновителя из «Гомо советикуса» иногда действительно отдают бредом, то... Я не Попов, оставь меня в покое! И если несомненно самому Зиновьеву (так ли уж несомненно, подумал вдруг я) принадлежит мысль, что «Уйдя с исторической сцены, сталинизм оставил после себя великое наследство: нового человека с адекватной ему социальной организацией или новую социальную организацию с адекватным ей человеком», то тут же снова вспоминаешь Шалапина. «И самая страшная, может быть, черта режима была та, что в большевизм влилось целиком все жуткое российское мещанство с его нестерпимой узостью и тупой самоуверенностью». Вот пример социологического подхода к истории! Гениальный художник понимает, что социология есть главный инструмент в анализе исторических явлений. Не удивительно, что согласно Шалапину «... произошло то, что все «медали» обернулись в русской действительности своей оборотной стороной. «Свобода» превратилась в тиранию, «братство» в гражданскую войну, а «равенство» привело к принижению всякого, кто смеет поднять голову выше болота». («Маска и душа», с. 289,290.).

Не выразил ли ту же мысль, но современным языком, мысль о большевизме как о власти «жуткого российского мещанства» и Александр Зиновьев? «Миллионы шакалов устремились

в эту сеть власти. И не будь сталинской сверхвласти, они сожрали бы все общество с потрохами, разворовали бы все. Развалили бы...» Вот вам и «пропаганда сталинизма». Достаточно автору убедительно доказать, что сталинизм был исторически неизбежен в той ситуации как защитная реакция от еще более страшных последствий, от полной гибели нации и государства, как все норовят его обозвать и большевиком, и сталинистом.

И каким же еще могло быть современное советское общество, каким же еще мог быть этот «новый человек», если его недалеким предком был русский обыватель, который, по словам Шаляпина, «знает, как горбатенького сапожника превратить сразу в Аполлона Бельведерского; знает, как научить зайца зажигать спички; знает, что нужно этому зайцу для его счастья; знает, что через двести лет БУДЕТ нужно потомкам для их счастья».

«Они знают! И так непостижимо в этом своем знании они уверены, что самое малейшее несогласие с их формулой жизни они признают зловредным кощунством, и за него жестоко карают». («Маска и душа», с. 289).

И не лезет ли до сих пор то же русский, жуткий мещанин с воплями об оскорблении национального достоинства при всяком упоминании о фактах русской жизни и истории? Ему почему-то мало сознавать, что его Родина, его народ подарил миру Глинку и Шостаковича, Менделеева и Павлова, Толстого и Булгакова. Он, этот мещанин, сам хочет быть Толстым, мало того, он и считает себя Толстым, если еще не выше. Как же тогда ему примириться с той тривиальной для всякого иного мыслью, что в любом народе рядом с Лавуазье обязательно существует и палач, который отрубает голову национальному гению и достоинству. Он и сам-то с удовольствием выступает в этой роли, объявляя Чаадаева сумасшедшим, Шаляпина — большевиком, а Зиновьева — убежденным коммунистом. Да и как же не раздавать эти клочки, если он точно знает, как зайца научить спички зажигать?

О советской власти написано очень много. Тысячи публикаций посвящены описанию ужасов большевизма, психологии вождей, жестокостей коммунистических мероприятий и т. п. Много книг написано действительно талантливо, грамотно. Но меня всегда беспокоила одна и та же мысль, когда я читал все эти произведения. «Почему все это случилось? Почему, если большевизм столь ужасен, непроизводителен, ненавистен народу и человечеству, не имеет никаких основ в национальном характере народов России, почему он существует вот уже более 60 лет, становясь все сильнее, агрессивнее и привлекательнее для многих людей не только в третьем мире, но и на кафедрах престижных университетов Америки и Европы?» Цицерона мы читали в юности и понимали, что прав был великий политик и историк насчет тирании.

Александр Зиновьев решил эту проблему. По крайней мере для меня. После чтения и изучения его книг и метода все встало на место. «Все кошмарное зло нашей эпохи явилось результатом воплощения в жизнь самых светлых идеалов человечества. И от этого открытия нам стало плохо на всю жизнь». (Нашей юности полет, с. 169).

Единственную претензию можно предъявить моему любимому писателю. Мы ждем от него работ по социологии иных, не советских систем. Живя теперь в ином обществе, мы хотим понять механизмы, управляющие его жизнью и работой.

Без помощи профессионала мы этого никогда не добьемся. Мы знаем об этом обществе больше, чем о советском (общество-то открытое), но, как хорошо сказал все тот же светлый ум Чаадаев, «... незнание истории объясняется не незнакомством с фактами, но недостатком размышления и неправильностью суждения». Кому же, как не Александру Зиновьеву, помочь нам разобраться в нашем новом «капиталистическом окружении»? В этом самом окружении, о котором так правильно и с такой завистью сказал Салтыков-Щедрин в очерках «За рубежом»: «Ужасно приятно прожить хоть несколько времени, не боясь» (с. 239 цит. соч.) и далее, но в полной связи с этой фразой — «Нигде не кричат караул, нигде не грозят свести в участок, не заезжают, не напоминают о Кузьке и его родственниках», (с. 255).

Евгений Пономарев.

*Homo postsoveticus*¹³

Творчество Александра Зиновьева вчера и сегодня

Александр Александрович Зиновьев — писатель уникальный. Открывая впервые его книгу, читатель задается вопросом: литература ли это? Многие литературоведы ответят: нет, не литература. Тогда что же? Социологический трактат? Но и социологи откредитуются от текстов Зиновьева. Философия? Но и философы не признают его своим. Сам Зиновьев говорит, что он пишет литературу особого рода — социологические романы. То есть нечто на грани литературы и социологии. И не обращает внимания на то, что его стараются не замечать ни в литературе, ни в социологии.

Зиновьева читать трудно. Его нарочито нехудожественный стиль как бы настраивает на серьезный, научный лад. Абстрактность его героев не предполагает характера, не случайно у них часто нет имен. Действие тоже практически отсутствует: герои наблюдают и обобщают увиденное. Все персонажи говорят одним и тем же языком — научно-дистиллированным. Диалоги не вычлняются из массива текста. Все подчинено одной задаче — описанию социальных отношений. Это научный трактат в литературной форме. Отдаленно напоминающий сочинения Платона. Все книги Зиновьева сплошь состоят из диалогов, в которых ценны высказанные мысли — сами по себе. Не важно, кто их произносит. Все это — мысли одного и того же автора, смотрящего на мир с разных точек зрения. Из жанров современной литературы творчество Зиновьева ближе всего публицистике. Оно ориентировано на злободневность. Не случайно каждое изменение в политической жизни СССР и России становится темой для его нового романа.

Когда книги Зиновьева впервые появились в СССР, трудность чтения его сочинений не замечали. Она совпадала с трудностью внешней — создавая упоение запрещенной литературой. Мы открывали для себя его книги, преодолевая препоны: читали брошюрки самиздата, читали изданное там — наглухо заворачивая в газету, чтобы ничей нескромный взор не рассмотрел обложку с фамилией автора. Казалось, что это правда о нас. Дорога же к правде трудна.

Сегодня Зиновьева читают мало. Только по инерции, с застойно-перестроечных времен. Незачем стало продираться через сложный стиль. Кроме того, этот стиль хорошо сочетается с упреками в маразме, которые время от времени звучат в адрес писателя. И впрямь: Зиновьев не рад распаду СССР! Он не поддерживает перемены в России! Значит, впал в маразм, что же еще.

Общераспространенной стала мысль о том, что Зиновьев резко изменился. Кое-кто добавлял: «и изменил». Изменил, естественно, общему делу — священной борьбе с коммунизмом. Но дело, собственно, в том, что «герой диссидентского движения» Зиновьев никогда не был диссидентом в обычном смысле слова. Чтобы понять это, достаточно было прочесть «Гомо советикуса». Тогда этого не заметили. Потом об этом не вспомнили. А Зиновьев вовсе не менялся. Менялась ситуация. Неизменной осталась и социологическая модель, построенная им больше двадцати лет назад в «Зияющих высотах». Все в ней по-прежнему актуально и сегодня, хотя нет больше на карте страны победившего социализма. «Зияющие высоты» читаются как ультразлободневная книга. Например:

«<...> социальное господство в условиях, когда нет никакой иной силы, от которой оно зависело бы существенным образом, порождает систему производства жизни, в которой есть господа, но нет хозяев, несущих личную ответственность за дело, вкладывающих в дело свою индивидуальность, — систему бесхозяйственности, безответственности, обезличенности. Господа стремятся лишь урвать и занять более выгодное положение для этого, не думая о несколько более отдаленных последствиях».

¹³ Бюллетень Русской библиотеки Толстовского фонда, № 102, сентябрь 1999, с. 11.

Читая Зиновьева сегодня, по-прежнему проецируешь текст на современность. И поражаешься: еще более верно, чем было. Повнимательнее бы прочитать Зиновьева лидерам новой России, повторившим старую, как мир, ошибку - решившим изменить экономический уклад во имя улучшения жизни. Впрочем, они бы могли почитать и классиков. Не марксизма-ленинизма, их они читали внимательно. Классиков русской литературы.

Еще в девятнадцатом веке шел спор о том, что нужно изменить для счастья человечества. Социалисты и близкие к ним считали, что человек рождается без представлений о добре и зле. Все плохое, что появляется в нем позднее, связано с общением — его «портит среда». Значит, среда должна быть изменена таким образом, чтобы ее воздействие на человека стало исключительно позитивным. С тех пор, завистливо глядя на Запад, руководители, вожди и президенты только и делали, что изменяли российскую среду на манер западной — надеясь, что сами собой изменятся и россияне.

Их оппоненты возражали: не среда влияет на человека, а человек на среду. Изменить надо внутреннюю сущность человека, тогда изменится и среда. Ни Достоевский, ни Толстой не принимали социалистических идей именно потому, что социалисты в своих построениях не учитывали важности личности, конкретного человека. Они мыслили массами.

Спор столетней давности кажется Зиновьеву по-детски наивным. Так же, как Варламу Шаламову наивными показались каторжные воспоминания Достоевского. Это другая реальность, писал он. Александр Зиновьев — тоже человек иной реальности. Он рассказывает о новой, преображенной среде изнутри. О новом человеке, ежедневно создающем эту среду и ежедневно создаваемом ею. Спор, человек влияет на общество или наоборот, для Зиновьева аналогичен известной дискуссии о курице и яйце. Исторически сложившиеся формы общественной жизни полностью определяют жизнь отдельного человека. В одном из последних своих произведений «Глобальный человек» Зиновьев перефразирует Шекспира:

«Беда, когда перед тобой встает проблема, есть ты или нет. У тебя при этом возникает претензия на то, что ты есть, но нет возможности реализовать ее так, чтобы отпали все сомнения на этот счет.

Отдельно взятый человек <...> есть пустая абстракция. Человек есть нечто лишь как частичка социального механизма».

Человек, по Зиновьеву, — совокупность социальных функций. Поэтому такими странными кажутся его герои. Клички, которые заменяют им имена (Социолог, Супруга, Клеветник в «Зияющих высотах») суть отражение их социальной роли. Социолог ничего не понимает в социологии. Клеветник ни на кого не клеветает. Но такова их роль в обществе. Эти наименования пристали к ним навечно. Поскольку изменить свою социальную функцию, выйти из отведенной обществом социальной ячейки можно только вместе со смертью. В последних работах Зиновьева система «кличек» еще более упрощена. В «Русском эксперименте» (1995) герои именуется по профессии (Писатель, Философ, Журналист) или по политическим взглядам (Коммунист, Лигачевец). В романе же «Глобальный человек» (1997) имена героев почти и вовсе исчезают. Зовут персонажей по первым буквам имени (Ал, Фил), на американский манер.

Когда-то Э. К. Метнер, руководитель издательства «Мусагет», прочитав роман Андрея Белого «Петербург», воскликнул: «Вынули человека, остались одни кальсоны!» У Зиновьева от человека не осталось и кальсон.

Социальная функция как неизменная величина предполагает возможность научного изучения. И Зиновьев добросовестно изучает взаимоотношения людей. Много раз заявляя, что просто обобщает очевидное. Для этого необходимо прежде всего избавиться от заблуждения, восходящего к философам Просвещения, пришедшего в Россию через социалистов и Льва Толстого: «Человек по натуре добр». И от другого заблуждения, сформулированного уже в

XX столетии, о злом начале в природе человека. Человек — пустышка, получающая значение лишь в контексте общественных отношений. Многие человеческие поступки (предательство, клевета, подсиживание коллег и пр.), кому-то кажущиеся ненормальными, для Зиновьева абсолютно нормальны. Потому что они заданы системой общественных отношений. Ненормальными будут, напротив, честность и благородство, поскольку, руководствуясь ими, человек поступает во вред себе.

Таков продукт общественной эволюции: развиваясь и усложняясь, общественные отношения все более подчиняют и упрощают человека. Поразителен оксюморон в приведенной выше цитате. Состоящий из плоти и крови человек осмысляется автором как абстракция — и, например, неосязаемые общественные отношения превращаются в единственную конкретность. Человек Зиновьева сознает себя человеком, лишь прокручивая в уме данные статистики: «<...> я есть представитель величин хотя и безликих, но огромных. И, зная это, ты сам ощущаешь себя величиной», — говорит герой «Глобального человекейника». Воплощенными в жизнь оказались пессимистическое пророчество Е. И. Замятина и восторг В. В. Маяковского:

Единица!

Кому она нужна?! Голос единицы
тоньше писка. Кто ее услышит? -

разве жена! И то,
если не на базаре,
а близко. <...>

А если

в партию

сгрудились малые, -

сдайся, враг,

замри и ляг! Партия -

рука миллионопалая, сжатая

в один

громящий кулак.

Только политические мотивы ни при чем. Надо говорить не о партии, а о массе. Если в «Зияющих высотах» еще присутствует мысль, что обезличивание человека спровоцировано коммунистической идеологией, то уже в романе «Гомо советикус» (1982), во многом разводя западную и советскую системы, Зиновьев отмечал ряд странных совпадений. Все они коренились в главном принципе общественного устройства: «Когда я давал согласие на эту эмиграцию, я в глубине души надеялся вырваться из смертельных дружеских объятий советского коллектива. Но здесь, на Западе, мне раскрыли свои объятия такие же коллективы, отличающиеся от советских лишь отсутствием достоинств последних». А через пятнадцать лет в романе «Глобальный человекейник» (1997), он пишет, что в западном обществе (будущего) многое в социальной жизни очень напоминает коммунистическое общество, которым западные люди все время пугают друг друга. Это, пожалуй, и есть главное изменение концепции Зиновьева — ее географическое расширение. Законы функционирования советской системы с небольшой переработкой оказываются пригодными и для описания всего мира.

Любая общественная и умственная деятельность осмыляется тоже как социальная функция. Философ, художник, ученый суть определенные ступени общественной иерархии, клеточки общества. Кто попадает в эти клеточки — талант или посредственность, умный или патологически глупый — не имеет абсолютно никакого значения. Его функция не творчество, не производство новых смыслов и ценностей. Он должен занимать место и ничего больше. Поэтому замена крупного ученого на бездарного чиновника от науки на посту, например, заведующего кафедрой всеми приветствуется. Постепенно изменяется состав всех работников ка-

федры — на место прежних новый руководитель ставит своих. То, что вместо работы кафедры теперь существует только видимость ее, никого не волнует. Поскольку функция этой кафедры, как и большинства кафедр в мире, — создавать видимость научной деятельности. Символизировать ее своим существованием. Так же организована научная деятельность на Западе. Невеоятно разросшаяся организация получает огромные деньги от фондов, тратит их и при этом не производит абсолютно ничего. Всем так удобно: и дающим деньги и принимающим. А сотрудники организации все как один уверены, что заняты необходимым и полезным делом. «Имитационные формы деятельности настолько удобны для людей и жизнеспособны в наших условиях, что вся наша жизнь принимает характер имитации цивилизации <...>».

Человек — производное от занимаемого места. Не важно, что Мазила из «Зияющих высот» намного талантливее Художника, получающего государственные заказы. В общественной иерархии Художник — выдающийся и крупный, а Мазила, несмотря ни на что, остается Мазилой. Чтобы стать крупным художником, ученым, философом и т. д., необходимо сделать хорошую карьеру в интересующей вас области. Искусство же делания карьеры дается не всякому. И прежде всего не дается любой яркой индивидуальности. Поскольку первое условие карьерного роста — не высовываться. Ни в коем случае нельзя показать, что ты лучше других. Нужно лишь заявить о себе как о потенциальном карьеристе, о своем желании делать карьеру — и ждать. При этом желание не должно быть выражено сильнее, чем у других. Если же среди твоих аргументов есть талант или желание организовать действительную работу взамен имитации, на место начальника надеяться не стоит.

Таким образом, о каждом человеке в коллективе существует два мнения — социальное и официальное (личное и публичное). «Социально N есть демагог, дурак, карьерист, а официально — серьезный хороший оратор, прекрасный руководитель. <...> Если N ездит в заграничные командировки, то социально это означает, что он урвал, ухитрился, устроился, а официально это означает, что он проделал большую работу, участвовал, принес пользу». Здесь нет никакой двойственности мышления. Просто речь идет о разной системе координат. С точки зрения другой системы поведение N будет значить что-то еще. Ведь человек — пустышка. Он получает значение лишь в рамках той системы отношений, в которую входит. Официальное значение поступкам придает идеология, социальное формируется в процессе общения. Эти два значения, как правило, противоположны.

Соединяя эти два значения, просто ставя их рядом, Зиновьев добивается удивительного эффекта: органически сочетается, казалось бы, несочетаемое, возникает сложная фигура речи, основанная на семантике оксюморона. Например, начало «Зияющих высот»:

«<...> жители Ибанска не живут в том прошлом устарелом смысле, в каком доживают последние дни на Западе, а осуществляют исторические мероприятия. Они осуществляют эти мероприятия даже тогда, когда о них ничего не знают и в них не участвуют. И даже тогда, когда мероприятия вообще не проводятся».

Абсурд? Но многим из нас ситуация хорошо знакома: мероприятие проведено на бумаге. То есть его не было, но в то же время оно и было. Иными словами, официально мероприятие состоялось, хотя социально его не было. Есть у этой тирады и более общий, философский смысл: жители Ибанска осуществляют историческое мероприятие самим своим существованием, проводя грандиозный социальный эксперимент.

«Исследуемое мероприятие называется ШКХБЧЛСМПП. Составил название Сотрудник, а в науку впервые ввел Мыслитель, опубликовавший по этому поводу цикл статей на другую, более актуальную тему. Статьи были написаны на высоком идейно-теоретическом уровне, так что их не читал никто, но все одобрили. После этого термин ШКХБЧЛСМП стал общепринятым и вышел из употребления».

«Не читал никто» — реакция социума, «все одобрили» — официальная реакция, «написаны на высоком идейно-теоретическом уровне» — идеологическая фиксация оценки. «Стал общепринятым» — официальный голос в тексте, «вышел из употребления» — голос коллектива. И философское значение: становясь всеобщепотребляемым, термин становится ненужным, ибо означает то, что всем давно известно.

И вновь, говорит сегодняшний Зиновьев, необходимо забыть о советской системе. В идеальном обществе будущего, изображенном в «Глобальном человеконике», абсурд занимает столь же важное место: «Италия. Очередной правительственный кризис почему-то не произошел, как ожидалось. Вследствие этого произошел правительственный кризис, но уже не тот, какой должен был бы быть, а другой. Политологи предсказывают, что этот кризис будет затяжной и в результате разразится именно тот кризис, какой должен был разразиться ранее.

< ...> Премьер-министр Англии клянется, что повышения налогов не будет. Комментатор говорит, что речь премьера — тонкий политический ход, так как решение о повышении налогов уже принято».

Здесь образуют противоречие реальность и ее идеологическое осмысление. Из прежней дилеммы сохранилось «публичное» — • идеология, «личное» исчезло. По мнению интеллектуалов будущего, нужно «не думать лишнего». Принять лишь одну систему значений и не создавать избыточных. Поэтому люди третьего тысячелетия разучатся «двоемыслию», свойственному эре коммунистических государств. Они станут намного более шаблонными. И не заметят, что реальность и ее идеологическое осмысление шиты белыми нитками — «тонкий политический ход».

Зиновьев как бы смеется над противоречиями общественной жизни, не разжимая губ. Сохраняя абсолютную серьезность. Смех — движение к осознанию. Зиновьев раскрывает нам глаза на то, что он считает основным противоречием бытия.

Это философский конфликт социальности (коммунальности) и цивилизации. Социальность есть стремление человека выжить в среде себе подобных, лучше устроиться в ней, обезопасить себя. Что есть подчинить себе как можно больше индивидуумов, подчиняясь при этом как можно меньше. Различные формы цивилизации так или иначе ограничивают тенденции социальности. В истории одерживает верх то одно, то другое. Социалистическое государство построено по принципу социальности. Во главу угла поставлены человеческие отношения. При этом индивидуум практически закрепощен коллективом. Поскольку человек тиражируется, «незаменимых людей нет». Не случайно в описываемом в «Зияющих высотах» городе Ибанске все жители носят фамилию Ибанов. А далее ситуация доводится до абсурда. Если какая-то книга написана в соавторстве, то ее авторы указываются так: Ибанов и Ибанов. Весьма удобными представляются именные каталоги в библиотеках города Ибанска. В рапортах и протоколах рассказывается о том, как гражданин Ибанов нанес определенный ущерб гражданину Ибанову. Перечисление знаменитых писателей выглядит следующим образом: «Достоевский, Толстой, Ибанов». Хорошо, если в Ибанске был только один великий писатель. И так далее.

Капиталистическое общество, в свою очередь, подавляет социальность, противопоставляя ей деловые отношения. Однако результат оказывается таким же. Культ дела превращает исполнителей в полуроботов. Возможность увольнения — в угождающих начальнику подхалимов. Человеческие отношения все более вытесняются карьеризмом. И оказывается, что общение между людьми в обществе будущего сведется к нулю. Индивид будет общаться лишь с непосредственным начальником и несколькими сослуживцами. Более же всего — со своим компьютерным двойником. Писатель Зиновьев находит идеальную форму диалога для своего романа — диалога с самим собой: человек обсуждает все актуальные для него проблемы с собственным отчужденным сознанием. Индивидуум закрепощен коллективом, которого он при

этом (в отличие от коммунистического общества) еще и не видит. Те же коллективы, но без советских достоинств.

Фантазмагория разрастается. В условиях громадных коллективов воля отдельного индивида вообще не играет никакой роли. Например, как в «Зияющих высотах», так и в «Глобальном человеёйнике» выдающиеся политические документы создаются самыми невежественными Исполнителями. Но это не беда: документы проходят большое количество инстанций, где дорабатываются; искажаются руководителями при прочтении: обсуждаются на всех уровнях, где искажаются еще больше. С точки зрения конечного результата абсолютно безразлично, кто написал доклад: величайшие умы или величайшие тупицы. Тем самым научно оправдывается сам принцип организации общества: не человек красит место, а место человека. В условиях современной цивилизации и ближайшего будущего процессы обработки и искажения информации еще более упрощаются. За людей это делают компьютеры. Получение правдивой (неискаженной) информации — иллюзия, созданная идеологией.

И в историческом процессе личность не значит ничего. Любой поступок индивида, не поддержанный миллионами, даже не замечается. Это «допороговые явления». Фактически они имели место. Исторически их не было.

В трактовке исторического процесса Зиновьев приближается к концепции К. Н. Леонтьева. Мир развивается в сторону упрощения. Коммунистическое или современное капиталистическое государственное устройство суть частные случаи массового общества, созданного XX веком. Это один из последних этапов в развитии человечества. С каждой новой эпохой значение личности все более сводится на нет. Следующий этап умаления личности, по Зиновьеву, связан с появлением компьютера. Компьютер способствует деградации интеллекта, присваивая себе ряд его функций. Одновременно он подавляет личность обилием информации. Он фиксирует все мысли и чувства человека, демонстрируя убожество его духовного мира. И, наконец, контролирует человеческую деятельность.

Сама же цивилизация, как громадный компьютер, разбухает информацией. На определенном этапе она перестает производить что-либо новое и начинает бесконечно перерабатывать старое, уже накопленное. И тогда жизнь обращается в имитацию цивилизации.

Александр Блок в начале двадцатого века написал о веке девятнадцатом:

А человек? — Он жил безвольно:

Не он — машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безбольно

Пытала дух, как никогда...

Там, в сером и гнилом тумане,

Увяла плоть, и дух погас,

И ангел сам священной брани,

Казалось, отлетел от нас.

Что же чувствует человек в социально структурированном мире конца девятнадцатого столетия и будущего, двадцать первого века? Ощущает свою вторичность, ненужность? Это было лишь поначалу. Вот, например, герой Платонова, для которого новый мир был в новинку, размышлял, «полезен ли он в мире или все без него благополучно обойдется?». На страницах Зиновьева появился новый человек, выведенный за несколько селекционных десятилетий, — новый «тип живого существа», гомо советикус, сокращенно — гомосос.

Он осознавал свою полную зависимость от среды и использовал ее себе во благо. Он привык жить в трудных условиях, постоянно готов к еще большим трудностям. Он не хочет никаких изменений, поскольку до конца сознает нерушимость общественной структуры. Он покорен властям, поскольку знает: любой протест принесет ему только вред. Он агрессивно настроен по отношению ко всему нестандартному, ибо оно несет угрозу ему самому. Как герой

Шаламова в карцере, он руководствуется принципом экономии усилий, ибо каждое лишнее движение есть потеря внутреннего тепла. Поэтому, что бы он ни делал, он делает халтурно. Гомосос хорошо понимает, что сам по себе он ничто. Он сила в массе себе подобных. Только в коллективе он личность. Занимая социальную нишу, он приобретает ее признаки и становится непохожим на остальных. При переходе в другую клеточку социальной иерархии все признаки индивидуальности меняются. Поэтому отдельный гомосос — существо многомысленное, текучее, похожее на хамелеона. У него нет и не может быть убеждений. Убеждения он считает признаком интеллектуальной недоразвитости. Умный гомосос в любую минуту может развернуть убедительную аргументацию за любую теорию — и тут же ее опровергнуть. Убеждения невозможны там, где общество построено по принципам социальности: они мешают в борьбе за существование. По тем же принципам трудно говорить о нравственности гомососа. Это то же самое, что говорить о нравственности орд Чингисхана. Герой романа «Гомо советикус» рассуждает о доносах — и приходит к выводу, что донос — удобнейший литературный жанр, наиболее глубокое выражение личности.

В этом пространстве тотальной неопределенности индивида важнейшую роль обретает идеология. Она единственное, что связывает человека с внешним миром, организует его миропонимание. Идеология дает приемлемые объяснения существующему устройству общества и роли индивида в нем. Она настраивает человека на абсолютную ценность «мы», воспитывает готовность в любой ситуации пожертвовать во имя страны в целом своим личным «я» — или чужим «я». Гомосос обычно выбирает последнее.

Идеология предлагает человеку набор стандартных ролей, масок, из которых необходимо выбрать одну. Впрочем, в случае необходимости ее всегда можно поменять на другую. Если же от человека надо избавиться, лучший способ — сорвать с него маску, уличив в несоответствии официального и истинного облика. «Раньше я считался человеком, — пишет герой «Гомо советикуса», — который «не дурак выпить и с бабами покуролесить». Теперь выяснилось, что я — пьяница и развратник. Раньше я считался плохо устроенным в бытовом отношении, недотепой, который с большим трудом добился решения жилищной проблемы на самом жалком уровне. Теперь выяснилось, что я — аферист и мошенник». Факты остаются прежними, изменяется их социальная трактовка, официальная оценка. С маской на лице гомосос ощущает себя добропорядочным гражданином, какое бы гадкое дело он ни совершал. Но без маски он тут же искренне чувствует себя преступником (вот, к слову сказать, одно из объяснений тех нелепых признаний, которые подсудимые подписывали в сталинские годы).

Мышление гомососа столь же аморфно, как и его поведение. «Желеобразно». Лучше приспособлено для целей выживания, чем мышление *homo sapiens*. Гомосос мыслит блоками чувств. Абстрагируясь таким образом от конкретной мысли или конкретного поступка, гомосос оправдывает себя за недостойные, с нашей точки зрения, действия. Другой способ мышления гомососа — осмысление одного явления в рамках нескольких систем координат. Благодаря этому любой поступок может иметь несколько значений — а значит, не иметь ни одного. Складывается впечатление, что соединение взаимоисключающих слов для него — не риторический прием, а способ мышления. «На Западе даже оголтелые реакционеры борются за демократию, ибо для них демократия есть последняя возможность бороться против демократии. Мы же против демократии, ибо она мешает нам честно, без ложных спектаклей бороться за демократию. И потому долой демократию!» В этом месиве понятий можно лишь с трудом отделить мысль от рисовки, силлогизм от каламбура. Это риторический прием: как советский руководитель, герой Зиновьева убеждает нас не смыслом сказанного, а потоком слов.

Самое страшное для гомососа — выпасть из коллектива. Это означает потерю начинки, которая и определяет всю его суть. Без нее — он ходячий кусок мяса. Даже женщины, знает гомосос, отдаются не ему лично, а той социальной субстанции, которую он представляет. При

всем при этом он искренне любит свою систему. Поскольку любое ничтожество приобретает в ее пределах глубокое внутреннее содержание. Поскольку она максимально нетребовательна к человеку. Максимально демократична. В ее пределах воистину каждая кухарка может управлять государством. Ибо эта система, как примитивный организм, обладает безграничными способностями восстановления. В случае войны, утверждает герой «Гомо советикусе», и разрушения структуры власти она моментально появится вновь. И никакие перестройки, реформы и прочее не страшны этой отлаженной системе. Верховная власть, реформирующая общество сверху, может сколько угодно увольнять и наказывать отдельных представителей власти нижнего уровня («на местах»). Но никогда ей не удастся сломать саму систему — сократить, например, количество руководящих ячеек. «Начиная с некоторого момента, любые решения руководства по поводу некоторой проблемы имеют один и тот же результат. Например, решение сократить штаты с таким же успехом ведет к их увеличению, как и решение их увеличить».

Одна эта фраза лучше объясняет неудачи российских реформ, чем долгие выступления политологов. Добрым, а часто просто непродуманным намерениям властей воспротивилась система. Не та, плохая, — абстракция, сотворенная человеконенавистниками-большевиками, от которой мы, как правило, отделяем себя, — а вот эта, родная, внутри которой мы как нельзя лучше прижились и вне которой мы попросту не мыслим своего существования. Попытка разрушения сложившейся общественной структуры привела к ее всестороннему развитию. Попытка лишить ряд чиновников привычных привилегий привела к тому, что привилегий у них стало в несколько раз больше. Попытка сокращения чиновничьего аппарата вызвала его могучий рост. И так далее.

Еще более, чем система, помешали реформаторам люди, ради которых все было предпринято и которые действовали совсем не так, как было запланировано, — но именно так, как и должны действовать нормальные особи вида *homo soveticus*. Каждый, получивший возможность урвать, урвал. Всякий оказавшийся близко к привилегиям закрепил их за собой по закону. Все дотронувшиеся до кормила власти улучшили условия своего существования. Получившие возможность взбежать вверх по социальной лестнице (благо на время исчезли перегородки между этажами) не преминули это сделать. И теперь цементируют перегородки. Чтобы безопаснее сидеть.

Система сохранилась и живет. О человеке по-прежнему судят по занимаемой должности. Должность приносит доходы, как средневековое российское кормление. Старую поговорку «деньги к деньгам» можно перефразировать: «должность к должности». Должность внушает уважение. К примеру, в современной Российской Академии наук пестро от директоров, заведующих, министров, спикеров, ректоров, управляющих делами и прочая и прочая. Редкий депутат Государственной думы не защитил докторской диссертации. Редкий губернатор не кандидат наук. Редкий Жириновский не полковник Российской армии. О профессиональной значимости судят по должности, а не наоборот.

Те же, кто не в состоянии пробиться к вершинам, всячески подчеркивают пусть небольшое, но должностное превосходство. Надстраивают должностной барьерчик, да так, что за ним, как за новым русским забором, не видно самого здания. Промышленные предприятия, больницы, школы, институты, по сути, отданы в частную собственность директорам. За последние годы должности (и кабинеты) директоров были обставлены массой внушительных атрибутов директорской власти. Соответственно увеличилась зарплата. Деньги, ежемесячно получаемые директором, могут составлять сотни окладов рядовых работников. И каждый рядовой работник, облизываясь, жадно взирает на директорское кресло. Ибо знает: разговоры о профессионализме руководителей — из идеологической сферы. Окажись он завтра на месте директора, не изменится ничего, кроме кармана, в который потекут деньги.

Каждый хочет иметь должность. И должности массово производятся — согласно пожеланиям трудящихся. Опасение внушает лишь одно: что будет тогда, когда все станут директорами? Хотя, наверное, разберутся, кто из директоров главнее.

В любом случае стало очевидно, что западнизация России не принесет ей освобождения от бед. Напротив, пишет Зиновьев в «Русском эксперименте», западнизация есть включение страны в «сферу влияния, власти и эксплуатации Запада». Современная Россия ужасна, по мнению Зиновьева, тем, что ее социальная система организована из продуктов распада прежней — это некий «социальный убудок». Состояние смуты определяется прежде всего хаосом и эклектикой в социальной сфере. Победенная в холодной войне страна находится на стадии идейного, морального и даже биологического разложения. Организация социальной жизни по западному образцу в России невозможна, как невозможна она нигде вне Запада. В прогнозе на XXI век Зиновьев говорит, что русские вымрут, как вымерли в США покоренные индейцы.

Сама же западная система, утверждающая деловой аспект человеческих отношений в ущерб коммунальному, в своем развитии неуклонно движется к катаклизмам иного рода. Главной болезнью озападного мира XXI столетия будет одиночество. Люди, лишенные любого общения, кроме делового, а подчас сознательно лишаемые и работы, будут стремиться к смерти. Самым грандиозным общественным движением станет борьба за «последнее право человека» — умереть тогда, когда хочется. В сфере организации жизни Запад позаимствует многие достижения коммунистического общества, бесконечно проклинаемого в СМИ. Кроме самого главного — общения в коллективе. Многие черты гомососа станут характернейшими для западных людей. Все, кроме забытого коллективизма. Зато к ним добавится роботообразность. И человек превратится в сверхчеловека — занятое исключительно делом существо с полностью вытравленной человечностью. Мир движется в сверхсредневековье — с разгромом СССР в «холодной» войне закончился гуманистический этап развития цивилизации, начавшийся в эпоху Возрождения.

«Трагедия большой истории состоит не в том, что какие-то плохие, корыстные и глупые люди толкают человечество в нежелательном направлении вопреки воле и желаниям хороших, бескорыстных и умных людей», — пишет Зиновьев в «Русском эксперименте» и дословно повторяет в «Глобальном человеике» от имени человека будущего.

Что же делать? Ничего, отвечает Зиновьев. Ибо как ни будет противодействовать социальным законам единичка, она все равно будет поступать именно так, как нужно системе. Есть другой путь — войти в число тех несуществующих с исторической точки зрения одиночек, которые раньше сжигали себя на Красной площади, а сегодня борются с системой как-то иначе. Результат, по мнению Зиновьева, одинаков. «Дело не в том, что история идет неправильно. Дело в том, что твое присутствие в ней неправильно».

В любом обществе, по его мнению, есть единицы, которым, несмотря на противодействие коллектива, удалось стать «индивидуализированными личностями». Эти несколько человек и являются ядром цивилизации. Общество их терпит, но никогда не пускает наверх — к должностям. Их награда — понимание происходящего. Самим своим существованием они борются с системой. От этого никуда не деться. Это крест. Это социальная функция. В отличие от многих борцов с системой, Зиновьев понимает бессмысленность борьбы. Но иначе жить не может. И несколько не удивят его упреки в несовременности и маразме. Они закономерны. Раньше обвиняли в антисоветчине.

«Страшно не то, что все это происходит. <...> Страшно то, что это происходит без какого бы то ни было прикрытия. Без психологии. Без нравственной драмы. Не будем сгущать краски, сказал Карьерист. Мы же живем. Работаем. Даже смеемся. И ведем умные содержательные беседы. Чего же еще?»

IV. СОЦИОЛОГИЯ

Александр Зиновьев. Состояние социальных исследований¹

Социальные объекты (явления, предметы, феномены) суть объединения людей и люди как члены этих объединений. О социальных объектах думают, говорят, пишут и читают фактически все нормальные взрослые люди. Причем даже самая примитивная мысль человека о каком-то социальном объекте есть либо его собственное открытие, либо заимствована у других людей, сделавших это открытие. Так что всякий человек — в какой-то мере исследователь социальных объектов. Говоря о социальных исследованиях, я буду иметь в виду всю сферу думания о социальных объектах, а не только профессиональные исследования.

Оказавшись в числе исследователей социальных объектов в таком широком смысле слова, я был поражен следующим фактом. Коммунистический социальный строй просуществовал в Советском Союзе и других европейских странах несколько десятков лет, изучением его занималось огромное множество специалистов, а за все эти годы о нем не было напечатано ни строчки, заслуживающей звания науки. Это можно вроде бы объяснить тем, что советские правители и идеологи препятствовали поиску и правде о реальном социальном строе страны. Но многие советологи на Западе насочиняли тонны всякого вздора о реальном коммунизме, в котором найти зерно истины еще труднее, чем найти жемчужину в куче навоза. А сколько разоблачительных страниц насочиняли советские диссиденты, и ни одно слово в них не соответствует критериям научного понимания реальности. А уж они-то вроде бы должны были стремиться к истине!

И уж совсем не укладывается в рамки здравого смысла тот факт, что все известные мне теории и концепции западного общества оказались так же далекими от реальности социального строя западных стран, как сочинения советских авторов — от советской реальности. А ведь западные авторы вроде бы не испытывали ограничений свободы творчества, какие имели место в коммунистических странах для их коллег. В чем, спрашивается, тут дело?

Особенность социальных объектов состоит прежде всего в том, что люди сами суть объекты такого рода, постоянно живут среди них и в них, постоянно имеют с ними дело. Они должны уметь жить в качестве социальных объектов и в их среде. Для этого они должны как-то познавать их, что-то знать о них. Они приобретают свои знания в ходе воспитания, обучения и образования, от общения с другими людьми, на личном опыте, из средств информации, из литературы и фильмов. Таким путем у них складываются свои представления о социальных объектах, можно сказать — житейские, или обывательские, представления. В слово «обывательские» я здесь не вкладываю никакого негативного смысла. На этом уровне о социальных

¹ Опубликовано в: А. Зиновьев. На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000, с. 25.

объектах думает подавляющее большинство представителей рода человеческого. Причем степень развитости таких представлений у различных людей различна. У большинства она примитивна, у многих высока. Но эти различия суть различия в рамках одного типа.

Что-то знать о социальных объектах и научно понимать их — это далеко не одно и то же. Можно много знать, но при этом мало что понимать, тем более — понимать на научном уровне. Обывательские представления о социальных объектах имеют ничтожно мало общего с их научным пониманием. Тем не менее гигантское число дилетантов высказывается о них, сочиняет бесчисленные книги и статьи. В наше время положение в этом отношении приняло поистине гротескные формы и катастрофические размеры. Интеллектуальный аспект человечества оказался не в меньшей мере загаженным словесным мусором и помоями, чем природная среда — продуктами и отходами современной промышленности. Чуть ли не каждый мало-мальски образованный человек считает себя специалистом в понимании явлений своего общества только на том основании, что он имеет какой-то опыт жизни в нем и кое-что знает о нем. Такие дилетанты воображают, будто нет ничего проще, чем понимание явлений, которые они видят своими глазами, среди которых они живут, в которых принимают участие и которые сами творят. А те из них, кто занимает высокое положение в обществе, известен и имеет возможность публичных выступлений, считают себя и признаются другими за высших экспертов в сфере социальных явлений. Люди верят президентам, министрам, королям, знаменитым актерам и даже спортсменам больше, чем профессионалам в исследовании социальных явлений, хотя эти высокопоставленные личности и знаменитости обычно несут несусветный вздор, а он больше соответствует обывательским представлениям, чем суждения профессионалов. Последним верят тогда, когда они занимают высокое положение, признаются и поощряются властью имущими и погружают свои профессиональные достижения в трясины обывательского сознания и идеологии. *Таково первое серьезное препятствие на пути научного познания социальных явлений.*

Для самосохранения человеческих объединений, для упорядочивания совместной жизни больших масс людей и для управления ими жизненно важно то, что и как люди думают о социальных явлениях. Суждения о последних неизмеримо сильнее затрагивают интересы различных категорий людей, чем суждения о других явлениях бытия. Потому эта сфера изначально находилась и находится теперь под неусыпным контролем идеологии, включая идеологию религиозную. Идеология характеризуется определенной целью относительно человеческих объединений и определенными средствами ее достижения. Ее цель — формирование сознания людей в соответствии с требованиями самосохранения объединения и манипулирование поведением людей путем воздействия на их сознание, а не познание реальности. Она использует данные познания и опирается на них, но лишь как средство. Она отбирает в них то, что отвечает ее цели, и подвергает такой обработке, какая требуется для более эффективного воздействия на умы и чувства людей в желаемом духе. В результате создаваемая идеологией картина социальных явлений оказывается искаженным отражением реальности или вообще вымыслом.

Идеология навязывается членам человеческих объединений и так или иначе препятствует познанию социальных явлений. Эта роль идеологии была очевидна в коммунистических странах, в которых имела место канонизированная государственная идеология. Если бы марксизм был научным пониманием коммунизма, он должен был бы утверждать неизбежность и в коммунистическом обществе социального и экономического неравенства, необходимость государства и денег, неизбежность классов и других явлений, считавшихся язвами капитализма, и тогда он не имел бы массового успеха. И в западных странах, и в современной России, которые считаются неидеологическими, на самом деле засилие идеологии не только не уступает такому в Советском Союзе, но значительно превосходит его. Конечно, идеология в них имеет другие формы и средства воздействия на людей. Однако и в них она выполняет функцию обол-

ванивания людей. В частности, она прививает людям идеализированные представления о западном социальном строе и всячески очерняет коммунистический строй.

Вот так и получилось, что защитники коммунизма создавали ненаучную картину коммунистического общества, раздувая то, что они считали его достоинствами, и затушевывая то, что считалось недостатками «антагонистических» обществ, а критики коммунизма создавали и ныне создают тоже ненаучную картину коммунизма, изображая его как воплощение зла и умалчивая о его достоинствах или искажая их. То же самое имело место в отношении социального строя западных стран (западнизма) и имеет место теперь, причем в гораздо более изощренных формах и в более грандиозных масштабах. Как на Западе, так и в Советском Союзе научное понимание западнизма было исключено.

В настоящее время идеологическое очернение коммунизма и приукрашивание западнизма приняло неслыханные ранее размеры как на Западе, так и в бывших коммунистических странах. Так что теперь о научном понимании как коммунизма, так и западнизма и речи быть не может.

Таково второе серьезное препятствие на пути научного понимания социальных явлений.

И третье препятствие на пути научного познания социальных объектов — гигантская армия людей, профессионально занятых в сфере науки. Дело в том, что надо различать науку как сферу жизнедеятельности множества людей, добывающих себе жизненные блага и добывающихся жизненного успеха (известности, степеней, званий, наград) за счет профессионального изучения социальных объектов, и научный подход к этим объектам. Лишь для ничтожной части этих профессионалов научное познание есть самоцель. Научный подход к социальным объектам составляет лишь ничтожную долю в колоссальной продукции сферы профессиональных социальных исследований. Остановлюсь кратко на том, в каком виде мне представились социальные исследования, когда я проявил более или менее устойчивый интерес к ним как исследователь, а не просто из праздного любопытства, причем как исследователь с «поворотом мозгов», радикально отличающимся от такового у профессионалов, занятых в этой сфере, добывающих в ней для себя хлеб насущный и добывающихся в ней жизненного успеха.

Социальные объекты суть эмпирические (опытные, видимые, наблюдаемые) объекты. В исследовании их затруднен и ограничен, а в основном вообще исключен лабораторный эксперимент в том виде, в каком он применяется в естествознании. Исследователи добывали сведения о социальных явлениях путем личных наблюдений, знакомства с источниками, в которых были зафиксированы результаты наблюдений других исследователей и очевидцев событий, знакомства со всякого рода документами и свидетельствами. Главными орудиями исследования были средства наблюдения фактов и логические средства — сравнение, отбор, обобщение, абстрагирование, классификация, определения понятий, умозаключения, гипотезы и т. д. Причем эти логические средства были в том виде и ассортименте, в каком они были описаны в сочинениях по логике и методологии науки и стали известны исследователям. А это был довольно бедный логический аппарат, который сам по себе ограничивал возможности осмысления эмпирического материала, доступного исследователям.

В XIX веке был разработан и получил широкую известность диалектический метод (диалектика). Но его постигла печальная участь. Гегель, который сделал самый значительный вклад в диалектику, мистифицировал ее в большей мере, чем кто-либо другой. Он ограничил число законов диалектики несколькими, перечисление которых и стало основным содержанием текстов на эту тему. Маркс взял диалектику на вооружение в своих сочинениях и несколько рационализировал ее. Но он не дал ее систематического построения, ограничившись отдельными разрозненными замечаниями. Энгельс придал диалектике вид учения о всеобщих законах бытия, распространив ее на сферы, где она была лишена смысла (даже на математику), и оторвав ее от сферы социальных явлений, где она была бы на своем месте. Обычным примером закона

единства и борьбы противоположностей стали отношения плюса и минуса в математике и отношения пролетариата и буржуазии в социологии. В таком понимании из этого закона (как и из прочих) испарился всякий научный смысл. Преодолев гегелевскую идеалистическую мистификацию законов диалектики, марксизм принес с собой материалистическую вульгаризацию их. Последователи Маркса и Энгельса связали диалектику прежде всего с идеологией и политикой, изобразив ее как оружие пролетариата, как «алгебру революции». В странах победившего коммунизма диалектика в предельно упрощенном виде стала составной частью государственной идеологии. Нет ничего удивительного в том, что диалектика стала предметом насмешек. Одно из величайших достижений в истории человеческого интеллекта фактически было извращено и опошлено, во всяком случае — было исключено из арсенала орудий научного познания социальных явлений.

Пренебрежение к диалектике в современных социальных исследованиях не имеет никакого разумного оправдания. В реальной жизни очевидным образом происходит все то, о чем говорили диалектики. Социальные объекты возникают исторически и со временем изменяются, причем иногда так, что превращаются в свою противоположность. Они многосторонни, обладают одновременно различными свойствами, порою — противоположными. Они взаимосвязаны. Причины и следствия меняются ролями. Одни и те же причины порождают противоположные следствия. Развитие социальных объектов происходит путем дифференциации их свойств и обособления этих свойств в качестве особых свойств различных объектов, происходит раздвоение единого. Всему есть своя мера, нарушение которой ведет к разрушению объектов или к возникновению нового качества. Короче говоря, диалектики прошлого обратили внимание на реальные явления жизни и эволюции социальных объектов, а современные исследователи этих объектов, боясь упреков в почтении к диалектике как идеологической доктрине, игнорируют это или не используют на уровне методологии научного познания, отрезая тем самым для себя возможность такого познания.

В XX веке к рассмотренным выше методам добавились методы «конкретной» («эмпирической») социологии — сбор и обработка статистических данных о явлениях, имеющих злободневный интерес, а также опрос определенным образом отобранных людей по заранее разработанным анкетам (вопросникам) и обработка результатов этих опросов. Во второй половине века эти эмпирические методы захватили почти безраздельное господство в сфере социальных исследований, оттеснив на задний план теоретические (логические) методы традиционной социологии.

Не буду оспаривать пользу эмпирических методов для решения частных задач. Но было бы ошибочно, на мой взгляд, преувеличивать их достаточность и надежность. Их результаты зависят от субъективного произвола исследователей и опрашиваемых, от случайностей, от априорных установок и предвзятых убеждений, от пропагандистских целей и политической ситуации. Эмпирическими данными до такой степени переполнены все сообщения средств массовой информации и профессиональная литература, что можно констатировать своего рода террор эмпиризма. Числа, величины, проценты, свидетельства отобранных граждан, отсортированные факты и т. п. — это все кажется на первый взгляд бесспорным и убедительным. А между тем ничто так не искажает реальность, как манипулирование этими «бесспорными» величинами и фактами. Эмпирические методы социальных исследований стали не столько методами научного познания, сколько методами пропаганды и идеологического оболванивания масс.

Конечно, ни в какой другой сфере исследования исследуемые объекты не рассказывают о себе сами, как это имеет место с социальными объектами. Но трудно сказать, чего больше от таких помощников исследователя — пользы или вреда. Многие ли письменные свидетельства прошлого заслуживают доверия?! Многие ли из них адекватны сущности исторических собы-

тий?! Люди впадают в заблуждения, подвержены всяким влияниям, способны к обману. Люди могут думать одно, а делать другое. Их настроения и мнения меняются. Так что даже в тех случаях, когда требуется выяснить, что именно люди думают о какой-то проблеме, их признания и опросные данные далеко не всегда надежны. А когда нужно исследовать структуру человеческих объединений, взаимоотношения их сфер, слоев населения, классов, партий и прочих явлений, их функционирование и закономерности, то опрашивать мнение людей обо всем этом — значит заранее исключать всякую возможность научного понимания. Электроны, атомы, хромосомы, молекулы, животные и прочие объекты, не обладающие разумом, молчат, но они по крайней мере не врут, не клеветают, не хвастаются и не обладают прочими пороками, свойственными разумным существам.

Для построения целостной теории коммунизма, западнизма и того типа человеческих объединений, какие стали формироваться после Второй мировой войны, методы «конкретной» социологии не годились очевидным образом. Обращаться к массам людей с вопросами о том, что они думают по поводу проблем, в которых сами опрашиваемые не смыслят ничего, по меньшей мере нелепо. Однако в одном отношении «конкретная» социология сделала колоссальный шаг вперед по сравнению с по преимуществу теоретической социологией предшественников. Заключается этот шаг в разработке и применении количественных методов.

В сфере социальных исследований величинам социальных объектов и их измерениям не придавалось почти никакого значения вплоть до возникновения «конкретной» социологии. Если исследователям и приходилось обращать внимание на количественный аспект изучаемых явлений, то они довольствовались самыми примитивными сведениями, какие могли почерпнуть из исторических источников, или сравнительными оценками вроде «больше», «меньше», «увеличилось», «уменьшилось», «в два раза», «во много раз» и т. п. После Второй мировой войны положение резко изменилось. Началась буквально оргия величин. Теперь редко речи и публикации на социальные темы обходятся без ссылок на статистические данные, на величины, полученные в результате социологических опросов, на результаты математических вычислений, причем даже с использованием современной интеллектуальной техники. Социологические работы с использованием математического аппарата, требующего специальной подготовки, стали обычными. Можно сказать, началась эпоха количественного взгляда на социальные явления.

Это, конечно, не случайно. Наше время — время социальных явлений огромного масштаба. Измерение и вычисление их величин приобрело первостепенное практическое значение. Около шести миллиардов человек на планете, огромное множество стран и народов, сотни тысяч больших и миллионы малых объединений людей, миллионы предприятий и организаций, гигантские страны и блоки стран, исчисляемые астрономически огромными величинами ресурсы, затраты, продукты производства... Одним словом, за что ни возьмешься, имеешь дело с тысячами, миллионами, миллиардами. Можно сказать, что величины обрели качественный смысл.

В этом буйстве и торжестве величин есть один аспект, который мы не можем обойти вниманием, если хотим удержаться на научном уровне или подняться на него. Заключается он в следующем. Бесспорно, публикуемые количественные данные имеют значение для научного понимания социальных объектов такого рода, какие интересуют нас здесь. Более того, без них не обойдешься. Но эти данные так или иначе отбираются специалистами и препарированы. Их можно интерпретировать самым различным образом. Изобилие величин стало не столько средством достижения истины, сколько средством ее сокрытия. Этими величинами исследователь может воспользоваться в интересах истины лишь в том случае, если он заранее имеет ориентировочное представление о том, где эта истина лежит и в чем примерно она заключается, т. е. лишь как подкреплением и развитием результатов познания, добытых каким-то иным путем.

Из этих количественных данных самих по себе невозможно извлечь научную социальную теорию, отвечающую требованиям логики и методологии науки. Они могут быть использованы для построения и развития такой теории, для верификации (проверки) ее отдельных положений. Но что именно измерять и вычислять, как и с какой целью, это зависит от теоретических средств, а не наоборот.

Теоретический подход к социальным объектам имеет иную ориентацию, чем эмпирически-практический, доминирующий в современной сфере социальных исследований. Например, с помощью методов «конкретной» социологии можно установить шансы того или иного кандидата стать президентом страны, но абсолютно невозможно выяснить фактический статус самой должности президента в той или иной системе власти. Можно установить уровень безработицы и предсказать ее эволюцию на несколько лет вперед, но невозможно выяснить реальные причины этого феномена. И отношение к количественному аспекту исследования иное. Те количественные данные, которые необходимы для построения такой теории, либо отсутствуют совсем, либо не публикуются, либо требуются большие усилия, чтобы их выуживать из океана ненужной информации.

Из комбинации рассмотренных выше явлений сложился своеобразный способ сочинительства и разговоров в сфере социальных явлений, который я называю интеллигентски-обывательским способом мышления. Для него характерны такие черты. Не стремление к ясности и к истине, а стремление произвести нужное впечатление на слушателей или читателей, создать видимость знаний, ума, глубины мысли, оригинальности и т. п. Сказать много, но хаотично и тенденциозно. Блеснуть эрудицией. Ссылаться на известные авторитеты прошлого и настоящего. Профессионально извращать позицию противников. Уклоняться от риска. Манипулировать множеством словесных штампов выгодным для себя способом. Из множества частных истин конструировать суммарную и результатную ложь. Прятать ложь в массе отдельных истин, подобно тому, как сравнительно умные преступники прячут преступления в массе по отдельности непреступных поступков. Короче говоря, принимать участие в словесных спектаклях на тех ролях, какие удастся захватить в жизненных ситуациях. Этот способ мышления в наше время высочайшего уровня образованности, средств информации и общения стал характерным для состояния умов в сфере социальных проблем.

Но в чем заключается научный подход к социальным явлениям? В наше время расцвета науки и ее колоссальной роли в жизни человечества найти человека, который был бы против такого подхода и который считал бы свои суждения ненаучными, вряд ли возможно. Важно, как именно понимается этот подход и как он реализуется фактически.

Слово «наука», как и вообще вся терминология сферы социальных исследований и разговоров, неоднозначно. Этим словом называют всякую более или менее систематизированную совокупность знаний, на овладение которыми нужно профессиональное обучение. В этом смысле в число наук попадают и алхимия, и астрология, и теология, и советология, и кремниология, и кулинария... Наукой называют также совокупность знаний, которая характеризуется определенными целями и определенным подходом к изучаемым явлениям, определенным способом мышления и исследования. Буду такой подход к исследуемым явлениям называть научным. Я вижу задачу логической социологии в том, чтобы разработать такой подход в применении к социальным явлениям.

В этой части книги я хочу охарактеризовать самые фундаментальные черты научного подхода к исследуемым явлениям (можно сказать — научного «поворота мозгов»). Читатель не должен при этом рассчитывать на то, что я буду преподносить ему какие-то сенсационные открытия на этот счет. Те черты научного подхода, о которых я буду говорить, широко известны. Для представителей естественных и точных (дедуктивных) наук некоторые из них суть

нечто само собой разумеющееся. Они тут навязываются самими условиями исследования и высоким уровнем профессионализма. В них не суют нос с претензией на поручительство никакие политики, журналисты, бизнесмены, известные артисты и спортсмены, государственные и партийные чиновники. Иное дело — сфера социальных исследований. Тут чем сложнее проблемы с научной точки зрения, тем настырнее в них суют нос именно политики, журналисты, чиновники, бизнесмены и прочие значительные личности, причем суют нос с претензией на открытия, понимание и поучительство. Тут отстаивание научного подхода к социальным явлениям надо начинать именно с самых фундаментальных и очевидных принципов.

Далеко не все, что делается в сфере профессиональных социальных исследований, может служить примером научного подхода к социальным объектам. Не все, что делается вне этой сферы, должно быть отнесено к ненаучному подходу. Научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. Он больше нужен в профессиональной науке и чаще тут встречается. Но нет запретов на выработку и применение его и для людей, не имеющих степеней и званий и не зарабатывающих на жизнь путем сочинения научных статей и книг.

Научный подход не есть нечто одинаковое для всех людей и для всех ситуаций познания. Он может иметь различные степени развитости, различные степени четкости, различные степени «растворенности» (концентрации) в общем объеме мышления и познания. Обычные, средненормальные люди так или иначе овладевают какими-то элементами научного подхода или даже сами открывают их, не отдавая себе в этом отчета. И даже выдающиеся мастера научного подхода так или иначе покидают позицию научного подхода и отдаются во власть обывательского и идеологического способа мышления. Так, один из самых выдающихся умов в истории человечества — Маркс — создал в общем и целом величайшую в истории нерелигиозную идеологию, а не науку, хотя стремился к научному пониманию общества и был убежден в том, что создал именно таковое. Сколько лет марксизм превозносился как самая что ни на есть подлинная наука об обществе! Сколько миллионов людей было в этом убеждено и все еще убеждено! Точно так же обстоит дело с западной сферой социальной мысли, в которой на самом деле доля научного подхода не превышает таковую в марксизме.

Научный подход, повторяю, образует не одна или несколько общепонятных и общедоступных идей, а сложная совокупность средств, принципов, правил и т. д. познания. Некоторые из них, самые простые, доступны широкому кругу более или менее образованных людей. Для овладения другими нужны годы специального образования и опыт исследовательской работы. Третьими могут овладеть лишь немногие интеллектуально одаренные исключительные личности.

В общей словесной форме принципы научного подхода к исследуемым объектам выглядят очень простыми и бесспорными. К их числу относится прежде всего принцип субъективной беспристрастности, т. е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет. Сам по себе научный подход не гарантирует истину. Он может впасть в заблуждения. Но его целью является все-таки истина, а не воздействие на умы и чувства людей, не имеющее ничего общего с познанием. Фраза «Платон мне — друг, но истина дороже» тут не просто крылатое изречение, а обязательное правило.

Позиция исследователя, руководствующегося принципами научного подхода к социальным явлениям, подобна позиции исследователя, наблюдающего муравейник. Заметив, например, разделение муравьев на различные категории, исследователь не становится защитником интересов одних из них, не раздражается гневом по поводу какой-то несправедливости, не предлагает никаких проектов более разумного и справедливого переустройства муравейника. Научный подход к социальным явлениям означает беспристрастное отношение к ним, отсут-

ствие эмоциональной вовлеченности в отношения между людьми, безразличие к интересам тех или иных категорий людей. Он означает также правдивое описание изучаемых явлений, не считаясь с тем, какие чувства у людей это может вызвать. Но люди и их объединения по самой своей природе таковы, что они скорее примирятся с ложью о себе, чем с неприятной для них научной истиной. Они воспринимают такую истину как разоблачение своих сокровенных тайн, как клевету и как угрозу. Не случайно самопознание было истолковано в Библии как первородный грех. А в наше время беспристрастное научное познание социальных объектов стало фактически всеобщим табу. Огромное число представителей рода человеческого стоит на страже этого табу, допуская к жизни лишь крупинцы истины, к тому же обработанные так, что в них не остается яда познания.

Требование беспристрастности в отношении объектов неживой и живой дочеловеческой природы очевидно. Да и то порою исследователи не могут избавиться от своих симпатий и антипатий по отношению к объектам, с которыми имеют дело. А в сфере социальных объектов отношение исследователей к личностям, массам, движениям, партиям, классам, социальным системам и т. д. накладывает свою печать на то, что они говорят и пишут о них. Тут субъективизм и тенденциозность суть обычное дело. Устанавливаются оценочные штампы. Например, считается, что демократия — это хорошо, а диктатура — плохо, что коллективизация в России была злом, сталинизм был преступлением, советский период был черным провалом русской истории. Запад есть средоточие всех добродетелей, Советский Союз был империей зла. Попробуйте проанализировать с этой точки зрения то, что сообщается в средствах массовой информации на социальные темы, и вы вряд ли обнаружите беспристрастные (нетенденциозные) суждения. При ознакомлении советских людей с марксизмом всегда сообщали, что Маркс и Энгельс перешли на позиции пролетариата, и считали это признаком научности, а учения «буржуазных» мыслителей считали ненаучными уже на том основании, что они были на позиции буржуазии. А между тем именно классовая позиция Маркса была одной из причин, сбивших его с научного подхода к обществу и к социальной эволюции на идеологический.

Научный подход, далее, означает то, что исследователь в познании объектов исходит из наблюдения реально существующих объектов, а не из априорных (предвзятых) представлений, мнений, предрассудков. Социальные объекты суть эмпирические, т. е. наблюдаемые людьми посредством их природных органов чувств и усиливающих их приспособлений объекты. Если таких объектов нет в реальности, то не может быть никакой науки о них. Измышления о несуществующих эмпирически объектах наукой не являются. Это вроде бы очевидно. Но фактически этот принцип постоянно нарушается и даже умышленно игнорируется не только на уровне обывательского мышления, но и в сфере профессиональной науки. Еще совсем недавно, например, считалось широко признанным убеждение, будто наука о «полном коммунизме» («научный коммунизм») возникла уже в прошлом веке, хотя этого полного коммунизма не было якобы даже в Советском Союзе. При этом исходили не из фактически данной советской реальности, а из утверждений людей, никогда не живших в реальном коммунистическом обществе, причем высказывавших свои суждения о коммунизме, когда его еще не было в реальности даже в виде первой его стадии, называвшейся социализмом. А многие мыслители шли в этом направлении еще дальше. Они полагали (думают так до сих пор), будто советский коммунизм был построен неправильно, поскольку, согласно Марксу, он должен был выглядеть совсем иначе. С точки зрения научного подхода к реальному коммунизму надо поступать как раз наоборот, а именно — брать за исходное то, как в реальности сложился социальный строй в Советском Союзе в силу его конкретных исторических условий и объективных социальных закономерностей, и смотреть, насколько созданная Марксом воображаемая картина будущего для него общества соответствует этой реальности. Неправильной тут является не реальность, а априорная теоретическая концепция, применяемая к ней.

Точно такая же ситуация сложилась и в отношении к современному социальному строю западных стран. Общепринято считать его капиталистическим с экономической точки зрения и демократическим с политической точки зрения. Причем капитализм и демократия описываются так, как это сложилось в XIX веке и в первой половине XX века в западной идеологии. И до сих пор тысячи специалистов упорно жуют и пережевывают эти ставшие бессмысленными представления, игнорируя тот очевидный факт, что социальный строй западных стран радикальным образом изменился, что во второй половине нашего века в этом отношении на Западе произошел качественный перелом. И даже самые умные и трезвые западные теоретики говорят об отклонении нынешней экономической и политической системы Запада от некоего правильного капитализма и некоей правильной демократии.

Научный подход означает, что исследователь познает то, что существует, возможно, не-возможно, необходимо, случайно, закономерно и т. д., независимо оттого, познает это исследователь или нет, а не выдумывает то, что должно быть или чего не должно быть по его мнению. Позиция долженствования не есть позиция научная.

Социальные объекты суть объекты исторические, т. е. возникают в какое-то время, существуют в конечном временном интервале и в конце концов прекращают существование. Кажется естественным, что научный подход к ним должен заключаться в изучении конкретной истории их конкретных экземпляров. Но эта кажимость ошибочна. Не изучение конкретной истории дает ключ к научному пониманию социального объекта, а наоборот, изучение сложившегося (до известной степени) объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса его формирования. Надо знать то, что сложилось в результате исторического процесса, чтобы понять, как это происходило в истории.

Надо различать два вида подхода к социальным явлениям как к историческим — два вида историзма. Один из них можно видеть в истории как особой сфере науки. Ее основная установка — выяснение того, что конкретно происходило в таких-то районах планеты в такое-то конкретное время, а также выяснение того, как конкретно возникали, существовали и погибали конкретные социальные объекты. И в современности предмет внимания историков — конкретные события, личности, даты. Второй вид историзма можно видеть в социологических концепциях, так или иначе учитывающих исторический характер социальных объектов, а также рассматривающих эти объекты с точки зрения их эволюции во времени. Тут не конкретное пространство и время принимается во внимание, а обобщенные пространственно-временные характеристики объектов того или иного рода.

О социологических концепциях я уже говорил. Что касается конкретных исторических исследований, то тут положение не лучше, чем в социологии. Не берусь судить, в какой мере прошлая история человечества сфальсифицирована умышленно, в силу неумения специалистов и идеологического давления. Думаю, что в достаточно большой мере, чтобы не принимать ее свидетельства как надежные. История же современная (происходящая на наших глазах), охватывающая все самые важные явления социальной жизни человечества нашего века, сфальсифицирована и фальсифицируется с таким размахом и настолько изощренно, что искать тут какие-то прочные опоры для научного подхода бессмысленно.

Научный подход к социальным объектам предполагает, наконец, следование правилам логики и методологии науки. И это требование кажется бесспорным, само собой разумеющимся. Вряд ли вы найдете человека, который с ним не согласился бы. И опять-таки фактически лишь ничтожное число исследователей и в ничтожной мере следуют ему. Почему? Конечно, многие умышленно нарушают правила, о которых идет речь. Но это не значит, будто они знают эти правила. Обычно они их не знают вообще или знают на самом примитивном уровне. Подавляющее большинство говорящих и пишущих на социальные темы просто не умеют пользоваться этими правилами. Лишь самые примитивные из этих правил и на самом примитив-

ном уровне усваиваются как бы сами собой, просто в практике образования и работы. Но в более сложных случаях без специального изучения этих правил следовать рассматриваемому принципу невозможно, подобно тому, как невозможно без специального обучения правилам грамматики того или иного языка грамотно писать на этом языке.

Но мало сказать, что исследователь должен следовать правилам логики и методологии науки. Важно, как понимаются сами эти правила, каков их ассортимент, насколько они соответствуют потребностям познания. Если, например, вы хотите строго определять понятия, но не знаете различий между определениями и утверждениями, а из видов определений знакомы только с самыми примитивными определениями путем указания родовых и видовых признаков объектов, то вашему намерению грош цена. А попробовав найти в логических сочинениях полезные советы на этот счет, вы убедитесь, что хорошо разработанной, общепринятой и пригодной для неспециалистов в логике теории такого рода не существует. Так обстоит дело и с прочими разделами логики и методологии науки. Ее состояние фактически не соответствует задаче обеспечения научного подхода к социальным проблемам современности. В моей логической социологии я стремился хотя бы в какой-то мере компенсировать этот недостаток.

Александр Зиновьев. Логическая социология²

Обдумывая ту информацию, которая накапливалась у меня о советском обществе, о западных странах и об эволюционном переломе в эволюции человечества во второй половине двадцатого века (это составляло объекты моих интересов в сфере социальных исследований), я установил, что вся сфера сочинительства и разговоров на темы о социальных объектах, а также профессиональных исследований этих объектов находится в ужасающем с точки логических критериев состоянии, можно сказать — находится на дологическом уровне познания. Если в понятие научности подхода к исследованию объектов включать требование соблюдения правил логики и методологии науки, то можно утверждать, что эта сфера находится на донаучном уровне. Чтобы подняться на научный (логический) уровень познания социальных объектов, т. е. человеческих объединений и людей как членов этих объединений, необходимо осуществить логическую обработку языка, на котором люди думают, говорят, пишут, слушают и читают об этих объектах, а также осуществить логическую обработку методов исследования этих объектов. Я назвал такую обработку логической социологией.

Как профессиональный логик, я знал, что сама логика находится в таком состоянии, что в ней мало что можно было использовать для подъема социальных исследований на логически удовлетворительный уровень даже при искреннем желании осуществить это на деле. Сама логика должна быть для этого радикально перестроена. Я занимался этим уже много лет параллельно с исследованием социальных объектов, время от времени используя мои логические идеи и результаты в этих исследованиях. Следы этого влияния читатель при желании может заметить во всех моих социологических работах, включая книги «Коммунизм как реальность» (1981), «Запад» (1995) и «На пути к сверхобществу» (2000). Но обстоятельства складывались так, что не оставалось времени и сил дать систематическое изложение моей логической социологии. Пока удалось лишь опубликовать лишь вводный и предельно упрощенный курс лекций («Логическая социология», МГСА, издательство «СОЦИУМ», 2002).

² Опубликовано в книге: А. Зиновьев. Логическая социология. М., Социум, 2002, с. 4.

Предмет и методы логической социологии. Я мыслю логическую социологию (ЛС) как науку о языке и методах исследования социальных объектов (СО). Но этого еще не определяет специфику ЛС. ЛС рассматривает предмет своего внимания с логической точки зрения. Но и этого еще недостаточно для определения ее специфики. Для характеристики фактического состояния языка и методов социальных исследований с логической точки зрения никакая особая наука не требуется. Тут и без особой науки очевидно, что языковые и исследовательские средства сферы размышлений, разговоров и сочинительства на темы о СО, как правило, не удовлетворяют критериям логики и методологии науки, находятся на некотором дологическом уровне. Задача ЛС, в моем представлении, гораздо серьезнее: осуществить логическую обработку этих средств, усовершенствовать их так, чтобы они стали соответствовать критериям логики и методологии науки. Таким образом, ЛС должна быть наукой не описательной, а изобретательной. Она должна изобрести особый язык и особую методологию для исследования СО, удовлетворяющие требованиям логики, — изобрести их по правилам (приемам) логики.

Обратимся к терминологии, относящейся к СО, т. е. к сфере социальных исследований. В нее включаются такие, например, термины: социальный индивид, группа, класс, общество, власть, управление, государство, право, закон, хозяйство, экономика, собственность, деньги, партия, диктатура, демократия, стоимость, прибыль, рентабельность, менталитет, религия, идеология, коллектив и т. д. Вся эта терминология, если ее рассмотреть с точки зрения требований, научного подхода к социальным явлениям, не удовлетворяет логическим критериям. Об этом говорит хотя бы тот факт, что нет единых и общепризнанных определений смысла этих слов. Насчитываются десятки различных определений только в самой сфере профессиональной науки. В подавляющем большинстве случаев употребляющие эту терминологию люди даже не в состоянии объяснить смысл этих слов самих по себе, довольствуясь лишь их контекстуальным смыслом, т. е. заученным их употреблением в подходящих наборах фраз. Это объясняется не столько тем, что люди всего лишь не могут договориться об однозначности понятий, сколько тем, что люди вообще не владеют логической техникой определения научных понятий.

Задача ЛС • — обработать эту терминологию и ввести новую по мере надобности. Фундаментальные принципы обработки тут те же самые, что и в логике, поскольку и тут приходится иметь дело с языковыми выражениями. Но тут имеет место отличие от логики. Во-первых, в ЛС предполагается, что логика уже в достаточно значительной мере разработана в том направлении, о котором говорилось выше. В частности, разработана теория определения терминов, в которой описаны виды определений, без которых невозможно дать научные определения основных социологических понятий. Построена логическая онтология, в которой определены комплексы логических понятий, относящихся к изменениям объектов, к пространству и времени, к эмпирическим связям, к эмпирическим законам и т. д. Во-вторых, ЛС предполагает достаточное знакомство с социальными объектами и с результатами их познания, т. е. с состоянием социологических исследований. Если ЛС уже разработана достаточно основательно, она может стать учебной дисциплиной в начальном социологическом образовании студентов. Но если речь идет о ее первичном создании (об ее изобретении), то знакомство с состоянием социальных исследований и его критическое преодоление есть условие построения ЛС.

И, в-третьих, логическая обработка языка и методов социальных исследований означает выход за рамки логики в сферу методологии социологии. Логика, сыграв свою роль, тут как бы поглощается конкретной методологией социологии и, затем, конкретным содержанием социологической теории.

ЛС есть исследование СО, но не сама по себе и не непосредственно, а как часть более обширной сферы социальных исследований. Напоминаю, ее непосредственный предмет • — язык и методы социальных исследований. Как особая исследовательская деятельность, она

имеет свои особые правила (законы). В методологии науки до сих пор имеет силу предрассудок, будто законы познания суть отражения законов познаваемого бытия. В результате методология науки превращается в популяризацию содержания конкретных наук, в «философствование» (в общие разговоры) по поводу конкретных открытий науки. Законы ЛС не являются отражением законов бытия. Они вообще ничего не отражают. Они суть законы самой деятельности людей по отражению (познанию) законов бытия. ЛС не есть пересказ и не есть некое обобщение результатов социальных исследований. Она сама делает (по идее) научные открытия, которые не может делать никакая другая наука, и делает это по законам (правилам) логики и методологии, а не по законам изучаемых СО.

Отталкиваясь от некоторых знаний о СО и приобретая о них некоторую информацию по мере надобности, что в наше время информационной избыточности не представляет трудности, ЛС осуществляет свою исследовательскую работу логическими методами. Для исследователя в данном случае достаточно иметь голову на плечах, правда — голову, специально обученную и подготовленную к этому. Работа исследователя в этом случае сродни работе математика и физика-теоретика. Отличие в нынешних условиях (как в математике, так и в социологии) состоит в том, что исследователь в ЛС еще должен сам изобретать свой аппарат исследования. Продукт его творчества должен сам становиться аппаратом для этого творчества. Эта ситуация подобна ситуации в современной логике. Более того, ЛС с этой точки зрения выступает как дополнение к логике.

Основные методы ЛС суть методы определения понятий, мысленного эксперимента и комбинаторики. В первом случае имеется в виду не просто сумма определений множества слов, а комплекс взаимосвязанных определений, упорядоченных в единую теоретическую конструкцию — в своего рода дефинитивную теорию, которая, по идее, должна послужить самым фундаментальным разделом социологии. Задача ее — определить сферу объектов, подлежащих исследованию. Тут исследователь принимает сознательно-волевое решение выделить эти объекты и в дальнейшем не выходить за эти рамки, не искать какие-то более глубокие закономерности, причины, основы и т. п. интересующих его объектов, чем те, которые описываются в ЛС. Тут исследователь поступает не по принципу «Посмотрим, что творится в сфере СО!», а по принципу «Л выделяю для исследования то-то и за эти рамки не выхожу!». В ЛС описываются самые глубокие основы социальных механизмов. Эти основы не есть нечто спрятанное в секретных учреждениях и документах, вознесенное на высшие высоты социальной иерархии или утопленное в неких толщах народной жизни. Они суть нечто в высшей степени будничное, обыденное и вроде бы очевидное. Ум исследователя тут нужен для того, чтобы заметить это, оценить и зафиксировать в форме теории рассматриваемого типа. Тут определения человека как социального существа, человеческого объединения, социальной организации, власти, управления, социальных клеточек, бизнеса, хозяйства, менталитета, идеологии, собственности, права и прочих СО должны быть построены так, чтобы тем самым фиксировались фундаментальные социальные законы. Последние по самой своей природе таковы, что для обнаружения их нужна именно логическая обработка общедоступной информации.

Ко второй категории методов ЛС относятся методы мысленного эксперимента. Мысленный эксперимент заключается в том, что исследователь мысленно осуществляет операции с изучаемыми объектами, подобные тем, какие совершают ученые в опытных науках в своих лабораториях. Эти операции суть познавательные: конечной целью их являются знания об объектах, что бы при этом ни делалось с объектами. Особенность социальных исследований с этой точки зрения состоит в том, что они осуществляются как допущения относительно мыслимых объектов и логические рассуждения. Рассмотрим такой простой пример. Допустим, что некоторый человек вынужден наниматься на работу с целью заработать на жизнь. Допустим, что он имеет возможность выбирать из двух мест, которые одинаковы во всем, кроме

размера заработной платы. Допустим, что человек вполне нормален и умеет оценить ситуацию выбора правильно. Какое место работы он выберет? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо в явном виде сформулировать некоторые фундаментальные утверждения, определяющие человека как социального объекта (социального атома). Среди них — закон экзистенциального эгоизма, согласно которому человек как социальный атом не действует во вред себе, что он отдает предпочтение тому, что в его интересах. И теперь вы чисто логически можете сделать вывод, что наш гипотетический человек предпочтет то место работы из двух, на котором заработная плата выше.

В этом аспекте ЛС есть гипотетическая теория. Задача исследователя при этом не ограничивается операциями мысленного эксперимента. Он еще должен изобрести особые правила в дополнение к правилам логики, позволяющие выводить логические следствия из получаемых в мысленном эксперименте знаний. Такие правила могут быть взяты из математики, если подходящий раздел уже создан в ней. Но при всех обстоятельствах эти правила должны быть привнесены извне применительно к характеру знаний.

Наконец, к третьей категории методов ЛС относятся такие, которые я объединяю под названием «социальная комбинаторика». Суть их заключается в том, что, отталкиваясь от некоторых наблюдений эмпирических фактов, выяснять затем все логически мыслимые «чистые» (абстрактные) варианты тех или иных СО. Установив эти варианты, мы можем с полной уверенностью утверждать, что в реальности возможны частные случаи соответствующих СО только в рамках этих вариантов и их логически допустимых комбинаций. Таким образом, результаты ЛС имеют априорный и, следовательно, прогностический характер.

Социальные объекты. Социальные объекты суть объединения людей и люди как члены этих объединений. Все в мире есть результат комбинирования некоторых элементарных частичек — атомов. Я принял это допущение в отношении социальных объектов. Что считать социальными атомами, это напрашивается само собой: люди. Но не просто люди со всеми теми свойствами, какие вообще у них можно обнаружить, а лишь с такими, которые непосредственно играют социальную роль и учитываются в определении человека как социального атома. Человек в этом качестве не делится на части, которые сами суть социальные объекты. Он в этом качестве состоит из тела, способного выполнять необходимые для его существования действия, и особого органа, управляющего телом — сознанием. Задача сознания — обеспечить поведение тела, адекватное условиям его жизни, и его самосохранение. Хотя человечество добилось баснословных успехов в познании бытия, до сих пор живет и даже преобладает взгляд на человеческое сознание как на особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной (вещной). Это разделение духа и материи и лишение духа материальности из религии перешло в идеалистическую философию (или наоборот?), а из идеалистической философии — в «перевернутом» виде в философский материализм. На самом деле сознание людей (мышление, дух) есть явление не менее материальное, чем прочие явления живой и неживой природы. Никакой бестелесной (нематериальной, идеальной) субстанции вообще не существует. Сознание есть состояние и деятельность мозга человека со связанной с ним нервной системы. Идеи (мысли) суть состояния клеток мозга и комплексы вполне материальных знаков. И если люди при рассмотрении и переживании идей отвлекаются от всего этого или не отдают себе в этом отчета, если они абстрагируют лишь один аспект идей, а именно — аспект отражения мозгом и знаками явлений реальности или сосредоточивают лишь на нем внимание, то это не означает, будто идеи на самом деле таковы.

Обычно, говоря о сознании людей, имеют в виду содержание сознания (образы, мысли) и игнорируют аппарат сознания, без которого это содержание не существует. Положение тут подобно тому, как если бы мы захотели сохранить написанное на холсте масляными красками

изображение, уничтожив материальные холст и краски, или сохранить описание событий в книге, уничтожив бумагу и типографскую краску, благодаря которой напечатаны буквы. Аппарат сознания человека состоит из чувственного, биологически прирожденного и передаваемого по биологическому наследству аппарата и знакового, искусственного, неприрожденного и непередаваемого по биологическому наследству аппарата. Первый состоит из головного мозга, нервной системы и органов чувств. Он неотделим от человеческого тела, есть часть тела. Он обладает способностью создавать в себе чувственные образы явлений реальности (ощущения, восприятия), хранить их в себе (память), воспроизводить без непосредственного воздействия явлений внешнего мира, комбинировать из имеющихся образов новые (воображение, фантазия) и т. д. Этот аппарат изучается психологами и физиологами. Второй (знаковый) аппарат возникает на основе первого (чувственного), предполагает его в качестве необходимого условия и средства, переплетается с ним. Чувственный аппарат испытывает влияние знакового. По мере разрастания знакового аппарата роль его в сознании людей становится настолько значительной, что он становится доминирующим.

Суть знакового аппарата заключается в том, что люди с помощью чувственного аппарата устанавливают соответствие между различными явлениями реальности и оперируют одними из них как своего рода заместителями или двойниками других. Со временем изобретаются или отбираются особого рода предметы, удобные для этой цели. Они отделимы от человека, легко воспроизводимы, могут накапливаться из поколения в поколение. Изобретаются правила оперирования знаками. Этим правилам обучаются с рождения. Они не наследуются биологически. В своем чувственном аппарате люди оперируют чувственными образами знаков как заместителями обозначаемых ими предметов. На рассмотренной основе развивается язык и способность оперировать языковыми знаками по особым правилам, высшим уровнем которых являются логические правила.

Знаки, включая знаки языка, суть все без исключения материальные (вещественные, осязаемые, видимые, слышимые) явления. Никаких нематериальных знаков не существует. Возможно такое, что из данных знаков образуется новый знак или с их помощью изобретается новый знак, для которых нет реального предмета или предмет остается лишь воображаемым («круглый квадрат», «всемогущий Бог»), Но невозможно такое, чтобы знак был нематериален, т. е. невидим, неслышим, неосязаем.

Будем называть сознательным такое действие (поступок) человека, когда человек до совершения этого действия имеет в сознании цель действия, т. е. осознает, в чем именно должно заключаться действие и рассчитывает на определенный результат действия. Совокупность действий человека образует его поведение. Поведение человека включает в себя сознательные действия, но не на сто процентов состоит из них. Люди в значительной мере действуют непроизвольно, наугад, животнобразно. Так что можно говорить лишь о степени сознательности поведения. Эта степень достаточно велика, чтобы положить между животными и людьми непреодолимую для первых преграду и породить новое качество в эволюции живой материи.

Сознание является фактором человеческих действий не само по себе, а посредством эмоционально-волевого механизма. Этот механизм является продуктом биологической эволюции людей. Он становится компонентом человеческой деятельности благодаря сознанию.

Социальным объединением я называю сознательное объединение людей как социальных атомов для совместных сознательных действий. Эти объекты не наследуются биологически. Они искусственно изобретаются, сохраняются (воспроизводятся) и эволюционируют благодаря сознательно-волевой деятельности людей. Это не означает, будто они суть продукты субъективного произвола людей. Существуют определенные объективные законы, с которыми так или иначе люди вынуждены считаться в своей жизнедеятельности в этом ее аспекте. Эти зако-

ны объективны в том смысле, что не зависят от того, знают о них люди или нет (как правило, они о них не знают или не осознают их в качестве именно объективных законов).

Социальные законы. Особенность социальных законов состоит в том, в каком смысле они объективны. Тут мало признать объективность в том смысле, в каком мы признаем объективность законов и вообще явлений неживой и дочеловеческой живой природы, т. е. в смысле признания их существования вне сознания исследователей, независимо от воли и сознания исследователей. Проблема тут заключается в том, что социальные законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей. Кажется, будто одно исключает другое, будто тут имеет место логическое противоречие. На самом деле тут никакого противоречия нет. Тут надо различать два различных явления, а именно — отдельно взятые действия людей как эмпирические объекты и законы таких действий. Отдельно взятые социальные действия людей являются сознательно-волевыми, но законы этих действий таковыми не являются. Отдельные действия суть эмпирические явления, которые можно наблюдать непосредственно. Законы же их так наблюдать невозможно. Для обнаружения их нужна особая работа ума, особые познавательные операции.

Приведу для примера простейшие социальные законы социальных объединений. Чтобы такое объединение как целое совершало сознательные действия, оно должно как целое обладать управляющим органом, сознанием. Для этого должно произойти разделение членов объединения на таких, которые становятся воплощением мозга объединения, и таких, которые становятся управляемым телом объединения. Часть членов объединения должна стать носителями и исполнителями функции сознания объединения. Если в человеческом объединении не происходит рассмотренное выше разделение на управляющий орган и управляемое тело, оно оказывается нежизнеспособным.

Управляющий орган должен быть один. Он может быть сложным, расчлененным на части, но он сам должен быть единым объединением. Если в объединении появляются два или более таких органов, возникают конфликты, объединение распадается или образуется какой-то неявный орган единства, подчиняющий себе явные, претендующие на эту роль. Борьба за единовластие в объединении есть форма проявления рассматриваемого закона.

И управляемое тело тоже должно быть одно (едино) в том смысле, что в нем не должно быть части, которая не подлежит контролю управляющего органа. Если такая часть возникает, то такое отклонение от закона сказывается на состоянии объединения и в конце концов как-то преодолевается (если, конечно, объединение не погибает). Бывают случаи, когда одни и тот же управляющий орган управляет двумя и более объектами. Но это бывает в порядке исключения и временно. Или управляемые тела имеют какую-то компенсацию такого дефекта.

Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Как раз наоборот, люди их обычно вообще не знают и постоянно игнорируют их, поступая так, как будто никаких таких законов нет. Но люди столь же часто игнорируют законы природы, от чего последние не перестают существовать.

Возьмем такой простой пример для пояснения. Пусть некоторое множество людей решило создать группу с целью совместных действий, для которых требуется именно много людей. Это решение их сознательное и волевое. Но чтобы группа могла достаточно долго функционировать как единое целое и справиться с задачей, в ней должен быть руководитель или даже группа руководящая, причем — • руководитель должен быть достаточно компетентен (адекватен делу), как и прочие члены группы. И эти требования суть объективные законы организации и успеха дела.

Они суть независящие от сознания и воли людей факторы их сознательно-волевой деятельности. Люди не в состоянии отменить эти факторы по своему произволу, как они не в состоянии отменить закон тяготения. Люди изобрели летательные аппараты, позволяющие

преодолевать силу тяготения. Но это не означает, будто сила тяготения перестала действовать. Так и в сфере социальных явлений. Приняв решение назначить руководителем группы некомпетентного дурака и распределив обязанности членов группы, не считаясь с их квалификацией, люди тем самым не отменили упомянутый выше закон группировки и адекватности людей занимаемым должностям. Они создали группу, подобную летательному аппарату, построенному без учета закона тяготения.

Социальные законы универсальны, т. е. имеют силу везде и всегда, если имеются объекты, к которым они относятся, и условия, указываемые в суждениях, фиксирующих (описывающих) законы. Например, если система власти человеческого объединения является государственностью, она организуется и функционирует по одним и тем же социальным законам, где бы и когда бы это объединение ни существовало. Меняются социальные объекты и конкретные условия их существования, но не меняются относящиеся к ним социальные законы. Задача научного подхода к социальным объектам — открыть их социальные законы, являющиеся самыми глубокими механизмами их бытия. Это является основой для научного прогнозирования в сфере исследования социальных объектов.

Александр Зиновьев. Человек³

Человеческие объединения как социальные объекты многочисленны и разнообразны. Логическую основу для их систематического обзора дает выделение и анализ объединения такого типа, которое я называю человек³. Это объединение обладает следующим комплексом признаков. Члены человек³ живут совместно исторической жизнью, т. е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как целое, вступая в регулярные связи с другими членами человек³. Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человек³ различные позиции. Причем эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий человек³. Члены человек³ совместными усилиями обеспечивают самосохранение человек³. Человек³ занимает и использует определенное пространство (территорию), обладает относительной автономией в своей внутренней жизни, производит или добывает средства существования, защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию. Он обладает внутренней идентификацией, т. е. его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих. Он обладает также внешней идентификацией, т. е. люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человек³ осознают их как чужих.

Человек³ характеризуется материалом (веществом, материей), из которого он строится, и организацией этого вещества. Материал человек³ образуют социальные атомы (люди) и все то, что создается и используется ими для существования, — орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения, домашние животные, культурные растения и прочие материальные явления. Будем называть это материальной культурой.

Человек³ состоит из множества людей (социальных атомов). Это множество должно быть как-то упорядочено, чтобы жить в течение исторического времени, т. е. в ряде поколений, веков, а то и тысячелетий. Это упорядочивание происходит под воздействием множества фак-

³ Опубликовано в книге: А. Зиновьев. Логическая социология. М., Социум, 2002, с. 38.

торов. Социальная организация есть часть этих факторов. Ее образует совокупность явлений, которые создаются (буквально изобретаются) членами человеиника искусственно, в результате их сознательной и волевой деятельности. Повторяю и подчеркиваю: социальная организация человеиника создается сознательно и по воле людей, а не наследуется биологически и не навязывается силами неживой природы. Однако она создается не по произволу ее создателей, а в рамках объективных социальных законов.

Человеиник формируется, живет и эволюционирует одновременно во многих измерениях и на многих уровнях. Абсолютно строгого разделения этих измерений (аспектов) и уровней в реальности нет. Но какими бы ни были их взаимоотношения и состояния в реальности, мы можем мысленно выделить (абстрагировать) их в «чистом» виде и рассматривать их специфические свойства (признаки) по отдельности.

Прежде всего можно различить два аспекта, в которых происходит жизнедеятельность членов человеиника: деловой и коммунальный. В первом из них люди занимаются каким-то делом, благодаря которому они могут существовать и удовлетворять свои потребности, — выполнять в человеинике тем самым какие-то функции. Во втором люди совершают какие-то поступки и вступают в какие-то отношения в зависимости от того, что их много, что они вынуждены жить совместно из поколения в поколение и как-то считаться друг с другом. Разделение это, повторяю, не абсолютно: занимаясь своим делом, люди так или иначе вступают в неделовые контакты друг с другом, а в своих коммунальных отношениях им приходится заниматься какими-то делами. Тем не менее различие этих аспектов имеет место. В первом доминируют интересы и правила дела, во втором — отношение к другим людям. В первом люди должны обучаться какой-то профессии, чтобы зарабатывать на жизнь, во втором они должны обучаться правилам поведения в отношении себе подобных, чтобы они терпели друг друга и позволяли друг другу функционировать в первом.

Одновременно в жизнедеятельности членов человеиника можно различить то, что касается их телесной природы, и то, что касается их менталитета (сознания, духовной природы). В первом из этих аспектов люди создают, добывают и распределяют средства материального бытия, во втором — формируют свое сознание, создают, распределяют и потребляют духовную пищу. Суммарным результатом дифференциации жизни членов человеиника в указанных аспектах является образование трех основных аспектов человеиника — делового, коммунального и менталитетного. Все они в свою очередь дифференцируются и переплетаются. Но для структурирования человеиника эти три сохраняют свои специфические особенности и фундаментальную роль.

В структуре человеиника можно различить также три основных уровня — микроуровень, макроуровень и суперуровень. На микроуровне члены человеиника образуют первичные деловые клеточки. Такие клеточки образуют основную массу тела человеиника. В них протекает основная жизнедеятельность членов человеиника. На макроуровне образуются объединения деловых клеточек в особые сферы, охватывающие своей деятельностью человеиник в целом, — образуют органы человеиника, выполняющие особые функции его как целостного социального организма. Основные из этих сфер суть сферы власти, хозяйства и менталитета. В высоко развитых человеиниках, какими являются общеизвестные и привычные общества, эти сферы суть государственность, право, экономика, идеология. Суперуровень человеиника образуют явления, возникающие на основе явлений микроуровня и макроуровня, но выходящие за их пределы. Это — социальные слои и классы, партии, профсоюзы и другие объединения людей, на этом уровне возникают сверхклеточные, сверхгосударственные, сверхправовые, сверхэкономические явления. То, что называют гражданским обществом, есть явление на суперуровне.

Основу («базис») человеиников образует не один какой-то компонент, а социальная организация как единое целое. Общепринятое (не только в марксизме) утверждение, будто экономика

есть базис общества, есть утверждение не научное, а идеологическое. Оно есть результат логической ошибки: в социальной организации одного типа (в западнистской) был абстрагирован один компонент (экономика) и абсолютизирован в качестве основы человеичников вообще.

История человечества есть история возникновения, изменения, развития, борьбы, гибели, объединения, распада, эволюции и т. д. человеичников. Нас в этом очерке интересует лишь один аспект этого процесса, а именно—эволюционный. Я различаю три эволюционных уровня человеичников — предобщества, общества и сверхобщества. Отношение между ними характеризуется в общем виде понятием диалектического отрицания или снятия: Возникновение более высокого уровня социальной организации человеичника означает, что некоторые признаки более низкого уровня организации исчезают («отрицаются»), а некоторые другие сохраняются в новом состоянии в «снятом» виде, т. е. в виде, «очищенном» от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и «подчиненном» признакам нового состояния. Общество появляется как диалектическое отрицание предобщества, сохраняя его в себе в снятом виде. Аналогично отношение сверхобщества и общества. Сверхобщество выступает по отношению к предобществу как отрицание отрицания или снятие снятия и по ряду признаков является «возвратом» к предобществу.

В социальной организации предобществ доминируют явления микроуровня человеичника, в социальной организации общества — макроуровня, в социальной организации сверхобщества — суперуровня. Это не означает, будто прочие явления в человеичниках в той или иной мере и форме не развиваются. Доминирование, о котором я упомянул, означает лишь то, что доминирующие явления определяют тип социальной организации.

О предобществах я за недостатком времени здесь говорить вообще не буду. Скажу лишь об обществах, да и то в той мере, в какой это необходимо для определения сверхобществ. Мы вступаем в эпоху перехода человечества на уровень господства сверхобществ. Естественно, на них и должно быть нацелено наше внимание.

ОБЩЕСТВО. Слово «общество» многосмысленно, как вообще вся фундаментальная терминология сферы социальных явлений. Наша задача заключается не в том, чтобы из имеющихся словоупотреблений его выбрать наиболее подходящее (такового вообще нет, на мой взгляд), а в том, чтобы установить «нижнюю» эволюционную границу человеичника интересующего нас типа. Другими словами, мы должны описать тип социальной организации человеичника, который намерены называть обществом. При этом мы вправе в качестве конкретных образцов общества выбрать наиболее развитые его экземпляры, относительно которых нет сомнений в том, что они суть общества. Такими экземплярами являются страны западного мира в том виде, какой они имели до Второй мировой войны и еще сохраняют в значительной мере в наше время.

Общество образуется тогда, когда в каком-то ограниченном пространстве скапливается достаточно большое число людей и вынуждается на постоянную совместную жизнь в течение многих поколений не в силу родственных отношений (хотя они не исключаются), как это имеет место в предобществах, а по каким-то другим причинам. Например, это может быть скопление в одном регионе множества разноплеменных людей для защиты от врагов или в силу природных условий. Эти люди по крайней мере в значительной части являются чужими друг другу, а то и вообще враждебными, как это имеет место, например, при завоевании одних человеичников другими. Но всем им свойственно одно общее: частные интересы различных людей и их групп могут быть удовлетворены только в составе объединения их в единое целое. Общество возникает как общее для разнородных людей и их групп с различными интересами условие удовлетворения их частных интересов.

Это условие выполняется путем создания специфически общественной социальной организации. В дальнейшем я буду употреблять для обозначения ее основных компонентов выра-

жения «сфера государственности» («государственность», «государство»), «сфера экономики» («экономика»), «идеологическая сфера» («идеосфера», «идеология»). Все они — компоненты макроуровня.

Рассмотрев все логически возможные варианты, я пришел к выводу, что для описания социальной организации общества исходным должно быть признание четкой дифференциации основных сфер общества и оформление сферы власти и управления в качестве особой сферы (сферы государственности), и описание надо начинать именно с нее. Определение прочих сфер как специфичных обществу предполагает государство и не может быть логически корректно определено без ссылки на них. При этом не следует смешивать логические отношения понятий с эмпирическими отношениями определяемых объектов.

Государство есть управляющий орган общества как единого целого. Причем дело обстоит не так, будто сначала возникает общество, и затем в нем формируется государство. И не так, будто сначала возникает государство, и затем оно создает общество. Государство формируется как орган формирующегося общества, а общество формируется как человек с таким управляющим органом, каким является государство. Это — единый процесс.

С этой точки зрения марксистская концепция государства как надстройки над экономическим базисом есть чисто идеологическое (а не научное!) обобщение той роли, какую экономика приобрела в то время в западном мире. Если в каких-то обществах государственная власть находится в руках богатеев, военных или попов, и эти конкретные общества держатся на этом, из этого не следует, будто экономика, армия или церковь образуют основу общества как особого типа социальной организации человек с таким управляющим органом, каким является государство. Это — единый процесс. В чьих бы руках ни находилась государственная власть, какой бы вид она ни имела и в каком бы состоянии ни находилась, что бы ни служило основой сохранения того или иного конкретного общества, неизменным остается одно: если в человеке нет государственности, этот человек не есть общество, а если в человеке в каком-то виде возникла государственность, то тут можно констатировать зарождение общества. Наличие государственности в этом случае есть показатель (признак) того, что человек зародился именно как общество.

Основная функция государства — обеспечить жизнь и самосохранение общества как единого целого. Она детализируется в сложную систему функций — установление правового порядка и охрана его, защита от внешних нападений и т. д. В число этих функций попадает и забота о частных интересах каких-то категорий граждан, слоев, классов, а также примирение вражды между ними. Но ошибочно сводить к этому сущность государства и его основную функцию. Ошибочна как концепция, согласно которой государство есть орган господства каких-то классов, так и концепция, согласно которой государство есть орган примирения классов.

Власть является государственной лишь при том условии, что она легитимная, т. е. признана обществом как законная. Власть может обладать силой заставить население признать ее, покориться ей, примириться с ней. Но для государственности этого мало. Для нее требуется именно законность как в ее установлении, так и в воспроизводстве.

Потребность власти в узаконивании возникает не всегда, а лишь в определенных условиях, а именно тогда, когда человек разрастается, усложняется и разбрасывается в пространстве настолько, что одними лишь средствами насилия удержать власть над ним и сохранить единство самой власти становится невозможным. Требуется изобрести и вбить в головы людей идею, будто власть исходит от неких сверхчеловеческих сил или по крайней мере от сил вне данного человека (бог, древние правители), а в случае выборной власти — исходит от некоего народа, будучи воплощением его свободной воли. Этим силам придавали роль учредителей некоего закона, а в случае выборной власти изображают народ, стоящий над каждым человеком в отдельности как высшая сила, творцом такого закона. Благодаря этому изобретению невыполнение распоряжений власти и всякие покушения на нее стали рассматриваться

как выступления не против конкретных лиц во власти и конкретных проявлений власти, а против обезличенного и сверхчеловеческого закона. Замена идеи божественности власти на идею народа как на источник власти была лишь сменой формы легитимации власти. В конкретной истории это был длительный процесс борьбы и социального творчества людей.

Государственность суверенна. Это значит, что она законно (формально!) не признает в рамках своего подвластного общества никакой другой власти над собой и не делит власть ни с кем, кто (и что) находится вне государственности.

Государственность возникает в такой тесной связи с правовым (юридическим) аспектом человеческого общества, что они образуют одно целое. Говоря о государстве, мы должны говорить о правовых (юридических) законах, а говоря о праве — должны говорить о государстве. Уже легитимация государственной власти в конце концов принимает форму правовой операции.

Государственность действует в рамках правовых норм и в соответствии с ними. Даже в случае абсолютистских и диктаторских систем государственности это так или иначе в той или иной мере имеет место. Бывают диктатуры как формы государственности и диктатуры как негосударственные формы власти. Так называемая абсолютная власть абсолютна не во всем, но лишь в некоторых отношениях, и это — выход за рамки государственности.

Задача государства — управление обществом как целым. Специфическими средствами этого являются законодательство и принудительный аппарат исполнения законов. Законодательство есть введение в жизнь общества правовых норм (юридических законов), регулирующих взаимоотношения между членами общества, между управляемыми членами «общества и управляющей властью, между членами самой системы государственности, а также контроль за соблюдением этих норм, — принуждение граждан к их соблюдению и наказание за их нарушения. Будучи узаконено (легитимировано), государство само становится органом легитимирования других феноменов общества.

Одновременно с формированием особой сферы государственности в обществе происходит формирование других компонентов социальной организации. Все они имеют свои специфические свойства, свою историю, свои закономерности. Но в составе социальной организации общества они так или иначе подпадают под влияние и власть государства.

К сфере экономики я отношу сферу хозяйства в том ее виде, какой она принимает в условиях общества, т. е. при наличии государства и права. Экономика предполагает ряд предпосылок. Среди них следует назвать, во-первых, разделение членов человеческого общества на сравнительно большое число однородных деловых групп, способных действовать более или менее самостоятельно, автономно. Назову это атомарностью хозяйства. Во-вторых, следует назвать достаточно высокую производительность труда деловых групп, благодаря которой они могут регулярно отдавать часть своего труда и продуктов труда кому-то и после этого продолжать жить и осуществлять свою производительную деятельность. И, в-третьих, следует назвать наличие внешних этим деловым группам сил, которые более или менее регулярно отбирают у этих групп часть продуктов их труда (в виде дани, поборов, грабежей) и принуждают работать на них. Но это — именно предпосылки экономики, но еще не экономика. Хозяйство становится экономикой тогда, когда функцию охраны упомянутых групп и поборов с них (в качестве вознаграждения за охрану) берет на себя государство. Государство узаконивает эти группы и поборы с них (налоги), осуществляя при этом социальную стандартизацию хозяйства.

Именно государство организует хозяйство человеческого общества в особую стандартизированную сферу, которая «кормит» не только себя, но и весь прочий человеческий организм. Организует, узаконивая хозяйственные клеточки и вводя правовые нормы, в рамках которых должна протекать жизнь хозяйственной сферы. Благодаря государству образуется внутренне связанное в некоторое целое общечеловеческое хозяйство (с единой денежной системой, обменом, разделением функций).

Аналогично обстоит дело с идеологической сферой: лишь государственность придает менталитетной сфере человеиника статус идеосферы, внося в нее легитимность и отношения субординации с государством.

Отношения между различными компонентами социальной организации в различных обществах могут быть различными. В одних может доминировать государственность, в других — экономика, в третьих идеосфера. Могут быть смешанные варианты. Эти сношения могут меняться в одном и том же обществе. Но это не отменяет закономерную субординацию компонентов социальной организации общества как особого типа и уровня эволюции человеиника.

Верхняя эволюционная граница всякого социального объекта есть предел развития явлений, образующих его нижнюю границу, т. е. предел развития того, что изначально образует качество объекта. Этот эволюционный закон имеет полную силу в отношении общества. Верхнюю границу общества образует предельное развитие потенций человеиника на основе его социальной организации в качестве общества.

СВЕРХОБЩЕСТВО. Наличие верхней границы общества не означает, будто невозможна социальная организация иного типа, на основе которой может происходить дальнейшая эволюция человеиников. Наоборот, я утверждаю, что возможен качественно новый, более высокий уровень социальной организации человеиников сравнительно с обществом, — уровень сверхобщества. Более того, он не просто возможен, он является реальностью.

Социальный объект А я называю сверхобъектом по отношению к социальному объекту В и употребляю при этом выражение «сверх-В», если и только если объект А содержит в себе в «снятом» виде основные признаки объекта В и сверх того обладает признаками, выходящими за рамки В. В сверхобъекте А можно таким образом различить две части: 1) базисную, в которую входят свойства объекта В, содержащиеся в А в «снятом» виде; 2) надстроечную, в которую входит то, что не входит в базисную часть, но вырастает на ее основе. Эта надстроечная часть образует новый эволюционный уровень, новое качество, отличающее А от В именно в эволюционном плане.

Данное общее определение сверхобъекта в применении к обществу и сверхобществу выглядит так. В компонентах социальной организации общества вырастают надстроечные части, так что образуются сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология, сверхправо, сверхкультура, сверхклеточные структуры и т. д. Эти образования образуют единое целое, которое выступает как сверхобщественная социальная организация по отношению к социальной организации обществ. И человеиник с такой социальной организацией становится сверхобществом по отношению к человеинику уровня (и типа) общества. Определяющими здесь становятся компоненты суперуровня.

Сверхобщество по определению есть человеиник, который является диалектическим отрицанием общества, содержит в себе общество в снятом виде, является человеиником более высокого уровня организации, чем общество. Отношение сверхобщества к предобществу, таким образом, характеризуется как отрицание отрицания. Неизбежным следствием отрицания общества является утрата ряда достижений эпохи обществ, — никакой прогресс в одних отношениях не происходит без регресса в других. А неизбежным следствием отрицания отрицания является «возврат» человеиников по ряду признаков к предобществу, причем — не по второстепенным признакам, а по признакам, определяющим «нижнюю» границу сверхобществ.

Сверхобщества возникают в среде из обществ, на их основе, с использованием их материала и опыта. Тут возможны различные варианты. В Советском Союзе сверхобщество формировалось в условиях военной, предвоенной и послевоенной разрухи, нищеты, голода, хаоса, безграмотности населения, дефицита культуры, одним словом — в условиях, образно говоря, социальной пустыни. Коммунистическое сверхобщество складывалось сверху, по инициативе высшей революционной власти и благодаря ее усилиям.

Власть мобилизовала и организовала на это массы населения, заручившись их поддержкой. Сверхобщество тут складывалось в постоянной борьбе с внешними и внутренними врагами, складывалось как средство физического выживания народа. Оно тут возникало в условиях ослабленной и даже разрушенной социальной организации общества. Последняя тут создавалась заново усилиями высшей власти, которая, создавая государственность, сама превращалась в надстроечную часть сверхгосударственности. Власть создавала сверхэкономику, сверхидеологию, сверхкультуру.

Западнистский путь к сверхобществу является прямой противоположностью советско-коммунистическому. Он является другой крайностью эволюционного процесса. Он имеет место в условиях баснословного богатства и изобилия, процветания всех сфер общества, сказочного прогресса материальной культуры, благоприятных природных условий, высокой концентрации населения, всесторонних связей различных регионов, богатейшего опыта гражданской демократии — одним словом, в условиях «социальных джунглей». Сверхобщество вырастает тут не по инициативе сверху, а снизу, из всех основ жизни общества, во всех сферах его социальной организации. Общество тут не было ослаблено и разрушено, а наоборот, достигло всестороннего развития и высочайшего уровня. Сверхобщество тут формируется в условиях триумфальных побед западного мира над своим эпохальным противником (над советским коммунизмом) и побед в борьбе за мировое господство. Тут нет насилия и жестокости, какие имели место в случае советского варианта. Тут функции этих мер выполняют меры западной демократии и экономического принуждения, не уступающие по социальной эффективности мирам коммунистическим и более адекватные условиям западного мира и его человеческому материалу. Потому тут процесс формирования сверхобщества остается неявным, скрытым, трансформированным массой обстоятельств конкретной истории. Таковыми являются и черты самого строящегося человеиника нового типа.

Александр Зиновьев. Коммунизм⁴

Надо различать коммунизм как идеологию (коммунистическую идеологию) и коммунизм как реальный тип человеиника. Коммунистическая идеология зародилась несколько столетий назад (Т. Мор, Т. Кампанелла), но превратилась в величайшую в истории человечества светскую (нерелигиозную) идеологию в XIX веке (К. Маркс, Ф. Энгельс). Реальный коммунистический человеиник впервые в истории появился лишь после Октябрьской революции 1917 года в России. На его формирование ушло несколько десятилетий.

Фундаментальная идея коммунистической идеологии заключается в следующем: частная собственность на средства производства и частное предпринимательство суть основной источник всех социальных зол, и если их ликвидировать, то можно построить человеиник всеобщего благоденствия. Коммунистическая идеология в ее марксистской форме сыграла огромную роль в возникновении и выживании советского (русского) коммунистического человеиника. Именно как идеология, а не как некий научно обоснованный проект нового человеиника. Марксизм был и остается идеологией, а не наукой. Он не мог быть наукой хотя бы уже потому, что не было самого реального коммунизма, на роль науки о котором он претендовал. Опыт реального коммунизма показал, что ни одно важное специфически марксистское предска-

⁴ Опубликовано в книге: А. Зиновьев. Логическая социология. М.: Социум, 2000, с. 200.

ние насчет его не осуществилось (исчезновение денег и государства, материальное изобилие, ликвидация социального и материального неравенства и т. д.). А то, что осуществилось, не является специфически марксистским (ликвидация частной собственности на средства производства и классов частных собственников). Реальный коммунизм создавался при участии марксистской идеологии, но в силу исторически сложившихся обстоятельств и объективных социальных законов, о которых марксисты не имели ни малейшего понятия.

Надо различать субъективные и объективные факторы, сыгравшие роль в русской революции и в возникновении русского коммунизма. Первые из них — это то, что люди делают сознательно, преднамеренно, планируя заранее. Вторые — то, что происходит в силу объективно данных условий и объективных социальных закономерностей, неподвластных воле людей. Реальный коммунизм зародился в России под лозунгами идеологического коммунизма (марксизма). Инициаторы, организаторы и вожди революции вдохновлялись идеями коммунистической идеологии. Можно с полным правом признать, что не будь марксизма, не будь Ленина и его соратников, русского коммунизма не было бы. Но вместе с тем русский коммунизм, зародившись, начал складываться во многом совсем не так, на что рассчитывали революционеры и идеологи. Он возник в результате исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще понятия не имели о марксизме, либо знали о нем весьма смутно и истолковывали на свой лад. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский «проект». Например, были ликвидированы классы частных собственников, широкие слои населения получили образование и были вовлечены в систему власти и управления, со временем были удовлетворены на каком-то уровне (пусть примитивном) основные жизненные потребности и т. п. Но во многом другой реальный коммунизм резко отличался от этого «проекта». Например, государство не отмерло, как обещали марксисты, а наоборот, усилилось сравнительно с государством царской России. Не исчезли деньги. Не исчезло социальное и материальное неравенство. Ленину пришлось столкнуться с реальностью коммунизма в незначительной мере, и то он впал в состояние, близкое к панике, настолько эта реальность оказалась непохожей на идеологический «проект». И надо отдать должное Сталину: его реальность коммунизма не испугала и не разочаровала, он начал руководить построением реального коммунизма в реальных условиях России, с реальным человеческим материалом, в окружении реальных врагов. Идеологический коммунизм он использовал как орудие, приспособив его к потребностям реального.

Сказанное выше не следует истолковывать так, будто советский коммунизм сложился стихийно, будто строители его не ведали, что творили. Возглавляемые сталинской властью, строители коммунизма сознательно, планомерно и целеустремленно создавали новый тип человека. Они создавали его, не имея научной теории реального коммунизма, но это не исключает планомерности, целенаправленности и управляемости этого исторического процесса.

Говоря о реальном коммунизме, я имею в виду не некий воображаемый человек, а вполне реальные страны, каких было довольно много на планете еще не так давно и какие еще сохранились в каком-то виде. Наиболее развитым экземпляром таких человек был Советский Союз в лучшие годы его жизни. Эти человек обладали такими чертами. Ликвидированы классы частных собственников. Ликвидирована частная собственность на землю и природные ресурсы. Обобществлены все средства производства. Все взрослое и трудоспособное население организовано в стандартные деловые коллективы. Трудоспособные граждане отдают свои способности и силы обществу через деловые коллективы, получая за свой труд вознаграждение, необходимое для их существования и существования их семей. Все они суть наемные работники государства. Создана единая централизованная и иерархизированная система власти и управления. Создана единая плановая, экономика, контролируемая и управляемая государством. Централизована и унифицирована система воспитания и образования мо-

лодежи. Создана единая государственная идеология и централизованный аппарат идеологической обработки населения. Гражданам гарантирована работа, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, пенсия по старости и инвалидности и другие минимальные социальные блага. Созданы мощные карательные органы и органы общественного порядка, а также вооруженные силы, чтобы защищать страну от внешних нападений. Это, конечно, лишь ориентировочное поверхностное описание объекта, который подлежит исследованию с тем поворотом мозгов, о котором говорилось ранее.

Советский коммунизм сложился не сразу. И он изменялся со временем. Можно констатировать такие периоды в его истории: зарождения, юности, зрелости, кризиса и краха. Первый период охватывает годы от Октябрьской революции 1917 года до избрания Сталина Генеральным секретарем партии в 1922 году или до смерти Ленина в 1924 году. Этот период я называю ленинским по той роли, какую в нем сыграл Ленин. Второй период охватывает годы после первого периода до смерти Сталина в 1953 году или до 20 съезда КПСС в 1956 году. Это — сталинский период. Третий период начался с приходом к высшей власти Хрущева. При Брежневеве русский коммунизм достиг состояния зрелости и добился наивысших успехов планетарного и эпохального значения. Я этот период называю хрущевско-брежневским. Четвертый период начался в 1985 году с приходом к высшей власти Горбачева и был завершен в результате переворота 1991 года, возглавленного Ельциным. Я его называю горбачевско-ельцинским. Многие считают его периодом старения и естественной смерти русского коммунизма. Это грубая ошибка или, скорее, умышленная фальсификация истории. Русский коммунизм был молодым социальным явлением. Он еще только вступил в период зрелости, еще не проявил все заложенные в нем потенции. Его жизнь была искусственно прервана усилиями внешних врагов и внутренних предателей и коллаборационистов. Он был убит в самом начале зрелой жизни.

Советский коммунизм формировался одновременно как сверхобщество и как общество, ибо (по определению!) сверхобщество возможно лишь как своего рода «надстройка» над обществом, включающая в себя общество и подчиняющая его себе. Поэтому не случайно то, что определяющими компонентами его социальной организации стали явления суперуровня человека, а по закону отрицания отрицания — микроуровня, а не макроуровня; На микроуровне это — специфически коммунистические деловые клеточки, на суперуровне — сверхгосударственность, сверхэкономика и сверхидеология.

МИКРОУРОВЕНЬ КОММУНИЗМА

Чтобы понять секреты коммунизма, надо от его поверхностных проявлений спуститься в его недра, т. е. туда, где протекает повседневная жизнедеятельность людей. Однажды возникнув, коммунистическое общество воспроизводится естественным образом как результат этой обычной, рутинной, «пустыяковой» жизни миллионов людей. Все внешне великие явления коммунизма имеют самую глубокую основу именно в этих житейских «пустыках».

Основу коммунистического человека на микроуровне образуют такие деловые клеточки (первичные деловые коллективы), которые являются самыми маленькими, стандартными и относительно автономными в своей жизнедеятельности частичками общества, обладающими основными чертами общества в целом, представляющие собою общество в миниатюре. Такие клеточки я назвал коммунальными. Это суть предприятия и учреждения, созданные для выполнения некоторых деловых функций и относительно автономные в этом своем деле. Клеточка имеет свою дирекцию (орган управления), бухгалтерию, отдел кадров, партийную организацию, профсоюзную организацию, комсомольскую организацию и прочие элементы стандартного первичного коллектива. Это хорошо всем известные заводы, фабрики, институты,

фермы, конторы, магазины, совхозы, колхозы, школы и другие предприятия и учреждения, в которых взрослые и работоспособные члены общества принимаются на работу, получают вознаграждение за труд, добиваются успехов, делают карьеру, получают награды и различного рода жизненные блага. Если такая клеточка есть общество в миниатюре, то общество в целом — многократно расчлененная и разросшаяся до гигантских размеров клеточка.

Клеточка есть организация людей в некоторое первичное объединение путем определенного дела, через дело. Здесь дело, выполняя свои функции именно дела, является одновременно объединением людей в коммунальном аспекте, в коммуноу. Все трудоспособное население коммунистического общества должно быть организовано в клеточки. Все трудоспособные граждане обязаны быть членами каких-то первичных деловых коллективов — трудиться в клеточках. Эта необходимость и обязанность обусловлена тем, что по идее люди не имеют иных источников существования и путей жизненного успеха, кроме тех, какие им предоставляются в первичных коллективах (в клеточках). Тут работа не просто гарантируется, она является обязательной. Тут взрослые трудоспособные люди должны быть прикреплены к какому-то трудовому коллективу и вынуждены на это.

Коммунистические клеточки создаются решениями властей и юридически узакониваются. Власти определяют деловой статус клеточек, назначают руководство и юридических лиц, несущих ответственность за их деятельность перед государством.

Коммунистическая клеточка имеет сложную структуру. В ней можно выделить три аспекта. Первый аспект — деловой. В нем сотрудники клеточки выполняют деловые (рабочие) обязанности, и структурируются в зависимости от интересов и организации дела. Второй аспект — коммунальный. В нем имеют место неделовые организации — партийная, профсоюзная, молодежная, контрольная и многие другие. В этом аспекте структурирование людей происходит независимо от делового. Точно так же и их коммунальные функции отличаются от деловых. И третий аспект — бытовой. Что это такое, поясню ниже. Единство упомянутых аспектов делает деловую клеточку коммунистическим коллективом.

В деловом отношении клеточка имеет свой деловой орган управления (дирекцию, отдел кадров, бухгалтерию и различного рода деловые учреждения). Достаточно большие клеточки разделяются на более мелкие части вплоть до минимальных. Клеточка для исполнения своих функций получает во владение от общества (от представляющего его государства) необходимые средства деятельности. Коллектив владеет этими средствами и использует их, но они не являются его собственностью. Коллектив не может распорядиться ими по своему произволу, уничтожить, передать другим без ведома государства, продать и т. д., т. е. обращаться с ними так, как обращаются частные собственники с их собственностью в западных странах. Напомню, что в коммунистическом обществе отсутствует частная собственность на средства деятельности общественного значения. Все члены коллектива клеточки не различаются по отношению к средствам деятельности, которыми владеет клеточка. В этом — одно из фундаментальных отличий коммунистических клеточек от западных частных предприятий. Члены клеточки различаются лишь в системе организации деятельности клеточки и в коммунальном аспекте. Директор фабрики или заведующий учреждением находятся в таком же социальном отношении к средствам деятельности клеточки, как подчиненные им рабочие и служащие. С этой точки зрения коммунизм есть общество, в котором все граждане суть служащие государства.

Результаты деятельности клеточек вливаются в общий «общественный котел». Клеточка получает из этого «котла» определенную долю средств для вознаграждения ее членов за труд. Это — денежные суммы для выплаты заработной платы, премий, ссуд, а также жилищный фонд, дома отдыха и санатории, средства транспорта и многое другое. Члены коллектива получают свою долю жизненных благ по установленным нормам, причем независимо от реализа-

ции результатов деятельности клеточки. Важно, чтобы продукция клеточки удовлетворяла установленным требованиям к ней и чтобы соответствующие органы власти и управления признавали это.

Членам коллектива гарантирован законами и фактически оплачиваемый отпуск, бесплатное медицинское обслуживание, оплата времени болезни, пенсия по старости и инвалидности, жилье, детские сады, бесплатное и даже оплачиваемое образование и обучение профессии и многое другое. Основные жизненно важные потребности граждан так или иначе удовлетворяются по крайней мере на некотором минимальном уровне.

В коммунальном аспекте в клеточках имеются организации, не связанные с ее деловыми функциями, — партийная, профсоюзная и комсомольская. Кроме того, имеются всякого рода другие деловые организации (спортивные секции, творческая самодеятельность, кассы взаимопомощи и т. п.). И в этом аспекте образуются свои социальные структуры.

Руководитель первичного делового коллектива назначается вышестоящими органами управления. Но санкцию на его назначение дает соответствующая партийная инстанция. Должностные лица внутри клеточки на более низкие должности частично тоже назначаются высшими инстанциями, частично же назначаются руководством клеточек. Отбор людей на руководящие посты на этом уровне происходит как будничная деловая процедура по мере надобности. Отбор и назначение производятся по определенным правилам. Принимаются во внимание различные качества кандидатов, в том числе моральные, идеологические, деловые.

Тут имеет место своя форма демократии. Заключается она в том, что многие должности являются выборными. Хотя кандидаты намечаются заранее, сам факт их предварительного отбора есть своеобразная форма выборов. В этом принимают участие многие люди и органы власти, обсуждаются различные кандидатуры. Кроме того, при коммунизме большое значение приобретают всякого рода собрания, совещания, заседания, съезды, конференции и прочие сборища, призванные по идее коллективно решать какие-то проблемы. И далеко не всегда они формальны. На уровне первичных коллективов они играют существенную роль. Партийная, комсомольская и профсоюзная организации вмешиваются во все аспекты жизнедеятельности коллектива.

Основное содержание жизни работающих советских людей образует (теперь приходится говорить — образовывало) то, что они делают в первичном коллективе и через него. Жизнь в коллективе есть их подлинная жизнь, а жизнь вне его лишь условие для нее. Здесь люди не только трудятся, но проводят время в обществе знакомых, обмениваются информацией, развлекаются, делают нужные контакты, добиваются успехов, делают карьеру, посещают собрания, получают жилье, повышают квалификацию, занимаются спортом, участвуют в разных кружках и т. д. Тут происходит жизнь в самом точном смысле слова со всеми ее радостями и горестями, удачами и неудачами.

Жизнь коллектива включает в себя также личные взаимоотношения, сплетни, гостевание, любовные связи, дружбу, совместную выпивку, локальные группки, мафии, круговую поруку, взаимные услуги. Все это сплачивает коллектив в своего рода единую суперличность. Здесь носителем личностного начала становится не отдельный человек, а целое учреждение. Поэтому здесь лозунг «Интересы коллектива выше интересов индивида» есть практически действующий принцип.

Анализ самых глубоких основ коммунистического образа жизни обнаруживает, что добродетели и дефекты коммунизма имеют один и тот же источник. Более того, здесь дефекты являются неизбежными следствиями того, что на первый взгляд выглядит и большинством граждан воспринимается как достоинство. Гарантии основных жизненных потребностей, являющиеся высшим социальным достижением коммунизма, имеют неизбежным следствием

сравнительно низкий уровень удовлетворения этих потребностей, подчинение индивида коллективу, неравенство в распределении благ, принудительный труд, низкий уровень деловой активности и другие дефекты коммунизма, ставшие теперь всем очевидными.

Создание максимально естественных взаимоотношений индивида и коллектива в условиях современного общества есть самый фундаментальный результат коммунистической социальной организации. Основное преимущество нормального советского коллектива перед всеми прочими видами объединений состоит в максимальной адекватности интересов индивида и коллектива. Отклонения от этого, конечно, бывают. Но для подавляющего большинства людей и подавляющего большинства ситуаций принцип адекватности коллектива и индивида в коммунистическом обществе есть бесспорный факт.

Нормальный советский коллектив поощряет и развивает естественные отношения между людьми в коллективах, но заключает их в такие рамки и придает им такие формы, что они кажутся само собой разумеющимися и единственно возможными. Он не унижает личное достоинство человека. Люди друг по отношению к другу выступают прежде всего как исполняющие определенные частичные функции в одном общем деле. Есть общественно признанные нормы взаимоотношений между членами коллектива, которые делают эти отношения вполне терпимыми. Отклонения от этих норм порицаются и наказуются. Насилие коллектива над индивидом лишь в исключительных случаях воспринимается именно как насилие. Как правило, оно выглядит как справедливое.

МАКРОУРОВЕНЬ КОММУНИЗМА

Макроуровень социальной организации коммунизма образуют общеизвестные сферы, являющиеся определяющими для социальной организации общества, — государство, право, армия, культура, идеология, образование и другие. Они, конечно, чем-то отличаются от таковых в обществах западного типа, поскольку являются компонентами сверхобщества коммунистического типа. Я здесь на этом останавливаться не буду. Замечу лишь, что в отношении их всех имеют силу универсальные социальные законы, и это роднит коммунистические человеичники с западнистскими. Вопрос о том, возможны ли коммунистические человеичники, являющиеся обществами, но не являющиеся сверхобществами, я оставляю открытым. История примеров таких человеичников не дала. А опыт постсоветской России еще слишком незначителен для обобщений.

Замечу также то, что необычайное разрастание и усложнение западнистских человеичников на макроуровне стало одним из условий для возникновения сверхобществ в западном мире, а аналогичное разрастание и усложнение советского человеичника на макроуровне стало одним из факторов кризиса советского коммунизма. К этой теме я вернусь в дальнейшем.

СУПЕРУРОВЕНЬ КОММУНИЗМА

К суперуровню коммунизма относятся «надстроечные» части компонентов социальной организации уровня общества и общественные организации, а также социальное расслоение населения в зависимости от социальной организации на микро- и макроуровне. Это — «партийный» аппарат, профсоюзный и комсомольский аппарат, бесчисленные организации вроде культурных, спортивных и т. п., различного рода объединения людей одного социального слоя, клики, кланы, касты. На суперуровне оформляется система распределения жизненных благ и распределения людей по местам в структуре социальной организации человеичника. Рассмотреть все это в книге невозможно. Нам придется ограничиться основными сферами социальной организации.

В качестве образца коммунистической власти я беру советскую власть. Она имела множество ветвей, основные из которых суть следующие три: 1) государственная; 2) деловая; 3) сверхпартийная (или псевдопартийная). Последнюю называли и до сих пор называют партийной. Я тоже буду употреблять это слово, но буду брать его в кавычки, дабы напомнить вам, что имеется в виду явление, отличное от партии.

Первую ветвь образовали советы разных территориальных уровней. Советы мыслились как главная власть, а «партийный» аппарат — как их орудие. Но произошло нечто непредвиденное. Советы остались высшей государственной властью. Но над ней возникла сверхгосударственная власть, подчинившая ее и превратившая всю систему власти в феномен более высокого уровня организации — в сверхгосударство. Эту функцию присвоила себе третья из упомянутых линий — «партийная».

Вторую линию коммунистической власти образовало управление различными сферами общества помимо государственной и «партийной» — иерархия органов управления, начиная от базисных клеточек и кончая министерствами и советом министров страны. Все работники этих учреждений сплошь невыборные наемные служащие. Эта линия, как и линия советов, оказалась точно так же подчиненной «партийному» аппарату сверхвласти. Одним словом, советская власть (власть Советского Союза) сформировалась как единство государственности и сверхгосударственности. Будем в дальнейшем всю систему власти коммунизма называть сверхгосударственной, а не только определивший ее «партийный» аппарат. Поясню, почему я слово «партия» беру в кавычки. Партией я здесь называю множество людей, обладающее такими признаками. Люди, входящие в это множество, объединяются в единое целое. Объединяются добровольно и независимо от их деловых ячеек. Объединяются для достижения общей цели. Эта цель является политической, т. е. связанной с проблемами политической власти. Вступающие в это объединение люди берут на себя какие-то обязательства, связанные с деятельностью по достижению цели. Объединение имеет управляющий орган, функции которого ограничены рамками объединения и поведением объединения в целом. Объединение называет себя каким-то индивидуализирующим именем. Оно должно быть более или менее известным, — оно публичное, а не тайное. Оно может быть юридически нелегальным и даже запрещенным, но должно быть публичным и стремящимся к публичности. В XX веке возникли социальные объединения, которые называют партиями, но которые нельзя считать партиями в определенном выше смысле. Я называю их сверхпартиями. Конечно, можно поступить иначе: расширить понятие партии и рассматривать эти объединения как особый вид партий. Но этот путь затемняет суть дела. Классическими образцами сверхпартий могут служить КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза) и НСДП (Национал-социалистская Немецкая Партия). В их названиях фигурирует слово «партия», поскольку они возникали как партии и сохранили ряд черт партии. Но они приобрели ряд черт, благодаря которым стали феноменами более высокого уровня организации, чем партии. Поэтому я предпочитаю термин «сверхпартия». Поскольку наиболее развитым экземпляром сверхпартии была КПСС, я на ее примере поясню, что это такое.

«Партийный» аппарат стал сверхвластью как аппарат КПСС. Последняя состояла из первичных партийных организаций и вырастающего на ее основе аппарата. Первые были объединениями членов «партии», работавших в одних и тех же деловых коллективах. Их активность ограничивалась рамками этих коллективов. Но роль их здесь была значительная. Они были частью социальной структуры деловых клеточек. Секретарь «партийного» бюро коллектива являлся одним из руководителей коллектива наряду с директором и председателем местного комитета профсоюзов. Порою партийный секретарь играл в этом «триумvirате» первую роль.

Партийные организации различных коллективов между собою не были связаны в некото-

рые более обширные организации сами по себе. Они выбирали делегатов на районные «партийные» конференции, на которых формировалась основа «партийного» аппарата. И лишь благодаря этому аппарату они образовывали единое целое — «партию».

«Партийный» аппарат начинался с районных комитетов (райкомов) и имел в основном территориальную и связанную с ней иерархическую структуру — районные, областные, краевые, республиканские и центральный (для всей страны) комитеты партии. Он был частью системы власти. Но особой частью, которая управляла всей остальной системой власти и управления. Он был властью над властью второго уровня или сверхвластью. Поскольку он был властью и над государственностью, он был сверхгосударственностью.

Возникает вопрос: как это возможно, что высшая законная государственная власть признает власть над собой незаконной организации, не нарушая законности? «Партийный» аппарат управлял всей системой власти и управления, контролируя назначение начальников на все более или менее важные посты и их деятельность на этих постах. Они фактически были представителями «партийного» аппарата. Председатель Президиума Верховного Совета СССР, например, был членом Политбюро ЦК КПСС, т. е. высшего органа «партийной» власти. Целый ряд высших лиц государства были членами ЦК КПСС, а на более низком уровне — членами республиканских, краевых, областных и районных учреждений «партийного» аппарата. И как таковые они исполняли волю этого аппарата, занимая решающие посты в учреждениях государства. Почти все работники системы власти были членами КПСС. Через «партийные» организации, насчитывавшие многие миллионы людей (более 15 миллионов к 1985 году), «партийный» аппарат контролировал почти всю массу населения. Плюс к тому — ему подчинялся аппарат профсоюзов и союза молодежи.

В отличие от западнистских партий, КПСС как сверхпартия имела мощную и систематически разработанную идеологию и мощный идеологический аппарат, составлявший часть советской сверхгосударственности.

В формировании советского сверхгосударства решающую роль сыграли следующие факторы: ликвидация частного предпринимательства; мобилизация всех сил и ресурсов страны на физическое выживание и на оборону страны от внешних врагов; огромность страны, разнородность населения; стремительное усложнение общества во всех жизненно важных аспектах. Поэтому проблема управления гигантским человеиком оказалась важнейшей. Для решения ее традиционные средства государственности были очевидным образом недостаточны или не годились совсем. Так что необходимость создания сверхгосударственности диктовалась реальными потребностями и условиями страны, а не была выдумана кучкой революционеров и идеологов. Ее создатели не ведали того, что именно они творили. Они сначала цеплялись за идею диктатуры пролетариата. Потом выдвинули не менее нелепую идею диктатуры трудящихся. Наконец остановились на идеологической пустышке общенародного государства. Именно государства!

У них не было ни малейшего понятия о том, что их руками история творила нечто большее, чем государство, а именно сверхгосударство. Творя новое, они оставались в плену представлений прошлого.

Рассмотренная структура власти сложилась не потому, что будто бы одна партия захватила власть и установила однопартийную систему, как это преподносила западная идеология. КПСС вообще никакую власть не захватывала, она сложилась после захвата власти другими. Коммунистическое общество вообще не является однопартийным, оно является, по сути дела, беспартийным. Если в нем и допускались какие-то партии, кроме партии в рассмотренном смысле, то это была пустая формальность или дань пропаганде.

В сферу внимания коммунистического сверхгосударства, в принципе, входят все аспекты жизни страны, включая внешнюю политику, внешнюю торговлю, промышленность, сельское

хозяйство, культуру, спорт, быт и отдых людей, воспитание детей. Нет такого аспекта жизни людей, который так или иначе не подлежал бы контролю со стороны сверхгосударства. Если что-то и выпадает из-под его контроля, то это происходит в силу отклонения от фундаментального принципа тотальной подконтрольности, а не в силу отказа сверхгосударства от этого принципа.

В основе всех (как общих, так и специфических) функций коммунистического сверхгосударства лежит функция обеспечения жизнедеятельности человеиника как органического целого. В этом человеинике для каждого коллектива и каждого более значительного объединения коллективов должны быть определены его положение в стране, деловые функции, отношения с другими коллективами, внутреннее строение, доля в производимом продукте и в получаемом вознаграждении. Здесь сверхгосударство присвоило себе все те функции, какие в западных странах выполняют частные предприниматели и их конторы, банки и всякого рода негосударственные организации и механизмы самоорганизации. Важнейшим проявлением рассмотренной фундаментальной функции сверхгосударства является планирование и контроль за исполнением планов. Планирование деятельности всех частей человеиника есть чисто коммунистическое средство сохранения его единства, ограничения коммунальной стихии и хаоса, неизбежного без этого в большом скоплении людей. Планы определяют статус коллективов и их объединений в человеинике в целом, а выполнение плана является основным показателем их деятельности. Обязанность руководства — заставить коллективы действовать в рамках планов.

Коммунистическому сверхгосударству принадлежит также функция реформаторства и прогресса. Это обусловлено самим положением и ролью руководства. Руководство не просто захватывает эту функцию из каких-то эгоистических соображений, а вынуждается на это всей организацией жизни человеиника. Здесь все значительные преобразования осуществляются как решения свыше. Кроме того, руководство здесь выполняет функцию прогресса не из любви к прогрессу как таковому и не из желания облагодетельствовать массы граждан, а из соображений самосохранения и сохранения человеиника, в котором они занимают привилегированное положение. Наконец, в коммунистическом человеинике даже для сохранения данного состояния требуется производить какие-то улучшения во избежание деградации. Поэтому здесь борьба против тенденции к деградации принимает форму насильственных реформ сверху. При этом властям приходится преодолевать косность и инертность масс населения.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Все то, что выше говорилось о коммунистических клеточках, целиком и полностью относится к клеточкам хозяйственным. Совокупность деловых клеточек, задача (функция) которых заключается в производстве и распределении материальных благ, совместно с системой учреждений, управляющих этой совокупностью, образует экономику коммунистического человеиника, в коммунистическом человеинике существуют денежные отношения, банки, денежные расчеты, инвестиции денег и даже прибыль. Но доминирующей в экономике является ее изначальная и фундаментальная функция — снабжение человеиника предметами материального (вещного) потребления.

Экономические клеточки коммунистической страны не предоставлены самим себе. Сверхвласть в лице подчиненных ей властей экономической сферы определяла их статус, что и как они должны были делать, сколько иметь наемных работников и каких, как их оплачивать и все прочие аспекты их жизнедеятельности. Это не было делом полного произвола властей. Последние принимали во внимание реальное положение и состояние клеточек, их реальные возможности.

Экономические клеточки включались в систему других клеточек, т. е. были частичками больших экономических объединений (как отраслевых, так и территориальных) и в конечном счете — экономики в целом. Они, конечно, имели какую-то автономию в своей жизнедеятельности. Но в основном они были лимитированы задачами упомянутых объединений и экономики в целом. Над ними возвышалась разветвленная иерархическая и сетчатая структура из учреждений власти и управления, которая обеспечивала их согласованную деятельность. Эта структура была своего рода нервной системой экономики. Она была организована по принципам начальствования — подчинения. На западе это называли командной экономикой и считали величайшим злом. Эта экономическая власть была настолько мощной, что даже заявляла претензии на независимость от государственной власти и даже от партийной власти. Конфликты разрешались всегда в пользу последней. Именно эта структура придавала коммунистическому хозяйству характер сверхэкономики.

Коммунистическая сверхэкономика, организуемая и управляемая сверху (в конечном счете — сверхгосударством), имеет целевую установку как единое целое. Она заключается в следующем. Во-первых, обеспечить страну материальными средствами, позволяющими ей выжить в окружающем мире, сохранить независимость, идти в ногу с прогрессом. Во-вторых, обеспечить граждан общества средствами существования. В-третьих, обеспечить всех трудоспособных работой как основным и для большинства единственным источником средств существования. В-четвертых, вовлечь все трудоспособное население в трудовую деятельность в первичных деловых коллективах. В силу указанной выше целевой установки, которая является не только лозунгом, но и социальным законом, сверхэкономика тут выполняет не только экономические, но и политические, идеологические и другие неэкономические функции.

Из рассмотренного характера и положения сверхэкономики с необходимостью следуют такие важнейшие признаки коммунистического хозяйства. Во-первых, преобладание социально-политических соображений при решении экономических проблем. Это касается распределения бюджета, установления цен на массовые продукты, шкалы заработной платы, состава продукции, районирования предприятий и т. д. Во-вторых, ориентация на удовлетворение самых фундаментальных нужд населения и решение самых важных для выживания страны проблем. Препятствование производству продуктов сверх необходимого и разрастанию паразитарных явлений. Тенденция к дефициту средств потребления. И, в-третьих, необходимость централизованного управления и планирования деятельности экономики, начиная с первичных клеточек и кончая экономикой в целом. Плановость коммунистической экономики вызвала особенно сильное раздражение на Западе и подвергалась всяческому осмеянию. А между тем совершенно безосновательно. Коммунистическая экономика имеет свои очевидные недостатки. Но причина их — не плановость как таковая. Наоборот, плановость позволяла хоть в какой-то мере удерживать эти недостатки в терпимых рамках, сдерживать другие негативные тенденции, преодолевать трудности.

В чем состоит суть планирования экономики? Это — не субъективный произвол высших властей. Планирующие органы исходят из того, что уже имеется в наличности, каковы возможности существующих предприятий. А при планировании новых затрат они исходят из реальных потребностей страны. Их можно критиковать за то, что они плохо справляются со своими обязанностями. Но это не есть основание для ликвидации самой системы планирования. Последняя есть средство сохранения единства общества, ограничения коммунальной стихии и тенденции к хаосу.

Общепринято думать, будто экономика западного общества является высокоэффективной, а коммунистического — неэффективной. Я считаю такое мнение совершенно бессмысленным с научной точки зрения. Для сравнения двух различных феноменов нужны четко определенные критерии сравнения. А в зависимости от выбора таких критериев и выводы могут

оказаться различными. Возможны, в частности, чисто экономические и социальные критерии оценки производственной деятельности людей, предприятий, экономических систем и целых обществ. Экономические критерии основываются на соотношении затрат на какое-то дело и его результатов. Социальные же критерии основываются на том, в какой мере деятельность предприятий соответствует интересам целого общества или какой-то его части. При этом предприятиям устанавливаются определенные рамки деятельности, включая источники сырья и сферу сбыта продукции. И эффективность их характеризуется тем, насколько успешно они придерживаются установленных для них норм. Главным, подчеркиваю, здесь является не экономическая эффективность отдельно взятых предприятий, а интересы целого, причем не обязательно экономические. Например, коммунистические предприятия должны обеспечить работой и тем самым дать источники существования максимально большому числу людей, в принципе исключив безработицу.

В капиталистическом обществе доминирует экономический подход к производственной деятельности людей, в коммунистическом — социальный. Они не совпадают. Коммунизм имеет более высокую степень социальной эффективности сравнительно с капитализмом, но более низкую степень экономической эффективности. Социальная эффективность экономики характеризуется многими факторами. Среди них — способность существовать без безработицы и без ликвидации экономически нерентабельных предприятий, сравнительно легкие условия труда, способность ограничивать и вообще не допускать избыточные предприятия и сферы производства, не являющиеся абсолютно необходимыми, способность сосредоточивать большие средства и силы на решение исторически важной задачи, милитаризация страны и другие.

Повторяю и подчеркиваю, что для предприятий в коммунистическом обществе нет необходимости быть рентабельными экономически, достаточно быть социально оправданными. Они должны удовлетворять в первую очередь внеэкономическим требованиям. Их судьба зависит от решений управляющих органов. С чисто экономической точки зрения все сто процентов коммунистических предприятий, взятых по отдельности, являются нерентабельными. И все же они существуют. Какие из них считать экономически нерентабельными, это решают управляющие органы, а не принципы выживания вроде тех, по каким существуют предприятия в обществе капиталистическом.

Наконец, при оценке эффективности экономики надо принимать во внимание исторические условия. Советская сверхэкономика, родившаяся в чудовишно трудных условиях, блестяще доказала свои преимущества перед западной экономикой в период подготовки к войне с Германией, в период войны и в последующий восстановительный период. В течение многих десятилетий холодной войны Советского Союза с превосходящим по силам противником она выдерживала тяжелые испытания. Думаю, что она выдержала бы до конца, если бы советские руководители не встали на путь предательства и капитуляции.

СВЕРХИДЕОЛОГИЯ КОММУНИЗМА

Менталитетная сфера отчетливо дифференцировалась на множество частичных сфер. Основные из них — наука, воспитание и образование молодежи, литература, музыка, изобразительное искусство, театр, кино, телевидение. И само собой разумеется — идеологическая сфера. Каждая из них представляла собою единое целое, управляемое системой особых учреждений системы власти и управления. Они объединялись в тех или иных комбинациях в более сложные сферы и в конце концов в единую менталитетную сферу, обеспечивавшую потребности советского человека в плане формирования менталитета людей и снабжения их «духовной пищей». Главенствующую роль в объединении их в единое целое и в управлении их деятельностью играла идеологическая сфера. Все прочие сферы в той или иной мере и форме

выполняли идеологические функции. Через них идеологическая сфера запускала свои щупальца во все места человеиника вплоть до сознания каждого члена человеиника. Она составляла часть партийной сферы, а управляющая ею система учреждений и лиц составляла часть партийного аппарата. В этом смысле она была не просто идеологической, а сверхидеологической сферой советского человеиника.

Надо различать идеологию как совокупность идей, текстов, учений и идеологический механизм. Советская идеология, лишь формально кажущаяся идеологией партии, сложилась как идеология, в принципе, всего советского народа. Это не значит, что народ жаждал иметь такую идеологию и сам вырабатывал ее. С этой точки зрения большинство членов партии так же мало хотело иметь такую идеологию и так же мало участвовало в ее создании. Это значит, что она есть результат коллективных усилий, продукт массового творчества, навязываемый каждому по отдельности как нечто внешнее ему и даже чуждое. Она есть идеология для всего советского народа, а не для каких-то его избранных представителей и отдельных его групп.

Советская идеология была государственной, обязательной для всех советских граждан. Отступления от нее и тем более борьба против нее считались преступлением и карались.

Официально считалось, что советская идеология была марксизмом-ленинизмом. Это верно в том смысле, что марксизм и ленинизм послужили основой и исторически исходным материалом для нее, а также образцом для подражания. Но неверно сводить ее к марксизму-ленинизму. Она сложилась после революции 1917 года. В разработке ее приняли тысячи советских людей, включая Сталина и его соратников. В нее вошла лишь часть идей и текстов марксизма XIX века, причем в основательно переработанном виде. Даже из сочинений Ленина в нее вошло не все буквально в том виде, как они возникли в свое время. Ленинизм вообще вошел в нее в значительной мере в сталинском изложении. Отражение жизни человечества и интеллектуального материала XX века заняло основное место в советской идеологии. Естественно, она сложилась как отражение и осмысление опыта реального коммунизма в Советском Союзе и других странах планеты, как феномен общества коммунистического.

Советская государственная идеология имела сложную структуру. В ней было устойчивое ядро. Нужны были чрезвычайные обстоятельства, чтобы изменить его границы и что-то в его содержании. Ядро идеологии было погружено в идеологическую среду, которую можно назвать актуальной идеологией. Границы последней не столь определены, как границы ядра, и содержание ее более подвержено изменениям. Актуальная идеология, в свою очередь, погружена в более обширную идеологическую сферу, которую можно назвать потенциальной идеологией. Границы ее еще менее определены, чем границы актуальной идеологии, а содержание еще более изменчиво. Эти три сферы идеологии можно проиллюстрировать таким примером. В ядре идеологии есть принцип познаваемости мира и объективности истины. Он не подлежит сомнению. В актуальной идеологии он обрастает комментариями и пояснениями, сложившимися под влиянием науки XX века, некоторыми сведениями из логики, психологии и других наук. В потенциальной же сфере допускается говорить о принципиально неразрешимых проблемах.

Сочинения Маркса, Энгельса и их последователей, признаваемых в советской идеологии, входили в потенциальную идеологию целиком и полностью. Но далеко не все из них входило в актуальную часть. То, что было извлечено в актуальную часть и переработано в ней, функционировало уже само по себе, без содержательной связи с контекстом исторического марксизма. Ссылки на Маркса и Энгельса делались, но они носили уже сугубо формальный и даже ритуальный характер. В большинстве случаев они имели целью поднять престиж изрекаемых банальностей или освятить авторитетом «величайших мыслителей» очевидную чепуху или бессмыслицу. Сочинения классического марксизма лежали на складах потенциальной идеоло-

гии. Их использовали лишь специалисты. Но даже многое из того, что из марксизма вошло в актуальную идеологию и в ее ядро, уже не могло на все сто процентов удовлетворить советскую идеологию.

Идеология имеет два аспекта — мировоззренческий (учение о мире, о человеке, об обществе, о познании и т. д.) и практический (правила идеологического мышления и поведения). Практическая идеология есть совокупность некоторых образцов понимания явлений действительности, отобранных для тренировок людей в способе понимания, для натаскивания на некоторый стандартный способ понимания. В результате прохождения этого курса упражнений все люди в случае надобности понять новые (для них) явления действительности поступают сходным образом — у них вырабатывается сходная интеллектуальная реакция на окружение. Поэтому советские люди, не сговариваясь и без подсказки со стороны высшего начальства, одинаково реагировали на события, происходившие в стране и за границей, на научные открытия, на явления культуры и даже на явления природы. Идеология не просто формирует и организует сознание людей, она создает специальный коллективный интеллект и интеллектуальные стереотипы мышления.

Практическая идеология создает совокупность правил и навыков поведения людей в социально важных ситуациях. Зная ее, можно заранее предсказать, как будет себя вести средненормальный идеологически обработанный гражданин коммунистической страны в ситуациях такого рода. Это суть априорные правила в отношении конкретных индивидов в конкретных ситуациях, своего рода алгоритмы мышления и поведения.

Особо важное значение практическая идеология имела для деятельности руководящих (управляющих) органов коммунистической страны, ибо она содержала целый ряд инструкций для их поведения. В сталинские годы идеология имела явно нормативный характер. В после-сталинские годы эта роль идеологии внешне вроде бы ослабла. Но по сути дела, она лишь изменила форму и ушла вглубь. Идеология ставила перед руководителями страны общую цель, которая, независимо от ее достижимости или недостижимости, играла организующую роль и определяла направление стратегической деятельности руководства. Идеология давала общую ориентацию жизни коммунистического человека и устанавливала рамки и принципы деятельности его власти. Она являлась основой и стержнем всей системы установок.

Марксистская философия не стала наукой о мире, о познании мира и о мышлении по причинам как идеологического, так и внеидеологического характера. Однако это несколько не умаляет ту роль, какую она фактически сыграла в советском обществе. Она возглавила колоссальную просветительскую работу, какую до того не знала история. Через нее и благодаря ей достижения науки прошлого и настоящего стали достоянием широких слоев населения. В антисоветской критике обратили внимание на отдельные случаи, когда советская философия играла консервативную роль (отношение к теории относительности, генетике, кибернетике и др.), и раздули эти случаи так, что они заслонили собою все остальное. Но они на самом деле затронули незначительную часть прозападно настроенной интеллигенции, которая мало что понимала в этом. Причем они привнесли с собою новые виды идеологической фальсификации достижений науки.

Идеи, овладевая массами, становятся материальной силой, гласит одно из положений марксизма-ленинизма. Но что это означает на самом деле? Означает ли это, что достаточно людей ознакомить с некоторыми идеями, и они, поняв их справедливость, начинают поступать так, как это предписывается познанными ими идеями? Идеи овладевают массами, лишь при том условии, если какая-то категория людей сумеет овладеть массами, используя для этой цели идеи, удобные для овладения массами, а отнюдь не для удовлетворения практических потребностей масс. Проблема состоит не в том, чтобы породить умные идеи и дать их массам. Проблема состоит в том, чтобы овладеть массами, используя идеи лишь как лозунг, знамя, приман-

ку, организующую форму. Советское общество создало для этого грандиозный идеологический механизм овладения массами.

В задачу этого механизма входило, во-первых, сохранение идеологического учения в том виде, в каком оно было канонизировано в то время. Охранять его от ересей, расколов, ревизий, чуждых влияний. Содержать учение в состоянии актуальности, «подновлять», осуществлять истолкование всего происходящего в мире в духе идеологического учения и в его интересах. Во-вторых, осуществлять тотальный идеологический контроль за всей «духовной» сферой жизни общества. В-третьих, осуществлять идеологическую, обработку населения, создавать в обществе требующееся идеологическое состояние, пресекать всякие отклонения от идеологических установок.

С самого начала возникновения на исторической арене коммунисты рассчитывали на некие хорошие природные качества в людях. И даже марксисты, объявившие материальное производство базисом общества, рассчитывали на высокий уровень сознания и нравственности людей при коммунизме, считали это неперенным условием реализации принципа «по потребности» и установления идеальных отношений между людьми. После революции 1917 года в России проблема воспитания нового человека, необходимого для реального коммунизма, и воспроизводства такого человеческого материала в массовых масштабах встала перед творцами нового общества как проблема первостепенной важности. Они в беспрецедентных масштабах развернули работу по воспитанию, образованию, просвещению и идеологической обработке широких слоев населения всех возрастов и сословий, и молодых поколений — в первую очередь. Для руководства этим грандиозным процессом и для его организации с поразительной быстротой сложилась «религия» и «церковь» коммунизма — единая государственная идеология и единый механизм идеологической обработки населения.

Не следует думать, будто советская идеология стремилась прививать людям отрицательные качества — эгоизм, карьеризм, двуличность, ненадежность, продажность, подхалимство, лень, склонность к халтуре и обману и т. п. Как раз наоборот, эти качества порицались, сдерживались и ограничивались. Поощрялись самые лучшие качества — честность, отзывчивость, скромность, правдивость, трудолюбие, самоотверженность, преданность родине, стремление к образованию, к овладению культурой, к развитию способностей, к достойному поведению в коллективе и т. д. То же самое делалось для воспитания идеальных отношений между людьми и народами — дружбы, взаимного уважения, взаимопомощи, братства, равенства и т. п. И это не было лицемерие. Органы власти, деловые коллективы, школа, общественные организации и идеологические учреждения прилагали титанические усилия к тому, чтобы сделать людей и целые народы именно такими, сделать их своего рода коммунистическими ангелами. Если бы это не делалось, то жизнь в стране превратилась бы в кошмар. Советский Союз не выжил бы в труднейших условиях и десятка лет, не победил бы в войне 1941—1945 годов Германию, не стал бы второй сверхдержавой планеты.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Реальный коммунизм появился и сформировался во многих отношениях совсем не по марксизму. Он возник не в центре западной цивилизации с многочисленным рабочим классом и с развитым капитализмом, а на ее периферии, в стране со слабо развитым капитализмом, с малочисленным рабочим классом, с преобладающим крестьянским хозяйством. Даже сам Ленин не верил в возможность социалистической революции в России вплоть до возвращения в Россию после февральской революции 1917 года. Советская власть складывалась вовсе не как некая диктатура пролетариата. Это выражение употреблялось, но не в буквальном смысле. Хотя классы помещиков, капиталистов и «кулаков» были ликвидированы, социальное и мате-

риальное неравенство не исчезло, и население стало расслаиваться на различные социальные слои в других разрезах бытия. Стали меняться пропорции людей, занятых в промышленности, сельском хозяйстве, системе власти и управления, культуре, армии и т. д. Стал меняться состав различных подразделений населения. Например, в сельском хозяйстве появились ранее неслыханные профессии (механизаторы, агрономы, учетчики и т. д.), представители которых стали играть решающую роль. В промышленности выросла целая иерархия профессий, должностей, уровней квалификации. Это структурирование совершенно не учитывалось в сочинениях марксистов. И уж совсем игнорировалось образование привилегированных и правящих слоев, становившихся подлинными хозяевами нового типа человека. Интеллигенция, которую считали прослойкой (между кем?!), разрасталась с поразительной быстротой. Росло число людей в сфере обслуживания, не говоря уж о чиновничестве. Так что к моменту антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы страна имела структуру населения, качественно отличную от той, с которой начинал жить реальный коммунизм. Это стало одним из условий успеха переворота.

ПРИНЦИПЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Общеизвестные коммунистические принципы распределения (по труду и по потребностям) включались даже в определение коммунизма и его различных стадий. Одно это достаточно красноречиво говорит о ненаучности марксистской концепции коммунизма. Принцип распределения по труду имеет очень узкую сферу применения — лишь тогда, когда возможно сравнение работ различных индивидов. И в этом смысле он не есть нечто специфическое для коммунизма. Но как сравнивать труд начальников разных уровней и подчиненных, а также практически несравнимых видов и условий труда? Для принципа «по потребности» возникает вопрос: любые потребности или только общественно признанные? И кто определяет конкретные потребности различных людей? Если не любые, а лишь общественно признанные, и потребности людей определены законом или коллективом, то этот принцип тоже теряет специфику коммунистического. Фактически в коммунистическом человеке главными принципами распределения материальных благ являются такие: 1) по социальной позиции; 2) способность безнаказанно использовать свою социальную позицию; 3) узаконенные способы оплаты труда, включая узаконенные привилегии; 4) узаконенные пенсии и пособия.

При такой системе распределения возникало материальное неравенство. Но оно не было таким значительным, как в странах западнизма и как это стало в постсоветской России. Главным богатством граждан коммунистической страны было не накопление собственности, а социальное положение, квалификация, личный труд, личные способности. Жизненные линии были для большинства устойчивыми. Работающие в большинстве повышали свой социальный статус. Была уверенность в надежности вознаграждения и в его повышении. Из всех существовавших систем распределения материальных благ коммунистическая представляется мне самой справедливой. Разумеется, ее законы постоянно нарушались. Но с нарушениями велась борьба. Кроме того, коммунизм существовал не в идеальном («чистом») виде, а в конкретных исторических условиях, в которых абстрактные социальные законы проявлялись через массу отклонений, лишь как тенденции.

Несмотря на тяжелейшие исторические условия, жизненный уровень в советском человеке был довольно высоким. Если в критерии оценки включить все аспекты жизни людей, а не только непосредственный денежный доход, то можно без особого труда показать, что жизненный уровень советских граждан в целом не уступал таковому на Западе, а по ряду пунктов даже превосходил его. И это служило заразительным образцом для многих народов плане-

ты. Начиная «холодную войну» против Советского Союза, Запад вначале ставил задачу лишить Советский Союз этой роли соблазнительного образца.

Александр Зиновьев. Западнизм⁵

Запад. Современный Запад не есть всего лишь сумма стран США, Англии, Германии, Франции и других им подобных (западных) стран, западных «национальных государств». Это есть нечто большее. Это есть социальное образование более сложное и более высокого уровня организации. Оно включает в себя в качестве основы структурные элементы, но не сводится к ним. Оно является молодым с исторической точки зрения. Оно начало складываться после Второй мировой войны и еще находится в стадии формирования.

Запад не есть нечто идиллически гармоничное целое. Формирование его происходит в острой борьбе. И внутри его имеют место конфликты и дезинтеграционные тенденции. Но это — обычное дело в любых больших объединениях людей. Вспомните, в какой борьбе формировались «национальные государства» и как протекала их история! Существенно тут то, что интеграционный процесс доминирует и «национальные государства» становятся элементами в более грандиозной социальной структуре.

Запад есть вполне конкретное социобиологическое образование. Японцы, корейцы, китайцы, поляки, чехи, русские и представители других народов могут стать и становятся частичками тела Запада не в качестве граждан своих стран, тяготеющих к западным образцам, но лишь покинув их и внедрившись в страны Запада. Да и то это не так-то просто. Десятки миллионов иностранцев живут в странах Запада, оставаясь тут все равно чужеродным явлением.

Запад есть явление уникальное, т. е. единственное в своем роде и неповторимое в истории человечества. Почему я это утверждаю с такой категоричностью? Во-первых, наша планета не так уж велика, Запад уже существует, он занимает свое место на планете, в обозримом будущем он способен это место удержать за собой и не допустить другой «Запад» рядом с собой. Во-вторых, само стечение обстоятельств, благодаря которым Запад сложился исторически, является уникальным и неповторимым. Конечно, рассуждая абстрактно-математически, можно «доказать» возможность другого точно такого же стечения условий где-то во Вселенной. Но такого рода «доказательства» основываются на целой серии логических ошибок, анализ которых здесь был бы неуместным. К тому же это никак не влияет на интересующие нас здесь события.

Когда народы стран Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то обстоятельство, что это уподобление не может стать превращением их в части Запада или в западные страны по двум основным причинам. Первая причина — навязывание этим народам и странам отдельных свойств Запада (демократия, рынок, приватизация и т. п.) — • не есть превращение их в части Запада, ибо Запад вообще не сводится к этим свойствам. Запад есть огромный и многосторонний социальный феномен, сложившийся по бесчисленным каналам в течение многих столетий. Во всяком случае, у России не больше шансов стать Западом, чем у мухи стать слонем, на том основании, что и у нее есть хобот. Вторая причина — место и роль Запада уже заняты, и самое большее, на что уподобляющиеся Западу народы могут рассчитывать, это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, причем на тех ролях, какие им позволит сам единственный и неповторимый Запад.

⁵ Опубликовано в книге: А. Зиновьев. Логическая социология. М, Социум, 2002, с. 146.

Западоиды. Запад создавался, поддерживался, охранялся и завоевывал себе место на планете не просто человеческими существами, но людьми определенного типа. Буду называть их западоидами. Ни с каким другим человеческим материалом Запад был бы невозможен. Никакой другой человеческий материал не в состоянии воспроизвести Запад и сохранить его на том уровне, какого он достиг, не говоря уж о дальнейшем прогрессе. Западоид не есть некий типичный, средний или часто встречающийся человек. Это — суммарная характеристика человеческого материала Запада как множества и как массы людей. Качества западоида растворены в этой массе, распределены в самых различных пропорциях, комбинациях и величинах между множеством индивидов.

Назову некоторые характерные черты западоидов или, иначе говоря, западоидности. Это суть практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкуренции, изобретательность, способность рисковать, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и к успеху в деле, склонность к публичности и театральности, чувство превосходства над другими народами, склонность управлять другими, более сильная, чем у других народов, способность к самодисциплине и самоорганизации.

Страны Западной Европы оказались в состоянии породить достаточно много людей с качествами, которые я упомянул выше, и именно люди такого типа создали западное общество или по крайней мере послужили активным ядром в его образовании.

Любой народ способен воспользоваться благами западной цивилизации, если их преподнесут ему в качестве дара. Но далеко не любой народ способен сам создавать цивилизацию такого рода или хотя бы стать соучастником ее создания и воспроизводства. Убеждение, будто различные социальные системы суть ступени в развитии одного и того же абстрактного «человечества» и будто любой народ может эти ступени пройти в своей эволюции, ложно фактически и с научной точки зрения.

Западнизм. Принято считать социальный строй западных стран капиталистическим с экономической точки зрения и демократическим с политической точки зрения. Я утверждаю, что слова «капитализм» и «демократия» являются типичными идеологическими выражениями, многосмысленны и не характеризуют современное состояние западного общества достаточно адекватно. Я называю социальный строй западных стран западнизмом, не вкладывая в это слово никакого априорного смысла.

Западнизм содержит в себе элементы капитализма и демократии. Но это есть нечто большее, чем капитализм и демократия. Если в какой-то стране возникли явления капитализма и демократии западного образца, это еще не означает, будто эта страна стала страной западного типа. Для такого превращения требуется еще многое другое.

Западнизм есть не сумма не связанных друг с другом признаков, а единое целое, в котором скоординированы бесчисленные элементы, причем скоординированы не кратковременными и одноактными распоряжениями властей, а естественно-историческим путем, как результат жизненного опыта миллионов людей во множестве поколений. Нельзя какие-то его отдельные черты вырвать из их связи со всеми прочими и перенести в другую социальную среду, не умертвив их или не изуродовав. Нельзя отдельные его черты усвоить в другом типе общества, не усвоив другие, причем на это нужно историческое время. И такое заимствование возможно только в отношении второстепенных черт, а не фундаментальных.

В жизни всякого человеческого общества можно заметить два аспекта — деловой и коммунальный. В первом аспекте люди занимаются каким-то общественно полезным делом, и прежде всего — производством жизненных благ. Во втором аспекте люди совершают поступки и вступают во взаимные отношения в зависимости от самого того факта, что их много и что они вынуждены жить совместно из поколения в поколение.

Роль этих аспектов в различных обществах может быть различной. Бывает, что один из них подчиняет себе другой и даже заглушает его. Я утверждаю, что именно различие этих аспектов, устойчивые взаимоотношения между ними и доминирование того или иного из них над всеми прочими аспектами жизни людей образует самую глубокую основу различия между западным типом общества и коммунистическим. Западное общество в основе своей организуется по законам делового аспекта, который оказывает решающее влияние и на аспект коммунальный. Коммунистическое общество организуется прежде всего по законам коммунального аспекта, которые оказывают определяющее влияние и на деловой аспект. Это различие уходит корнями в деловые клеточки западного общества.

Западнистские клеточки. Западнистские клеточки разделяются на две группы. Одни из них, как и коммунистические, создаются решениями властей (государственные учреждения, полиция, армия, специальные службы, исследовательские институты и т. п.). Другие клеточки создаются по инициативе частных лиц и организаций. Но и они при этом должны получить на это разрешение властей, официально зарегистрировать характер своего дела. Они возникают и существуют в рамках законов. Точно так же законом должны быть определены их юридические субъекты, т. е. лица или организации, ответственные за функционирование клеточек как частичек целого.

Качественное отличие западнистских клеточек от коммунистических заключается в том, что они суть исключительно деловые объединения людей. Они создаются исключительно для какого-то определенного дела и ни для чего другого. Они могут иметь сложную внутреннюю структуру. Но она диктуется исключительно интересами и условиями дела. Все прочее в клеточках не допускается — никакие неделовые группы, никакие общественные организации, никакие посторонние для дела вмешательства. Короче говоря, западнистские клеточки максимально очищены от всего того, что непосредственно не относится к делу.

Западнистские клеточки социально пусты, максимально упрощены в качестве человеческих объединений. Они суть своего рода деловые машины, а не объединения людей для совместной жизни. В них нет никакого коллектива с его структурой, независимой от дела. Сотрудники их суть социально независимые друг от друга детали этой деловой машины. Люди через западнистские клеточки получают только деньги и возможность для деловой карьеры. Обо всем остальном они должны позаботиться сами. Общество не гарантирует им работу, жилье, медицинское обслуживание, пенсию и прочие жизненные блага.

Внутри западнистских клеточек действует жестокая деловая дисциплина. Деятельность клеточек максимально рационализирована, т. е. исключено все излишнее, максимально используются силы и способности сотрудников, интенсивность труда предельная. Исключается всякая недобросовестность в деле, халтура, обман. От сотрудников требуется соответствующая обязанностям квалификация.

Для таких клеточек нужен человеческий материал, какой производится в западных странах, опыт организации трудового процесса по законам дела, какой накапливался столетиями, правила взаимоотношений между людьми в клеточках, между клеточками и между клеточками и властью, которые точно так же вырабатывались веками, а также наличие в обществе средств, как-то компенсирующих социальную опустошенность клеточек, на что тоже ушла длительная история.

Современный капитализм. Капитализм не есть нечто раз и навсегда данное. В его истории различают два периода — периоды «старого» и «нового» капитализма. Я их различие вижу в следующем.

«Старый» капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество некапиталистическое по общему типу. Хотя капиталисты хозяйничали в обществе, последнее еще не было капиталистическим в строгом смысле слова. Степень

вовлеченности населения в денежные отношения по законам капитала еще не была всеобъемлющей. Лишь в XX веке западное общество стало превращаться в тотально капиталистическое. После Второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территориальных единиц и целых стран в социальные объединения, функционирующие по законам огромных денежных систем и огромных капиталов. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это сыграло свою роль, а в организации жизни большинства населения таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала. Новое качество в развитии капитализма возникло по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения множества таких операций и усиления их роли в жизни людей. Этот процесс был связан с усилением роли государственной власти в денежных операциях, с разрастанием денежного законодательства и усилением его роли, с упорядочением и регламентированием отношений между работодателями и наемными лицами, со структурированием предпринимательства, с ограничением конкуренции и свободы ценообразования, короче говоря — с социальной организацией и регулированием всей системы жизни общества по законам функционирования денег в качестве капитала.

Современное западное общество есть общество денежного тоталитаризма. Деньги тут стали универсальным и всеобъемлющим средством измерения, учета и расчета деятельности людей, учреждений и предприятий, средством управления экономикой и другими сферами общественной жизни, средством управления людьми. Нет надобности доказывать то, каких космических величин достигает объем денежных операций в современном многомиллионном западном обществе.

Естественно, сложился и механизм, осуществляющий и охраняющий этот денежный тоталитаризм. Он достиг огромных размеров и стал одной из важнейших опор западного общества. Его образует гигантская финансовая система, которая теперь обусловлена прежде всего необъятным числом денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей и общества в целом. Этот механизм есть механизм особого подразделения делового аспекта общества — денежного дела. Но в силу особой роли этого дела он превратился в механизм функционирования общества как целого.

Денежный механизм включает в себя предприятия, непосредственно имеющие дело с функционированием денег (банки, сберегательные кассы, страховые компании и т. д.), и государственные финансовые учреждения. Государство является не просто условием и охраной денежного механизма, но его важнейшим участником.

Число денежных предприятий огромно. Имеет место сложнейшее разделение их функций (специализация), а также разделение ими территорий действия и сфер общества. Сами они имеют сложную структуру — иерархию подразделений, начинающуюся центральным отделением иходящую до местных отделений, непосредственно имеющих дело с клиентами. В их деятельности заняты миллионы людей. Используется самая современная технология, без которой денежный механизм уже немыслим вообще.

Денежный механизм есть гигантский капитал, овладевший всем обществом. Но он почти полностью укомплектован наемными работниками, каждый из которых по отдельности есть лишь его слуга. Внутри его господствуют отношения начальствования и подчинения, сговоры, согласования, принуждение и прочие явления, не имеющие ничего общего с отношениями чисто экономическими. Он антидемократичен. В каждом его подразделении господствует беспощадная, роботообразная дисциплина. Он деспотичен по отношению к прочему обществу. Никакая диктаторская власть в мире не может сравниться с ним в этом качестве.

Чтобы такой денежный механизм сложился, нужна богатая и всесторонне развитая экономическая система с отработанным механизмом самоорганизации, сильное государство, педан-

тично выполняющие финансовые функции, устойчивая валюта и многое другое, чего нет и не предвидится в России.

Сделав всех людей, получающих или имеющих какие-то деньги, в той или иной мере частичными капиталистами, не говоря уж об акционерах, западное общество стало почти что абсолютно капиталистическим. Капитализм стал тотальным.

Одновременно тот же процесс сделал социологически бессмысленными понятия «капиталист» и «капитализм». С ними уже нельзя описать адекватно специфику и сущность западного общества. Мелкий акционер, предприниматель, имеющий кредит в банке и ведущий дела через банк, пенсионер, рантье, владелец большого капитала, президент банка, менеджер с огромным окладом — все это суть люди различных социальных категорий.

Современный западный капитализм — это не просто экономика по принципу «капиталист — наемный пролетарий», а сложная социальная структура с иерархией позиций, с разделением функций, с многомерными зависимостями. И «клеточку» этой грандиозной структуры образует неизмеримо более сложное целое, чем тот отдельно взятый капитал, описание которого можно видеть в «Капитале» Маркса.

Советские реформаторы, намереваясь превратить советское общество в капиталистическое в считанные дни, совершенно не принимали во внимание этот факт изменения капитализма. Они представляли последний в допотопной форме капитализма XIX века, да еще в допотопной форме марксистского его описания. Если для допотопного капитализма они смогли изготовить довольно большое число уголовников-капиталистов, то для современного капитализма требовались уже не уголовники, а многое такое, чего в России не было и в помине и что не может тут появиться вообще.

Частное предпринимательство. С точки зрения характера юридических субъектов (т. е. тех, кто распоряжается деятельностью предприятий и несет за это ответственность), предприятия экономики западнизма разделяются на две группы. К первой группе относятся предприятия, юридические субъекты которых суть индивидуальные лица. Ко второй группе относятся предприятия, юридическими субъектами которых являются организации из многих лиц. Как в том, так и в другом случае юридические субъекты предприятий не являются капиталистами в смысле XIX и первой половины XX века. В первом случае частные предприниматели организуют дело на основе кредитов, которые они получают от денежного механизма. Доля их собственного капитала в общей сумме капитала ничтожна. Независимый частный собственник, ведущий дело исключительно на свой страх и риск, есть редкое исключение или временное состояние. Мелкие и большая часть средних предпринимателей суть фактически лишь посредники между владельцами капиталов и непосредственными производителями вещей и услуг, а также организаторами процесса труда. История показала, что это — самый эффективный способ принуждения к труду, причем к труду самому производительному. Он сочетает в себе видимую свободу и добровольность со скрытой неизбежностью и принуждением.

Во втором случае функции капиталиста выполняет организация из множества лиц, ни одно из которых не является полным собственником предприятия. Все они суть наемные лица. Если они владеют долей капитала предприятия, они тут функционируют не как владельцы капитала, а как члены управляющей группы.

Таким образом, в экономике западнизма частное предпринимательство не связано неразрывно с отношением частной собственности и с персональными собственниками. Тут капиталист либо рассеялся в массе людей, каждый из которых по отдельности не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Так что для уподобления Западу в этом плане в Советском Союзе не требовалась никакая приватизация. Достаточно было бы просто расширить права директоров предприятий. Само собой разумеется, эта мера сама по себе мало что изменила бы, ибо для превраще-

ния в общество западного типа нужен сложный комплекс условий, которые были и остаются в России невыполнимыми. Тем не менее принудительная приватизация не была необходимой, и проводилась она фактически совсем для иной цели, а именно для создания социальной опоры новой власти в виде класса частных собственников (как надеялись новые правители).

С другой стороны, передача даже всех предприятий страны в частную собственность частным лицам и организациям сама по себе не означала бы создание экономики западнистского типа. Для этого необходим еще целый ряд условий, например, сделать предприятия рентабельными и конкурентоспособными. А для этого нужно перестроить самую глубинную социальную организацию населения страны — деловые клеточки.

Считать основным движущим мотивом предпринимательства на Западе погоню за прибылью и сверхприбылью в наше время ошибочно. Это не значит, что предприниматели уже не стремятся к прибыли и сверхприбыли. Они к этому стремятся. Но движущий мотив в данном случае — не субъективное пожелание, а то, на что вынуждаются предприниматели (работодатели, юридические субъекты предприятий) самими условиями предпринимательства. Главным тут стало не личное обогащение, а интересы выживания предприятий и общества в целом. Обогащение происходит, но такими путями, которые еще только предстоит описать в обобщенной и систематизированной форме. Описанные Марксом пути капиталистического обогащения занимают тут второстепенное место. Эксплуатация рабочей силы как источник современного обогащения (в марксовском смысле) выглядит теперь как нечто невинное и примитивное.

Рынок. Идеей фикс советских реформаторов стала «рыночная экономика» («рынок»). Они вцепились в нее как в панацею от всех бед, не имея при этом ни малейшего понятия о том, что это такое в реальности. Все их представления о «рынке» были почерпнуты из западной идеологии и пропаганды, создававших идеализированный образ рыночной экономики специально для кретинизма из незападных стран.

Установился определенный идеологический штамп в изображении рынка, который с незначительными вариациями кочует из книги в книгу. Согласно этому штампу, предприниматель на свою личную ответственность принимает решение, какие ценности производить, какие услуги предлагать и как именно это делать. Он свободен в своей предпринимательской деятельности. Потребитель свободен относительно своих доходов и выбора ценностей и услуг, предлагаемых предпринимателем. Предприниматель осуществляет свои планы в рамках свободной конкуренции, договоров, инвестиций и цен в соответствии со своими ожиданиями прибыли. Рынок поставляет предпринимателю информацию о спросе и предложении и координирует их. Производители узнают от потребителей, что им производить и за какие цены продавать. Производители не зависят друг от друга. Они стремятся делать вещи и выполнять услуги как можно лучше и продавать как можно дешевле, дабы привлечь потребителей. По выражению А. Смита, рыночные операции протекают так, как будто ими манипулирует «Невидимая рука». Последняя есть сам рыночный механизм, а не государство. Задача государства — обеспечить рынку возможность выполнять его функции, не мешать ему работать, защищать от постороннего вмешательства.

Надо различать идеологический образ рыночной экономики и ее реальность. Идеологический образ создается так. Из сложной среды реальной экономической жизни общества абстрагируются ее отдельные черты. Они идеализируются и объединяются в некоторое целое. Затем дело представляется так, будто эти черты исчерпывают всю экономическую систему или по крайней мере являются главными в ней. Делается это для одурачивания простаков из незападных стран с целью внушить им, будто достаточно ликвидировать их «отсталую» экономическую систему и ввести на ее место «передовую» рыночную экономику в том виде, как ее изображает идеология и пропаганда, как в стране начинается экономическое процветание.

Реальная рыночная экономика западных стран — это сложнейшее переплетение всевозможных средств организации грандиозного процесса и всевозможных способов управления им. Только наивные люди могут верить, будто эта важнейшая сфера жизни западного общества пущена на самотек, предоставлена самой себе и какой-то мифической «Невидимой руке». Я думаю, что если бы можно было измерить всю ту интеллектуальную, волевою, расчетную, планирующую и командную работу, которая делается в сфере рыночной экономики Запада, и сравнить ее с соответствующей работой коммунистической командно-плановой системы, то мы были бы потрясены убожеством второй в сравнении с первой.

Высокая экономическая эффективность западного общества достигается за счет действия множества факторов, среди которых в первую очередь следует назвать трудовую диктатуру, плановость работы предприятий, денежный тоталитаризм, диктатуру банков, государственную политику и контроль, научно-технический прогресс, наднациональную и глобальную экономику, использование рабочей силы и природных ресурсов всей планеты. И лишь где-то совсем не на первом месте следует назвать некий свободный рынок с некой свободной конкуренцией.

Сверхэкономика. Ко всему прочему необходимо принимать во внимание такой важнейший фактор современности, как образование мирового рынка. А это не просто расширение сферы экономической активности и установление определенных отношений между некими равноправными партнерами, а образование наднациональных и глобальных экономических империй, можно сказать — образование сверхэкономики. Эти империи приобрели такую силу, что теперь от них решающим образом зависит судьба экономики национальных государств Запада, не говоря уж о прочем мире. Сверхэкономика властвует над экономикой в ее традиционном смысле — над экономикой первого уровня. Тут все большую роль начинают играть средства внеэкономические, а именно — политическое давление и вооруженные силы стран Запада.

В этих условиях превращение российской экономики в рыночную в желаемом для Запада виде означает превращение ее в придаток сверхэкономики, причем — на роли, какую ей укажут фактические хозяева мирового общества.

Западная демократия. Когда советские реформаторы разрушали советскую систему государственности с намерением на ее место ввести западного образца демократию, они судили о последней не по тому, что она из себя представляет на самом деле, а по тому идеализированному изображению, какое создавала для них западная идеология. Идеологический образ демократии создавался теми же методами, что и образ рыночной экономики. Из реальной системы власти и управления (системы государственности) западного общества абстрагировались такие ее черты, как многопартийность, разделение властей, выборность органов власти и сменяемость их и т. д. Эту сумму признаков, обработав их методами идеологии, назвали демократией и объявили их сущностью всей системы государственности. И способ использования этой идеологической фальсификации реальности тот же — внушить незападным дуракам мысль, будто стоит на месте их плохой государственности ввести эту замечательную «демократию», как в стране начнется райская жизнь.

На самом деле демократия не исчерпывает систему государственности западнизма. Более того, она уже не является тут главным элементом. Она на виду, производит много шума, всячески рекламируется и набивает себе цену. Но она — лишь поверхность реальной власти.

Есть универсальные законы, имеющие силу для любой системы государственности как в коммунистическом, так и в западном обществе. Возьмем, например, масштабы государственности. Эта сфера в западных странах огромна по числу занятых в ней людей, по затратам на нее и по ее роли в обществе. Одно только федеральное правительство США в 1990 году нанимало более трех миллионов человек. В 1987 году в США на всех уровнях государственности число только гражданских наемных лиц достигало 17,3 миллиона человек, т. е. 15,4 процента

всех наемных работников. Причем эта сфера имеет тенденцию к разрастанию. Это обусловлено не только усложнением управляемого общества (стремительным ростом числа «точек» управления), но и независимо от потребностей управления, в силу законов автономного самовозрастания. Происходит также увеличение объема функций государства. Сейчас на Западе нет такой сферы общественной жизни, в которой так или иначе не участвовало бы государство. И невозможно назвать такой дефект коммунистической государственности, каким не обладала бы западная государственность в удвоенной степени. Так что надежды советских людей, будто реформаторы могли избавить их от этой напасти, были априори беспочвенны. Разрушив советский аппарат власти и управления, реформаторы России, убедившись в полной неспособности без него управлять страной, буквально с истеричной и панической поспешностью стремятся изобрести для него хоть какой-то эрзац. Но сделать это не так-то просто. Аппарат власти и управления создается десятилетиями кропотливой работы, а не потоком распоряжений обзвевших дилетантов, волею случая дорвавшихся до высшей власти.

Да и сами признаки демократии при ближайшем рассмотрении выглядят совсем не так, как в идеологическом изображении. Возьмем, для примера, принцип разделения властей. По мнению многих авторитетных западных теоретиков, классическая теория разделения власти фактически не воплотилась в жизнь. В правительствах многих западных стран доминирует одна часть, обычно — законодательная. При этом остается разделение функций между различными учреждениями власти как чисто деловое удобство.

Современные законодательные органы занимаются не столько разработкой общего законодательного кодекса, сколько решениями, направляющими конкретные действия исполнительной власти. Исчезла разница между законодательством и текущими распоряжениями властей. Главной задачей представительной власти стало не законодательство, а управление. Все то, что теперь штампует законодательный орган, стали называть законом. Правительство получило возможность издавать для самого себя удобные ему законы. Правительство вышло из-под контроля закона. Правление стало главной задачей законодательного органа, а законодательство — его побочной функцией.

Сверхгосударство. В сфере западной государственности, как и в сфере экономики, можно различить два уровня — уровень государственности в обычном смысле, на котором фигурирует демократия, и уровень сверхгосударственности. Структура второго плохо изучена, вернее говоря — познание ее есть одно из важнейших табу западного общества. Официально считается, будто ничего подобного тут вообще нет. Однако в средствах массовой информации время от времени проскакивают материалы, которые убедительно говорят о наличии и реальной мощи ее.

Сверхгосударственная система власти и управления западнизма формируется и воспроизводится по многим линиям. Назову основные (на мой взгляд) из них. Система государственности состоит из огромного числа людей, учреждений, организаций. Она сама нуждается в управлении, можно сказать — в своей внутренней власти. Последняя не конституируется формально, т. е. как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из людей самого различного рода — представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти, советников и т. п. К ним примыкает и частично входит в их число околоправительственное множество людей, состоящее из представителей частных интересов, лоббистов, мафиозных групп, личных друзей и т. п. Это — «кухня власти».

Вторую линию образует совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. Каковы масштабы этого аспекта и какими средствами он оперирует, невозможно узнать. Публичная власть не делает важных шагов без его ведома.

Третья линия — образование всякого рода объединений из множества активных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице социальных позиций. По своему положению, по подлежащим их контролю ресурсам, по их статусу, по богатству, по известности, по популярности и т. п. эти личности являются наиболее влиятельными в обществе. В их число входят ведущие бизнесмены, банкиры, крупные землевладельцы, хозяева газет, издатели, профсоюзные лидеры, кинопродюценты, хозяева спортивных команд, знаменитые актеры, священники, адвокаты, университетские профессора, ученые, инженеры, хозяева и менеджеры массмедиа, высокопоставленные чиновники, политики и т. д. Эта среда получила название правящей элиты.

И четвертая, основная, линия образования сверхгосударственности — образование бесчисленных учреждений и организаций блоков и союзов западных стран, а также системы средств образования глобального общества и управления им.

Система сверхгосударственности не содержит в себе ни крупницы демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных сговоров. Коммунистическая государственность уже теперь выглядит в сравнении с ней как дилетантизм. Тут вырабатывается особая «культура управления», которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества. Я это говорю не в порядке разоблачения или упрека, упаси меня Боже от этого! Просто по объективным законам управления огромными человеческими объединениями и даже всем человечеством на что претендует Запад, демократия в том ее виде, как ее изображает западная идеология и пропаганда, абсолютно непригодна. Об этом открыто говорят теперь многие западные теоретики.

Идеология. Западное общество считается неидеологическим. Существование особой западной идеологии отрицается. Но это на самом деле есть одна из идей западной идеологии, которая на самом деле существует, причем более мощная, чем советская.

В отличие от идеологии коммунистических стран, западная идеология не содержит единого для всех и канонизированного учения. Она содержит большое число разнообразных учений, которые невозможно соединить в одно. Они, как правило, исключают друг друга и даже — враждуют. Но это не значит, что тут много идеологий. Они суть явления в рамках одной идеологии, подобно тому, как наличие конкурирующих фирм не есть наличие многих экономик, а многопартийность не есть многогосударственность. Несмотря на разнообразие, несовместимость и вражду, все эти учения делают примерно одно и то же дело.

В отличие от идеологии коммунистических стран, западная идеология не выражена явно именно как идеология, не существует как самостоятельное целое. Она рассеяна, растворена во всем том, что предназначено для менталитета людей, — в литературных произведениях, фильмах, специальных книгах, научно-популярных и научно-фантастических сочинениях, газетных и журнальных статьях, рекламе и т. д. Она слита с внеидеологическими феноменами настолько, что вторые просто невозможно очистить от нее.

В отличие от коммунистических стран, в западных странах не требуется специальное и принудительное изучение идеологии — не требуется слушать специальные лекции и проповеди, посещать собрания и занятия, сдавать экзамены и зачеты и т. п. Люди там даже не замечают, что с рождения и до смерти находятся в поле действия идеологии. Они потребляют идеологию вместе со всем тем, что они потребляют для своего ментального питания. Делают они это без всякого усилия, без принуждения, свободно, без сборищ.

Для коммунистической идеологии важно дословное содержание ее учения, можно сказать — буква учения. Поэтому она непримирима к отклонениям именно от буквы учения. В западной же идеологии имеет место плюрализм учений, терпимость, свобода выбора. Главным в ней является не буква учений, а однообразие самого типа идеологизации менталитета с

любым идейным содержанием. Враждующие учения тут являются однопорядковыми с точки зрения способа мышления людей, способа извращения всего того, чего касаются эти учения. Это не означает, что тут допускаются или признаются вообще любые учения. Тут есть свои рамки, за которые запрещается выходить. Например, запрещена сейчас проповедь национал-социализма, расизма. Не поощряется коммунистическая идеология. Эти рамки имеют внеидеологические основы, обычно — исторически обусловленные. Но суть их та же, что и запреты на ереси в коммунистической идеологии.

В коммунистических странах стремились воспитать идеального (с их точки зрения) человека по заранее выдуманному образцу. Этот человек должен был обладать самыми высокими моральными качествами. Коммунистическая идеология стремилась привить людям систему высших духовных ценностей. При этом идеологическая обработка вступала в конфликт с теми качествами людей, которые вырабатывались у них в опыте реальной жизни. Западная идеология апеллирует к прирожденным качествам людей и стимулирует развитие у них таких качеств, которые возникают в опыте их жизни и соответствуют условиям их бытия. Она прививает людям систему земных, практичных, низменных с моральной точки зрения ценностей.

В коммунистических странах существовал единый, централизованный и для всех очевидный идеологический механизм. На Западе функции такого механизма распределены и рассеяны по самым различным учреждениям, организациям, профессиям, службам и т. п. Он не является полностью хаотичным и неуправляемым. Он объединяется в единое целое и управляется но методами западной социальной системы, подобно тому как экономика регулируется государством и фактически управляется сверхэкономикой и сверхгосударством. Основные элементы идеологического механизма тут суть система подготовки специалистов, так или иначе причастных к идеологии, система специальных учреждений, средства массовой информации, сфера интеллектуально-пропагандистской элиты.

В результате постоянной и всеобъемлющей идеологической обработки менталитета западных людей тут сложился и стал преемственным тип человека, который уже не в состоянии обходиться без той идейной пищи, какая для него изготавливается на западной идеологической кухне, и не способен потреблять пищу иного рода. Такой человек является послушной марионеткой незримой идеологической машины, воображая при этом, будто он свободен от всякой идеологии.

Конкретное содержание западной идеологии в той ее части, которая предназначена для широких слоев населения, видно совершенно отчетливо в незападных странах, ставших объектами идеологической экспансии со стороны Запада. Вы это можете видеть в фильмах, в телевизионных передачах, в литературе, в прессе, в поведении молодежи, в школе, в росте преступности особого рода, в рекламе, одним словом — повсюду вокруг себя в новой России.

Запад и внешний мир. Западные страны сформировались исторически в «национальные государства» как социальные образования более высокого сравнительно с прочим человечеством уровня организации, как своего рода «надстройка» над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества. Я не усматриваю в этом ничего аморального и преступного. Критерии морали и права вообще лишены смысла в применении к историческим процессам.

Стремление западных стран к овладению окружающим миром не есть всего лишь злой умысел каких-то кругов этих стран. Оно обусловлено законами социального бытия. Воздействие его на эволюцию человечества противоречиво. Оно было могучим источником прогресса. И оно же было не менее могучим источником несчастий. Оно было причиной бесчисленных кровопролитных войн, включая две мировые «горячие» войны и одну мировую «холодную». Оно не только не исчезло со временем, но усилилось. Оно лишь приняло новые формы. Более

того, овладение другими странами и народами стало необходимым условием выживания стран и народов Запада. Трагедия большой истории состоит не в том, что какие-то плохие, корыстные и глупые люди толкают человечество в нежелательном направлении, а в том, что человечество вынуждается двигаться в этом направлении вопреки воле и желаниям хороших, бескорыстных и умных людей.

Запад развил в себе благодаря западнизму необычайно интенсивный обмен веществ. Ему нужны природные ресурсы, рынки сбыта, сферы приложения капиталов, дешевая рабочая сила, источники энергии и т. д., причем во все возрастающей степени. А возможности для этого ограничены. И конкуренты появляются, ограничивающие эти возможности еще более и вообще угрожающие существованию и благополучию Запада. Движение Запада к мировому господству, в какие бы идеологические одежды оно ни рядилось, есть жизненная необходимость для западных стран сохранить достигнутое положение и выжить в угрожающе сложных исторических условиях. Всем ходом исторического развития Запад вынуждается на то, чтобы установить мировой порядок, отвечающий его интересам. И он имеет силы для этого. В ходе «холодной войны» Запад выработал политическую стратегию установления нового мирового порядка, адекватную новым условиям в мире. Я называю ее западнизацией (вестернизацией).

Западнизация. Западнизация есть стремление Запада сделать другие страны подобными себе по социальному строю, экономике, политической системе, идеологии, психологии и культуре. Идеологически это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, являющего собою вершину развития цивилизации и средоточие всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, внушает Запад западнизируемым народам, и хотим помочь вам стать тоже свободными, богатыми и счастливыми. Но реальная сущность западнизации не имеет с этим ничего общего.

Цель западнизации — включить другие страны в сферу влияния, власти и эксплуатации Запада. Включить не в роли равно-мощных и равноправных партнеров — это просто невозможно в силу неравенства фактических сил, — а в роли, какую Запад сочтет нужным ему самому. Эта роль может удовлетворить какую-то часть граждан западнизируемых стран, да и то на короткое время. Но в общем и целом эта роль второстепенная и подсобная. Запад обладает достаточной мощью, чтобы не допустить появления независимых от него западнообразных стран, угрожающих его господству в отвоеванной им для себя части планеты, а в перспективе — на всей планете.

Западнизация некоторой данной страны не есть просто влияние Запада на эту страну, не просто заимствование отдельных явлений западного образа жизни, не просто использование произведенных на Западе ценностей, не просто поездки на Запад и т. п., а нечто гораздо более глубокое и важное для этой страны. Это — перестройка самих основ жизни этой страны, ее социальной организации, системы управления, идеологии, менталитета населения. Эти преобразования делаются не как самоцель, а как средство добиться цели, о которой говорилось выше.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизируемой страны и даже желание пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть, да еще при этом испытывала бы благодарность. Для этого и существует мощная система соблазна и идеологической обработки масс. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключаящая и насилия. Добровольность со стороны западнизируемой страны еще не означает, что все население ее единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации. Последняя не всегда удается, как это случилось, например, в Иране и Вьетнаме.

Вся освободительная и цивилизаторская деятельность Запада в прошлом имела одну цель: завоевание планеты для себя, а не для других, приспособление планеты для своих, а не для

чужих интересов. Он преобразовывал свое окружение так, чтобы самим западным странам было удобнее в нем жить. Когда им мешали в этом, они не гнушались никакими средствами. Их исторический путь в мире был путем насилия, обмана и расправ. Теперь изменились условия в мире. Иным стал Запад. Изменилась его стратегия и тактика. Но суть дела осталась та же. Она и не может быть иной, ибо она есть закон природы. Теперь Запад пропагандирует мирное решение проблем, поскольку военное решение опасно для него самого, а мирные методы создают ему репутацию некоего высшего и справедливого судьи. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, пропагандистской и политической мощью, вполне достаточной для того, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Как показывает опыт, мирные средства при этом могут быть дополнены военными. Так что как бы западнизация той или иной страны ни началась, она перерастает в западнизацию принудительную.

Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнить. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для него в кратчайшие сроки, если его страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать его пороками западного общества, изображая пороки как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране лишь в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики и делает ее зависимой от Запада, а Западу создает репутацию бескорыстно-го спасителя западнизируемой страны от зол ее прежнего образа жизни.

Новый колониализм. Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране создается социально-политический строй колониальной демократии (по моей терминологии). По ряду признаков это есть продолжение прежней колониальной стратегии западно-европейских стран, особенно — Великобритании. Но в целом это есть новое явление, характерное для современности. Изобретателем его можно с полным правом считать США.

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции колонизируемой страны в силу внутренних условий и закономерностей ее социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся тенденциям эволюции. Она поддерживается методами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. Для значительной части населения сохраняются какие-то элементы предшествующих форм жизни. Создаются очаги экономики якобы западного образца под контролем западных банков и концернов, а также как явно западные или совместные предприятия. Я выше употребил слово «якобы», так как эти очаги экономики суть лишь имитация современной западной экономики.

Стране навязываются внешние атрибуты западной политической системы — многопартийность, парламент, свободные выборы, президент и т. п. Но они тут являются лишь прикрытием режима совсем не демократического, а скорее диктаторского («авторитарного»). Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части насе-

ния, наживающейся за счет этой ее функции. Эти люди имеют высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым самых богатых слоев Запада.

Колонизируемая страна доводится до такого состояния, что становится не способной на самостоятельное существование. В военном отношении она демилитаризуется настолько, что ни о каком сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы сохраняются лишь для того, чтобы сдерживать протесты населения и попытки оппозиции изменить ситуацию.

До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимают самые примитивные образцы западной культуры, вернее — псевдокультуры Запада. Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распушенности, ослабленного контроля со стороны властей, доступных развлечений, системы ценностей, избавляющей людей от усилий над собой и от моральных ограничений.

Именно такой процесс начался в России в 1985 году, а в августе 1991 года он принял настолько цинично откровенную форму, что теперь может служить классическим образцом западнизации.

Глобальное сверхобщество. Запад интегрируется в новое социальное образование не сам по себе, не в рамках западных «национальных государств», а как явление глобальное, т. е. как метрополия мировой империи, которую в пропаганде называют глобальным обществом. Последнее не есть просто объединение всех народов и стран планеты в единое общество большого размера. Это есть образование глобального общества второго уровня по отношению к привычным странам, своего рода сверхобщества, которое есть распространение западного сверхобщества по всей планете. Это есть, далее, образование мирового порядка в желаемом для этого сверхобщества виде, т. е. вертикальное структурирование народов мира (иерархизация их) и установление для каждого его места и роли в мировом Левиафане.

Предусмотрено и предопределено, естественно, место России в этом глобальном обществе, спланирована судьба ее и судьба русского народа. Советский Союз разгромлен как конкурент Запада на мировое господство и как препятствие на этом пути. А территория и природные ресурсы России жизненно необходимы для выживания Запада в современном виде и современных условиях.

А. А. Гусейнов. Об Александре Зиновьеве и его социологии⁶

Ничто не дается людям так тяжело, как правда о самих себе. В свое время люди были глубоко потрясены и возмущены открытием Коперника. Они не хотели допустить, что *их* Земля — не центр мироздания, а его периферия, всего лишь одна из многих затерявшихся во Вселенной планет. Точно так же они реагировали на учение Дарвина. Утверждение, что человек произошел от обезьяны, они восприняли как недопустимое оскорбление. В этом же ряду находится социология Зиновьева, которая поставила людей перед необходимостью признать еще одну неприятную правду — правду об обществе. В самом общем виде ее можно сформулировать так: все то, что люди громогласно отвергают как мерзость — эгоизм, ложь, бездушие, подсиживание, карьеризм и т. п., на самом деле является нормой их жизни в качестве социальных индивидов, естественным следствием законов социальности. Эту истину, которая полностью переворачивает все привычные представления об обществе и лишает человека последних иллюзий о себе, люди

⁶ Предисловие к книге А. А. Зиновьева «На пути к сверхобществу». М., 2000, заметки в журнале «Новая Россия» № 1 (1996 г.); № 4 (1997 г.).

готовы принять еще меньше, чем истины Коперника и Дарвина. Она особенно раздражает своей очевидностью. И потому отрицается с порога (такая реакция, впрочем, предполагается отвергаемой социологической теорией и тем самым лишь подтверждает ее).

После Коперника у людей оставалось то утешение, что по крайней мере на самой Земле они занимают исключительно привилегированное положение. После Дарвина они могли сказать: зато мы создали надприродное, разумно организованное пространство совместной жизни. Зиновьев со своей социомеханикой лишает человека последних объективных оснований для самомнения и гордости. Отсюда — и отношение к нему. Странников Коперника сжигали. Учение Дарвина запрещали. С Зиновьевым поступают намного хуже — его замалчивают.

* * *

Александр Александрович Зиновьев родился в 1922 году в Костромской области в многодетной крестьянской семье. По окончании школы он в 1939 году поступил в московский ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории — основной гуманитарный вуз университетского типа в те годы), который, по его свидетельству, он вынужден был бросить, так как стало известно о вынашиваемых им заговорщических замыслах, имевших целью убийство Сталина (этот эпизод в литературно прикрытой форме описан в повести «Искушение»). От дальнейших неприятностей его спасла служба в армии, куда он ушел в 1940 году где и прослужил до 1946 года. А. А. Зиновьев прошел всю войну в качестве боевого летчика и закончил ее в 1945 году в Берлине в чине капитана. В 1946—1954 годы он — студент, а затем аспирант философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В 1955 году он становится научным сотрудником Института философии Академии наук СССР, где проработал до 1976 года. Академическая карьера А. А. Зиновьева складывается удачно. Уже его кандидатская диссертация, посвященная логике «Капитала» К. Маркса (1954 г.) получила широкий резонанс. На основании личных воспоминаний могу сказать, что во второй половине 50-х годов для нас, студентов философского факультета МГУ им. Ломоносова, имя А. А. Зиновьева наряду с именами Э. В. Ильенкова и некоторыми другими было символом новых идей, борьбы против догматизма. В 1960 году А. А. Зиновьев защитил докторскую диссертацию, вскоре после этого он получил звание профессора и стал заведовать кафедрой логики в Московском государственном университете им. Ломоносова. В рамках философии А. А. Зиновьев занимался самой трудной и строгой ее частью — логикой. Он применяет средства логики к анализу языка науки, разрабатывает собственную логическую теорию. Результаты его логических исследований опубликованы в следующих книгах: «Философские проблемы многозначной логики» (1960); «Логика высказываний и теория вывода» (1962); «Основы научной теории научных знаний» (1967); «Комплексная логика» (1970); «Логика науки» (1972). Логика — строго профессионализируемая область знания, и о ней могут компетентно судить только узкие специалисты. Поскольку я к таковым не принадлежу, то ограничусь констатацией того, что А. А. Зиновьев в логике и методологии науки достиг успехов, высоко оцененных в профессиональной среде, получивших международное признание. Из шести его монографий тех лет пять тут же (с перерывом в один-два года) были переведены на английский или немецкий, а «Комплексная логика» — сразу на оба языка, и изданы на Западе — явление исключительное как в те годы, так и в наши дни. Я лично знаю многих активно работающих, имеющих имя отечественных и зарубежных профессоров в области логики, которые считают себя и гордятся тем, что являются учениками А. А. Зиновьева.

В 1976 году произошло событие, обозначившее новое направление интеллектуальных усилий А. А. Зиновьева и круто изменившее его жизнь. Он неожиданно для всех выступил с книгой «Зияющие высоты», представлявшей собой выполненное в художественной форме кри-

тическое исследование советского социального строя; все понимали, что за жизнью и нравами вымышленного Ибанска подразумевался совсем не вымышленный советский строй. Она была опубликована «там», на Западе. Этот факт решающим образом предопределил общественное восприятие книги. На нее стали смотреть сквозь призму эпохального противостояния коммунистической и антикоммунистической идеологий. А. А. Зиновьеву отвели роль антикоммуниста, со всеми вытекающими в те годы последствиями: он был исключен (причем единогласно) из партии, выгнан с работы, выслан из страны, лишен гражданства, всех научных степеней, званий, наград, в том числе военных. О характере созданной вокруг него атмосферы может свидетельствовать такой факт: даже простые библиографические ссылки на его логические работы становились источником партийных и служебных наказаний. Его запрещалось даже ругать. Все было организовано так, как будто вообще не существовало такого человека. Можно ли было придумать более наглядное доказательство правдивости «Зияющих высот»? И тем не менее есть ли достаточно оснований автора этой книги считать антикоммунистом, имея в виду, что под коммунизмом понимается реально существовавший в Советском Союзе социальный строй? Я думаю, что это так же неверно, как неверно было бы, например, Гоголя как автора «Мертвых душ» считать русофобом. В данном случае, на мой взгляд, более прав близко знавший в те годы А. А. Зиновьева и изображенную им среду социолог Б. А. Грушин, когда он в одной из злых (по отношению к Зиновьеву) газетных публикаций сказал, что действительными борцами с коммунизмом и советской властью были такие люди, как профессор Ю. А. Замошкин и его друзья, а не Зиновьев, который в их кругу был человеком случайным и чужеродным. Именно об этом, по сути дела, и все «Зияющие высоты», в которых являющаяся предметом сатиры передовая интеллигенция Ибанска духовно вся устремлена на Запад и в своем кругу поднимает тост за то, «чтобы Ибанск последовал этому примеру», в то время как противостоящий им Болтун (одна из многих авторских ипостасей) говорит, что не мыслит себе жизни вне Ибанска. Грех или лавры (кому как нравится) антикоммуниста присуждены А. А. Зиновьеву по ошибке. Справедливость требует признать, что сам он никогда, ни раньше, ни теперь, не соглашался и не соглашается с такой оценкой своей личности и позиции. Но как бы то ни было, репрессиям как антикоммуниста и антисоветчика подвергли именно его, и если это случилось за чужие грехи, то их следует признать вдвойне несправедливыми.

С 1978 года начинается эмигрантская жизнь А. А. Зиновьева, которая продлилась 21 год. Все эти годы он жил в Мюнхене, занимаясь научным и литературным трудом, не имея постоянного места работы и источника доходов. В 1980 году выходит его научный труд «Коммунизм как реальность», излагавший основы разработанной им теории реального коммунизма и охарактеризованный известным социологом и советологом Раимоном Ароном как единственная действительно научная работа о советском обществе. Одновременно с этим появляется огромное количество научных и публицистических статей, докладов, интервью, излагающих, уточняющих и развивающих его теоретические и социальные позиции; они лишь отчасти опубликованы в сборниках «Без иллюзий» (1979); «Мы и Запад» (1981); «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983). Особо следует отметить его научно-литературные произведения, замечательную серию социологических романов и повестей того периода: «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979); «Желтый дом» в 2-х томах (1980); «Гомо советикус» (1982); «Пара беллум» (1982); «Нашей юности полет» (1983); «Иди на Голгофу» (1985); «Живи» (1989). В них он продолжает то, что начал в «Зияющих высотах» — в свойственной ему художественно-сатирической манере исследует советский социальный и человеческий опыт.

А. А. Зиновьев своим творчеством создал новый жанр *социологического романа* (социологической повести), в котором научно-социологические результаты излагаются в художественной форме. Понятия, утверждения, отчасти даже методы социологии используются как средства художественной литературы, а последние в свою очередь применяются как средства

науки. Следует заметить, что глубокие писатели всегда тяготели к серьезной социальной теории, и тогда, когда ее не находили в готовом виде, они пытались сами восполнить этот пробел, чтобы создать полноценные художественные произведения. Типичные примеры этого: философско-историческая концепция Л. Н. Толстого в IV томе «Войны и мира», концепция свободы («Легенда о великом инквизиторе») в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского, эссе о творчестве Н. Г. Чернышевского в «Даре» В. Д. Набокова. Во всех этих случаях теоретические части искусственно вкраплены, по сути дела просто приложены к художественным текстам и могут быть изъяты без особого ущерба для последних. А. А. Зиновьев органически соединяет одно с другим, его социологические романы принадлежат одновременно и к области науки, и к области художественной литературы. В результате этого ему удается, с одной стороны, интегрировать в социологическую теорию человеческий, индивидуально-личностный аспект жизнедеятельности, а с другой, изобразить индивидуальные человеческие типы, отношения между ними с учетом их глубокой социально-закономерной обусловленности. Социологический роман — знаменательное явление культуры, требующее специального изучения.

После 1985 года начинается новый период в творчестве А. А. Зиновьева. На горбачевскую перестройку он откликнулся тем, что расширил исследовательскую тематику, обратившись к изучению современного Запада, и одновременно с этим изменил акценты и тональность в описании и оценке советского коммунизма. Свой уникальный талант социального сатирика он теперь направил в сторону Запада, а при анализе советского опыта в его трудах стало доминировать заинтересованное понимание. Все началось с того, что А. А. Зиновьев с самого начала обозначил свое резко отрицательное отношение к перестройке, которую он тут же окрестил катастрофой. Следует обратить внимание: он сделал это тогда, когда и в Советском Союзе, и на Западе, во всем мире перестройка воспринималась как долгожданная эпоха гуманистического обновления социализма, когда едва ли не все ученые, писатели, философы, деятели культуры, артисты, журналисты, прочие известные люди через бесчисленные средства массовой информации в состоянии всеобщей эйфории приветствовали перестройку, когда миллионы людей в нашей стране и во многих других пришли в состояние радостного возбуждения — ходили на митинги, спорили, строили планы, лихорадочно что-то делали. Чтобы пойти против такого потока, недостаточно одного мужества. Надо еще иметь знание истины. И, как показал опыт, к сожалению, подтвердивший все печальные прогнозы Зиновьева, он имел такое знание. Его позиция, если ее выразить предельно кратко, состояла в следующем. Кризис, в котором оказался к середине 80-х годов Советский Союз, есть специфический кризис коммунистической системы, кризис управления. Он требует своих особых средств разрешения. Экономическая реформа и либерализация для этих целей не подходят, они являются сугубо западными методами и могут привести лишь к краху советского социального строя, а вместе с ним и к краху страны. Чтобы обосновать эту свою позицию, он, с одной стороны, провел исследование эволюции социальной системы современного Запада. Его результаты опубликованы в изданных теперь уже в Москве работах «Запад» (1995) и «Глобальный человек» (1997). Первая из них написана в форме научного эссе, а вторая представляет собой социологический роман и удачно его издателем Л. И. Грековым была названа «Зияющими высотами капитализма». И для существа дела, и для биографии А. А. Зиновьева показательны, что его работы, критически анализирующие и разоблачающие советский коммунизм, впервые появились на Западе, а работы, посвященные исследованию и критике Запада — в России. С другой стороны, А. А. Зиновьев стал показывать скрытые угрозы и неадекватность методов перестройки, выявляя одновременно с этим огромный для истории России, по его мнению, ничем незаменимый потенциал коммунистической системы. Об этом — его многочисленные работы этих лет: «Горбачевизм» (1988), «Катастрофа» (1988), «Смута» (1994), «Русский эксперимент» (1994). А. А. Зиновьев свою позицию также активно заявлял в многочисленных научных и публицис-

тических статьях, интервью, выступлениях на радио и телевидении, которые лишь отчасти собраны в настоящем сборнике.

Перестройка, как бы ее ни ругал А. А. Зиновьев, имела, по крайней мере, одну положительную сторону, которую не может отрицать даже он. Она дала возможность ему вернуться на Родину, в Россию, хотя, правда, уже и в другую Россию, чем та, которую он покинул. Если выдворение А. А. Зиновьева из страны государство взяло целиком на себя, то его возвращение оно интерпретировало как его личное дело, ограничившись официальным актом восстановления в гражданстве (1990). А. А. Зиновьев, как показывает опыт, — человек, который умеет писать книги, но не умеет устраиваться в жизни. И ему понадобилось много лет, чтобы создать практические предпосылки для возвращения. В июне 1999 года А. А. Зиновьев вернулся на постоянное жительство в Россию, в Москву. Начинается новый этап его жизни и творчества.

Такова биография А. А. Зиновьева в ее самом общем внешнем, событийном аспекте (хочу обратить внимание, что речь идет именно об общих контурах его биографии, так как многие факты, аспекты жизни, труды остались за скобкой, неизвестны, плохо изучены, и об общих контурах его деятельности только как ученого и отчасти писателя в своих заметках я не касаюсь его поэзии, драматургии, изобразительного искусства). Что касается ее внутреннего, психологического, личностного аспекта, то он отражен в литературных произведениях автора, в которых под тем или иным именем, часто под многими, он выводит самого себя, а также в очень выразительных художественных автопортретах. Иногда об этом он высказывается в интервью, побуждаемый вопросами собеседника. Отмечу только некоторые его суждения о самом себе.

Самое броское и часто повторяемое из них: я сам есть целое государство. Все видят эпатажную дерзость этого утверждения, но не замечают его полемической заостренности против расхожего суждения, согласно которому нельзя жить в обществе и быть независимым от него. Можно, говорит А. А. Зиновьев. А в своей социологии он даже доказывает, что только обретя такую независимость человек становится Человеком. Речь идет не о независимости пренебрегающего общественными условностями циника, или все себе подчиняющего хозяина жизни, или спрятавшегося в свой уютный изолированный мирок мещанина, или увлеченного собиранием бабочек чудика и т. п. Его независимость есть независимость бунтаря, который не хочет признавать над собой ничьей власти и меньше всего — власть общественного мнения, и независимость идеалиста, который заново, по своим образцам, перепроектировал мир и живет по этим новым канонам, по которым, собственно, никто другой и не может жить, так как это — его мир, его выдумка; поэтому, между прочим, утверждение А. А. Зиновьева можно обернуть и сказать, что в его государстве есть только один гражданин — он сам.

Зиновьев называет себя человеком из Утопии, имея в виду и советскую реальность с ее жестокостями, грязью, вшами, стукачами и т. п., и советскую идеологию с ее высокими гуманистическими ценностями. Он умеет их соединить таким образом, что второе не является лицемерным прикрытием первого. Зиновьев, лучше чем кто-либо другой, понимает, что утопия коммунистической идеологии имела мало общего с реализовавшейся утопией советской действительности. Но если общество нельзя переделать в духе утопии, то это вовсе не означает, что и отдельный индивид не может сделать этого. Для его позиции (в смысле внутренней интенции, настроения), на мой взгляд, показателен следующий стих Клеветника из «Зияющих высот»:

Пускай дневальный снова закричит: «Подъем!»
Пусть старшина, как прежде, закричит: Вставайте. Разгильдяи!
Пусть будет шагом марш. Пусть с места «Бронепоезд» запоем,
Пусть даже будет, чтобы в нас со всех сторон стреляли.
До слез обидно. Но не оттого, что жрали мы говно.

И не из-за того, что матерей своих пришлось забыть давно,
Что бесконечно темными бессонными ночами
Беседы сокровенные за жизнь вели мы со стукачами.
И не из-за того, что первую любовь с блядьми мы делили.
Обидно потому, что все осталось так, как будто мы не жили.
Как будто не клялись мы: погодите, мы придем
И в хвост и в гриву всех Их разобьем.
Мы Им покажем, где зимуют раки.
Мы влепим Им сполна за Их дела и враки.
Ах если бы опять дневальный закричал: «Подъем!»
И старшина спросонья заревел: «Живее, раздолбай!»
Тогда бы мы... Тогда мы снова «Бронепоезд» пропоем.
К Их старым мерзостям еще свои добавим.

Еще Зиновьев называет себя искусственным созданием, результатом эксперимента, который он всю жизнь совершает над самим собой. Такой человек как он, считает Зиновьев, не может сложиться естественным образом. А в одном из романов («Глобальном человекинике») он появляется в образе инопланетянина. В «Зияющих высотах» он, помимо Болтуна, является еще Крикуном, Шизофреником, Неврастеником, Уклонистом, Учителем. Зиновьев — парадоксалист и большой острослов. Все эти самоаттестации можно было бы считать шуткой, если бы мы не узнали вдруг от него (в «Русском эксперименте»), что он вообще не умеет шутить. И я ему склонен верить. Дело в том, что банальность жизни, на которую натываются высокие стремления, что и составляет основу комикса, шутки, он рассматривает как ее самую серьезную и существенную характеристику. Он не умеет шутить в том смысле, что для него нет ничего более серьезного, чем шутка. В его шутках нет ничего шутивого. Например, все мы думали, а многие до настоящего времени думают, что в «Зияющих высотах» он шутил, высмеивал, сатирически изобличал. А сам Зиновьев считает, что это — самое серьезное, более того: научное, хотя и выполненное в художественной форме, исследование советского общества. Здесь, может быть, уместна аналогия с С. Паркинсоном, «Законы Паркинсона» которого почему-то все воспринимают как английский юмор, а не точный и глубокий анализ бюрократического механизма.

Больше и чаще всего, и прямо и косвенно, через литературные образы, А. А. Зиновьев характеризует себя как исследователя. Логик по изначальной профессии, он остается им и по жизни, стараясь руководствоваться аристотелевским принципом «Платон мне — друг, но истина дороже». Если бы Зиновьев не был столь чуток к нарушениям логических правил, я бы сказал, что он верит в истину.

* * *

Книга А. А. Зиновьева «На пути к сверхобществу» в систематической форме излагает оригинальную социологическую теорию автора. Она является итоговой по отношению ко всем его предшествующим исследованиям в этой области. Зиновьевым впервые рассмотрены методологические и логические основы его социологии, окончательно оформляется категориальный аппарат, позволяющий охватить ход истории в целом, обобщенно суммируются, уточняются и развиваются теория реального коммунизма, теория западнизма, современные тенденции развития человечества.

Изложить взгляды Зиновьева популярней и короче, чем это сделал он сам в данной книге, невозможно. Его текст является предельно ясным, точным и очень популярным (кстати заметить, одно из требований отстаиваемого им научного подхода и состоит в том, чтобы «сделать

тексты осмысленными сами по себе, вычитывать в них то и только то, что в них содержится без всяких интерпретаций и примысливаний» — с. 34); он популярен в том же смысле, в каком можно считать популярной, например, таблицу умножения. Одновременно с этим он настолько краток, экономичен и лишен беллетристичности, что в этом отношении, на мой взгляд, достигнут максимум возможного. Поэтому, представляя книгу читателю, я ограничусь некоторыми идеями, с моей точки зрения, наиболее неожиданными и потому особенно важными для осуществления того «поворота мозгов», которого требует и на который нацеливает социология Зиновьева.

Начнем с самого понятия «поворота мозгов». Еще в «Зияющих высотах» высказана мысль, что социальные законы порождают тенденцию к одноплановой ориентации сознания и «возникают своего рода силовые линии, разворачивающие мозги людей в одном и том же направлении» («Зияющие высоты». Кн. I, М., 1990, с. 34). Для научного взгляда на социальную жизнь необходимо вырваться из этого силового поля. Чтобы понять социальные законы, надо взглянуть на них со стороны, не изнутри, а извне, не жить в них и ими, а подойти к ним так, как если бы человек от них не зависел. Нужно освободить свой взгляд от давления авторитетов, общепринятых мнений, модных идей, различных идолов, бесчисленных словесных ухищрений, предназначенных для обмана и самообмана, страха, стыда, советов благоразумия и многого-многого другого, чтобы научиться прямо смотреть на социальную действительность, увидеть ее в неприглядном (неприукрашенном) виде. Прежде всего необходимо вырваться из сетей «интеллигентски-обывательского способа мышления», который стремление к ясности и истине подменяет желанием произвести впечатление, создать видимость знания. Надо встать на позиции того наивного мальчика из сказки Андерсена, который не знал придворного этикета и сказал то, что все скрывали: что король — голый.

Устраиваться в обществе и понимать его — разные, даже противоположные виды деятельности. Если для первого нужно быть внутри, жить соответственным интересом, уметь защитить себя, стремиться к лучшей позиции и т. д., то для второго, напротив, требуется вырваться во вне, занять такую независимую позицию, словно ты не член данного общества, а инопланетянин, с любопытством разглядывающий это странное скопление странных существ. Известно, что человек видит то, что он хочет видеть. Научный подход, напротив, состоит в том, чтобы освободить взгляд от этого привходящего и искажающего «хочет», чтобы «хотеть» то, что видишь. Такую смену диспозиции по отношению к социальной действительности, изменение точки ее обзора Зиновьев называет научным «поворотом мозгов» и в своей логической социологии он формулирует те принципы, которые для этого необходимы.

Один из этих принципов состоит в экспликации понятий — особой, им же самим впервые описанной и сознательно примененной логической процедуре, имеющей целью добиться определенности и однозначности терминологии в социальном познании. Все основные описывающие социальную реальность понятия, такие как «общество», «государство», «экономика», «власть», «культура» и т. д., являются многозначными, расплывчатыми. Существуют десятки и сотни их определений. Уже по одной только этой причине, не говоря о всех других, рассуждения с употреблением этих понятий оказываются приблизительными, а то и вовсе превращаются в сплошной обман. Экспликация состоит не в том, чтобы перечислить все значения и выбрать какое-то одно для словоупотребления (подобрать объект для слова), а в том, чтобы «выделить достаточно определенно интересующие исследователя объекты из некоторых более обширного множества объектов и закрепить это выделение путем введения подходящего термина» (с. 32). При этом существенно важно, что в качестве термина используется старое многомысленное, расплывчатое выражение; тем самым подчеркивается, что речь идет о новом понимании тех же самых объектов, к которым в той или иной степени относятся привычные слова. Ведь объект познания ученого-социолога обладает сознанием, разумом и в этом смысле

сам является познающим, поэтому он не может открыть чего-то, что не было бы вообще известно объектам его интереса — людям, он может лишь по-новому взглянуть на это, «повернуть мозги». «В случае экспликации понятий читателю сообщается новый способ понимания объекта, о котором у читателя уже накоплена какая-то сумма знаний, можно сказать — уже имеется интуитивное представление о предмете» (с. 33). Поэтому основная трудность социального исследования, как пишет далее Зиновьев, состоит в том, чтобы «увидеть значимость общеизвестных и привычных явлений, осмыслить их и обнаружить именно в них закономерности грандиозных исторических процессов и огромных человеческих объединений» (с. 33).

Самым известным и до настоящего времени обескураживающим многих (прежде всего среди марксистов) примером этого логического приема является введение Зиновьевым термина «коммунизм» как экспликата этого слова в обыденной речи, когда он стал называть коммунизмом реальный социальный строй, классической (наиболее развитой) формой которого была советская система. В тридцатые годы И. В. Сталин объявил, что в СССР построен социализм. Тем самым он соединил понятие социализма с реальностью советского общества. На первый взгляд, он сделал то же самое, что и Зиновьев (в данном случае от различия между социализмом и коммунизмом можно отвлекаться, тем более, что сам Зиновьев считает это различие бессмысленным). Но только на первый взгляд. В действительности здесь наблюдается диаметрально противоположный ход мыслей, показывающий различие между идеологией и наукой. Сталин полагал, что коммунизм (на его первой фазе) осуществился в Советском Союзе и тем самым распорядился именовать социальную реальность СССР коммунизмом и смотреть на нее сквозь призму уже существующих представлений о коммунизме. Так возникает идеология о самом счастливом обществе. Зиновьев говорит нечто совершенно иное: то, что осуществилось в Советском Союзе, и есть коммунизм, и другого коммунизма не бывает. Тем самым он ориентирует на то, чтобы строить теорию коммунизма как социальную теорию советского общественного опыта, вместо того, чтобы смотреть на этот опыт сквозь розово-утопические очки выдуманного коммунизма. Другой тоже очень показательный пример экспликации связан с понятием общества. Это слово, которое в разговорном языке имеет много смыслов, он употребляет как термин, обозначающий определенную стадию (этап, форму) социальной жизни людей со своими строгими признаками (наличие государства как формы политической власти, экономики как формы хозяйствования, идеологии как формы коллективного менталитета и т. д.). Такая экспликация очень важна для того, чтобы правильно понять историчность человеческой жизни и строго обозначить ту смену ее качественных состояний, которая происходит на наших глазах.

Центральным в социологических взглядах Зиновьева является, пожалуй, идея законов социальности. Объектом его изучения (социальными объектами) являются люди и их объединения; при этом люди рассматриваются не во всем многообразии их свойств, каковых очень много, а только в тех проявлениях, которые вытекают из факта их принадлежности социальным объединениям. Такое ограничение объекта исследования является, разумеется, идеализацией, ибо в реальности ни таких чистых социальных индивидов, ни их объединений не существует; живые люди характеризуются не только тем, что они являются членами объединений, у них есть масса других, биологических, психологических и иных свойств. Но это — вполне законная и совершенно необходимая идеализация. Социальные индивиды и их объединения в этом отношении не менее реальны, чем точки, линии и фигуры в геометрии.

Жизнь индивидов, поскольку они принадлежат человеческому объединению и действуют в его рамках, как и жизнь самих объединений, представляющих собой множество индивидов, протекают по строгим законам. Прежде всего (это самый важный и необходимый признак) возникает разделение множества людей на «мозг» и «тело», на начальников, управляющих и подчиненных, управляемых. Происходит разделение функций, возникают органы для их выполнения, отношения между ними регулируются законом взаимной адекватности. Имеет мес-

то также дальнейшее, все нарастающее усложнение жизни объединения, охватывающее как вертикаль, так и горизонталь отношений. Объединения людей приобретают особое качество и называются человеёйниками, если они а) живут совместно исторической жизнью (из поколения в поколение); б) действуют как целое; в) имеют внутри себя сложное строение с разделением функций; г) занимают определенную территорию и относительно автономны во внутренней жизни; д) обладают внутренней и внешней идентификацией.

Термин «человеёйник» вызывает ассоциацию с муравейником. Это — больше, чем ассоциация, она сыграла решающую роль в выборе термина, ибо, по мнению автора, стада и стаи животных в эволюционной классификации предшествуют человеёйникам; в «Зияющих высотах», например, фигурируют два трактата — трактат об обществе и трактат о крысах, которые удивительным образом совпадают. В этом смысле теорию Зиновьева можно было бы назвать не только социомеханикой, но еще и социозоологией. Так как людей в человеёйнике много и они вынуждены вступать в отношения друг с другом просто из-за того единственного факта, что их много, то они действуют в силу социальных законов, которые автор называет законами экзистенциального эгоизма. Это — такие законы, которые заставляют социального индивида действовать исходя из его собственной социальной позиции, чтобы сохранить ее, по возможности умножить или занять более высокую позицию. Действовать в своих интересах внутри человеёйника и в интересах своего человеёйника в отношениях с другими человеёйниками — такова основа социальности. Так как люди в социальном поведении действуют сознательно, то законы экзистенциального эгоизма выступают в виде законов рационального расчета. Речь идет, если говорить кратко, об осознанном эгоистическом интересе.

В качестве иллюстрации социальных законов Зиновьев часто ссылается на такой пример: если человеку предложить на выбор две работы, из которых одна оплачивается выше, чем другая, то при всех прочих равных условиях он непременно выберет ту, за которую платят больше. Это правило есть следствие законов социальности и действует с такой же неотвратимостью, с какой, например, выпавший из руки предмет падает на землю. В реальности, конечно, не бывает лабораторных условий, предполагаемых этим правилом; помимо величины платы есть масса других факторов, которые учитываются индивидами при выборе работы и очень часто они выбирают менее оплачиваемую работу. Но это не отменяет само правило в его непререкаемости. Правило не говорит о том, что человек всегда выбирает работу с более высокой платой. Оно говорит о том, что такой выбор неотвратимо совершается только при определенных условиях, а именно при равенстве всех других факторов, влияющих на выбор, или отсутствия таких факторов. Это правило можно было бы разбить на следующие два: если индивид предпочитает менее оплачиваемую работу более оплачиваемой, то это он делает не потому, что она является менее оплачиваемой; если индивид предпочитает более оплачиваемую работу менее оплачиваемой, то это он может делать только по той причине, что она является более оплачиваемой. В данном случае механизм действия социального закона является таким же, как и механизм действия любого естественно-научного закона; например, тело сохраняет равномерное прямолинейное движение, если на него не действует никакое сопротивление; однако известно, что сопротивление есть всегда и в этом смысле никакое эмпирическое тело равномерно не движется.

Законы социальности не следует путать с нормами морали, права и другими сознательно задаваемыми регулятивами поведения. Последние выработаны людьми как средства защиты от законов социальности, от самих себя. Разумеется, эффективность этой защиты является относительной, ибо мораль и связанная с ней совокупность разнообразных правил может лишь в какой-то мере смягчить, нейтрализовать следствия законов социальности, но не отменить их действие. Более того, они сами могут стать моментом действия социальных законов. Такова в общих чертах концепция социальности Зиновьева. Его предшественниками в этом вопросе

(предшественниками не в смысле прямой преемственности, а в смысле идейных ассоциаций), на мой взгляд, можно было бы считать Макиавелли с его трезвым анализом искусства государственного правления, Гоббса с гипотезой о естественном состоянии войны всех против всех как исходном пункте и постоянной основе государственно организованного социума, Мандевилля с его «Басней о пчелах» и выраженной в ней мыслью о том, что общее благо складывается из частных зол.

В человеичике Зиновьев различает три аспекта: деловой, коммунальный и менталитетный. Это различие (наряду с различием между «мозгом» и «телом» человеичника) является своего рода несущей конструкцией его теории. Первый аспект охватывает действия людей и формы их организации, направленные на обеспечение средств существования, создание материальной культуры. «Во втором аспекте люди совершают поступки в зависимости от того, что их много, что их интересы не совпадают, и они вынуждены с этим считаться» (с. 127). Третий аспект охватывает то, что касается сознания (психики, менталитета) человека. Это — аспекты человеичника, но не его части; они всегда существуют в единстве, хотя характер единства может быть различным и колебаться от слияния до достаточно четко дифференцированного, почти автономного функционирования. Зиновьев высказывается против того, чтобы в рамках социологической теории выдвигать какой-то фактор в качестве определяющего, критикуя, в частности, марксизм за преувеличение роли производства материальных благ. Это же, видимо, касается и различных аспектов жизни человеичника. И тем не менее складывается впечатление, что в авторской концепции удельный вес коммунального аспекта значительно выше удельного веса двух других аспектов. Так, законы социальности реально функционируют как правила коммунального поведения. И оба других аспекта становятся объектом социологии в той мере, в какой они вовлекаются в сферу коммунальности.

Человеичник в процессе эволюции, считает А. А. Зиновьев, проходит три стадии: предобщество, общество, сверхобщество. Если апеллировать к привычным ассоциациям, то предобщество соответствует тому, что в марксистской теоретической схеме именовалось первобытно-общинным строем; общество — государственно-цивилизационным формам жизни (рабовладельческой, феодальной и капиталистической формациям), сверхобщество — коммунизму.

Состояние человеичника в XX веке характеризуется тем, что осуществляется переход от общества к сверхобществу. Этот переход протекал в двух эволюционных линиях и в ожесточенной борьбе обществ, представлявших эти линии. Обе эти линии сложились в рамках западно-европейской цивилизации, которая уникальна (и в этом смысле отлична от других цивилизаций) в том отношении, что она способна к смене собственных качественных состояний; «она убивает сама себя и делает это на пути баснословного прогресса» (с. 278). Одна линия была представлена человеичниками коммунистического типа и наиболее цельно воплотилась в Советском Союзе, ее особенность состояла в том, что она опиралась по преимуществу на коммунальный аспект жизнедеятельности. Вторая линия, именуемая в книге западнискской, воплотилась в наиболее «чистом» виде в США, странах Западной Европы, в ней преимущественное развитие получил деловой аспект жизнедеятельности человеичника. «Западный и коммунистический миры стали «точками роста» в эволюции человечества. Между ними шла непримиримая борьба за роль лидера мирового эволюционного процесса и за мировую гегемонию. Эта борьба образовала основное содержание социальной жизни человечества в XX веке, особенно во второй его половине» (с. 279). В этой борьбе победил Запад, блестяще выиграв холодную войну против советского блока. Вопрос о том, является ли эта победа окончательной, автор в целом пока еще оставляет открытым, хотя и признает, что Россия из игры выбыла и деградировала до уровня колониальной демократии. Неизвестно, становится ли благодаря этому переход к сверхобществу более ускоренным, но зато совершенно ясно, что он оказывается более плоским, рискованным и трагичным.

Сверхобщество — не будущее, а в значительной мере уже настоящее. Оно, складывается после Второй мировой войны и уже не просто сосуществует с обществами, а начинает играть доминирующую роль. Что такое сверхобщество? Оно как и все другие понятия социологии Зиновьева, является очень строгим, содержит много признаков, охватывающих все аспекты, уровни, формы жизнедеятельности человека. Об этом — вся книга. Чтобы дать хотя бы приблизительное представление читателю, я ограничусь несколькими признаками, дающими представление о мироустройстве на стадии сверхобщества.

Развитие истории переходит из естественно-исторической фазы в плано-управляемую. Сама эволюция становится сознательным актом, ее можно планировать наподобие того, как планируется какое-то сложное, масштабное дело. Но это вовсе не означает, что ход развития становится произвольным и его можно повернуть в любую сторону по желанию людей, представляющих «мозг» сверхобщества. Наоборот, мера объективности и предопределенности эволюционного процесса, его жесткости увеличивается подобно тому, например, как человек с компасом меньше будет отклоняться от направления, ведущего к цели.

На стадии сверхобщества складывается единый, глобальный человек, в отличие от предыдущих стадий, которые представляли собой множество человеческих объединений, миры людей, и прежде всего в отличие от стадии общества, представленного сотнями обществ, стянутых в ряд цивилизаций. По мнению Зиновьева, в настоящее время исчезли условия для возникновения новых цивилизаций, а те, что сохранились, в том числе западноевропейская, обречены на исчезновение. Они не соответствуют современным условиям жизни в масштабе человечества. «В наше время во всех аспектах человеческой жизни уже не осталось никаких возможностей для автономной эволюции человеческих объединений в течение длительного времени» (с. 277).

Сверхобщество, с точки зрения Зиновьева, устанавливается как господство Запада. Этот процесс протекает на основе и в соответствии с законами социальности, в силу которых другие (незападные) народы и страны будут занимать подчиненное и периферийное положение.

Данное выше изложение социологии Зиновьева является общим и выборочным. Это — вводные замечания, чтобы заинтересовать читателя. Сама же эта социология требует внимательного, неспешного, вдумчивого чтения и изучения. Ведь помимо того, что Зиновьев по своему интерпретирует едва ли не все используемые им общеупотребительные понятия государства, идеологии, власти, общества, экономики, морали, цивилизации и т. д., он еще вводит много новых понятий и терминов типа социальной комбинаторики, исторической паники, федов, одноклеточных — многоклеточных социальных объединений и т. п. Подводя итог — следует заметить, что как бы ни оценивать научное содержание книги «На пути к сверхобществу», совершенно несомненно одно: социология Зиновьева в современной отечественной и мировой науке является уникальной в том отношении, что она предлагает целостную теоретическую концепцию общества и его развития. Зиновьев развивает свою оригинальную концептуальную схему типа тех, которые предлагали Маркс, Конт, Дюркгейм, Вебер, Тойнби, Соркин, и тем самым стимулирует совсем затухающие исследования и дискуссии по теории общества. Он идет, однако, дальше и предлагает теорию, которая соединяет точность социологического (в узком, эмпирическом смысле слова) знания и широту философско-исторических обобщений, заявляя тем самым претензию на науку об обществе.

* * *

Зиновьев пишет: «Всеобщая враждебность к научной истине в отношении социальных явлений есть один из самых поразительных (для меня) феноменов нашего времени, сопоставимый с аналогичной враждебностью к науке вообще в эпоху средневековья» (с. 292). Эта

враждебность в рамках логики автора вполне закономерна и, честно признаться, не должна была бы его удивлять; она является простым следствием законов социальности, по которым живут люди (или «человьи», как он их иногда остроумно называет). Возникает вопрос: оправдана ли претензия автора на научный подход, если, разумеется, отбросить предположение, что он является инопланетянином. Ведь он сам есть социальный индивид и как таковой ограничен в понимании мира как своим личным интересом, так и интересом своего человекика. Не сталкиваемся ли мы здесь с парадоксом лжеца, которому нельзя верить даже тогда, когда он утверждает, что он лжет? Один из персонажей «Зияющих высот» говорит Болтуну: «не выпендривайся, ты такое же дерьмо, как мы». Вопрос: «Почему это не так?»

А. А. Зиновьев понимает обозначенную трудность и в его работах мы находим ответ, который, по крайней мере, в формально-логическом плане позволяет ее обойти. Но, я думаю, этот ответ имеет и фактическую убедительность. Он сводится к двум пунктам. Во-первых, в совокупности многообразных социальных позиций (ролей), задающих траектории поведения индивидов в человекике, есть такая позиция, которая предопределяет сторонне-объективный взгляд на социальную реальность. Это — позиция аутсайдера, человека, который отказался (не может, не хочет) принимать участие в «крысиных» гонках. В «Зияющих высотах» уже знакомый нам Болтун рассказывает о себе такую историю. В армейской столовой «интеллигентный по виду парень» взялся делить на восемь человек одну буханку хлеба. Он отрезал один большой кусок, второй чуть поменьше, остальные как попало. Затем он воткнул нож в самый большой кусок со словами: «хватай», «...для меня, • — продолжал Болтун, — наступил момент, один из самых важных в моей жизни. Или я подчиняюсь общим законам социального бытия и постараюсь схватить кусок по возможности побольше, или я иду против этих законов, то есть не участвую в борьбе. ...я взял тот кусок, который остался лежать на столе. Самый маленький. Эта доля секунды решила всю мою последующую жизнь. Я заставил себя уклониться от борьбы» («Зияющие высоты», М., 1990. Т. 1, с. 250).

Во-вторых, деловой, а отчасти коммунальный и менталитетный аспекты деятельности социальных индивидов предполагают такие моменты, которые требуют объективных знаний, в результате чего производство научных знаний становится особой, необходимой для самосохранения общества социальной функцией. Разумеется, в ходе выполнения этой функции индивиды действуют вполне по законам расчетливого, осознанного эгоизма (кстати заметить, анализ нравов в научной среде стал одним из живых источников пессимистических социальных и антропологических обобщений Зиновьева) и поэтому здесь наряду со знаниями производится огромная масса предрассудков. Но тем не менее знания тоже производятся.

Оба обозначенных мной момента связаны между собой. Законы социальности предполагают в небольшом количестве индивидов, выключенных из борьбы, для которых сама эта выключенность оказывается своего рода социальной позицией. Это необходимо для эффективности социального организма. Типичный пример: безработица как условие эффективного хозяйствования в рамках рыночной экономики. Конкретные причины выпадения могут быть разными, одна из типичных и в рамках нашего рассуждения самых важных состоит в том, что механизм социальности вытесняет часто наиболее продвинутых, выделяющихся в сторону превышения нормы (так, например, в иных странах и в иные периоды безработных инженеров и профессоров может быть больше, чем безработных слесарей или посудомоек). Остракизм как изгнание наилучших не является специфическим фактом античной демократии, он ограничен всякой человеческой коммунальностью, только проявляется в разных формах и масштабах; в последующей истории он осуществляется чаще всего в прикрытом виде. Занятия самих выпавших (изгнанных), как правило, определяются родом деятельности в той сфере, из которой их выдавили. К производству знаний более всего приспособлены те индивиды, которые выбиты из социальной борьбы, уклонились от нее в рамках науки: они занимаются наукой,

потому что это их дело и чаще всего ни на что другое они не способны, и занимаются ею успешно, так как у них нет привходящих (социальных) интересов, искажающих истину. Для них умение понимать реальность лучше, чем другие, становится источником человеческой гордости и своего рода социальной позицией. В этом смысле вполне понятно, почему Зиновьев настойчиво подчеркивает что он — исследователь и так отчаянно борется за собственный «государственный суверенитет», дающий ему возможность говорить правду, как он ее понимает.

* * *

«Дело не в том, чтобы открыть правду о себе. На это много ума не нужно. Дело в том, как после этого жить», — читаем мы в «Зияющих высотах» (Т. 1, с. 296). Одна из парадоксальных особенностей социологии Зиновьева состоит в том, что она отвлекается от внутренней жизни человека, обходится без понятия личности, а в сознательном характере деятельности видит лишь фактор, усиливающий социальную детерминированность поведения. Тут-то и возникает вопрос: как же жить после этого? Куда девать идеалы? Ответ на него, который объективно вытекает из всей логической социологии Зиновьева и который он сам формулирует, состоит в следующем. Жизнь в идеале вовсе не лишена смысла. Она и есть истинно человеческая жизнь. Но возможна она за пределами социальности. Внутри человекника, но не по его правилам. Она возможна как исключение, редкий случай и всегда как индивидуальный героизм. Где-то у Зиновьева есть фраза: когда хотят плюнуть на законы тяготения, тогда строят самолеты. Эту формулу можно считать типовой для его нравственной позиции.

Вот цельное рассуждение А. А. Зиновьева на эту тему: «У меня нет никакой позитивной программы социальных преобразований. Но не потому, что я не способен что-то выдумать на этот счет, а в принципе. Любые положительные программы социальных преобразований имеют целью и отчасти даже результатом построение некоего земного рая. Но опыт построения земных раев всякого рода показывает, что они не устраняют жизненных проблем, драм и трагедий.

Наблюдая жизнь и изучая историю, я убедился в том, что самые устойчивые и скверные недостатки общества порождаются его самыми лучшими достоинствами, что самые большие жестокости делаются во имя самых туманных идеалов. Нельзя устранить недостатки того или иного общественного строя, не устранив его достоинства...

А раз так, то главным в моей жизни должна быть не борьба за преобразование общества в духе каких-то идеалов, а создание идеального общества в себе самом, самосовершенствование в духе моего идеала человека. По этому пути я фактически и шел до сих пор.» («Русский эксперимент», М., 1995, с. 122).

* * *

«Запад — Феномен западнизма» (Москва, Центрполиграф, 1995) — первая книга выдающегося социального мыслителя современности Александра Александровича Зиновьева, посвященная анализу общественного строя западных стран. До сих пор А. А. Зиновьев как социолог и писатель интересовался только Россией, советским обществом и коммунизмом, об этом — десятки его книг, в том числе и самая последняя «Русский эксперимент» (1995). И вдруг 72-летний ученый заинтересовался Западом. Почему? Тому есть очень существенная причина. Развал коммунистического блока и Советского Союза мгновенно превратил в рухлядь многие «научные» истины. И среди них — представления о роли внутренних и внешних факторов в развитии конкретных обществ и стран. В самом деле, осмысливая причины слу-

пившегося, одни говорят, что социализм рухнул сам по себе, в силу своей внутренней нежизнеспособности; другие, напротив, виной всему считают деятельность мировой закулисы. И те, и другие глубоко убеждены в своей правоте и имеют на то весомые аргументы. Но сам этот спор свидетельствует о том, что изменилась общая ситуация в мире. Сегодня внешние и внутренние факторы развития не отделены друг от друга столь определенно и отчетливо, как это было еще в начале или даже середине нашего века. Идет глобализация социальных процессов в масштабе всего человечества. Александр Зиновьев фиксирует этот процесс с одним существенным и исключительно важным дополнением: в его установлении господствующее положение занимает западный мир. Дело зашло настолько далеко, что теперь уже судьба отдельных стран, в особенности таких крупных, как Россия, вписана в контекст гегемонистских притязаний Запада на всю планету. И глобализация сводится не к горизонтальным контактам («диалог культур»), а к единой иерархии, где есть единый центр и обслуживающая его многоярусная периферия. Об этом пишет в своей книге профессор Зиновьев и пишет, как всегда, аналитично, доказательно, системно. Более того, он предлагает цельную теорию, объясняющую характер современных социальных процессов в западных странах.

То, что А. А. Зиновьев пишет о Западе, совершенно не похоже на расхожие представления о нем, бытующие в наших головах, независимо от того, являются ли эти головы «демократическими», «националистическими» или «коммунистическими». И не похоже на то, что пишут о Западе сами западные философы и политологи и другие специалисты (их автор считает, в целом, идеологами и пропагандистами, полагая, что они немногим лучше бывших советских или нынешних демократических идеологов в нашей стране).

Исследовать какой-либо объект — значит, проникнуть в его скрытую суть, за оболочку, то есть разоблачить его, разрушить поверхностные представления о нем. Применительно к обществу исследование всегда и неизбежно оборачивается критикой, преодолением предрассудков, ложных, чаще всего приукрашенных, представлений, которые люди, группы людей и общество в целом создают о самих себе. «Умение жить в обществе и умение понимать его не только не совпадают, но являются в какой-то мере взаимоисключающими» (стр. 8). Настоящий исследователь поэтому, как правило, бывает неугоден властям, третируем общественным мнением. Его вытесняют на задворки общественной жизни или даже вовсе изгоняют из своей страны. Так в XVI веке вынудили покинуть родину Джордано Бруно, в XVII — Томаса Гоббса, в XVIII — Жан — Жака Руссо, в XIX — Карла Маркса, в XX — Александра Зиновьева.

На Западе, а теперь и у нас, вошло в моду называть «аналитическими» или «исследовательскими» центрами учреждения, которые интеллектуально обслуживают власти. Называть так эти духовные притоны — значит совершать самое кощунственное насилие над понятиями. Когда группа профессоров обсуждает вопрос о том, как поднять рейтинг президента или удержать инфляцию, то в такого рода деятельности не больше исследования и аналитики, чем в размышлениях грабителей, думающих о том, как бесшумно очистить банк. А. А. Зиновьев исследовал советское общество и был самым глубоким его критиком. Он не был его противником, что полностью подтвердилось его отношением к перестроечным и постперестроечным делам.

Он исследует западное общество, исследует глубоко, всесторонне и именно поэтому беспощадно критикует и разоблачает его. Он — не противник западного общества. Когда говорят, что вот, мол, Зиновьев является неблагодарным, что он прожил на Западе 18 лет, пользуется благами этого общества и в то же время ругает, то в этих упреках слышится мещанское непонимание и неприятие зиновьевской позиции. В своем диагнозе западного общества А. А. Зиновьев так же мало виноват, как и врач, который находит у больного разросшуюся раковую опухоль.

«Целились в коммунизм, попали в Россию», — сказал А.А. Зиновьев несколько лет тому назад в одном из телевизионных интервью. Это фраза стала крылатой. Ее быстро «оседлали» политики и публицисты из так называемой непримиримой оппозиции, а некоторые модники слова стали практиковать буквально. Сам Зиновьев не несет ответственности за недобросовестную эксплуатацию хлесткой фразы. В отрывке «Холодная война» он показывает, что на самом деле-то и целились в Россию, коммунизм был предлогом и прикрытием. Коммунизм стал мишенью, видимой целью хорошо продуманной, глубоко эшелонированной атаки лишь постольку, поскольку он отождествлялся с Россией, был формой ее социального бытия. А сам по себе — как учение и общественный идеал, как историческая тенденция — коммунизм мало беспокоил Запад. Более того, в каких-то целях и дозах он ему даже нужен. Достаточно посмотреть, как быстро угас ажиотажный интерес и изменилась тональность западной науки и публицистики по отношению к марксизму после краха коммунизма в России в странах Восточной Европы! Или еще: в государственных, академических и иных кругах США было очень много штатных критиков коммунизма и советологов, которые консультировали борьбу против СССР. Разве они остались без работы? Разве им пришлось переучиваться? Еще одно замечание. Оно касается существенного для концепции А. А. Зиновьева термина «западнизм». Этот термин обозначает современный социальный строй стран Запада, который начал складываться после Второй мировой войны. Он происходит от слова «Запад», а не «западня». Хотя усиленная и, скорее всего, уже бесповоротная западнизация планеты для многих народов, в том числе и русского, вполне может обернуться настоящей западней. И это искренне беспокоит Александра Зиновьева. Именно она, эта мысль, стучит в его сердце. Ведь «Запад» — не просто труд выдающегося ученого. Это еще и взгляд русского человека на современный мир.

* * *

Часто мы меньше всего знаем людей известных, потому что читать и прочесть — не всегда одно и то же. Например, многие читали в начале прошлого века философский труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», впервые опубликованный в 1818 году. Однако прочитали его впервые и поняли, что Шопенгауэр есть Шопенгауэр, только через полвека. Нечто подобное происходит и с Зиновьевым: мы смотрим на него и не видим, читаем и не прочитываем. Укажу всего лишь два факта.

Со школьных лет нам твердили, что эпоха универсальных гениев-энциклопедистов прошла, настало время узких специалистов — не вообще ученых, а гуманитариев или естественников, не вообще естественников, а физиков или химиков, не вообще химиков, а химиков-органиков или неоргаников и т. д. Но вот является талант, который ярко заявляет себя в литературе, социологии, логике, изобразительном искусстве... И никто не замечает этого чуда. И все остаются при мнении, что Леонардо да Винчи и Ломоносовы остались там, в прошлом.

На наших глазах одна за другой выходят книги: «Смута» — 1994 год, «Русский эксперимент» — 1995 год, «Запад» — 1995 год, «Глобальный человек» — 1997 год. Называю только те из книг, которые написаны А. А. Зиновьевым в возрасте после 70 лет. К тому же надо учесть, что до этого он не сидел сиднем и не спал беспробудным сном, а находился в непрерывном и необычайно продуктивном творческом процессе более сорока лет, если вести отчет с кандидатской диссертации, явившейся событием в философской жизни страны. И никто этой творческой неиссякаемости, нравственной самоотверженности, этой фантастической работоспособности, наконец, не замечает, как будто речь идет о заурядном явлении, как будто наше информационное пространство не заполнено- примерами, когда вместо новых произведений

мы слышим глубокомысленные рассуждения «мэтров» о работе над ними, как будто не надо-ели глубокомудрые академики, про которых никто толком не знает, что они сделали.

Определенно: Россия еще не прочитала А. А. Зиновьева, не увидела масштаб этого чело-века. Масштаб этот, пожалуй, чувствуется только в том, как дружно, со злой молчаливостью и глухим упорством наш духовный истеблишмент отторгает Зиновьева. Здесь напрашивается аналогия с гадким утенком из известной сказки. Поистине, А. А. Зиновьев — гадкий утенок нашей культуры.

Представлять книгу «Глобальный человек», как и ее автора, также и легко и трудно. Легко, потому что она похожа на другие работы автора, в частности, как точно отмечено в предисловии редактора, на «Зияющие высоты» — с тем отличием, что «Зияющие высоты» — о советском коммунизме, а «Глобальный человек» — о Западе. Трудно, потому что другие его работы сами являются неразгаданной головоломкой.

Когда характеризуюешь какое-либо произведение, то первое и элементарное требование состоит в том, чтобы указать на его родовой признак, отнести к какому-либо жанру. Применительно к «Глобальному человеку» это сделать крайне трудно. С жанрами в русской литературе всегда были сложности. Л. Н. Толстой, говоря о «Войне и мире», предостерегал от того, чтобы сие творение называть романом. Он полагал, что ни одно значительное произведение русской литературы XIX века не выдерживает жанровой специфики. В самом деле, ведь не из-за желанья оригинальничать назвали Пушкин «Евгения Онегина» романом, а Гоголь «Мертвые души» — поэмой! В особенности жанровое «хулиганство» сказалось в русской поэзии, едва ли не все блестящие успехи которой достигнуты при полном игнорировании традиционных канонов. Но все-таки жанровая неопределенность не выходила за рамки художественной литературы. Зиновьев пошел дальше и придумал этой путанице качественно новый вид, в результате чего уже мы не можем сказать, относятся ли его произведения к литературе художественной или научной. Он создал новый жанр социологического романа. Этот жанр можно было бы назвать также художественной социологией. В «Глобальном человеке» грань между научно-социологическим трактатом и литературно-художественным произведением крайне условна, одно легко и незаметно переходит в другое, в результате чего мы имеем и полновесный, стопроцентный роман, и полновесное, стопроцентное научное исследование. Как такое получается — непонятно.

Это и есть Зиновьев. Он — весь на ладони и одновременно непонятен. И особенно тогда непонятен, когда тебе кажется, что ты его уже понял.

Не меньше трудностей доставляет и содержательная характеристика, оценка «Глобально-го человека». Насколько неопределенными были в прошлом жанровые границы лучших образцов русской литературы, настолько же четкими были в них разграничительные линии между добром и злом. Даже у парадоксалиста Достоевского Алеша Карамазов есть Алеша Карамазов, а Смердяков есть Смердяков. И как говорится, вместе им никогда не сойтись. В произведениях Зиновьева грань, отделяющая добро от зла, является тонкой, если не отсутствует вовсе. У него одно неотличимо сливается с другим. Сказать про его героев, кто добрый, а кто злой, кто положительный, а кто отрицательный, где Пьер Безухов, а где Анатолий Курагин, — невозможно. Он видит жизнь и людей таким образом, что лучшее у него вдруг оказывается худшим, а худшее — лучшим. В этом смысле Александр Александрович Зиновьев несомненно открывает новую эпоху в русской литературе. Надо заметить, что он — не единственный. Одновременно с ним постморалистический прорыв сделал другой замечательный писатель Венедикт Ерофеев своим произведением «Москва — Петушки».

Читая Зиновьева, нельзя понять, где он беспощадно издевается, а где строго анализирует. Его произведения — это и сатира и исследование одновременно. К примеру, он говорит: «Человек есть на все способная тварь». Наше ухо сразу фиксирует: это — уничтожительная характеристика человека. Тварь уважать нельзя, в особенности если от нее можно ждать все, что угодно. А теперь давайте еще раз вчитаемся и вдумаемся в эту фразу и отвлечемся от нашего восприятия. Вспомним, что «тварь» — лишь старинное слово, обозначающее творение, вникнем, что «быть способным на все» — значит, обладать ничем не скованной способностью к творчеству. Давайте вникнем в прямой смысл предложения: «Человек есть на все способная тварь». Согласитесь: здесь все точно. Поразительная оборачиваемость аналитики и сатиры, суждения и осуждения в «Глобальном человејнике» обнаруживается, пожалуй, более органично, чем в других произведениях Зиновьева. Само название «Глобальный человејник» сразу вызывает ассоциацию с муравейником. Ассоциация усиливается, когда автор именує субъектов общества на стадии глобального человејника человејями. Казалось бы — чистая сатира, форменное издевательство. Но не тут-то было. При более вдумчивом чтении обнаруживается, что это название инспирировано также научным пониманием общества, которое представляет собой органическое целое и не только не является суммой или совокупностью индивидов, но в своем истинном содержании сверхиндивидуального образования может быть правильно понято только в том случае, если вообще отвлечься от деятельности индивидов как свободных и разумных существ, т. е. если смотреть на них, как на муравьев, а на их массу, как на муравейник. Зиновьев смотрит на людей и гневным взором моралиста, и беспристрастным взглядом зоолога.

Одна из страшных особенностей общества будущего, выкроенного по западным образцам и названного Зиновьевым глобальным человејником, состоит в том, что оно является искусственным. Все в нем рационально рассчитано, спроектировано, сведено к научно-техническим параметрам, до скуки упорядочено и предсказуемо. Люди сливаются с роботами до неузнаваемости. Здесь все не просто машинообразно, а заменено машинами — биотехнические любовники, роботы-воспитатели, компьютерные души и т. д. У главного героя, которого зовут Ал, есть робот-двойник, которого зовут Ла. Словом, сплошной ужас.

И вдруг мы узнаем, что на эту искусственность можно и даже должно взглянуть с другой стороны, в результате чего она выглядит выдающимся достижением человечества. В ответ на тоску главного героя по подлинности, естественности его коллега, любовница и самая умная собеседница Ро говорит: «В чем ты видишь разницу между естественным и искусственным? Все человеческое искусственно. Когда наш предок впервые взял в руки палку или камень, он встал на путь искусственности. В его природе это не было предусмотрено как нечто естественное. И вместе с тем все то, что человечество изобрело искусственного, было достигнуто в рамках все той же природы, в соответствии с теми же ее законами».

Книга «Глобальный человејник» — художественное по форме и научное по существу произведение о Западе в наиболее специфичных его чертах, образующих западную цивилизацию. Автор рисует картину будущего Запада, которая является слепком с настоящего. Он показывает, что будет с обществом, построенным по чертежам западной цивилизации, когда Запад до конца развернет свою сущность и получит безраздельную гегемонию над миром. Зиновьев-писатель и Зиновьев-ученый говорит людям и у нас и на Западе: смотрите, что будет, если все будет развиваться так, как развивается сейчас. Вот вам картина такого будущего, и это не утопия, не вымысел. Это точный прогноз, потому что все это **уже есть**. Смотрите и решайте: хотите вы этого или нет.

Карл Кантор. Моцарт социологии⁷

Почему все-таки Александр Зиновьев всегда шагает «не в ногу» с толпой? И как много раз оказывался прав. Такая уж у него планида.

В течение десятилетий он так и остается первопроходцем социальной науки, нарушая традиции, опровергая мировые авторитеты. Он предложил собственное объяснение фундаментальных законов общества. И как никто ранее убедительно показал, как они действуют и в масштабах всего общества, и в его мельчайших клеточках — в научной лаборатории, в заводской или колхозной бригаде. Он открыл закономерности «коммунальное™», из которых выросло как органическое образование и то, что он назвал «русским коммунизмом», аналогов которому не было и нет нигде в мире.

В России он выстрадан историей, дореволюционной классовой структурой общества, общиной, особой ролью всепроникающей бюрократии. Любой общественный и государственный строй Западной Европы мог бы позавидовать крепости, жизнеспособности «русского коммунизма». Он противоположен западной цивилизации.

Почему же Зиновьев написал многотомную трагисатиру на коммунистический строй? Да потому, что в брежневские времена этот строй ускоренно вырождался и перерождался, готовились исподволь предпосылки для последующего падения в «катастрофику» (излюбленное выражение Зиновьева). Он подготовил сатиру на карикатуру, в которую превратили коммунизм, Октябрь, вождей Октября обанкротившиеся и переродившиеся наследники революции! За какие-то полгода, в спешке, и с предосторожностями подпольщика он написал в середине 70-х годов свой роман-эпопею-сатиру-трагедию «Зияющие высоты».

Шедевром ума и остроумия было уже само название. Более емкого, исчерпывающего определения советского общества (особенно брежневской поры) придумать было невозможно. Недодумались. А по свету они пошли гулять в разговорах, в заголовках газетных статей, усугубляя бессмыслицу нашего существования. Например, «Заберемся, наконец, на зияющие высоты» или «Спускаемся с зияющих высот» — это уже во время перестройки.

«Зияющие высоты», которые литературная и социологическая общественность Запада назвала «первой книгой XXI века», не ошиблись. Эта книга перешагнула через головы советских и постсоветских отечественных и зарубежных постмодернистов (с их эклектической мешаниной культур и стилей, деструкцией всего цельного, личностного).

Зиновьев ничего не написал об ужасах ГУЛАГа, как А. Солженицын, но разве он не избрал иной, беспыточный ужас интеллектуально-нравственного существования вне ГУЛАГа, среди благополучных интеллигентов, умных приспособленцев, без которых ГУЛАГ был бы скорее всего невозможен.

Он создал в русской словесности по существу новый жанр и новый стиль литературы — жанр социологического (не социального!) романа и стиль социологического реализма — не социалистического, не сюрреалистического, не психологического, не магического метода, цель которого реалистическое (в смысле истинное) художественное изображение столкновения многообразных социальных типов, сотканых из тончайших волоком социальных законов.

Постмодернизм ныне испускает дух. Люди вновь захотели простого хлеба правды. Вот почему «Зияющие высоты», уже успевшие пережить немногих последователей и среди писа-

⁷ Правда, 29.10.97.

телей, живописцев, историков, вступают первой книгой в XXI век как рассказ о грядущих проблемах и предостережение человечеству, а может быть, как уже и диагноз. В социокультурном смысле новые столетия наступают раньше, чем это следует по календарю. Постсоветская или «посткоммунистическая» эпоха, как ее предпочитают называть, вполне определилась за пятилетие в своих отвратительных чертах и вряд ли она изменится в первые годы XXI века. Все сохранится...

За «Зияющие высоты» Зиновьев получил самую престижную за достижения в социологии премию великого Алексиса де Токвиля.

Ему вернули тогда по решению Горбачева незаконно отнятое у него советское гражданство. Но Зиновьев не поддался всеобщей эйфории. Уже в 1985 году он напечатал серию критических статей, опубликованных через год под общим названием «Горбачевизм». Следом вышла книга с разоблачающим названием «Катастрожка» (1986), в которой он вставал на защиту свергнутого коммунизма, говорил о гибельности для России перехода к «рыночной экономике», к западному парламентаризму, поскольку в России все решает не «рыночная», а «социальная» эффективность. Метили в коммунизм, писал он, а попали в Россию, ибо коммунизм есть, по Зиновьеву, явление специфически русское. Следовательно, без коммунизма и соответствующей ей Советской власти, коммунистической партии (которая на самом деле была не обыкновенной парламентской партией западноевропейского толка, а ядром государства), Россия постепенно превратится в колонию западных держав.

Зиновьев возмущался очернением Октябрьской революции, действительно величайшего события XX века, называл себя, русских людей своего поколения, веривших в ее идеалы, сыновьями и дочерьми Октября. А Зиновьев с негодованием отвергал низкопробную клевету на вождей Октября, Ленина и Сталина, на их учителей Маркса и Энгельса, на которых сам рисовал — на живых и на их памятники — карикатуры.

У колыбели советского, русского коммунизма стояли гиганты, у его брежневского одра — карлики. Хоронили русский коммунизм — пигмеи.

Зиновьев не изменил себе, когда с присущей ему энергией страстно и самоотверженно бросался на вражеские амбразур, защищая коммунистические идеалы от стоявших во главе КПСС предателей. Зиновьев написал карикатуру не на коммунизм (как иногда полагают). Он создал карикатуру на эту живую карикатуру. Но как только издевка над карикатурой была перенесена на оригинал, на то, что было самым дорогим в жизни его и его поколения, рожденного Октябрем, Зиновьев, снова почувствовав себя фронтовиком Отечественной войны, стал яростным защитником коммунизма и России как носительницы его и непримиримым противником капитализации и западнизации родины Октября.

Не кажется ли вам подозрительным, что тот самый Зиновьев, который, выступая до перестройки клеветником, осуждавшим коммунизм, стал теперь, после перестройки, клеветником, потому что он коммунизм оправдывает? Или вы думаете, у него такая страсть ходить в клеветниках? Но в этом кажущемся изменении позиции сохраняется верность радикалу личности, верность принципам, не поддающимся коррозии. Не для того, чтобы вернуть прошлое (героическое и трагическое, прекрасное и ужасное), он осуждает идеи, prostituted нынешним истеблишментом и его оппозицией (в том числе отчасти и коммунистической), — а для того, чтобы отвергнуть гибельный путь России, ведущий ее прямой дорогой в «глобальный человеконик».

Мы закрываем глаза на календарь, на листки, менее долговечные, чем листья октябрьских деревьев: 80—75? Какое это имеет значение! События и личность измеряются не годами, а делами, свершениями, энергией, жизнестойкостью.

Карл Кантор. Путь к цивилизации — каков он?⁸

1

Социологию, если она выступала как действительная наука (а не наукообразная социологическая идеология) не жаловали даже на Западе.

Неприятие социальной системой науки о социальной системе не есть проявление только злой воли — оно «логично» для ее алогичной природы. «В России же, — по словам Питирима Сорокина — где «^приспосабливающаяся» социология всегда оценивалась с точки зрения колебания основ существующего строя... основными «научными» аргументами (против нее) были тюрьма, ссылка, каторга».⁹

Эти строки были написаны П. Сорокиным в марте 1920 года. Он тогда еще не подозревал, что помимо названных им «аргументов» советская власть изобретет еще один — насильственную высылку из России. Всего два года спустя талантливый ученый в составе группы известных философов, экономистов был вынужден покинуть Родину. Зато теперь, после «краха коммунизма» он вознагражден гипертрофированным признанием как «самая выдающаяся фигура на социологическом небосклоне нашего столетия»¹⁰.

Судьба Александра Зиновьева оказалась более печальной: оклеветанный и изгнанный из России в 1978 году как антикоммунист и антимарксист, он теперь третируется как «нераскаявшийся» коммунист и марксист, не принявший «перестройку» якобы из-за ее демократичности и гласности.

Перелистайте, однако, заново «Зияющие высоты», и вы без труда обнаружите в этом социологическом и социально-философском романе мысли, предвосхищающие лозунги «перестройки»:

«Ключ к решению всех наших проблем, — говорит Учитель, один из героев «З. В.» -это гласность, ее правовое обеспечение и, как следствие этого, начало нравственного совершенствования общества». Другой добавляет: «Не будет гласности, общество задохнется в конце концов в гигантской крысиной норе».

Но разве дело в лозунгах! В «Зияющих высотах» Зиновьев выставил на всемирное обозрение то, что никакой гласности неподвластно, то чего не сумели постичь ни П. Сорокин, ни все другие социологи, изучавшие советское общество: законы «реального коммунизма». Вне-романное изложение своих научных открытий Александр Зиновьев дал в социологическом трактате «Коммунизм как реальность», удостоенном, по представлению Раймона Арона, самой престижной социологической награды — премии Алексиса де Токвиля.

До уровня понимания социальной действительности, явленного в «З.В.»и в тридцати других книгах А. Зиновьева, последовавших за первым его романом, признанным художественным шедевром мирового значения, не поднялся еще ни один «перестроечный» критик советского общества.

Почему же сегодня автор «З. В.»оказался снова «неудобен»?

Причина та же: Зиновьев остался верен себе, своему безусловному неприятию любой идеологической ангажированности, подобно своему далекому предтече, истинному христиа-

⁸ Статья написана на основе вступительного слова к дискуссии «Советское общество и советский человек — точка зрения Александра Зиновьева». Вопросы философии, № 11, 1992.

⁹ Сорокин П. Л. «Система социологии», т. II. Петроград, 1920, с. 9.

¹⁰ Согомонов Л. Ю. «Судьбы и пророчества Питирима Сорокина» в книге: Питирим Сорокин «Человек, цивилизация, общество». М., 1992, с. 18.

нину Франсуа Рабле, который, порвав с католицизмом, не принял и кальвинизма — за что чуть было не угодил на разоженный реформатором костер.

Многие пребывали в состоянии «перестроечной» эйфории, когда Зиновьев опубликовал спую книгу «Горбачевизм» (написана в 1986 (!), издана в Швейцарии, Франции, Канаде, Голландии, Чили в 1987, впервые на русском языке — в Нью-Йорке в 1988 г.), к выводам которой мы приходим только теперь.

Я бы назвал книги, статьи, интервью Александра Зиновьева последних шести лет безупречной «социологической летописью» «перестройки» и развала Союза, если бы с научным постижением реальности он сочетал способность писать, «добру и злу внимая равнодушно».

Скорее всего, А. Зиновьев не был бы столь нетерпим, столь «инвективен», если бы те, кто претендует на роль «врачей» тяжело больного общества, не предлагали бы методы лечения, опасные для жизни.

Что же это за методы? Зиновьев выделил четыре основных и всем им дал оценку. Я назову их по-своему: конвергенция, дивергенция, нольвергенция и трансвергенция.

Первый, «сахаровский», провозглашает необходимость соединения «преимуществ» социалистической системы с «достоинствами» капиталистической. Далеко зашедшие попытки проведения подобного «курса лечения» привели бы, как полагает Зиновьев, к прямо противоположным результатам, а именно: к соединению «недостатков» социализма с «пороками» капитализма. Что-то в этом роде уже и теперь наблюдается. Второй, «солженицынский», провозгласил необходимость обособления России от Запада и даже от всех неславянских республик СССР, возрождение с минимальными коррективами порядков и образа жизни дореволюционной России, дезурбанизацию, применение доиндустриальной технологии в производстве и т. п. (К счастью, полагает Зиновьев, этот «курс лечения» принципиально не осуществим, ибо история назад не пятится.) Третий (я его назвал «нольвергенцией») рекомендует слегка отступить назад, к доперестроечной поре, и утвердить навсегда брежневское статус-кво, при котором, как известно, осуществлялось необходимое, но все-таки умеренное взаимодействие России и Запада, причем ни «социализм», ни «капитализм» не утрачивали своей специфики. (Для Зиновьева и этот «курс лечения» неприемлем. Это должно быть ясно хотя бы из сатирического изображения «брежневского царства» в «З. В.».) Четвертый метод — трансвергенция — выступает в двух разновидностях: сверхзападники (таких не мало) хотели бы ради «спасения» России полностью уподобить ее Западу; сверхсамобытники (и таких немало) не прочь были бы, напротив, Запад во всем уподобить России.

Все перечисленные «методы», за исключением одного, «нольвергенции» (впрочем, при ближайшем рассмотрении и он оказывается не исключением), сходятся на том, что безмерные бедствия нашего общества порождены его социальным строем — «коммунизмом». И, следовательно, вылечить советское общество можно, лишь избавив его от «коммунизма», удалив «коммунизм» как «раковую опухоль».

Зиновьев отвергает все эти оппозиции как идеологические. Он задолго до нынешних разоблачителей выступил с критикой советского общества и его идеологии, с критикой сталинизма и брежневизма, с критикой «коммунизма». Но его критика с самого начала была не идеологической. Она была более беспощадной, но не разрушительной, даже не диссидентской. Скорее она была антидиссидентской — не специально против диссидентов направленной, но и против них тоже, поскольку речь шла не о действительных подвижниках, а о ничем не рискующих, благополучных карьеристах официальной иерархии, одновременно претендующих на лавры воинствующих неконформистов.

Зиновьев не разоблачал, а анализировал, не осуждал, а понимал. В противовес всем идеологическим пострестроечным оппозициям он провозгласил свою, которую назвал «социаль-

ной», понимая под ней научно-социологический подход к разрешению «постперестроечных проблем».

Главное в научном подходе не одобрение или осуждение, не призыв к ниспровержению или защите, а познание реальности, понимание законов общества, объективных возможностей его изменений. В науке это трудно достижимая процедура — развести практические оценки «социальной материи» и ее незаинтересованное понимание. Однако именно эту задачу Зиновьев как раз и поставил перед собой. В своем «Манифесте социальной оппозиции» он заявил:

«Мы отвергаем всякий реформаторский авантюризм...

Мы видим свою задачу в том, чтобы разъяснить людям неразрывную связь достоинств и недостатков коммунизма, причем как такую связь, в которой недостатки суть закономерное следствие достоинств...

Мы не предлагаем никакой альтернативы коммунизму, считая любую альтернативу такого рода в наше время утопией или просто безответственной болтовней».

О каком «коммунизме», собственно, идет здесь речь? Ведь будто бы нее согласились, что у нас нет ни коммунизма, ни социализма, что как раз коммунизм -утопия в принципе неосуществимая, что попытка, несмотря ни на что, построить коммунизм в нашей стране как раз и привела к катастрофе. Как может Зиновьев говорить, что любая альтернатива коммунизму является утопией, тогда как сам коммунизм является таковой?! Как может автор «З.В.» «защищать» строй, если сам он этот строй «заклеймил»? Как можно отвергать альтернативы коммунизму, если они исходят не из утопических предписаний, а из соображений «здорового смысла», из стремления вернуть наше общество в мировую цивилизацию, откуда оно насильственно было исторгнуто в Октябре 1917 г.?

Что же такое, в конце концов, коммунизм и наука о коммунизме по Зиновьеву?

2

Под коммунизмом Зиновьев понимает не Марксов проект коммунизма, не миф о его воплощении в советское общество, а тот реальный общественный строй, который сложился в России, в Советском Союзе после Октябрьской революции.

Этот строй не имел ничего общего с марксовым проектом, кроме терминов и некоторых идеологием. Маркс изучал капитализм и построил теорию этой формации. Такого общественного строя, какой сложился у нас (формально по Марксу, а фактически вопреки Марксу), автор «Капитала» не видел, не знал, не изучал. А то, что у нас получило название «научного коммунизма», было не наукой (наука не может возникнуть прежде, чем возник предмет ее исследования), но важным ингредиентом нашей социальной системы в качестве идеологии. Науки о советском социальном строе не было.

Основы этой новой социологической дисциплины, существенно повлиявшей на общую социологию, на понимание универсальных социальных законов как раз и разработал Александр Зиновьев. В противоположность «научному коммунизму» он назвал ее наукой о коммунизме. Полученные результаты явились теоретическими предпосылками зиновьевского «Манифеста социальной оппозиции».

«Претензию» Зиновьева на научность можно, казалось бы, опспорить следующим образом: пусть «научный коммунизм» не наука. Но разве у нас нет действительной науки о советском обществе, помимо «науки Зиновьева»? Разве реформаторы из числа сторонников конвергенции и западного варианта трансвергенции не опираются на советскую экономическую науку, которая давно уже не марксистская? Разве не по рекомендации экономистов правительство осуществляет денационализацию, переход к частной собственности, к применению наемного труда, к отказу от планирования и господству рыночных отношений?

А политологи? А юристы? А социологи, наконец? Разве не они «вполне научно» обосновали необходимость установления парламентарного строя, многопартийности, допущения гласности, свободы печати, гарантий прав личности? Ориентация на науку, стремление все делать непременно «по науке» — не достоинство ли это политиков «перестройки», не их ли отличительная черта? Как же можно считать, их взгляды идеологическими, а не научными?

Возражение вроде бы обескураживающее. Оно взывает к ответу. А он прост, можно даже сказать — банален. Легко убедиться в том, что паши самые прославленные экономисты пришли к выводу о необходимости введения у нас рыночных отношений не в результате изучения советской действительности, а в результате заимствования выводов экономической науки совсем другого общества — капиталистического общества Запада. От политэкономического Маркса они отказались, потому что он «не про нас», но зато присвоили себе идеи светил современной западной экономики — Фридмана, Хайека, Тобина и некоторых других, помельче, которые, однако, тоже писали «не про нас».

Другая причина, почему рекомендации экономистов нельзя считать действительно научными, не менее серьезна. Узкие специалисты, они не очень ясно представляют себе, как экономика связана с целостностью социального организма. Так, академик Шаталин, сторонник рыночной экономики, на вопрос, почему он за нее, ответил: «Я врач, я ставлю диагноз, определяю, чем больно общество, и предлагаю меры лечения». Но на каком основании экономист утверждает, что болезнь экономики — это и есть болезнь общества? На том, что это универсальный закон? А он как раз не универсальный. Он верен для капиталистического общества и не верен для «коммунистического». Отвергли Маркса, а марксистские «уши» торчат из-под шапки Милтона Фридмана.

Одна из научных заслуг Зиновьева состоит в том, что он жестче, чем Маркс, открывший азиатский способ производства, ограничил действие основного закона истмата Западной Европой. Только западнокапиталистическое общество является «экономическим», только в нем все дела общества «упираются» в экономику, только для него существенна экономическая эффективность.

Ленин фактически восстанавливал поколебленные реформами 1861—1911 гг. многовековые социокультурные устои Российской империи, когда сразу же после Октября сделал возрожденное государство единой властью экономики и культуры.

Не экономическая, а социальная эффективность определяла вплоть до «перестройки» жизнестойкость советского общества.

Чем же в таком случае явилась «рыночная теория» советских экономистов, если она не наука? Составной частью «перестроечной» и особенно, «постперестроечной» идеологии, подобно тому, как «научный коммунизм» был ядром идеологии «доперестроечной».

3

Коммунистическое общество марковского проекта • — бесклассовое, а тот «коммунизм», который стал реальностью советского общества, состоял из весьма своеобразных классов, но не рабочих и крестьян, как утверждала официальная пропаганда. На самом деле произошло не только «раскрестьянивание» (особенно заметное в связи с глубокой урбанизацией), но и «разрабочивание» — сохранилось лишь профессиональное своеобразие промышленного и земледельческого труда. А вместо рабочих и крестьян возникло подобие новых классов — управляющие и управляемые. Те социальные группы, которые осуществляли функцию управления (па общесоюзном, республиканском или местном уровне), получили право распоряжаться, соответственно, либо всей государственно-общественной собственностью, либо той ее частью, которая отводилась в ведение республики, района, села, учреждения, фабрики, института и

т. д. А распоряжаясь орудиями и средствами производства, землей, жилищным фондом, управляющие всех уровней получали право присваивать себе львиную долю общественного продукта.

Люди получали зарплату (материальное вознаграждение) не за труд (как предполагал Маркс), а в соответствии с тем местом, какое они занимали в социальной структуре своего непосредственного коллектива, и с тем, какое место занимал их непосредственный коллектив в иерархии коллективов, и, наконец, с тем, какое место эти последние занимали в целостности общества-государства. Материальное обеспечение тут не зависело от количества и качества труда индивида: оно могло быть близким к нулю — и иногда это даже необходимо было, чтобы было близко к нулю, ибо безработица исключалась. Таким образом, был даже осуществлен, как полагает Зиновьев, принцип высшей фазы коммунизма — «от каждого по способностям, каждому по потребностям» — ибо как способности, так и потребности индивида во всеохватной социальной системе были полностью определены, обусловлены и сформированы.

Существенно и другое. Управляющие распоряжались не только орудиями и средствами производства, но и массами управляемых. От их решения зависела судьба управляемых, их положение в коллективах и, соответственно, доля общественного продукта, которую они получали. Управляющие низших уровней вместе со своими коллективами выступали в качестве управляемых в коллективах среднего уровня, те, в свою очередь, в качестве управляемых в общесоюзном государственно-партийно-общественном коллективе. Управляющий низшего уровня не столько зависел от коллектива, которым он управлял, сколько от управляющего среднего уровня, а тот, в свою очередь, — от высших управляющих. Только в условиях государственно-общенародной собственности управляющие и управляемые могли образовать нечто подобное старым классам, с особым классовым сознанием своих особых социальных, политических и экономических интересов. Высший эшелон управляющих (Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров, их аппараты, короче говоря, те, кого называли «номенклатура», или «партократия») был безраздельным «хозяином» страны и народа.

Однако только управляемых было не так уж много. Даже на самых низах, в микроколлективах непременно выделялись свои управляющие — звеньевые, вожатые, старосты, группорги, бригадиры, их помощники, замы, актив и т. д. и т. п. Функция управления была как бы разлита по всему обществу и проникала до самых низов. Все, или почти все, одновременно играли две роли: управляющих (по отношению к нижестоящим) и управляемых по отношению к вышестоящим. Таким образом, все, или почти все, воспроизводили в своем положении колеблющийся статус «средних» слоев, становились «воплощенным противоречием», как прежде мелкая буржуазия. Этот средний слой, или средний «класс», был самым многочисленным. И поскольку он был многоступенчатым, пропасть между самыми верхами и самыми низами скрадывалась. Почти у всех граждан, к какой бы ступени среднего «класса» они ни принадлежали, были общие интересы как с управляющими, так и с управляемыми. Благодаря этому достигался всепроникающий консенсус верхов и низов, «единство партии и народа, морально-политическое единство, дружба народов». Тут не было угнетающих и угнетаемых, и вместе с тем они были; тут не было классов господствующих и подчиненных, и вместе с тем они были; тут не было национального неравенства, и вместе с тем оно было. Тут классовую борьбу заменила борьба общества (на всех его уровнях) с индивидами (всех уровней), «не вписывающимися» в коллективистскую управляюще-управляемую структуру, отклоняющимися в своем поведении, умонастроении от стихийно сложившихся и затем сознательно (идеологией, репрессиями) закрепленных норм и правил нового социума. Но «ненормальные» индивиды не могли образовать особого класса, они были рассредоточены во всех социальных слоях, и вообще не склонны объединяться между собой. Из этого, однако, не следует, что не было противоречий между низами и верхами, между партократией и остальным народом. Они существова-

ли, однако не могли служить основой для превращения низов из «класса в себе» в «класс для себя». Низы, состоящие только из управляемых, были малочисленны, раздробленны. Им противостояла не одна лишь «номенклатура» («партократия»), но и те непосредственно с ними соприкасающиеся низы, которые, будучи управляемыми, одновременно осуществляли функцию управления, пусть даже в самых незначительных пределах. Социальные противоречия в «коммунистическом» обществе были завуалированы (как ни в каком другом) не вполне классовым (с экономической точки зрения) характером новых классов и амбивалентностью классовых позиций и классовых интересов.

Как бы ни были велики привилегии «номенклатуры», она не становилась коллективным частным собственником орудий и средств производства. Она была временным владельцем большого объема властных функций, дававших ей право на присвоение, львиной доли совокупного общественного продукта, в результате чего индивидуальная (но не частная!) собственность каждого входящего в номенклатуру многократно превосходила — по количеству и качеству — индивидуальную собственность в нее не входящих, особенно низов, которые, однако, это неравенство не воспринимали как несправедливость.

Крестьяне, служащие и рабочие в массе своей предпочитали стабильность, гарантированность социального статуса неопределенности, зыбкости положения в условиях господства частной собственности. Созданное в результате революции «коммунистическое» общество отвечало их стремлениям. При всех его вопиющих пороках, полный реестр которых представлен в сочинениях А. Зиновьева, это общество обладало и целым рядом достоинств, не присущих российскому дореволюционному и современному капиталистическому.

4

Существуют два фундаментальных условия духовной свободы индивида, на которые указал еще Иисус Христос. Первое — отказ от частной собственности. Второе — отказ от труда. Частная собственность, с одной стороны, предполагает самостоятельность, инициативу, свободный выбор ее хозяина (хотя и он не так уж велик, как изображают современные апологеты капитализации России), а с другой, она подчиняет себе хозяина, поглощает все его жизненные силы, все мысли и чувства, вселяет беспокойство и тревогу за ее сохранение и увеличение, отнимает досуг, делает человека рабом коммерции.

Вся великая литература Запада, где возникла и утвердилась частная собственность, начиная с античной и до наших дней, осуждает коммерциализацию человеческих отношений. Частная собственность отделяет человека от человека, порождает зависть, корысть, жадность, самодурство, ведет к экзотетизации преступлений, к оправданию нарушений всех десяти божественных заповедей. Частный собственник, особенно мелкий, есть раб своего «дела», а не только его господин. Мелкий частный собственник, мелкий хозяйчик всегда был оплотом реакционных деспотических, бонапартистских и фашистских режимов, оплотом империй, национализма, шовинизма, расизма.

Государственная общественная собственность советского «коммунистического» строя избавила людей от этой массовой, но неявной формы порабощения, заменив ее другой, и теперь уже явной формой зависимости индивида от коллектива, от общества, от руководителей всех уровней, или, точнее, не от них самих, а от их постов, воплощающих в себе волю всех коллективов, больших и малых, связанных сложными отношениями субординации и координации.

Освободив население от частной собственности, «коммунизм» освободил значительную его часть от интенсивного труда как неперемennого условия получения жизненных благ. А труд не только как подневольная рабская деятельность — на которую были обречены миллионы —

но как «добровольно» выбираемый необходимый источник существования, является порабощением духа. Если духовное творчество, духовное общение за пределами материального производства есть содержание, форма и самоцель проявления свободы, то, напротив, любая вовлеченность в материальный трудовой процесс, продиктованная любыми мотивами: сохранением жалкого существования (как у раба), божественного (как у протестанта) или патриотического (как у тружеников тыла ВОВ) долга, или стремлением к более высокому заработку (как на Западе) или, наконец, даже потребностью «убить время», «забыться», отгородить себя от бездны небытия (этот мотив труда Л. Толстой приравнял к пьянству) — короче, любая материально-трудовая деятельность, определяемая внешней целью, противоположна свободе. Даже если на какой-то срок для ограниченной части общества она становится, как это было у нас, «делом чести, славы, доблести и геройства».

Поэтому возможность трудиться не интенсивно, не на износ при низкой, но гарантированной заработной плате стала в условиях «коммунизма» привлекательной для значительной части населения. И, видимо, поэтому люди никогда не достигали такой саморастворенности в идеале братства, как в лучшие годы советской власти, когда заботы о личном материальном благополучии считались постыдными.

Андре Жид в своей книге, которая долго считалась пасквилем на сталинский Советский Союз, вспоминал: «Сколько я видел людей, чья одухотворенность лишь подчеркивалась бедностью. Чуть ли не каждого мне хотелось прижать к сердцу! Нигде отношения с людьми не завязываются с такой легкостью, непринужденностью, глубиной и искренностью, как в СССР... Да, я не думаю, что где-нибудь, кроме СССР, можно испытать чувство человеческой общности такой глубины и силы».

Внедрение идеи капитализации России (не столь популярной, как это изображают сторонники частной собственности и «не регулируемого» рынка) есть результат того, что «номенклатура» встала на путь использования функций управления государственно-общественной собственностью для превращения последней в свою частную собственность.

Опасность такого превращения таилась в самой централизованной и иерархической структуре «коммунистического» общества. Эта опасность из потенциальной стала реальной, как только произошло сращение части партаппарата с теневой экономикой.

Кризисы переживают все общественные системы. Кризисы капиталистической в соответствии с ее природой — экономические кризисы перепроизводства; кризисы «коммунистической» в соответствии с ее природой — социальные кризисы «перепроизводства» управляющих на всех уровнях, в силу чего управление разлаживается, нарушается координация и субординация управляющих структур, ослабевает обратная связь в системе «управляющие-управляемые», деятельность управления все более становится самодовлеющей, паразитарной.

Последние годы правления Брежнева, и особенно годы «перестройки», • — это, как утверждает А. Зиновьев, первый кризис «коммунистической» формации.

Зиновьев считает «коммунизм» всемирной формацией, а не временным и случайным состоянием общества какой-то отдельной страны (России, Китая и т. д.). Эта формация, подобно капиталистической, выступает с неизбежностью в различных конкретных воплощениях, изучением которых сам Зиновьев не слишком озабочен. Маркс создал модель капитализма, отвлекаясь от особенностей его проявления в различных странах, но взял за образец определенную страну — Англию, в которой общие закономерности капиталистической формации выступали в наиболее чистом виде. Точно так же поступает и Зиновьев. В качестве образца «коммунистической» формации он берет Советский Союз, или даже только Советскую Россию, не считая, одна-

ко, что «коммунизм» присущ только России, что только в России есть для него предпосылки. Маркс говорил о том коммунизме, материнским лоном которого является капитализм, и только капитализм, причем лишь на высокой стадии его развития. Зиновьев же имеет дело с тем «коммунизмом», который вырастает не из капитализма, а из «коммунальных отношений», имеющих место как в капиталистических, так и не в капиталистических странах. «Коммунальные отношения» присутствуют в фундаменте любого социума; это, собственно, первичная форма социальных отношений, над которой надстраиваются и в которую внедряются позже другие формы социальных отношений, прежде всего экономическая. Первые являются предпосылками «коммунизма», вторые — капитализма. Если иметь в виду эти предпосылки, то следует признать, что «коммунизм» более древен, чем капитализм, и более укоренен в человеческом способе существования. На основе экономических отношений раньше, чем капитализм, складывается индивидуалистическая культура цивилизации — это необходимое условие возникновения и существования капитализма. Капитализм действует по отношению к цивилизации амбивалентно, одновременно и отрицая, и утверждая ее. Он не тождествен цивилизации. Если же общества, усложняясь, внутренне дифференцируясь, организуясь в государства, вырастают непосредственно из «коммунальных отношений», как бы минуя экономические, они порождают в ходе своего становления социальную систему, противоположную цивилизации — «коммунизм».

«Коммунальные отношения» есть фундаментальные отношения социальности. Законы же, которые определяют поведение социальных индивидов (в качестве которых выступают как отдельные лица, так и группы), естественны. Цивилизация, напротив, есть явление искусственное. Усилиями миллионов на протяжении столетий были созданы средства, ограничивающие действия социальности, социальных законов. Этими средствами стали гуманистические ценности мировых религий (прежде всего христианства), морали, права, искусства как самозаконной духовной деятельности, общественного мнения. Цивилизация, говорит Зиновьев, есть движение «против течения» естественного хода истории, тогда как «коммунизм» есть движение «по течению». «Коммунальные отношения» (или иначе, социальность как таковая), из которых вырастает «коммунизм», есть стихийно сложившаяся структура, которая охраняет общество как целое от произвола индивидов или группы индивидов по отношению к другим индивидам или группам индивидов постольку, и лишь постольку, поскольку этот произвол наносит ущерб целостности общества. Соответственно дело обстоит и в «коммунистическом» обществе, где «коммунальные отношения» становятся доминирующими. Цивилизация — это система ценностей и культивирующих их институтов, которая охраняет индивида от социальных законов, точнее, от ядра социальности — «коммунальных отношений» и позволяет тем, у кого есть для этого природные задатки, достичь свободного самоосуществления, даже если последнее вступает в противоречие с интересами общества как целого (по крайней мере в определенный момент его существования). При поверхностном взгляде кажется, что условия для свободного самоосуществления индивида предоставляет капитализм. На самом же деле это дает цивилизация, в рамках которой действует капитализм.

Социальные законы вечны и неизменны; в каждом обществе, древнем и современном, западном и восточном, они одни и те же. Они появляются на свет вместе с обществом в виде правил и сведений, которым люди обучаются легко и поголовно, стремясь к самосохранению и улучшению условий своего существования. Зиновьев в качестве примера называет такие правила: меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других и больше зависимости других от тебя. Социальные законы сохраняют свое действие на протяжении всей истории, но сами они не историчны и в своем происхождении не зависят ни от государства, ни от религии, морали и права. Напротив, государство, религия, право, мораль зависят от социальных законов -используют их и (или) противостоят им, ограничивая их действие.

Социальные законы не суть законы рабовладельческого общества, или капитализма, или коммунизма, ибо последние преходящи, а первые нет, хотя законы именно коммунизма почти тождественны социальным законам.

Социальные законы не добры и не злы, не обладают ни достоинствами ни недостатками. Из всех общественных законов, социальные — самые примитивные, ничтожные и отвратительные, самые массовидные в своих проявлениях, почти самоочевидные. «Хотя законы коммунальное™ естественны, — пишет Зиновьев, — люди предпочитают о них помалкивать и даже скрывают их. Прогресс человечества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регулирующих действие этих законов, — морали, права, религии, прессы, гласности, общественного мнения, идей гуманизма и т. д. Людей веками приучали облекать свое поведение в формы, приемлемые с точки зрения этих ограничителей... И неудивительно, что коммунальные правила поведения представляются им как нечто неприличное, а порой даже как преступное... Когда все же говорят о тех или иных законах коммунальное™, то их лишают статуса общечеловеческих и приписывают лишь какому-то скверному типу общества (марксисты — капиталистическому, конечно). Считают, что в другом благородном типе общества (в коммунизме, конечно) им места нет. Но это ошибочно. В законах коммунальности ничего бесчеловечного нет. Они ничуть не бесчеловечнее, чем законы дружества, взаимопомощи, уважения. Последние вполне уживаются с первыми и вполне объяснимы как нечто производное от них. А человечный или бесчеловечный тип общества сложится в той или иной стране, зависит не от самих этих законов как таковых, а от способности населения развить институты, противостоящие этим законам и ограничивающие их».

С точки зрения Зиновьева, «социальный прогресс» есть движение к антисоциальности, к блокированию отношений, сковывающих свободу индивида.

Возникает вопрос: как «коммунистическое» общество может приобщиться к цивилизации? Нужно ли для этого ломать все структуры, выросшие из «коммунальных отношений»? Или, сохраняя их (но, разумеется, и совершенствуя), встать на путь (трудный и длительный) накопления созданных индивидами универсальных, всемирных по своему значению продуктов материальной и духовной культуры, совокупность которых и будет представлять собой цивилизацию? Радикальные реформаторы предлагают первый путь. Зиновьев — второй. Первый — это путь капитализации, а не цивилизации. Тут все дело сводится к разрушению фактически всеобщих, не только «коммунизму» присущих, устоев общественной жизни, к приспособлению к существующим на Западе экономическим и политическим образцам, к заимствованию идеологии «массовой культуры», паразитирующей па плодах цивилизации. Капитализм «безбожно» отождествляется с цивилизацией, между тем как цивилизация ограничивает не только действие естественных законов «коммунальных отношений», но также — и в этом будет состоять существенное дополнение к сказанному — и экономических отношений, и капитализма, который также является силой стихийной. Только второй путь, который предлагает Зиновьев, есть путь действительного приобщения к цивилизации и даже, точнее, не «приобщения», а самостоятельной ее выработки, путь настоящего творчества.

Социология, начиная с О. Конта, ее основателя, претендует на строгую научность, опирающуюся на конкретные исследования, на эксперимент. Она отвергает спекуляции социальной философии и разрушительный пафос социальной критики. Социология хочет быть конструктивной, полезной обществу именно как наука. Однако общество не склонно поощрять социологию. Оно вполне обходится без нее, без ее практических рекомендаций и прогнозов и делает лишь вид, будто заинтересовано в результатах опросов общественного мнения.

Впрочем, социологии, выделившись из социальной философии, сама оказалась излишне самонадеянной. Она не стала такой же несомненной наукой, как естествознание, превратившись фактически в наукообразную разновидность идеологии и утратив при этом смелость

суждений об обществе, присущую древним и новым философам, социальным критикам и утопистам.

Научный вклад в социологию Маркса и Энгельса, освобожденный от его абсолютизирующей профанации, Зиновьев ценит высоко, полагая, однако, что социологию, как независимую от политэкономии науку, они так и не создали.

Некий новый прорыв в науку наметился, когда Г. Зиммель поставил задачу обнаружить в общественной жизни социальность как таковую, лежащую глубже экономики. Однако собственные попытки немецкого социолога разрешить эту задачу свелись лишь к указанию на всеобщие формы социальных отношений — господство и подчинение, сотрудничество и конкуренция и т. д. Тем не менее Г. Зиммель был на верном пути. Успешно двигался в этом же направлении и П. Парето. Он утверждал, что фундамент социальности иррационален. Разделив все человеческие действия на логические и нелогические, Парето настаивал на том, что социология должна иметь дело с действиями нелогическими. Социологию он определил как логико-экспериментальное исследование нелогических, иррациональных отношений между индивидами и группами индивидов. Более близкое определение этих отношений В. Парето все же не дал.

В отличие от В. Парето, Макс Вебер, кумир современных социологов, программно отверг наличие в обществе социальных законов, подобных законам естествознания. Если таковые устанавливаются, они оказываются слишком общими, абстрактными (как будто это не отличительная черта любого закона); все реальное богатство индивидуально неповторимой общественной жизни остается за пределами действия этих законов, и потому они бессмысленны. Преимущественный интерес людей состоит в понимании хотя бы некоего фрагмента индивидуального (поскольку бесконечность связей и отношений, из которых оно складывается, непостижима). По этой причине М. Вебер определил социологию как исследование лишь тех социальных действий людей, которые обусловлены их сознательной волей.

Собственно, Макс Вебер остался социальным философом и культурологом более высокого уровня, чем его предшественники, но социологии как науки о тех базисных естественных, в каждой культуре присутствующих, как ее каркас, отношениях, не обусловленных сознательной волей людей, он не создал.

Важность социальной философии (и учения о культуре, почти полностью с ней совпадающего) велика для понимания всей полноты общественной жизни, ее духовного содержания, личностной судьбы индивида, т. е. всего того, что не подвластно научному познанию. Но может ли это понимание быть достоверным без знания социальных законов, которые призвана установить социология?!

То, что произошло с социологией на Западе и у нас, то сведение всей полноты общественной жизни либо к «принципу свободы», либо к «принципу необходимости», привело к смешению понятий социологии и социальной философии и до крайности затруднило понимание специфики советского («коммунистического», по терминологии Зиновьева) и западного «капиталистического» общества. И там, и тут идеология подменила науку.

Самое прискорбное в происходящем — распространившееся в обществе «социологическое» убеждение, что, сменив одну социальную систему на другую, люди станут свободными личностями, тогда как свобода пребывает в другом измерении и противостоит любым модификациям социальности.

Если некогда социология стремилась обособиться от социальной философии, чтобы стать наукой, то сегодня социологии, преследующей эту цель, предстоит обособиться также и от той социологии, которая фактически является «социологической идеологией».

Это обособление наряду с критикой «социологической идеологии» в ее марксистских и немарксистских разновидностях предполагает четкое выделение из всего многообразия отно-

шений общественных социальных отношений как таковых, фиксацию законов этих отношений, собственно социальных законов, сферу действия которых следовало бы назвать «социумом», в отличие от «общества», объемлющего все формы человеческой жизнедеятельности, как необходимые (социальные и культурные, ассимилированные социальностью), так и свободные (порождающие культурные ценности, но не сводимые к ним).

Я считаю, что всесторонне и последовательно это обособление как раз и осуществил Александр Зиновьев.

Последующее развитие социальных знаний, возможно, обнаружит и в его научных построениях следы идеологии (полностью от них избавиться никому не дано), и уж наверняка его научные открытия будут «присвоены» какой-то новой, «социологической идеологией» — это неизбежный процесс экспансии социума, это способ его самозащиты от того, что ему противостоит — но и тогда сделанное А. Зиновьевым сохранит свою научную ценность. Не он первый. Идеологизация научного содержания первомарксизма и последующее «ниспровержение» полученного «результата» не смогло поколебать в учении Маркса того, что является достоянием науки. Да и то идеологическое, что заключено в нем (именно в нем, а не в последующих «марксизмах»), не утратило своей жизненной силы.

Разрабатывая свою социологическую теорию в противовес господствующей, Зиновьев вынужден был показать, что научность господствующей — мнимая. И если он использовал сатирические приемы изображения «социологической идеологии» через изображение ее верных «оруженосцев», то лишь потому, что они сами были наиболее яркими проявлениями действия социальных законов. Они делали вид, что познают эти законы (а иные даже верили в это), тогда как на самом деле были медиумами поработавшей человека социальности.

Зиновьев назвал свои художественные произведения «социологическими романами», поскольку сумел органически соединить в своих книгах искусство и науку, нисколько не поступившись ни образностью, ни строго логическим изложением системы категорий своей социологической теории. Все же не следует полностью доверять самооценке автора «Зияющих высот». Зиновьев был бы более прав, если бы назвал свои романы не только «социологическими», но и «социально-философскими» и «религиозными», ибо, устанавливая, как социолог, враждебность социальности как таковой, социума свободе человеческой личности, он, как социальный философ, обеспокоен судьбой индивида, поисками в обществе того, что способно спасти и спасает человека от стихии социальности, и, наконец, как основатель нового вероучения, являет собой образец человека, который в условиях тоталитарного строя добился права сказать о себе: «Я — суверенное государство», и формулирует трудные для исполнения заповеди самодостаточного бытия индивида.

Выяснив с достоверностью, не вызывающей сомнений, что социальная система как таковая и «коммунистическая», как сгущенная до предела социальность, враждебна человеку, поскольку он стремится к самоосуществлению, Александр Зиновьев приходит к поразительному открытию, подтвержденному его жизненным опытом, как и опытом многих других выдающихся и «обыкновенных» людей: одна из основных тенденций коммунистического образа жизни — «завоевать возможность в той или иной мере жить свободно от коммунистического образа жизни» («Светлое будущее»).

Об этом завоевании рассказывает каждая его книга. Именно эта по преимуществу внутренняя духовная борьба каждого, а не перемены внешние — социальной системы — есть трагически прекрасный путь к цивилизации.

V. ИДЕОЛОГИЯ

Александр Зиновьев. О марксизме

Марксистское учение разделяется на две части: 1) философскую, включающую теорию познания и диалектику как учение об общих законах бытия — диалектический материализм; 2) социальную, включающую учение об обществе (исторический материализм) и о коммунизме («научный коммунизм»). Свою жизненную задачу я видел в том, чтобы, во-первых, осуществить критический анализ марксизма и, во-вторых, не просто отбросить его, а преодолеть, построив свое учение такого же и даже большего по объему тем масштаба, более высокого интеллектуального уровня и более адекватного современным условиям жизни человечества.

Если включить в число необходимых признаков научности следование правилам логики, то ненаучность первой части марксизма (т. е. философии) мне стала более или менее ясной уже в самом начале моего пути в науке. Подозрение на этот счет у меня зародилось уже в школе после того, как я прочитал некоторые сочинения Энгельса. Из них я узнал, например, что примерами диалектического закона единства и борьбы противоположностей являются буржуазия и пролетариат в сфере социальных явлений и плюс и минус в сфере математики. Я сделал для себя вывод: марксистское учение по крайней мере отчасти есть словесное трюкачество. В университете я стал специализироваться по логике и еще более укрепился в своем подозрении. Я стал рассматривать марксистскую философию с точки зрения соответствия ее языка критериям логики. Например, я взял ленинское определение материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях, и ленинское утверждение, что «материя» есть самое общее понятие, причем — наряду с понятием «сознание». Логическая несостоятельность такого рода языковых явлений мне была очевидна уже в студенческие годы. В самом деле, если понятие «материя» определяется через понятие «объективная реальность» как родовое понятие, то второе является более общим, чем первое, и первое не может быть самым общим. Если понятия «материя» и «сознание» являются самыми общими, то они совпадают по объему обозначаемых предметов, т. е. обозначают одно и то же. Проанализировав в таком духе марксистские тексты, я убедился в том, что основатели марксизма и их последователи являются невеждами в отношении логики.

Отказавшись от марксизма как от теоретического явления, я не отбросил ту философскую проблематику, которой занимались марксистские философы. Начав разрабатывать свою концепцию логики, я включил ее в сферу моего внимания как логика. Я стал рассматривать проблемы теории познания (гносеологии) и диалектики (онтологии) как проблемы логики (в моем ее понимании). Уже в 1954 году я закончил кандидатскую диссертацию, посвященную логическому аспекту «Капитала» Маркса. В ней я предпринял попытку представить диалектический

метод как совокупность логических операций. Диссертация была встречена враждебно официальной советской философией и оказалась фактически запретной для публикации и пользования без особого разрешения. Меня вытолкнули в сферу логики, причем — математической, — лишь бы я оставил в покое марксизм. Моей основной профессией стала логика. И я получил возможность разрабатывать свою логическую теорию, в которой я мог дать решение проблем философской части марксизма, удовлетворяющее критериям логики, простое, без лишней философской болтовни.

В логике я в конце концов пробился. Мои сочинения стали публиковать. Они стали издаваться на многих иностранных языках. Сложилась моя логическая школа, получившая мировую известность. Все это делалось вне марксизма и независимо от него. Более того, все делали вид, будто все это вообще не имеет никакого отношения к философии, включая философию марксизма. Я был разрешен к существованию в рамках философских учреждений, но в качестве немарксистского исключения. Это делалось в качестве уступки западному влиянию. Совсем иначе обстояло дело со второй частью марксизма, которая считалась главной.

Обстоятельства моей жизни складывались так, что я с первых же ее шагов вынужден был обращать внимание на вопиющее несоответствие между реальной жизнью, какую вел сам и наблюдал в своем окружении, и тем, как эта жизнь изображалась в газетах, журналах, книгах, лекциях, кино. Уже ко времени окончания школы (1939 г.) я установил для себя с абсолютной ясностью, что надо различать реальный мир человеческой жизни и мир слов (и вообще знаков, включая зрительные образы), который претендует на изображение мира реального. Я установил, что словесный мир лишь в ничтожной мере дает правдивую картину мира реального, а в общем и целом словесный мир искажает (фальсифицирует) мир реальный, причем — делает это не по невежеству, а по каким-то более серьезным причинам.

Я тогда еще не знал, по каким законам существует реальный мир и по каким мир словесный, — на познание их ушли многие годы жизни, учебы, размышлений, труда. Я стал за эти годы специалистом в логике и методологии науки, установил непригодность состояния современной логики для решения интересовавших меня проблем и разработал свою концепцию логики, принципиально отличную от принятых концепций. Одновременно я занимался своими исследованиями советского общества как классического образца общества коммунистического типа, а впоследствии — современного общества западного типа. Я установил для себя, что во всем гигантском океане слов, сказанных и написанных о них, невозможно найти даже мало-мальски разработанную социологическую теорию, удовлетворяющую критериям логики и методологии науки (в моем их понимании).

Мне приходилось изучать философские и социальные учения прошлого и современности. Но основным интеллектуальным материалом, от которого я отталкивался, был марксизм. Он был канонизированной идеологией Советского Союза. Моя профессиональная деятельность протекала в рамках советской философии, которая составляла фундаментальную часть советской (марксистско-ленинской) идеологии. Так что для описания моего отношения ко второй части марксизма необходимо рассмотреть предварительно отношение между наукой и идеологией.

Задача науки — поставлять обществу знания, разрабатывать методы получения и использования знаний. Употребляемые в науке понятия имеют тенденцию к ясности, определенности, однозначности. А формулируемые в науке утверждения по идее (и в тенденции) допускают возможность проверки, т. е. подтверждения, доказательства, опровержения. Идеология в отличие от науки конструируется из неопределенных, много смысленных языковых выражений, предполагающих некое истолкование. Утверждения идеологии нельзя доказать и подтвердить экспериментально и нельзя опровергнуть — они бессмысленны. Задача идеологии — не открытие новых истин о природе, обществе или человеке, а организация общественного сознания.

ния, управление людьми путем приведения их сознания к некоторому установленному общественному образцу. Идеология может начаться с претензий на то, чтобы быть наукой. Но, став идеологией, она теряет все основные признаки науки. Идеология может заимствовать из науки ее понятия и утверждения. Но, став элементами идеологии, последние теряют характер элементов науки, становятся неопределенными и непроверяемыми. В рамках идеологии могут высказываться научные идеи, суждения, гипотезы. Но они не определяют общую ситуацию в идеологии. Лица, высказывающие это, делают это не в качестве идеологов, а в качестве ученых, волею обстоятельств вовлеченных в идеологию.

Обратимся теперь к марксизму. Исторически он возник как претензия на научное понимание всего на свете. С такой претензией он существует и теперь. Он декларирует себя в качестве науки, причем в качестве высшей науки, самой научной науки. Специалисты по марксизму готовятся в университетах внешне так же, как специалисты для физики, химии, биологии, математики... Часто они готовятся вместе со специалистами для науки, в их среде, так что их различие обнаруживается лишь впоследствии, когда они начинают играть различные роли. Специалисты по марксизму получают ученые степени и звания, избираются в академии наук и т. д. И надо признать, что кое-что в рамках марксизма делается такое, что похоже на науку и что можно рассматривать с научной точки зрения. Однако в главном и целом марксизм (по крайней мере, в Советском Союзе) давно утратил признаки науки и превратился в идеологию в самом строгом смысле этого слова. Может быть, он являет теперь самый классический образец идеологии. Такова ирония истории. Марксисты до сих пор настаивают на том, что благодаря марксизму философия впервые стала наукой. Фактическое же положение прямо противоположно этому: именно с марксизмом и в марксизме философия впервые в истории стала ядром и составной частью идеологии. Когда казалось, что философия достигла максимума научности, она на самом деле отдалась от науки на максимально далекое расстояние.

Стремление марксизма выглядеть наукой объясняется комплексом причин как исторического, так и социально-структурного (имеются в виду действующие сейчас причины) порядка. Наука приобретала, а в наше время — приобрела, такое значение в жизни общества, что выступать не от имени науки было просто старомодно. Были иллюзии, будто земной рай можно обосновать научно. Марксизм возник в борьбе с религией и различными формами идеологии, связанными с нею, противопоставляя им научный взгляд на все происходящее в мире. Сама наука в то время имела такой вид, что провести четкое различие между нею и идеологией было невозможно. Это и сейчас еще не так просто сделать. В самых современных науках и сейчас всякого идеологического вздора появляется не меньше, чем в прошлые века.

Но главное, что определяет наукообразный вид марксистской идеологии в сформировавшемся коммунистическом (советском) обществе, это — его фактическая роль в функционировании этого общества: роль средства управления массами людей, средства стандартизации их поведения, средства эксплуатации низших слоев населения высшими и т. д. Марксизм маскируется под науку, и благодаря этому легче изобразить сложившееся общество как высший и закономерный продукт объективных законов истории, изобразить деятельность руководства как деятельность от имени этих объективных законов, изобразить всякий корыстный интерес и идиотизм руководства как гениальное научное предвидение и т. д. и т. п. Первые годы (и даже десятилетия) существования советского общества для некоторой части населения (для большой и активной) марксизм играл роль, подобную религии. Была вера в его постулаты и лозунги. Он владел душами этих людей. Но постепенно эта вера испарилась (особенно после Второй мировой войны). И марксистская идеология, естественно, стала еще более интенсивно привлекать себе в сообщники науку, прикидываясь другом и покровителем науки и, само собой разумеется, высшей наукой. Одним насилием идеологию не навяжешь достаточно прочно.

Веры нет. А в наш век научного безумия было бы непростительной глупостью для господствующей государственной идеологии не идти в ногу со временем.

Тот факт, что марксизм по своему текстуальному виду не есть наука, можно установить путем логического анализа всех его понятий и утверждений, начиная с понятия материи и кончая понятием коммунизма. Обратимся с этой точки зрения ко второй (главной) части марксизма. Прежде всего рассмотрим самую фундаментальную идею марксистского учения об обществе — материалистическое понимание истории. Оно считается распространением философского материализма на человеческое общество. Если строго придерживаться именно философского материализма, то самое большее, что должно было дать его распространение на сферу человеческой истории, это рассмотрение человеческого общества и истории человечества как объективной реальности, существующей вне сознания теоретиков и независимо от него, и рассмотрение сочинений этих теоретиков как отражения этой реальности. Но такой материалистический подход был обычным делом почти для всех, кто думал на темы истории и человеческого общества. Это было всеобщей банальностью. Марксизм сделал нечто большее, чем признание этой банальности: он явления самой человеческой истории разделил на материальные и идеальные, что ровным счетом ничего общего не имеет с философским материализмом.

В основе марксистской социальной доктрины лежит понятие способа производства. В этом, собственно говоря, и усматривается материализм: способ производства считается базисом общества, на котором возвышаются все «надстройки», включая государственные учреждения. При этом игнорируется начисто тот факт, что ничего идеального в государственных учреждениях (армия, полиция, тюрьмы) нет и что в способе производства «идеальных» явлений не меньше, чем в надстроечных. В способе производства различаются производительные силы (средства производства и приводящие их в действие люди) и производственные отношения (отношения между людьми в процессе производства). Примат при этом отдается первым. А между тем были и есть общества, в понимании которых этот принцип просто ошибочен фактически.

Главным признаком производственных отношений считается отношение собственности, конкретнее говоря — чьей собственностью являются средства производства. Главным признаком производственных отношений капитализма, например, является то, что средства производства суть частная собственность капиталистов, а главным признаком производственных отношений коммунизма является общественная собственность на средства производства. Почему, спрашивается, отношения собственности, а не какие-то иные? Почему не отношения между рабочими на заводах, не отношения начальства и рабочих, не отношения между руководителями и подчиненными, не отношения между различными частными собственниками? А отношения между людьми в учреждениях, занятых в сфере управления, культуры, спорта и т. п., имеются среди них производственные отношения в марксистском понимании вообще или нет? Какие именно? Эти вопросы можно умножить. Но не ищите разумного ответа в марксистском учении об обществе. Собственность как главный признак производственных отношений здесь выделена с определенной идеологической целью: дать «обоснование» тому, что частная собственность есть источник всех зол, что достаточно уничтожить ее, как наступит рай земной. Кстати сказать, не марксизм изобрел эту идею. Вспомните Томаса Мора. Вспомните хотя бы Прудона.

Но отношения собственности суть совсем иной аспект рассмотрения общества, чем аспект производства материальных благ. Собственность есть отношение правовое, и согласно самим же марксистским критериям должно быть отнесено к явлениям «надстройки», а не «базиса» общества. По самому определению понятий, вещь по праву (а не по обычаю или в силу захвата) есть собственность индивида или группы индивидов, если и только если имеется дру-

гой индивид или группа индивидов в рамках данной человеческой общности, собственностью которого (или которых) эта вещь не является. Если общество в целом владеет средствами производства, то понятие собственности просто неприменимо к этому случаю. Собственность есть лишь частный случай владения. В коммунистическом обществе имеют место определенные формы владения. А отношения собственности здесь играют крайне ничтожную роль. Даже феодальные отношения лишь отчасти подпадают под понятие собственности. Отношение рабства не всегда есть отношение собственности. Тем более с понятием собственности не поймешь разнообразные формы общества, которые марксизм свалил в кучу под одним именем первобытно-общинного строя.

Согласно марксистскому учению, общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Первые суть производственные отношения, экономическая структура общества. Вторые суть государство и право, такие формы общественного сознания, как мораль, религия, философия, искусство, а также политическая и правовая форма сознания. Идеологические отношения суть лишь надстройка над материальными. Каждому базису соответствует своя надстройка. Со сменой базиса меняется и надстройка. Теперь припомним, что нужно для того, чтобы какое-то явление считать материальным. Это — быть вне сознания людей, производить в нас ощущения (материя — объективная реальность, данная нам в ощущениях). А что такое государство? Тюрьмы, армия, полиция, милиция, чиновничий аппарат, — что это? Только плод воображения или нечто, существующее вовне и производящее весьма заметные ощущения в нас? А отношения людей в этих учреждениях, что это такое? Разве мы их не воспринимаем как нечто, происходящее вне нас? И чем с этой точки зрения производственные отношения материальнее? Если это отношения собственности, то они в области права, т. е. в надстройке. А если это экономические отношения, то они лишь варианты зримых отношений людей наряду с такими же зримыми политическими и прочими. Принцип материализма тут совсем ни при чем. Остается лишь одно: экономические отношения общества определяют собою все прочие, являются базисом для них. Но что такое экономические отношения? Получается типичная тавтология: это такие отношения, которые определяют собою все отношения данного общества. Но тогда вопрос о том, какие именно отношения играют такую роль, остается открытым. И никакого основополагающего принципа не остается.

Обратимся к надстройке. Согласно марксистскому тезису, каждое общество имеет свой тип надстройки, соответствующий своему типу базиса. Например, свое государство, свое право, своя мораль, своя религия. Здесь смешивается опять-таки целый комплекс проблем. Сам факт объединения общим понятием «надстройка» таких разнородных явлений, как государство, право, мораль, искусство, политика, причем — как организаций и действий людей, так и идей, учений, теорий, сознания, — уже достаточно красноречиво говорит о том, что здесь имеет место схематизация квазинаучного сорта.

Согласно марксистскому учению об обществе, способ производства с присущими ему формами общественного сознания, с политическими, юридическими и прочими институтами, образует общественно-экономическую формацию. Насчитывается пять таких формаций: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. Во времена Маркса последняя лишь проектировалась как формация, которая должна была прийти на смену капиталистической. В последовательной смене этих формаций усматривается некая историческая закономерность. Утверждается некий закон перехода от низших форм к высшим — закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. При капитализме это соответствие нарушается: производительные силы становятся общественными, а присвоение остается частным. Присвоение должно быть приведено в соответствие с производительными силами, т. е. должна быть ликвидирована частная собственность на средства производства и установлена общественная.

Нужны многие тома, чтобы показать, сколько несуразностей заключено и сконцентрировано в этих казалось бы ясных и немногочисленных идеях. Остановлюсь на одной из них.

Марксистская схема эволюции общества с логической точки зрения создавалась так. В историческом процессе из разных его мест и эпох вырывались отдельные куски — типы обществ. Они отбирались по определенным критериям и располагались в умозрительный упорядоченный ряд. Этот ряд рассматривался как закономерные этапы развития общества («от низшего к высшему»). Само собой разумеется, коммунистическое общество при этом изображалось как высший продукт исторического развития, причем — не только как закономерный, но даже как необходимый. На самом же деле не существует никаких законов превращения одного типа общества в другой. Не существует, подобно тому как нет законов превращения мух в слонов, слонов в коров, кроликов во львов и удавов. В истории человечества распадаются одни человеческие объединения и возникают другие, которые создают, возможно, другой тип общества. Когда, например, рухнула Российская империя, на ее месте образовалась новая человеческая общность. Но сложилась она не по неким мистическим законам перехода от одной общественной формации к другой, более высокого уровня, а по законам складывания больших человеческих объединений в тех исторически данных условиях.

Марксистская теория общества была построена с идеологической целью — дать «обоснование» неизбежности коммунизма как идеального бесклассового общества. Для этой цели производственные отношения сведены к отношениям собственности. С частной собственностью связаны классы и классовая борьба. Уничтожим частную собственность — уничтожим классы. Построим бесклассовое общество. Вроде бы все ясно. Но что же такое классы? Теоретически любые предметы по сходным признакам можно «объединить» в классы. Но идеологию это, конечно, не устраивает. Если, например, мужчины образуют класс мужчин, а женщины — класс женщин, то построить бесклассовое общество немислимо. А тут нужно именно бесклассовое общество. Так что тут в качестве классов признаются только определенные явления: рабы и рабовладельцы, помещики и крестьяне, капиталисты и наемные рабочие. Конечно, если классы понимать так, то построить общество, в котором не будет классов, возможно. Оно фактически могло быть в Советском Союзе: крестьян рано или поздно превратили бы в рабочих, работающих за зарплату.

Но поставим вопрос так: возможно ли в коммунистическом обществе разделение людей по каким-то рубрикам (категориям, признакам), имеющее существенное значение для существования общества и образующее нечто аналогичное тому, против чего было направлено марксистское учение и что должно быть уничтожено? Будет ли там разделение на привилегированных и непривилегированных, на богатых и бедных, на власть имущих и безвластных, на свободных и несвободных? Что важнее — несущественные различия рабочих и крестьян или весьма ощутимые отношения начальства и подчиненных? Советские партийные и государственные чиновники, начиная с некоторого уровня, жили куда богаче, чем многие миллионеры. Они — слуги народа? Но различия все равно остаются. Суть дела не изменится, если в одном случае вы употребите слово «эксплуататор», а в другом — «слуга народа». А суть дела в том, что уничтожив одни социальные категории («классы» в марксистском понимании), вы освобождаете арену истории для других. Общество снова с необходимостью раскалывается на какие-то категории людей, между которыми развивается неравенство, вражда, отношения насилия. Если бы марксизм был на самом деле настоящей наукой, предвидеть это было бы для него несложно. Но он не захотел это предвидеть, — это не входило в его намерения как явления идеологического.

Обратимся к марксистскому учению о будущем коммунистическом обществе — к «научному коммунизму». Согласно советской идеологии, наука о коммунизме появилась задолго до того, как появилось в реальности само коммунистическое общество. Но фактическое положение

ние на самом деле было противоположно этому: реальное коммунистическое общество возникло в Советском Союзе и ряде других стран, а вот науки о нем не было. Коммунистическое общество мыслилось как реальное общество определенного типа, т. е. как эмпирическое (наблюдаемое) явление. И наука о нем могла быть только опытной наукой, исходящей из наблюдения конкретных фактов. А их не было. Если нет предмета для наблюдения, то не может быть и опытной науки о нем.

Но если даже рассматривать марксистский «научный коммунизм» как предсказание или как проект будущего общества, то и тут можно заметить игнорирование самых азов научного подхода к обществу. Например, игнорируется неизбежность дифференциации достаточно больших человеческих объединений на различные категории членов общества и социальные группы, занимающие различное положение в социальной иерархии, разделение общества на слои с различными условиями жизни, разнообразие видов деятельности социальных позиций людей, необходимость системы власти и управления и т. д. Рассмотрим несколько подробнее с этой точки зрения пресловутые признаки первой и второй (высшей) стадии коммунизма. Уже сам факт различения эволюционных уровней общества по типу распределения жизненных благ есть признак ненаучности подхода к социальным объектам.

В марксизме считается, будто в коммунистическом обществе на первой стадии действует принцип «От каждого по способности — каждому по труду», а на высшей стадии — принцип «От каждого по способности — каждому по потребности». Первая часть этих принципов якобы регулирует то, как члены общества отдают свои силы обществу, а вторая регулирует распределение жизненных благ. Эти принципы являются идеологическими пустышками. Они допускают различную интерпретацию. И при любой интерпретации они на самом деле не являются специфическими закономерностями реального коммунизма.

Рассмотрим первую часть этих принципов. Выражение «по способности» можно истолковать в житейском вульгарном смысле, будто каждый будет развивать все заложенные в нем способности, проявлять их и использовать. Ясно, что в таком смысле этот признак никогда не будет осуществлен хотя бы по следующим причинам. Не любые способности индивида приемлемы для окружающих индивидов и для общества в целом. Не любые способности представляют интерес. У индивида просто не хватит сил и времени развивать все его потенциальные способности, Индивид может вообще не догадываться о том, на что он способен. В большинстве случаев вообще невозможно установить заранее, какие способности заложены в данном индивиде. Как, например, установить, способен такой-то младенец к руководящей работе в партийном аппарате? И судьи кто?! Кто определяет наличие и отсутствие способностей?!

Но это выражение можно истолковать и иначе, например — так: 1) общество устанавливает, что считать способностями данного индивида в его данной социальной позиции; 2) в среднем и в тенденции индивиды, допущенные обществом к исполнению данных функций, исполняют их в меру своих средне-необходимых способностей. Этот принцип касается не потенциальных, а актуальных (реализующихся) способностей людей. Если подходить к проблеме способностей с массовой точки зрения, то потенциальные способности массы людей в данных условиях реализуются в их актуальных способностях, — последние суть показатель первых. Для отдельных людей тут может иметь место несовпадение. Однако и в отношении отдельных людей совершенно бездоказательны утверждения о их якобы загубленных талантах. О загубленных талантах есть смысл говорить лишь тогда, когда человек обнаружил свой талант заметным для окружающих образом и затем как-то потерял возможность его развивать далее и использовать (Мусоргский, Лермонтов, Есенин, Маяковский). Но это — исключения из общего правила. Как правило, подавляющее большинство людей средне-способно или средне-бездарно. В таком практически трезвом понимании этот принцип реализуется во всяком большом и сложном обществе, а не является спецификой коммунизма.

Конечно, от способностей зависит то, какое место в обществе занимают отдельные люди. Но этот фактор — не единственный, влияющий на судьбу этих людей. А когда речь идет о десятках и сотнях миллионов средне-посредственных людей в сложном обществе с разнообразными профессиями, социальными позициями, должностями, способами добывания средств существования и т. д., распределение людей по ячейкам общества, по должностям, по профессиям и прочим «точкам» приложения их сил осуществляется совсем по другим принципам. Природные же способности используются лишь как одно из средств занять наилучшее положение в жизни и урвать для себя как можно больше жизненных благ. При этом гораздо большую роль играют преимущества рождения в определенном слое и способности устраиваться и делать карьеру с самыми примитивными способностями. Бескорыстные служители истины и муз существуют как редкие исключения, в идеологических сказках, в воспоминаниях хапуг и карьеристов. Главными являются не способности как таковые, а возможности их реализовать и использовать для карьеры и обогащения.

Обратимся ко второй части рассматриваемых принципов. Допустим, вы решили педантично следовать принципу «Каждому — по труду» при вознаграждении работников за их деятельность. Если люди заняты одинаковой деятельностью, еще можно сравнивать их труд по их результатам. Но как быть, если люди заняты разнородной деятельностью, и сравнивать их труд по результатам деятельности оказывается невозможным? Как сравнить труд начальника и подчиненного? Имеется единственный общественно-значимый критерий сравнения труда в таких случаях: это — фактические социальные позиции людей. Средне-нормальное осуществление деловых функций человеком в данной его социальной позиции соответствует его труду, отдаваемому обществу. Практически принцип «каждому — по труду» реализуется как принцип «каждому — по его социальному положению». И реальные люди в реальном коммунистическом обществе прекрасно это понимают на своем опыте. Следствием действия этого принципа является ожесточеннейшая борьба миллионов людей за улучшение своей социальной позиции.

Кроме того, на этой основе развивается система коррупции и использования своего служебного положения в корыстных целях. Она фактически становится дополнительным средством распределения и перераспределения жизненных благ. В практической реализации для огромной массы людей рассматриваемый принцип распределения превращается в принцип «Каждый урывает для себя максимум того, что позволяет ему его социальное положение».

Выражение «по потребности» тоже допускает различные интерпретации, по крайней мере такие: 1) будет достигнуто изобилие жизненных благ; 2) любые потребности людей будут удовлетворены; 3) общество будет решать, что считать потребностью человека. Очевидно, что во втором смысле принцип «по потребности» никогда реализован не будет. Изобилие же — понятие относительное, исторически определенное. Тот жизненный уровень, который в прошлые века мыслился как изобилие, в Советском Союзе мы имели для огромного числа людей. Число людей, живших у нас по потребности, в этом «скромном» смысле было больше, чем все население России до революции. Тем не менее это не устранило неравенства, недовольства своим положением, зависть, жажду иметь больше. Я вообще считаю, что рост благосостояния населения стал одной из причин краха нашего русского коммунизма. Он усилил расслоение общества и материальное неравенство. Жажда иметь росла быстрее и сильнее, чем возможность ее удовлетворять. На этой основе возникло другое, чисто обывательское истолкование принципа «по потребности» — как удовлетворение желаний современных людей. А желания эти возросли настолько, что даже официальная идеология Советского Союза отодвинула исполнение этого принципа в неопределенное будущее. Советские люди уже представляли себе изобилие коммунизма по крайней мере в виде высокого жизненного уровня некоторых западных стран. Основатели учения марксистского коммунизма вряд ли подозревали о холодильниках и телевизорах как предметах первой необходимости, вряд ли думали, что автомобиль станет зауряд-

ным средством транспорта. Но советский обыватель уже не мыслил себе коммунизма без многокомнатной квартиры со всеми удобствами, без телевизора и холодильника, без личного автомобиля и без дачи.

Официальная идеология Советского Союза почувствовала опасность, которая кроется в таком истолковании весьма неосторожного заявления классиков марксизма, и стала говорить о разумных потребностях, контролируемых и регулируемых обществом. А это была лишь замаскированная форма выражения фактического положения вещей, а именно — того факта, что потребности человека в коммунистическом обществе определены возможностями их удовлетворения. Советская идеология невольно стала склоняться к третьему, к социологическому пониманию потребностей: не всякое желание человека есть потребность, а лишь такое, которое общество признает в качестве потребности этого человека. А это значит, что предполагается некоторый общезначимый уровень удовлетворения нужд человека на данном уровне его социальной иерархии, — т. е. некоторая норма потребления. Иметь по потребности — значит, иметь в рамках этой нормы, а иметь не по потребности — значит, превышать или не достигать нормы.

Реализация принципа «по потребности» не устраняет на деле экономического и тем более социального неравенства людей.

Александр Зиновьев. Солома для утопающих¹¹

В результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы в России была разгромлена советская социальная организация. При этом наиболее жестоко обошлись с советской идеологической сферой. На место обещанного реформаторами освобождения от тирании марксизма-ленинизма в Россию устремились потоки западной идеологии, началась поощряемая властями реанимация православия, стали расцветать всякого рода секты и шарлатанские учения, была отброшена и дезорганизована немарксистская часть советской идеологии, включая философию, социальные учения, этику, эстетику. Наступило состояние, в отношении к которому слово «беспредел» уместно с меньшими основаниями, чем в отношении к прочим аспектам социальной организации страны.

Утопающим в трясине идеологического беспредела россиянам с высот политической и идеологической «элиты» время от времени бросаются соломинки и даже порою целые охапки соломы, ухватившись за которые, россияне вроде бы должны обрести идейную ориентацию в постсоветском идейном пространстве. Это делается по трем основным линиям, по каким вообще формируется постсоветская социальная организация России, — по линиям советизма, западнизма и национально-русского фундаментализма.

Хотя советская идеология разрушена и всячески очерняется, от нее осталось достаточно значительное наследие. Оно сохраняется не только потому, что его невозможно истребить в течение короткого времени, но и потому, что оно преднамеренно сохраняется и даже подкармливается из самых различных соображений. Нет надобности обосновывать это утверждение. Читатель сам может видеть это в телевидении, кино, театрах, газетах, выставках, юбилеях и прочих общественных мероприятиях. Хозяева новой России всячески стремятся создать видимость, будто продолжается некий «нормальный» ход жизни, будто отброшены лишь некие ужасы коммунизма, а все ценное живет как ни в чем не бывало.

¹¹ Литературная газета, 20—26.02.02, № 7.

Среди спасительных идеологических соломинок по линии советизма попадаются, естественно, идеи реставрации советской социальной организации. Имеют ли эти идеи какие-то перспективы? Думаю — никаких.

За последние годы в России и в мире произошли такие перемены, что в России сейчас просто некому сражаться за идеалы коммунизма. Эти идеалы дискредитированы настолько, что даже крупнейшая коммунистическая партия (КПРФ) в значительной мере отреклась от них. И Запад не остановится перед применением новейшего оружия против России, если возникнет реальная угроза реставрации коммунизма. А в самой России нет людей, способных мобилизовать россиян на сопротивление западной агрессии, подобное тому, какое имело место в годы войны против гитлеровской Германии. Да и без вмешательства Запада нынешняя политическая власть России, какой бы она ни была беспомощной в прочих отношениях, достаточно сильна и решительна, чтобы самым жестоким образом подавить всякие попытки реставрации коммунизма. Подавить под видом благородной борьбы против терроризма и экстремизма. Давая клятву Конгрессу США не допустить возрождения «чудовища коммунизма», бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Ельцин имел для этого веские основания.

По линии западнизации в российскую менталитетную сферу и в головы россиян неудержимым потоком вливаются помой западной идеологии. Но и по этой линии в идеологическую российскую трясицу сыплется спасительная солома. Она сыплется как из Кремля, так и из гражданского общества, т. е. из политических партий, общественных движений, культурных организаций. В общем виде она выглядит примерно так. В одном популярном мультфильме есть персонаж — кот Леопольд, который обращается к мышам, делающим ему всяческие пакости, с призывом: «Ребята, давайте жить дружно!». Этого кота можно считать основателем этой линии постсоветской идеологии. Не Маркса и Ленина, — с этими исчадиями коммунизма покончено, — а именно демократического кота Леопольда. Его первым последователем стал первый президент России Ельцин, который после учиненного под его водительством погрома советской России обратился к россиянам с призывом жить в единстве и дружбе, как тому и учил кот Леопольд. У Ельцина, естественно, нашлись продолжатели его дела. Они обогатили это учение новыми идеями такого же высочайшего интеллектуального уровня: ребята, давайте жить в согласии, по справедливости и по закону!

При этом не предпринимаются никакие попытки осуществить хотя бы мало-мальски объективный анализ той социальной организации, которая создается в России вместо разрушенной советской. Возможно ли вообще в рамках новой постсоветской социальной организации для миллионов людей жить в согласии, по справедливости, по закону? Могут ли жить в согласии миллиардеры, нажившие богатства за счет ограбления миллионов сограждан, и ограбленные и обнищавшие сограждане, владельцы роскошных особняков и обитатели трущоб, безработные, беспризорники, коррумпированные чиновники, преуспевающие политики, банды преступников, жиреющие попы, атеисты, проститутки, охранники, торгаши, выброшенные из армии офицеры и из науки ученые и т. д.? Можно ли уговорами заставить миллионы преступников, порождаемых самими условиями новой социальной организации, жить по закону?

Социальная сущность всей такой спасательной идеологической соломы тривиальна: заставить россиян примириться с теми последствиями, к которым привел антикоммунистический переворот, уйти от постановки и тем более от решения действительно жизненно важных социальных проблем, уговорить жертвы реформ быть послушными, не конфликтовать друг с другом и с властями, сделать вид, будто все случившееся было неизбежно и пошло на благо страны и народа, уйти от ответственности за исторические глупости и преступления, имитировать начало эпохи подъема и движения к процветанию.

Просматривая программы партий и выступления партийных лидеров, невольно задаешься вопросом: в каком веке мы живем — где-то в средние века еще до появления великих мыс-

лителей XVIII и XIX веков или в XXI веке, имея за плечами грандиозные научные открытия и не менее грандиозный опыт социальных преобразований XX столетия? Куда все это испарилось? Неужели все это впустую? Неужели сочинители спасительной идеологической соломы никогда и ничему не учились? Неужели они уверены в том, что с интеллектом кота Леопольда делают вклад в эволюционное творчество человечества?!

Пусть представители политической элиты, бросающие тонушим россиянам «соломинки» в виде слов «согласие», «закон», «справедливость» и т. п., ответят себе на вопросы: возможно согласие между грабителями и ограбленными или нет, законно приобретены баснословные богатства незначительной частью россиян или нет, справедливо ли сказочное благополучие меньшинства россиян и нищета большинства или нет, и т. п. Если «да», то все такие «соломинки» суть сплошное лицемерие. И масса россиян не до такой же степени оболванена идеологически, чтобы принимать их за чистую монету и владеть жалкое существование, утешаясь этими пустышками. Если «нет» (а именно так отвечает себе большинство россиян), то у самих производителей спасательной «соломы» вряд ли надолго хватит терпения строить здание постсоветизма на такой зыбкой идейной основе.

Один из лидеров будущей партии власти высказал идею о необходимости единения россиян «перед лицом мирового терроризма», чем и будет заниматься создаваемая партия. Невольно напрашивается сравнение с разрушенной КПСС недавнего прошлого, аналогом которой создаваемая партия власти постсоветской России в той или иной мере будет в силу объективных социальных законов, независимо от того, знают об этих законах создатели партии или нет, и независимо от того, хотя бы они этого или нет. КПСС призывала советских людей к единению в борьбе за построение коммунистического социального строя — «светлого будущего всего человечества» (и реальные шансы на это были), причем — в борьбе против капиталистического (империалистического) западного мира, которую (борьбу) советские люди на самом деле вели на всем протяжении советской истории. А тут — «перед лицом мирового терроризма»! Не слишком ли это мелко и поверхностно для партии, рассчитывающей на историческую роль? Россия неизмеримо больше пострадала и страдает от политических кретинов и предателей, от грабителей приватизаторов, от организованной преступности, от наркомании, от нищеты, от вымирания населения, от деградации интеллектуального потенциала и т. д.

Идеология «Перед лицом мирового терроризма» есть идеология американская, а не российская, причем — временная. Американцев самих она уже не очень-то вдохновляет. Уж если объединяться и шагать дружными рядами, то уж лучше перед лицом пожаров, наводнений, массовых грабежей, вымирания населения, сокращения продолжительности жизни, беспризорности и прочих явлений такого рода, ставших буднями российской постсоветской жизни. Только перед таким лицом дружными рядами можно шагать скорее к коммунизму, чем к капитализму.

А сколько спасательной соломенной трухи сыплется в идеологическую трясиину постсоветской России по третьей линии — по линии реанимации российского фундаментализма, включая в первую очередь сюда православие! Сила воздействия ее поистине поразительна. Новые правители страны, значительная часть которых в свое время входила в атеистическую элиту КПСС и получила атеистическое образование, быстренько обучились кое-как креститься и, прикинувшись ревностными христианами, сделали ставку на Православную Церковь, претендующую на роль духовного вождя в деле возрождения России. Такого раболепства перед всем, что так или иначе связано с православием, монархией, дворянством и т. п., какое можно наблюдать сейчас, не было даже в дореволюционные годы. Если вдруг будет принято решение превратить президента в царя или императора и ввести дворянские титулы чиновникам и богачам, наверняка поднимется ликование, какого не было даже в мае 1945 года. Пигмеи контрреволюции готовы стать князьями, графами и баронами, превратив прочий люд в холопов.

Включаю телевизор, листаю газеты и журналы, слушаю ораторов и беседую со знакомыми людьми — и переживаю ужасающее состояние, будто я живу не в двадцать первом веке, являюсь преемником и наследником величайших в истории человечества научных открытий и технических изобретений двадцатого века, а в дремучем средневековье. Теперь я не удивлюсь, если вдруг увижу разъяренную толпу, бегущую за одиноким человеком, которого эта толпа заподозрила в атеизме. Толпу не невежественных и тупых людей, а людей образованных, с научными степенями и званиями, писателей, политиков, общественных деятелей, генералов, профессоров и прочих представителей постсоветской российской элиты, включая бывших высокопоставленных функционеров КПСС. Двадцать с лишним лет прожил на некоммунистическом и даже антикоммунистическом Западе, но ничего подобного не видал нигде, даже в США.

Одно из самых страшных (если не самое страшное) последствий антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы — идеологическая деградация России. Из самой просвещенной страны с самым высоким уровнем гражданской (нерелигиозной) идеологии Россия в поразительно малый (с исторической точки зрения) срок превратилась в страну идеологического беспредела и религиозного умопомрачения, сопоставимого с таковым исламских стран. Это беспрецедентное историческое падение России стремятся изобразить как освобождение от гнета коммунистической идеологии, как проявление свободного волеизлияния народа, как духовное прозрение и возрождение народа и т. п. Это — не просто заблуждение, это — составная часть умышленной тотальной фальсификации истории и умышленного оболванивания российского населения, которое было заранее спланировано стратегами «холодной» войны уже в самом начале ее как средство именно духовного разложения советского народа, занижения его образовательного, морального и идейного уровня.

Через средства массовой информации россиянам усиленно навязывается утверждение, будто православная религия и Церковь (православие) выражают национальные интересы русского народа и будто бы поэтому началось их бурное возрождение. В реальности произошло нечто иное. В реальности под предлогом отмены марксизма-ленинизма как государственной идеологии была разрушена вообще вся сфера светской (нерелигиозной, гражданской) идеологии, которая не сводилась к марксизму-ленинизму. Последний составлял лишь часть этой сферы, создававшейся усилиями советских ученых, писателей, художников, деятелей кино и театра и т. д. в течение многих десятилетий. Православие при поддержке новой (постсоветской) власти просто захватило освободившееся место подобно тому, как была захвачена некоторой частью населения страны вся экономическая сфера, созданная в советские годы и дезорганизованная в результате переворота.

То, что происходит с православием в России, не есть всего лишь свобода религии, какая по идее должна иметь место в демократической стране, на что претендуют реформаторы России. Свобода религии при этом не должна быть засильем религии. А в России настойчиво проповедуется требование считать русскими только таких граждан, которые исповедуют православную религию. Церковь должна быть отделена от государства. Это означает, в частности, что церковь не должна вторгаться в систему образования, с чем фактически православие не считается. Не соблюдается и условие равноправия религий. Православие стремится стать привилегированной религией, пользующейся особым покровительством власти, что ему фактически удастся. Свобода религии предполагает также свободу от религии, т. е. свободу для нерелигиозной идеологии, включая атеизм, пропаганду атеизма, воспитание атеистических убеждений. В нынешней России фактически для этого нет никаких условий. Хотя формального (юридического) запрета на это нет, на деле созданы такие условия, что активный атеизм фактически не допускается и систематически подавляется и изгоняется из памяти Россиян.

Нерелигиозная (светская, гражданская) идеология не сводится к атеизму и не обязательно является антирелигиозной. Это может быть идеология, опирающаяся на результаты достижений науки. С такой претензией в свое время возник марксизм и ленинизм. И было бы фактически неверно (просто нечестно) отвергать великую роль, какую он сыграл в истории нашей страны и всего человечества. Со временем он утратил былое влияние, став неадекватным той ситуации, которая сложилась на планете во второй половине двадцатого столетия. Его кризис стал одним из факторов кризиса и краха советского коммунизма. Но это не означает, что светская идеология вообще потерпела крах. Силы западного мира, одержавшие победу в «холодной» войне, руководствовались не религиозной, а светской идеологией (хотя и не выраженной так явно, как марксизм). И сейчас они осуществляют глобализацию человечества с идеями не религиозной, а светской идеологии. Намерение придать мировой агрессии США и стран НАТО вид войны христианства против мусульманства успеха не имело и не будет иметь. В современных условиях в западном мире никакая религия не может приобрести ту власть над сознанием людей, какую она имела когда-то. Даже Ватикан жалуется на недооценку церкви, хотя, по видимости, католичество никогда не было таким активным, как теперь.

Сами условия существования и социальные закономерности западнизма вынуждают западный мир быть атеистическим по сути, какую бы религиозную внешность ему не навязывали его правители. Это целиком и полностью относится и к России, раз она пошла по пути западнизации. В XXI веке стать на долгое время властителем душ россиян и преодолеть идеологический беспредел на этом пути православия не по силам. Выдержать конкуренцию с современными СМИ, ставшими «ватиканами» идеологии западнизма, оно бессильно. Сам образ жизни россиян в новых условиях исключает возвращение их в идейное состояние феодальной России. Церковь может вернуть себе былую власть над сознанием россиян только при условии превращения их в безграмотных, тупых, больных и нищих холопов. Россия действительно имеет шансы стать такой. Но у нее и на этом пути есть мощные конкуренты: политическая власть, руководствующаяся какой-то светской идеологией, и денежный тоталитаризм, руководствующийся циничной светской идеологией западнизма.

Одновременно с реанимацией православия в среде российской интеллигенции (точнее, той ее части, которую я называю идеологенцией) начались поиски некой «национальной идеи», которая по силе воздействия на массы населения была бы сравнима с марксизмом-ленинизмом недавнего прошлого, но чтобы при этом была его отрицанием. Это должна быть национально русская идеология. Ее должно принять большинство этнически русских, вдохновиться ею, забыть о различиях положений и интересов, объединиться и зашагать дружными рядами по пути возрождения, подъема и процветания России. С интеллектуальной точки зрения, идея, явно не уступающая идеологии кота Леопольда (жаль, что кота звали Леопольдом, а не Васькой, как все упростилось бы!).

Национальная идея отличается от упомянутой выше идеи единства и согласия тем, что исходит не от власти и политической партии, намеревающейся служить высшей власти («Кремлю») и участвовать во власти, а из среды россиян, озабоченных тяжелым состоянием русского народа и угрозой его вырождения. Она имеет целью объединить русский народ и возбудить его на борьбу за его интересы именно как народа. Цели вроде благородные. Но, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. В конкретном исполнении замысла получается нечто такое, что вполне укладывается в существующее состояние идеологического беспредела. В разговорах и публикациях на эту тему русский народ и его история идеализируются. В их описаниях в возвышенно хвалебных тонах предстают и православие, и монархия, и великодержавность, и черты социальной организации, против которых шла вековая борьба лучших представителей народа. Очерняется советский период. Игнорируются реальные качества русского народа, такие, например, как низкий уровень самоорганизации и национальной солидар-

ности, покорность перед властями, низкопоклонство перед Западом и другие, практически исключают консолидацию русского народа, независимую от центральной власти и представителей других народов. Русский народ не сумел в более или менее значительной степени воспользоваться теми возможностями, какие ему предоставлялись в советские годы. И в годы краха советского строя он не оказал практически никакого сопротивления тем, кто громил этот строй. Русские националисты сваливают вину за то состояние, в котором оказался русский народ, на представителей других народов, в особенности — на евреев. Но ведь большинство тех, кто сыграл самую активную роль в разгроме Советского Союза и советского социального строя, являются этнически русскими (Горбачев, Ельцин и их «команды»). Суть дела не в этнических, а в социальных факторах, которые сторонники «национальной идеи» игнорируют или не понимают, когда берутся судить о них.

Заметное место в спасительной «соломе» занимают идеи евразийства. Я не имею возможности рассмотреть их в этой статье. Замечу лишь, что они имеют много общего с идеями «национальной идеи». Их приверженцы точно так же игнорируют или ложно истолковывают социальные процессы, происходящие в человечестве, и фактическое состояние России и ее положение в процессе глобализации. Шансы для России сплотить и возглавить азиатские страны на борьбу с США и странами НАТО равны нулю. Таковы же шансы на то, что идеология роли России как лидера и объединителя народов Европы и Азии в этой борьбе будет иметь значительный успех в России и влиять на политическую стратегию российских правителей. Россия уже вступила на путь западнизации в процесс глобализации в его западнистском (американо-европейском) варианте. И если какие-то силы и события свернут ее с этого пути, они ни в коем случае не будут порождены евразийством.

Наконец, последняя соломинка, за которую предлагается ухватиться россиянам, тонущим в трясине идеологического беспредела, — это патриотизм. При этом предполагается ясным и общеизвестным, что такое патриотизм. Последний считается бесспорной добродетелью. Приводятся примеры выдающихся патриотов, а также времен, когда патриотизм сыграл огромную (даже решающую) роль в исторических событиях. Россияне призываются возлюбить Россию и действовать на благо ее.

На самом деле простота и очевидность проблемы патриотизма кажущаяся. Тут есть свои сложности, связанные, во-первых с пониманием самого явления патриотизма как явления социального и, во-вторых, с пониманием конкретной ситуации в России в этом отношении. Поступок считается патриотическим, если человек совершает его в интересах своей страны (родины) и делает это из чувства любви к родине и верности ей. Не всякий поступок в интересах страны является патриотическим. Он может совершаться из каких-то шкурнических соображений. Отдельный человек оценивается как патриот, если его деятельность определяется множеством патриотических поступков в течение более или менее длительного времени, возможно — всей жизни. Характеристика массы людей и целого народа (и даже объединения нескольких народов) с точки зрения патриотизма не сводится к характеристике отдельных людей, входящих в них, подобно тому как характеристика леса не сводится к характеристике входящих в него отдельных деревьев. Это — характеристика массовая. Требуются особые правила исследования (включая правила измерения и вычисления), чтобы ее установить. Народ может содержать патриотов и непатриотов. Входящие в него люди могут совершать как патриотические, так и непатриотические поступки. Тут требуется выяснить степень патриотизма, которая может быть высокой или низкой, может меняться со временем и в зависимости от ситуации. Чувство патриотизма не является прирожденным. Оно воспитывается. Оно не обязательно бессознательно и спонтанно. Оно может быть результатом размышлений. Может быть даже вынужденным, например — когда у человека нет выбора. Чувство патриотизма может основываться на факторах позитивных (гордость за величие страны, за ее успехи, благополучие, при-

рода, условия жизни и т. п.) и негативных (несчастья, нападения врагов, угроза благополучию народа и т. п.).

Часто ссылаются на поведение советских людей в годы войны с гитлеровской Германией как на образец патриотизма. При этом не знают или преднамеренно опускают то, что на одного Матросова находились сотни шкурников и трусов, что непатриотические поступки не поощрялись и наказывались, а патриотические поощрялись и вознаграждались, что миллионы людей были поставлены в такое положение, что были вынуждены совершать патриотические поступки, что степень патриотизма народа менялась (стала возрастать), что массовый патриотизм был организован колоссальными усилиями системы власти и идеологического аппарата и т. д. В результате действия совокупности факторов (о некоторых из них я упомянул) в массе народов Советского Союза было выработано идеологическое состояние, компонентом которого стала высокая степень патриотизма. Она проявлялась в миллиардах поступков людей, и это стало одним из факторов победы. Разговоры о патриотизме и призывы к нему занимали в этом грандиозном свершении народа ничтожно малую роль.

В той ситуации, которая сейчас сложилась в России, степень патриотизма российского населения чрезвычайно низка, низка как никогда, близка нулю. И если бы она была высокой, в России просто нет условий для того, чтобы она заметным образом сработала как важный фактор социальной эволюции страны. Более того, я в России не вижу сил, способных поднять степень патриотизма и заинтересованных в этом. Тут возможна лишь имитация патриотизма, подделка, спектакли на эту тему и словоблудие, не обязывающее к патриотическому поведению массы россиян. Патриотические умонастроения просто не могут воплотиться в действия, объединяющиеся в единый поток поведения народа в интересах страны, ибо такого единства народа и его интересов просто нет в самом постсоветском состоянии России. Где тот враг, в борьбе с которым народ выступит как единое целое? Какова та великая цель, ради достижения которой народ в массе готов пойти на жертвы? Нет такого внешнего врага, ибо основные враги для большинства россиян — их собственные соотечественники, выгадавшие от контрреволюционного переворота. Нет такой цели, ибо эгоистические цели нынешних хозяев России, составляющих меньшинство населения, не могут стать историческими целями страны как единого целого. В нынешней России просто нет таких «амбразур», на которые могли бы броситься новые «матросовы», нет таких «матросовых» и нет тех, кто способен воздать им должное. Патриотизм как массовое явление просто лишен смысла.

В России предпринимаются отдельные разрозненные попытки (в большинстве — кустарные) выработать идеологию, адекватную современным условиям и требованиям, идеологию светскую (нерелигиозную) и ненационалистическую, опирающуюся на научные исследования современной реальности. Но они имеют ничтожно мало шансов пробиться к известности и признанию, если даже они достигнут высочайшего интеллектуального уровня. Почему? Дело в том, что огромное число людей, оккупирующих идеосферу и живущих за ее счет, сделают все от них зависящее, чтобы помешать этому. Нужны усилия многих людей и длительное время, чтобы преодолеть это препятствие. А чтобы это учение приобрело статус массовой признанной идеологии, нужны силы, способные придать ему социальный авторитет (например — высшая власть). Но и этого мало. Идеи сами собой в головы людей не заползают, какими бы они хорошими ни были. Для этого нужно множество людей, которые должны профессионально заниматься этим делом. Они должны быть организованы в целое, — должен сложиться идеологический механизм. Такой механизм имеет Церковь, такой механизм существовал в советские годы в распоряжении «Кремля». Если даже и это препятствие будет преодолено, предстоит длительная борьба за «души» россиян. При этом придется иметь дело с силами, противодействующими распространению этого учения и принятию его массами, в их числе — с невосприимчивостью самих масс, с религиозными организациями, заинтересованными в

сохранении масс в состоянии мракобесия, со СМИ, с огромной силой навязывающими россиянам западную идеологию.

В современной России никаких условий и мало-мальски серьезных сил для преодоления этих препятствий просто нет. Высшая власть поддерживает Православную Церковь почти как государственную, а прочие политические силы (включая коммунистов) заигрывают с нею. Шансы на создание признанного нерелигиозного учения, превосходящего все прочие идеологические учения, и на создание конкурентоспособного механизма его распространения и вбивания в головы масс россиян близки к нулю.

Что же остается? Существующий идеологический беспредел, который со временем может быть истолкован как западный плюрализм на российской почве. Усиление православия. Тоска по всесильной «национальной идее». Конъюнктурные лозунги вроде призыва сплотиться перед лицом мирового терроризма. Пустословие партийных программ, обещающих бороться за все хорошее против всего плохого. Эпоха, когда умами и чувствами россиян владели идеи глобального и эпохального масштаба, безвозвратно ушла в прошлое. Эпоха, осужденная и оплеванная неблагодарными потомками, но непонятая в ее трагическом величии.

Майкл Керквуд. Идеология в произведениях А. А. Зиновьева¹²

О ТЕРМИНОЛОГИИ

Есть соблазн начать эту главу цитатой из последней книги Зиновьева, которая вполне могла бы послужить эпиграфом: «Игнорируйте официальную идеологию. Любое уделенное ей внимание лишь укрепляет ее». Этот совет, который время от времени можно найти в работах Зиновьева, в данном случае выражен менее сжато, но не менее твердо. Это совет, которому сам он не последовал. Споры об идеологии присутствуют во многих его работах, и недавно он написал целую книгу на эту тему. Целью этой книги является поместить и классифицировать эти споры под серией заголовков, что позволит нам представить в системе взгляды Зиновьева на роль и значение идеологии в коммунистическом обществе.

Давайте начнем с того, что решим, как мы будем интерпретировать термин «идеология». В «Советском академическом словаре» дается следующее определение этого термина: «система взглядов, идей, представлений, характеризующих отдельное общество, класс или политическую партию». Зная реальную роль идеологии в советской системе, нельзя не признать это определение слишком скромным, почти самоуничтожающим. «Оксфордский словарь английского языка» дает более развернутое определение. Идеология: 1. Наука об идеях; исследование происхождения и природы идей; 2. Идеал или абстрактное размышление; теоретизирование в воображении. 3. Система идей, относящихся к феноменам, особенно социальной жизни; способ мышления, характерный для класса или индивида. По Зиновьеву, идеология — это одновременно и доктрина, руководство к действию, и «магнитное» поле, влияния которого трудно, если не невозможно избежать. Понимание термина «идеология» Зиновьевым существенно отличается от только что процитированных определений. Для Зиновьева основой идеологии не является класс (классовая принадлежность), она не ориентирована на какой-то определенный класс. Идеология для Зиновьева — не наука. Поэтому он отбросил бы первое определение,

¹² Michael Kirkwood *Ideology in the works of A. A. Zinoviev*, in Hanson, P. and Kirkwood, M. (eds.), *Alexander Zinoviev as writer and thinker*. London: Macmillan, 1988, pp. 44–60.

предложенное «Оксфордским словарем английского языка», но принял бы второе и первую часть третьего определения, данные этим словарем. Его собственное определение таково: Идеология — это комплекс идей, который по намерению или результату формирует в людях специфический тип сознания, адекватного условиям их социальной среды, сознания, которое одобряет одни формы поведения людей в данном обществе и осуждает другие. До конца главы мы будем использовать термин «идеология» именно в зиновьевском смысле.

Давайте сначала рассмотрим идеологию как комплекс идей, или доктрину. Например, именно в качестве комплекса идей марксизм-ленинизм привлек наибольшее внимание. Большинство людей, пишущих на тему марксизма-ленинизма, изо всех сил стараются проследить эволюцию марксизма в интерпретации Лениным в его работах. Они также пытаются выяснить предел возможности модифицировать исходную теорию в свете меняющихся обстоятельств и событий, которые Маркс (и Ленин) не могли предвидеть, или оценить вклад в марксистско-ленинистскую мысль современных идеологов, генеральных секретарей КПСС, ведущих авторов в партийных газетах и журналах и т. д. Конечно, часто существует огромная разница между тем, что Зиновьев называет «классикой» марксизма и ленинизма, т. е. подлинными исходными текстами этих авторов и текстами, созданными для массового потребления. Первые выступают как истинный, чистый «источник», но не используются в качестве идеологических текстов, поскольку слишком сложны. Чтобы иметь успех, идеологические тексты должны быть легко понятными широким массам людей.

Зиновьев любит напоминать своим читателям знаменитое ленинское замечание о том, что спустя пятьдесят лет после смерти Маркса очень немногие читали его и еще меньше людей понимают его правильно. Он применяет данное замечание к работам самого Ленина. Тем не менее, из этого нельзя заключить, что Зиновьев высоко оценивает интеллектуальные достоинства работ Маркса или Ленина. Он часто вспоминает, что провел около восьми лет, изучая работы Карла Маркса и пытаясь освоить суть его теории. На основе этих исследований он написал свою знаменитую кандидатскую диссертацию, которая так никогда и не была опубликована, но циркулировала по Москве. Вывод, к которому он пришел и который он часто и подробно повторяет — либо от своего имени, либо устами своих героев, — заключается в следующем: то, что писали Маркс и Ленин, было простым словоблудием. Со строго логической точки зрения многое из написанного ими, заявляет Зиновьев, — это полная бессмыслица. Однако работы «классиков» составляют «лучшее», что может предложить марксистская мысль с интеллектуальной точки зрения, и именно работы этих авторов, как утверждает Зиновьев, в наибольшей степени изучаются и критикуются западными учеными. Однако «средний продукт», работа среднего ученого, работающего на кафедрах философии в СССР, является лучшим показателем истинной природы советского философского творчества. И Зиновьев утверждает, что качество таких работ крайне низкое, свидетельствующее о деградации и презираемое в самом Советском Союзе. Поэтому Зиновьева забавляет, когда западные ученые воспринимают работы официальных советских философов-поденщиков всерьез.

Несмотря на недостаток уважения к интеллектуальному уровню работ классиков марксизма, Зиновьев не отрицает их действительности как источника, из которого, по мере необходимости, могут черпать идеологи. Действительно, практика цитирования «классики» — это то, что он постоянно высмеивает в своих романах. В то же время Зиновьев отрицает, что они когда-либо в каком-либо смысле были «руководством к действию». Он не раз заявлял, что революция породила нужду в идеологии, во-первых, с целью легитимации положения руководства и, во-вторых, для мобилизации населения и направления его по определенному пути. Так случилось, что марксизм-ленинизм был легко доступен. Опять же, следует помнить, что не работы самих Маркса и Ленина использовались в качестве идеологических текстов для массового потребления. В эпоху широко распространенной неграмотности и очень низкого

уровня общей культуры тексты, написанные для образованной элиты, были бы совсем бесполезны. Именно Сталин приспособил марксизм-ленинизм для масс и сформулировал его суть так, что она стала доступной для масс простого населения. Согласно Зиновьеву, кризис, с которым столкнулась сегодня советская идеология, коренится в том, что интеллектуальный уровень доктрины более не адекватен высокообразованному населению, чей культурный уровень гораздо выше того, что был в эпоху Сталина. Единственным добавлением ко всей марксистско-ленинистской мысли со времен Сталина является слово «развитой», помещенное перед словом «социализм».

Независимо от того, каков интеллектуальный уровень доктрины, сама она остается неизменной по сути, продолжая проповедовать евангелие коллективизма, превосходство социализма над капитализмом и неизбежность коммунизма. Превозносятся добродетели патриотизма и интернационализма (который все более упоминается в связи с отношениями между национальностями *внутри* Советского Союза), а также долг защищать социалистическую родину от ее врагов.

ИДЕОЛОГИЯ И НАУКА

В Советском Союзе претендуют на то, что марксизм-ленинизм превосходит любую другую идеологию, поскольку он «научен». Только он якобы предлагает истинную научную картину мира, так как он один вооружен теорией, объясняющей развитие мира до сего дня и предсказывает путь, по которому мир должен «неизбежно» развиваться. Если существует аспект советской идеологии, который Зиновьев атакует больше всего, то это ее претензия на научность. Снова и снова он показывает, что претензия эта полностью несостоятельна. Иногда Зиновьев разворачивает свою критику, противопоставляя «язык науки» «языку идеологии». В то время, как цель первого — дать точные, ясные, недвусмысленные, поддающиеся проверке определения, создать теории, открытые для критики и опровержения, второй стремится к туманности, упрощению, непроверяемости, пристрастности и т. д. Это не означает, что идеология не может пользоваться языком науки, не может идентифицировать себя с наукой, не может использовать науку для своих собственных целей. Напротив, Зиновьев указывает, что советская идеология как раз делает все это. Тем не менее, она не является наукой. Научные тексты по определению — тексты, предназначенные для чтения относительно малым, посвященным кругом читателей. Они не могут быть поняты широкими массами. Попытки «популяризировать» научные открытия и сделать их доступными для публики в форме, в которой публика сможет их понять, неизбежно упрощают природу этих открытий до такой степени, что между «популярным» изложением этих открытий и их истинной научной природой остается мало общего. Не случайно советская идеология идет на многое, чтобы ознакомить советское население с происходящим в научном мире, поскольку тем самым она прибавляет респектабельности. Согласно реалистическому, если не циничному, взгляду Зиновьева, все, что поддается пониманию масс, ненаучно по определению.

В других случаях Зиновьев нападает на официальную марксистско-ленинистскую идеологию, стремясь определить значение таких ключевых понятий, как «класс», «базис», «надстройка», «экономические отношения», «владение», «собственность», «производственные отношения» и т. д. Он подвергает их беспощадной критике и с завидной легкостью и ясностью показывает, как легко они рушатся, когда их рассматривают с логической точки зрения.

Однако идеология не просто не наука. Она глубоко антинаучна. Прежде всего Зиновьев подвергает ее критике за то, что марксизм был попыткой оправдать и абсолютизировать априорный взгляд одного человека на определенное общество в определенный момент его развития. Категории, которые Маркс изобрел как средства описания этого общества, не только не

подходят для этой цели, но и полностью неприменимы к обществу советского типа, т. е. социалистическому, посткапиталистическому обществу. Советская идеология использует марксизм не только как средство разжигания антизападных настроений, но и как средство скрыть от советской общественности истинную природу общества, в котором она живет. Один из главных тезисов Зиновьева заключается в том, что, в то время как коммунизм осуществил все свои намерения и достиг всех своих целей (в институциональном плане больших изменений не будет), мир все еще ждет открытия научной теории, которая позволит адекватно проанализировать это общество. Это, конечно, прямая противоположность и вызов советскому подходу, согласно которому до коммунизма еще далеко (причем со временем — все дальше и дальше), и только в СССР обладают истинно «научной» теорией общества.

ИДЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ

Совсем недавно Зиновьев написал книгу, посвященную обеим этим темам. В связи с этим, возможно, сейчас необходимо отметить следующее: Зиновьев так же стремится показать, что идеологию не надо путать с религией, как и то, что идеология — не наука. Опять же его взгляды на эту тему заметны уже в его ранних работах. Зиновьев отвергает организованную религию как, во-первых, совершенно неадекватную современной научной эпохе в качестве источника объяснения природных явлений. Эту роль намного эффективнее выполняет идеология. Ни христианство, ни ислам, ни буддизм не адекватны, поскольку ни одна из этих религий не шла в ногу с развитием современной цивилизации. Более того, как организованные религии, они подвержены тому же типу проблем, что и любая массовая организация, т. е. они подчиняются действию зиновьевских знаменитых «социальных законов». Особенно он иронизирует над Русской Православной Церковью в Советском Союзе, которую рассматривает как советский институт, используемый государством с целью демонстрации превосходства официальной идеологии.

Когда Зиновьев говорит о религии, он имеет в виду нечто приватное и личное, хотя и имеющее некие социальные предпосылки. Последние включают чувство религиозности индивида, присутствие «души», желание лелеять свою собственную индивидуальность. Вера в существование бога необязательна. Ниже мы скажем больше о зиновьевской концепции религии, но необходимо отметить различия между идеологией и религией, как их видит Зиновьев. Идеология — это «дело» для головы, а религия — для души. В случае идеологии вопрос веры не является решающим. Вера необходима для религии. Идеология и религия очень часто занимают одними и теми же вопросами жизни, но положение идеологии гораздо прочнее, поскольку она может предложить интеллектуально намного более удовлетворительные ответы. Люди, с другой стороны, не нуждаются в идеологии. Она является чем-то навязываемым им извне. Потребность в религии возникает изнутри человека. Церковь в организованной религии — это результат потребности в религии, в отличие от идеологического института, который существует с целью навязывать идеологию людям. Однако люди гораздо более склонны принимать идеологию, так как в противном случае они столкнутся с серьезными трудностями в их жизни. Принятие обществом идеологии и демонстрация им обязательств перед ней не влекут веру в идеологию, хотя вера не исключена и, очевидно, существуют люди, действительно верящие в идеологию. В Советском Союзе идеология находится в намного более благоприятном положении, чем религия, поскольку она гораздо адекватнее обстоятельствам, чем религия.

В столь неблагоприятных обстоятельствах — и это очень характерно для Зиновьева — он изобрел свою собственную религию. В его работах разбросаны несколько упоминаний о ней и ее частичных описаний, но подробно она описана в его новой книге. Иван Лаптев — это ответ Советского Союза на Иисуса Христа. Родившийся в маленьком провинциальном городке, он

осознает или решает, что он — бог. Он изобретает религию, которую именует «иванианством», а иногда называет «лаптизмом». Это религия, предназначенная для помощи тем людям в Советском Союзе, которые сделали свой выбор против системы или которые желают сопротивляться коллективистской этике. Она едва ли адресована карьеристам или тем, кто счастлив жить в советской системе как она есть. Подобно Иисусу, Лаптев совершает чудеса, исцеляет больных и проповедует. Параллели проходят сквозь всю книгу: движение Лаптева из Энска в Москву перекликается с путешествием Иисуса из Назарета в Иерусалим; распятие Христа на Голгофе — с духовной смертью Лаптева в Советском Союзе. Воскресение Христа имеет аналогом вторичное появление Лаптева в Энске — с тем, однако, отличием, что, в то время как Иисус вознесся на небо в качестве Сына Божьего, Лаптев вновь появляется в Энске, «излеченный» от своей веры в то, что он бог. В конце книги Лаптев, кажется, счастлив жить подобно обычному советскому гражданину.

У Лаптева есть оппонент, названный «Антиподом». Он часто спорит с Лаптевым о соответствующих достоинствах идеологии и религии в Советском Союзе. Фактически ни один из них не побеждает в споре, поскольку антиподовская «улучшенная» идеология способна «продвинуться» в Советском Союзе не больше, чем лаптевская идиосинкразическая религия. Ясно, однако, что идеология подходит значительно большему числу населения больше, чем религия. Как говорит Антипод:

Твоя религия требует самоотречения, самодисциплины, она предлагает тебе взбираться по крутому склону и требует от тебя постоянных усилий в самоограничении. Обычные люди на это не способны. Люди находят, что легче плыть по течению и скорее упасть, чем плыть против течения и карабкаться на гору. Падение — тоже форма полета, в этом вся проблема. И падение достаточно долго, чтобы длиться всю жизнь.

Хотя в книге есть много разнообразных отступлений, в ее основе лежит серьезная озабоченность автора вопросами морали. Религия Лаптева содержит ядро доктрины, предназначенной помогать человеку вести морально честное существование в крайне аморальной среде. Лаптевский эквивалент десяти заповедей содержит около пятидесяти указаний, относящихся к поведению отдельного человека, которые, если верно следовать им, позволяют человеку достичь этой цели. Вот несколько примеров: сохраняй чувство собственного достоинства; держи людей на расстоянии; сохраняй независимость в поведении; не дружи с карьеристами, интриганами, осведомителями, клеветниками, трусами и другими плохими людьми; не влезай в чужую душу и не позволяй никому лезть в твою; не привлекай к себе внимания; обходишься без помощи, если можешь; не навязывай свою помощь другим. В своей сумме они складываются в мощный арсенал для защиты индивида в коллективистском мире. Вера в бога необязательна. Что является обязательным, так это позиция, позволяющая тебе вести себя, как если бы бог наблюдал за тобой. Цель Зиновьева — изобрести религию, которая будет адекватна образованным людям с высоким уровнем общей культуры, живущим в эпоху развитой технологии. Его религия прежде всего служит противоядием от официальной идеологии.

ИДЕОЛОГИЯ И МОРАЛЬ

Коммунистическая идеология производит аморальных людей. Зиновьев утверждал это неоднократно. Его аргументация следующая. При большом количестве людей, живущих в обществе в течение длительного периода времени, в действие вступают универсальные «социальные законы», сводящиеся к формуле «собака ест собаку». Цивилизацию можно рассматривать как историю изобретения ограничений, препятствующих действию этих законов. Примерами являются институты, которые мы ассоциируем с западной демократией: свобода слова, свобода собраний, власть закона, религия, оппозиция и т. д. В таких обстоятельствах разви-

вается форма морального поведения, которую Зиновьев называет «личной моралью», или «моралью индивида». Идеальный коммунистический человек, напротив, не есть моральное создание:

Во-первых, марксизм предполагает, что человек целиком зависит от обстоятельств своего существования и его добродетели считаются продуктом идеальных условий жизни, а не его свободной воли. Во-вторых, человека заставляют быть тем, чем он должен быть в теории в результате действия таких сил, как власть, идеология и коллектив. В-третьих, человека принуждают соответствовать идеалу лишь внешне: на практике его обучают поведению с помощью правил коммунальности. Эти последние ограничены коллективом, властями и идеологией только с целью сохранения общества, которое само основано на законах коммунальности.

Речь не идет о том, кто морально выше — западный гражданин или советский. Зиновьев сам утверждает: то, что «морально», не обязательно является хорошим, а то, что «аморально», не обязательно является плохим. (Соглашаться или не соглашаться с Зиновьевым — другой вопрос.) По-настоящему важный вопрос заключается в том, думают ли и действуют ли советские люди в целом отлично от несоветских. В некоторых отношениях — явно да. В контексте советского общества от людей требуется конформизм, его частая демонстрация. То, что люди думают и говорят в частной жизни, может сильно отличаться от того, что они говорят публично. Однако ведет ли цинизм, который такие обстоятельства воспитали во многих советских гражданах, к заключению, что «люди везде одинаковы»? Могут ли они вообразить общественную систему, в которой зиновьевские «социальные» или «коммунальные» законы действуют с меньшей силой, или они допускают, что людей на Западе так же часто заставляют действовать тем же «двуликим» образом, что и многих из них? Зиновьев неоднократно обращает внимание на недостаток доверия между людьми в Советском Союзе и между властями и населением в целом:

Люди не верят в моральные качества своих соседей и не рассчитывают на них. Это фактически является глубочайшим источником аморальности в обществе.

Одной из самых поразительных черт советского общества является степень, в которой люди являются объектом наблюдения и недоверия. Один из примеров — практика досмотра в советских супермаркетах сумки с покупками каждого покупателя *после* того, как он заплатил, с целью проверки соответствия покупок чеку. Воспитывает ли подобная практика чувство презрения к людям и убеждение, что, поскольку никто никому не доверяет, не имеет смысла заслуживать доверие? Что происходит, когда советские граждане эмигрируют на Запад? Сохраняют ли они свою «советскость» или избавляются от нее? Зиновьев не сомневается, что советский гражданин обречен быть «советским» на всю оставшуюся жизнь. «Гомо советикус» — это целая книга на тему, как советские эмигранты воспроизводят советский тип общества за рубежом.

Советская идеология, говорит Зиновьев, позволяет советским людям плохо вести себя по отношению друг к другу, не испытывая при этом чувства вины. В среде, где все необходимое — дефицит, «безжалостная борьба» за все становится естественным образом жизни. Люди изо всех сил будут стараться, чтобы никто не жил лучше, чем другой. Удары в спину, тайное обвинение, раболепие, взяточничество, коррупция, халтура, обман характеризуют коммунистическое общество. Зиновьев не утверждает, что подобные пороки нельзя найти в некоммунистических обществах, но подчеркивает, что в коммунистических обществах они эндемичны. Центральным в его аргументации является его тезис, согласно которому в советском обществе человек обречен не быть истинной ценностью. Зиновьев объясняет прочность коллективистской структуры советского общества ее простотой. Это гигантское гнездо коллективов со схожей структурой, индивидуальные члены которого действуют в условиях взаимозависимости. «Коллективная» ответственность поощряет личную безответственность. Несмотря на офи-

циальную идеологию, поддерживающую идеал преданного человека, который тратит всю свою силу и энергию на строительство коммунизма, демонстрация личной инициативы не ценится другими членами коллектива. Динамизм, энергия, жажда реформы, предложения улучшений, как правило, глушатся и душатся.

Гораздо легче жить согласно догматам официальной идеологии, чем следовать зинovieвским пятидесяти «заповедям». Идеология, воспитывающая веру в то, что интересы индивида должны приноситься в жертву интересам коллектива, позволяет людям подло обходиться с другими людьми без зазрения совести. Поэтому здесь легко осуществлять действия, являющиеся «морально хорошими» с точки зрения официальной идеологии, но «морально плохими» с точки зрения зинovieвской «личной морали». И Зинovieв очень ясно говорит о том, что только человек, осуществляющий данное действие, знает, морально оно или нет. Только сам человек знает мотивы, заставляющие его действовать так, как он действует. Моральное значение имеет не осуществление или неосуществление действия, а лежащие в его основе мотивы. Они неразличимы при наблюдении за самим действием. Зинovieв заходит настолько далеко, что заявляет о глубокой враждебности такой морали в советской системе, и о том, что предпринимаются все усилия для ее подавления:

Мораль в моем смысле вступает в конфликт с идеологической моралью и преследуется в коммунистическом обществе как угроза самым его основаниям.

Его точка зрения на отношения идеологии и морали сжато формулируется так:

Весь аппарат морального образования и пропаганды нацелен на обучение людей жить в атмосфере лицемерия, обмана, принуждения, подлости и коррупции, жить согласно законам коммунальности, которые сами ограничены средствами, разработанными все той же коммунальностью с целью своего собственного самосохранения.

ИДЕОЛОГИЯ КАК РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

Советская идеология — не просто некий доктринальный кодекс. Она является также «магнитным полем», в котором люди действуют как «заряженные частицы». Они подвержены действию ряда моделей, которые формируют их мыслительные шаблоны и поведение — с тем результатом, что большинство советских граждан склонны думать и вести себя одинаково. Эта точка зрения выражена во многих работах Зинovieва и со всей ясностью представлена в работе «Коммунизм как реальность». Таким образом, идеология имеет два аспекта — философский и прагматический:

Философский аспект относится к ее мировоззрению, т. е. к ее доктрине о мире, обществе, человеке, способе познания. Ее прагматический аспект имеет отношение к практическим вопросам правил мышления и поведения. Именно во втором аспекте мы должны искать ключ к пониманию сущностного смысла идеологии. Практическая идеология общества есть совокупность специальных правил и поведенческих навыков, которые люди применяют в действительно важных ситуациях. Зная это, можно предсказать, как средний идеологически обусловленный коммунистический гражданин будет вести себя в таких ситуациях.

Степень, в которой советские люди подвергаются идеологическому обучению, едва ли можно преувеличить. Зинovieв не раз обращает особое внимание на то, что идеология в Советском Союзе играет столь огромную роль, что советское (коммунистическое) общество можно определить как *идеологическое* общество. Хотя основания этой системы были заложены до второй мировой войны, ее рост до гигантских размеров произошел после смерти Сталина, главным образом, при Суслове. Зинovieв утверждает, что она достигла невиданных в истории размеров и является несомненной угрозой остальному человечеству. В тоталитарной системе, для которой характерна тотальная государственная собственность на средства производства и

распределения, средства массовой информации и сети связи, отсутствие частной собственности и частного предпринимательства, не существует заслона на пути потока идеологии, не существует возможности для распространения иной идеологии. Зиновьев не отрицает влияния «разлагающегося Запада», которое проникает посредством туризма, иностранного радио- и телевидения, западной поп-музыки и т. д. Но ситуация здесь не такая, как в Польше, где католическая церковь представляет собой «систему», альтернативную официальной властной структуре польского государства, систему со своими собственными «поясами передач», местами собраний, «идеологией» в форме религиозного кредо, чуждого официальной идеологии. Дело не только в том, что в Советском Союзе не существует разрешенной альтернативы официальной идеологии, но и в том, что здесь на идеологическую работу тратится огромное время и ресурсы. Идеологическое обучение сейчас начинается в детском саду. Ожидается, что каждый ребенок с возраста семи лет станет октябренок. Предполагается, что с этого времени и до двадцативосьмилетнего возраста он будет последовательно становиться членом молодежных организаций, каждая из которых соответствует определенному возрасту. Обязанность этих организаций — «воспитывать» своих членов «в духе коммунизма». Идеологическая работа встроена в основание всей образовательной системы. У каждой молодежной организации есть свои ритуалы, практика, обязательства. Каждый школьный предмет преподается в марксистско-ленинском духе. Таким образом, все учителя, лекторы, профессора одновременно суть идеологические работники. Такая же картина на фабриках, предприятиях, в исследовательских институтах и особенно вооруженных силах. Существуют агитационные бригады, университеты марксизма-ленинизма, высшие партийные школы, не говоря уже о Союзе советских писателей и людях, вообще работающих в средствах массовой информации. Согласно Зиновьеву, если рассчитать стоимость идеологической работы с точки зрения рабочей силы и ресурсов, то эти суммы окажутся сравнимыми с теми, что затрачены на оборону страны.

Однако важен не только «материал» идеологии. Не менее важна идеологическая деятельность. Советская жизнь высокоритуализирована в идеологическом плане. Все — с октябренок первого года и до генерального секретаря КПСС — должны демонстрировать свою идеологическую преданность, делать это на людях и часто. Каждый должен вы зубрить определенный объем «доктрины» и быть в состоянии показать, что он действительно выучил его. В школе или на работе существуют бесчисленные ритуалы, которые заставляют людей принимать участие в идеологических собраниях, — будь то обсуждение текущего квартального плана или одобрение партийной линии в отношении Никарагуа. Есть свидетельства, что даже этот объем идеологических обязательств считается недостаточным. Обеспокоенная растущей апатией большого числа молодежи, особенно в менее населенных центрах, партия недавно призвала центры и клубы досуга стать центрами усиления идеологической работы среди молодежи.

На Западе часто утверждают, что люди в Советском Союзе в значительной степени придерживаются идеологию только на словах и не верят в нее. Предполагается поэтому, что люди не подвержены воздействию идеологии и что, следовательно, идеология не важна. Зиновьев не тратит время на подобные рассуждения. Он неоднократно заявлял, что идеология не требует веры. Пока люди явно принимают ее, этого достаточно. Общественный конформизм, общественное принятие партийной линии является показателем принятия режима, легитимности правителей. Более того, и Зиновьев подчеркивает это, организующая роль идеологии и то, что она ориентирует людей в определенном направлении, имеет огромное значение в коммунистическом государстве. Тем не менее, даже если бы партия распорядилась, что с завтрашнего дня идеологическая работа прекращается, это распоряжение не было бы выполнено, поскольку идеологическая машина выросла до таких размеров, что вышла из-под человеческого контроля. Она не является чем-то, что можно устранить из советского общества, — она есть *главная деятельность* советского общества.

ИДЕОЛОГИЯ И ЗАПАД

С тех пор как Зиновьев оказался на Западе, его взгляды на идеологию в Советском Союзе не изменились. В то же время теперь он утверждает, что Запад в той же мере зажат в тиски своей собственной идеологии и что люди на Западе «подвергаются обработке» в не меньшей степени, чем в Советском Союзе. Это пункт, по которому с ним трудно согласиться немарксисту. Спорным является и существование «западной идеологии», но Зиновьев вполне категоричен:

Западное общество — это плюралистическое общество, хаотическое во многих отношениях, во многих жизненно важных отношениях не поддающееся контролю из центра, с тенденцией к анархии, своеволию и фрагментации... Это не значит, что Запад полиидеологичен... Идеологическое многообразие, аморфность, хаос, несогласие, вражда и другие явления, указывающие на отсутствие идеологии, которую можно было бы назвать «западной идеологией», фактически суть явления внутри каркаса этой самой идеологии».

Я думаю, что в процитированном абзаце Зиновьев, что называется, хватил лишнего, однако интересно заключение, к которому он приходит:

Западная идеология, как и советская идеология, разрушает основы цивилизации, которые выстраивались в течение столетий и были предназначены для сдерживания стихийных сил человеческой социальной среды, что они и делали.

«Стихийные силы» — это, безусловно, то, что Зиновьев во всех других местах называет «социальными» законами, или «законами коммунальности». Примеры отрицательных черт «западной идеологии», приведенные Зиновьевым, включают «распространение половой развращенности», «распространение супружеской неверности», «принуждение», «гангстеризм», «паразитизм». «Моральные ценности», говорит он, «высмеиваются как старомодные». Здесь вспоминается Солженицын. Вспоминаются также многие люди старше шестидесяти лет, которые воспитывались в совершенно отличной от сегодняшней социальной атмосфере и которые согласились бы с Зиновьевым. Многие люди, которым меньше шестидесяти, также согласились бы с ним. Человечество дрейфует в направлении к коммунизму, утверждает он. Это состояние, которое просуществует многие столетия. Единственная надежда предотвратить его — это бороться с ним:

В борьбе против коммунизма заинтересованы все. Но поскольку исторические обстоятельства влияют на жизни людей и вталкивают различные аспекты их жизни в относительно самостоятельные отсеки, силы коммунизма и силы цивилизации — это фактически реальные люди и группы людей, различные страны и группы стран. Только в результате непрерывного сопротивления коммунистическому давлению (а не благодаря его устранению, которое в существующем обществе невозможно) цивилизация может быть сохранена и продолжит свое развитие.

При его желчном (или, возможно, дальновидном?) взгляде на Запад надежды Зиновьева на успешное сопротивление должны таять.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нехватка места и большое количество работ, которые Зиновьев написал об идеологии, заставляют ограничиться лишь самым общим описанием. Учитывая огромное число зиновьевских книг, статей, интервью и радиопередач, произведенных за последние пять лет, а также тот факт, что он предпочитает писать в довольно калейдоскопической манере, сами определение и категоризация того, что он сказал по каждому отдельному вопросу, сталкиваются с серьезными трудностями. На нынешнем этапе изучения исследований Зиновьева скорее классификация его высказываний, а не столько анализ, является первоочередной задачей.

Тем не менее необходима хотя бы сжатая оценка того, что Зиновьев думает о связанных между собой вопросах идеологии, религии и морали. Много из того, что он сказал о морали, и многие его «заповеди» принадлежат традиции западного, протестантского индивидуализма. В этом отношении многое из того, что он говорит, — эхо того, что говорили до него люди, подобные Чаадаеву, Белинскому, Кавелину. Несомненно, он является «западником», каждый, считающий себя славянофилом, подверг бы его острой критике. Много из того, что имеется сказать у Зиновьева о марксистской доктрине, уже было отмечено, хотя, возможно, и менее прямолинейно. Достаточно вспомнить лишь Карла Поппера, Джона Пламенатца, сэра Исая Берлина, Сидни Хука. Где Зиновьев действительно является новатором, то это, как мне кажется, в описании и анализе структуры, размахе роли идеологии в коммунистическом обществе. Его описания и анализ не «научны» в традиционном академическом смысле. Они, по всей вероятности, не были бы приняты к публикации профессиональными журналами по социологии и политике. У него отсутствует «*apparatus scholasticus*». В его работах нет схем и графиков, статистических таблиц и т. д. С другой стороны, он предлагает адекватное описание многих аспектов советского общества, которое, по меньшей мере, так же ценно, как и более «научные» оценки, имеющие традиционную академическую форму. Он готов предложить теорию, способную объяснить черты, которые отмечают большинство западных исследователей, а именно дефицит, халтуру, очереди, очковтирательство, низкую производительность и т. д. Не приходя в восторг от добродетелей «русского народа», Зиновьев в то же время не клеймит недостатки, которые он объясняет либо «ленью», либо «пьянством», либо особенностями русской истории. Он считает, что эти недостатки в значительной степени обусловлены «практической идеологией», которой люди обучаются с раннего возраста.

Зиновьев также является новатором в методе, с которым он подходит к своим темам. Сказать, что его подход академически нетрадиционен — ничего не сказать. Также недостаточной будет характеристика его подхода как полностью художественного. Зиновьев действительно применяет широкий набор литературных стилей, к которым надо привыкнуть, и штурмует проблему по многим направлениям сразу. Его приемы, однако, включают также технику эссеиста. В результате он может быть и научным, и художественным — как одновременно, так и последовательно.

Что касается взглядов Зиновьева на религию, то одно или два наблюдения уже были высказаны. Если имеется в виду истинное религиозное чувство, то зиновьевские взгляды на иррелевантность организованной религии в Советском Союзе перекликаются с известным замечанием Белинского о русском врожденном атеизме:

...Русский упоминает имя бога, почесывая зад... Русский народ глубоко атеистичен по природе. У него еще много суеверий, но нет ни следа религиозного чувства.

Недостаток взаимосвязи между религиозным ритуалом и повседневным поведением был отмечен и другими, особенно Кристелом Лэйном. Стремление Зиновьева придумать человечеству, особенно коммунистическому человечеству, религии, адекватной концу XX века, не уникально. Однако, в то время как Ниниан Сمارт выступает за религию, являющуюся амальгамой христианства и буддизма, Зиновьев предлагает религию полностью в западной традиции постиндустриальной революции. Хотя в ней много общего с христианской традицией, она содержит и совсем не христианские «заповеди». Призывам «подставь другую щеку» или «люби ближнего твоего» нет места в его кодексе, который бесстыдно индивидуален и является не только антикоммунистическим, но и антикоммунальным.

Суммируя, можно сказать, что взгляды Зиновьева на идеологию и на отношения между идеологией и религией, наукой, моралью и повседневным поведением выражаются на языке с помощью различных дискурсивных практик. Это позволяет Зиновьеву иметь такой спектр теоретических подходов, который по своей широте превышает то, чем могут похвастать боль-

шинство исследователей. Многое из того, что говорит Зиновьев, необычно. Что совершенно несомненно, так это серьезная озабоченность Зиновьева проблемами, которые он обсуждает, и его чувство ответственности как мыслящего человеческого существа, понимает, обнаруживает, что вместе со всем человечеством живет в «интересное время».

Сочинения А. А. Зиновьева, в которых рассматриваются проблемы идеологии

Зияющие высоты. 1976.

Светлое будущее. 1978.

В преддверии рая. 1979.

Без иллюзий. 1979.

Желтый дам. 1980.

Коммунизм как реальность. 1981.

Иди на Голгофу. 1985.

Сила неверия. 1986.

Лондон, 1988.

Перевод с английского К. А. Фурсова.

Валентин Толстых. Вы что, боитесь Зиновьева?¹³

Приближается событие — 70-летие выдающегося русского философа и писателя Александра Александровича Зиновьева, которое было бы непрослительно не заметить и не отметить. Когда Зиновьева вместе с семьей изгоняли из страны, никто, насколько помнится, не протестовал, не возмущался и не требовал от властей прекратить преследование этого честного ученого и мужественного человека. Сейчас, казалось бы, времена изменились. Но, видимо, не настолько, чтобы с уважением и вниманием отнестись к любой серьезной, но противостоящей господствующему умонастроению позиции и точке зрения по вопросам, имеющим для страны и общества поистине судьбоносное значение. С воззрениями Александра Зиновьева можно спорить и не соглашаться, но нельзя не считаться. Этим руководствовалась редакция, публикуя полемическую статью доктора философских наук Валентина Толстых.

I

Странная, загадочная ситуация возникла вокруг имени и творчества Александра Зиновьева. Уже не замалчивают, издают: опубликованы знаменитые «Зияющие высоты», принесшие ему мировую славу и послужившие поводом для властей, чтобы выдворить его из страны (1976), а также «Гомо советикус» и «Пара беллум», «Иди на Голгофу», «Живи», «Катастрофка», «Манифест социальной оппозиции» и другие сочинения. Были интервью, статья в «Комсомольской правде», вызвавшая солидарные и раздраженные отклики, и телепередача была с попыткой нарисовать портрет одного из замечательных представителей нашей отечественной интеллигенции.

И вместе с тем приходится констатировать, что Зиновьев остается малоизвестным автором. У нас, на Родине, а не на Западе, где как раз его знают, беспрепятственно издают, ком-

¹³ Независимая газета, 29.09.92.

ментыруют и оценивают, где о нем спорят. Дело в том, что неизвестными нашему читателю остаются его наиболее важные, принципиальные для характеристики гражданской и научной позиции сочинения: «Нашей юности полет», «Сила неверия», «Коммунизм как реальность (или: «Коммунизм без маски)», «Кризис коммунизма» и др. Не говоря уже о недавно написанной «Смуте», которая вот-вот выйдет во Франции и представляет собой объемное художественное, социологическое и остропублицистическое изображение современной смуты. Все эти произведения лежат на столах разных издательств и журналов, но, судя по всему, разрешенной свободы недостаточно, чтобы их опубликовать.

Согласитесь, ситуация требует объяснения. Складывается впечатление, что Зиновьева явно побаиваются, не решаются вступить с ним в прямой диалог, чтобы обсудить его нетрадиционные взгляды, его оценку происходящих у нас разрушительных процессов. Позиция Зиновьева настолько отличается от всех без исключения программ и взглядов — официальных, и всего спектра оппозиционных, — что нынешние политические лидеры предпочитают делать вид, будто ничего иного, кроме их «взаимоисключающих» (на самом деле взаимодополняющих) устремлений и воззрений вообще не существует. Что, впрочем, не мешает им использовать, искажая и включая в свой, чуждый зиновьевским взглядам контекст многие идеи нашего выдающегося социолога, как водится, без ссылки на него. Политиков понять можно: Зиновьев с его обоснованной позицией, логикой и неоднозначным толкование сложных исторических явлений и событий только мешает им самоутвердиться любой ценой. Но то, что его не замечает наша достопочтенная интеллектуальная элита, — непонятно и прискорбно. Кому-кому, а уж интеллектуалам нашим, столь активно, страстно, яростно бросившимся вновь переустраивать и обустривать Россию, кажется, Зиновьева подарила сама судьба. Обратись они к нему — глядишь, обнаружилось бы, что идейная жизнь борьба, в обществе давно вышли за пределы поднадоевшего, политизированного деления на «наших» и «не наших», «партократов» и «демократов», сторонников и противников реформ. Ведь в реальности мы имеем дело с противоборством трех основных идей или идеологий: национальной (и националистической), либерально-демократической (и псевдо- демократической), социалистической (и квазикоммунистической). И незачем упрощать сложную, многозначную картину реального состояния общественного сознания, если, конечно, всерьез намерены расстаться с укоренившейся привычкой выдавать желаемое за сущее.

Политиканствующие интеллектуалы (везде, где можно обойтись без обязывающего ко многому понятию «интеллигент», мы постараемся его не употреблять) навязали нам мнимую проблему «согласия-несогласия» с реформами. Как будто найдется в обществе хоть один здравомыслящий человек, не согласный с тем, что меняться надо и придется. В то время как сама проблема и спор давно переместились в иную плоскость — ради чего и во имя кого реформы проводятся, осуществляются. И упираются в еще более каверзный вопрос: на что Россия с ее великим и весьма противоречивым прошлым (на чем Зиновьев настаивает) готова пойти, и что ей, стране со своим уникальным опытом, традициями и менталитетом, явно не подходит, чему она упорно, заставляя многих мыслящих людей разводиться в недоумении руками, сопротивляется? Зело крепок этот орешек — Россия, — оказавшийся не по зубам и нынешним реформаторам, порешившим единым махом, разрушая и сметая все на пути, разрешить узел скопившихся в ней противоречий и проблем. Им невдомек то, что тонко чувствовал и понимал А. И. Герцен: «Ни одна основа из тех, на которых покоится современный порядок, из тех, которые должны рухнуть и пересоздаться, не настолько почата и расшатана, чтоб ее достаточно было вырвать силой, чтоб исключить из жизни». Это относится и к государству, и к менталитету, традициям, нравам народа. С Россией нельзя так поступать, как с нею сейчас поступают, опять, в который раз, подвергая ее групповому изнасилованию, очередному социальному эксперименту с непредвиденными последствиями.

Многих читателей сбивают с толку некоторые «странности» зинovieвского восприятия и истолкования отечественной действительности в прошлом и настоящем. Однако, если внимательно вдуматься в то, что он пишет и говорит, эти странности находят вполне рациональное объяснение. Кто-то, торопясь и уходя от серьезного разговора, сочтет эти объяснения всего лишь декларациями, «утверждениями, не имеющими научного значения», как высказался на заседании клуба «Свободное слово «известный профессор социолог, а кто-то посчитает их просто «вредными» и потому недостойными популяризации (хотя почему-то никого не смущает декларативный характер настойчиво воспроизводимых суждений о рынке и демократии в России, и все, как сговорились, упускают из виду, что вредоносными могут оказаться не только прокоммунистические, но и антикоммунистические соображения).

Так, недоумевают, отчего это один из первых беспощадных критиков сталинизма и практики «реального социализма» вдруг в самом начале перестройки как бы меняет вектор критики и с тем же темпераментом и страстью начинает настраивать на незрячности и Октябрьской революции, и всего того, что она произвела, породила, не обходя, не утаивая ни одного зловещего факта и события советской истории. Очень многих раздражает, ставит в тупик то обстоятельство, что Зиновьев находит логику и даже оправдание тому, что нынешние интеллектуалы-демократы, в большинстве своем вчерашние апологеты или конформисты, поднаторевшие в компромиссах с официальной идеологией, с такими поразительным единодушием, легкостью и лихостью в мыслях необыкновенной, безоговорочно осудили и отринули. Что Зиновьев, изображая реальность коммунизма такой, какая она есть, считает похороны коммунизма, мягко говоря, преждевременными. Да, сегодня коммунизм разгромлен (во многом благодаря Западу, выигравшему «холодную войну»), но он отнюдь не побежден. И это, уверен Зиновьев, скоро обнаружится со всей очевидностью.

Может быть, он и не прав в своем «зловещем прогнозе». Так разберите его аргументы, покажите их несостоятельность, «декларативность».

Многие смущены, озабочены странной, как представляется на внешний взгляд, объективистской манерой изложения «подачи» Зиновьевым своих взглядов и оценок. Но за этой манерой скрывается совершенно определенная методология, в которой на первый план выходит сам предмет исследования, а не самовыраженческое начало, воцарившееся сейчас и в общественных науках, и в искусстве. Мы настолько отвыкли от объективности в научном и художественном воспроизведении реальности, заклеив объективность как «старомодность», что любое объемное, сотканное из живых противоречий изображение путаем с апологетикой или, в чем еще подозревают Зиновьева, с тягой к парадоксальности. Зиновьева то и дело упрекают в апологии коммунизма и отсталости России. Но он отнюдь не апологет ни царской России, ни большевистского Советского Союза, и если собрать воедино все его характеристики «родимой стороны», ее прошлого и настоящего, то надо будет признать, что он в своих обличениях преуспел много больше теперешних, свободных от цензуры и столь осмелевших критиков-обличителей. Верно, по какой-то причине он не торопится безоговорочно осудить всю советскую историю, предлагая свой, не «говорухинский», ответ на вопрос, какую Россию мы потеряли. Его больше интересует обнаружение причин и обстоятельств, по которым реальная история России сложилась так, а не иначе. И в своих выводах и оценках он достигает впечатляющих, а для кого-то обескураживающих результатов.

II

«Я — отдельное государство!» — определил себя и свою позицию Александр Зиновьев, защищая выстраданное им право на предельную, какая только возможна в наше время, самостоятельность и независимость своих суждений, оценок, поведения. Идея суверенного «внут-

ренного» государства, состоящего из одного человека, которую исповедует Зиновьев, очень точно характеризует его образ жизни и мышления. Настаивая на своей суверенности, он не бравирует и никого не эпатирует — таков он и есть на самом деле. И в этом смысле мне не с кем его сравнивать, сопоставлять. Разве что с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, принимая во внимание все различие в их позициях. Пожалуй, только Зиновьев был бы способен поступить так же, как Сахаров, выйдя на известную трибуну и под улюлюканье готового «поддакивать» зала, сказать все, что хотелось ему сказать. Нет обстоятельств и соображений, которые могли бы ему «заткнуть рот», «выкрутить руки», помешать высказаться начистоту, не ожидая более благоприятного момента.

«Не могу молчать!» Что бы там ни было и что бы ни грозило — этот благородный принцип настоящего русского интеллигента стал натурой Зиновьева. Не молчал он во времена так называемого «застоя», беспощадно вскрывая противоречия и пороки советского общества, не молчит и сейчас, обнажая прелести «демократического обновления».

В сущности, ничего исключительного в зиновьевском способе мыслить и поступать нет. Это есть норма бытия и поведения интеллигента и интеллектуала, достойных этого имени. Но когда слишком многие до нормы не дотягивают, тот, кто ее держит и выдерживает, невольно выглядит либо героем, либо раздражающим всех отклонением, чем-то вроде укора, напоминающего каждому о его собственном несовершенстве и несостоятельности. Если понадобится, Зиновьев сумеет убедительно «отчитаться» в содеянном за свою долгую и нелегкую жизнь (а тем, кто по нашей «совковской» привычке заденет его нехитрым приемом — «хорошо тебе рассуждать там, на Западе!» — докажет, что завидовать тут нечему). Иметь большой талант — всегда беда и горе, особенно в стране, где в гении «производят», как в генеральский чин, где гениями «назначают», где своих «пророков» не любят и не ценят. Во всяком случае — при жизни. В своих социологических романах и научных трактатах Зиновьев образно и логически показал, что коммунизм в принципе враждебен свободной личности, своеобразию, гениальности. И все-таки вопреки всему, исключительные личности, таланты и гении появляются и в этом обществе. В подтверждении тому — сам Зиновьев, уникальность которого несомненна. Он верен добровольно избранной им когда-то роли социального критика, соединив в себе выдающийся талант философа, логика, писателя и художника (приближающийся юбилей позволяет и обязывает сказать об этом со всей определенностью). Это всесторонне одаренная и удивительно цельная личность, органически не способная подлаживаться, принаравливаясь к обстоятельствам, конъюнктуре и власти, кому бы она не принадлежала. Зиновьев на равных говорит и с Богом, и с Дьяволом в лице традиций, привычек, мировоззренческих систем, государственных и общественных институтов.

Понятно, почему он решительно отрешивается от принадлежности к диссидентству. Зиновьев никогда, ни минуты не был диссидентом, отвергающим или ниспровергающим существующий общественный строй, но всегда был инакомыслящий, оппонентом власти и власть имущих — интеллектуально, идейно и социально. Инакомыслием, по мнению Зиновьева, в доперестроечные времена были заряжены и заражены все слои общества: и антисталинисты, пострадавшие больше, чем диссиденты «застойного» периода, и либералы, и некоторые партийные функционеры, чувствующие неотвратимость и опасность приближающегося кризиса. Все дело, однако, в качестве и содержании инакомыслия: насколько способно оно сохранить объективный взгляд на действительность, понять причины кризиса социальной системы. Инакомыслие порой (очень часто!) принимают форму неотрефлексированных эмоций, разгула, «гуляй-поля», который мы сегодня и наблюдаем. Зиновьев решительно против идеологического цинизма во всех его проявлениях и модификациях. С одинаковым недоверием относится он к «правым» и «левым», «радикалам» и «либералам», прячущим свой конформизм (соглашательство, а то и прямое предательство) в новомодные одежды «сторонников» и «противников»

реформ. Он продолжает и развивает унаследованные и идеи, выношенные, выстраданные передовой общественной мыслью, настоянные на чувствах животворного, не обязательно «квасного», патриотизма, уважения к историческому опыту великой страны, традициям и ценностям ее культуры, подменяемой ныне «имитацией цивилизованности». Позволю себе еще раз процитировать слова А. И. Герцена (из написанных незадолго до кончины писем «К старому товарищу»), как будто для наших дней предназначенные: «Процессы общественного роста, их отклонения и уклонения, их последние результаты до того переплелись, до того неразымчато вошли в глубочайшую глубь народного сознания, что приступ к ним вовсе не легок, что с ними надобно считаться — и одним реестром отрицаемого, отданным, как в «приказе по социальной армии», ничего, кроме путаницы не сделаешь».

III

Сегодня, когда судьба России, увы, мало кого волнует, когда многие интеллектуалы, «мыслящая часть» общества, судя по всему, примирились и согласились с тем, что Россия в историческом смысле этого понятия исчезает, перестает существовать, а ее великая культура рискует раствориться в мировой цивилизации, в которую мы намерены войти, влиться, кажется, любой ценой — понимание того, что есть Россия, ее силы и бессилия, рассудка и предрассудка, приобретает, без преувеличения, первостепенное значение. Без ответа на это вопрос невозможно решить, какой рынок нам нужен и какая демократия у нас возможна. У России, что бы там не говорили и не предпринимали разного рода «реформаторы», свой путь; и для того, что бы стать страной цивилизованной, ей вовсе не обязательно превращаться в «Запад». Пушкинская формула «войти в Европу и остаться Россией» отнюдь не устарела, как пытаются внушить нам многие «свободомыслящие» демократы. Чтобы это понять, осознать, достаточно непредвзято, объективно, с учетом всей многосложности и противоречивости оценить место и роль России в истории мировой цивилизации.

Скажем, так, как это делает Александр Зиновьев, который в равной степени критичен и к апологии коллективности в ее российском и советском вариантах, и к западноевропейскому культу индивидуализма. Или к проблеме тоталитаризма и демократии, на поверхностном противопоставлении которых ныне произошло немало спекуляций. О многом можно поразмышлять и поспорить более основательно и ответственно, читая Зиновьева, нашего замечательного соотечественника, внесшего выдающийся вклад в развитие русской общественной мысли. С ним, человеком, мыслящим в масштабе мировой истории, далеким от политиканства и идейного юродства, говорить и спорить трудно, но интересно. Так давайте воспользуемся этой редкой возможностью...

Мы однажды уже совершили безнравственный поступок: не защитили Зиновьева в трагические для него годы и дни преследования, а затем высылки из страны, которую он в молодости защищал с оружием в руках от нацистского нашествия. Неужели мы отречемся от него и предадим его во второй раз? Давайте поговорим, поспорим с ним открыто и честно. Александр Зиновьев к этому готов. А мы готовы ли?..

P.S. Статья была подготовлена, когда стало известно, что 23 сентября в Риме в присутствии председателя сената Джовани Спадолини А. А. Зиновьеву была вручена одна из самых престижных литературных наград — премия «Тибр». Среди отмеченных этой премией в прошлом были итальянец Альберто Моравиа, француз Жан-Поль Сартр, американец Артур Миллер. Александр Зиновьев — первый русский писатель, удостоенный этой премии. Так отмечен его роман «Живи!», изданный в переводе на итальянский в этом году. Впервые на русском роман вышел в Швейцарии в 1989 году, а в России — в журнале «Звезда» в 1991 году. Высокое

жюри отметило, что этим произведением Александр Зиновьев подтверждает творческую мощь своего дарования, впервые покоровшего Запад еще в 1976 году своими неувядающими «Зияющими высотами». Не ведая того, жюри присудило Зиновьеву премию накануне его юбилея. В интервью итальянским масс-медиа писатель с горечью отметил, что они за последние дни опубликовали больше рецензий на это роман, чем печать его родины — России — за все двадцатилетие его литературного творчества. Таково самое свежее подтверждение справедливости вопроса, поднятого в нашей статье.

Леонид Греков. Александр Зиновьев и русский вопрос

«Я — РУССКИЙ КОММУНИСТ»

Одна из телевизионных передач, целиком посвященных А. Зиновьеву, помимо всего прочего запомнилась мне тем, что Зиновьев несколько раз ставил вопрос «Кто же я такой?» и, отвечая на свой вопрос, неоднократно повторял: «Я — русский коммунист!». Не услышать эти слова, не принять их во внимание было невозможно. Но исхитрились-таки телевизионных дел мастера и вычеркнули эти слова. В эфире мы их не услышали. Но вопрос «Кто же такой А. Зиновьев?» остался. И ответ на него прозвучал совсем не так, как хотел того герой передачи «Александр Зиновьев. Линия жизни».

Вступление к этой передаче доверили известному журналисту, политологу В. Третьякову, который не нашел ничего лучшего, как назвал Зиновьева «хулиганом»(!?) Нет, конечно, не в обыденном смысле этого слова, не как уголовного, а как человека, постоянно эпатазирующего и бросающего вызов общественному мнению. Но Третьяков никогда не знал и не понимал Зиновьева и, со всей очевидностью, не читал его книг. Ясно было одно: для него Зиновьев был неприемлем ни как русский, ни как коммунист. Для него вообще не существовало такого понятия — «русский коммунист».

Разумеется, не все понятно, что хотел сказать Зиновьев этими словами, этой самооценкой. «Русский коммунист»! Не советский, а именно русский! Думается, для того чтобы уяснить смысл этих слов в устах Зиновьева, надо кое о чем вспомнить.

Что-то помогут прояснить слова Н. Бердяева, сказанные им в далекие 30-е годы про Ленина: он был истинно русским человеком. Это в книге о смысле русского коммунизма. «Русский человек» — в этих словах Бердяев не разделял национальную и политическую принадлежность Ленина. Наверное, можно сказать, что для него Ленин и был «русским коммунистом». «Русским коммунистом» в этом смысле можно назвать и Сталина. Он не разделял судьбу России, судьбу русского народа и историческое дело коммунизма.

Называя себя «русским коммунистом», Зиновьев связывает эти слова со своей оценкой того периода русской истории, который ведет свое начало с Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года и завершается в начале 90-х годов прошедшего столетия, когда свершился развал СССР, пала советская власть и был разгромлен коммунизм. Это 70-летие Зиновьев считает самой яркой страницей отечественной истории, вершиной ее развития. Вот его слова об этом: «Это была великая история, беспрецедентная в истории человечества эпоха. Великая эпоха!». Это определение — главное в понимании Зиновьева как «русского коммуниста». И неправы некоторые критики Зиновьева, которые, будучи его единомышленниками, можно сказать, идейными соратниками, упрекают его в непонимании того, что «Россия и комму-

низм — это одно и то же». Надо читать Зиновьева, понимать Зиновьева, и такое никогда не придет в голову! С самого начала (1922 год) жизнь Зиновьева совпала с образованием СССР, и в ней как бы слились Россия и коммунизм. Он родился, формировался как личность и как мыслитель вместе со страной. В нем они всегда были вместе — Россия и коммунизм. Прошел всю войну, бился с врагом в небе и на земле — защищал Советский Союз, т. е. русский коммунизм. И трагедию своей Родины, СССР, он переживал как «русский коммунист».

Истинное лицо Зиновьева, не диссидента, не антисоветчика и не антикоммуниста, сразу увидели и распознали западные журналисты в первый день его пребывания в эмиграции в 1978 году. Они приветствовали его появление в Германии — стране «свободного мира» и ничтоже сумняшеся назвали его «жертвой режима», и были поражены прозвучавшим из уст Зиновьева ответом: «Я не жертва режима! Режим — моя жертва!» И там сразу поняли: Зиновьев — «чужой для Запада человек! Он — агент КГБ! Он русский коммунист!» Неважно, что он написал «Зияющие высоты!» Неважно, что он в течение двух десятилетий жизни в Германии писал книги о коммунизме — не апологетику, а критику. Ведь и тогда, в конце 70-х, и сегодня, в СССР и в России, считали его диссидентом. Но на Западе разобрались быстрее и точнее. Зиновьев — не человек Запада! Он русский, он коммунист, он русский коммунист! А когда в 1995 году в России вышла его книга «Запад», стало окончательно ясно, кто такой Зиновьев.

«Я ЧЕЛОВЕК ГЛУБОКО РУССКИЙ»

«Мы и Запад». Так называется одна из книг Зиновьева, изданная в эмиграции (1980). В этих словах сформулирована важная сторона «русского вопроса» в том виде, в каком он освещается в работах А. Зиновьева. Начиная с 1993 года, спустя 15 лет после изгнания, Зиновьев стал приезжать в Россию. В 1999 году он окончательно возвращается на Родину.

Многих в эти годы озадачивали выступления Зиновьева, его активная просоветская и в некотором смысле даже прокоммунистическая позиция. Во время встреч Зиновьева с его многочисленной читательской аудиторией наблюдалась необычная реакция людей. Удивление и растерянность — многие были буквально ошарашены. В сознании не укладывалась мысль: автор «Зияющих высот» и «Гомо советикуса» вдруг оказался защитником «советского коммунизма», осуждает российскую демократию и реформаторскую политику нового руководства страны!? Не понимали люди и другое. Как это ученый, проживший 15 и более лет на Западе, критикует западное общество и его порядки!?

Чтобы понять эту загадку Зиновьева, надо уяснить его отношение к России и русскому народу. Отношение это непростое и в чем-то парадоксальное. Можно сказать, что это отношение трезвого, лишённого выпренных патриотических комплексов аналитика. Отвергая обвинения оппонентов в русофобии, Зиновьев писал в 1980 году: «Признаюсь, я не испытываю чувства любви к русскому народу» («Мы и Запад», с. 39). Если на этих словах остановиться, то можно посчитать, что этого достаточно для упреков в русофобии. К сожалению, многие оппоненты и критики так и поступают. Не хотят видеть сложности проблемы и сложности позиции Зиновьева. Но сам Зиновьев признанием в «отсутствии любви» не ограничивается. Он развивает свою позицию: «Но я не испытываю к нему (русскому народу — Л. Г.) и ненависти. Мое отношение к нему иного качества: я принадлежу к этому народу и разделяю его судьбу. Я часть его. Я озабочен его судьбой» (там же).

«Любовь к народу», по мнению Зиновьева, это «лицемерные эмоции», которые могут позволить себе те, кто оторвался от своего народа и ему не принадлежит. Для Зиновьева русский народ не «пустая романтическая абстракция, а суровая реальность». Всю свою долгую жизнь

он «провел в народе». «Я вместе с ним и в нем голодал, мерз, работал, воевал» — этими словами писатель подчеркивает коренную, органическую связь со своим народом.

И именно как «человек глубоко русский» Зиновьев переживает за свой народ, за его нелегкую трагическую судьбу. Еще до эмиграции у него возникает опасение за существование России как великой державы, что русский народ может исчезнуть с арены истории. Эта тревога усиливается во время пребывания на Западе и достигает своего апогея через двадцать лет, уже в конце столетия. Что породило эти опасения, чем объяснить такой, можно сказать, «исторический пессимизм» Зиновьева? Неординарность его воззрений очевидна, особенно когда сопоставляешь идеи ученого, писателя-эмигранта с позицией официальной советской идеологии того времени. Достаточно вспомнить слова Л. И. Брежнева: «КПСС — партия исторического оптимизма». Зиновьев один из немногих, если не единственный, кто видел зародыши будущей катастрофы, которая потрясет его страну. И именно тогда Зиновьев отчетливо сознавал связь трагической судьбы страны с крушением коммунистического строя. Конечно, было бы неверным утверждать, что тогда он «все знал». Это не так. Позднее писатель будет не раз говорить, что верил в незыблемость коммунизма, что только в страшном сне можно было увидеть то, что произошло с его страной. Знай он это, так не написал бы свои «Высоты», «Желтый дом» и проч. В этом вопросе важно то, что Зиновьев исходил из органической связи исторической судьбы России и русского народа и коммунизма. Он всем нутром свои ощущал эту связь. Позднее он четко выразит эту мысль словами: «Русский народ смог сохраниться как народ исторический лишь в качестве народа коммунистического» (А. Зиновьев. «Гибель русского коммунизма». М., 2001, с. 23). С любым другим строем русский народ обречен на деградацию и гибель.

КТО И КАК ОЗАБОЧЕН СУДЬБОЙ РУССКОГО НАРОДА?

Тревога за Россию, за русский народ — это ощущение ныне все более проникает в общественное сознание российского общества. Писатели, ученые, журналисты, военачальники, профессиональные политики — все говорят о какой-то фатальной обреченности страны, народа, его культуры. Под угрозой существование русского языка, деградирует российская наука, разваливается армия. Все искажено, все исковеркано нашим новым «демократическим» мышлением и действием — таков печальный вывод людей, озабоченных судьбой всего русского. Эти тревожные сигналы в сочетании с ужасающими демографическими показателями и порождают в общественном сознании сильное чувство «исторического пессимизма».

Но не все у нас пессимисты. Скорее наоборот. Кому-то на Руси сейчас жить хорошо, даже очень хорошо. Громче и чаще звучат оптимистические речи: «Русь, конечно, решит все свои проблемы», «страна выздоравливает». Короче, страна на пути к светлому будущему. Но как это понимать, в каком смысле «выздоровливает»? «Выздоровливает» — значит, очищается от мрачного советского прошлого, сбрасывает с плеч гнет коммунистического тоталитаризма. Современные «оптимисты» и хулители всего советского в своих отзывах о коммунизме не жалеют черных красок. Те, кто выбрал «пепси», не нуждаются в советских ценностях, их надо демонтировать и выбросить из истории. Среди «оптимистов» видные представители творческой интеллигенции — писатели, журналисты, актеры, гораздо реже ученые. Критика социализма, хула на все советское стали у них ритуалом, модой. «Социализм — это абсолютный разгул серости. Социализм был подарком бездарным, ленивым людям». Тогда, оказывается жили по принципу зоопарка, «все сидят в клетке и всем дают одинаковую бурду.» А отдельные противники социализма считают, что отказ от советского прошлого — это путь к возрождению России и русского народа: «Пока все советское не отомрет, ничего русского у нас не будет».

Такова в общих чертах панорама исторического спора о будущем постсоветской России. Как разобраться в разнообразных суждениях и точках зрения? Кто глубже понимает и точнее выражает коренные интересы российского общества — «исторический пессимизм» Зиновьева и его единомышленников или «оптимизм» строителей новой капиталистической России? Будущее в представлении ориентированных на западные ценности оптимистов ясно и предсказуемо и характеризуется одной фразой: «Будем жить как на Западе, и все будет хорошо». У Зиновьева есть своя футурология, и в ней мы видим изображение этой картины будущего. Точнее, мы видим будущее страны, если пойдем по пути противников советского и проповедников западных ценностей. В конце XXI столетия мы станем частью Большого Запада — страны победившего западнизма. У нас будет все, как на Западе! Для Зиновьева такая судьба его страны и его народа представляется трагической.

В XXII ВЕК БЕЗ РОССИИ!?

Футурология Зиновьева изложена во многих его работах. В наиболее четком и систематизированном виде она содержится в его книге «Глобальный человек» (М., 1997). Перед взором читателя открывается картина жизни человека конца двадцать первого столетия. На Земле свершился повальный экспорт западнизма, его традиции и ценностные ориентации получили глобальное распространение: планета превратилась в одномерный социум, все страны разными путями пришли к западнизму. Каким же, по Зиновьеву, будет оно, это новое общество двадцать второго века? Почему он назвал новое общество человекником? Чтобы получить ответы на эти вопросы, надо прочесть книгу. А прочитав, поразиться, какая серая и невыразительная жизнь ожидает наших далеких и не очень далеких потомков! В своих прогнозах Зиновьев пытается предостеречь людей от опасностей грядущей западнизации и глобализации. Цель автора — отвести человека от пути, по которому может пойти современное общество. Это — путь к обезличению человека, к превращению его существования в пустое, бездумное времяпожирание. На вопрос: «Куда идешь, человечество?» — Зиновьев отвечает: «Мы превращаемся в гигантский мыльный пузырь истории», «мы создали цивилизацию, обрекающую людей на одиночество».

Но, пожалуй, самое ценное в этой книге — это представление автора о будущем своей страны и своего народа. Этому в книге посвящено всего две страницы. Один из главных персонажей «Глобального человекника» Гор поведал своему собеседнику удивительные факты.

Занимаясь «исторической археологией», Гор сделал «величайшее открытие» — «раскопал» доказательства того, что на территории Российской и затем Советской империи до конца XXI века существовал великий народ, который затем исчез с исторической арены и был буквально «вычеркнут» из памяти человечества («Глобальный человекник», с. 320). Просто невозможно представить себе такое! Это страшнее, чем «Планета обезьян»! Через каких-то 100 лет люди, живущие на нашей территории, не будут ничего знать о России и русском народе! И неожиданно кто-то из наших потомков вдруг узнает, что такая страна была, что такой народ существовал! Узнает, что это был великий народ! Великий не только по размерам (около 100 миллионов), но и по исторической роли, но и по вкладу в мировую цивилизацию.

Куда же делась эта страна и ее народ? Что с ними произошло за 100 лет? Лучше Зиновьева на этот вопрос никто не ответит. «Что случилось с этим народом? Почему он исчез с исторической сцены? Почему так тщательно вычищены следы его в истории? По мнению Гора, этот народ не просто вымер. Он был общими усилиями Запада и всех его мировых холоуев и помощников умышленно направлен на путь вымирания. Можно утверждать нечто большее: он был просто истреблен современными методами истребления больших народов, которыми со временем будут истреблены многие миллиарды «излишнего» населения планеты. Но в отноше-

нии русоидов (русских — Л. Г.). ситуация была особой, можно утверждать — уникальной: они были создателями и носителями коммунистического социального строя, которой был смертельной угрозой существованию западнизма как социального строя и его носителей — народов Запада. Разгром советского коммунизма был одновременно и разгромом и русоидов как особого народа. Затем Запад в течение целого столетия методично проводил в отношении побежденных русоидов политику, вынуждавшую их на деградацию и вымирание. Запад был убежден в том, что сохранение русоидов в качестве великого народа означает вечную угрозу возрождения коммунизма. И кто знает, может быть, в результате второй попытки коммунизм завоевал бы мировое господство со всеми вытекающими отсюда последствиями для Запада. Поэтому надо было не просто истребить народ, но вытравить из памяти человечества всякие следы его пребывания в истории» (с. 320—321). Эти страницы стоят многих книг! Пусть все, кто сегодня думает о судьбах страны и народа, искренне переживает за их судьбу, неважно, какой он политической ориентации, узнают, что пишет Зиновьев о будущем России, осознают весь трагизм современного положения страны.

Интересно было бы проделать опыт с этим фрагментом из «Глобального человеконика». Напечатать его в какой-либо газете («Коммерсантъ», «Литературная газета», «Советская Россия» и др.) и, как это часто делается в прессе, попросить прокомментировать его. Какова будет реакция на такой проект будущего у властителей дум российского общества? Что скажут государственные деятели, политики, писатели, журналисты, мудрецы-всезнайки с телевидения, наконец, истинные хозяева жизни — олигархи? Предвидеть, что они скажут, сложно и, наверное, нет смысла. Надо попробовать. Можно, правда, ожидать реакцию некоторых оппонентов Зиновьева. Как это не раз бывало, от его прогнозов просто отмахнутся. Вы утверждаете, что в будущем ни России, ни русских не останется? Но когда это еще будет? Нечего сейчас гадать на кофейной гуще. Это во-первых. Во-вторых, не будет России, исчезнет русский народ как великая нация с ее великим прошлым!? Ну и что тут страшного? Забудут Пушкина, Достоевского, Л. Толстого, Глинку, Чайковского!? Ну и что, современное технотронное общество вытесняет ценности прошлого и заменяет их новыми, адекватными новым устоям. Не будет России как великой державы!? Ну и что, история знает много примеров, когда исчезали страны и народы и на смену им приходили другие!

Спорить и переубеждать таких людей бесполезно и бессмысленно. Сегодня нас призывают к согласию и сплочению, зовут идти вместе. Но куда и во имя чего? Куда идти вместе и с какой целью? Нужна новая, зовущая вперед идеология? Но куда идти под новым идейным знаменем? К утверждению на планете господства Большого Запада и торжества ценностей «Глобального человеконика»? Без России и без русского народа?

ОТВЕТА НЕ БЫЛО

Во время телевизионной передачи, о которой шла речь в начале этих заметок, я задал Зиновьеву вопрос, прямо касающийся его прогнозов. Напомнив коротко о его картине будущего России из «Глобального человеконика», я спросил: какова вероятность того, что все это случится? Что уже запущено колесо истории и процесс разрушения страны невозможно остановить? Может быть еще не поздно и что-то надо срочно предпринимать? Или «бабочка Брэдбери» (из рассказа американского фантаста «Тропюю грома») уже раздавлена и «Аннушка уже масло пролила?» (из «Мастера и Маргариты М. Булгакова»). Надо ведь что-то делать!

Конечно, ответить сразу Зиновьеву было непросто и кто вообще может с уверенностью и ответственно говорить об этом? Зиновьев хорошо понимал важность этих вопросов и хотел на них ответить. Но ему это сделать не дали — время, отпущенное телевизионщикам на запись, было на исходе. Отвечать надо — эти вопросы отражают императив нашего времени. Еще

сравнительно недавно, несколько десятилетий тому назад, американцев пугали страшными словами: «Русские идут». То время безвозвратно прошло. Сейчас нас должна тревожить мысль: «Что будет в будущем, если «русские уйдут»?

Говоря об «историческом пессимизме» Зиновьева, я умышленно беру эти слова в кавычки. Его воззрения, бесспорно, несут в себе большую действенную силу. Он не сложил руки и призывает всех к активному действию. Считаю уместным привести здесь его слова, заключающие одну из его последних изданных книг «Гибель русского коммунизма». «Мы, россияне, — пишет Зиновьев, — должны отбросить всякие иллюзии насчет XXI века. Он будет не веком благополучия, праздников и развлечений, а веком ожесточенной борьбы одних — за выживание, других — за господство над первыми, одних — за национальные интересы России, других — за закабаление ее глобальным западнистским сверхобществом. Рассчитывать, что произойдет какое-то чудо, что кто-то нам поможет, кто-то нас спасет, — бессмысленно. Все зависит от нас самих, от того, сможет наш народ выдвинуть из своей среды достаточное число мужественных, честных и умных людей или нет, сможет народ поддержать борьбу этих людей за его же интересы или нет, окажется власть и интеллектуальная элита на стороне своего народа или нет. Это все — азбучные истины социальной борьбы. Их следует не просто принять как общие фразы, а как практически действующие принципы поведения» (с. 431).

VI. ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Зиновьев.

Глобализация как война нового типа¹

Представьте себе, что вам попало на глаза такое описание сороковых годов XX века в Европе. На основе выдающихся достижений науки и техники началось объединение народов Европы в единое общество. В эти годы более десяти миллионов немцев и представителей других дружеских с Германией народов посетило Советский Союз. Более трех миллионов жило в России в течение пяти лет постоянно. Более четырех миллионов россиян жило и несколько лет и работало постоянно в Германии, Германию посетило около двадцати миллионов русских и других дружеских с ними народов и т. д. Как бы вы оценили такое описание? А ведь именно на таком интеллектуальном уровне делаются описания происходящего на наших глазах и с нашим участием процесса глобализации.

Бесспорно, глобализация есть не воображаемый, а объективный процесс. Он имеет объективные основания и закономерности. Но это — процесс жизнедеятельности людей, обладающих волей и сознанием. В нем решаются судьбы людей, стран, народов, поколений. Откуда-то исходит инициатива этого процесса. Ведь не обстоит же дело так, что все шесть миллиардов людей собрались и решили: давайте-ка объединимся в единое глобальное целое ко всеобщей взаимной выгоде! Инициатором глобализации является западный мир. Основания глобализации исходят с Запада. Осуществляется она силами Запада и в интересах Запада прежде всего.

Социальная сущность глобализации состоит в том, что это — самая грандиозная спланированная и постоянно планируемая в деталях и управляемая в основных аспектах война западного мира не просто за мировое господство, а за овладение эволюционным процессом человечества и управление им в своих интересах. Поясню это утверждение.

Науку, в которой профессионально изучаются войны как особые объекты, я называю войнологией. Я не специалист в войнологии. Но войны суть явления в жизнедеятельности социальных объектов, профессионально изучаемых в социологии. И социологи (и философы, занимавшиеся социальными проблемами), естественно, всегда посягали на осмысление войн. А в наше время войны приобрели такой вид и такое социальное значение, что провести четкую границу между социологическим и войнологическим подходом к войнам практически вряд ли возможно. И войнологи все чаще и основательнее обращаются к социологическому аспекту войн при рассмотрении профессионально войнологических проблем. Так что я как социолог чувствую себя вправе высказаться на тему о войне.

¹ Опубликовано в журнале «VIP-премьер». Июнь 2001, с. 48.

Войны тоже суть явления исторические, подверженное законам эволюции. Сопоставим в этом плане три мировые войны двадцатого столетия и начала двадцать первого. Первая мировая война шла внутри западного мира (западной цивилизации) между его частями. Считается, что она шла за передел сфер влияния и эксплуатации. Конечно, это имело место. Но имело место и нечто другое, более глубокое, а именно — борьба за доминирование в западном мире и в истории человечества вообще. Западный мир был социально однороден и не имел эволюционных конкурентов. В результате этой войны такой конкурент у Запада появился: русский (советский) коммунизм.

Вторая мировая война была смешанной. В одном аспекте это была война внутри западного мира между его частями за доминирование того же рода, как в Первой мировой войне. В другом аспекте это была война всего западного мира против советского коммунизма как эволюционного конкурента западнизму. В результате войны коммунизм окреп, стал распространяться по планете и заявил претензию на мировое господство.

Сразу после Второй мировой войны началась интеграция западного мира и борьба его против мирового коммунизма. Началась «холодная война» Запада, лидируемого Соединенными Штатами Америки, против Советского Союза и советского блока. Она переросла в новую мировую войну, причем — в войну нового типа.

Общепринято понимание войны как борьбы враждующих сил, в которой используются специальные средства уничтожения живой силы противника (людей) и разрушения сооружений — мечи, стрелы, пушки, пулеметы, танки, самолеты и т. д. Но опыт второй половины XX века внес в понимание войны новые коррективы. В течение более полувека шла борьба стран западного мира, возглавлявшегося США, против стран коммунистического блока, возглавлявшегося Советским Союзом. Она получила название «холодной» войны. В этой борьбе армии Запада не вступали на территорию Советского Союза. Не стреляли пушки, не взрывались бомбы и вообще не использовались средства войны в привычном смысле. Для решения военно-политических целей использовались, причем очень эффективно, так называемые невоенные средства и прежде всего политическое давление, информационная диверсия, спекуляция на гуманитарной проблематике, работа спецслужб, несправедливая и хитроумная дипломатия. Советскому Союзу был нанесен ущерб гораздо больший, чем самая страшная в истории человечества война — война с Германией 1941—1945 годов. Нет надобности говорить о потерях нашей страны, они общеизвестны. Кроме того, Вооруженные Силы сыграли в этой борьбе роль огромную, но особую — как потенциальное орудие борьбы. Без них эта борьба была бы вообще немыслима. Так что употребление слова «война» в отношении этой борьбы, которое прочно вошло в речи и публикации об этом периоде истории, можно считать вполне оправданным.

К сказанному следует добавить еще и то, что с окончанием «холодной» войны борьба Запада против нашей страны не прекратилась. Она продолжается. Она перешла в новую стадию, которую, я называю «теплой» войной. В ней к средствам «холодной» войны добавились средства войны в привычном смысле — «горячей» войны, а также новые средства, например — диверсионные операции огромного масштаба в политической и экономической сферах. «Теплая» война распространилась и на другие регионы планеты — Ирак, Балканы. Есть достаточно серьезные основания утверждать, что человечество уже вступило в эпоху новой глобальной войны, причем войны нового типа.

Что это за война? Чтобы достаточно точно и полно охарактеризовать ее, нужны фундаментальные исследования. Я сейчас назову лишь такие ее черты, которые наметились в период «холодной войны» и стали отчетливо оформляться теперь, в наступившую эпоху «теп-

лой» войны. Думаю, что они получат всестороннее развитие в наступившем XXI веке. И весьма вероятно, что компоненты «горячей» войны будут усиливаться, как это уже имело место со стороны НАТО и США против Сербии.

При оценке всякой войны нужно установить, кто участвует в войне (кто ее ведет), каковы цели участников ее, какие средства используются, как протекает сама война (стратегия и тактика). А чтобы охарактеризовать с этой точки зрения уже начавшуюся войну нового типа, необходимо научный анализ эволюционного перелома, который произошел во второй половине XX века. Социальная сущность этого перелома заключается, во-первых, в переходе человечества от эпохи обществ к эпохе сверхобществ и, во-вторых, в превращении исторического процесса из стихийного и неуправляемого в проектируемый и управляемый.

Сверхобщество, коротко говоря, есть человеческое объединение с более высоким уровнем социальной организации, чем привычные общества. Этот более высокий уровень определяется тем, что над государственностью вырастает сверхгосударственность, над экономикой — сверхэкономика, над идеологией — сверхидеология, и эти «надстройки» образуют новый компонент в социальной структуре объединения. Он включает в себя предшествующий уровень, т. е. компоненты социальной организации общества (государство, право, экономику, идеологию), но трансформирует их применительно к новым условиям и доминирует над ними.

Исторически первым образцом сверхобщества огромного масштаба с претензией на мировое лидерство был Советский Союз. Он остался непонятым в этом социальном качестве. После Второй мировой войны западный мир стал эволюционировать также в направлении к сверхобществу. К сверхобществу другого типа. Я его называю западнистским. Началась интеграция стран западного мира в глобальное западнистское сверхобщество. Последнее уже взяло твердый курс на установление своего мирового господства. И оно успешно идет этим путем, — осуществляет глобализацию человечества, используя в качестве своего главного оружия насильственную западнизацию прочих народов планеты. Основные учреждения этого глобального западнистского сверхобщества базируются в США. Они срослись с соответствующими учреждениями США, так что выражение «США» («Вашингтон») стало двусмысленным: оно обозначает США как одно из «национальных государств» Запада, так и глобальное сверхобщество, о котором я сказал выше. В это сверхобщество уже вовлечено до ста миллионов человек. Оно распоряжается до семидесяти процентов мировых ресурсов. Оно манипулирует правящими силами стран Запада, включая высших лиц их системы власти. Оно уже запустило свои щупальца во все уголки планеты.

«Холодную войну» против нашей страны вели не просто Соединенные Штаты как национальное государство, а то сверхобщество, о котором я говорю. Сейчас продолжается период «теплой» войны. И возглавляет его именно то сверхобщество, о котором идет речь в данном случае.

Другой аспект эволюционного перелома второй половины XX века заключается в том, что исторический процесс из стихийного и неподконтрольного людям превратился в проектируемый и управляемый. Сказать только то, что он планируется и управляется людьми, значит сказать нечто бессмысленное. Надо точно указать, какими именно силами и как именно планируется и управляется. Субъектом, который проектирует ход исторического процесса и управляет им, является огромное множество людей западного мира, объединяющихся в глобальное западнистское сверхобщество, о котором я говорил. Это сверхобщество организует весь западный мир в единое целое, нацеливает и организует его на покорение всей планеты. Огромное число специалистов, центров, организаций, учреждений и т. п. занято в деле планирования и управления ходом исторического процесса. Та история, с которой имел дело К. Маркс, когда

писал о неких законах стихийной эволюции, осталась в прошлом. Сейчас западнистское сверхобщество контролирует более 70% мировых ресурсов. Эти ресурсы настолько огромны, что они позволяют даже эволюционные процессы осуществлять так, как раньше осуществлялись частичные операции — вроде строительства аэропортов, кораблей, каналов и т. п.

Самым грандиозным примером такого рода может служить антикоммунистический переворот в нашей стране, готовившийся в течение всей «холодной» войны и осуществленный в горбачевско-ельцинские годы. Жертвами этой планируемой и управляемой истории становятся целые страны и народы. Первые решающие операции западнистского сверхобщества в отношении нашей страны успешно (с точки зрения наших врагов) осуществились. Но оно не успокоилось на этом.

Эволюционная война. В применении к войне этот перелом означает, что война нового типа, о которой идет речь, есть не просто война за захваты, за передел мира, за рынки сбыта и т. д. Это — война гораздо более глубокая и масштабная: это — война эволюционная, война за всю последующую эволюцию человечества. У нее были предшественники. Вспомните намерение гитлеровской Германии создать мировую империю по заранее задуманному проекту. Вспомните намерение марксистов построить мировой коммунизм. Это были попытки, можно сказать, с негодными средствами, непосильные для исполнителей эволюционных проектов. Теперь положение на планете изменилось. Условия и мощь новых инициаторов организации человечества по заданному образцу стали такими, что намерения подчинить себе сам эволюционный процесс выглядят вполне реалистично. Осуществимы или нет эти намерения, это другой вопрос. Сейчас важно то, что это определяет характер уже начавшейся мировой войны нового типа.

Повторяю и подчеркиваю, происходящая война есть война эволюционная. Не случайно поэтому главным противником западнистского сверхобщества стал Советский Союз, опередивший западный мир в эволюционном отношении более чем на полвека. Для Запада проблема разгрома Советского Союза была не просто проблемой ослабления военного, политического, идеологического и экономического конкурента. Это была проблема уничтожения эволюционного конкурента, угрожавшего устроить мировой порядок по своему плану и имевшего на это реальные шансы. Вспомните, давно ли было то время, когда политическая карта мира в ее большей части была выкрашена в красный цвет! Советский Союз открыл линию социальной эволюции, качественно отличную от той, по которой шел западный мир, с которой Запад не мог и не может свернуть, которая является необходимым условием исторического выживания Запада. Советский Союз стал образцом для подражания сотням миллионов незападных народов. Поражение Советского Союза в «холодной» и «теплой» войне нанесло сильнейший удар по коммунистической линии социальной эволюции, но не убило ее окончательно. Живет и крепнет Китай. А с точки зрения западных стратегов происходящей войны, еще не добит окончательно советский коммунизм, еще есть опасность его возрождения, Россия еще не добита до конца, она еще вызывает страхи в западном мире. И война нового типа как эволюционная война не окончена. Завершающие ее битвы еще впереди.

Сверхобщество использует самые разнообразные средства покорения и эксплуатации планеты, которые, с точки зрения устаревших понятий о войне, выглядят что ни на есть самыми мирными, но на самом деле превосходят многие средства «горячих» войн именно как средства завоевания и разгрома противников. Исчезновение четких разграничений между специфически военными и мирными средствами стало одним из устойчивых признаков войны нового типа. Исчезло также четкое разделение на профессионально военных и гражданских лиц, фронта

и тыла, военных и мирных операций, состояния войны и мира. Налицо ситуация, когда мы уже живем в состоянии перманентной войны нового типа, а людям в головы вбивают и вбивают идеологию «лишь бы избежать войны». Идеологию, выгодную агрессорам, завоевателям и погромщикам других народов. И те теоретики, которые настаивают на привычном (устаревшем!) понятии войны, предлагая называть состояние «холодной» и «теплой» войн другими нейтральными и умиротворяющими словами, действуют вольно или невольно в пользу нового глобального агрессора, одним из средств которого является идеологическое обольщение человечества.

Эффективность средств войны нового типа («мирной» войны) достаточно убедительно обнаружилась в войне западного мира против нашей страны. Советский Союз потерпел поражение в ней. Советский блок распался. Распался и сам Советский Союз. Разгромлена советская (коммунистическая) социальная организация в странах бывшего Советского Союза. Почему и как это произошло и к каким последствиям привело нашу страну, на эту тему я многократно высказывался в моих публикациях и публичных выступлениях. Не буду повторяться. Остановлюсь лишь на одном явлении, важном с точки зрения темы этой статьи. Я имею в виду разгром Советского Союза руками самих советских людей и насильственное навязывание странам бывшего Советского Союза социальной организации, исключающей возможность возрождения бывшего советского региона в качестве эволюционного конкурента для Запада.

Чтобы осуществить то, о чем я только что сказал, Запад должен был обладать достаточно мощными средствами для оказания давления на Советский Союз. Но этого мало. Запад должен был проделать огромную работу по идеологической обработке советского населения и создать в Советском Союзе свою «пятую колонну», способную склонить советское население к массовому предательству и к капитуляции перед Западом. Фактор предательства и капитулянтства имел место и во время войны с Германией. Но лишь в «холодную» войну он перерос в социально значимый. В войну 1941—1945 гг. высшее советское руководство сохранило преданность стране и идеалам коммунизма, проводя беспощадную борьбу против предательства и капитулянтства. Войну советский народ закончил более сплоченным, чем был до нее. В «холодную» войну на путь предательства и капитулянтства встали представители высшей власти и идеологической элиты, часть интеллигенции (художественной и научной), предательство поощрялось с высот власти. В него оказалось вовлеченным все активное население страны. Сложилась настолько мощная «пятая колонна» Запада, что иностранная интервенция и оккупация оказались излишними. Большинство населения оказалось пассивным и не оказало почти никакого сопротивления контрреволюционному (антикоммунистическому) перевороту. Метод раскалывания населения покоряемой страны на враждующие части, создания своей послушной «пятой колонны», склонение одной части (бунтующей) к предательству и захват власти прозападными активистами был недавно применен силами Запада в Югославии. А перед этим Сербия подверглась нападению со стороны НАТО и США с использованием новейшего оружия «горячей» войны.

Коварство войны нового типа состоит в том, что она не воспринимается как война. Более того, она преподносится в пропаганде и воспринимается массами людей как стремление избежать войны. Суть дела понимают немногие. И возможности для них сделать свое понимание широко известным ничтожны. Огромному числу людей на планете состояние перманентной войны такого типа выгодно и удобно во многих отношениях. И даже в стане жертв такой войны значительная часть людей выгадывает от нее и предпочитает ее активному сопротивлению агрессору.

Бесчисленные «мелкие» уступки завоевателям со стороны покоряемых жертв не воспринимаются каждая по отдельности как поражение. Из множества таких уступок складывается стратегия, идеология и психология исторической капитуляции. Ее последствия даже ее жертвами не переживаются как личные жертвы. Так что не исключено, что эта война растянется еще на множество десятилетий и превратится в норму последующего бытия человечества. С войнами будет покончено путем превращения мира в состояние непреходящей войны.

На основе сказанного становится очевидной следующая черта войны нового типа: она является единственной, уникальной. Раньше, когда создавалась теория войн, имелось в виду множество войн. Находились их общие черты, определялись причины, их порождающие, строились классификации, выяснялись отличия и особенности различных их видов и т. д. Сейчас речь идет не о множестве однотипных войн, а об одной-единственной войне, которая назревала несколько десятилетий, уже охватила эволюционно активное ядро всего человечества (стала глобальной) и угрожает стать стержнем исторической жизни наступившего XXI столетия. Уже «холодная» война была единственной войной, имевшей сложную структуру в пространстве и времени. Все прочие войны были ее эпизодами, частями, проявлениями. Во всяком случае она составляла основу для огромного числа на первый взгляд разрозненных конфликтов. И тем более это качество характерно для «теплой» войны, очевидным образом чреватой многочисленными очагами войны «горячей». Интеграция западного мира в глобальное западнистское сверхобщество с необходимостью ведет и к интеграции военных конфликтов в своего рода сверхвойну.

Хотя западный мир, возглавляемый своим глобальным сверхобществом, добился многого, даже больше того, на что он рассчитывал в начале «холодной войны», он не может успокоиться на достигнутом.

В силу социальных законов и в силу конкретных условий, сложившихся на планете, он вынужден в интересах самосохранения идти до логического конца в реализации своих маниакальных планов: подчинить эволюционный процесс своей власти до такой степени, чтобы в истории больше никогда не возникали значительные попытки двигаться каким-то иным путем, качественно отличным от того, какой навязывается западнистским сверхобществом. Потому Россия остается противником Запада в происходящей мировой войне нового типа. Запад может успокоиться лишь тогда, когда наша страна и наш народ просто будут низведены до состояния, достойного насмешки и презрения.

На пути к мировому господству Запада стоит сопротивляющийся мусульманский (арабский) мир. Война Запада против него — следующий этап идущей мировой войны.

Очевидно, что главным препятствием на пути западнистского сверхобщества к мировой гегемонии после краха советского блока и Советского Союза становится коммунистический Китай. Для нас важно установить, какая судьба ожидает нашу страну в условиях войны западного мира с Китаем, которая неизбежно станет одним из важнейших явлений жизни человечества в XXI веке. Кое-кто пророчит (а многие жаждут этого), что образуется евразийское единство во главе с Россией, и это единство будет противостоять западнизму. Думаю, что это пророчество (и желание) лишено каких-либо оснований. Россия уже по многочисленным каналам включена в сферу влияния глобального западнистского сверхобщества. Вырваться из его «объятий» для нее в нынешнем состоянии чрезвычайно трудно, если это вообще возможно в обозримом будущем. Стратеги западного сверхобщества скорее всего будут стремиться навязать России роль антикоммунистического бастиона в войне против Китая, если дело дойдет до использования средств «горячей» войны. Исключать такую возможность сейчас было бы ошибочно.

Александр Зиновьев. Постсоветизм²

Социальная организация человеческого объединения (человеиника) есть результат сознательно-волевой деятельности некоторой части членов человеиника. Но она не есть продукт их субъективного произвола. Тут имеют силу определенные социальные законы, неподвластные воле людей. Люди вообще, как правило, даже не знают о существовании таких законов. Это целиком и полностью относится и к создателям постсоветской социальной организации России. Но если мы хотим понять, что это такое, нам будет полезно с такими законами познакомиться хотя бы в минимальной степени. Приведу некоторые из них, без знания которых понять эту организацию вообще невозможно.

Прежде всего, это — закон социально-исторической преемственности или социальной регенерации. Заключается он в следующем. Если разрушается социальная организация человеиника, но при этом сохраняется человеческий материал, основы его материальной культуры и другие явления, необходимые для выживания (например, природные условия), то новая социальная организация, создаваемая на остатках разрушаемой, оказывается по ряду важнейших (определяющих) признаков близкой к разрушаемой. Так обстояло дело с советской социальной организацией, в которой были воспроизведены черты разрушенной дореволюционной организации. Нынешняя (постсоветская) социальная организация во многом напоминает советскую. Большое число россиян живет так, как будто никакого антикоммунистического переворота не было. Только хуже, чем в советские годы. Грубо говоря, из обломков сарая не построишь небоскреб. Постройшь лишь сарай, только хуже прежнего.

Другой социальный закон я называю законом социальной деградации. Заключается он в следующем. В случае разрушения социальной организации человеиника с сохранением факторов, о которых я упомянул при формулировке закона социальной регенерации, вновь создаваемая социальная организация воспроизводит некоторые важные черты социальной организации более низкого эволюционного уровня, исторически предшествовавшей разрушенной. Иначе говоря, при этом происходит снижение эволюционного уровня социальной организации. В истории России советской социальной организации предшествовала феодальная. Так что было бы удивительно, если бы какие-то явления российского феодализма не стали возрождаться.

Упомяну, далее, закон экзистенциального эгоизма. Заключается он в применении к социальной организации, в том, что главной заботой для тех членов человеиника, которые в новой социальной организации, создаваемой вместо разрушаемой, занимают господствующее и привилегированное положение, становится закрепление результатов переворота и своего положения в человеинике, а не интересы прочей части членов человеиника и не интересы человеиника в целом. О прочих гражданах человеиника и о человеинике в целом хозяева новой социальной организации заботятся лишь как об основах и источниках своего существования, как о зоне своей жизнедеятельности. Так что в том, как организаторы антикоммунистического переворота и сложившаяся в результате его правящая элита обошлась со страной и с массами населения, ничего удивительного нет.

Упомяну, наконец, о законе однокачественности компонентов социальной организации и о соответствии их друг другу, а также о соответствии организации в целом характеру человеческого материала.

² Завтра, № 5 (428), с. 4.

Постсоветизмом (или посткоммунизмом) я называю ту социальную организацию, которая в основных чертах сложилась в России в результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы. Это — явление исторически новое, не имеющее аналогичных прецедентов в прошлом и складывающееся буквально на наших глазах, причем — с поразительной (с исторической точки зрения) скоростью. Детальное социологическое исследование его есть дело будущего. Тем не менее основные черты можно наблюдать уже сейчас, причем — в почти лабораторно явном виде.

Постсоветизм начал формироваться в России не в результате естественно-исторического и имманентного для России процесса, а как нечто чужеродное российскому населению и его историческим, природным и геополитическим условиям, насильственно навязанное россиянам сверху (кучкой людей, ставшей «пятой колонной» Запада и захватившей высшую власть) и извне (под давлением со стороны сил Запада и по их указке). Это произошло после антикоммунистического переворота в годы горбачевско-ельцинского правления. В результате этого переворота была разрушена советская (коммунистическая) социальная организация. Хотя последняя и переживала состояние кризиса, обусловленное стечением ряда исторических факторов, тем не менее она была вполне жизнеспособна. Она блестяще доказала свою эффективность в труднейших для страны условиях. Она еще только вступила в стадию эволюционной зрелости и еще не успела раскрыть все свои созидательные возможности. С точки зрения эволюционного уровня она превосходила все те формы социальной организации, какие знала история человечества, включая страны Запада. Запад в этом отношении отставал от Советского Союза по крайней мере на 50 лет.

В результате горбачевской «перестройки» Советский Союз был ввергнут в состояние всеобщего кризиса. А предательская капитуляция перед Западом в «холодной» войне привела к распаду советского коммунистического блока и самого Советского Союза и к упомянутому антикоммунистическому перевороту, ставшему началом разгрома советской социальной организации (советизма). Россия была направлена на путь всесторонней деградации и превращения в зону колонизации для Запада. Немедленно стала складываться новая социальная организация, предназначенная реформаторами и их западными манипуляторами для закрепления сложившегося состояния России, — постсоветизм. Он создавался как гибрид советизма (коммунизма), западнизма и национально-русского (дореволюционного) фундаментализма.

Чтобы охарактеризовать это чудо социального творчества, нужно хотя бы в какой-то мере иметь представление об упомянутых трех его ингредиентах. Я думаю, что никакие особые пояснения тут не требуются. Еще живо большое число россиян, которые на личном опыте познали советизм (коммунизм). В российских СМИ его поносят с неослабевающим остервенением, так что и молодежь достаточно получает информации о нем. Западнизм становится обычным явлением постсоветского образа жизни. Россияне успели познакомиться с ним на практике. А что касается российского фундаментализма (феодализма), его превозносят в СМИ и навязывают россиянам с всевозрастающим остервенением, так что кажется, будто мы живем в дремучем средневековье. Поэтому я ограничусь лишь кратким пояснением упомянутых ингредиентов постсоветизма.

С советизмом Россия прожила более семидесяти лет. С ним она добилась выдающихся эпохальных успехов, на несколько десятилетий стала лидером социальной эволюции человечества. Советский период был и по всей вероятности останется навсегда вершиной российской истории. И как бы к нему ни относились строители новой социальной организации России, советизм стал и будет в дальнейшем одним из решающих факторов в определении типа создаваемой ими

социальной организации. Происходит это не в силу каких-то субъективных пристрастий. Таких пристрастий нет. Более того, имели и имеют место сильнейшие антипатии, так как советизм несет с собой для них потерю или ущемление их привилегированного положения. Происходит это в силу объективного социального закона социальной регенерации. Сила этого закона такова, что строителей постсоветизма даже обвиняют в преднамеренной реставрации советизма, хотя они из кожи лезут, чтобы истребить всякие его следы. Ирония истории состоит тут в том, что в условиях России советизм можно выкорчевать только методами... советизма. Принимая меры против него, антисоветчики и антикоммунисты, вышедшие из среды коммунистов и воспитанные под их влиянием, невольно сохраняют и подпитывают его.

Черты советизма в постсоветском социальном гибриде заметны даже без специальных социологических исследований для тех, кто в какой-то мере знаком с советизмом. Президентская власть копирует власть советского «Кремля», причем — даже сталинского периода. Президент имеет тенденцию превратиться в вождя, заботящегося о нуждах всего «трудового» народа. Он опирается на силовые структуры, назначает угодное ему и подконтрольное ему правительство, стремится к контролю за прочими сферами общества, стремится апеллировать к массам (к «народу») непосредственно, минуя якобы враждебных «народу» и коррумпированных чиновников-бюрократов (телевидение на этот счет — дар истории). Значительная часть граждан живет и добывает средства существования фактически по-советски. Это — «бюджетники». Большинство живет хуже, многие — так же, немногие — лучше. Но по социальному типу — сходно с советскими временами. В советские годы эти категории граждан составляли основную часть работающего населения. Они были оплотом советского строя. Их роль в постсоветской России изменилась, их социальная значимость резко снизилась, но все же она остается ощутимой. Постоянно возникают чрезвычайные ситуации, преодоление которых требует коммунистических методов решения социальных проблем. Между прочим, это имеет место и в странах Запада. Имеют место проблемы, требующие не просто сильной государственной власти, но власти, действующей методами, подобными тем, какие были характерны для власти советской. Это — проблемы борьбы с преступностью, с нищетой и с детской беспризорностью, организации образования, вооруженных сил, ВПК, разведки, международных операций и т. д. Все эти аспекты жизни современного большого и развитого общества с необходимостью порождают тенденции коммунистической социальной организации в любой стране, а в бывшей коммунистической стране это не только выглядит как реставрация советизма, но в значительной мере происходит на самом деле. Я уж не говорю о том, какое важное место в постсоветской России занимает культура, накопленная за советские годы. Это — культура высочайшего мирового уровня. Она пронизана советизмом, составляет его неотъемлемую часть. И полностью очистить ее от советизма не удастся никогда.

Западнизмом я называю социальную организацию, какую можно наблюдать в западных странах. В отношении нее употребляют слова «капитализм», «демократия», «частная собственность», «частное предпринимательство», «рынок», «многопартийность», «гражданское общество» и т. д. Важно иметь в виду то, что в Советской России, в каком бы она состоянии ни находилась, никаких серьезных предпосылок для западнизма не было. Он стал насаждаться в России искусственно, насильственно, усилиями высшей власти. Стал насаждаться после антикоммунистического переворота теми россиянами, которые захватили в стране политическую власть. Захватили в результате грандиозной диверсионной операции, подготовленной силами Запада в ходе «холодной» и «теплой» войны (мировой войны нового типа) и осуществленной «пятой колонной» Запада в России. Западнизм стал насаждаться по западным образцам и под

давлением (под руководством) со стороны сил Запада. Причем, стал насаждаться в том виде, какой был желателен в интересах Запада, а отнюдь не России, При этом умышленно игнорировались конкретные условия России, ибо целью сил Запада было и остается ослабление России и превращение ее в зону для своей колонизации.

Если ингредиент советизма появился в постсоветизме в силу объективного социального закона вопреки воле и желаниям творцов постсоветизма, то ингредиент западнизма, наоборот, появился тут в соответствии с волей и желаниями творцов постсоветизма, но в нарушение объективного социального закона адекватности социальной организации человеческому материалу, материальной культуре, природным условиям и историческим традициям страны. Западнизация России в том виде, как ее стали осуществлять творцы постсоветизма, очевидным образом не соответствовала упомянутым факторам. В результате ее получилась не западнистская социальная организация, а лишь нечто похожее на нее по некоторым чертам (приватизация, многопартийность, подобие рынка и т. п.), т. е. лишь имитационная форма.

В третьем ингредиенте гибрида постсоветизма сочетается действие объективного социального закона, который я называю законом социальной деградации, и стремления части реформаторов во главе с президентом реанимировать некоторые явления дореволюционной России (в основном — российского феодализма), причем — игнорируя при этом социальный закон адекватности, о котором я упомянул выше.

Закон социальной деградации в постсоветской России проявляется как реанимация православия, дореволюционных названий, обычаев, явлений культуры, идей монархизма и великодержавности и т. д. В значительной мере (если не главным образом) это делается искусственно, сверху. Сами по себе явления дореволюционной России не возродились бы. Они не столько возрождаются, сколько изобретаются вновь, изобретаются как идеализация (т. е. фальсификация) прошлого в качестве средства против советизма (коммунизма), как отрицание того эволюционного прогресса, какой имел место в советское время. Тут происходит беспрецедентная историческая деградация, буквально падение с вершины прогресса в пропасть прошлого.

Социальный гибрид не есть просто смешение элементов различных социальных организаций. Это именно гибрид. Как гибрид деревьев различных видов не есть дерево, на котором растут листья и плоды различных видов, а есть дерево, на котором растут листья и плоды, сходные по некоторым признакам с листьями и плодами этих разных видов, а по другим признакам отличные от тех и других, так и тут гибрид разных социальных организаций есть новая социальная организация с компонентами, отличными от таковых у источников гибридизации. Например, постсоветский «Кремль» имеет некоторые черты советского «Кремля» и черты президентской власти США. Но он отличается оттого и другого. В частности, президент России приходит к власти не так, как советский генсек, и не так, как американский президент. Он не располагает практически такой властью и такими средствами, как они, не имеет в своем распоряжении такие материальные средства, имеет другие отношения с «парламентом» и т. д. Аналогично в сфере экономики на самом деле нет реальной многоукладностиTM, а есть гибриды, напоминающие явления разных укладов. Частные предприятия порою ведут себя так, как будто они — государственные, а государственные — как будто они частные.

Постсоветизм есть гибрид как в целом, т. е. с точки зрения комбинации ингредиентов, так и в каждом из ингредиентов по отдельности. В сфере власти доминирует тенденция к советизму, что выражается в усилении роли президентской власти («Кремля»), уподобляющейся советской (об этом я уже говорил выше). Но при этом имеет место и западнистская тенденция, проявляющаяся в парламентаризме, многопартийности, гласности и т. д. В названиях отра-

жается и дореволюционная государственность (Дума, Государственный совет). Ощущается тяготение к монархии, которая прославляется сверх меры. В сфере экономики доминирует тенденция к западнизму (приватизация, банки, частный бизнес, рынок). Но сохраняются элементы государственной плановой и командной экономики. «Кремль» стремится взять под свой контроль важнейшие отрасли экономики. В идеологической сфере россиянам всеми средствами обработки их сознания неумоимо навязывается западная идеология в ее худших проявлениях (проповедь насилия, разврата, корыстолюбия, карьеризма, потребительства и т. д.), православие под маркой национального возрождения и обломки советской идеологизированной культуры (кино, театр, литература, эстрада). И по всем трем линиям имеет место лишь имитация пропагандируемых явлений. Обломки советской идеологии порождают лишь мазохистскую тоску по безвозвратно утраченным завоеваниям советской эпохи. Поддерживаемое высшей властью православие фактически не имеет той власти над душами россиян, на какую претендует. Оно не предохраняет от нравственного разложения населения и преступности, не несет с собой никакого подлинного духовного возрождения и национального единения, создавая лишь имитацию их. Помои западной идеологии нисколько не западнизируют менталитет россиян по существу, способствуя лишь имитации внешних форм поведения на самом примитивном уровне.

Какой тип гибрида складывается в целом, т. е. с точки зрения отношения между компонентами социальной организации? Поскольку третий ингредиент гибрида не имеет шансов стать доминирующим самостоятельно, то можно достаточно уверенно установить границы, в которых будет эволюционировать постсоветизм: это — советизированный западнизм и западнизированный советизм. К какой из этих границ будет ближе реальный постсоветизм, зависит от целого ряда факторов как внутреннего, так и внешнего характера. С точки зрения внутренних факторов, преимущества имеет система власти и управления, тяготеющая к советизму. И опыт последних лет показывает, что эта тенденция усиливается и будет усиливаться. Третий ингредиент, поддерживаемый «Кремлем», явным образом уступает ему доминирующую роль. Да и второй ингредиент, пожалуй, в большей степени зависит от «Кремля», чем «Кремль» от него. Во всяком случае, он пока не готов взять в свои руки управление страной.

Отношения России с Западом складываются таким образом, что инициатива принадлежит в большей мере «Кремлю», чем хозяевам российской экономики. По моим наблюдениям, Запад склоняется не столько к усилению российского парламентаризма, сколько к усилению «Кремля», но такого, который послушен требованиям сил Запада. А возглавляемый Путиным «Кремль» этому условию удовлетворяет. Тем более на самом Западе наступила постдемократическая эпоха. Так что есть основания считать наиболее вероятной эволюцию постсоветизма в направлении западнизированного советизма. И как это ни парадоксально, главным препятствием на этом пути является позиция «Кремля»: он в силу необходимости и социальных законов вынужден делать нечто такое, что выглядит как восстановление советизма, но делать это, сохраняя и укрепляя результаты антикоммунистического переворота и придавая своим действиям подчеркнuto антикоммунистический характер.

Как я уже говорил, при создании постсоветизма его творцы игнорировали (нарушили) закон соответствия социальной организации человеческому материалу страны, ее историческому наследию и ее природным и геополитическим условиям. Они стали насильственно навязывать стране чуждую ей западнистскую организацию. Последняя не является пригодной для любых народов и любых условий их существования. Опыт истории показал, что для большинства незападных народов она несет закабаление и гибель. Силы Запада навязывали ее России

не с целью облагодетельствовать ее народы, а с целью разрушить могучего конкурента в борьбе за мировое господство. И они этого добились.

Творцы постсоветизма нарушили закон однокачественности компонентов социальной организации, пытаясь соединить взаимоисключающие черты коммунистической власти, капиталистической экономики и феодальной идеологии, слепив на скорую руку социального монстра («рогатого зайца»), годного для музея социальных уродов, а не для жизни большого народа. Неизбежным следствием этого явилась дезинтеграция органической целостности страны на множество разрозненных структур, — аппарат центральной власти («Кремль»), представительную власть (Дума), чиновничий аппарат, экономические структуры, СМИ, религиозные структуры, криминальные структуры и т. д. Следствием этого также явилось взаимное ослабление позитивных и взаимное усиление негативных качеств скрещиваемых социальных организаций. Не случайно поэтому при конвергенции коммунизма и капитализма, о которой в свое время говорили западные социологи, в России реализовался не позитивный, а негативный вариант. Российский социальный гибрид уступает как западнистскому, так и коммунистическому источникам. Возникнет ли какое-то новое качество, не предусмотренное в источниках (в ингредиентах гибрида), теоретически предсказать невозможно, а практика гибридизации еще слишком коротка для категорических выводов. Но одно бесспорно априори: в сложившихся условиях для России эволюционное чудо исключено. Возможна лишь его имитация.

Слово «имитация» многосмысленно. Я употребляю его здесь как социологический термин в следующем смысле. Имитировать некоторый объект (действие, событие, явление) А — значит, создать объект (осуществить действие, совокупность действий) В, похожий на А, воспринимаемый как А. При имитации предполагается то, что имитируется (скажем — подлинник), и то, что его имитирует (скажем — имитант). Возможно, что подлинник существует эмпирически, и возможно, что он существует лишь в воображении, на словах. И даже тогда, когда подлинник существует эмпирически, он имитируется в том виде, в каком он воображается (понимается, описывается в словах) имитатором. Имитация есть сознательное действие людей по созданию объектов-имитантов, которые по замыслу этих людей должны восприниматься какими-то людьми как объекты-подлинники. Это делается как подражание, как подделка, для обмана, для показухи, для создания видимости и т. п. В человеческой истории это — широко распространенное, привычное, обычное явление. Оно есть неотъемлемый элемент театрального аспекта человеческой жизни. Можно говорить о степени имитационности того или иного человеческого объединения в целом, его отдельных событий, действий властей, партий и т. д.

Советизм обладал очень высокой степенью имитационности. Россияне, прожившие какую-то часть сознательной жизни в советские годы, должны помнить, какую огромную роль тогда играла показуха, создание видимости успехов, всякого рода торжественные спектакли, долженствующие демонстрировать единство, преданность, готовность и тому подобные воображаемые явления советского образа жизни. Имитационный аспект советской жизни достигал таких масштабов, что даже в официальной советской идеологии и культуре дозволялось критиковать его самым беспощадным образом. Постсоветизм стал закономерным преемником советизма с этой точки зрения, несколько снизив его в поверхностных проявлениях, но зато углубив его до самих основ социальной организации постсоветского общества. В силу законов социальной гибридизации, о которых упоминалось выше, имитационно сть становится не просто второстепенным свойством новой социальной организации России, но таким свойством, которое определяет ее глубинную сущность как в целом, так и каждого ее компонента в отдельности.

В стране вроде бы необычайно много делается для того, чтобы навести должный порядок, долженствующий обеспечить возрождение, подъем и процветание страны. Но в основ-

ном, по-видимому, в реальности происходит, с одной стороны, неуклонная деградация во всех основных аспектах жизни общества. А с другой стороны, разрастается и процветает показной, театральный, виртуальный аспект жизни, имитирующий подъем, освобождение, возрождение России. Чем глубже деградирует страна, тем помпезнее и ярче становится имитационная маскировка деградации. Падение в бездну имитируется как взлет в небеса.

С чисто социологической точки зрения, будущее России уже предопределено не на одно десятилетие, а на много, если не на все столетие. Оно предопределено тем антикоммунистическим переворотом, который произошел в горбачевско-ельцинские годы и вследствие которого Россия была сброшена с вершины эволюционного прогресса на уровень страны третьей степенной важности, обреченной плестись в хвосте торжествующего глобального западнизма или американизма. Никаких шансов стать лидером мировых сил, противостоящих западнистской глобализации, и даже вырваться из тенет этой глобализации в обозримом будущем у нее нет.

Что касается внутренней социальной эволюции России, то эмбрион ее будущего уже родился: это — социальный гибрид из обломков советизма, из подражания западнизму и из реанимации заgrimмированных призраков дореволюционной России. Насколько этот гибрид жизнеспособен? С точки зрения самовыживания и продолжительности существования он может жить долго. А с точки зрения возрождения и процветания России — на этот счет строить какие-то иллюзии было бы по меньшей мере наивно. Этот социальный гибрид и был сляпан на скорую руку специально с таким расчетом, чтобы не допустить возвышения России на уровень державы, играющей первостепенную роль в дальнейшей эволюции человечества.

Замечу в заключение, что в постсоветском гибриде слились воедино далеко не лучшие черты коммунизма, западнизма и феодализма, скорее — худшие.

Александр Зиновьев. Коммунизм и посткоммунизм³

ИНТЕРВЬЮ С АНТОНИО ФЕРНАНДЕСОМ ОРТИСОМ

А. Фернандес: Интеллектуальная деятельность Александра Зиновьева в годы, предшествующие перестройке, характеризовалась острой критикой советского проекта коммунизма. Работы Зиновьева превратились в классику и были истолкованы как всеобщий обвинительный приговор опыту «реального социализма». Прошли годы, и исчез СССР (вернее, «его исчезли»), вдруг многим показалось, что А. Зиновьев изменил свою позицию в отношении СССР и из критиков советского коммунизма стал одним из защитников советской истории — именно тогда, когда Советский Союз стал уже Историей. Александр Александрович, Вы на самом деле так сильно изменили свое мнение по отношению к Советскому Союзу, как некоторые говорят? И если это так, какие были основные направления Вашей критики советского проекта и по каким из них Вы изменили ваше мнение?

А. Зиновьев: Во-первых, я свои взгляды не менял. Просто прошло время, изменилась ситуация в мире. Советский коммунизм разгромлен, а я лежачего не бью. Я был критиком коммунизма и советской системы, когда коммунизм процветал здесь и представлял собою угрозу для Запада. А теперь Советского Союза нет. Советского блока нет. Коммунистическая

³А. Зиновьев, А. Фернандес Ортис, С. Кара-Мурза. Коммунизм, еврокоммунизм, советский строй. М, 2001.

система разрушена. И для меня они не могут быть объектами критики. Объектом моей критики и анализа стала посткоммунистическая система, то что получилось в результате. А воспринимается это так, как будто я изменил свой взгляд на коммунизм. Если я утверждаю, например, что Горбачев как государственный руководитель был кретином, а с моральной точки зрения подонком, из этого не следует, что я хорошо стал относиться к Брежневу. Брежнев для меня по-прежнему остается полным ничтожеством, одним из тех, кто способствовал краху СССР. Я-то как раз не изменил своих воззрений. Свои взгляды изменили миллионы других людей. За одни и те же книги меня раньше считали антикоммунистом, а теперь за эти же самые книги меня зачисляют в красные, причем часто те же самые люди. Стараются дело представить так, будто я резко изменил свою позицию. Нет. Я ни от одного слова в своих прошлых книгах не отказываюсь. Но я иду вперед, я пишу новые книги о новой эпохе. Вот в чем суть дела.

А. Фернандес: А каковы были основные направления критики советского проекта?

А. Зиновьев: Я с юности жил в таких условиях, что сущность реального коммунизма, не идеологического марксистского, а реального, того, который строился в СССР, я видел и понимал с самого начала. И я с юности находился в оппозиции к реальному коммунизму. Сначала, когда я был молодым, я, естественно, обращал внимание только на его недостатки. А потом, по мере того, как я вырос, получал образование и глубже исследовал советское общество, я поставил перед собой задачу — исследовать это общество научно и выяснить, случайными являются эти недостатки коммунизма или они закономерны. Тогда в Советском Союзе научное исследование коммунизма было исключено, правду на научном уровне говорить о коммунизме было невозможно в силу господства советской идеологии. И на Западе научный подход к коммунизму был исключен, поскольку на Западе рассматривали коммунизм и СССР как империю зла.

А с научной точки зрения коммунизм не был ни добром, ни злом. Это была объективно существующая социальная система, в которой были как положительные, так и отрицательные явления, причем они были неразрывно связаны — негативные явления были немислимы без позитивных, и позитивные без негативных. Например, в СССР не было безработицы, была гарантирована работа всем без исключения. Это положительное достижение, безусловно. Но оно неразрывно было связано с негативной стороной, т. е. все взрослые трудоспособные люди были прикреплены к месту работы, обязаны были работать. Право на труд и гарантии одновременно означали закрепощение людей. Тогда люди, которые уклонялись от работы, рассматривались как преступники, как тунеядцы. Или другой пример: в коммунистической системе в СССР было гарантировано бесплатное образование, бесплатное медобслуживание, жилье бесплатно выдавалось. Это было безусловно достижение. Но одновременно это имело и отрицательные стороны, — сравнительно низкий уровень жизни по сравнению с Западом, отсутствие у людей заинтересованности в интенсивной работе, халтура, очковтирательство, показуха и т. д. Те негативные явления коммунизма, которые были общеизвестны в мире и подвергались критике, были результатом не какого-то злого умысла, а порождались самой сущностью коммунизма, его позитивными достижениями. Я написал о коммунистическом обществе очень много книг, несколько десятков. Суть их заключалась именно в этом: я впервые исследовал коммунистическое общество научно, исследовал его объективные закономерности, и до сих пор моя теория коммунизма является уникальной. Я в мире не знаю ни одного другого человека, который бы сделал нечто подобное. И сейчас я от своих результатов не отказываюсь. В последнее время у меня было опубликовано несколько книг в этом духе. Готовится к печати большая работа, в которой я излагаю мою теорию коммунизма, т. е. советского социального строя, и «западнизма», т. е. западного

социального строя, я их сопоставляю и рассматриваю, в чем они сходны, в чем они различаются и каковы перспективы той и другой тенденции эволюции.

А. Фернандес: После того, как СССР исчез или был разрушен, как Вы оцениваете именно советский проект?

А. Зиновьев: Учтите, я не являюсь марксистом. Не был никогда марксистом. Не был коммунистом в том официальном смысле слова, как были миллионы членов партии. Не был апологетом советского строя, но я не был и врагом. Я стремился к истине. Я и сейчас стремлюсь описывать коммунизм правдиво. Я не защищаю его, я не апологет. Но я защищаю истину о нем. Это особенно важно, потому что во всем мире то, что пишут сейчас о советском обществе и о коммунизме вообще, это все идеологическая ложь, идеологическая клевета. Я думаю точно так же и в отношении западного общества. Научного понимания того, что происходит на Западе, тоже не существует. Там тоже господствует идеология, пропаганда. Если сейчас чернят коммунизм, поливают помоями, то, наоборот, преувеличивают достоинства западного строя и игнорируют его недостатки. Вот этим моя позиция отличается от всего того, что делается на эту тему и в литературе, и в социологии, и в идеологии. Сейчас очень важно понять, что коммунистический строй для России не был случайностью, он был закономерным развитием того, что было до революции.

До революции в России имели место следующие основы общества: отживающий свой век феодализм, молодой, нарождающийся и очень слабый капитализм (обычно только это и имеют в виду), но была и третья сила. Эта третья сила была государственность. Российское общество с самого начала и всегда было обществом, в котором доминировала государственность. По существу, государственность была основой российского общества, основой и феодального строя, поскольку вообще русский феодализм возник из чиновничества. Не была тогда развита денежная система, и чиновникам, служащим государства, платили землей и людьми. И экономика, которая развивалась в России перед революцией, по существу развивалась в той мере, в какой существовало государство, и государство или покровительствовало этому или, наоборот, запрещало. В коммунистической системе доминирует точно так же государственность. Революция 1917-го года отбросила феодализм, отбросила капитализм, но она дала простор государственности. И после революции государственность развилась очень сильно и даже превратилась в сверхгосударственность. По существу, в России то, что называют общественной собственностью, на самом деле стало государственной собственностью, и все советские люди стали фактически служащими государства, т. е. они работали для государства и получали заработную плату. Классовая структура была совсем другой — не такой, как до революции, и не такой, как на Западе.

В России коммунистическая система настолько прочно срослась с русскими традициями, с характером русского народа, что крах коммунизма означал одновременно крах народа, крах России вообще. Я еще перед тем как появился Горбачев и началась перестройка, в своих книгах предупреждал, что коммунизм — это не рай земной, но то, что придет на смену коммунизму в России, будет еще хуже. Более того, крах коммунизма в России будет означать крах России вообще. Фактически «холодная война» Запада против России была направлена не столько против коммунизма, сколько против самой России. Так оно и получилось. Я тогда ввел такую формулу: «целились в коммунизма, а попали в Россию». Я утверждаю это еще раз и на том основании, что в самом западном обществе все недостатки, которые мы видели в коммунизме, существуют. Критиковали коммунизм за бюрократизм, — на самом деле бюрократическая система в западных странах (например, в США, в Германии, во Франции) гораздо более сильная,

чем была в России. Критиковали СССР за плановую экономику, — теперь даже антикоммунисты признают, что плановости в западной экономике больше, чем было в СССР. В СССР планы составлялись, но они, как правило, не выполнялись или выполнялись не так, как задумывалось. А если вы возьмете современную западную экономику, например, американскую или западноевропейскую — они без планов существовать не могут, причем, планы составляются не только на 5 лет, но даже на 10 лет, на 15 лет. А если вы возьмете современную западную экономику, которую я называю денежным тоталитаризмом, это гигантская система, контролируемая финансами, финансовой сверхэкономикой, — она вообще запланирована сейчас, может быть, на целые столетия. В той ситуации, которая сейчас сложилась, я просто призываю западных людей, не только русских, глубже посмотреть на то, что такое коммунизм, что это такое было, и оглянуться вокруг себя на Западе, и увидеть, что то же самое и на Западе имеет место. В моей книге о Западе, которая была опубликована несколько лет назад, я в предисловии писал, что западный мир, разгромив коммунизм на Востоке, сам устремился в том же направлении. Наступившая эпоха на Западе является не только посткоммунистической, но она является и постдемократической. Эпоха либеральной демократии закончилась, наступила эпоха тоталитаризма, западного тоталитаризма. Ее можно назвать демократическим тоталитаризмом или тоталитарной демократией. Это новая эпоха. Произошел грандиозный переворот. Между прочим, идею сближения коммунизма и западного строя выдвинули еще западные социологи. Это теория конвергенции. Не коммунисты ее выдвинули. В ней много было справедливого. Действительно происходило сближение коммунизма и западнизма, как я называю западный строй...

А. Фернандес: В каком плане это происходило?

А. Зиновьев: Во многих.

А. Фернандес: Но Россия и Запад различаются в фундаментальных аспектах. Например, модель человека совсем разная здесь и на Западе. Модель советского человека и, более того, модель русского человека, даже как историческое понятие, совсем другая, чем на Западе.

А. Зиновьев: Это не совсем так. Нужно принимать во внимание вот что. В свое время, когда меня спрашивали, еще в 1978 году, скажите кратко, в чем различие коммунизма и западнизма и в чем их сходство, я говорил так: коммунизм, русский коммунизм — это западнизм в условиях российской бедности, в условиях социальной пустыни, так можно сказать о России. Западнизм — это русский коммунизм, но в условиях чрезвычайного западного богатства, в условиях западных социальных джунглей. Скажем, если СССР можно было представить как огромную фирму, одну-единственную, то в западном мире, скажем, в США или Западной Европе, в одном социальном пространстве существовали десятки коммунизмов. Плюрализм, собственно, состоял и состоит в том, что одновременно сосуществует множество систем тоталитарного типа, но то, что они одновременно сосуществуют, рождает плюрализм или современный социальный строй — западнизм. Если вы возьмете, скажем, современные западные экономические сверхимперии мирового масштаба, внутри них господствует диктатура. А СССР в целом был одной фирмой такого рода — одно государство, одна идеологическая система, единая система управления. Вначале, когда страна была еще очень бедная, в особенности в послереволюционные годы, это служило условием стремительного прогресса. В послевоенные годы произошел беспрецедентный «скачок». Население увеличилось на 100 млн. человек. Это почему-то игнорируют. Число предприятий, институтов, школ, больниц и т. д., т. е. число объектов, обладающих юридическим лицом, увеличилось в десятки, сотни раз. Если Сталин мог всех директоров предприятий знать по именам, то в послевоенные годы число предприя-

тий в одной Москве стало больше в несколько раз, чем во всей России. Во всем СССР до войны кафедр во всех учебных заведениях было несколько сот всего. В послевоенные годы их стало десятки тысяч. Советское общество стало богатеть, усложняться. Оно стало эволюционировать в сторону общества западного типа. И если бы не появились Горбачев и Ельцин и не произошел разгром советской системы, в СССР осуществились бы реформы, причем без катастрофы. Ведь все идеи перестройки были разработаны в СССР, по крайней мере, за 10 лет до Горбачева, я это с полной ответственностью за свои слова заявляю. Горбачев не оригинален, он просто воспользовался тем, что было.

По каким линиям двигалось, эволюционировало советское общество? Во-первых, идеология. По существу, она только номинально оставалась марксистской. На самом деле советская идеология усвоила все основные идеи западной идеологии. Идея предоставления свободы деятельности руководителям предприятий считалась само собою разумеющейся. И это был вопрос только времени — воплотить эту идею в жизнь. Если подойти к проблеме социологически, проанализировать эволюцию власти, эволюцию финансовой системы и т. д., советское общество так или иначе приблизилось бы к западному во всех сферах жизни — в экономике, идеологии, культуре и т. д.

А. Фернандес: Если изучать явление большевизма, то это есть марксизм, но и присутствуют тоже, как мне кажется, главные черты солидарных представлений русской традиционной культуры, которые были выработаны литературой, философией и наукой в течение XIX века. Большевизм был новым историческим и культурным явлением, а именно обобщением всех традиций солидарности русской культуры, плюс марксизм, который включал в себя понятие о строительстве солидарного общества, но индустриального. Марксизм привнес в русское революционное движение идею индустриализма. Возможно, идея индустриализма, которая присутствует в большевизме и происходит из марксизма, послужила одной из причин приближения к западной культуре, о котором вы говорите?

А. Зиновьев: Все это так, но это все второстепенно. На самом деле, если взять всю идеологическую сферу Советского Союза перед приходом Горбачева к власти, она уже была очень близка к западным образцам.

А. Фернандес: Но почему так? Потому что русские философы и русские ученые восприняли картину мира Запада?

А. Зиновьев: Не преувеличивайте русской философии...

А. Фернандес: А русский народ воспринял все эти западные представления о мире?..

А. Зиновьев: Да, и русский народ. На самом деле, тот идеологический образец человека, который стремились навязать русским людям и большевики, и их предшественники, этот образец потерпел крах. Население СССР западнизировалось, оно заражалось идеями западной идеологии. Поэтому не случайно безболезненно марксизм исчез, как и не бывало, он как будто испарился. В послевоенные годы Россия стала стремительно западнизироваться и с точки зрения человеческого типа. Вы правильно отметили, что в послевоенные годы в России стал стремительно развиваться прагматизм. Это — показатель Эволюции человеческого материала России.

А. Фернандес: Это был процесс незаметный или его заметили, но не смогли остановить?..

А. Зиновьев: Ему противились, но остановить уже не могли. Посмотрите, какие книги в области идеологии выходили, как относились к марксизму. К марксизму практически все относились с насмешкой. Идеи дореволюционной российской идеологии не имели серьезного успеха. Православие? Ну так ведь теперь православие насаждается силой. Но это, на мой взгляд, тоже явление временное. Практически Запад уже вторгся в жизненное пространство России, в

идейное пространство России. Русским открылся Запад. Тысячи, сотни тысяч людей свободно ездят туда-сюда. Устоять перед атакой Запада, с этой точки зрения, невозможно. Сейчас в России доминирует западная культура, западное кино, западная музыка и т. д., Россия западнизмируется.

А. Фернандес: Тогда можно сказать, что русская культура потерпела поражение...

А. Зиновьев: И да, и нет. Что называть русской культурой? Если русской культурой называть православие, матрешки, расписные ложки, балалайку, то да. Вот сейчас казаки ходят в фуражках и с шашками — как бы ни трудились, в этом смысле русская культура, конечно, потерпела крах.

А. Фернандес: Это не совсем то. Вы понимаете, что я имею в виду, когда говорю о русской культуре...

А. Зиновьев: Но Россия с самого начала несмотря ни на что была европейской державой. И европейская культура в России всегда существовала. Пушкин — это европейская культура. Лермонтов — это европейская культура. Чайковский — это европейская культура, Толстой тоже, и т. д.

А. Фернандес: Но Толстого трудно представить как проявление западной европейской культуры, хотя в нем присутствуют ее элементы. Его взгляд на русское крестьянство и его мнение о собственности на землю были уже тогда далеки от тех понятий о земле и крестьянстве, которые господствовали в западной Европе. Кроме того, сама европейская культура с трудом принимала Толстого. Даже два раза ему отказали в Нобелевской премии...

А. Зиновьев: Это все поверхностные явления. Уже мое поколение выросло в советский период. Причем в самые советские годы, в 1930-е годы. Когда я учился в школе, мы вырастали в рамках западноевропейской культуры. Нашими писателями были Бальзак, Шекспир, Данте и т. д. Нашими художниками были Рафаэль, Микеланджело и Леонардо да Винчи, западноевропейская живопись. Мы росли в этой культуре. Разумеется, Россия была периферией Запада, окраиной. Естественно, тут была борьба традиционно русских явлений и Запада. Но в принципе, что бы сейчас ни делали, все равно Россия западнизмируется во всех отношениях.

А. Фернандес: Как Вы относитесь к таким понятиям, как русская цивилизация или к тем идеям, которые сформулировали евразийцы после революции 1917-го года? Они пытались определить русскую культуру как нечто специфическое, единственное, что имело элементы европейской и восточной культур. В ходе собственного исторического процесса образовалась особая специфическая культура или цивилизация (как определил предшественник евразийцев Данилевский), которую называли Евразия. Эти понятия предполагают особый путь эволюции для России, отличный от пути эволюции, которым следовала западная европейская культура. То, что они определили как третий путь для России.

А. Зиновьев: Я считаю, когда говорят о русской цивилизации, говорят абсолютную чепуху. Что такое цивилизация? Можно говорить о цивилизации чукчей, хотя их всего 10 тыс. человек. Это все идеология. Выдают желаемое за действительное. Никакой русской цивилизации не было. Были разные цивилизации. Была западноевропейская цивилизация. Ей предшествовала римская, средиземноморская, другие цивилизации. Западноевропейская цивилизация стала складываться с эпохи Возрождения, и она еще существует. Она стала доминирующей на планете. В рамках этой цивилизации на одном ее полюсе сложился американизм, а на другом полюсе — Россия (это еще Алексис де Токвиль в прошлом веке заметил). Россия складывалась именно как периферия западноевропейской цивилизации. Ведь самостоятельная цивилизация делает открытия самостоятельно. Западноевропейская цивилизация сделала великие откры-

тия. Была открыта новая форма государственности, новая форма экономики, культуры и т. д. Это миллионы открытий. А какие открытия сделала Россия?..

А. Фернандес: Мне кажется, что все-таки русская культура дала миру свои собственные открытия и свои специфические и ценные вклады. Можно назвать некоторые примеры. Вот, например Советский проект, коммунизм...

А. Зиновьев: Это другое дело! Сейчас мы до этого дойдем. Если Вы берете дореволюционную Россию, никаких открытий, которые оказали бы влияние на мировое развитие человечества и были бы вкладом в какую-то мировую цивилизацию, в России не было сделано. Никаких. Ну назовите мне хотя бы одно. Балалайка, матрешка — такое и всякие второстепенные народы делали. Это не есть цивилизация, вклад в цивилизацию. Никаких оснований для особой русской цивилизации не было и нет. Впервые появилась возможность для русского народа сделать вклад в мировую историю после Октябрьской революции. В этом смысле Россия действительно сделала великое открытие, открыла особый путь эволюции — коммунистический, отличный от западного. Это было великое открытие, безусловно. И это открытие оказало огромное влияние на всю планету. После революции в рамках советского строя были сделаны великие открытия в культуре. Вы же прекрасно знаете, кино, живопись, авангард русский, — какое влияние они оказали на мировую культуру! Вот это другое дело. Значит, была сделана попытка образования особой цивилизации. Цивилизация — это не одна страна, это когда много стран, много народов, они сменяют друг друга. В этом смысле начавшаяся русская цивилизация оказала влияние на все человечество. Вы смотрите, чуть ли не полмира окрасилось в красный цвет: страны Восточной Европы, Куба, Китай, даже некоторые страны Запада. Вот это другое дело. Но попытка России развить особую русскую цивилизацию была оборвана, ее пресекли.

Ее пресекли, и больше она шансов выбиться не имеет, потому что (согласно моей теории) эпоха цивилизаций вообще прошла. Цивилизацию образует группа народов, причем сменяющихся, влияющих друг на друга, но не организованных в единое целое наподобие общества. Не было же государства, которое управляло всем западным миром! Только сейчас западный мир стал организовываться в единое целое. А это означает, что пришел конец эпохи цивилизации. Сейчас западный мир складывается в глобальное сверхобщество с единой системой власти и управления. Границы национальные ликвидируются, возникают наднациональные экономические системы и прочее. Это значит, что возникла сверхцивилизация, западная сверхцивилизация. И Россия не имеет никаких шансов конкурировать с нею. Россия фактически стала сейчас зоной колонизации для современной западной сверхцивилизации. И сколько она еще формально просуществует, трудно сказать. Но фактически она давно утратила роль второй сверхдержавы, и подняться на этот уровень никаких шансов у нее нет.

А. Фернандес: Как оценивать Советский проект в контексте русской истории: как ее продолжение или как новый этап, который не имеет отношения к прошлому?

А. Зиновьев: Это продолжение русской истории. Возникновение советской системы есть историческая случайность. Просто русским представился шанс, неповторимый исторический шанс развить свою собственную сверхцивилизацию. Не просто цивилизацию, а сразу сверхцивилизацию. Советский Союз формировался не просто как общество, а как сверхобщество. В этом было новаторство России. На этой основе страны Восточной Европы в результате победы Советского Союза в войне были включены в эту орбиту. Добавим к ним Монголию, Китай, Корею, Кубу и т. д. Вы прекрасно знаете, какой это угрозой стало для западного мира. Шла «холодная» война. Еще не ясно было, каков будет ее исход. Но в результате советская попытка

навязать человечеству свою линию эволюции потерпела крах. Это величайшая победа западного мира в истории западного мира вообще. Эта победа определила, на мой взгляд, эволюцию человечества на много столетий вперед, если вообще не на вечность.

А. Фернандес: Какое влияние оказал Советский проект на Запад, на весь мир?

А. Зиновьев: Значение огромное. И положительное, и отрицательное. Но в основном положительное, хотя я не употребляю вообще таких оценок. Вся эволюция западного мира, хотя об этом стараются не говорить, испытала влияние СССР. Вся система государственности стала строиться в западных странах по советскому образцу. Вот вспомните, давно ли Швеция была социалистической страной, послевоенная Германия была социально организованным государством, полусоциалистическим, а во многом вообще социалистическим. Сейчас от этого отказываются, но это есть. И вся американская государственность сложилась под советским влиянием. И если вы начнете копать, как организовывались армия, идеология, культура, вы обнаружите, что советское влияние было колоссальным. Плановую систему критиковали, но сами-то ее усвоили. А ведь это открыто было в России. И не только это.

Вот на что я сейчас особенно хочу обратить внимание. Существование советского блока и разделение мира на два полюса, один во главе с Америкой, другой во главе с СССР, было спасением для Западной Европы. Хотя в Западной Европе и боялись, что русский коммунизм придет и завоюет, опасения были напрасными. Я еще в 1976—1978 гг. неоднократно писал об этом и говорил, что у СССР не было сил не то что на покорение мира, но даже для захвата Западной Европы. Это можно было легко посчитать. Но после разгрома СССР Западная Европа оказалась беззащитной перед американизмом. И то, что сейчас происходит в Западной Европе, это завоевание Западной Европы американизмом. Это гибель западноевропейской цивилизации. У нас все сваливают в кучу, а надо строго различать западноевропейскую цивилизацию, — это Италия, Испания, Франция и т. д., — и западнистскую сверхцивилизацию, т. е. то, что приходит из Америки. Сейчас по существу образовалось глобальное сверхобщество, наднациональное. Вы прекрасно знаете, происходит разрушение национальных границ Западной Европы, разрушение национальной экономики, национальной культуры. Происходит открытая американизация или глобализация Западной Европы. И Западную Европу никто уже защитить не может. Вы посмотрите: американское кино доминирует, американская литература доминирует. Причем трудно сказать еще, чем кончится это. Я думаю, что страны Западной Европы вследствие американизации ожидает то, что произошло в России. В Италии вышла моя книга на эту тему. Я по этому поводу объездил всю Италию. Я видел, итальянцы уже чувствуют, что американизация их берет за горло. Вот видите, мир так устроен, что нет худа без добра, как нет добра без худа. Такая американизация Западной Европы, когда был СССР, была исключена. Война, которая имела место в Сербии, кстати, я об этом писал в «Le Monde», по существу была войной не против коммунизма, — никакого коммунизма в Сербии уже не было. Это была война, направленная против Западной Европы. Хозяева глобального общества заметили и ощутили нарастание антиамериканизма, антиглобализма в Западной Европе. По существу, это был удар по Западной Европе.

А. Фернандес: Вы употребляете понятие глобализации. Насколько это понятие отличается от понятия империализма? Или это эвфемизм?

А. Зиновьев: Дело вот в чем, все социологические понятия — капитализм, империализм и т. д. — потеряли смысл. В реальности империализма в марксистском смысле нет в западном мире давным-давно. Марксисты говорят о стремлении к сверхприбылям, например. Я могу показать, что движущей силой современной западной экономики является другое. Для боль-

шинства частных предприятий, это — не сверхприбыли, а лишь бы выжить, лишь бы вернуть кредиты в банк т. е. минимальная прибыль, а не максимальная. А если Вы возьмете гигантские экономические предприятия, они вообще функционируют не по законам экономики. Поясню примером. Американцы купили у индейцев Манхеттен за несколько ящиков виски. Это экономическая операция или нет? Нет, конечно. Если западные страны поставляют в незападные страны одни вещи, приобретают там что-то другое, это не экономический обмен. Это происходит не по законам экономики. Такое происходит только потому, что западный мир располагает вооруженными силами, которые превосходят все вооруженные силы мира. Если где-то кто-то начнет артачиться, молниеносно перебрасываются военные силы. Фактически сейчас в мире по законам экономики (по законам капитализма) очень мало операций совершается. А вот по каким? Это еще очень плохо изучено.

А. Фернандес: Я имею в виду другое. На протяжении короткой истории социалистическое и коммунистическое мышление разработало свой собственный язык, который позволил иметь собственную модель восприятия и объяснения мира. Возьмем как пример понятие «глобализация». Когда Ленин написал свой труд об империализме как последней стадии капитализма, он сформулировал понятие «империализма», которое в своем определении несло понимание об эксплуататорских и господствовавших отношениях между капиталистическими странами и странами, ими контролируемые. А «глобализация» — недавнее понятие, в котором трудно найти конфликты, которые по сей день существуют между странами первого и третьего мира. Такое понятие не включает в себе, в своем определении, все противоречия между капиталистическими странами и странами, подчиненными капитализмом политически и экономически.

А. Зиновьев: Ленинская концепция потеряла смысл и все его понятия потеряли смысл.

А. Фернандес: Предположим, что это так. Какие понятия нужно тогда употребить? Принимая язык «врага», не потеряет ли левое политическое мышление способность иметь свое собственное объяснение мира и теоретическую возможность предлагать альтернативную модель общества?

А. Зиновьев: Я различаю западнизацию и глобализацию. Что такое западнизация? Это навязывание западным народам социальной системы западных стран. Вот в России происходит западнизация. Насильственная. Что это значит? Это значит, что в России стремятся установить тот социальный строй, который выгоден для западных стран, прежде всего для США и для сверхобщества, которое над этим возвышается. Это западнизация. Теперь, что такое глобализация? Нужно точно фиксировать структуру современного мира. Эта структура Ленину была неизвестна. Структура такая. Произошла интеграция западного мира. Западные страны впервые в истории интегрировались. До этого имели место Первая мировая война и Вторая мировая войны внутри самого западного мира. Сейчас такие войны исключены. Западный мир интегрирован. И существуют уже десятки тысяч организаций, предприятий, учреждений, которые объединяют западный мир в единое целое. И над западными странами выросло особое сверхобщество, которое уже включает в себя более 50 млн. человек. В перспективе там будет, по моим подсчетам, 200-300 млн. В него входят вот эти десятки тысяч предприятий, учреждений, организаций, коммерческих и некоммерческих, которые объединяют западный мир и раскинули щупальца по всей планете. Мир имеет такую структуру Глобальное сверхобщество над западными странами, интегрирующее западный мир, который контролируется этим сверхобществом. Западный мир глобализуется, т. е. превращается в единое целое, — это раз. И, во-вторых, это глобальное сверхобщество стремится к мировому господству, т. е. хочет объединить человечество в единое целое, но в таком виде, который ему желателен. Вот, весь этот

процесс я называю глобализацией. И средством глобализации является западнизация. Употреблять в отношении к этому процессу старые ленинские понятия «капитализм», «империализм», «колонизация» в старом смысле бессмысленно. Это совсем другой процесс. Сейчас для глобального сверхобщества нет необходимости устраивать такие войны, как передел мира (какими были Первая мировая или Вторая мировая войны). Делается все гораздо проще. Россию, СССР разгромили и покорили без единого выстрела. И в XXI веке нечто подобное, что сделано в отношении СССР, будет делаться в отношении Китая. Уже началась холодная война против Китая. И этот процесс будет продолжаться. Ленинские идеи были основаны на марксистской социальной и экономической теории. Это теория не научная, это идеологическая теория. Она имела смысл в XIX веке и в начале XX века. Но уже со второй половины нашего века это все потеряло смысл.

А. Фернандес: Сейчас я не имею в виду актуальность или неактуальность ленинских понятий. Я имею в виду способность, которую в свое время имело левое движение для того, чтобы создать собственный язык и через него (или с ним) выразить, сформулировать представление о мире, и отсутствие такой способности в настоящее время. Если старые понятия уже не годятся, тогда необходимы другие. Однако вместо них социалистическое и коммунистическое мышление ограничивается в принятии и подражании чужому языку, при помощи которого не может выразить собственное понимание современного мира... Конечно если предположить, что такое понимание на самом деле существует...

Хорошо, я хотел бы возвратиться к советскому проекту. Меня интересует, как Вы оцениваете сталинизм и саму фигуру Сталина?

А. Зиновьев: Я с детства был антисталинистом, был членом террористической группы, собиравшейся убить Сталина, я арестовывался. До смерти Сталина я был антисталинистом, вел тайную пропаганду. Но потом, с годами, после смерти Сталина в особенности, я изучал эту эпоху и пришел к выводу, что Сталин является величайшим политическим деятелем XX столетия, а может быть, одним из величайших всего тысячелетия. То, что было им сделано, по моему, показывает, что он даже значительнее как политический деятель, чем Ленин. Нужно принимать во внимание исторические условия, в которых жила Россия: бесконечные войны, бедность, страна разбросана, трудные климатические условия, человеческий материал (никто не хочет принимать во внимание человеческий материал). И то, что в России строилось, строилось из плохого человеческого материала.

Например, русские — основной народ СССР. Народ с очень низким уровнем самоорганизации. Без палки его организовать невозможно и теперь, и раньше тоже. Народ, склонный к холуйству, к предательству. Завистливый, преклоняющийся перед всем иностранным и т. д. Это же факт. И вот с таким человеческим материалом создать такое мощное государство, вторую сверхдержаву планеты — это уникальный в истории случай. Гитлер сделал колоссальное дело, он тоже гениальный политический деятель, но он и злодей, гений это не обязательно добрый человек. Наполеон тоже был злодей, но он гений. Сталин как политический деятель на много порядков выше их. Советская история, хотя она была очень короткая, сыграла огромную роль в истории человечества. Во-первых, благодаря СССР был разгромлен фашизм, немецкий национал-социализм, японский империализм. Без СССР это сделать было бы невозможно. Если бы не СССР, немцы, конечно, могли бы стать господами положения на планете на очень долгое время. Это было бы во много раз хуже, чем сталинизм. В этом историческая роль Сталина и сталинизма колоссальна. Западный мир стал сейчас лидирующим на планете в значительной мере благодаря Сталину и сталинизму. Он расчистил дорогу, породив такие фено-

мены, которые западный мир усвоил. И плановую экономику, и тоталитарную организацию огромных систем, и средства воздействия на массы; и многое другое. И даже в негативной форме: создавая сверхдержаву, он стимулировал консолидацию запада.

Недооценивать роль сталинизма нельзя. В современной западной пропаганде занижают сталинизм, чаще всего сводят к репрессиям. Во-первых, репрессии в значительной мере имели серьезные причины. Во-вторых, это было второстепенное явление в реальной советской истории. Я пережил весь этот период. Для нас это было на периферии нашей жизни, было второстепенно. Не это определяло нашу жизнь, а то позитивное творчество, которое охватило огромный народ и практически всю планету.

А. Фернандес: А может быть, все-таки Запад знал значение Сталина, и поэтому основные удары по СССР и по России начались именно с ударов по Сталину?

А. Зиновьев: Это верно. Сталин давал выгодный повод для пропаганды. Но тут дело было гораздо серьезнее. Дело в том, что вся социальная эволюция человечества в нашем веке изучена очень плохо. Она на 90% сфальсифицирована. А то, что происходило после Второй Мировой войны, вообще до сих пор в какой-то мере является запретным для объективного научного изучения. Я думаю, что только, может быть, в следующем столетии откроются возможности объективной оценки того, что было в советской истории, особенно в сталинскую эпоху.

А. Фернандес: Были попытки определить сущность советского общества: некоторые говорят, что это был коммунизм, другие, что это не было коммунизмом, третьи говорят, что это был государственный капитализм, а четвертые говорят, что советское общество было традиционным обществом с отсутствием основных черт гражданского общества. Каково Ваше мнение на этот счет?

А. Зиновьев: Все эти оценки бессмысленны. Вся терминология стала неопределенной. Вот возьмем, скажем, понятие «капитализм». Существует больше 100 его определений. Демократия — больше 80 определений. Коммунизм — 150 или более. Все эти слова бессмысленны. Нужны новые научные понятия. Если я ввожу эти понятия, я даю им точные определения. Говорят, что советский социальный строй не был настоящим коммунизмом. А я спрашиваю: а какой настоящий, если он был где-нибудь, покажите! Ссылаются на Маркса. Но ведь вы посмотрите, что получается: слова Маркса — это правильный коммунизм, а то, что в реальности получилось — это неправильный. Так что же, слова мы вводим, чтобы обозначать реальные вещи, или наоборот? С этой точки зрения, и капитализм был неправильным. И феодализм был неправильным. Все эти рассуждения строятся на основе обывательского дилетантского мышления. Тут нет научных понятий.

Будем поступать так, как положено в науке. В СССР после революции сложился социальный строй, который отличается от того социального строя, какой имеет место на Западе. Это факт. Будем изучать этот строй. Как его мы назовем, это — другой вопрос. В большинстве случаев его называли или коммунизмом или социализмом. Западный социальный строй называли и называют до сих пор капитализмом, хотя что такое капитализм, толком никто и не знает. Задача науки — изучать то, что существует в реальности, вводя для этого соответствующие понятия. Я дал в моих книгах описание реального социального строя Советского Союза. Он очень сложный и многосторонний. При желании в нем можно найти все что угодно. Можно сравнивать его с Западом и сказать, что это тоже капитализм, только государственный. Можно сравнивать его с дореволюционным строем и сказать, что это то же самое, только вместо царя

генеральный секретарь, вместо полиции — милиция. Это все односторонние сравнения. Наука должна рассматривать весь этот феномен целиком со всем множеством его качеств.

Мой метод таков. Я даю предварительное или ориентировочное определение, чтобы люди знали, о чем идет речь. Ликвидирована частная собственность на средства производства, они обобществлены и стали собственностью государства. Ликвидированы классы частных собственников, такие, как помещики, капиталисты. Осуществлена коллективизация сельского хозяйства. Люди не могут продавать и покупать землю, не могут продавать и покупать фабрики. Установлена единая стандартная система власти и управления, которая пронизывает все общество. Единая планируемая экономическая система. Единая государственная идеология. Все люди в этой системе, в отличие от таких обществ, как феодальное, капиталистическое, классифицируются по другим признакам. Если возьмем предприятия, тут нет хозяина, тут и директор, и уборщица — служащие государства, все наемные лица. Они различаются в другом плане, а именно они различаются на начальников и подчиненных. Имеет место иерархия начальников, скажем, 10 или 15 ступеней. Короче говоря, это общество имеет свою структуру, т. е. свою систему власти, экономики, идеологии, структуру населения, принципы распределения. Я описываю эту систему, а как вы ее назовете, это дело второстепенное. Выделив объект изучения приведенным выше способом, я затем осуществляю систематический анализ его методами науки.

С этой же точки зрения я рассматривал и западное общество. Я написал о западном обществе тоже ряд книг. Я с самого начала заявляю, что называть западное общество капиталистическим и демократическим — это бессмыслица. В нем есть черты капитализма, есть черты демократии. Но это явления второстепенные. В нем есть что-то другое, более серьезное, что определяет всю картину общества в целом. Я ввожу термин другой, не «капитализм», а «западнизм». А что такое западнизм, я объясняю путем изложения теории, построенной по правилам методологии науки, а не по правилам идеологии.

А. Фернандес: Как Вы оцениваете саму перестройку? Вы говорили, что Запад смог разрушить советский проект, а может быть, и сам советский проект разрушался изнутри. Как Вы оцениваете перестройку и реформу Ельцина?

А. Зиновьев: Шла «холодная война». Настоящая война. Это — первая в истории война нового типа. Война гораздо более грандиозная, чем Вторая мировая война. Главные противники были, с одной стороны, советский лагерь во главе с СССР и, с другой стороны, западный лагерь во главе с США. Западный мир превосходил советский мир во много раз и в экономическом, и в политическом, и в культурном и многих других отношениях, и по населению. На Западе почти 1 млрд., в советском блоке 300 млн. с немногим. Экономически Запад превосходил СССР раз в 50, если не больше. Удивительно не то, что СССР был разгромлен, а то, что он так долго держался. В самом СССР назревал кризис. Не экономический кризис западного типа. А другой. Начался он как идеологический кризис. Потом он охватил систему власти. Это был кризис системы государственности, или кризис управления. Управленческий кризис потом стал распространяться на экономику. Он шел не снизу вверх, а сверху вниз. Назревал кризис, кроме того, в самой структуре населения. Произошло классовое расслоение, которое раньше скрывалось или было слабо развито. Возникли привилегированные классы и низшие классы. В привилегированные классы входили партийная номенклатура, государственная номенклатура. Многие из них имели очень высокий жизненный уровень. Идеологический кризис захватил прежде всего высшие классы. Они к этому времени были заражены западной идеологией. Внутри СССР благодаря усилиям Запада происходило всеобщее идейное разложение.

Запад навязывал свою систему ценностей, и очень успешно. Запад создавал в СССР свою пятую колонну. Было создано диссидентское движение, эмигрантская волна. Пятая колонна охватила даже партийное руководство и идеологическую элиту. Эти внутренние факторы были тесно связаны с тем, что шла холодная война, основным оружием которой были именно средства воздействия на сознание, психику, нравственность людей. Западу удалось склонить высшие слои советского общества, в особенности высшее руководство, на путь предательства. А они вовлекли в свою предательскую деятельность широкие слои населения.

Приведение Горбачева к власти (1985), а затем августовские события (1991), и события в октябре у Белого дома (1993) были диверсионными операциями со стороны Запада. Подчеркиваю, СССР и советский социальный строй рухнули не в силу внутренней несостоятельности, не в силу естественных внутренних причин. Они были разрушены в результате военной операции со стороны Запада. Это была действительно грандиозная диверсионная операция глобального масштаба. С этой точки зрения западный мир проявил колоссальное преимущество перед миром коммунизма и интеллектуальное, и экономическое, и организационное. Историки будут еще столетиями изучать эту операцию. Это самая грандиозная операция в истории человечества, ничего подобного никогда не было. На эту операцию были затрачено не миллиарды даже долларов, а триллионы. Длилась эта операция более 50 лет. Сразу же в 1946 году были сформулированы принципы «холодной» войны, и непрерывно шла борьба почти полвека. В 1985 году Горбачев был проведен на пост генсека. Он уже тогда был человеком Запада. В этом отношении колоссальную роль, конечно, сыграла Тэтчер. Она вела, по существу, Горбачева, она руководила всей этой операцией по разрушению СССР. Она, Тэтчер, а не американцы. Это ее великая историческая заслуга. Вот так это было осуществлено. Произошло совпадение множества факторов. Кризис в СССР, классовое расслоение советского общества, экономические трудности, мощная атака со стороны Запада. На Западе в эти годы был колоссальный взлет. Ведь произошла НТР. Произошла интеграция западного мира. Впервые Запад стал единым и организовался за эти годы. Все вместе это и дало такой результат. Не какой-то отдельный фактор тут нужно рассматривать, а писать толстые тома и по кусочкам рассматривать каждый фактор по отдельности.

А. Фернандес: Идеология перестройки. Откуда истоки?

А. Зиновьев: Истоки опять-таки двоякие. Одни истоки изнутри советского общества, т. е. в высшем советском руководстве были люди, которые прекрасно понимали назревающие трудности и понимали, что нужны реформы. В частности, таким человеком был Андропов, я считаю, самый умный человек в последнем советском руководстве. Идеи перестройки, т. е. попытки реформы предпринимались все время. Нужна была модернизация промышленности. Для сталинской эпохи решающую роль играло, сколько произведено миллионов тонн чугуна, стали. Теперь промышленность в корне изменилась. Вот вы на Западе можете это видеть, когда в ходе кризиса в Германии целые отрасли промышленности уничтожались за ненадобностью. Требовалась реконструкция промышленности. Это, повторяю, шло изнутри.

Извне был враг, который стремился разгромить советский блок и Советский Союз. Это естественно, шла война конкурентов. СССР претендовал на мировое господство, это же факт. Для Запада сфера мирового влияния сокращалась и сокращалась. Под носом у Америки возникли Куба, Никарагуа, в Чили какие-то события развивались, Китай, Африка, Ангола. Коммунизм наступал. Со стороны интеллектуальных и политических верхов западного мира, естественно, предпринимались какие-то меры и обдумывались еще до прихода Горбачева к власти. Потом его протолкнули на высший пост. Обдуманной была и программа, как это делать. Про-

грамма была такая: навязать назревающим в СССР реформам такой вид, чтобы они привели к катастрофе. Тем силам Запада, которые вели «холодную» войну, удалось так манипулировать ситуацией в советской системе власти и идеологи, что на ее вершине оказались желательные для запада люди, которые фактически встали на путь предательства. Тип и потребность перестройки назрели изнутри, но как она стала осуществляться, это было навязано извне, именно вбито в голову представителей правящей и идеологической элиты. Причем, западная пропаганда очень долго, десятками лет обрабатывала сознание правящей верхушки СССР, и она поступила именно так, как им навязали. В результате произошел крах в 80-е годы.

А. Фернандес: После пражского кризиса в 1968-м году, и прежде всего в семидесятых годах, коммунисты западной Европы, те, которые потом себя называли «еврокоммунистами», открыто критиковали Советский Союз. Процесс создания еврокоммунизма сопровождался радикальным отрицанием СССР. Основная критика состояла в отсутствии институтов гражданского общества в советском обществе. Из союзников СССР еврокоммунистические партии практически превратились в врагов. Как Вы оцениваете такой процесс и какое влияние он оказывал на Советский проект?

А. Зиновьев: Еврокоммунизм. Практически европейские коммунисты предали на самом деле классический коммунизм. Они по названию остались коммунистами. На самом деле коммунисты превратились в парламентские левые партии. И еврокоммунисты уже были практически, если не спорить о словах, если и коммунистами, то уже вовсе не революционными. В стратегии «холодной» войны со стороны Запада уже на первых порах сформировались идеи раскола международного коммунистического движения. И раскол этот был осуществлен. Тут были и внутренние причины. Но, я это подчеркиваю, этот раскол был результатом активного воздействия стратегов «холодной» войны. Этот раскол произошел по каким линиям? Первая линия — это раскол советского и югославского коммунизма. Вторая линия — это раскол западноевропейского коммунизма и советского коммунизма. Это был запрограммированный раскол. В самом европейском коммунизме также ведь происходил раскол. Короче говоря, во второй половине века наступил кризис коммунистического движения вообще. Практически западный так называемый еврокоммунизм означал отход от идей и методов классического западноевропейского коммунизма. Удалось также расколоть советский коммунизм и китайский, и до сих пор хорошие отношения практически так и не установились.

А. Фернандес: А Вы думаете, эта идеология еврокоммунизма сильно влияла — не на тех, кого Вы считаете предателями, а на людей, которые из хороших намерений пытались сделать эти реформы?

А. Зиновьев: Конечно, в том, что произошел крах, раскол, перерождение коммунизма, существенную роль сыграла не только «холодная» война и сознательные усилия со стороны хозяев западного мира, но сработал еще один фактор, на который никто не обращает внимания. Это то, что многие идеи коммунизма фактически реализовались самими западными некоммунистическими партиями. Во-первых, на опыте СССР люди убедились, что полностью реализовать идеи марксизма (чтобы государство отмерло, деньги отмерли, чтобы всем было по потребности) никогда не удастся. А то, что в марксистских идеях было осуществимо, в западноевропейских странах фактически в той или иной форме осуществилось. Например, если вы возьмете такие страны, как Швеция и Швейцария, по существу некоммунистические партии реализовали идеалы коммунизма. Коммунисты оказались в каком-то смысле излишними.

А. Фернандес: Вы говорили раньше, что на советское общество влияние Запада было очень сильным, тогда почему в результате этих реформ получилась такая катастрофа, хотя здесь осуществились многие идеи Запада? Может быть, русское общество не может воспринимать такое?

А. Зиновьев: Конечно, это другое дело. Во-первых, России, СССР навязали идеи Запада, но вовсе не реального Западного мира, а идеологические. Того, что стали делать в России, в самом западном мире этого нет. Ведь западное общество складывалось столетиями. Вот, скажем, частная собственность и частное предпринимательство. В западных странах помимо частного предпринимательства существует экономическая система, к которой это неприменимо. Возьмите большой аэропорт. Вот вам нужно лететь из Испании, скажем, в Москву. Допустим, авиационную фирму приватизировали или у нее сменился хозяин. Вы не заметите это. Так же приватизировали какой-то авиационный завод или дорогу. Вы тоже не заметите это. В Германии началась кампания приватизации. Почту приватизировали. Все равно. Вы пишете письмо, опускаете в ящик, и письмо идет. Как вы ощущаете эту приватизацию? А так, что, когда почта была государственной, было одно число служащих, приватизировали — уволили 50 тыс. человек. Марка стоила столько-то, а после этого она стала дороже. Вот только так вы ощущаете. России навязали такую систему, в которой воры и гангстеры разграбили то, что было собственностью государства. Горбачев разговаривал с каким-то французским деятелем, и тот ему напомнил слова Руссо: если вам нужно строить новый дом, не ломайте старый, стройте новый, а старый может еще пригодиться. Он посоветовал не разрушать экономику, построенную на государственной собственности, а дать возможность частной экономике развиваться, не разрушая то, что кормит страну. Правильный совет. Русские реформаторы поступили наоборот: разграбили государственную собственность и разрушили чуть ли не половину, если не большую часть, нормально функционирующей экономики, так и не построив новую.

А. Фернандес: А на будущее какие сценарии?

А. Зиновьев: На будущее... есть такой «социальный закон»: если разрушается социальная система, но сохраняется человеческий материал и условия его существования, то на месте разрушенной системы создается новая, по многим параметрам близкая к предыдущей. Практически в России стала складываться не западная социальная система, а гибрид некоторых признаков западной системы и советской системы. От советской системы сохранилось очень много. Сейчас наблюдается сильная тенденция к советизму. Много такого из советской системы, что было разрушено, восстановилось под другими названиями, в другой форме. Вот этот гибрид и складывается, смесь обломков разрушенной советской системы и плохо понятой, плохо переваренной западной системы. Получился социально-политический урод, социально-политический Квазимодо. Он существует, и изменить его чрезвычайно трудно, тем более, что такой урод устраивает Вашингтон. Ситуацией в России манипулирует глобальное сверхобщество. Сохранить этот строй для него выгодно, чтобы не допустить возрождения России. Возрождения России не произойдет. Практически в этих условиях Россия вновь стать сверхдержавой не может. Происходит ее дальнейшая дезинтеграция, отсюда такая тенденция к сепаратизму, к независимости регионов от центра. Центральная власть практически не управляет страной. Регионы имеют много самостоятельности, общаются минуя центр даже с заграницей. В какой мере это можно преодолеть, трудно сказать, но в принципе, на ближайшие десятилетия так это и останется. Может быть, будет немного лучше, может быть, похуже в какой-то мере. Но такое состояние, которое Вы сейчас наблюдаете — это не случайно, не преходящее. Это пришло надолго и всерьез.

Тем более начинается противостояние западного мира и азиатского коммунизма. И России в этом противостоянии уготована роль быть бастионом антикоммунизма в противостоянии Китаю. И Запад будет сохранять Россию в том виде, в каком это выгодно для этой эпохальной задачи XXI века. И Россию будут поддерживать на каком-то таком уровне, чтобы люди с голоду не подыхали, чтобы не было недовольства, которое привело бы к бунтам.

Наиболее вероятные ближайшие перспективы — это ограничение власти президента и расширение полномочий парламента, а в рамках президентской власти увеличение роли правительства, т. е. министерств. Вы уже сейчас эти три силы можете наблюдать: Кремль, это Ельцин со своей кликой, правительство, которое еще контролируется президентом, но которое практически уходит из под его контроля, и парламент — Дума, которая фактически безвластна, но имеет все время претензии вмешиваться в жизнь. В ближайшие десятилетия, в результате выборов, наступит большая ясность, по всей вероятности парламент не станет всесильным, но больше будет влиять на правительство. Правительство, т. е. премьер-министр, будет играть большую роль, чем президентская канцелярия, но не настолько, чтобы произошел какой-то радикальный социальный перелом, это исключено.

А. Фернандес: А какую роль будут играть коммунисты по этому сценарию? Какую роль будут играть коммунисты не только в России, но и вообще в мире? Есть у коммунизма шанс еще что-то сделать?

А. Зиновьев: Я думаю, в том виде, в каком коммунизм существовал, он свою историческую роль уже сыграл, и восстановить ее невозможно. Вот если взять КПРФ во главе с Зюгановым, практически это уже парламентская партия, и не исключено, что они могут даже отказаться от названия «коммунистическая». Нечто вроде еврокоммунизма. Ортодоксальные коммунисты (например, партия Тюлькина) являются анахронизмом, они перспектив никаких не имеют. Классический марксизм, классический коммунизм, рассчитанный на пролетариат, на трудящихся, это уже достояние истории. Теперь рабочий класс перестал быть одним из важнейших классов общества, и в процентном отношении стал малочисленным, по структуре стал совсем другим. Вот, например, идет демонстрация, организованная профсоюзом. Если опросить людей, идущих в этой демонстрации, то вы вряд ли найдете пролетариев в старом смысле слова. Найдете инженеров, механиков, менеджеров и т. д. Профсоюзы охватывают, например, автомобильные предприятия. Но ведь если посмотреть социальную структуру работающих в них людей, то пролетариев в старом смысле слова там практически нет.

Сейчас в мире происходит (и в западном мире, и в России, поскольку она включена в орбиту западного мира) реструктурирование не только мировое, но и внутри каждого объединения. Доминирующими стали средние слои. А средний слой охватывает людей с достаточно высоким жизненным уровнем, людей с более или менее гарантированным будущим. Это наиболее активные слои населения, они не заинтересованы в коммунистической системе. Коммунистические идеи как-то влияют на социальную организацию западнизма. По моей теории, коммунизм и западнизм являются полюсами. Внутри коммунизма есть западнистские свойства и коммунистические, а в западном строе есть коммунистические тенденции и некоммунистические.

Возьмите систему власти западных стран. В ней есть демократическая часть и есть недемократическая часть. Демократическая часть ничтожна по числу людей и по роли, но она на поверхности видна, поднимает много шума. Недемократическая часть не выборная, назначаемая. Она мощнее демократической, она остается незыблемой. Например, в США в системе американской государственности занято 19—20% работающих. Больше 16 млн. человек нани-

мает только федеральное правительство. Много ли из них выборных? Вот приходит новый президент. Посмотрите, какое число чиновников в аппарате власти он заменяет? На место Клинтона (по всей вероятности, на следующих выборах Клинтон прогорит) придут республиканцы, много ли они заменят людей? Очень мало. А такой аппарат, как секретные службы, ЦРУ и многие другие невыборные организации. Кто их сменил? Они сами хозяева. Они решают, кто будет президентом, губернатором, депутатом и т. п. Даже Клинтон — марионетка МВФ и других международных банков, а вовсе не самый могущественный человек на планете. Сам он без их ведома никакую серьезную операцию осуществить не может. Так что эпоха социальных революций прошла. И эпоха огромного исторического влияния коммунизма тоже прошла.

А. Фернандес: Даже в идеологическом и научном плане?

А. Зиновьев: Да. В коммунистической идеологии есть то что не может быть реализовано в принципе. Например, общество без денег существовать не может. Деньги — это не только богатство, это средство управления, средство расчетов. Или государственность, — без власти даже пещерные люди не жили, кто-то во главе стоял. Или по потребности — всех не удовлетворишь. Но есть и реализуемое. Все то, что реализуется, другие партии лучше коммунистов осуществляют. Например, когда Маркс выдвигал лозунг: от каждого по способности, каждому по потребностям, на всей планете было менее миллиарда человек. Сейчас на планете больше 1 млрд. человек живет по потребностям, т. е. по-коммунистически, и питаются, и одеваются, и медицинское обслуживание имеют. Они имеют все. Но чтобы 1 млрд. человек жил по потребностям, нужно, чтобы существовало по крайней мере 3 млрд. человек, плохо живущих. Это социальный закон.

Конечно, коммунизм останется в качестве идеологических каких-то течений. В России несколько коммунистических партий, секты какие-то. В Германии есть маоисты-коммунисты, сталинисты-коммунисты. В России сталинисты возникают. Это было и останется, но великую историческую роль они уже играть не будут.

А. Фернандес: А все эти новые и необходимые понятия о солидарности, об альтернативе мировой глобализации? Теоретические представления о новых обществах? Кто будет играть тогда, с точки зрения теоретических работ, роль «органического мыслителя» (по выражению Грамши).

А. Зиновьев: Коммунистический блок и СССР как великая держава разгромлены. Америка остается единственной сверхдержавой. Но это не значит, что она остается единой и монолитной. Произойдет какой-то раскол, разделение и поляризация, но в другом измерении. Даже в малых размерах закон дифференциации и поляризации имеет силу. Если две группировки борются и одна побеждает, то она в свою очередь раскалывается на две. Всегда происходят такие расколы.

Можно констатировать, что сейчас в Западной Европе уже имеют место сильные антиамериканские тенденции, против глобализации, против американизации. Причем те, которые против американизации, не коммунисты. Сейчас в Чехословакии или в Венгрии крестьяне останавливают зерно и сельхозпродукты, идущие с Запада, и уничтожают. Вот у меня газета лежит: в Польше, в которой никогда не было колхозов, всегда было единоличное хозяйство, сейчас у крестьян сильнейшая тяга к коммунистическим формам организации с/х. Почему? Потому что их душит общеевропейский рынок. Опять происходит раскол, пока еще переходный период. Сейчас пока еще не ясно, какие силы оформились, но складывается европейское сообщество. А это не так-то просто, и я не думаю, что американцы примирятся с объединением Европы.

Объединение Европы через какое-то время создаст мощнейшую конкуренцию для США. Европа будет бороться на мировых рынках за себя. Я думаю, что в XXI столетии достаточно хлопот будет с азиатским коммунизмом и, прежде всего с Китаем. В Индии население уже больше 1 млрд., и в Индии также назревает стремление к освобождению от западного доминирования. Остается Латинская Америка, арабский мир, и это еще не конец. В самой Западной Европе будут нарастать антиамериканские тенденции. Какую идеологическую форму они примут, трудно сказать. Но думать, что коммунисты возглавят это движение... Я в этом сомневаюсь.

А. Фернандес: Кажется, нет еще теоретического ответа на процесс глобализации, не только на экономическую глобализацию, а на идеологическую?

А. Зиновьев: Я полностью с Вами согласен, нет теоретического ответа. Я кроме моих работ не знаю ничего, но я одиночка. Ну что может один? Нужны очень серьезные институты с сотнями, тысячами сотрудников, нужны серьезные исследования. Выработать альтернативу глобализации не так-то просто, и не только потому, что требуется интеллект. В глобализации сейчас заняты лучшие интеллектуальные силы планеты. Они взяли их на службу. Не только с этой точки зрения, но также и с той, что глобализация имеет объективные основы. Глобализация не просто высосана из пальца, ее не просто злодеи какие-то придумали, а западный мир стоит перед перспективой — быть или не быть, речь идет о существовании западной цивилизации.

Если западный мир не будет интегрироваться, если он не будет бороться за мировое господство, он будет сам разгромлен. Дело обстоит не так, будто какие-то злые люди выдумали плохую линию эволюции. Дело обстоит так, что даже хорошие люди, добрые люди, умные люди вынуждены вести себя так, как будто они являются злодеями. Организовать даже сотню людей и то требуется усилие. На планете 6 млрд. человек, и предполагается увеличение до 10 млрд. (в чем я сомневаюсь, но 6 млрд. это больше чем достаточно). Планета перенаселена, с точки зрения теории организации и управления. Сейчас существуют сотни миллионов групп, организаций, учреждений, компаний, предприятий. Люди совершают триллионы операций, контактов, т. е. мир стал таким сложным, что без организации, без жестокой диктаторской, тоталитарной организации он выжить не сможет, он погибнет. И вопрос только состоит в том, способна такая организация, которая складывается сейчас, предохранить мир от гибели.

Я в этом отношении не являюсь пессимистом. Я думаю, что способна. Но спасти мир, человечество от гибели — это вовсе не значит обеспечить все 6 млрд. хорошим питанием, хорошей одеждой. Это значит создать такие условия существования, чтобы какая-то часть, может быть незначительная, по моей гипотезе, по всей вероятности, примерно 400 или 500 млн. человек, смогла уцелеть, жить и продолжать эволюцию человечества. История человечества — это вовсе не филантропическое заведение, где обо всех заботятся одинаково. Это борьба, борьба за выживание. Тем более, что уже планета до такой степени испорчена, что оздоровить ее, остановив этот процесс эволюции, невозможно. Вот если сейчас, сегодня прекращается прогресс в том виде, в котором он идет, т. е. немедленно сокращается число автомобилей, перелеты все, атомные испытания, потребуется более 500 лет, чтобы восстановить нормальные природные условия на планете, а за эти 500 лет без этих достижений люди так передерутся, что они все друг другу перережут глотку, и вообще жить невозможно будет. Не нужно строить иллюзии, что люди все такие добрые и хорошие, что все хотят добра. Человек — это довольно гнусная тварь, способная на все. Человек стал человеком в современном смысле слова только потому, что людей много и они ограничивают друг друга. Без изобретения госу-

дарства, морали, религии и других средств человек не стал бы существом, таким, как мы его представляем. Увы, трагедия человеческая состоит в неизбежности в неотвратимости, в закономерности такого хода эволюции. Вот в чем наша проблема.

А. Фернандес: И последний вопрос. Можно ли утверждать, что идеология, вернее, идеи коммунизма умерли навсегда?

А. Зиновьев: Нет, я так не думаю. Я, во-первых, различаю коммунизм домарксистский и марксистский. Коммунизм марксистский, коммунистическая идеология в марксистском варианте сыграла свою роль и, я думаю, не имеет шансов на будущее. Но коммунистические идеи вообще, в более фундаментальном смысле, я думаю, сохраняются и так или иначе будут возрождаться в будущем. Я имею в виду идеи Томаса Мора, Кампанеллы. С этой точки зрения, я сам являюсь коммунистом, но коммунистом таким идеалистическим, романтическим, не в марксистском смысле слова. Сейчас я работаю над этой темой. Закончил одну книгу, она скоро должна появиться в печати. В этой книге я прихожу к такому выводу, что великие идеи коммунизма не умерли совсем, они возродятся в той или иной форме. Но какой вид они будут и могут иметь? На мой взгляд, эти идеи могут возникнуть на основе научного объективного исследования реального коммунизма, какой имел место в СССР. Не выдуманного, невозможного, а того, который был на самом деле. И, я думаю, что человечеству еще предстоит в будущем столетии сражаться за те позитивные достижения, которые можно было наблюдать в СССР.

Олег Назаров. А. А. Зиновьев как публицист

Александр Александрович Зиновьев — личность яркая и многогранная. О нем как философе и социологе, логике и писателе уже многое и многими сказано и написано. Как представляется, все это лишь только начало. Однако многогранность таланта отнюдь не гарантирует, что все его грани будут быстро и по достоинству оценены современниками. Скорее, напротив. И примером тому служит тема «А. А. Зиновьев как публицист», разговор по которой, по большому счету, еще и не начинался.

Замечу сразу же, что данная статья ни в коей мере не претендует на ее всестороннее раскрытие. Думается, что в рамках одной статьи таковая задача не разрешима в принципе. А потому изложенное ниже правильнее воспринимать в качестве штрихов к портрету Зиновьева-публициста. Создание же самого портрета — дело будущего. Дело, требующее усилий многих «художников».

* * *

Автор этих строк также впервые обращается к теме «А. А. Зиновьев как публицист». И это несмотря на то, что ему посчастливилось интервьюировать Александра Александровича не раз. Причем не только как ученого и писателя. Напротив, мы говорили и о его увлечении живописью (см. «Парламентскую газету» от 4 ноября 2000 года), и о его участии в Великой Отечественной войне (см. «Солидарность» № 17, 2001), и о многом другом. В итоге дошли и до публицистики.

«С чего началось?» — поинтересовался я однажды. Оказалось, что обращение Зиновьева к публицистике произошло, мягко говоря, не без внешнего толчка. В беседах со мной Александр Александрович и тогда, и впоследствии не раз говорил, что быть публицистом он никогда не собирался, а стал таковым в силу крутой перемены в своей жизни. Перемена была связана с высылкой на Запад. Оказавшись там, он сразу же стал получать многочисленные и разнообразные приглашения. Его настоятельно просили выступать с лекциями, участвовать в конференциях, писать статьи. В результате встречи с журналистами стали постоянными.

Впрочем, едва ли сам ученый и писатель мог в полной мере предвидеть тогда, сколь сильно отразится на его творческой биографии поворот к публицистике. Тем не менее, этот поворот стал фактом. Зиновьев вспоминает: «И получилось, что в течение всего срока пребывания на Западе, а он исчисляется 21 годом, основным моим занятием фактически была публицистика. К ней я отношу, во-первых, статьи в газетах и журналах. Во-вторых, публичные выступления, как индивидуальные, так и выступления на конференциях, симпозиумах, съездах и т. д. И, в-третьих, интервью». Последних было так много, что как-то на вопрос одного из журналистов о профессии он в шутку ответил: «Интервьюируемый». Для человека, талант которого ярко проявился в самых разных сферах творчества, подобный ответ значил чрезвычайно много.

Помимо интервью, было много выступлений — как индивидуальных, так и на разного рода симпозиумах, конференциях и «круглых столах». Стоит заметить, что во время своих выступлений Зиновьев много и с удовольствием импровизировал. Он вообще любит импровизировать, сохранив привычку с советских времен. «Лекции я всегда читал так, что они превращались в своего рода концерты», — говорит он.

Однако обилие интервью и выступлений не только не препятствовало написанию книг и статей, а напротив, скорее способствовало этому. Такой вывод может показаться странным, даже парадоксальным. В жизни же все было вполне органично и даже рутинно. Много выступавший и часто интервьюируемый Александр Александрович имел мало свободного времени. Его дефицит он отчасти компенсировал тем, что, работая над статьями, использовал свои же интервью и выступления. Зиновьев стал перерабатывать тексты выступлений и интервью в статьи.

Постепенно накопилась целая серия таких материалов. На их основе создавались книги. Причем происходило это удивительно быстро. Оказавшись на Западе в августе 1978 года, уже на следующий год Зиновьев опубликовал там свой первый сборник статей, выступлений и интервью. Он назывался «Без иллюзий». Аналогичным был процесс создания следующих сборников — «Мы и Запад» (1981 г.) и «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983 г.).

Ими дело не ограничилось. Интерес к творчеству Зиновьева-публициста стали проявлять на разных концах планеты. Так, в США была опубликована книга «Горбачевизм», также написанная на основе статей и интервью о Горбачеве. Не случайно сама книга делится не на главы, а на статьи. Потом в Италии и в Испании вышла составленная из публицистических работ книга «Гибель империи зла». По воспоминаниям ее автора, она имела необычный для публицистики успех, буквально за неделю получив несколько десятков откликов в прессе. Кроме того, в восьмидесятые годы свет увидели несколько монографий, которые, по сути, были полностью публицистическими. К примеру, в 1985 году на немецком языке появилась «Диктатура

логики». Затем, и также на немецком языке, вышла книга «Сила неверия», полностью составленная из работ, посвященных советской идеологии и пропаганде.

Публицистика Зиновьева неизменно ориентирована на проблемы социальные и актуальные. Но самое любопытное заключается в том, как занятие публицистикой сказалось на его занятиях литературой и наукой. Процесс же оказался взаимообогащающим. Как отмечалось выше, свои публицистические произведения философ, писатель и социолог не готовил заранее. Да и тот образ жизни, который он вынужден был вести за границей, почти не оставлял возможности сидеть за письменным столом. Так выступления и интервью фактически стали формой его литературной и научной работы.

По собственному признанию Зиновьева, многие свои литературные и научные открытия он делал во время публицистической деятельности (как интервьюер, могу подтвердить, что некоторые новые идеи рождались у Александра Александровича буквально у меня на глазах во время нашего общения). Затем, доработав публицистические работы, он использовал их как материал для книг. Случалось, что некоторые из них он даже включал в литературные и научные произведения в качестве частей. Брал те же самые интервью, убирал из них момент собеседования и делал из них статьи и главы для книг. Но бывало и наоборот, когда главы и куски уже написанных книг он использовал для публицистической работы.

«И в этом не было никакой искусственности: все шло вполне естественно. Продолжая публицистическую работу на литературном и научном уровнях, я делал что-то новое, и это служило материалом для публицистики. В итоге получился очень интересный процесс. Может быть, я даже являюсь уникальным писателем и социологом, письменным столом для которого стали разъезды по многим странам мира», — вспоминает Зиновьев сегодня.

* * *

Обозначив место публицистики в творчестве Зиновьева, нельзя не коснуться ее содержания. Принципиальным является то, что основным источником его публицистической и литературной работы изначально были не сочинения других авторов, а сама реальность. Ее он наблюдал лично, о ней узнавал во время многочисленных бесед с другими людьми. «Для меня весь мир превращался в открытую социологическую теорию. Я мог видеть социальные механизмы современной жизни буквально каждую минуту», — не раз подчеркивал Зиновьев впоследствии.

Что менялось и что оставалось неизменным? Постоянным оставался его «разворот мозгов» — его способ понимания действительности. Он лишь детализировался, укреплялся и прояснялся. Что менялось? Менялся объект изучения. Первые годы пребывания на Западе на девяносто процентов были заняты выступлениями и сочинительством на тему советского коммунизма. Но постепенно у исследователя возник интерес и к самому Западу. А он не мог не возникнуть. «Я видел Запад свежими глазами. Мне все бросалось в глаза. И подобно тому, как раньше Советский Союз был для меня открытой лабораторией, такой же лабораторией стал и Запад. Я стал рассматривать Запад с такой точки зрения, с какой его никто до меня не рассматривал», — рассказывал Зиновьев в одном из интервью. Вскоре появились книги «Запад», «Глобальный человек» и другие.

Так продолжалось до того момента, когда на исторической арене появился М. С. Горбачев. Зиновьев одним из первых увидел то, что действия Горбачева и его окружения не адекватны публично провозглавшимся целям «перестройки». Однако в царившей тогда в СССР эйфории трезвый взгляд из Мюнхена по достоинству оценили немногие. Между тем на деле уже тогда наметился коренной перелом, в итоге приведший к распаду государства и смене социального строя. Стоит подчеркнуть особо, что Зиновьев своевременно и многократно предупреждал об этом. В частности, его взгляд на происходившее в то время в Советском Союзе нашел отражение в книгах «Горбачевизм» (1988), «Катастрожка» (1988), «Кризис коммунизма» (1990), «Смута» (1994), «Русский эксперимент» (1995).

А затем пришло время возвращения на Родину. Вернувшись в Россию летом 1999 года, Зиновьев сразу же заявил, что прекращает литературную работу. Своими главными сферами деятельности он определил научную и публицистическую. А из двух последних приоритетной была названа публицистика.

Свое слово Александр Александрович сдержал. Назову несколько основных книг, вышедших в России в последние годы. В 1996 году свет увидел сборник «Посткоммунистическая Россия», в котором было собрано около полусотни статей и интервью. В числе последних двадцати бесед, в которых собеседником Зиновьева был В. Большаков. Своего рода продолжением сборника «Посткоммунистическая Россия» явился вышедший в 2001 году сборник «Гибель русского коммунизма». Последняя из опубликованных в нем работ датирована декабрем 2000 года. К этому ряду можно отнести и книгу «Русский эксперимент», на две трети состоящую из статей и интервью.

И сегодня Зиновьев продолжает регулярно выступать на страницах самых разных изданий. Среди них «Независимая газета» и «Солидарность», «Литературная газета» и «Завтра», «Правда» и «Советская Россия», «Россия» и «Парламентская газета», «Век» и «VIP» (заранее прошу тех из коллег, чьи издания мною не названы, великодушно простить за забывчивость: перечислить все газеты и журналы оказалось не под силу не только мне, но и самому юбиляру). В качестве конкретных примеров упомяну лишь несколько его статей и интервью, опубликованных за последний год. В их числе статьи «Партия и власть» («VIP», август—сентябрь 2001 года), «Идеология глобализации» («Независимая газета», 26 февраля 2002 года), «Учение кота Леопольда как основа нового российского менталитета» («Независимая газета», 2 марта 2002 года), «На какие жертвы способна партия» («Советская Россия», 30 мая 2002 года), интервью для Интернет-проекта передачи «Умницы и умники», выходящей на ОРТ (январь 2002 года), участие в заседании «круглого стола» газеты «Солидарность» на тему «Россия в поисках идеологии» («Солидарность», №№ 22, 23, 2002 год) и т. д.

* * *

Не удивительно, что активность на публицистическом поприще не осталась незамеченной не только поклонниками и единомышленниками Зиновьева, но всеми теми, кто категорически не приемлет все то, что им делается. В свое время в статье «Об Александре Зиновьеве и его социологии» А. А. Гусейнов справедливо заметил: «Зиновьев со своей социомеханикой лишает человека последних объективных оснований для самомнения и гордости. Отсюда и

отношение к нему. Странников Коперника сжигали. Учение Дарвина запрещали. С Зиновьевым поступают намного хуже — его замалчивают».

К сказанному Гусейновым могу лишь добавить, что подобное отношение долгое время проявлялось и к Зиновьеву-публицисту. Однако времена меняются, и теперь данный прием уже далеко не всегда срабатывает. Интерес к нему растет, одним из подтверждений чему может служить приведенный выше список изданий, публикующих Зиновьева. Все это ведет к «смене вех» по ту сторону «баррикады»: акцент с замалчивания переносится на иные «технологии».

Чтобы не быть голословным, приведу один пример. Не далее как в июне 2002 года заместитель главного редактора «Известий» Александр Архангельский, посмотревший на канале «Культура» программу «Линия жизни» с участием Александра Александровича, моментально разразился статьей. В ней Архангельский доказывал: «Если уж у нас авторитетом становится автор единственной яркой книги — «Зияющие высоты» — и полусотни никому не известных блеклых трудов, значит, дело совсем нехорошо».

С тем, что дела в России давно уже обстоят совсем нехорошо, спорить не приходится. Но речь о другом. Публицист Архангельский, высказав свое негативное отношение к творчеству Зиновьева, не рискнул анализировать его публицистику как таковую. Архангельский поступил предусмотрительно. Займись он этим всерьез, то очень скоро бы выяснилось, чего стоит вывод, опубликованный «Известиями».

Впрочем, едва ли его автор хорошо знаком с трудами Зиновьева. Как можно, будучи объективным, называть «блеклой» книгу «Коммунизм как реальность»? Ведь именно ее крупнейший французский философ Раймон Арон назвал первой научной книгой о коммунизме. И именно за нее Зиновьевым была получена премия имени Токвиля. Однако о таких фактах правополиберальные публицисты предпочитают не вспоминать. Труды Зиновьева ими либо замалчиваются, либо охаиваются. Но такое к себе отношение Зиновьев-логик и Зиновьев-писатель, Зиновьев-философ и Зиновьев-социолог, Зиновьев-художник и Зиновьев-публицист испытывал много-много раз. Архангельский в «шеренге» его хулителей занял «почетное» 2368531987-е место.

* * *

Наконец, хотел бы обратить внимание читателей на еще одну, не побоюсь этого слова, знаковую перемену, произошедшую с Зиновьевым под воздействием активной публицистической деятельности. Социологический роман — новый жанр в литературе, создателем которого является Зиновьев. Но это не только художественная литература, но и сфера науки. Сам же Зиновьев-писатель с момента рождения жанра неизменно подчеркивал значимость социологического аспекта. Не случайно, книга «Нашей юности полет» обозначена им как социологическая повесть, а книга «Светлое будущее» — как социологический роман.

Все это — не новость. Однако, по признанию автора указанных книг, только недавно он стал обращать внимание на другой аспект, изначально в работах присутствовавший. И теперь Александр Александрович предпочитает называть их не только социологическими, но еще и публицистическими произведениями.

Завершая статью, следует подчеркнуть, что все последние годы интерес Зиновьева к публицистике не только не ослабевает, а напротив, день ото дня растет и крепнет. Александр Александрович прямо заявляет, что сегодня публицистика важна ему как воздух.

Думается, что у знакомых с произведениями Зиновьева-публициста нет оснований сомневаться в справедливости этих слов. А это значит, что вскоре всех нас ждут новые встречи с плодами его творчества.

VII. ПОЭЗИЯ

Александр Зиновьев. Я, ребята, не поэт

Поэтом быть я никогда не собирался по таким причинам. Во-первых, сочинял стихи я очень легко, порою почти молниеносно. При этом никогда не испытывал мук творчества и восторга от поэтических находок. Впрочем, я их и не искал. Во-вторых, были сочинители стихов получше меня. Я им нисколько не завидовал и не думал конкурировать с ними. В-третьих, мой поэтический вкус не соответствовал тому, что я видел в поэзии других. Устами моего литературного персонажа (в книге «Мой дом — моя чужбина») я его выразил так:

Поэзия тогда только прекрасна,
Когда есть что сказать и говорится это ясно.
Когда внимаешь мыслям, а не голосам.
И хочется, чтобы такое ты придумал сам.

В поэзии других мне редко что нравилось. Если я чувствовал, что сам мог сочинить такое и даже лучше, я это хорошей поэзией не считал. Только тогда, когда я чувствовал, что я неспособен сделать нечто подобное, я считал настоящей поэзией. Так что мне в поэзии вообще нравилось очень немногое. И наконец, то, что я сочинял и был способен сочинять, напечатать было невозможно, а порою за это можно было поплатиться головой. Одним словом, как сказал один безымянный сочинитель стихов еще в 1942 году,

Я, ребята, не поэт.
У меня таланту нет.
Стих в печать не посылаю.
Гонорар не получаю.
И по совести сказать,
Не люблю совсем писать.

Стихи я начал сочинять очень рано. Сочинял просто так, для забавы. И от случая к случаю. В школе стал сочинять стихотворные подписи к карикатурам, которые я рисовал для стенных газет. Иногда сочинял и «внешкольные» стихи. Сохранилось очень мало. Например, сохранилось такое стихотворение, которое я сочинил в десятом классе школы (в 1939 году), но реставрировал и опубликовал лишь в 1983 году в книге «Нашей юности полет» на Западе.

Пройдет еще немного лет.
И смысл утратят наши страсти.
И хладнокровные умы
Разложат нашу жизнь на части.
На них наклеят для удобств
Классификаторские метки.
И, словно в школьный аттестат,
Проставят должные отметки.
Устанут даже правдесы
От обличительных истерий.
И истолкуют как прогресс
Все наши прошлые потери.
У самых чутких из людей
Не затрепещет сердце боле
Из-за известной им со слов,
Испытанной не ими боли.
Все так и будет. А пока
Продолжим начатое дело.
Костьми поляжем за канал.
Под пулемет подставим тело.
Недоедим. И недоспим.
Конечно, недолюбим тоже.
И все, что встанет на пути,
Своим движеньем уничтожим.

В это время я уже был антисталинистом. Сохранилось в памяти несколько стихотворений этого периода. Например такое.

Ответь, спустился ты с Небес?
Иль выполз как исчадь Ада?
Родился ты зачатъя без
Или ты есть порока чадо?
Нет, я не ангел и не бес.
Узри во мне земного гада,
Что мир построил вроде ада,
На землю рай спустив с небес.

Много сочинял стихов в годы войны. В основном озорные и сатирические, последние — подписи к карикатурам, которые я рисовал в «Боевых листках». Вот, например, такой случай. Я служил в штурмовом авиационном полку. Мы должны были бомбить и обстреливать немцев с пикирования, иногда — до уровня бреющего полета. Один летчик был трусоват (трусы бывали и в авиации), боялся пикировать круто и низко. Но его как-то обстреляли «мессера» на высоте. По этому поводу я сочинил такое стихотворение для «Боевого листка».

Себя от мессеров страхуя,
Решил держаться на верху я.
Но, вот беда, дал маху я:
И на верху их до ... тоже много.

Что должно было стоять вместо многоточия, было ясно для всех. И стих быстро разошелся, разумеется, с этим словечком.

Сочинял не только озорные («солдатские») стихи, но и серьезные. Сохранилось, например, такое.

Скажи мне, почему фронтовики молчат,
Когда военный подвиг превозносят,
Или невнятно что-нибудь мычат,
Когда об этом их другие просят?
Я знаю, что война — не карнавал,
А голод, холод, тяжкие мученья.
Но все же и в походе есть привал,
И на войне бывают приключения?
Бывают. Если, сытого сытей,
Ты в безопасности в стратегию играешь.
И за счет неслыханных смертей
Ордена и славу огребаешь.
Если при хлебах в тылу притих.
Если — в штаб пристроившийся сука.
А для миллионов всех других
Война есть одуряющая скука.
Штурм, атака — это дня юнца.
Это — дня газет и для экрана.
Война есть ожидание конца.
Души незаживающая рана.
Банальна суть. Убитые молчат.
Живой пройдоха подвиг превозносит.
Случайно уцелевшие ворчат,
Их вспоминать давно никто не просит
Не чувствуя за прошлое вины,
Плетут начальники военную науку.
И врут писатели романтику войны,
Очередную одуряющую скуку.
Вот почему...

Уже после войны написал стихотворение «Гост» по поводу речи Сталина на банкете в Кремле в честь победы над Германией. Опубликовано оно было в книге «Светлое будущее» в 1978 году на Западе. Публиковать такого рода стихи в советские годы было немисливо. Если бы мое авторство «Госта» было установлено, то моя жизнь прекратилась бы уже тогда, в 1945 году. Впервые я стал публиковать мои стихи в «тамиздате», т. е. на Западе, начиная с 1976 года. И в течение двадцати лет (я называю этот период моей жизни литературным) опубликовал сравнительно много. Но значительная часть опубликованного была сочинена в 1946—1976 годы. Кое-что сохранили друзья. Кое-что я запомнил сам. Кое-что реставрировал. То, что сочинялось после 1976 года, делалось в духе прошедших лет.

Скажу об особенностях моего поэтического творчества. Стихи сочинялись не для публикации и не в качестве некоего профессионального дела, а как бы между прочим, от случая к

случаю, по какому-то поводу, ради шутки и т. д. Как правило, это была импровизация. Большая часть забывалась. Лишь немногое сохранялось в памяти. Так что не случайно я использовал преднамеренно упрощенные формы поэтической техники. Это не от неумения и незнания, — в юности я хорошо знал поэзию и мог сочинять любые виртуозные стихи, — а от целей и условий сочинительства. Я очень высоко ценил, например, Маяковского, и неплохо сочинял «под Маяковского». Но мне эта форма не подходила. Время не то. Для той эпохи, в которую я жил и которую отражал в своем творчестве, нужно было нечто иное. Не лучше и не хуже, а именно другое. Я бы сказал — застихованная проза. Тут озорной, порою — нецензурный, сатирический, намеренно утрированный и т. п. стих был более подходящим.

Следующая особенность моей поэтической деятельности состоит в том, что стихи сочинялись или использовались, если были сочинены ранее, как часть прозаического контекста. Исключение составляют лишь такие независимые от прозы книги: «Баллада о неудачниках» (1942), «Евангелие для Ивана» (1984) и «Мой дом — моя чужбина» (1982). Да и то первая была найдена и доработана после издания «Зияющих высот» (она была опубликована в книге «В преддверии рая» в 1979 году), а вторая и третья просто по расчетам издателя были изъяты из более обширного контекста и изданы отдельно. Обычно же стихи появлялись по мере надобности в прозаическом контексте или включались в него, если были готовы для каких-то других целей, по такой схеме: сначала излагались теоретические соображения, затем приводились прозаические литературные фрагменты фельетонного, сатирического, назидательного и т. п. типа и, наконец, тема завершалась стихотворением, подходящим к ситуации и усиливающим (по замыслу автора) ее эффект.

Я классифицирую мои стихотворения совсем не так, как принято в литературоведении, а именно — по таким типам: гимны, марши, послания, молитвы, назидания исповеди, баллады, частушки. Приведу несколько примеров этих типов. Они взяты из разных моих книг

ГИМН ИБАНСКА

Светлое
послезавтра
сообща
кую,
Зря
грядущее
скрозь время
призму,
Мы не признаем
и не желаем
ни..., то есть ничего,
Акромя
изма!
Начать нам
на Америку
и Европу!
Мы и сами
не лыком
шиты!
Перегоним
и покажем им
голую..., то есть задницу,

*

Мол, завидуйте, паразиты!
А осмелится кто
нас пугать,
Тому мы
мигом
поставим
клизму!
Мы обязательно
будем, растуды
вашу мать,
Жить
при изме!

ГИМН СОБРАНИЮ

Эх, собрание, братание,
Давней юности мечта.
Взгляд соседки. Щебетание.
Сигареты теплота.
Звенит звонок. Сотрудник мчится
По учреждению родному.
Перед собранием помочиться,
А этот — сделать по большому,
А тот бежит, разинув рот,
Купить от язвы бутерброд.
Эх, собрание, старание,
Ранней старости красота.
Бесконечное орание.
Пота вонь и теснота.
А зал гудит. Народ резвится.
Орет. Толкается к проходу.
Призвать к порядку кто-то тщится.
В графин, кричат, налейте воду.
И вдруг в почтенье стих народ.
Мелькнул директорский живот.
Эх, собрание, наказание,
Предынфарктная маета.
Выступальщиков кривляние.
И доносчиков клевета.
Уселся зал. Пора открыться.
Избрать президиум по штату.
Холуй с бумажкою вертится
С готовым списком кандидатов.
В президиум из года в год,
Сияя, прет активных род.
Эх, собрание, зевание,
Беспросветная сукота.
Демагогов завывание.
В мыслях полная пустота.

Ползала спит. Доклад струится.
Смакует фронда анекдотик.
Лишь бдит стукач. Ему не спится.
Пометки делает в блокнотик.
И трепачей привычный сброд
Для прений тренирует рот.
Эх, собрание, назидание,
Возвышающий момент.
Одобрение воззвания.
Обличающий документ.
Проснулся зал. Народ ярится,
За пунктом пункт тасуя ловко,
И резолюции стремится
Придать свою формулировку.
Надсмотрщиков надежных взвод
Следит, чтоб правилен был ход.
Эх, собрание, пропадание
Не минут, не дней, а лет.
Добровольное страдание.
Демократии расцвет.

Приведу пару примеров марша.

МАРШ ЗАГРАДОТДЕЛА

Регулярно до усера кашу жрем
Оттого-то мы счастливей всех живем
И на весь на мир уверенно орем.
Левой!
Левой!
Левой!
Правой! Ты один. А мы — оравой.
Если хочешь каши тоже,
Становись на нас похожим!
А не то получишь в рожу!
Во вчерашнем дне уверены вполне.
В критиканах не нуждаемся извне.
Если что, так это все по их вине.
Левой!
Левой!
Левой!
Правой!
Ты один. А мы — оравой.
Будешь тихим — дадим лопать,
Будешь ихним — будем шлепать.
Так что лучше с нами топать!
Как учил нас сам Хозяин наш отец,
Нам дозволено лупить судом и без,
Потому как мы несем с собой прогресс.

Левой!
Левой!
Левой!
Правой! Ты один. А мы — оравой!
Кто виновный тут, кто правый,
Смысл подсказывает здравый:
Ты — один, а мы — оравой!
Левой!
Левой!
Левой!
Правой!

МАРШ УРОДОВ

Уроды! Плевать на хвори!
Слепые, глядите в оба,
С дороги не сбиться чтобы!
Грядущего зрите зори!
Шагайте, безногие, в ногу!
Протезам — ничто расстоянье.
Где видят слепые сиянье,
Туда пролагайте дорогу!
Безрукие, руки раскроем!
Локоть друг друга почуем!
Свободу себе завоюем
Своею железной рукою!
Безголосые, взвойте песни,
Сочиненным тем, кто без слуха!
В бурном танце кружись, старуха,
В одеянье из праха и плесени!
Правьте, безмозглые, нами!
Мир направляйте идей!
О судьбах планеты радея,
Вовсю шевелите мозгами!
Держайте! И всюду народы
Забудут былые тревоги.
Все счастливы будут, как боги,
Поскольку все будут уроды.

ПРИМЕРЫ ПОСЛАНИЙ

РОДИТЕЛЯМ

К чему тщеславные мечты! К чему напрасные укоры!
Нет, никогда моя нога не вступит в власти коридоры.
Не переступит никогда распределителя порога.
И бронированным авто не просвистит моя дорога.
Не улыбнется ни за что двухсотметровая квартира,
Приемная на сто персон и три под кафелем сортира.

Мой тощий зад не ошутит от кресла мягкого томление.
Аплодисментами народ мое не встретит появленье.
Не приукрасит мой портрет газетный опытный фотограф,
И под чужой пустой статьёй я не поставлю свой автограф.
Успехи пройденных дорог я в микрофон не подытожу.
И созидателей рядов для коммунизма не умножу.
И орденами грудь мою до ниже пупа не закроют.
На Новодевичьем, увы, под гром оркестра не зареют.

ЕЩЕ НЕ РОДИВШИМСЯ

Пред тем, как в Этот свет явиться,
О примитивный эмбрион,
Пока ты будешь Там томиться,
Обдумай, есть ли в том резон.
И коли дрянь твои делишки,
Пути обратно то есть нет,
Пустые напряжения мыслишки,
Полезный выслушай совет.
Молчи ночами. Днем не вякай.
Послушным и здоровым будь.
В пеленки не мочись. Не какай.
И не соси, конечно, грудь.
Зачем? Чтоб требовать не стали
Родители за то любовь.
И укорять, что недоспали,
Что, мол, из них сосали кровь.
Забудь детсад. Забудь про школу. —
Про аттестат. И про диплом.
Про медицинские уколы.
Кино. И южное тепло.
Зачем? Чтоб требовать не стали
Руководители любовь.
Твердить, что все тебе, мол, дали,
Тебя, мол, ради лили кровь.
Но помни! Если сможешь даже
Не быть Им должным ни шиша,
Они благодарить прикажут
За все за то, что разрешат.
Познавши правило такое,
И днем и ночью, знай — ори.
И не давай Им всем покоя.
И все, что сможешь, обосри.

КОЛЛЕКТИВУ

Хоть расшибись, хоть лезь из кожи,
Хоть лбом о стенку колоти,
Ничто тебе уж не поможет,
Коль отвернется коллектив.

Не минет бдительного глаза,
Что ты вчера был пьяный в дым.
С отчетов за год уж ни разу
Не выйдешь цел и невредим.
Брось о защите мысль лелеять.
Надбавку — в памяти сотри.
В день торжества и юбилея
Лист премий больше не смотри.
С уходом старые уловки
Теперь уж больше не пройдут.
И уж со скидкой путевки
Тебе в месткоме не дадут.
И если свалишься в простуде,
Лечь будешь вынужден в кровать,
Никто на яблоки не будет
Тебе копейки собирать.
Неровен час, прокол случится,
И захотят тебя изъять, —
Никто с работы не примчится
На перевоспитанье взять.
Итог? Он априори ясен,
Фундаментальный примитив.
Ты омерзительно прекрасен,
О, нелюбимый коллектив!
Ко мне лицом оборотися,
Объятъя жаркие раскрой!
Меня обнюхай, приглядиися!
Не видишь разве — я весь твой?!

ПРИМЕРЫ МОЛИТВ

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Благодарю Тебя за свет,
За то, что сам восстал с постели,
И что источники монет
Пока еще не оскудели.
Меня устроить не прошу
Жить в однокомнатной квартире.
Зла на соседей не держу.
Хочу с милицией жить в мире.
Прости, что веры нет в душе,
Что не приучен я молиться.
Едва очухавшись — уже
Соображаю похмелиться.
Прошу еще поклон принять
За то, что сил даешь трудиться
И что позволишь мне опять
С спокойной совестью напиться.

МОЛИТВА ПЕРЕД РАБОТОЙ

Каюсь, Господи, прости!
Одна томит меня забота:
Быстрее, время, мчись к шести!
Скорей кончайсь, моя работа!
Хотя я не верую, молю,
Чтоб день рабочий так промчался,
Как будто он почти к нулю
В своем движеньи приравнялся.
Не потому, что я ленив,
На эту тему я шептался,
А чтоб здоровый коллектив
Меня исправить не пытался.
Пред начальством чтобы дрожь
Не ощущалась в мыслях даже,
Не видеть чтоб их гнусных рож,
Не слышать шелеста бумажек.
И про успехи чтоб не лгать.
Не быть в восторге без причины.
И никогда не пролагать
Дорогу новому почину.
Кретинов не превозносить,
Стоящих у кормила власти.
И сообща не поносить,
Кто тщится отвратить напасти.
На вахту чтобы не вставать
На благо нашего народа.
И обязательств не давать
Прожить пять лет в четыре года.
А для потребности души
Яви, молю, крупицу блату:
Иметь, как прежде, разреши
Мою грошовую зарплату.

МОЛИТВА ПОСЛЕ РАБОЧЕГО ДНЯ

Таким и будь ты на века,
Занудный, серый день работы.
День раздраженья и зевоты,
День ожидания звонка.
С торчаньем в тесном коридоре,
С куреньем в заданных местах,
С пошлейшей шуткой на устах,
С суждением о всяком вздоре.
С решением пустых задач,
К начальству трепетным походом,
С общением со всяким сбродом,
День без беды и без удач.

МОЛИТВА ПЕРЕД ВХОДОМ В ХРАМ

Стезю свою сам выбирай.
Живи не завтра, а сегодня.
Входи... отнюдь не в преисполню,
Но далеко не в чистый рай.
Мозги напрасно не крути,
Судьбы своей не уклоняйся.
К привычной стойке прислоняйся.
Другого не ищи пути.
Входи! И ощути души
Родство с таким, как сам, народом.
И на алтарь клади природы
Свои последние гроши.

МОЛИТВА ПО ВХОДЕ В ХРАМ

Я никогда не обойду
Тебя сторонкой, место свято!
Плевать на горе и беду!
Примите в пай мой рубль измятый.
Еще не сотворил Творец
Восторга выше пьяной ласки.
Режь, друг, последний огурец,
Дели на всех сто грамм колбаски!
Пошлем всех на! И смело в путь
В иное, высшее пространство!
О, жизнь! Благословенна будь,
Покуда существует пьянство!

МОЛИТВА ВО ВРЕМЯ ТРАПЕЗЫ

Чтобы отвлечься от тоски,
Обычай есть старинный русский.
Объединяйте пятаки!
И обойдемся без закуски!
Вольем одну. И повторим.
И по другой немедля вдарим.
Друг другу души растворим,
Потом набьем друг другу хари.
А утром, ощутив едва,
Что в теле жизнь еще теплится,
Да возвратимся мы, братва,
К истокам жизни — похмелиться.
И позабывши про тоску,
И помня лишь обычай русский,
Упьемся в стельку иль в доску,
Конечно, снова без закуски.

МОЛИТВА ПО ОКОНЧАНИИ ТРАПЕЗЫ

Слижи с досок шершавых крохи,
Стяни живот ремнем потуже.
И как достойный сын эпохи
Моли, чтобы не стало хуже.

МОЛИТВА ПО ВЫХОДЕ ИЗ ХРАМА

Сей злачный дом благодарю.
И уходя, с ним не прощаюсь.
И ни к кому не обращаюсь,
Речь сам с собою говорю.
Глядите, я плетуся еле,
Смиривши страсти, сер и тих.
Хочу лишь на своих двоих
Дойти до собственной постели.
Иду, душою чист и светел.
Молю Его: будь добр, уважь!
Чтобы во мне порядка страж
Интеллигента не приметил.
Что я качаюсь — пусть не в счет.
Ведь пил, бывало, сам Спаситель!
Ужель районный вытрезвитель
Опять мой путь пересечет?!

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Грязь оботри с усталых крыл.
Спусти на землю дух тревожный.
Скользни в каморку осторожно,
Сосед чтоб матом не покрыл.
И дверь закрывши на крючок,
Закончи день на жестком ложе.
Скажи Ему: Спасибо, Боже,
Я всем доволен. И — молчок.

НОЧНАЯ МОЛИТВА

Настала ночь. И ты один.
Всем до тебя — какое дело?
И твое собственное тело
Твоей душе — не господин.
Она — в бездонной высоте,
В тиши, как сто громов гремящей,
Во тьме, как сотня солнц слепящей,
В тягучей мчится пустоте.
И переполнит тебя страх.
Ты испытываешь вождельенье
Исполнить смутное веленье:
Исчезнуть в изначальный прах.

ВОТ НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ ИСПОВЕДЕЙ

ПОРЫВ

Отвисли старые штаны
В заду,
В коленях.
Не в человеке дела суть,
А в по-
Коленьях.
В карманах тшуся я сыскать
От хлеба
Крохи.
Не люди сущность бытия,
А лишь
Эпохи.
Остановите суету!
Кончайте
Споры!
Сейчас я мир переверну
И без
Опоры.

ТОМЛЕНИЕ

Не могу я понять,
Что со мною творится.
То пятерку занять
Я хочу и напиться.
И тогда не унять
Никаким приговором:
Так и тянет меня
Лечь-заснуть под забором.
А бывает с тобой
И такое творится:
Из-под крана водой
Чистой хочешь умыться,
Бритвой морду скребешь
И рубашку меняешь.
Просветленный идешь,
А куда, сам не знаешь.
Ты в согласи с судьбой.
Ах, как солнце сияет!
Неба край голубой
Перспективы вселяет.
Все на свете обнять
Твое сердце стремится.
И пятерку занять,
И до рвоты упиться.

АПОФЕОЗ

Такое вам даже
Теперь не приснится...
Я дверь открываю.
Я поднял десницу.
Пачку купюр
Зажимаю я в ошую.
Щедростью царскую
Вас огорошу я.
Замерли все.
Не жужжат даже мухи.
Кончили брань
У помойки старухи.
Я деньги бросаю
Комком на прилавок.
Я требую гордо
Всех Дусек и Клавок.
Эй, гурии рая!
Поите всех водкой!
Сыра не надо!
Не надо селедки!
Иван не француз,
И не немец, а русский.
Тратить рубли
Ни к чему на закуски.
А дальше... А дальше
Не трать даром слов.
Что было, то сплыло,
Быльем поросло.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВЕДЬ

Уже с юности было вполне очевидно:
Промелькнут, не заметишь, года.
Было только немного-немного обидно,
Что вовеки не будет Страшного Суда.
Никогда не подымутся люди из праха.
И истлевшее тело не сыщет душа.
И не будет ни радости им и ни страха.
И не будет, короче сказать, ни шиша.
Все же жаль. Любопытно бы было когда-нибудь
На минуту-другую из мертвых восстать.
В страхе божьем воззреть, как положено, на небо.
Перед Высшим Судьей персонально предстать.
И услышать во гневе: «Ответь! Только честно!
А соврешь, сукин сын, будешь вмиг уличен!
Что ты там натворил. Нам все это известно!»
Честно? Этому, Господи, я не учен.
Лучше сам загляни в свои книжки-гроссбухи,

Сам увидишь, что я — заурядный злодей,
Не протягивал слабому помощи руки.
Признаюсь, обижал безнаказно людей.
И душою кривил, признаюсь, многократно.
Доносил добровольно и в силу причин.
Клятву верности брал, приходилось, обратно.
Зад лизал с целью выйти в желаемый чин.
Лицемерил один. Клеветал коллективно.
Подпевал демагогии высших властей.
Руку жал проходимцам, хоть было противно.
Пил с мерзавцами всяких статей и мастей,
Так что видишь, Всевышний, прожил я безгрешно.
Если хочешь добром или злом наградить,
Если просьбы уместны при этом, конечно,
Прикажи меня впредь никогда не будить.
Мне известно, что мертвым не больно, не стыдно.
И не мучает совесть их, как говорят.
Ну а главное — мертвым не слышно, не видно,
Что на свете живые с живыми творят.

Значительное место в моей поэзии в эмиграции заняла ностальгия.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПЕСНИ

Что вы затихли,
что потускнели,
Песни, которые
раньше мы пели?!
Мы слышим отныне
то крики, то стоны.
Нам что-то невнятно
шипят в микрофоны.
Нам что-то истошно
вопят-завывают.
Чего они просят?
К чему призывают?
Ни к черту, ни к Богу,
ни к стройке, ни к бою.
Они наполняются
сами собою.
Как будто отважно
ломают тесноты,
А верить нельзя им
на сотую ноты.
Их слушать —
за вас нестерпимо обидно,
Но к вам возвращаться —
и больно, и стыдно.

ТОСКА ПО РОМАНТИКЕ

Мне представляется детства картина...
По полю конная мчится лавина.
Из рук вырывается алое знамя.
Тот враг, кто не мчится в атаку за нами.
Строчат пулеметы. И пушки гремят.
Враг перепуган. Разгромлен. И смят.
Пусть это — в кино. Пусть все это — из книжки.
Но мы же — романтики. Мы же — мальчишки.
Для нас это — жизнь, а не подлый обман.
Но годы прошли. И растаял туман.
«Ура !» отгремело. Умчались кони.
И бывший романтик в отчаяньи стонет.

А ТАМ, В РОССИИ

А в нашей слякотной глуши
Еще тревогу в сердце будят зори.
Великая таинственность души
Еще порой мелькает в женском взоре.
Здесь познается, как журчит ручей,
И что такое — тонкая береза,
В чем глубина без шорохов ночей,
В чем волшебство колючего мороза,
Зачем тропа теряется во ржи,
О чем молчат еловые макушки,
Кому рисует ястреб виражи,
Кукуют что пророчицы-кукушки,
Какую тайну снег от нас таит,
Как осень прячет яркие одежды...
Здесь грустно так, что в горле ком стоит.
И нет ни радости, ни горя, ни надежды.

ТОСКА О ПРОШЛОМ

Итак, рассеялся истории туман.
И с грустью замечаю, что теперь я
На прошедший пламенный обман
Променять готов холодное неверие.

И ОПЯТЬ ТОСКА

Хочу в ушедшие года.
Пусть будет нестерпимо плохо.
Твоим я буду навсегда,
Меня родившая эпоха.

РОДИНА

Есть Родина-сказка.
Есть Родина-быль.
Есть бархат травы.

Есть дорожная пыль.
Есть трель соловья.
Есть зловещее «кар».
Есть радость свиданья.
Есть пьяный угар.
Есть смех колокольчиком.
Скрежетом мат.
Запах навоза.
Цветов аромат.
А мне с этим словом
Упорно одна
Щемящая сердце
Картина видна.
Унылая роща.
Пустые поля.
Серые избы.
Столбы-тополя.
Бывшая церковь
С поникшим крестом.
Худая дворняга
С поджатым хвостом.
Старухи беззубые
В сером тряпье.
Безмолвные дети
В пожелтом репье.
Навстречу по пахоте
Мать босиком.
Серые пряди
Под серым платком.
Руки, что сучья.
Как щели, морщины.
И шепчутся бабы:
Глядите, мужчина!
Как вспомню, мороз
Продирает по коже...
Но нет ничего
Той картины дороже.

Я сочинил также множество баллад, сказок, частушек и даже сказов. Любая стихотворная форма могла быть использована как подсобное средство выражения социальных идей. Я имел целью не вклад в развитие поэзии как таковой, а лишь использование ее. В принципе я мог без нее и обойтись.

Как я уже говорил, основная масса стихов была написана мною как компонент в целом прозаических контекстов. Но я сочинил и три крупных литературных произведения в стихотворной форме, независимой от прозаического контекста. Это — «Баллада о неудачниках» (1942), «Мой дом — моя чужбина» (1982) и «Евангелие для Ивана» (1984). Первая баллада была сочинена за несколько дней на гаубтвахте. Сочинена в уме и лишь частично была вычарована гвоздем на стенке помещения, где находилась арестантская. Она сочинена в «народном»

(вроде «Конька-горбунка» Ершова) и озорном («солдатском») стиле. Напомню, что «Василий Теркин» Твардовского нам еще не был известен. В «Балладе» описана жизнь молодых ребят во время войны в таком ее аспекте, какой обычно обходится молчанием.

Но в ней были куски серьезные. Например, такой:

Найти славные войска
Взяли с боем город Ка.
Их при этом возглавлял
Знаменитый генерал.
Взяли в плен...
И захватили...
Уничтожили... Подбили...
А сосед ворчит ехидно:
«Враг разбит! Одно обидно —
Ни потом и ни теперь
Не узнать своих потерь.
Ведь у этого урода Я
трубил почти полгода.
Он и раньше гоношил
Потянуть побольше жил,
Чтобы было потрудней, —
Им, мол, сверху, там видней.
Лишь одно, болван, вопил:
«Не жалеть, мать вашу, сил!»
А как первый бой настал,
Он тотчас в штаны наклал
И бежал в великом страхе,
Говорят, в одной рубаше.
Мы ж держали оборону
Без жратвы и без патронов.
Уцелел на пять один...
Ему — орден, новый чин.
Нас потом трясли допросом
В спецотделе по доносам:
Кто, о чем и с кем трепался,
Почему живой остался.
Описать про все про то,
Не поверят ни за что.
Да и кто рискнет — опишет,
Не подохнем мы пока,
Сколько он зазря людишек
Положил под этим Ка».

Стихотворный роман «Мой дом — моя чужбина» посвящен умонастроениям и поведению советской либеральной и фрондирующей интеллигенции в 60-е и 70-е годы XX века, т. е. накануне антикоммунистического переворота. Герой первой части — «самиздатовский» поэт, герой второй части — интеллигент, соблазнившийся благами Запада и эмигрировавший на Запад с ведома советских властей и как агент КГБ, но брошенный на произвол судьбы за ненадобностью. Смысловую суть романа я выразил словами этого персонажа так.

Как живем мы матерьяльно,
Всем известно досконально.
Но известно лишь по слухам,
Как живем мы в сфере духа.
Это даже не занятно.
И копаться неприятно
В той помойке, в коей слита
Интеллектуальная элита.
И оценят ли ханжи,
Что сие — не лужа лжи,
А ни много и ни мало,
Как грядущего начало.
В общем, долг отдавши мере,
Растолкую на примере,
Чем у мыслящей элиты
Их мозги порой набиты.

Используя поэтические средства, я описал, чем именно были набиты мозги российских интеллектуалов в те роковые годы. Поэт, оказавшийся в эмиграции, так подводит итог своей жизни там:

Постыдно жалок жизненный итог.
Я проиграл последнее сражение.
Загаженный собаками Париж, и то
Не трогает уже мое воображение.
Не верю больше искренности снов.
На самом деле все ужасно просто.
В число тобою преданных сынов
Включи, о Родина, достойного прохвоста.
Не смывать тобою брошенную грязь.
Не выблевать тобой отравленное блюдо.
Я остаюсь, о Родина, твоя родная мразь,
Твой сын родной, сиречь, родной ублюдок.

И вот как подводит итоги враг поэта интеллектуал — агент КГБ:
Пролетели три недели.
Наконец-то я при деле.
Есть зарплата. И притом
Есть у нас теперь свой дом.
На двоих три этажа.
Жалко, нету гаража.
Моя Нюшка впала в раж.
— Я с них выдеру гараж!
— Но у нас же нет авто!
— Мне, Иван, начхать на то.
Мы ж идейные борцы.
Нам положены дворцы.
В кухне слышится порою наш отборный русский мат.
Это — Нюшка заставляет мыть посуду автомат.

Не уроним нашу марку!
Одолеем кофеварку!
Хватит, товарищи, рыться
В нашем российском корытце!
Теперь перед нами открыто
Все мировое корыто!
И опять Нюшка судачит.
— Вань, у нас теперь задача:
Чтоб спокойно тут жить,
Надо Запад вооружить.
А не то наши придут,
Все богатство отберут.
Зря мы что ль с тобой страдали?!
Зря мы что ль недоедали?!

Не удивительно, что советская эмиграция отнеслась к роману крайне враждебно. И не только эмиграция.

В «Евангелие» вошли стихи, написанные для других книг. Но добавлены и новые (пожалуй, больше половины). А главное — стихи приведены в единую смысловую систему, так что получилось цельное поэтическое описание всех основных аспектов жизни русского человека, которые обычно замалчиваются или изображаются в искаженном виде. Приведу опять-таки несколько примеров на этот счет.

ОБЩАЯ МОЛИТВА

Дай мне чистой любви изведать.
И избавь от измен и мести.
Дай мне друга, с которым беды
Мы любые осилим вместе.
Разреши не кривить душою...
Зло не прятать за доброй миной.
Перед всякой чиновной вшою
Не сгибаться, а быть мужчиной.
И еще попрошу в заключение -
Разреши мне немножечко дерзости,
Чтоб в кретине не видел я гения
И не видел величия в мерзости.

ДАВ ДЕНЬ — ДАЙ ПИЩУ

Вот правило, с которым я иду:
Бог, давши день, даст и еду.
А ежели не даст, не буду я в обиде.
Я жизни рад в голодном также виде.

ЕДА ЕСТЬ ЗАКУСКА

Вот сущность моего ученья:
Не стоит у Него просить
Еду как средство насыщенья,
Проси немножко закусить.

ЗАПОВЕДЬ ОБ ОДЕЖДЕ

А что касается одежды,
О, брат Иван, оставь надежды
Одежду новую купить.
Старайся старую пропить.

О ЖЕНЩИНЕ

На что за гробом рай небесный?!
На что потомков рай земной?!
Пока живой, в каморке тесной
Хмельную ночь дели со мной!
Не Бог извечный и бескрайний,
Не Гений, зрящий сквозь века, -
Откроет жизни-смерти тайны
Вот эта женская рука.

О ЖЕНЩИНЕ

Пошли мне женщину, но только не на жизнь.
Пусть время встречи будет много уже.
Чтоб я сказать ей мог: теперя отвяжись
И уходи к давно приевшемуся мужу.

О ЖЕНЕ

Она изменит — это аксиома.
Сие ничем нельзя предупредить.
Старайся сам ее опередить,
Беги скорее сам из дома.
Другую женщину найти спеши.
Но будь готов платить за это плату.
Тогда не сможешь даже и по благу
Назад вернуть тепло ее души.

О БОГИНЕ

Пока есть жажда женских тел,
Меня ты, верю, не покинешь.
Но я не бабу, а богиню,
Хоть раз средь них узреть б хотел.

О ЖЕНЩИНЕ

Не надо богиню.
Все это — впустую.
Дай лучше мне русскую
Бабу простую.
По пьянке любая
Сойдет за богиню.
И жалко не будет,
Когда вас покинет.

О ЖЕНЩИНЕ

Поманит женщина — кидайся со всех ног.
И заключи ее в свои объятия.
Но говорю тебе опять я:
И с ней ты будешь одинок.

О ДРУГЕ

Хотя я молод, но со старой мудростью согласен.
Еще вопрос, враг или друг тебе из двух больше опасен.
Прошу тебя, мне от друзей дай хоть бы малую охрану,
Ну а с врагами я и сам сквитаюсь поздно или рано.

О ДРУЖБЕ

Не трать на это лишних слов.
Осталось мало их теперя
Сверхромантических ослов,
Кто в дружбу подлинную верят.

О СОБЕСЕДНИКЕ

Есть вещь важней одежды, секса, вкусного обеда.
Вещь эта — наша русская душевная беседа.
И потому когда назреет острая нужда
Прочь сбросить тяжких мыслей бремя,
Будь добр, мне собеседника уж дай
Терять впустую ничего не стоящее время.

МОЛИТВА О ДОМЕ

Видишь, пал я на колени —
Изможденный, драный, сырый.
Прояви благоволение,
Разрешите вопрос с квартирой.
Я совсем не избалован, буду тихим квартирантом,
Соглашусь, поверь на слово,
С самым худшим вариантом.
Без тепла пусть, пусть без света,
Пусть без кухни, пусть без газа,
Без стола и без буфета,
Даже пусть без унитаза.
Без картин пусть, без портретов,
И без прочего изыска.
Лишь бы числилася где-то
Постоянная прописка.

МОЛИТВА О СЕМЬЕ

Закон сей знает всяк дурак —
С щенка до клячи обалделой:
Спать — спи, но не вступай во брак.
А если влип, детей не делай.

Чуть что случилось, не трудись,
Не напрягая напрасно разум.
Ни дня не медля, разведись.
И подели жилплощадь сразу.
Увидеть снова не мечтай.
Ходи совсем иной дорогой.
Легко отделался, считай.
И больше тему ту не трогай.

МОЯ ПРЕТЕНЗИЯ

Одни хотят закон открыть,
Другие — в космосе болтаться,
Вожжами третьих тянет быть,
А я хочу, смешно признаться.
Чуть свет с постели не вставать,
Живот не портить бутербродом.
В час «пик» вагон не штурмовать
С кипящим злобою народом.
Над нудным делом не корпеть,
Начальству не льстить ретиво,
На общеработе не гореть
Для нужд родного коллектива,
До полуночи не торчать
На коме- и проф- и партсобрания
На сослуживцев не стучать,
Не рваться и соцсоревнованье,
Не... не... Короче говоря,
Смять позитивную картину.
И даже нос не ковырять.
И не чесать от скуки спину.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ УТЕШЕНИЕ

Когда в доме подыхает телефон,
Когда не с кем даже пару слов сказать,
Когда видишь, как друзья со всех сторон
Начинают тебя грязью поливать,
Когда в будущем не светит ни черта,
Когда незачем о помощи просить,
Когда жизни подытожена черта,
И захочешь по-звериному завывать,
Когда скулы от молчания свело,
Когда все не верят, что не виноват,
Когда видеть не хотят, как тяжело,
Лишь одно спасет тебя — наш русский мат.

ПОМНИ

Природы ход суров и строг.
Один нам всем грядет итог:

И теоретика-лжеца,
И диссидента-правдеца,
Прелюбодея-гомо сека,
И даже самого Генсека,
Шпану у винного ларька
И прохиндея из ЦеКа,
С центральной улицы стилиягу
И заводского работягу,
Энтузиаста-пионера
И без зубов пенсионера,
И мудреца, и дурака,
Уносит времени река.

ГОТОВСЬ

Готовсь! Твой скоро час пробьет.
И без излишней проволоочки
Сорвешь, как старое тряпье,
Свои земные оболочки.
Не будешь больше есть котлет
И гнусных каш с подливой рвотной.
Не будешь охмурять Джульетт
Остротой и бородкой модной.
Не вступишь больше в труд чужой
Чужую пошлую цитату.
И не ударишься в запой,
Почтив очередную дату.
Никто тебя не обдерет
Втрое за джинсы, как бывало.
И вместе с массаами вперед
Не пошагаешь к идеалу.
Отвратен этот мир. Но ты
В него уж больше не вернешься.
Из предстоящей Темноты
В мир Света ты не вознесешься.
Не нами это начато.
Такая, значит, наша участь:
С случайной жизнью отмучась,
Вернуться в вечное ничто.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ЖИВУЩЕМУ

Однажды сам себе ты скажешь, что
Осталась в прошлом жизни краткая дорога,
Что шаг всего остался до порога,
Перешагнув который станешь ты ничто.
И непонятно будет твоему уму,
Хотя ты станешь во сто крат мудрее,
Зачем молил ты время мчать скорее,
И каждый миг тянулся долго почему.

ПРЕДСМЕРТНАЯ МОЛИТВА

Сейчас настанет твой конец.
И распадутся жизни звенья.
И неспособен сам Творец
Остановить времен теченье.
В лицо Небесному Царю
Скажи такое многократно:
Что жизнь мне дал — благодарю,
Вдвойне — что взял ее обратно.

МОЛИТВА ВЕРУЮЩЕГО БЕЗБОЖНИКА

Установлено циклотронами
В лабораториях и в кабинетах:
Хромосомами и электронами
Мир заполнен. Тебя в нем нету.
Коли нет, так нет. Ну и что же?
Пережиток. Поповская муть.
Только я умоляю: Боже!
Для меня ты немножечко будь!
Будь пусть немощным, не всесильным,
Не всеведущим, не всеблагим,
Не провидцем, в любви не обильным,
Толстокожим, на ухо тугим.
Мне-то, Господи, надо немного.
В пустяке таком не обидь.
Будь всевидящим, ради бога!
Умоляю, пожалуйста, видь!
Просто видь. Видь, и только.
Видь всегда. Видь во все глаза.
Видь, каких на свете и сколько
Дел свершается против и за.
Пусть будет дел у тебя всего-то:
Видь текущее, больше — ни-ни.
Одна пусть будет твоя забота:
Видь, что делаю я, что — Они.
Я готов пойти на уступку:
Трудно все видеть, видь что-нибудь.
Хотя бы сотую долю поступков.
Хотя бы для этого. Господи, будь!
Жить без видящих нету мочи.
Потому, надрывая грудь,
Я кричу, я воплю:
Отче!!
Не молю, а требую:
Будь!
Я шепчу,
Я хриплю:
Будь же, Отче!

Умоляю,
Не требую:
Будь!!!

ЭПИЛОГ

Странички эти вы, допустим, пролистали.
И вывод сделали: мы пили лишь да о питье болтали.
И вам ясна тому бесспорная причина:
Нас извела, как пели встарь, тоска-кручина.
И следствия ясны вне всякого сомненья:
Впустую отпило и отболтало поколение.
Не спорю, было. Мы запоем пили.
Здоровье гробили. Таланты зря губили.
Вздыхали, видя мрачность перспективы.
И невозможность сущему иной альтернативы.
И все же дела суть была совсем не в этом.
Мы тем путем влеклись к божественному свету.
Нам были наши пьяные бессмысленные бредни,
Что праведнику чистые причастья и обедни.
Нам в души мутные пропойцы лишь вникали.
И их грехи мы сами щедро отпускали.
Вам всем казалось, что мы просто в стельку пьяны.
Мы ж Небо зрили через дно граненого стакана.
Трубой архангела гремела нам бутылка
И просветляла нас от пяток до затылка.
Жаль, не поймете вы: в конце концов
Исповедали этим мы религию отцов.

Поэзия, так же как и изобразительное искусство (рисование и живопись), была делом второстепенным сравнительно с тем, что я делал в логике, социологии и в прозаической литературе как в средстве изложения моих социальных и философских размышлений. По мере нарастания результатов моих социологических размышлений ослабевала и исчезла совсем потребность не только в поэзии, но и в средствах художественной литературы вообще.

Уже прекратив поэтическую деятельность, я в 2000 году все-таки решил потрянуть старинной и принял участие в сочинительстве государственного гимна России. Сочинил такое стихотворение по этому поводу.

Рухнуло братство свободных народов,
Они отреклись от дружеских уз.
По воле правителей пьяного сброда
Распался великий Советский Союз.
Нету Отечества больше свободного,
Нет братства народов на веки веков.
Есть сборище нищее люда голодного,
Хапуг, паразитов, воров, дураков.
Дурили нас западным раем свободы,
Предательству путь Горбачев проторил,
Нас Ельцин учил, как поссорить народы
В подонков и шкурников нас обратил.

И вот мы плетемся, как дохлая кляча,
Не в выси прогресса — в истории сток,
Подачки у Запада нищенски клянча,
Надеясь в душе, что поможет Восток.

Я сочинил также «нормальный» гимн на музыку советского гимна (Александрова).

Вот он.

ВЕЛИКОЙ РОССИИ ДОСТОЙНЫЕ ДЕТИ,
ДОРОГОЙ ОТЦОВ МЫ УПОРНО ПОЙДЕМ.
И В МИРНОМ ТРУДЕ, И В СРАЖЕНИЯХ СТОЛЕТИЙ
МЫ ВЕРУ В ГРЯДУЩЕЕ СЧАСТЬЕ НАЙДЕМ.

Припев:

БУДЬ, НАШЕ ОТЕЧЕСТВО,
ВЕЧНО СВОБОДНОЕ
ОТ ЧУЖЕЗЕМНЫХ
ПОЗОРНЫХ ОКОВ!
НАДЕЖНЫМ ОПЛОТОМ
БУДЬ НАМ БЛАГОРОДНОЕ
БРАТСТВО НАРОДОВ
НА ВЕКИ ВЕКОВ!

ДАНА НАМ СУДЬБОЮ НЕЛЕГКАЯ ДОЛЯ.
СЧАСТЛИВУЮ ЖИЗНЬ ОМРАЧАЕТ БЕДА.
В ЖЕСТОКИХ БОЯХ ДОСТАЕТСЯ НАМ ВОЛЯ,
БЕЗ ЖЕРТВ НЕ ОБХОДЯТСЯ ГОДЫ ТРУДА.

Припев.

И ЕСЛИ НА НАС ВНОВЬ ОБРУШАТСЯ БЕДЫ,
ПОДНИМЕМСЯ МЫ ПО ПРИЗЫВУ: «ВПЕРЕД!»
МЫ ВЕРУЕМ СВЯТО: ВЕЛИКОЙ ПОБЕДОЙ
БОРЬБУ ЗАВЕРШИТ НАШ РОССИЙСКИЙ НАРОД.

Припев.

И на этом мое поэтическое творчество закончилось.

Карл Кантор. Поэзия Александра Зиновьева

Я хотел было начать свои заметки словами «поэзия прозаика». Но это было бы неточно. Зиновьев создатель трагико-сатирической мениппеки, социологических романов, юмористических пьес, утопических антиутопий, социально-политической публицистики. Он — автор философско-логических исследований, социологических трактатов. И лишь потому, что гора, им возведенная, написана не рифмующимися короткими строками, ее можно было бы назвать прозой, а автора «Зияющих высот» следовало бы именовать «прозаиком». Но понятие «проза» прочно ассоциируется в нашем сознании с беллетристикой. А как быть, если Зиновьев одновременно и беллетрист, и ученый? Можно ли тогда его творения называть прозой? Надобен какой-то новый термин. Лукреций Кар написал свой обширный научный трактат «О природе

вещей» стихами. Познаний бездна — поэзии кот наплакал. О таких говорят: здесь простыни не смяты, поэзия здесь и не ночевала.

За неимением другого термина для обозначения написанного en mass А. Зиновьевым, воспользуюсь многосмыленным словом «проза» (прося не забывать обо всех моих оговорках), чтобы предложить более точный заголовок для своих заметок: «Поэзия квазипрозаика Александра Зиновьева». Или еще точнее «Квазипоэзия квазипрозаика». Даже словосочетание «поэзия прозаика» непривычно нашему уху. «Проза поэта» — пожалуйста! Звучит заманчиво. Уж если большого поэта потянуло на прозу, значит, талант его возмужал, раздался вширь, ему стало тесно в клетке размеров и ритмов, скрепленных болтами рифм. Стихи, рассмотренные генетически, не более чем забава юности. Кто в молодости не играл в буриме, не сочинял эпиграмм, не писал «на спор» триолеты или акrostихи? Стихотворная стихия таится в первичной, еще дописьменной речи. Поэтому только что пробудившееся сознание мыслит и чувствует стихами. Проза обыденщины, цифирь, трафареты и законы «наук» засоряют слабые роднички поэзии. И возмужавшие рифмоплеты забывают свои юношеские версификации.

И только те, в сознании которых бьют не слабые роднички, а неиссякаемые родники поэзии, те, кто и в зрелые свои годы воспроизводит в себе молодость, те, из душ которых выпорхнул махаон музы и порхает перед его глазами, становятся поэтами, чтобы с годами, Бог даст, снова перейти на прозу и квазипрозу, сохраняя свое поэтическое зрение и слух. И все же я берусь утверждать, что даже самые поэтические картины «Капитанской дочки», «Дубровского», «Повестей Белкина» уступают «Полтаве», «Медному всаднику» даже и по тому качеству, которое Пушкин требовал только от прозы: мыслей, мыслей и мыслей.

Об Александре Зиновьеве мало кто знает, что он, как и великие Пушкин и Лермонтов, начинал со стихов, но и, став ученым и беллетристом, он не в силах был с ними расстаться. В стихах его долгое время преобладала шутка, эпиграмма, розыгрыш, шарада, балагурство. Он никому не подражал, хотя в его допрозаических стихах можно обнаружить реминисценции обереутов, которых, (уже запрещенных) он, скорее всего, не знал или знал плохо. Он сам себе был обереутом. Знал Козьму Пруtkова, и сам себе был Козьмой Пруtkовым, знал сатирическую поэму о России одного из соавторов Козьмы Пруtkова — графа Алексея Константиновича Толстого. Скачет по строкам одной из его поэм «Конек-горбунок» Ершова. Он испытал влияние меланхолии Сергея Есенина, а в нецензурных стихах — матерщинника Баркова; в переводах читал Франсуа Вийона и Роберта Бернса. Как все нормальные русские, любил Пушкина и, как все «ненормальные» обожал Маяковского. В наиболее исповедальных стихах я чувствую отголоски трагико-сатирической поэзии Лермонтова, особенно его «Думы» — в них то же разочарование в современниках, в них те же горькие предвосхищения будущего. Читатель, может быть, спросит, есть ли логика в поэтических предпочтениях Александра Зиновьева? Еще какая! Нет ни одного пустомели, ни одной бездарности, ни одного аллилуйщика — все бесстрашные правдолюбы. И пусть не удивится читатель, что из всех великих и любимых самым для него великим был Владимир Маяковский — поэт Октября, поэт коммунизма, который современным предателям, пигмеям, отрекшимся от Октября, от Коммунизма, от Советской эпохи, ненавистен, как и Зиновьев. Перевертыши не могли не исказить, не оболгать, не отлучить Вл. Вл. ото всего того, выпестованного и воспетого им, что так дорого было поэту-гиганту, что так дорого и Зиновьеву, и мне, и многим другим. С Александром Александровичем и его женой Ольгой мы часами напролет читали Маяковского, читали в Москве и в Мюнхене, где в насильственной эмиграции Зиновьевы прожили многие годы. Должен признаться (решаюсь впервые): меня поразило, как много Маяковского наизусть знала Ольга и с каким понимающим чувством читала его. Когда я навещал изгнанников в Мюнхене, мы ходили по аккуратным, почти безлюдным улицам пригорода Мюнхена и наперебой читали стихотворения и поэмы Вл. Вл. не ради только поэзии • — через его стихи мы возвращались в Советский

Союз, в Москву. Поэт Наум Коржавин, думая, может быть, о ком-то другом, возможно, и о себе самом (имел право, выстрадал), сказал нам сегодня самые нужные слова, которые я отношу к Маяковскому, которого сам Коржавин не очень любил:

Нам все изменило — и средства и цели,
Но ПРАВДА все то, что мы сердцем хотели.
Пусть редко на деле она удается,
Но В ПЕСНЕ ЖИВЕТ ОНА И ОСТАЕТСЯ.

Так, в песне Маяковского Октябрь, Коммунизм, Советская власть, учение Маркса, Ленин останутся навечно. Что же удивительного, что на Зиновьева сильнейшее влияние оказал великий поэт эпохи, о которой Зиновьев сказал: «Я остаюсь навеки твой, родившая меня эпоха». Отношение Зиновьева к Маяковскому не позволяет ограничиться одной-двумя фразами. Их рассмотрение открывает непредвиденное в жизни и творчестве Ал. Ал. и обогащает таким пониманием Маяковского, какого не вычитаешь ни у одного критика, ни у одного поэта, ни у одного близко знавшего Вл. Вл. Гостя у Зиновьевых в Мюнхене, я записал три кассеты беседы с Зиновьевым о Маяковском. Сам я скрывался за вопросами. Мне важно было мнение Ал. Ал. Тринадцать лет автора «Зияющих высот» не было на родине. Без него прошла перестройка, без него менялось общественное мнение. Я рассказал Александру Александровичу, что влиятельные российские круги (писательские и околополитические) считают, что Маяковский, как апологет Советской власти, Октября и Ленина, несет ответственность за советскую катастрофу. Ответ Зиновьева следовало бы записать на скрижалях.

Он начал с себя: «Я не был ни апологетом, ни врагом режима. И в этом я сходен с Маяковским. В чем наше самое глубокое и самое принципиальное сходство? Он старше меня, но суть дела осталась. И он, и я были рождены светлыми идеалами Революции. И он, и я пережили драму разочарования в реализации этих идеалов. Я не считаю Маяковского апологетом коммунизма. А то, что воспринимается как апологетика, на самом деле есть критика нашего режима в неизмеримо большей степени, чем фрондерство других, таких как Пастернак, Ахматова, Мандельштам. Для них отношение к режиму якобы критическое было позой. Маяковский пережил трагедию революции в своем сердце. Маяковский критиковал режим не как враг, не как посторонний наблюдатель. Это был его дом, и никакого другого у него не было.

Я утверждаю и стою на этом категорически: Маяковский был и есть величайший поэт XX столетия и один из величайших поэтов за всю историю литературы. Это — гигант, это настоящий гигант. И теперешняя его травля — это буйство посредственностей против гения. Страна, которая позволяет оплевывать своих гениев, заслуживает самого глубокого презрения. Ты заметь: выбирают наиболее крупные фигуры в литературе и подвергают их такому оплевыванию, какому не подвергался ни один писатель ни в одной литературе мира. Какая страна, кроме России, могла бы позволить себе так относиться к своим гениям?! Маяковского дискредитируют не за его поэтические достижения, а за то, что он писал о Ленине, о партии, раз или два упомянул имя Сталина. Какое это отношение имеет к искусству?! Та травля Маяковского, которая ведется в России, меня оскорбляет просто как русского человека».

Я: «Что тебя привлекло в Маяковском? Почему ты его полюбил?»

З.: «Прежде всего его поэтический дар. Я не знаю в мировой поэзии никого, кого бы я мог бы поставить рядом с ним по силе поэтического дара. Все современные поэты после него не внесли в поэзию ничего принципиально нового. Второе, что меня привлекло в Маяковском — его духовная огромность, его вселенский масштаб, каким он измерял человеческую жизнь, Революцию, Советское общество, да и все другие общества планеты с иным социальным строем (Европу, США, Китай, Японию). Третье, что меня привлекло в этом гиганте — обалденная

искренность чувства. Он мог, если надо, вывернуться наизнанку, только чтобы не соврать. По искренности чувства, не считающегося ни с какими условностями, маяковскими достоинствами обладает Владимир Высоцкий»

Я: «Одно время «новомировская» элита объявила Блока Пушкиным XX века. Пастернак, хотя и не Пушкин XX века, но, по «их» номенклатуре, некто вроде Лермонтова, Блока, Пастернака, даже Мандельштама продолжают настойчиво противопоставлять Маяковскому, все достоинство, которого исчерпывается-де его агитационным басом».

З.: «Что тут сказать? Пастернак — хороший поэт. А Сергей Есенин, может быть, еще лучше. Но они не гении, нет. Раздувают значение хорошего, но не из ряда вон выходящего. Таковы повадки черни. Совсем плохого поэта возвести на трон короля поэтов стыдятся и боятся. Гения отвергают, потому что за его гигантской фигурой не будет видно, этой критической шушеры. А с хорошим (по сравнению с гением — средним) удобно: и памятник видно и тех литераторов, что с него пышь сдувают, заметно. Пастернак, Мандельштам, Ахматова, а теперь вскормленный ею Бродский — вожди армии посредственностей в своей социальной среде, как Солженицын — общероссийской».

Беседа моя с Зиновьевым была продолжительной. Она еще не вся расшифрована и, уверен, читателю будет интересно узнать со временем ее полный текст. Самое ценное, что сказал Зиновьев о Маяковском, сводится к тому, что в отличие от всех других поэтов он не писал о Революции, ОН САМ БЫЛ ее частью, ее проявлением и, без гиперболы, самой сутью РЕВОЛЮЦИИ.

Зиновьев начинал, как я уже сказал, с подражаний Маяковскому, но отложил пустое попечение. Как ОН, Ал. Ал. не мог, а эпигоном быть не хотел. Повлияли на Зиновьева лишь отчасти формальные стихоношества Маяковского — повлияло направление поисков новых жанров. И он изобретал новые или переиначивал на свой сатирический лад патетические жанры Вл. Вл.: гимны, марши, послания, молитвы. В подборке стихотворений, которую сделал сам автор, вы прочтете, удивляясь точности деталей и пойманым, как в сачок бабочкам, атмосфере наших собраний и очердеи («Гимн собранию» и «Гимн очереди»). Последний ритмически построен так, что ощущаешь колыхание живой змеи, ее недоумение, беспокойство. А как мастерски переделан «Левый марш» Маяковского в «Марш заградотряда». «Левый» означало революционный, инициативный, индивидуальный, свободный «Марш заградотряда» переворачивает все наизнанку с пугающим рефреном:

Как учил нас сам Хозяин, наш отец
Нам дозволено лупить судом и без,
Потому как мы несем с собой прогресс
Левой!

Левой!

Левой!

Правой!!!

Ты один. А мы — оравой

Среди «Посланий» удивленный читатель прочтет Послания — исповеди Дзержинского, Ленина, Сталина — Ленину, в котором Усатый унасекомливает Лысого, Послание-плач Маркса последователям, исказившим его учение. Если Маркс в XIX веке о своих добросовестных учениках произнес: «Что касается меня, то я не марксист», то в зиновьевском послании Маркса последователям Маркс, по сути дела, заявляет: «Я враг марксистов».

Для верующих дорогой подарок — книга Зиновьева «Евангелие для Ивана», написанная в форме собрания молитв. В Евангелии Иисуса Христа — канонических и апокрифических — этих молитв нет. Зиновьев — атеист. А между тем они обращены к Богу. При этом он просит у

Господа прощения за то, что веры нет в душе, за то, что не приучен молиться, а все-таки, пусть и не по церковному канону, Зиновьев молит Бога о помощи одновременно и в Богоугодных делах — прося у НЕГО сил трудиться, и в непотребных — напиться со спокойной совестью. В этой «утренней молитве», как и во всех других, ни тени богохульства. Одно то, что заготовлены молитвы на каждый поворот дневной судьбы и просит неверующий об индивидуальном устройении его во всех гнусных проявлениях гуртового советского быта, делает молитвы не механическими, не шаблонными, каковы церковные, в которых индивид нивелируется, а живыми, искренними, личными, угодными Богу. И сколько бы Зиновьев ни божился о своем неверии в Бога, одна его «Ночная молитва» стоит миллиона молитв церковных прихожан, творящих молитву как староотеческий обряд.

НОЧНАЯ МОЛИТВА

Настала ночь. И ты один.
Всем до тебя — какое дело?
И твое собственное тело
Твоей душе — не господин
Она — в бездонной высоте
В тиши, как сто громов гремящей
Во тьме, как сотня солнц слепящей,
В тягучей мчится пустоте.
И переполнит тебя страх.
Ты испытываешь вождельенье
Исполнить смутное веленье:
Исчезнуть в изначальный прах.

Как неутомимо, бесперебойно работает мозг поэта. Для человечества Страшный Суд еще впереди, а Александр Зиновьев его уже пережил многократно, ежевечерне, отходя ко сну. Пушкин не испытал такого страха, но если бы под стихами стояла подпись Александра Сергеевича, я бы поверил. Ни Тютчеву, ни Белому, ни Блоку, ни Цветаевой такое устойчивое состояние сознания не было знакомо. Понимает ли сам Александр Зиновьев, что его «Ночная молитва» могла бы быть включена в Евангелие? Более высокой похвалы не знаю.

А вот по-Маяковски написанное стихотворение «Тост» по поводу речи Сталина в честь русского народа в 1945 году, сразу после победы Советского народа над гитлеровскими захватчиками в Великой Отечественной войне. Вождю следовало его произнести. Все народы Советского Союза внесли свой вклад в победу. По числу Героев Советского Союза второе место занимали татары, третье место — евреи, ну а первое, само собой разумеется, русские. Одними убитыми русские потеряли десятки миллионов, в том числе и по вине Сталина, и миллионы попали в плен, что по приказу Сталина расценивалось как предательство и каралось десятью годами ГУЛАГа, либо расстрелом. Другой народ давно бы скинул такое правительство, а русские не только не возмущались предательской жестокостью своего Верховного Главнокомандующего, с 1939 по 1941 год сражавшегося на стороне Гитлера против западных демократий, но и пели ему осанну.

ТОСТ

Вот поднялся Вождь
в свой ничтожный рост.
И в усмешке
скривил рот

Палачей б
 своих защитил?
 Вождь поднял бокал.
 Отхлебнул вина.
 Просветлели
 глаза
 Отца.
 Он усы утер.
 Никакая вина
 Не мрачила
 его
 лица.
 Ликованием вмиг
 переполнился зал....
 А истерзанный
 русский
 народ
 Умиления слезы
 с восторгом глотал,
 Все грехи Ему
 отпустив
 вперед.

Зиновьев не упомянул буквально (а по существу сказал), за какие качества Вождь ценил русский народ, а Сталин почти дословно повторил характеристику, данную ему Лениным в статье «О национальной гордости великороссов» (заметьте: *великороссов*, а не русских, ибо к русским относятся и украинцы, и белорусы). Что же сказал Ленин?

«Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». И уже от себя Ленин добавил: «Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремления к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д.) «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам» (Ленин В. И. ПСС. Изд. 5, т. 26, ее. 107,108).

Говорят, Сталин был верный ленинец. Но те черты русского народа, которые Ленин порицал — откровенное и прикровенное рабство по отношению к Вождю-палачу, долготерпение, смирение, холуйство и хамство — Сталин прославлял и возвеличивал, противопоставляя именно эти черты свободолюбию других народов. Друг моих студенческих лет — Лен Карпинский — познакомил меня со своим стариком отцом, который переписывался с Лениным. Вячеслав Карпинский написал Ильичу, что своей статьей он принижает великорусский народ. Ленин ответил односложно: «Так надо...» У Сталина все было наоборот: он возвеличил великорусский народ не потому и не за то, что он действительно заслуживал, а потому и затем, чтобы противопоставить великороссов другим советским народам и прежде всего — евреям, в верности которых он не был уверен, хотя именно среди евреев он подобрал себе холуев и хамов для пыточных ГУЛАГа и своего личного секретариата (Ягода, Мехлис и многие другие) Долго и тщательно готовилась государственная и всенародная компания антисемитизма, которую иначе называли борьбой с безродными космополитами и сионистами. Интернационализм КПСС похоронил по первому разряду. И нынешний антисемитизм КПРФ Зюганова и Макашева —

это отрывка сталинского антисемитизма, свежие побеги которого вылезли наружу еще в 1905 году. Коммунизм без интернационализма так же невозможен, как и христианство без интернационализма. Поэтому все Зюганов ссылается на коммуниста Христа. Я бы не вспоминал об этой отвратительной кампании, если бы я сам, студент второго курса философского факультета МГУ, не оказался гонимым факультетскими холуями как безродный космополит и если бы не Зиновьев. В 1949 году, когда антисемитско-антисионистская кампания приняла всесоюзный размах и от словесных осуждений и карикатур перешли к практике — «у большевиков слово не расходится с делом», — продолжая шельмовать евреев и во всесоюзной, и в местной печати, учиняя показательные партийные собрания-судилища, на которых всякого студента или аспиранта, или преподавателя-еврея «разоблачали» как «скрытого» или «явного» космополита-антипатриота, ссылаясь при этом на ТОСТ Сталина. Евреев таскали на допросы в Дом Дзержинского, арестовывали кого-то ссылали в ГУЛАГ, кого-то расстреливали, или убивали другим способом (как Михозлса). Атмосфера в столице была гнетущая, неправдоподобная. Антиеврейская тема была в центре интересов обществественности. Своему закадычному другу я сказал, что Ленин не произнес бы сталинского тоста, предвидя последствия сомнительных здравниц в честь одного великорусского народа. Закадычный друг тут же доложил секретарю партбюро А. Ковалеву в письменном виде. «Ты действительно так сказал?» — «Да, а что?» — «Так ведь ты противопоставил Ленина Сталину. А это самое тяжкое партийное преступление». — «Товарищ Ковалев (секретарь), перечитайте статью Ленина «О национальной гордости великороссов», и Вы убедитесь, что Сталин, наперекор Ленину, восславил великороссов не за их великие достоинства, а за омерзительные недостатки. Но этого мало. Он предоставил партийным чиновникам право превратить эти холуйские черты в критерий оценки других народов. Сталин оскорбил сразу, по крайней мере, два народа — великорусский своими похвалами, и еврейский — своими беспочвенными подозрениями и клеветой». Ковалев был не дурак, все понимал, но не был таким смелым, чтобы не дать ход доносу «закадычного» друга. — «Ладно, — сказал секретарь, — на партсобрании разберемся». Вчера еще любимец факультета, я стал уродом, высокий стал недомерком, прямодушный — двурушником. В мозгах моих дорогих студиозусов щелкнул невидимый рычажок, и коллектив, упивавшийся Кантом, мгновенно превратился в ядовитый клубок змей. Не все, конечно. Рядом со мной на лекциях, собраниях, семинарах садился бывший фронтовик-очкарик худощущий Ваня Иванов. Партийная кодла, занимавшая позиции в другом углу аудитории, предупредила Ивана: «Сядешь еще раз рядом с Кантором, объявим пособником космополитов». А Ваня продолжал садиться, светлая ему память. Меня, как водится, на факультетском партсобрании исключили из партии и передали свое решение на утверждение в партийный комитет МГУ с добавлением «следовало бы исключить из университета». А еще до заседания партийного комитета встретил я в коридоре факультета Александра Зиновьева (мы уже год как дружили). До него дошла моя «персоналка». И первое, о чем он спросил с удивлением: «Карл, ты разве еврей?» Оказывается, ему ничего не говорила ни моя фамилия, ни имя-отчество, ни моя медально еврейская внешность. «Ну, а если еврей, тогда травля оправдана?» — спросил я. — «Видишь ли, — ответил А. А. — прежде, чем затравить евреев, Сталину потребовалось великорусское зло назвать великорусским добром, разбудить в душах языческих идолов» — и протянул мне свое стихотворение «ТОСТ». Сомнения мои были развеяны. Нашелся человек, который о провокационной речи вождя сказал так умно, понимающе и беззлобно, как я не умел сказать, да еще стихами, не уступающими Маяковским, да еще с кривой усмешкой — в подражании Вождю — только не над народом, а над самим Верховным Главнокомандующим. Что было бы с самим Зиновьевым, если бы эти его стихи попали в руки Самого? С Б. Пастернаком Сталин бы не советовался, что ему делать с А. Зиновьевым, как Он советовался с «небожителем» о судьбе автора

стихов о Петербурге. Мандельштам написал злую карикатуру на Сталина и его тонкошеих вождей. Писал и дрожал. И написал их колченогими словами, как в количестве писали бластные ээки, забывши, что он автор рафинированных стихов TRISTIA. А Зиновьев обнажил в «Тосте», под личиной полупокаяния и полупанегирика, клевету Вождя на великорусский народ и его тайный замысел использовать свой спич в шовинистических целях. Выделка слов Зиновьевым напоминала грузинскую чеканку по меди. Он проник в тайную канцелярию мозга Вождя. За это полагался расстрел без суда. Но о них до 1985 года никто не узнал. А на партийном комитете МГУ, собравшемся на правож Кантора, его секретарь доцент химии Прокофьев неожиданно заявил: «Человек, который читает стихи Маяковского, как читает их Кантор, не может быть нашим врагом. Его нельзя исключать из партии и отчислять из университета». Слово секретаря парткома было тогда законом (по модели секретариата ЦК КПСС). Прокофьев рисковал. Чтобы как-то себя обезопасить, он предложил ограничиться строгим выговором без занесения в учетную карточку. Я был почти спасен, *почти*, потому что до самого окончания факультета, я должен был, руководя агитбригадами среди эзков — строителей нового здания МГУ на Ленинских горах, забросив философию, ежедневно доказывать, что я «не верблюд». «Тост» Зиновьева-поэта вернул мне душевное равновесие. Значит, не я один так думаю. А теперь вывод: Зиновьев в такой же мере поэт, как и «прозаик» Он написал три стихотворные повести: «Мой дом — моя чужбина», «Евангелие для Ивана», «На Руси веселье пити», в которых патетика подпирает сатиру, где если и смеются, то по-гоголевски, сквозь слезы. Как рачительный хозяин своего словесного богатства, Зиновьев построил свои одинокие, без начала и без конца, шутки-прибаутки в свои крупные «прозаические» книги, и они, как бы ни были серьезны, подобно соленым огурцам, стали сочиться хмельным соком юмора.

Я не представляю себе великую книгу Зиновьева без венчающего ее стихотворения «Итоги». Их произносит расцветившийся герой мениппеи: шизофреник, болтун, клеветник, двурушник. Более всего они напоминают «Думу» Лермонтова, самого любимого поэта Зиновьева и наиболее близкого ему по духу. «Итоги» я воспринимаю как воскрешение душевного настроения поэта-гусара.

Печально я гляжу на наше позволение!
Его грядущее — иль пусто иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
 В бездействии состарится оно.
 Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
 Как пир на празднике чужом.
 К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны,
И перед властью — презренные рабы...
И ненавидим мы, и любим мы случайно
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви
И царствует в душе какой-то холод тайный,
 Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;

И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Какие горькие, правдивые, безысходные стихи! Какое гордое покаяние в собственной бесплодности, в довременной омертвелости чувств! У поколения пустое будущее и пустое прошлое, и жизнь сегодняшняя — не своя, а чужая, пир на празднике чужом. И ничего не остается, как спешить к гробу, потому что уже поздно оставить векам плодovitую мысль

Казалось бы, Лермонтов достиг предела пессимизма — на самом деле он только указал дорогу последних разочарований — они не были им исчерпаны.

И в последней трети XX века Лермонтову (Зиновьеву) пришлось написать по-другому. «Итоги» явились завершением «Думы».

ИТОГИ

Линии привычные чертя,
Рукам, ушам, глазам своим не веря,
Я чувствую — вопят: катись ко всем чертям!
Видали мы таких! Невелика потеря!
Невелика, когда лишь горечь за душой.
Никем не сокрушен, но никому не нужен.
Когда всему и всем всегда чужой.
Когда твой путь игольной дырки уже.
В извечной слякоти не сыщешь ясных фраз.
В трясине сырости не ощутишь опоры.
В который Посчитай!.. И не в последний раз
Пусты согласия, бесперспективны споры.
Порывы творчества — приманка для юнца.
Работа — боль от пяток до затылка.
Суть вдохновенья — ожидание конца.
Единственно бесспорная посылка.
Чего хочу? Какую нить я рву?
Куда иду? Какую радость рущу?
Свобода — шаг от камеры ко рву.
Бессмертье — червь в мою ползущий душу.

Александр Зиновьев не просто поэт, он большой поэт, без его поэзии не может быть адекватно понято все его творчество, в том числе чисто научное.

У читателя может возникнуть вопрос, почему поэзия Зиновьева столь многообразна не только тематически, но и стилистически. И почему все-таки ему потребовалось призвать на помощь поэзию? Проще всего было бы ответить — таков его дар. Но ведь и дар чем-то обусловлен? Чем же?

Нашу послеперестроечную эпоху называют *безвременьем*. Вернее было бы назвать *все-временьем*: в нем сосуществуют и детство (дикость), и юность (варварство), и мужество (цивилизация), и мудрая плодоносящая старость (история): каждое из этих времен (и состояний) выражает себя в многообразии поэтических жанров.

Спасибо Зиновьеву, что он сам подготовил к этому юбилейному изданию подборку своих стихотворений. Подборка скромная. Хорошо, если она вместе с моей короткой вводной статьей вызовет желание обратиться к стихотворным текстам собрания сочинений нашего великого современника.

VIII. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: КАРТИНЫ И РИСУНКИ

Александр Зиновьев. Назначить художником

Однажды в школе, когда мне было одиннадцать лет, меня выбрали в редколлегию стенной газеты класса и поручили «оформлять» газету, т.е. писать лозунги и заголовки статей, а также рисовать картинки. Мои товарищи пришли к такому решению потому, что я к тому времени уже привык зарисовывать все свои тетради и книги всякого рода человечками и зверюшками. Первый свой номер стенной газеты я делал очень старательно. На первом листе нарисовал Сталина. И так нарисовал, что газету через полчаса сняли, а меня чуть было из школы не исключили. Простили, учтя мой возраст, мое крестьянско-пролетарское происхождение и чистосердечное раскаяние. После этого мне вождей рисовать запретили, зато велели рисовать карикатуры.

С тех пор я рисовал карикатуры на соучеников в школе, на сослуживцев в армии, на студентов и преподавателей своего факультета в университете, на коллег по работе и вообще на всех, кто под руку попадался. Карикатур я нарисовал многие тысячи. Разумеется, я никогда их не хранил и вообще не придавал им никакого художественного значения. Позднее стал рисовать портреты знакомых и бытовые сцены. Почти все, что я сделал, исчезло. Лишь несколько сотен рисунков и картин сохранилось в частных коллекциях в Москве. Судьба их мне сейчас неизвестна.

Несмотря на мое сопротивление, моя жена Ольга решила собирать мои рисунки и картины. Ей удалось собрать несколько десятков моих работ. Незадолго до эмиграции она переслала их на Запад. Кроме того, несколько моих работ вывезли на Запад мои друзья. В эмиграции я продолжаю свою деятельность художника-любителя, но, конечно, не так интенсивно, как это делал в Москве. Очень мало времени. Да и лица западные меня как художника почему-то не интересуют. Рисую и пишу маслом лишь в порядке отдыха от литературы или, наоборот, в порядке помощи литературной работе.

Из каталога выставки в Милане, 1985.

Олег Назаров. Палитра философа

Ярким и неординарным событием культурной и общественной жизни Москвы стала открывшаяся в минувшее воскресенье (29 октября) в Центральном доме журналиста выставка «Александр Зиновьев. Полина и Ксения». Главный виновник торжества, которому именно 29 октября исполнилось 78 лет, в представлении не нуждается. Он — всемирно известный философ, социолог, логик, писатель и публицист. Автор множества работ, среди которых «Коммунизм как реальность», «Зияющие высоты», «Желтый дом», «Светлое будущее», «Глобальный человек». Список созданного Зиновьевым можно было бы продолжать очень долго, но едва ли есть необходимость.

Иное дело — Зиновьев-художник. В этом качестве он и по сей день больше известен за границей, нежели на Родине. И в том нет ничего странного, если принять во внимание факты биографии Александра Александровича. Его первая выставка состоялась в Лозанне, уже после того, как Зиновьев был выслан из Советского Союза. За Лозанной последовали Женева, Париж, Мюнхен, Авиньон, Милан. Известность Зиновьева-художника стремительно росла, о чем, однако, дружно помалкивали советские СМИ.

Организация выставки в Европе — занятие не только хлопотное, но и затратное. Зиновьев был вынужден сделать и следующий шаг, о котором поведал в личной беседе корреспонденту «Солидарности»: «Продавать мои работы стали уже на Западе. Причем мы этого вовсе не хотели. И продавали только для того, чтобы окупить расходы галерей. Ведь некоторые выставки были огромные... Выпускались очень дорогие каталоги. Владельцы галерей и за счет продаж каталогов также частично покрывали свои расходы».

На постоянное место жительства в Россию семья Зиновьевых возвратилась осенью прошлого года. В связи с этим пришлось решать массу самых разных проблем, что, естественно, мешало творческому процессу. Кроме того, имелось и еще одно обстоятельство, о котором рассказала супруга философа Ольга Мироновна: «Зиновьев, иронизируя, всегда отмахивался от звания «художник», что, как ни странно, вызывает заинтересованную реакцию как у профессионалов-критиков, так и у его поклонников... Мне же важно одно: удалось (хотя и частично) сохранить претворенную в рисунках и графике еще одну интересную грань щедрого таланта Александра Александровича».

Сохранены же эти «результаты его стремительных набегов на бумагу» (слова Ольги Зиновьевой) были, прежде всего, стараниями самой супруги писателя. И благодаря этому теперь все желающие могут открыть для себя еще одну сторону таланта А. А. Зиновьева. Выставка «Александр Зиновьев. Полина и Ксения» будет открыта по 6 ноября. И, как следует из названия, дебютирует в Москве Зиновьев не один, а в приятной компании двух младших своих дочерей. (Причем и старшая дочь Тамара по профессии художница. Однако по ряду причин ее работ на выставке нет.) Полина уже принимала участие в нескольких выставках отца, а затем удостоилась выставки в Милане, принесшей ей, 18-летней художнице, заслуженную известность. А в Париже на ее персональной выставке в 1996 году были распроданы все картины. Кроме того, Полина создала обложки к некоторым книгам Зиновьева. И вот сейчас ее работы выставлены в российской столице.

Младшая дочь Зиновьевых десятилетняя Ксения также рисует. Несколько работ юной художницы представлены на выставке. Но главная ее страсть — музыка. Зиновьев не без гор-

дости (впрочем, вполне оправданной) рассказал о дочери: «Ксения принимала участие во многих музыкальных конкурсах. В одной только Германии взяла по два первых и вторых приза. А недавно в Италии она получила международный приз, заняв первое место. Сейчас Ксения вышла в финал крупного международного конкурса в Гамбурге. Финал пройдет в конце ноября».

Ждать подтверждения справедливости сказанного Зиновьевым пришлось недолго. 29 октября Ксения продемонстрировала посетителям вернисажа свое не по годам зрелое мастерство, с блеском сыграв три разнохарактерных произведения. Тонкий музыкальный вкус, сочетавшийся с филигранной техникой исполнения, привел слушателей в неописуемый восторг. Овации долго не утихали. Без сомнения, Ксения Зиновьева — явление в музыкальной жизни страны. И ее талант вполне заслуживает внимательного и заботливого отношения.

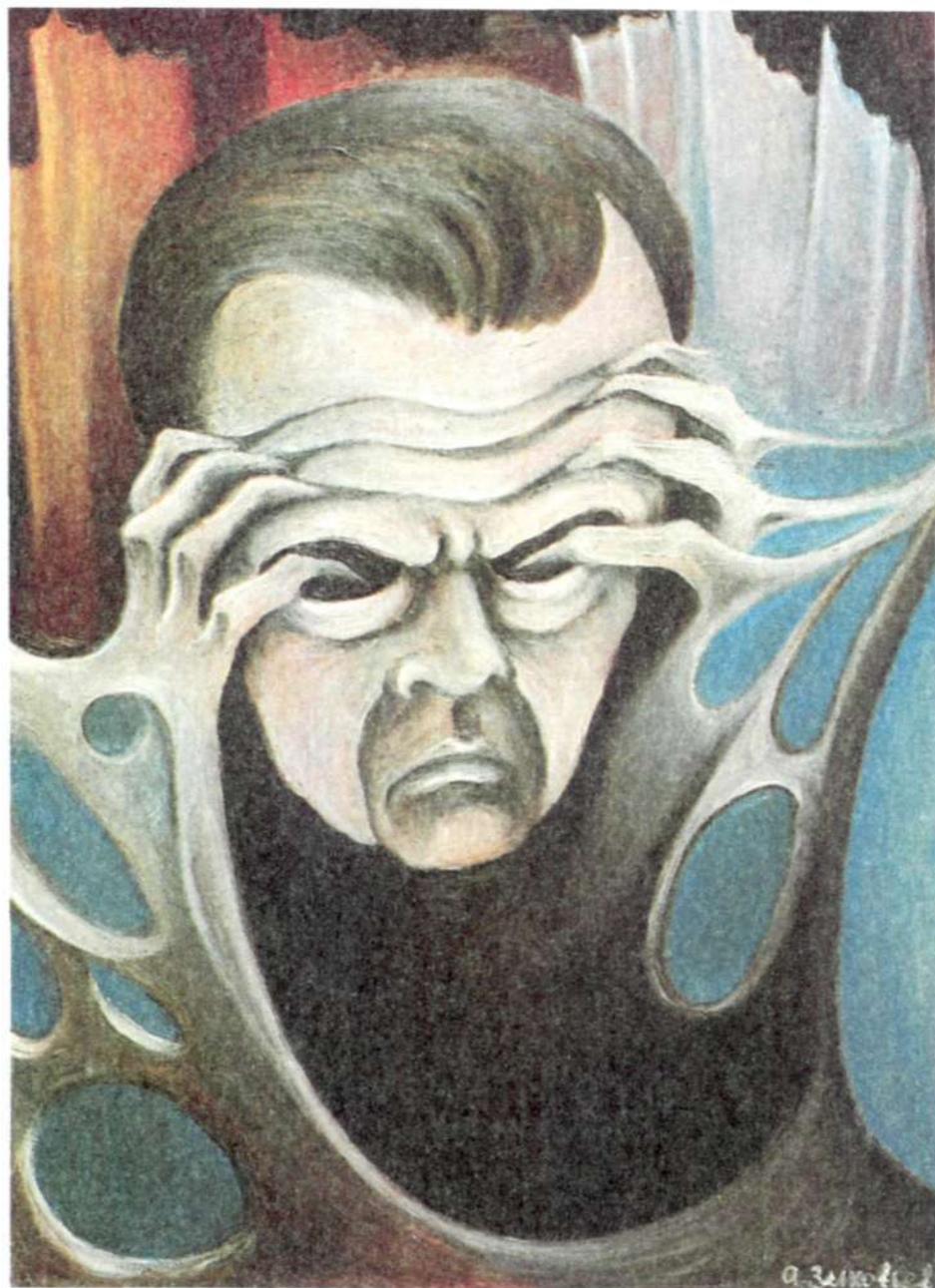
А потом звучали поздравления. С теплыми и искренними словами, адресованными как лично Зиновьеву, так и всему его семейству, поочередно обращались ученые, деятели науки и культуры, общественные деятели, политики, представители бизнеса. Среди выступавших были директор Центрального дома журналиста Анатолий Золотев, декан философского факультета МГУ Владимир Миронов, директор издательства «Центрполиграф» Игорь Лазарев, автор и ведущий аналитической программы «Постскриптум» (канал ТВЦ) Алексей Пушкив и многие другие. «Зиновьевы — олицетворение свободы», — емко и четко резюмировал общее настроение известный политик Сергей Бабурин.

Но особенно ярким стало выступление Михаила Кодина, представлявшего Московский интеллектуально-деловой клуб и Академию социальных наук. Его замечание о том, что «талантливый человек талантлив и в детях», нашло полное понимание и живой отклик у всех присутствовавших.

Ответное слово А. А. Зиновьева было коротким, но проникновенным и запоминающимся. Последняя же фраза выдающегося мыслителя современности потонула в громе аплодисментов. Зиновьев сказал: «Я люблю вас всех».

Думается, что все произошедшее воскресным вечером неотвратимо подводило к выводу: любовь Зиновьева не осталась безответной. А не это ли главное?

«Солидарность», № 40, 2000.

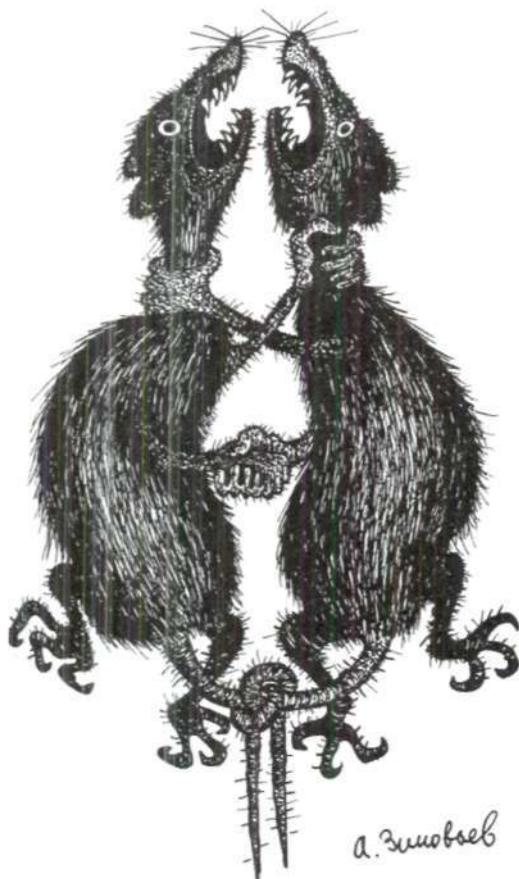
Автопортрет.

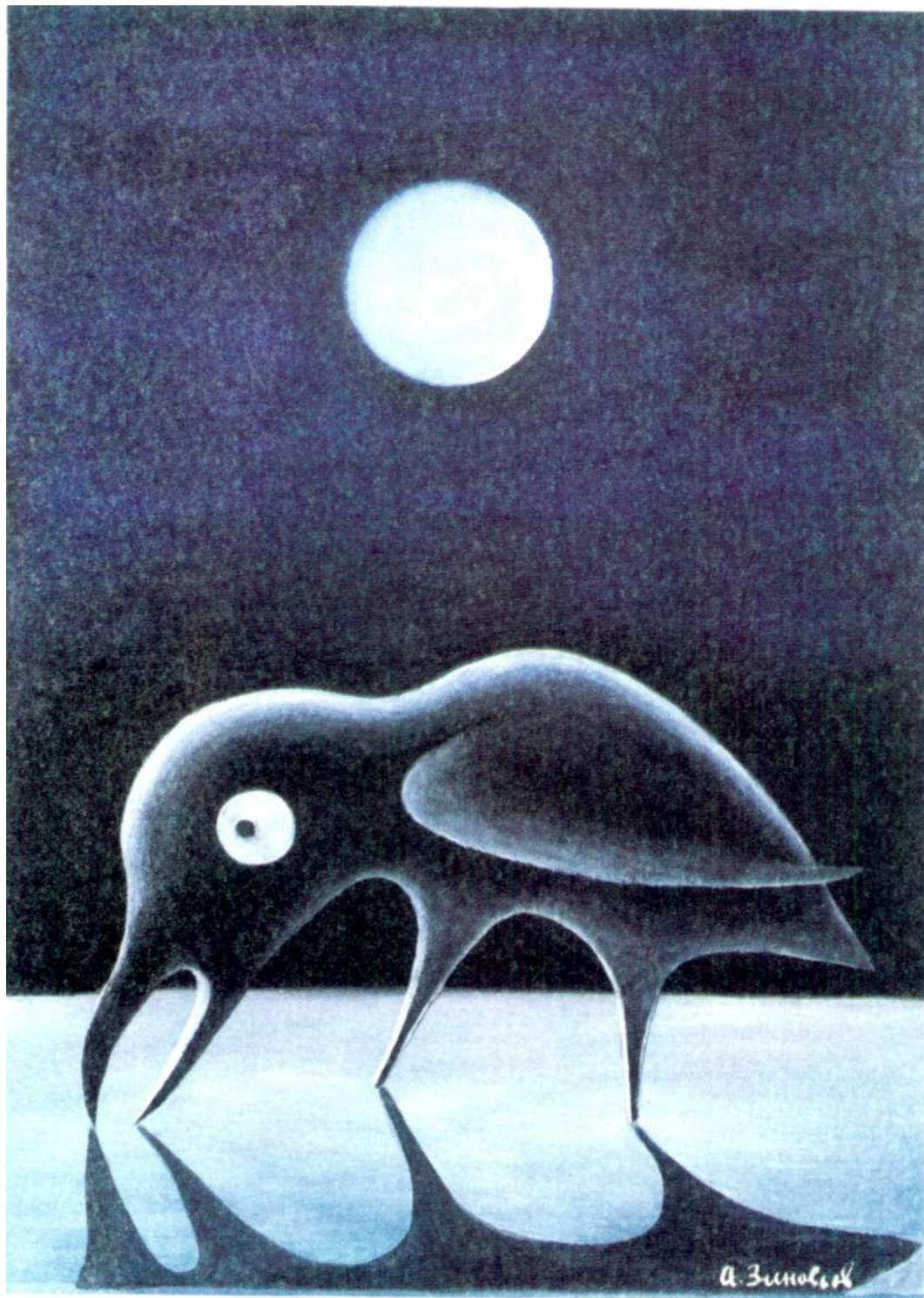
В эмиграции.

Голгофа.

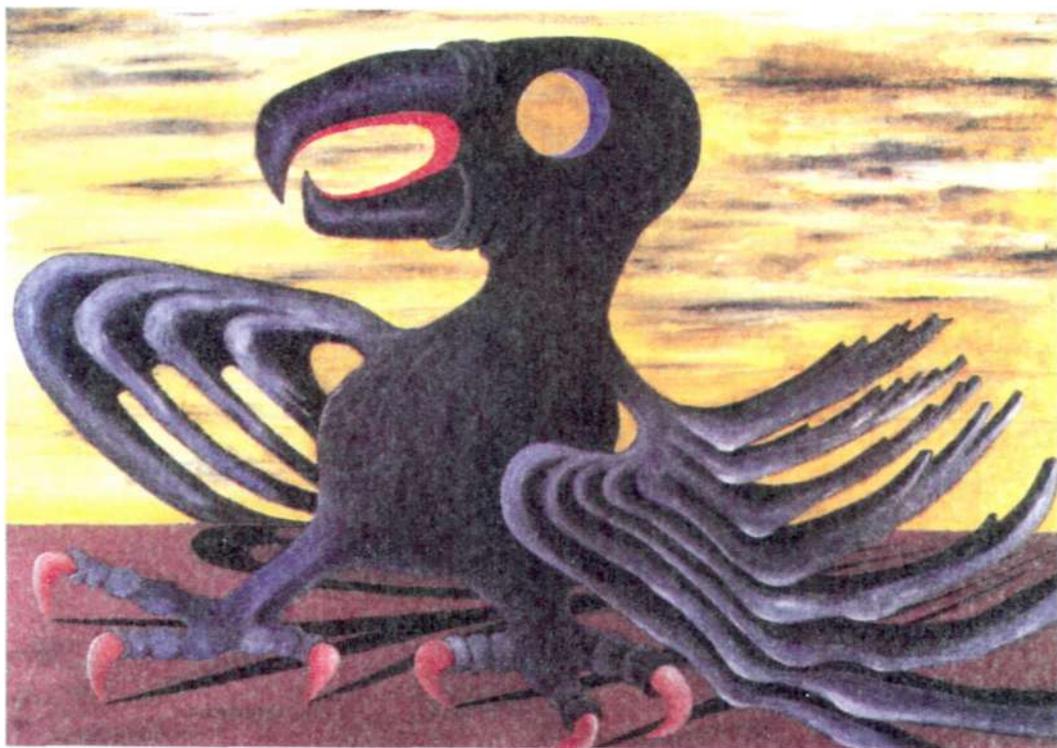
Братство народов.

Одиночество.

Честь.

Германия.

Воинствующий марксизм. Профессор
Модржинская.

Отчаяние.

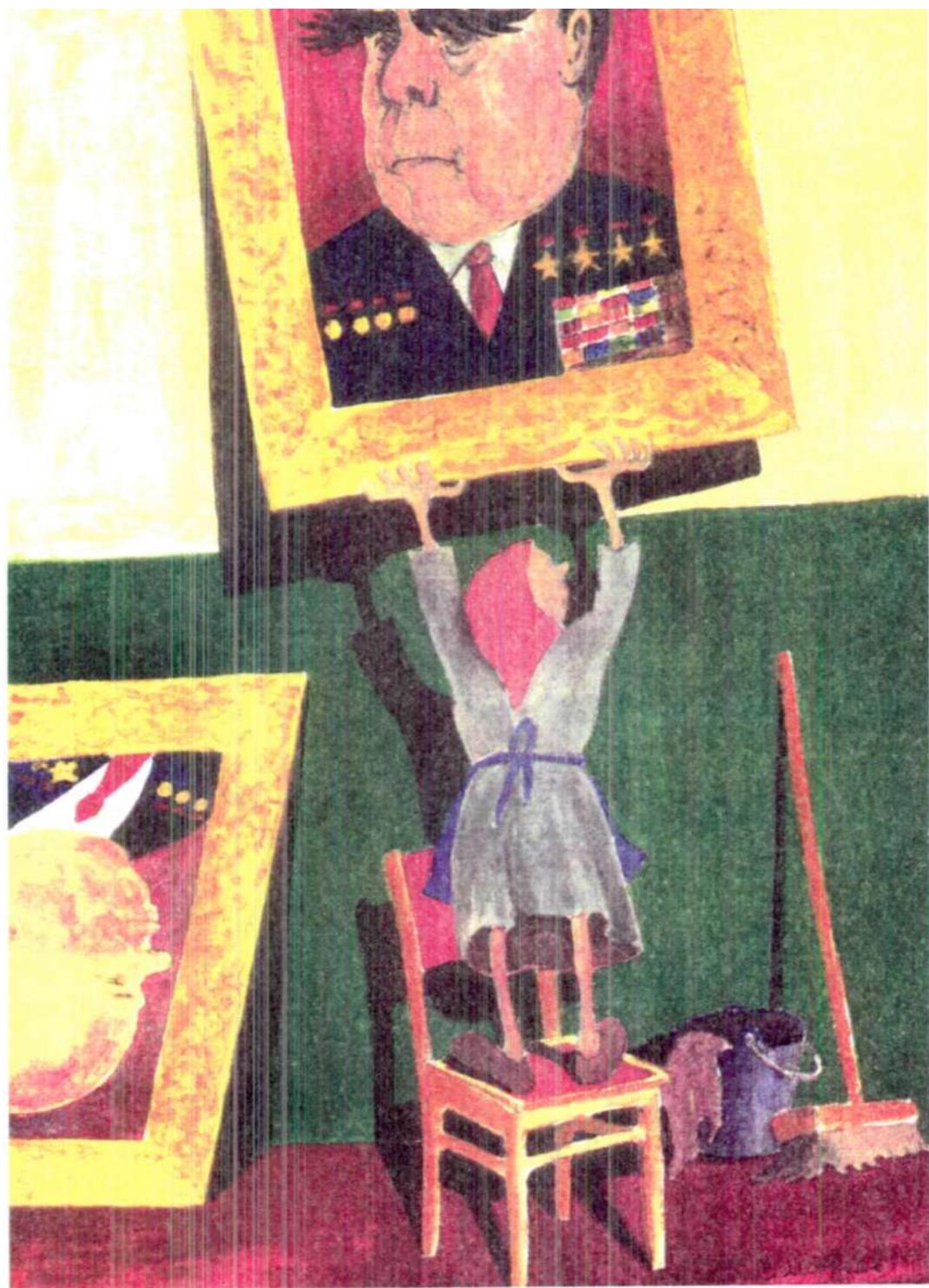
Чернобыль.

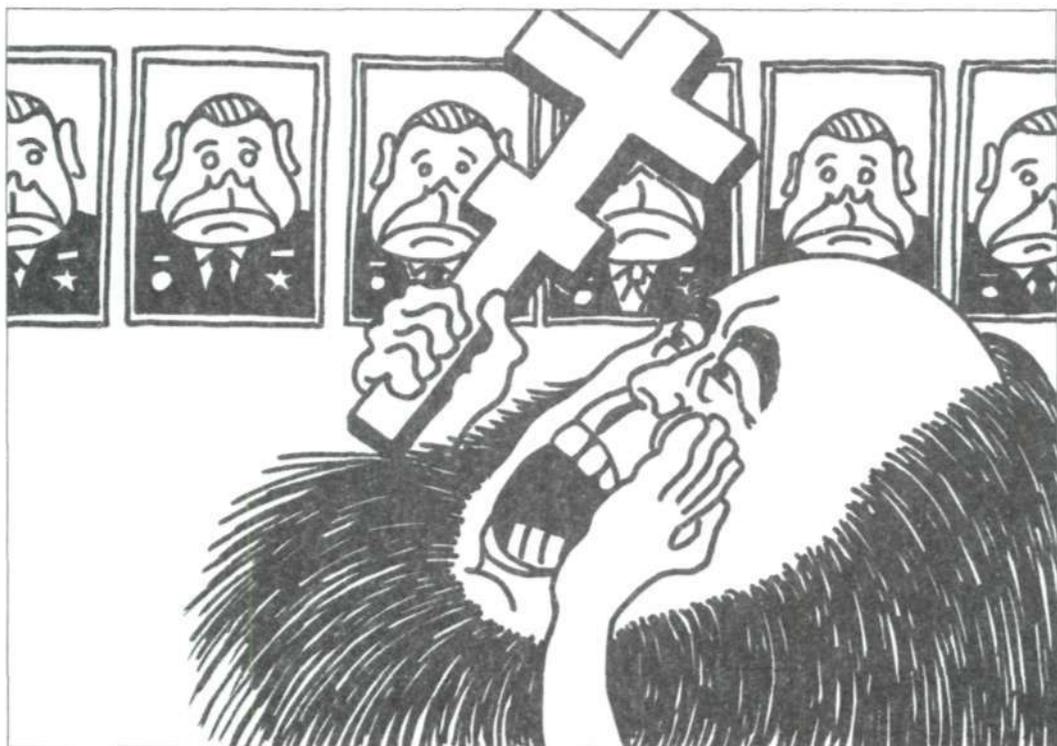
Дух города.

Город.

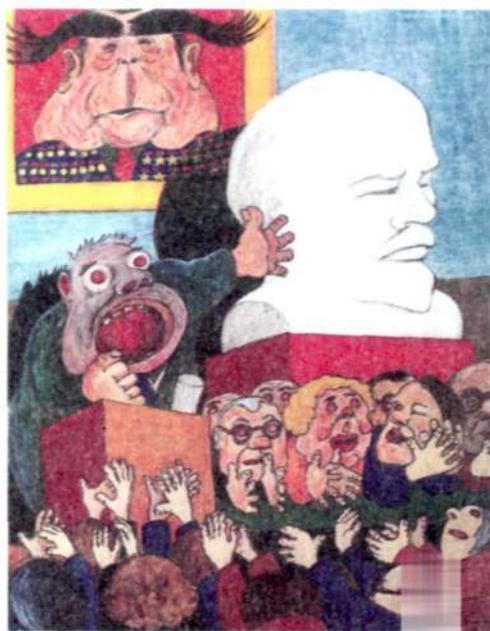
Смена руководства.

Александр Солженицын и вожди.

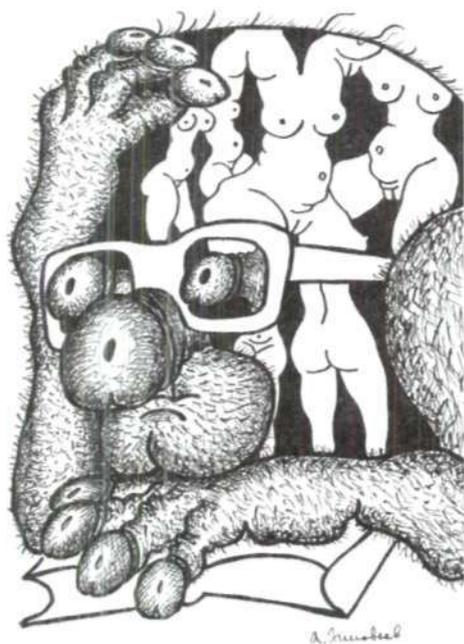
Пьедестал не вынесет двоих.

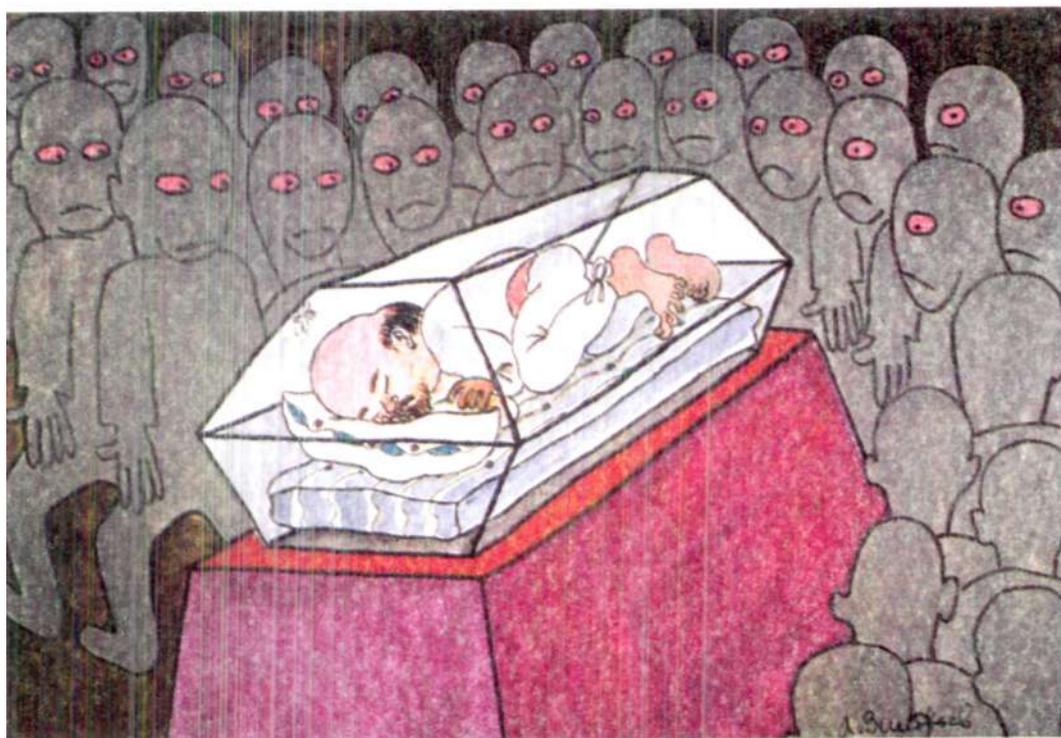
Партсобрание.

Русские «террористы».

Мыслитель из «З. В.», М. Мамардашвили.

Вечно живой.

ПАМЯТНИК
ЭПОХЕ ВЕЛИКИХ
РЕФОРМ

Зимовьев
1999.

Предтеча реформаторов.
Н. С. Хрущев.

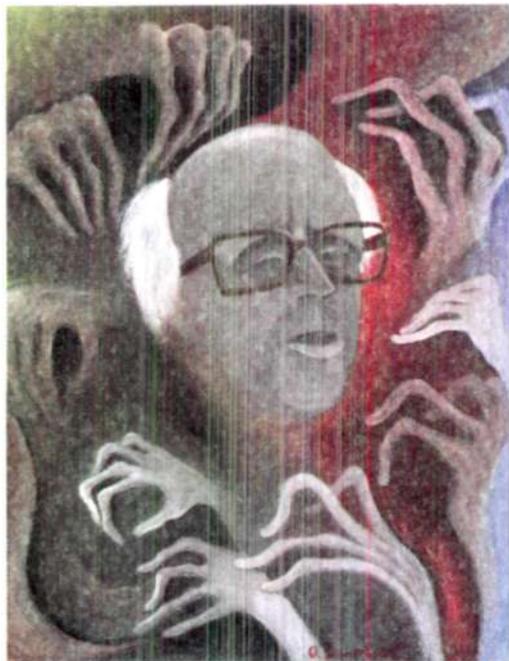
Нашествие реформ.

Новый вождь. М. С. Горбачев.

Новое мышление.

Музыка. Ростропович.

Ростропович.

В. Ашкенази.

Эрнст Неизвестный.

Владимир Войнович.

Марксизм творческий.
Академик М. Б. Митин.

Б. Грушин.

Либерал. Академик П. В. Копнин.

а. Зимовоев

Потрясатели основ.

Первая реформа.

а. Зимовоев .1986.

Ольга Зиновьева. Вместо библиографии

РЕАКЦИЯ НА ТВОРЧЕСТВО А. А. ЗИНОВЬЕВА

Творчеству Александра Зиновьева были посвящены сотни статей, монографии, главы и статьи в монографиях, всякого рода обзорные и справочные работы. О составлении полной и систематизированной библиографии, как я уже писала в моей работе в этом юбилейном томе, он никогда не думал, сохраняя лишь только то, что ему присылали сами авторы, газеты, журналы, издательства и преданные поклонники.

Понятно, что приводимые ниже выдержки из публикаций (переводы с английского, немецкого, французского и итальянского языков сделаны Полиной и мной) и неполная библиография могут дать читателю лишь самое приблизительное представление о том, какую реакцию на самом деле вызывали его произведения. Но и этой малости, как мне кажется, вполне достаточно, чтобы осознать, с каким явлением нашего времени нам, уважаемый читатель, посчастливилось жить и работать.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

Запомните это имя: раньше были Свифт, Вольтер, Гоголь, а теперь будет Зиновьев... Читать Зиновьева — это лечиться от всеобщего обледенения нашего общества.

Макс Галло
L'EXPRESS

Таких книг, как *Зияющие высоты*, появляется всего лишь несколько за столетие, если вообще это случается.

Марк Кривей,
LIBERATION

Александр Зиновьев использует бурлеск, черный юмор, трагический смех, колоссальную абсурдность и одновременно с этим он тончайше описывает во всех деталях идеологический механизм советского общества и неописуемо точно показывает кошмар повседневной жизни.

Бернар Пиво
LIRE

Александр Зиновьев дебютировал в русской литературе книгой, у которой нет прецедента и которая не поддается классификации: произведение искусства и науки, сатиры и философии,

которая сочетала романтизм художественной литературы с социологической истиной... *Зияющие высоты* были матрицей для всей последующей зиновьевской работы. В этой книге средством и формой исследования советского мира стал поток монологов, диалогов, споров, — абсурдное многоголосие, превращающееся в пародию на диалоги Платона. Эти голоса не достигли точки катарсиса — они остались клубком мнений, обнаруживающим грани единого *логоса* — логоса коммунизма, каков он есть в реальной жизни. В моменты кризиса коммунизм входит в серию модуляций своей внутренней сути, которые оказываются разновидностью трагикомического нонсенса.

Витторио Страда
CORRIERE DELLA SERA

Зиновьев любит говорить, что он «типичный советский человек». Это совсем не так. Он не является ничем и никем типичным. Можно, однако, признать, что он очень русский человек, со всей русской импульсивностью и частыми перепадами настроения. Несмотря на все это, даже среди русских Александр — очень редкая птица. Никому из них не удавалось «выращивать сразу столько плодов» и «петь столько песен». Давайте назовем его **Моцартом советской социологии**.

Чарльз Дженсон
SOVIET ANALYST

Зияющие высоты являются сегодня по всеобщему признанию одним из главных ключей к пониманию страшнейшего феномена современного общества — тоталитаризма. Переведенное во всем мире, первое грандиозное произведение Зиновьева является эпохальным явлением в мировой литературе. Бесстрашно смешивая считавшиеся ранее несовместимыми литературные стили — рассказ, поэму, очерк, — ему удалось непринужденно синтезировать новую, абсолютно оригинальную форму, в которой неразрывно связываются воедино аспекты фикции и социологии.

В своем головокружительном подходе к современному миру, в своих трагичных и бурлескных развязках Александр Зиновьев взмывает своим писательским габаритом на захватывающую дыхание высоту своей темы, темы будущего наших обществ.

Владимир Димитриевич
L'AGE d'HOMME

Велико искушение сравнить Александра Зиновьева с Рабле, Свифтом, Кафкой, что с необходимостью заставляет нас отдать дань безграничного восхищения масштабу гения, создавшего шедевр и подарившего миру абсолютно новую литературную форму, не имеющую ана-

логов и не нуждающуюся ни в каких сравнениях и определениях в силу своей полной исключительности. Тут позволительно добавить следующее: *Зияющие высоты* — это живой, незабываемый монумент эпохи, прочесть который обязан каждый из нас.

L'EXPRESS, Paris

...масштаб, амплитуда, богатство изобретательности, черный юмор и сила яркости подачи Советского Союза в этой работе создает свой собственный неподражаемый класс шедевра. .. Зиновьев препарирует это общество на мельчайшие клеточки с невозмутимым бесстрашием профессионала, делает это ярко, резко, контрастно, убедительно... Потрясающее великолепие Зиновьевского романа и героический подвиг в создании его...

Эдуард Крэнкишоу

THE OBSERVER

Зиновьев—мятежный сатирик, которого хочется сравнить с великими предшественниками прошлого века—Салтыковым-Щедриным и нашего времени—Замятиным и Булгаковым. Можно ли определить его роман как памфлет? Частично — да, но сочетание повествования, сатиры, эссе и всех литературных жанровых стилей превращает его в философский роман в духе Вольтерова «Кандида».

Франсуа Бонди

WELTWOCHE, Zurich

Блистательно и великолепно Александр Зиновьев показал, как функционирует советское общество, с такой мощностью и разящей остротой, как это до него не удавалось никакому другому советскому писателю.

Джон Ейли

THE NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

Одна из самых выдающихся книг нашего поколения.

Леонард Шаниро

Самая безжалостная вивисекция политической системы.

DER SPIEGEL, Hamburg

Еще смертельнее, чем «Архипелаг ГУЛАГ».

VRIJNEDERLAND

Предупреждающий крик, который касается тоталитарных технократов всех стран.

*FRANKFURTER ALLGEMEINE
ZEITUNG*

Всякий, кто хочет понять Советский Союз, должен принимать во внимание Зиновьева.

Филип Хэнсон

Один из самых больших современных писателей, с точки зрения чистой литературы, быть может, самый большой из всех.

*Эжен Ионеско
«РУССКАЯ МЫСЛЬ», Париж*

Впервые самое доскональное и абсолютное исследование советского режима с точки зрения рафинированного и взбунтовавшегося интеллектуала.

*Д Браун
THE WASHINGTON POST BOOK REVIEW*

Гигантский роман!

THE TIMES, London

Зиновьевская убийственная сатира, большая чем жизнь, была переведена на десятки языков мира, завоевала бурные аплодисменты литературных критиков во всем мире.

Появление этой книги — событие особой важности, а зиновьевское видение носит настолько уникальный характер, что *Зияющие высоты* могут по праву считаться живым монументом, воплощающим нашу цивилизацию.

*Клайв Джеймс
NEWSTATESMAN*

Жестокая сатира на современное закрытое общество... самое важное исследование советского строя, единственное в своем роде за послевоенное время... Я предсказываю: *Зияющие высоты* Зиновьева, написанные в самых блистательных традициях Вольтера, Свифта, Джорджа Оруэлла, — будут прочитаны миллионами людей во всем мире.

*Александр Некрич
THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS*

.. острейшая и ожесточеннейшая сатирическая атака на советскую систему, появившаяся в недрах России...

Дэвид Флойд
THE DAILY TELEGRAPH

.. абсолютно уникальная книга, широкоформатно и мощно перекрывающая без исключения все, что когда-либо до нее было написано про Советский Союз.

LE FIGARO, Paris

i

Гнет подавляющих тоталитарных институтов разоблачается ярчайшим аналитическим умом и креативным гением действительно удивительного человека в его монументальной сатире.

NEVE ZURCHER ZEITUNG
Zurich

Это не только энциклопедическое исследование советского общества, критика закрытых обществ, но и крик предупреждения и яростная защита индивидуума и человеческого достоинства, сопровождающиеся одновременно важнейшими вопросами о будущем человечества.

LE MONDE, Paris

Книга вызвала куда большую сенсацию среди русских в Советском Союзе и на Западе, чем все написанное Солженицыным.

DAILY TELEGRAPH
London

Захватывающее событие, убийственный приговор системе... гениально!.

L'ESPRESSO, Roma

Напряженнейший шахматный турнир оптимистов, утопистов, оппортунистов, ревизионистов, диссидентов, привилегированных, прагматиков, провокаторов, карьеристов, реалистов и т. д.

Критика Солженицыным марксизма советского образца была титанической работой, однако, интеллектуальнее, научнее, остроумнее и оригинальнее это было проделано Александром Зиновьевым.

Вольфганг Броер
KURIER, Men

В современной русской литературе у Зиновьева, писателя-критика, сравнить которого можно только с Рабле, Свифтом и Салтыковым-Щедриным, — нет никаких конкурентов и соперников. *Светлое будущее* самым лучшим образом предназначено подготовить читателя к встрече с *Зияющими высотами*.

Элен фон Сахно и Клаус Икерт
BAYERISCHES FERNSEHEN

Сатирический роман, заупокойная по перестройке, история расцвета и упадка города Партграда. Содержательное, веселое и занимательное повествование, наполненное до краев кусочками историческими реминисценциями.

DIEZEIT

Мощнейший сатирик, сравнить которого можно только с великими предшественниками Рабле, Свифтом, Кафкой...

DIE WELTWOCHE

Коммунизм как реальность безусловно останется книгой на века.

Ота Филип
HESSISCHER RUNDFUNK

Значительнейшим явлением последних пяти лет, получившим как на Западе, так и в России огромный резонанс, было — вне всякого сомнения — появление писателя Александра Зиновьева, которого многие справедливо ставят в один ряд с Солженицыным. И в самом деле, не было никого другого после Солженицына, кто бы с такой мощностью и убедительностью говорил о России, как Александр Зиновьев.

Юрий Мальцев
СВОБОДНАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
1955—1980 гг.

Самое критическое противостояние с советской системой, опубликованное за последние тридцать лет... Апокалиптическое видение, дискуссия с которым приводит к проблеме будущего человечества...

Феликс Филипп Ингольд
NEUE ZÜRCHER ZEITUNG

.. можно было бы назвать эту книгу сатирической новеллой, хотя, кажется, нельзя писать в этом стиле об отношениях между советской и западной системой. Даже сумасшедшая экстравагантность свифтовской фантазии не в силах пойти дальше той советской реальности, по которой так сардонически и мастерски медитировал гениальный Зиновьев...

Энтони Берджес
DAILY TELEGRAPH

Бриллиантно яркая, часто ужасно смешная, книга *Homo Sovieticus* — тревожно-будоражающая новелла, которая подтверждает репутацию Александра Зиновьева как фундаментального, оригинального мыслителя, исследователя и аналитика советской системы. Блестящий и едкий сатирик, пишущий в лучших, восходящих к Гоголю литературных традициях... Зиновьев объясняет нам, что является чем не по местонахождению на вершине, но по натуре системы как таковой...

Нора Беллофф
DAILY TELEGRAPH

Желтый дом — это экстравагантность диалога, внутреннего монолога, ядовитой поэзии, коллаж пародии и драмы — блестящая, многогранная критика советского общества, — все в совокупности отражает сложный комплекс отношения Зиновьева к предмету его любви и ненависти.

Кремль должен находить книги Зиновьева в высшей степени нервными и раздражающими, ибо подобно оводу, он не просто атакует и уничтожает советский эстеблишмент, а доводит его своим разящим жалом до этого состояния тысячами убийственных укусов.

DAILYMAIL

Леденящий душу вопль, нервная истерика и Тацитов рационально-сухой обвинительный приговор режиму. Зиновьев блистателен и беспощаден.

THE TIMES

Мир, описываемый Зиновьевым, живет в историческом пространстве, но без политики; на социологическом фоне, но без морали; будущее происходит в настоящем, — чем в совокупности и достигается убийственный эффект квазиапокалипсиса с результирующей в итоге абсолютно окаменевшей неподвижностью нарисованного автором мира.

NEWSOCIETY

- Jurg Alrwegg. *In Iwanburg, im Jahre 9974*. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1974.
- Jurg Altwegg. *Alexander Sinowjews Attache aufden Totalitarismus*. Basler Zeitung, 7.1.1978.
- J.Amarlic. *Le phenomene Zinoviev*. Le Monde. 1.7.1977.
- German Andrejew. *Im Lande der alogischen Gesetzmäßigkeiten*. Rhein-Neckar Zeitung, № 12, 1977.
- J.Barkham. *Lethal Humor*. Federal Times, June 25, 1979.
- J.Bayley. *In the land of logical absurdities*. NY Times, 24.6.1979.
- Alain de Benoist. *L'Enigme Sovietique dans leMiroir de l'Occident*. Nouvelle Ecole, N° 38.
- Vladimir Berelowitch. *Le cauchemar social d'Alexandre Zinoviev: Pouvoir etsociete sovietiques*. Annales ESC, juillet-aout, 1985.
- Vladimir Berelowitch. *A la decouverte de la realite sovietique*. Paris, fevrier 1978.
- Alan Besancon. *U.R.S.S.: quand la logique devientfolle*. Le Figaro, 8.6.1977.
- Alan Besancon. *La normalite du comunisme selon Zinoviev*. Pouvoirs, 21, 1982.
- Horst Bienek. *Neues aus dem Landlbansk*. Der Spiegel, 14, 1981.
- F.Bondy. *Die beiden Alexander*. Die Weltwoche, 29.12.1983.
- F.Bondy. *Solschenizyn, Sinowjew und die Gewifiheit*. Sudddeutsche Zeitung, 14—15,4, 1984.
- Salsa Bertin. *Entretien avec... Alexandre Zinoviev*. Le spectacle du MONDE, novembre, 1999.
- D.Brown. *Soviet Satyricon*. The Washington Post, 1.7.1979.
- Anthony Burgess. *Piles and dialectics*. The Observer, 29.3.1981.
- Anthony Burgess. *Vodka pipeline*. The Observer, 17.3.1985.
- Bruno de Cessole. *Leplus antistalinien des dissidents c'est Zinoviev*. Hebdo, 26, 1984.
- W.Daneil. *We andZinoviev: apolitical view* in Hanson, P. and Kirkwod, M. (eds.), ALEXANDER ZINOVIEV AS WRITER AND THINKER: An Assessment (London:Macmillan), pp.145—53, 1988.
- Jean-Paul Einthoven. *Zinoviev ou Soljenitsyne?* Le Nouvel Observateur, 5.7.1980.
- J.Elster. *Irrational politics*. London Review of Books, 21.8.—3.9.1980.
- J.Elster. *Negation active et negation passive*. Archives Europeennes de Sociologie, 1980.
- J.Elster. *Studies in the Subversion of Rationality*. Cambridge, 1985.
- J.Elster. *Psychologiepolitique (Veyne, Zinoviev.Tocqueville)*. Les Editions de Minuit, 1980.
- Jean-Louis Ezine. *Lafolie Zinoviev*. Le Nouvel Observateur, 8.3.1990.
- F.Fassio. *Alexandre Zinoviev*. Paris, 1988.
- F.Fassio. *La Nature du Communisme selon Alexandre Zinoviev*. Paris, 1991.
- L.Forrest. *An indictment of the Soviet system via Rabelaisian Satire*. Chicago Tribune Book World, 17.6.1979.
- N.Franz. *Komposition undStilvonA.Zinovievs "Zijajuscie vysoty"*, in Franz, N. and Meichel, J. (eds.). RUSSISCHE LITERATUR DER GEGENWART (Mainz: Liber Verlag), p. 33—60, 1986.
- R.Freeborn and J.Grayson (eds.) *Ideology in Russian Literature*. London:Macmillan, 1990.

- M.Gallo. *Alexandre Zinoviev: Goulag 9974*. L'Express, 7.1977.
- A.Hamilton. *The gloomy logic of an accidental dissident*. Times, 19.1.1984.
- Philipp Hanson. *Alexander Zinoviev*. Survey, 26.1.1982.
- Philipp Hanson. *Alexander Zinoviev on Stalinism: some observations on THE FLIGHT OF OUR YOUTH*. Soviet Studies, 1.1.1988, 125—35.
- Philipp Hanson. *Property rights in the new phase of regions*. Soviet Economy, 6,2 (April-June) 1990, 95—124.
- Michel Heller. *The Soviet Swift*. Survey, 3.1978.
- Michel Heller. *La nostalgie de la zone*. Esprit, Paris, avril 1983.
- Michel Heller. *Mashina i vintiki*. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985.
- H.Herbert. *The logic of an unpersons cosmos*. The Gardian, 2.5.1981.
- R.Highley. *A Russian satiric masterpiece*. Spectator, 28.4.1979.
- Sidney Hook. *The myth of necessity*. TLS, 6.4.1984.
- Geoffrey Hoskin. *Mediocrity for the millions*. The Times Literary supplement, London, 23 mai 1980.
- Geoffrey Hoskin. *Moralism versus science*, in Hanson, P. and Kirkwood, M. (eds.), ALEXANDER ZINOVIEV AS WRITER AND THINKER. London: Macmillan, p. 173—8, 1988.
- Geoffrey Hoskin. *In the space between the slogans*. Times Literary Supplement, London, March 17, 1981.
- Erhard Hutter. *Homo Sovieticus*. Integral, 1—2, 1983.
- Erhard Hutter. *Unerwünschter Logiker*. Die Weltwoche, 4.5.1977.
- F.Ph.Ingold. *Im Vorhofzum Parodies*. NZZ, 9.10.1979.
- F.Ingold. *Der Sowjetkommunismus—Funktion oder Realitat? Hinweis aufAlexandre Sinowjew*. Merkur, v.36, no 4, 1982.
- C.James. *Laughter in the dark*. The New York Review of Books, 1980.
- Charles Janson. *A Hero of our Time*. Soviet Analyst, 11, no 9, 1980.
- Charles Janson. *Zinoviev on Paradoxes of Stalinism*. Soviet Analyst, 12, no 19, 1983.
- Charles Janson. *Alexander Zinoviev: Experiences of a Soviet Methodologist*, in Hanson, P. and Kirkwood, M. (eds.), ALEXANDER ZINOVIEV AS WRITER AND THINKER. London: Macmillan, pp.10—24, 1988.
- Wolfgang Kasack. *DerPhilosoph als Satiriker*. NZZ, 19—20.3.1977.
- Michael Kirkwood. *Alexander Zinoviev*. London, 1993.
- Michael Kirkwood. *Elements of structure in Zinoviev s ZHELTYI DOM*. Essays in Poetics, 7.2.1982, p. 86—118.
- Michael Kirkwood. *Osnovy zinovievizma*. Journal of Russian Studies, 46, 1983, pp. 39—48.
- Michael Kirkwood. *Notes on the structure of Alexander Zinoviev's ZHAIUSHCHIE VYSOTY*. Scottish Slavonic Review, 8, 1987, pp. 91—108.

Michael Kirkwood. *Ideology in the works of A.A.Zinoviev*, in Hanson, P. and Kirkwood, M. (eds.), *ALEXANDER ZINOVIEV AS WRITER AND THINKER*. London: Macmillan, pp. 44—60, 1988.

Michael Kirkwood. *Stalin and Stalinism in the works of Zinoviev*, in Hanson, P. and Kirkwood, M. (eds.), *ALEXANDER ZINOVIEV AS WRITER AND THINKER*. London: Macmillan, pp. 179—199, 1988.

Michael Kirkwood. *Alexander Zinoviev: seer or scientist?*, in Freeborn, R. and Graysons, P.J. (eds.), *IDEOLOGY IN RUSSIAN LITERATURE*. London: Macmillan, pp. 174—187, 1990.

Michael Kirkwood. *The novel approach of A.A.Zinoviev in McMillin*, A.B. (ed.), *FROM PUSHKIN TO PALISANDRIA*. London: Macmillan, pp. 216—228, 1990.

Michael Kirkwood. *Will the real Alexander Zinoviev please standup?* *Rusistika*, 11, 1995.

Jean-Luis Kuffer. *La verite sur des lendemains qui dechantent*. *Construire*, 1.6.1977.

Gabriel Laub. *Ran an den Kuchen*. *Stiddeutsche Zeitung*, 12.10.1979.

J.Leonard. *A masterpiece of Russian Satire*. *New York Times*, 10.6.1979.

T.Mianowicz. *Zhivopis' Alexandra Zinovieva*. *Kontinent*, no 42, 1984.

Bernadette Morand. *Orphee et leprophete*. *La Revue nouvelle*, Bruxelles, Janvier 1979.

W.Moskovich. *Alexander Zinoviev's language*, in Hanson, P. and Kirkwood, M. (eds.), *ALEXANDER ZINOVIEV AS WRITER AND THINKER*. London: Macmillan, pp. 89—104, 1988.

VNagirnyi. *Aleksandr Zinoviev kak sovetskii chelovek: Kritik Stalina Hi apologet stalinizma?*, *Forum*, 10, 1985, pp. 115—141.

Aleksandr Nekrich. *Inside the Leviathan*. *The New York Review of Books*, 1977.

Georges Nivat. *Alexandre Zinoviev*. *Encyclopaedia Universalis*, Paris, 1978.

Georges Nivat, R.Kembell. *Sinowjew, ein Meteorit*. *NZZ*, 16—17, 12, 1978.

Georges Nivat. *L'Univers d'Alexandre Zinoviev*. *Le Monde*, 3.9.1981.

Georges Nivat. *Vers la Fin du Mythe Russe*. *L'Age d'Homme*, 1982.

Georges Nivat. *Alexandre Zinoviev, logicien, feroce, demonte les rouages d'une societe sans futur*. *Samedi litteraire*, 11/25.6.1977.

Georges Nivat. *L'etat Zinoviev*. *L'Express*, 19.4.1985.

Piero Ostellino. *Il russo che nonpuo venire a Roma*. *Corriere della Sera*, 24.9.1976.

Sylvaine Pasquier. *Elsine — Zinoviev: duel chez Pivot*. *L'Express*, 9.3.1990.

Alan Peyrefitte. *Les esprits justes*. *Le Figaro*, 1.7.1982.

P.Petro. *A Zinoviev's THE YAWNING HEIGHTS as an anatomy*. *Canadian Slavonic Papers*, Vol.XXIII.No 1 (March) 1981, 70—6.

B.Plaskacz. *L'Allegoriedu ratorium dans LES HAUTEURS BEANTESde A.A.Zinoviev*. *Slavica Candensia*, 9.1982, 83—90.

Elisabeth M.Pollock. *A comic time, a cosmic joke*. Columbia University, 1991.

Adalbert Reif. *Zinoviev Opina de la Reunion Cumbre*. *El Mercurio*, Santiago-de-Chile, Domingo 24de Ene rode 1988.

- J.-F.Revel. *Dieu est-il soviétique!* Le Point, 9.6.1986.
- M.Robin. *L'Antichambre du Paradis*. Paris, 1992.
- R.Roche. *Le travail de la citation chez Alexandre Zinoviev*. Essais sur le discours soviétique, Vol. III, 136—4, 1982.
- J.Rolland. *Ibanskou l'epoque de la technique*. Exercices de la patience, *M* (Spring) 233—54, 1982.
- Michael Rosten. *L'Homo Sovieticus*. La libre Belgique, 6.7.1983.
- Anne-Marie Roviello. *La mécanique de l'oppression*. Esprit, 1981.
- Anne-Marie Roviello. *Zinoviev observateur, théoricien et moraliste*. Esprit (March) 83—8, 1983.
- Claude Roy. *Gulliver aupays des Soviets*. Le Nouvel Observateur, 30.5.1977.
- A.M.Sala. *La Visione etico-freligiosa in/DINA GOLGOFU di A.Zinoviev*. Milano, 1995.
- Daniel Salvatore-Schiffer. *L'illusione Gorbaciov*. Class, Anno III, n. 10 Ottobre 1988.
- Dmitri Savitski. *Zinoviev, les lettres urssanes*. Liberation, 1.8.1987.
- Jutta Scherer. *Soziologische Satire oder satirische Soziologie?* Merkur, n 336, 1978.
- Jutta Scherer. *Über Alexandre Sinowjew*. Merkur, 1978.
- Christian Schmidt-Hatier. *Das sind die Russen*. 1982.
- Claude Schwab. *Alexandre Zinoviev. Resistance et lucidité*. L'Age d'Homme, 1984.
- Jtirgen Serke. *Die verbrannten Dichter*. Albrecht Knaus Verlag, 1982.
- Nobui Shimotomai. *Geidarosen no seizi to bunka*. Misuzu, 1978.
- G.Smith. *The poems in YAWNING HEIGHTS*, In Hanson, P. and Kirkwood, M. (eds.), ALEXANDER ZINOVIEV AS WRITER AND THINKER. London: Macmillan, p. 71—88, 1988.
- B.Sorokin. *Aleksandr Zinoviev. ZIIAIUSCHIE VYSOTY*, Slavonic and East European Journal, 24, 3 (Fall) 303—6, 1980.
- Helen von Ssachno. *Zinoviev's Masterpiece — News from Nowhere in Ibansk*. Encounter, Vol. XLVIII, No. 5, 83—85, 1977.
- Vittorio Strada. *L'Antimondo di Zinoviev*. Corriere della Sera, 24.9.1985.
- Vittorio Strada. *Il profetico Zinoviev e la rivoluzione di Gorbaciov*. Corriere della Sera, 15.9.1986.
- Vittorio Strada. *Zinoviev c'era una volta l'Umanita*. Corriere della Sera, 30.12.1997.
- Lucjan Suchanek. *Homo sovieticus, Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa*. Krakow, 1999.
- Valerij Tarsis. *Ibansk— was ist das?* Zeit Bild, Bern, 23.3.1977.
- Paul Thibaud. *Zinoviev et Soljenitsyne*. Esprit, Paris, mai 1980.
- D.M.Thomas. *Inside the Asylum*. The Observer, 3.8.1986.
- Georges Urban. *Portrait of a dissenter as a Soviet man*. Encounter (April) 8—24, 1984.
- V.Valius. *Razmyshleniia nad tekstom*. Dvadtsat' dva, 27, 182—205, 1986.
- Simone Veil. *Hommage a Alexandre Zinoviev*. Commentaire, 20, 1983.
- A.Venturi. *Nel labirinto di Alexandr Zinoviev*. La Stampa, 5.6.1985.
- Nicole Zand. *Zinoviev et la logique de la KATASTROIKA*. Le Monde, 9.3.1990.
- V.Zheliagin and N.Popov. *Svetloe budushchee*. Posev, 8, 33—7, 1978.

- Герман Андреев. *О сатире Зиновьева*. «Одна или две русских литературы?». Международный симпозиум в Женеве, 13—15.04.78. Изд-во L'Age de l'Homme, 1978.
- В. Бетаки. *Между лозунгом и мусорщицей*. Континент, № 17, с. 355.
- Владимир В.Большаков. *Эмиграция: вопросы к самим себе*. Правда, 16.1.1989.
- П. Вайль, А. Генис. *Вселенная без мозжечка*. Время и мы, 1977, № 4.
- П. Вайль, А. Генис. *Заговор против чувств*. Современная русская проза. Нью-Йорк, 1982.
- Борис Велицын. *Мятежник и его семья*. День литературы, февраль, 2001, № 2.
- Михаил Геллер. *Отщепенец — это звучит гордо*. Русская мысль, 05.04.1979, с. 5.
- Михаил Геллер. *Тоска по зоне*. Обозрение. Аналитический журнал «Русской мысли». Декабрь 1982, с. 4.
- Леонид И. Греков. *Александр Зиновьев — кто он? Предисловие к книге ПОСТ-КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РОССИЯ*. М., 1996.
- Леонид И. Греков. *Глобальный человек как Зияющие высоты Запада*. М., 1997.
- Абдусалам А. Гусейнов. *Правда о Западе*. Новая Россия, № 1, 1996.
- Абдусалам А. Гусейнов. *Новая книга Александра Зиновьева*. Новая Россия, № 4, 1997.
- Нелли Гутина. *Александр Зиновьев — писатель из «светлого будущего»*. Новая панорама, Израиль, 18.6.1989.
- Л. В. Давыдова. *Мужество знать*. Пятигорск, 2001.
- В. Желягин, Н. Попов. «Светлое будущее». Посев, 1978, № 8, с. 33.
- М. Иоффе. *Зиновьевский парадокс*. Новое русское слово, 26.12.1984.
- Карл М. Кантор. *Я — это государство. Послесловие к русскому изданию ЗИЯЮЩИХ ВЫСОТ*. М., 1990.
- Карл М. Кантор. *Сияющая высота словесности*. Октябрь, 1991, № 1.
- Карл М. Кантор. *Путь цивилизации — каков он?* Вопросы философии, 1992, № 11.
- Карл М. Кантор. *Моцарт социологии*. Правда, 29.10.1997.
- Карл М. Кантор. «Мистерия-буфф» Александра Зиновьева. Книжное обозрение, 1999, № 1, 11.
- Иосиф Косинский. *Анализ, прогноз, предостережение*. «Новое русское слово», 26.08.88, с. 5.
- Раиса Лерт. *Подступы к ЗИЯЮЩИМ ВЫСОТАМ*. Поиски, 1980, № 2.
- Л. В. Лесова. *Александр Зиновьев: «Я сам есть суверенное государство»*. Материалы IV Всероссийской научной заочной конференции. Екатеринбург, Изд-во Уральского университета, 2001.
- М. Михайлов. *Вперед, войне навстречу*. Континент, № 24, с. 363.
- Инар Мочалов. *Человек — государство*. Родина, 1999, № 10.
- К. Померанцев. «Иди на Голгофу». Опубликовано в журнале «Континент».
- Евгений Пономарев. *Ното postsoveticus*. Бюллетень Русской библиотеки Толстовского фонда, сентябрь 1999, № 112, с. 11.

М. С. Пуиг. *Художественные средства на службе авторской идеи. На материале произведения А. Зиновьева ЗИЯЮЩИЕ ВЫСОТЫ*. Мадрид, 1990.

Наталия Рубинштейн. *Сказание о земле ибанской*. Время и мы, 1977, № 4.

Кира Сапгир. *В фокусе вогнутого зеркала*. Континент, № 35, с. 388.

• Валентин И. Толстых. *Вы что, боитесь Зиновьева?* Независимая газета, 29.10.1992.

Андрей И. Фурсов. *Излом коммунизма*. Русский исторический журнал, 1999, № 2, том II.

Ю. Черный. *Социология как строгая наука*. М., Московский Университет, сентябрь 1999/май 2002 г., № 20.

Сергей Юрьенен. *Александр Зиновьев — книга вторая*. Третья волна. Альманах литературы и искусства. Изд-во «Третья волна», 1979, с. 130.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Александровичу Зиновьеву — 80 лет.....	5
Феномен Зиновьева.....	6
Биографическая справка.....	7
Справка о научной деятельности А. А. Зиновьева.....	8
I. ФОРМУЛА ЖИЗНИ.....	13
<i>Александр Зиновьев. Формула жизни.....</i>	<i>13</i>
<i>Александр Зиновьев. Зиновьяога.....</i>	<i>18</i>
<i>Карл Кантор. Я — это государство.....</i>	<i>23</i>
<i>Владимир Большаков. Государство из одного человека.....</i>	<i>25</i>
<i>Андрей Фурсов. О великом вопрекисте.....</i>	<i>40</i>
II. ЛОГИКА.....	65
<i>Александр Зиновьев. Комплексная логика.....</i>	<i>65</i>
<i>Хорст Вессель. Логические исследования Александра Зиновьева.....</i>	<i>72</i>
<i>Юрий Солодухин. Реформатор логики.....</i>	<i>78</i>
<i>Александр Ивин. Комплексная логика А. А. Зиновьева.....</i>	<i>86</i>
III. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА.....	98
<i>Ольга Зиновьева. Александр Зиновьев: творческий экстаз.....</i>	<i>98</i>
<i>Карл Кантор. Сияющая высота словесности.....</i>	<i>131</i>
<i>Карл Кантор. «Мистерия-Буфф» Александра Зиновьева.....</i>	<i>138</i>
<i>Петр Вайль, Александр Генис. Заговор против чувств.....</i>	<i>141</i>
<i>Герман Андреев. О сатире Зиновьева.....</i>	<i>152</i>
<i>Василий Бетаки. Между лозунгом и мусорщицей.....</i>	<i>154</i>
<i>Михайло Михайлов. Вперед, войне навстречу.....</i>	<i>157</i>
<i>Кира Сатир. В фокусе вогнутого зеркала.....</i>	<i>160</i>
<i>Кирилл Померанцев. «Иди на Голгофу».....</i>	<i>163</i>
<i>Сергей Юрьенен. Александр Зиновьев — книга вторая.....</i>	<i>165</i>
<i>Михаил Геллер. Тоска по зоне.....</i>	<i>167</i>
<i>Михаил Геллер. Отщепенец — это звучит гордо.....</i>	<i>174</i>
<i>Иосиф Косинский. Анализ, прогноз, предостережение.....</i>	<i>177</i>
<i>Марк Зальцберг. Литературные параллели.....</i>	<i>181</i>
<i>Евгений Пономарев. Homo postsoveticus.....</i>	<i>186</i>
IV. СОЦИОЛОГИЯ.....	195
<i>Александр Зиновьев. Состояние социальных исследований.....</i>	<i>195</i>
<i>Александр Зиновьев. Логическая социология.....</i>	<i>204</i>
<i>Александр Зиновьев. Человейник.....</i>	<i>210</i>
<i>Александр Зиновьев. Коммунизм.....</i>	<i>216</i>
<i>Александр Зиновьев. Западнизм.....</i>	<i>231</i>
<i>Абдусалам А. Гусейнов. Об Александре Зиновьеве и его социологии.....</i>	<i>243</i>
<i>Карл Кантор. Моцарт социологии.....</i>	<i>260</i>
<i>Карл Кантор. Путь к цивилизации — каков он?.....</i>	<i>262</i>

V. ИДЕОЛОГИЯ.....	273
<i>Александр Зиновьев. О марксизме.....</i>	273
<i>Александр Зиновьев. Солома для утопающих.....</i>	281
<i>Майкл Керквуд. Идеология в произведениях А. А. Зиновьева.....</i>	288
<i>Валентин Толстых. Вы что, боитесь Зиновьева?.....</i>	298
<i>Леонид Греков. Александр Зиновьев и русский вопрос.....</i>	303
VI. ПУБЛИЦИСТИКА.....	309
<i>Александр Зиновьев. Глобализация как война нового типа.....</i>	309
<i>Александр Зиновьев. Постсоветизм.....</i>	315
<i>Александр Зиновьев. Коммунизм и посткоммунизм.....</i>	321
<i>Олег Назаров. А. А. Зиновьев как публицист.....</i>	339
VII. ПОЭЗИЯ.....	345
<i>Александр Зиновьев. Я, ребята, не поэт.....</i>	345
<i>Карл Кантор. Поэзия Александра Зиновьева.....</i>	371
VIII. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: КАРТИНЫ И РИСУНКИ.....	382
<i>Александр Зиновьев. Назначить художником.....</i>	382
<i>Олег Назаров. Палитра философа.....</i>	383
<i>Ольга Зиновьева. Вместо библиографии.....</i>	385

ФЕНОМЕН ЗИНОВЬЕВА

ЛР № 040548 от 30.12.97 г.

Сдано в набор 12.08.2002 г. Подписано в печать 30.09.2002 г.
Формат 70x100/16, 400 стр., в т. ч. 32 стр. иллюстрации.
Бумага офсетная. Тираж 1100 экз. Заказ 6990

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Компьютерный набор и верстка издательства «Современные тетради»
117393, Москва, ул. Архитектора Власова, д. 51